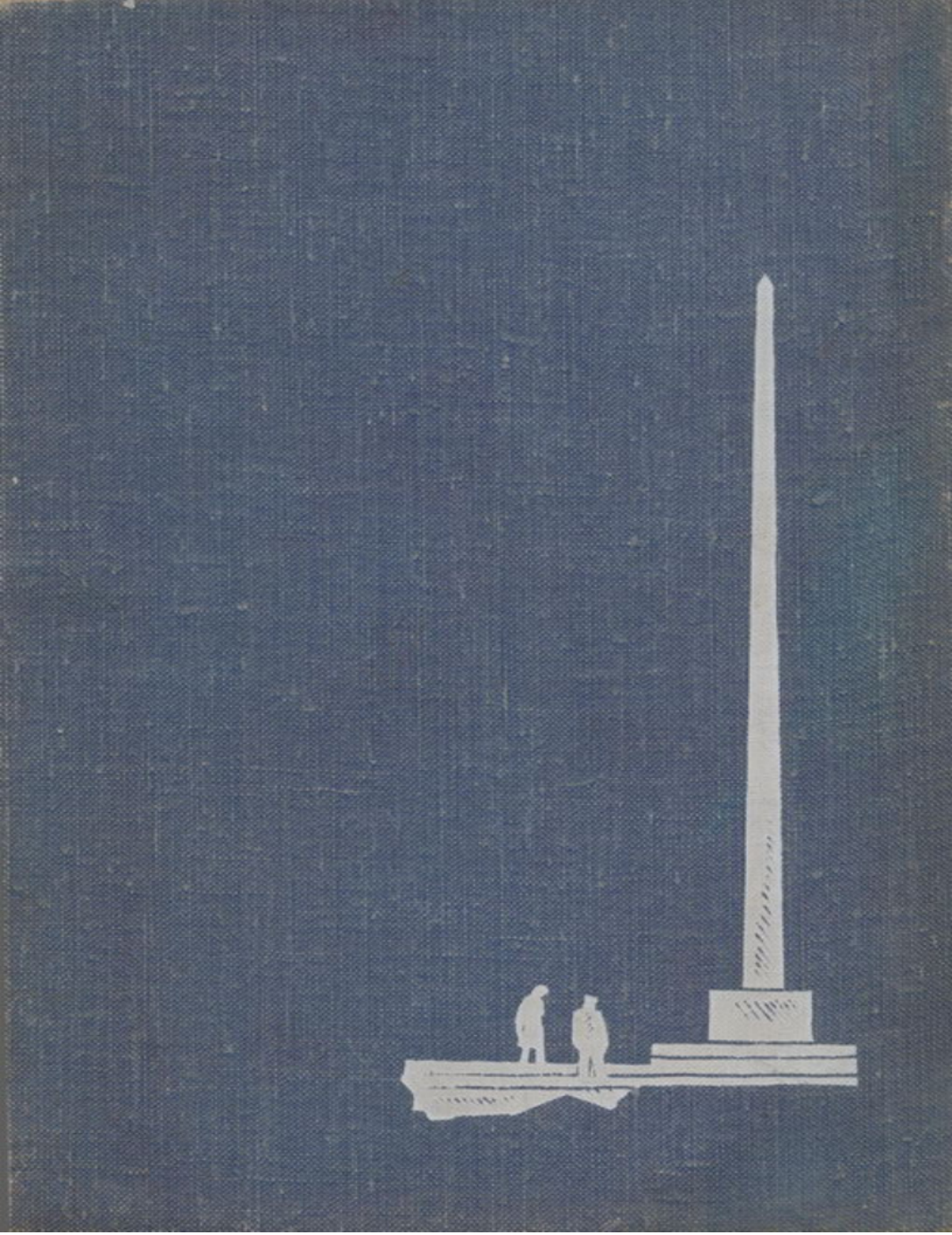


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга рассказывает о советских патриотах, сражавшихся в годы Великой Отечественной войны против германского фашизма за линией фронта, в тылу врага. Читатели узнают о многих подвигах, совершенных в борьбе за честь, свободу и независимость своей Родины такими патриотами, ставшими Героями Советского Союза, как А. С. Азончик, С. П. Апивала, К. А. Арефьев, Г. С. Артозеев, Д. И. Бакрадзе, Г. В. Балицкий, И. Н. Банов, А. Д. Бондаренко, В. И. Бондаренко, Г. И. Бориса, П. Е. Брайко, А. П. Бринский, Т. П. Бумажков, Ф. И. Павловский, П. М. Буйко, Н. Г. Васильев, П. П. Вершигора, А. А. Винокуров, В. А. Войцехович, Б. Л. Галушкин, А. В. Герман, А. М. Грабчак, Г. П. Григорьев, С. В. Гришин, У. М. Громова, И. А. Земнухов, О. В. Кошевой, С. Г. Тюленин, Л. Г. Шевцова, Д. Т. Гуляев, М. А. Гурьянов, Мехти Гусейн–заде, А. Ф. Данукалов, Б. М. Дмитриев, В. Н. Дружинин, Ф. Ф. Дубровский, А. С. Егоров, В. В. Егоров, К. С. Заслонов, И. К. Захаров, Ю. О. Збанацкий, Н. В. Зебницкий, Е. С. Зенькова, В. И. Зиновьев, Г. П. Игнатов, Е. П. Игнатов, А. И. Ижукин, А. Л. Исаченко, К. Д. Карицкий, Р. А. Клейн, В. И. Клоков, Ф. И. Ковалев, С. А. Ковпак, В. И. Козлов, Е. Ф. Колесова, И. И. Копенкин, З. А. Космодемьянская, В. А. Котик, Ф. И. Кравченко, А. Е. Кривец, Н. И. Кузнецов.

Авторами выступают писатели, историки, журналисты и участники описываемых событий. Очерки расположены в алфавитном порядке по фамилиям героев.

- Люди легенд. Выпуск первый
  -
  - ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!
  - И. Павлов, Н. Федотов
  - Б. Урбанавичус, бывший командир партизанского отряда имени Костаса Калинаускаса, Герой Советского Союза
  - А. Прокопенко, бывший заместитель командира партизанской дивизии имени Щорса
  - Вл. Павлов
  - Сергей Плачинда
  - Т. Амбарова
  - А. Бринский, Герой Советского Союза
  - О. Куприн
  - В. Ямщиков
  - Г. Зиманас, бывший первый секретарь Южного

подпольного обкома КП Литвы
- Н. Полтораков
- Н. Волостнов
- Рыгор Нехай
- Яков Баш
- И. Виноградов
- Леонид Коробов
- Станислав Ковалев, Николай Котыш
- Леонид Коробов
- Иван Золотарь
- Н. Масолов
- П. Шариков
- А. Зиначев
- Марк Максимов
- Леонид Жариков
- В. Баркан, В. Плешевеня
- Н. Хромиенков
- Имран Касумов
- О. Симонова, бывший спец. корр. газеты «Витебский рабочий» в партизанских отрядах
- Н. Ф. Королев, бывший командир партизанского соединения, генерал–майор, Герой Советского Союза
- Всеволод Клоков, Герой Советского Союза, доктор исторических наук
- Б. Стрельцов
- Павло Автомонов
- В. Агапитов
- Всеволод Иванов
- Ф. Модель
- К. Григорьев
- Александр Миронов
- В. Хазанский
- Н. Масолов
- БРАТЬЯ С КУБАНИ
  -
  - П. Игнатов
  - П. Павленко
- В. Гоголюк
- Николай Гроднев
- С. Красников
- Аркадий Эвентов
- Вл. Павлов
- А. Захарова, бывший комиссар партизанской бригады
- П. Вершигора, Серой Советского Союза

- Михась Лыньков
- Г. Фролов
- Павло Автомонов
- П. Лидов
- М. Сбойчаков
- Вл. Павлов
- Павло Автомонов
- А. Лукин, бывший заместитель командира партизанского отряда по разведке
- Фотографии

- notes
  - 1
  - 2

Люди легенд. Выпуск первый

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Знаешь ли ты, какова она — тишина на войне?

Это не та успокаивающая душу тишина, которую ты встречаешь, возвращаясь домой с работы. И не та, что стоит вокруг, когда ты сидишь с любимым человеком вечером у реки.

Спроси у старого солдата — он расскажет, что тишина на войне порой бывает страшнее самого напряженного сражения, в котором участвуют тысячи орудий, танков и самолетов.

Она бывает натянутой, как стальная пружина, готовая вот–вот лопнуть. Она бывает так густа и тяжела, что ее можно осязать. Она бывает так тиха, эта тишина, что слышишь, как шевелятся волосы на голове и как растет трава в поле…

И все существо человека до предела напруживается и натягивается под действием этой гнетущей тишины. И не всякий выдерживает испытание ею…

В судьбе людей, о которых рассказывают очерки, собранные в этой и последующих книгах, большую роль сыграла грозная тишина партизанского леса, замерших в ужасе ночных улиц в захваченных врагом городах, тишина явочных квартир и подземных катакомб.

Потому, что все они, эти люди, — партизаны и подпольщики.

О каждом из них можно безошибочно сказать, что они испытаны и тишиной и грохотом боя. А некоторые из них прошли через еще более страшное испытание в застенках гестапо.

И все они, люди разных национальностей и разных возрастов, живые и мертвые, не дрогнув, выдержали суровые и тяжкие испытания, выпавшие на их долю. И за их верность, за храбрость, за мужество, которому нет предела, за беззаветную преданность Родина отметила их высшей наградой — званием Героя Советского Союза…

По–разному сложились судьбы Героев.

Одни из них остались в живых и поныне с достоинством носят на груди «Золотые Звезды». Другие сложили головы, так и не узнав, какой высокой награды удостоились.

Разные совершили они подвиги.

Разными путями оказались во вражеском тылу.

Одни, как Виктор Ливенцев, стали партизанами, выйдя из окружения. Другие, как разведчик Николай Кузнецов и диверсант Федор Кравченко, высадились во вражеский тыл с парашютом. Третьи, как первый секретарь Черниговского обкома партии Алексей Федоров, по велению партии остались в своих областях, когда их оккупировал враг.

Так или иначе все они оказались в тылу врага, взялись за оружие и встретили бронированные гитлеровские легионы, прекрасно сознавая всю величину опасности, которой подвергали себя.

За голову каждого из них гитлеровская тайная полиция — гестапо — с радостью отвалила бы изрядную сумму денег. Да не какими-нибудь оккупационными бумажками, а настоящими рейхсмарками или долларами, а то и чистым золотом. Крупнейшие «профессора» и «академики» сверхсекретных отделов СД и абвера вынюхивали их явочные квартиры в захваченных гитлеровцами городах. Против их лесных лагерей шли в наступление отборнейшие эсэсовские части.

И если кто-нибудь из них попадал в плен, их подвергали нечеловеческим пыткам.

Но они не дрогнули, не согнулись, выстояли, одолели.

А ведь у каждого из них билась в жилах горячая кровь. И каждый из них неистребимо любил жизнь и хотел жить. И каждого где-то ждали родные, матери, отцы, любимые…

Люди, о которых рассказывают очерки этой книги, — это люди высокого долга и величайшей самоотверженности. И подвиги, совершенные ими, живут в книгах, в песнях, в легендах и всегда будут жить в памяти народной.

Но дело не только в подвигах героев этой книги — Героев Советского Союза. Дело еще более в том, что каждый из них сыграл выдающуюся организаторскую роль, направив острое оружие народного гнева в самые уязвимые места врага.

До нападения на Советский Союз Гитлер и его генералы считали, что народ оккупированных районов нашей страны не сможет оказать серьезное сопротивление бронированным фашистским армиям.

Но вот грянуло военное лихо. Гитлеровские армии пересекли наш рубеж и, воя моторами, лязгая гусеницами, по нашим исконным землям помчались, покатились в глубь страны, к самому ее сердцу — к Москве.

Советские Вооруженные Силы вступили с фашистскими ордами в жестокую борьбу. И с первых дней войны неоценимую помощь фронту стали оказывать народные мстители. В эти дни начали создаваться стратегия и тактика партизанской и подпольной борьбы. Этот раздел военной науки создавали наша партия и ее люди, оказавшиеся в тылу оккупантов. Выучке, мощному вооружению, беспощадной жестокости врага они, эти люди, противопоставили тысячи всевозможных партизанских хитростей и уловок, а лживой геббельсовской пропаганде — пламенное большевистское слово, умение личным примером

убедить людей и повести их за собой.

Те, о которых повествуют очерки, вписали в стратегию и тактику подпольщиков и партизан множество великолепных страниц.

Да и в самом деле, какая армия мира может похвастаться таким рейдом, как рейд в Карпаты, совершенный прославленным соединением украинских партизан, которым руководили замечательные партизанские стратеги — командир дважды Герой Советского Союза С. А. Ковпак и комиссар Герой Советского Союза С. В. Руднев?

Во время этого рейда, повергшего в смятение самого главного гестаповца, рейхсфюрера СС Гиммлера, под руководством которого отборные эсэсовские части из знаменитой дивизии альпийских стрелков «Эдельвейс» пытались уничтожить партизан, ковпаковцы подожгли 40 нефтяных вышек, 3 нефтеперегонных завода, 13 нефтехранилищ, взорвали 19 военных эшелонов, 14 железнодорожных и 38 шоссейных мостов и нанесли огромный урон живой силе гитлеровцев.

А в какой стране могла возникнуть такая подпольная организация, как та, что возникла в витебском местечке Россоны? Эта подпольная организация состояла из молодежи, в основном из учеников двадцатитрехлетнего учителя Петра Машерова, который и возглавлял ее. Впоследствии подпольщики, оставив в местечке и окрестных селах своих людей, ушли в лес и образовали крупную партизанскую бригаду Дубняка, комиссаром которой стал Герой Советского Союза П. М. Машеров. Эта бригада совершила в тылу врага немало дерзких боевых операций.

Об успехах партизан, о размахе народной войны в тылу врага говорят и такие цифры: к середине сорок второго года партизанское движение охватило территорию почти в 2 миллиона квадратных километров. В 1943 году с врагом сражался миллион партизан.

А о личном мужестве и изобретательности подпольщиков и партизан, удостоенных высокого звания Героя Советского Союза, не приходится и говорить.

Герой Советского Союза Елена Колесова завернула мину и заряд тола в детские пеленки. С таким «ребенком» на руках, напевая колыбельную песенку, она вышла к железной дороге и, обманув бдительность охраны, взорвала вражеский эшелон.

Руководитель нежинской подпольной организации Герой Советского Союза Яков Батюк организовывал и направлял борьбу подпольщиков, будучи слепым.

Знаменитый разведчик Герой Советского Союза Николай Кузнецов, переодевшись в форму немецкого офицера, с

подложными документами на имя обер–лейтенанта вермахта Пауля Зиберта среди бела дня убил в городе Ровно крупного гитлеровского чиновника Функа, выкрал фашистского генерала Ильгена и получил аудиенцию у самого рейхскомиссара Украины личного друга Гитлера гаулейтера Коха.

Можно было бы привести еще немало примеров блестяще задуманных и великолепно выполненных стратегических замыслов, дерзких операций и смелых налетов, совершенных под руководством и при личном участии партизан и подпольщиков — Героев Советского Союза. Можно было бы привести еще множество примеров их необыкновенного мужества и бесстрашия, неистощимой изобретательности и неистребимой веры в победу и в правоту великого дела партии, ради которого не жалели они ничего.

Перед тобой, читатель, лежит первая книга о партизанах и подпольщиках — Героях Советского Союза. В скором времени Политиздат выпустит вторую, затем третью, а потом, может быть, и четвертую.

Мы надеемся, что очерки, которые напечатаны в этой книге, и те, что будут напечатаны в последующих, заинтересуют тебя, читатель. Мы думаем, что эти очерки позволят тебе перенестись в мир напряженной, чреватой грозой и громом тишины подполья и партизанского леса, что они увлекут тебя подробностями и деталями тонкой и сложной борьбы во вражеском тылу, мужеством и бесстрашием. И мы не сомневаемся, что ты проникнешься еще большей любовью к героям, оставшимся в живых, и будешь свято чтить память тех, кто сложил голову в неравной схватке.

И если при чтении этой документальной книги ты, дорогой читатель, найдешь для себя образ «делать жизнь с кого», то это будет для нас самой большой благодарностью.

И. Павлов, Н. Федотов
ЧТОБ СПАСТИ ЖИЗНЬ…

Хорошо ходить по родной земле, когда знаешь, что она свободна, что днем она купается в щедром на теплую ласку океане солнца, а ночью в серебристом потоке звезд, которые загораются в мирной, ничем не затуманенной густосиней дали!

Родная земля! Ты наша мать, наша славная история, наше настоящее и наше будущее. Ты, и только ты, бессмертна.

Нет в мире народа, который бы не любил и не украшал свою землю, не старался ее уберечь от вероломных захватчиков. А если земля, взлелеянная его руками, политая его потом подвергается смертельной опасности, он поднимает голову, распрямляет плечи и грудью преграждает путь врагам.

Чем измерить любовь народа к родной земле? Может быть, в иных странах и есть такая мера — не знаем. Но знаем твердо: у нашего советского народа любовь к Родине неизмерима. Потому что матерью этой любви стала первая на земном шаре социалистическая революция, положившая начало действительно свободной жизни творцов всего прекрасного — людей труда.

Народ, ставший хозяином своей судьбы, всесилен. Можно уничтожить его города и села, предать огню плоды его труда, но поставить на колени, вытравить из сердца его любовь к Родине нельзя.

Эту любовь не раз пытали голодом, пулей, снарядом, бомбой — тщетно. Она не ослабевала в нашем народе, а ширилась, углублялась в его душе. Это чувство советского патриотизма подняло народ на борьбу против самого страшного врага человечества — немецкого фашизма.

* * *

Александр Семенович Азончик на партизанскую тропу, полную опасностей, вступил по зову собственного сердца. Конечно, так поступали все истинные патриоты. Но для него, жителя глубинного белорусского села, оказавшегося в первые дни войны в тылу врага, это имеет особое значение.

Он не мечтал прослыть героем–одиночкой, он хотел одного — вернуть своему народу спокойную жизнь. Во имя этого он готов был пожертвовать всем…

Жизнь его была крутой и беспокойной. Но прежде чем начать

о ней свой рассказ, мы позволим себе коротко изложить один документ. Это боевая характеристика. Она суха, в ней много цифр, но, читая ее, проникаешься истинным уважением к человеку, о котором идет речь.

Характеристика свидетельствует, что командир диверсионно–разведывательного партизанского отряда «Патриот» А. С. Азончик сам лично осуществил ряд ответственных операций, а созданный и руководимый им отряд был грозой для фашистов. Он пустил под откос много вражеских эшелонов; уничтожил десятки паровозов, сотни вагонов, платформ, цистерн с горючим; сжег три склада с фуражом и продовольствием. При подрывах, диверсиях и крушениях, обстрелах эшелонов и автомашин из засад, в стычках и в открытых боях отрядом уничтожено множество солдат и офицеров противника.

За весь период партизанской деятельности характерной чертой А. С. Азончика было то, что он всегда, везде и при каких бы то ни было обстоятельствах первым показывал пример самоотверженной борьбы с врагом.

Тов. А. С. Азончик обладает сильной волей, требовательный к себе и к подчиненным, вежливый и ласковый в обращении с товарищами, отличается чрезмерной скромностью, дисциплинирован, энергичный и находчивый. Пользуется расположением и авторитетом среди командования, товарищей, подчиненных и у местного населения, к которому в высшей степени имеет умелый подход.

За успешное выполнение боевых заданий и достигнутые при этом результаты, умелое руководство отрядом Азончику Александру Семеновичу командованием бригады вынесено 16 благодарностей.

Сухой, лаконичный документ! Ну, а если заглянуть в него поглубже, попробовать раскрыть или, точнее, оживить некоторые цифры, приведенные в нем, каким же в самом деле предстанет перед нами этот человек?

* * *

В 1939 году Западная Белоруссия объединилась с Советской. Для Александра Азончика это был настоящий праздник. Ему шел тридцать второй год, но он считал себя уже пожилым. И к тому была причина. Родившись в семье безземельного крестьянина, он с малых лет начал батрачить у польского помещика. Подневольная, рабская жизнь рано заронила в душу его ненависть к богачам.

Естественно, приход новой власти разом освобождал Азончика от всех «прелестей» польской панщины. Наконец-то он и его односельчане смогут трудиться на себя, на благо простых людей.

Счастье пришло с востока. Счастье большое и окрыляющее.

Семья у Азончика была немалая, но нужды она ни в чем не испытывала. А если и возникали трудности, то Советская власть всегда приходила на помощь. О прошлом вспоминал с отвращением. Жалел прожитые годы.

Даром пролетела молодость. Пусть будет проклят мир помещиков и панов!

Но что прошло, того не вернешь. Однако есть еще силы, есть желание учиться, надо хоть немного наверстать потерянное.

И он по мере сил своих учился, работал. Односельчане уважали Азончика. Умел он расположить к себе человека, поднять его настроение, развеять грустные мысли… В нем жила добрая черта человечности.

Когда Азончик впервые услышал о войне, он не поверил этому. «Ложь, — негодовал Александр. — Кто посмеет прервать нашу мирную жизнь? Это немыслимо».

Сел на велосипед и покатил в город Вилейку.

Там убедился, что война действительно началась. Фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз.

Азончик был ошеломлен, подавлен. Вернулся домой под вечер разбитым.

Фронт быстро приближался. Представители местной власти ушли вместе с частями Красной Армии.

Не сразу гитлеровские захватчики появились в деревне. Образовалось временное безвластие. «Что делать? Как жить дальше? — спрашивал себя Александр. — Неужели снова придется идти на поклон к помещику?» От этой мысли холодело в груди. Время повернуло вспять.

Всю ночь Азончика не оставляли тяжелые думы. На второй день к нему в дом заглянул Лука Узгорок. Немного позже — Григорий Мельников, Яков Апоносович, Дмитрий Жук, Иван Узгорок, Петр Демешкевич. Надежные друзья-односельчане. Их давно знал Александр, работал с ними еще при польских панах. Одни мысли, одни сомнения терзали их всех.

Разговор шел начистоту. Надвигающаяся опасность требовала от людей полной откровенности.

Просидели всю ночь. Обсуждались три предложения. Первое — немедленно с семьями эвакуироваться в глубь страны, там их оставить, а самим влиться в ряды Красной Армии; второе — остаться в деревне и продолжать вести свое хозяйство, дескать,

мы рядовые труженики, зачем немцам трогать нас; из центра поступит команда ударить по врагу — ударим; третье — завтра же включиться в борьбу и бить фашистов нещадно. Автором этого предложения был Александр Азончик. Он едко высмеял тех, кто решался притаиться и ждать, ждать… своей смерти. Уже теперь из соседних деревень ползли слухи один страшнее другого о фашистских зверствах.

— Нет, друзья, — говорил Азончик, — не гоже нам полагаться на доброту врага. Придут фашисты — и конец всему. Никуда мы не пойдем, но и ждать сложа руки не будем. Надо крошить непрошеных гостей, чтоб спасти жизнь.

— А где у нас патроны, снаряды, оружие? — горячился Григорий Мельников. — Где, я тебя спрашиваю?

— А что будем делать с ранеными? — разводил руками Иван Узгорок.

— А куда денем наши семьи? — ершился Дмитрий Жук.

На эти вопросы ответить было нелегко. Азончик пришел в замешательство. Он замолчал. Замолчали и остальные.

«Если бы я знал, как вести борьбу, — раздумывал Александр, — я бы ответил на все. Я бы сказал определенно. А сейчас…»

— Давайте подумаем, а через день снова соберемся у меня.

— Согласны! — ответили друзья.

* * *

Дом Азончика находился в стороне от большой дороги в глухом, заросшем кустарниками месте. В 150 метрах от дома стояла баня. Ее Азончик перестроил для жилья, здесь он в свободное время столярничал, портняжил. Это строение и стало постоянным местом сбора партизан.

Перед второй встречей с друзьями Александр почти не спал. Не зажигая лампы, он ходил по комнатке и думал о том, как лучше повести опасное дело.

Конечно, будут срывы, будут жертвы, но разве свободу можно отстоять без этого? Никаких половинчатых решений, только жестокая борьба. Но пойдут ли за ним люди, поверят ли они в неминуемую гибель врага, так щедро оснащенного боевой техникой? Азончик знал: поверят не все, в деревне есть неустойчивые люди. Это они распускают слухи, что фашисты продвигаются на восток беспрепятственно. Однако в деревне немало и настоящих патриотов.

…Со двора донеслись чьи-то шаги. Кто бы это мог быть в такую рань?

В избушку вошел отец, а вслед за ним — старший брат Николай. В 1918 году за отказ выехать в Германию немцы чуть не расстреляли обоих. Спаслись чудом. Мужской семейный совет длился недолго.

— Мой сказ, сынок, — заключил Семен Кондратьевич, — непрошеных гостей надо бить, бить, не жалея сил. Хорошее дело ты задумал. Благословляю тебя. Я тоже буду с тобой.

* * *

Александру Азончику пришлось с первых дней решать сложные вопросы, связанные с организацией борьбы против врага. Уже утром 26 июня после памятной бессонной ночи он встретил группу советских бойцов из 16 человек. Только четыре из них имели винтовки. Что с ними делать? Вид у всех был невоинский — заросшие щетиной, оборванные, голодные. Ребята пробивались от самой границы, участвовали во многих боях с немцами. Азончик поговорил с ними, накормил, а потом отвел в густой лес за деревней и попросил подождать его до следующего дня.

27 июня ночью Азончик вместе с друзьями отправился в лес. Состоялось первое организационное собрание. Александр коротко изложил план действий будущего отряда. Всем его членам дал конспиративные имена. Себя назвал Лялиным, это имя он носил с декабря 1924 по сентябрь 1926 года в панской Польше, когда был подпольщиком и боролся против помещиков.

Несколько озадачило его поведение воинов. Они не проявили горячего интереса и доверия к плану Азончика. Может быть, смущало их то обстоятельство, что Азончик сугубо гражданский человек, действовал без всяких полномочий и указаний «свыше». Правда, они не сказали «нет», но и прямо не выразили своего желания влиться в только что родившийся отряд.

Александру не хотелось терять такую силу. И он пошел на хитрость. Он попросил ребят подождать еще день.

На второе совещание Азончик пришел в форме офицера внутренних войск. Теперь его слушали с гораздо большим вниманием. Он снова изложил свой план действий, а в конце выступления заявил:

— Сегодня скажу вам, что я оставлен здесь Вилейским управлением НКВД для организации партизанской борьбы против немецко–фашистских оккупантов. Думаю, что вы не потребуете от меня документов с печатями.

— Верим, — раздались голоса.

«Да простит мне Родина это самозванство, — думал

Александр. — Для нее я пошел на этот обман. Иного выхода не вижу».

— Итак, повторяю: наш отряд будет защищать местных жителей от фашистов, пускать под откос эшелоны врага с боеприпасами, техникой и живой силой, взрывать дороги и мосты. Скоро установим связь с центром партизанской борьбы в Белоруссии.

…Лялин — Азончик и сам не мог предположить, что отряд его так быстро разрастется. Через несколько дней он насчитывал в своих рядах уже 50 человек. Затем подошло еще несколько красноармейцев и младших командиров. Из оружия имелось 25 винтовок и десятка три разных гранат. На первый случай неплохо. Прекрасно зная окрестные места, Александр через своих разведчиков следил за приближением вражеских частей. С волнением ждал момента, когда придется начать боевые действия.

И вот — 1 июля.

Разведчики донесли, что ночью по шоссе Вилейки — Долгинов пройдут вражеские колонны машин, груженные оружием и боеприпасами.

На выполнение первого боевого задания Азончик взял 24 человека. Он понимал — осечки не должно быть.

С наступлением темноты покинули лагерь. Шли ходко. Дорога была хорошо знакома. У села Гурки партизан ждали лодки. Ранним утром первая группа людей отчалила от берега. Переправа через речку Сервеч заняла не более получаса.

До шоссе добрались благополучно. Настроение у всех было приподнятое. Это радовало Азончика.

Место для засады выбрали скрытное, лесистое. День переждали, внимательно наблюдая за передвижением вражеских колонн. Машин проходило много, двигались они и малыми и большими группами. Александр лежал к шоссе ближе всех. Колонны мчались на высокой скорости. Почти на каждом грузовике сидела охрана, вооруженная автоматами. Изредка, окутанные пылью, с грохотом проносились мотоциклисты.

К полудню колонны стали появляться реже.

«Скорей бы день кончался, — думал Азончик. — Ребята утомились лежать, по себе чувствую».

А день как нарочно тянулся с расхолаживающей медлительностью. Наконец солнце опустилось за лес. Сумеречной шалью покрылась земля.

Пришла пора действовать. Внезапно Азончиком овладело волнение, но он сумел скрыть его от ребят. Еще днем Александр заметил военный провод, протянутый по деревьям вдоль шоссе.

«Нельзя его оставлять нетронутым, — решил Азончик. — В случае заварухи немцы быстро могут вызвать подкрепление». Не теряя времени, снял ботинки, полез на дерево. Вся группа подтянулась к шоссе. Кто приготовил гранаты, кто приник к винтовке. Удар должен быть стремительным.

Телефонный провод оказался не «по зубам» перочинному ножу. Пришлось слезть с дерева, взять два камня и снова забраться наверх. Только Азончик приступил к делу, как из-за поворота выкатились немецкие грузовики с прицепами.

Сильными ударами камнем о камень Александр перебил провод и буквально скатился с дерева.

Машины уже были недалеко.

— Стрелять по условленному сигналу, — бросил на ходу командир, ныряя под куст.

Но стрельба началась раньше, чем прозвучал сигнал. Слишком велико было желание расправиться с врагом.

Два грузовика, потеряв управление, сползли в кювет. Остальные на высокой скорости рванулись вперед. Охранники открыли беспорядочный автоматный огонь. Партизаны подбежали к машинам, подобрали оружие, затем подожгли грузовики и скрылись в лесу.

Так начались боевые действия отряда «Патриот». И хотя это начало было скромным, но оно сыграло свою положительную роль. Значит, и здесь можно громить врага, и здесь можно помогать нашей армии.

Боевые операции стали проводиться довольно часто. Отряд совершал налеты на немецкие колонны, уничтожал мотоциклистов. Все шло, как и предполагал Азончик.

Но вот в июле прошел слух, что фашисты захватили Смоленск и устремились к Москве. Скоро этот слух подтвердился. Среди партизан нашлись люди, которые прямо заявили командиру, что они дальше в отряде оставаться не хотят.

— Почему? Вы считаете, что теперь сопротивляться бесполезно? — спросил их Азончик.

— Нет, — ответили они, — воевать надо, только не так, как воюем мы.

— Не понимаю…

— Чего тут непонятного: мелкие укусы фашистов не испугают. Надо пробираться к своим.

— Ошибаетесь, дорогие товарищи, — сохраняя спокойствие, возражал Азончик. — Фашистов надо бить всюду — на передовой и в тылу. Если каждый из партизан уничтожит хотя бы одного вражеского солдата, это будет огромной помощью для Красной Армии…

И все же с Азончиком многие солдаты не согласились. С болью в сердце он решил отпустить их, назначил старшего, снабдил продовольствием и указал надежную дорогу на восток.

Отряд поредел, но не распался.

Азончик и его друзья действовали очень осторожно. Даже в своей деревне жители, за исключением, конечно, ближайших сподвижников Александра, не знали, кто стоит во главе партизанского отряда, о дерзких налетах которого уже говорили во всем районе.

Когда свои люди сообщили Азончику, что за партизанами фашистские ищейки установили слежку, он утроил осторожность. Теперь новичков принимали в отряд после строгой и тщательной проверки. Опыт показал: лучше иметь маленький отряд, но спаянный нерушимой дружбой и всегда готовый к любым испытаниям, чем большой, но лишенный и дружбы, и дисциплины, т. е. тех качеств, без которых нет и не может быть боевой единицы.

…Недолго горевал Азончик по ушедшим людям. За короткий отрезок времени к нему пришли 24 человека из жителей окрестных деревень и несколько бывших красноармейцев. Для диверсионных операций этого было вполне достаточно.

Во многих селениях Азончик имел верных людей. Через них он своевременно узнавал: какие вражеские части появлялись в районе, кто из полицаев выслуживался перед гитлеровцами, кого из местных крестьян надо освободить из-под ареста или избавить от фашистской каторги.

С каждым днем расширялся радиус действия отряда. Жизнь ставила перед ним самые разнохарактерные задачи.

…Оккупанты собрали по району 80 коров и намеревались их отправить в Германию. Азончик поручил своему товарищу Якову Апоносовичу сорвать угон скота. И партизан блестяще справился с этим делом. Из-под носа врагов темной ночью он угнал коров.

Гитлеровцы поставили на ноги всех своих прислужников и приказали им найти похитителей скота. Какой-то предатель назвал фамилию Апоносовича.

Партизана бросили в гестаповскую тюрьму. Ему грозила смерть. На допросах от Якова требовали назвать имена сподвижников и командира отряда. Враги использовали все: пытки, шантаж, подкуп.

— Что тебя связывает с Советской властью? — спрашивали его палачи. — Ты жил с ней считанные годы.

— Вам этого не понять, — отвечал Яков.

Азончик был уверен в несокрушимой твердости своего друга и во что бы то ни стало решил вызволить его из тюрьмы.

Александр посоветовался с товарищами, разработал план спасения. Ему удалось передать Якову записку, в которой пояснил, когда и как он может обмануть стражников, где найдет товарищей.

Побег удался. Партизаны с радостью встретили Якова. Азончик назначил его комиссаром отряда. И не ошибся. Дядя Яша, как стали называть ребята Апоносовича, был человеком душевным, смелым и справедливым в оценке поступков людей.

Народная молва о партизанских налетах перелетела границы района. Имя командира Лялина уже хорошо знали в деревнях. Но кто он, откуда прибыл, об этом ведали только сподвижники Александра. А настоящая фамилия его была известна лишь очень немногим партизанам.

Отряд из месяца в месяц наращивал удары. Действовали малыми группами. Сам Александр брал на себя наиболее опасные задания.

В начале августа он вместе со своим братом Николаем и односельчанином Лукой Узгорком разрубили топором в пяти местах телефонный кабель, соединявший передовые немецкие части с верховным гитлеровским командованием. Спустя неделю в том же составе и тем же способом они вывели из строя шоссейную двухлинейную гражданскую связь на тракте Долгиново — Вилейка. Через некоторое время Азончик с другой группой подстерегает колонну автомашин…

Активность партизан каждый раз приводила фашистов в бешенство. Свою злость они, как правило, срывали на мирном населении.

— Кто этот Лялин? — спрашивали гитлеровцы у арестованных. — Где он скрывается?

Но Лялин со своими помощниками был неуловим. После целого ряда диверсий партизаны расходились по домам и продолжали заниматься хозяйственными делами. Поди тут угадай, кто из них вчера разрубил провод, «обезвредил» фашистского прихвостня, или вырыл на шоссе «волчьи» ямы, ставшие могилой для нескольких грузовиков с боеприпасами и охраной.

* * *

Александру Семеновичу Азончику приходится выступать перед Молодежью.

— Когда я рассказываю, как мы резали провода, охотились за фашистами, подкарауливали вражеские автомашины, —

вспоминает он, — то в глазах отдельных слушателей появляется веселый огонек. Да, да, именно веселый. Им кажется, что вывести из строя телефонный кабель, подложить под рельсы мину не такое уж рисковое дело.

…Вывести из строя телефонный кабель — простая операция? Нет, это не так. Военный телефонный кабель всегда тщательно маскируется. За ним ведется непрерывное, а главное, скрытное наблюдение. Кроме специальных людей — линейных надсмотрщиков фашисты расставляли автоматчиков, снабженных мотоциклами. Вот теперь не трудно представить себе, легко ли было партизанам вывести из строя кабель.

А если к этому прибавить, что подобные операции проводились довольно часто, то смелости и находчивости наших партизан можно только позавидовать.

В конце 1941 года Азончик нацелил свой отряд на диверсии по уничтожению вражеских железнодорожных эшелонов. Впрочем, не были исключены из «программы» действий и налеты на автоколонны.

В беседе с ближайшими товарищами Азончик предложил первые операции провести на участке железной дороги между станциями Поставы — Крулевщизна. Выбор этот был не случаен. Дело в том, что через Поставы часто следовали эшелоны врага с боеприпасами и живой силой.

Надо было нарушить это движение. Но как это сделать? Партизаны не имели ни взрывчатки, ни гранат. Азончик нашел простой выход. Он разыскал разводной ключ, случайно сохранившийся еще с первой мировой войны, и сделал лапу для вытаскивания костылей.

На исходе хмурого осеннего дня Александр в сопровождении Апоносовича, Каптюга и Жука вышли на железнодорожное полотно. Никем не замеченные, они сразу же направились вдоль путей. Примерно в километре от станции Поставы партизаны нагнали путевых обходчиков, которые проверяли исправность дороги.

— Их надо задержать, — сказал Азончик. — И подольше. Мы с комиссаром займемся рельсами, а вы — обходчиками. Разговор ведите мирный, ну, а в случае чего… Словом, понятно. Каптюг и Жук остановили железнодорожников и попросили у них закурить.

— Далеко следуете? — поинтересовался один из обходчиков.

— Да нет, вот в эту деревню. Телку там присмотрели, — нашелся Жук. — А что, ребята, достается вам? Новое начальство небось строгое?

— Всяко бывает, — махнул рукой второй обходчик, зажигая

спичку. — Так ведь мы маленькие люди.

— У нас тут более или менее спокойно, — включился в беседу Каптюг, выдыхая облачко дыма…

Пока шел этот ни к чему не обязывающий разговор, Азончик и Апоносович достигли середины поворота, принялись за работу. Мокрые и заржавевшие гайки сначала плохо поддавались Александру. Комиссар вытаскивал лапой костыли. У него дело спорилось. Однако скоро и Азончик приноровился. Отвинченные гайки он бросал далеко в сторону.

Издали послышался нарастающий гул. Поднявшийся ветер мешал точно определить: поезд идет или летит самолет.

Азончик и Апоносович заторопились. Хотелось освободить рельсы от крепления на более длинном расстоянии. Покрасневшие лица партизан заливал пот. Взмокли рубашки.

— Поезд! — крикнул Александр.

— Сам слышу, — буркнул Яков и, выдернув еще один костыль, прыгнул под откос.

За ним последовал командир.

Эшелон точно змея выползал из-за желто–зеленой стены леса. Здесь, на крутом изгибе опытные машинисты всегда чуть притормаживали. Но немец–машинист, видимо, плохо знал профиль пути.

Выгнувшись дугой и не сбавляя скорости, эшелон приближался к партизанской «отметке».

Азончик и Апоносович успели отбежать от дороги на порядочное расстояние и залечь в канаве. А Жук и Каптюг в это время все еще беседовали с обходчиками.

Рельсы разошлись не сразу, а под пятым или шестым вагоном. Состав будто надломился, потом какая-то сила подбросила вверх один вагон и метнула в сторону. Впереди идущие вагоны зашатались, мгновение — и они рухнули.

Первая удача на железной дороге окрылила отряд Азончика.

Как только немцы восстановили движение поездов, партизаны предприняли новую диверсию. На этот раз Азончик взял с собой восемь человек, в том числе Луку Узгорка, Григория Мельникова и Петра Демешкевича. Выбрали лесной участок дороги вдали от жилья. Расставив наблюдателей с обеих сторон, Азончик приказал двоим товарищам перерезать линии связи, а сам с Демешкевичем принялся отвинчивать гайки и вытаскивать костыли. Мало успели сделать. Наблюдатели подали сигнал: «немедленно уходить».

Со стороны станции Новогрудок шел состав. Это крайне удивило Азончика. По ранее полученным сведениям эшелон с боеприпасами и живой силой должен был появиться здесь самое

маленькое через два часа.

«Откуда же взялся этот? — удивлялся командир. — Неужели для проверки исправности пути? »

Состав был небольшой. Разбитые и пустые вагоны неистово дребезжали и лязгали сверкающими буферами. На вагонных площадках — ни единого человека. Казалось, и на паровозе никого нет. На партизан состав произвел угнетающее впечатление. Один из партизан, провожая его грустным взглядом, обронил:

— Словно на тот свет мчится.

— Нет, браток, его мы пропустим, — Азончик встал, стряхнул с пальто прилипший снег. — А вот следующему обязательно откроем семафор в преисподнюю.

. Вернулись к путям. Работа была знакомая, много времени не потребовала. Быстро раскидали по сторонам гайки и костыли, отошли к опушке леса. Всем хотелось посмотреть, как произойдет крушение.

Надвинулась темная, морозная ночь. Не сильный, но жгучий ветер пронизывал до костей. Медлительны зимние ночи. Однако у партизан хватило выдержки дождаться рассвета. А на рассвете в серых и липких сумерках возник черный коробок паровоза с золотыми космами искр.

…Под тяжелым составом рельсы разъехались мгновенно. Эшелон целиком без задержки пошел под откос.

* * *

Так кто же такой Лялин? Где он скрывается? В поисках неуловимого партизана–подпольщика фашистские ищейки сбились с ног. Впрочем, однажды они напали на его след, но Азончик пустил по деревням слух, что в бою под Вильнюсом Лялин сложил голову. Слух этот долго не продержался, ведь отряд-то жил, действовал.

В конце 1941 года партизан постигли тяжелые несчастья. Ищейкам гитлеровцев все же удалось пронюхать о том, что Азончик связан с местной подпольной организацией.

Глубокой ночью фашисты обложили дом Александра…

Резкий стук в окно. Старик отец сразу понял, кто пожаловал в гости. Не торопясь, слез с печи, натянул ватник, разбудил сноху.

— Чуешь, кто явился? — спросил у нее старик. — Надо предупредить Сашку.

Александр спал в бане.

Захныкали проснувшиеся дети.

— Где твои сыны, красные бандиты? — гаркнул полицай, вваливаясь в горницу с облаком морозного воздуха.

— Кто ж их знает, где они, — не выражая беспокойства, ответил старик. — С утра подались на поиски работы.

— Врешь, старый черт! — орал полицай, размахивая пистолетом. — Врешь! Говори правду, а не то…

— Вот как перед богом, так и перед вами, мои спасители.

Старик явно пересолил. Даже полицай и тот возмутился:

— Но, но, ври поскладней, а не то…

Между ног гостей проскользнула старшая дочка Николая — Галина. Никто на нее не обратил внимания. Она стремглав бросилась к бане… и через минуту возвратилась в горницу.

Предупрежденный Александр полураздетым выскочил в лес и провел там остаток ночи. Утром, посиневший от холода, вернулся домой. Не успел обогреться, как прибежала соседка и передала страшную весть:

— Милые, сегодня на рассвете в деревне Костеневичи изверги расстреляли вашего Николая и Григория Петровича Мельникова.

Семьи лишились отцов, кормильцев, а командир отряда — лучших боевых помощников.

«Дорого вы, фашистские подлецы, заплатите за Николая и Григория, — негодовал Азончик. — Не торжествуйте».

Трупы расстрелянных гитлеровцы разрешили захоронить только на четвертый день и то не на кладбище.

Говорят, неудачи в одиночку не ходят.

Внезапно наступившее похолодание вызвало новые трудности. В лесу жить стало невыносимо, нельзя было появляться и в ближайших селах: Речки, Костеневичи, Курене, на станциях Княгинин, Кривичи и в городе Вилейке. Там размещались вражеские гарнизоны. Выход был один — уйти в отдаленные места или в Русаковскую пущу…

После долгих раздумий Азончик принял иное решение. Бойцов отряда (а их к этому времени насчитывалось 92 человека) он разместил по квартирам надежных людей под видом военнопленных. Сам Азончик и комиссар Апоносович тайно проживали то у себя дома, то у знакомых. Связь они осуществляли через своих помощников — Жука и Узгорка.

Распыленность партизан по многим населенным пунктам, бесспорно, ослабила их действия. Точнее сказать, изменила характер борьбы. Всю зиму партизаны добывали оружие и боеприпасы, организовывали саботаж против немецких мероприятий, проводили разъяснительную работу среди местного населения, рассказывали о преступлениях и кровавых злодеяниях врага на советской земле, о боевых действиях Советской Армии.

Лично Азончик написал более 60 воззваний к населению и около 400 листовок, обращенных к немецким солдатам. Воззвания и листовки вывешивались на самых видных местах, даже на зданиях, где жили гестаповские начальники.

Первой военной зимой Азончик остался недоволен. Гитлеровцы очень быстро раскусили, что это за военнопленные живут по домам. Начались преследования, аресты. Чтобы спасти людей от пыток и расстрела, он сколотил отряд из 64 человек, снабдил его оружием и отправил в Минскую область, где, по поступившим к нему сведениям, действовали крупные партизанские соединения.

Расставание было трогательным. Но что поделаешь, иного выхода спасти бойцов он не видел.

В тот же день друзья искренне посоветовали ему:

— Уходи и ты, Александр. За тобой следят гестаповцы.

— За кого вы меня принимаете? — вспылил Азончик. — А еще боевыми друзьями называетесь. Знайте, никуда я не пойду из родных мест. Здесь мне каждое дерево, каждый кустик помогает. Ну, а если погибну, то так тому и быть. Сколько сейчас гибнет людей за нашу Родину. — Успокоившись, он тихо сказал: — Одно меня тревожит: до сих пор мы не могли установить связи с каким-нибудь другим, крупным партизанским отрядом.

…И опять начали взрываться и гореть вражеские эшелоны и автомашины, опять загремели по ночам партизанские залпы, опять гитлеровцы услышали грозное имя Лялина.

Весну 1942 года лялинцы ознаменовали крупной диверсией на станции Княгинин, затем… Пожалуй, нет надобности перечислять все подвиги партизан. Конец весны был для Азончика и тяжким, и радостным. Тяжким потому, что гестаповцы арестовали его отца и беременную жену. Правда, после допроса и пыток их отпустили. Радостным потому, что в это время наконец-то Азончик встретился с бойцами партизанской бригады «Борьба».

Оказалось, что штаб партизанского движения Белоруссии знал о боевых действиях отряда «Патриот». Предпринималось несколько попыток установить связь, и вот одна из них увенчалась успехом. Группа бойцов с трудом обнаружила командира неуловимого отряда «Патриот». Посланцы рассказали Азончику и его друзьям о последних новостях на фронте, о широком партизанском движении в Белоруссии. Они поделились с ними взрывчаткой, научили пользоваться капсюлями, бикфордовым шнуром, минами. Все это было чрезвычайно важно для партизан Азончика, ибо до этого они не имели представления о пользовании взрывчаткой.

Двадцать дней группа бригады «Борьба» совместно с отрядом

Азончика вела борьбу с фашистами. Это был наглядный практический урок. Затем группа, тепло распрощавшись, ушла к себе на базу, в восточные области, за Минск.

Азончик радовался. Теперь можно бить гитлеровцев еще успешней!

В разгар лета отряд Александра Азончика встретился с партизанской группой 1–го Белорусского особого отряда, прибывшей из восточных областей Белоруссии в Молодечненскую пущу для развертывания партизанской борьбы. Командиром этого отряда был капитан Черкасов. С ним Азончик встретился позже: они понравились друг другу. Отряд Азончика влился в отряд Черкасова.

Азончик продолжал действовать в прежних обжитых местах, но уже более организованно и по общему плану отряда. А когда этот отряд вырос в бригаду имени Буденного, Азончика назначили начальником особого отдела и одновременно оставили командиром отряда «Патриот».

В июле 1942 года первичная партийная организация бригады приняла А. С. Азончика кандидатом в члены ВКП(б). Это был большой и значительный шаг в его жизни.

Получая кандидатскую карточку, Александр Азончик сказал коротко:

— Доверие оправдаю.

Он словно помолодел. Даже близкие друзья удивлялись: что с ним происходит? Когда же он отдыхает? Как-то спросили его об этом, Азончик, не задумываясь, отрезал:

— Когда Родина в огне, спать некогда.

Спать некогда! Это был девиз храброго патриота.

В декабре 1943 года его приняли в члены нашей Коммунистической партии. А 1 января 1944 года радио принесло волнующую весть: Указом Президиума Верховного Совета СССР ему присвоено звание Героя Советского Союза.

* * *

Хорошо жить на счастливой советской земле, на земле великого народа, освободившего мир от коричневой чумы. В тяжелых боях добыто это счастье. Именно поэтому им дорожит наш народ. Именно поэтому он вечно будет славить своих бесстрашных сынов, к которым принадлежит и ныне здравствующий Александр Семенович Азончик.

Б. Урбанавичус, бывший командир партизанского отряда имени Костаса Калинаускаса, Герой Советского Союза НАГРАДА

В конце декабря 1941 года из литовцев, успевших эвакуироваться в глубь нашей страны, была создана литовская национальная дивизия. Там оказался и Станислав Петрович Апивала. Но впервые встретиться с ним в годы войны мне довелось в партизанской школе, где я работал инструктором.

Быстро текли дни, заполненные напряженной учебой. Ведь для того, чтобы, оказавшись в тылу врага, успешно бить его, одной ненависти недостаточно. Надо еще знать партизанскую технику: уметь владеть захваченным у врага оружием.

В один из августовских дней 1942 года с группой литовских патриотов Станислав Петрович перешел линию фронта и, преодолевая большие трудности, пробрался на литовскую землю. Потом в тыл врага собралась другая партизанская группа, в которой были Марите Мельникайте и я. Мы приехали на аэродром. Здесь нам сказали: «Когда приземлитесь в белорусском партизанском крае, вас встретит товарищ Сергей Григас». Кто он был такой, мы не знали.

Перелет прошел удачно. Вскоре в одной деревушке, которая раскинулась на опушке небольшого леса, мы увидели человека с мужественным загорелым лицом. Вы, наверно, догадываетесь, что это был Станислав Апивала.

— Сергей Григас, — представился он каждому из нас, хотя хорошо знал, что нам известно его настоящее имя.

Здесь уместно хотя бы кратко познакомить читателя со Станиславом Петровичем Апивала.

Нелегкое детство было у Станислава. Семья жила впроголодь. И чтобы заработать на кусок хлеба, мальчик нанимался к богатым хозяевам пастухом. Приходилось переносить оскорбления, а порой и побои. Страшная обида переполняла душу.

— Потерпи, потерпи еще немного, сынок, — уговаривала его мать. — Уходить нельзя. Что будем делать зимой?

И вот радость. Этот день останется в памяти навсегда: 17 сентября 1939 года. Вместе с другими бедными крестьянами Станислав выбежал встречать Красную Армию.

Жизнь быстро стала налаживаться. Юноша вступил в комсомол. Все силы отдавал строительству новой жизни.

Но радоваться пришлось недолго. Артиллерийская канонада, взрывы авиабомб возвестили, что началась война.

Сердце Станислава наполнилось ненавистью к врагу. Он все чаще задавал себе вопрос: что предпринять на случай, если гитлеровцы придут сюда?

В Швенченском уезде стали появляться вражеские парашютисты. Вместе с товарищами Станислав смело вступал с ними в борьбу, разоружал и передавал нашим войскам. Фронт приближался. Люди, бросая все, уходили на восток. Станислав в числе последних покидал Швенченис. Он даже не успел забежать в родную деревушку Криконис, чтобы проститься с родителями.

Мрачные, с опущенными головами, с детьми на руках, беженцы шли по дорогам. А над ними кружили фашистские стервятники, сбрасывая смертоносный груз. Горели дома, и черный дым разъедал глаза. На обочинах и в придорожных канавах лежали трупы убитых женщин, стариков, детей. Невыносимо тяжело было видеть эту страшную картину. Руки невольно сжимались в кулаки, а сердце подсказывало: этого нельзя простить! Гитлеровцы должны ответить за смерть, за страдания невинных людей…

Вместе с Григасом мы стали пробираться к литовской земле. Шли преимущественно ночами, по обожженной белорусской земле, пока не оказались в Козянском лесу. Тут мы повстречались с руководителями литовского партизанского движения товарищами Шумаускасом Мотеюсом Иозовичем, Зиманасом Генриком Ошеровичем, Домасом Роцюсом и другими.

…В один чудесный летний день партизаны из отряда «Вильнюс» построились на опушке. Подошел комиссар бригады «Жальгирис» Домас Роцюс (псевдоним Башкис) и сказал:

— Идите, дорогие, в свои родные места. Там вы сможете больше уничтожить гитлеровцев. С вами пойдет опытный и уже закаленный в боях командир Григас.

Партизаны повернулись в сторону Станислава Петровича. Он был строг и серьезен. Руки его крепко сжимали автомат.

Ночью мы перебрались в Адутишский лес, в котором и началась наша боевая жизнь.

Однажды группа из семи человек отправилась на диверсионную работу. Мы должны были заминировать железнодорожное полотно. Когда до железной дороги оставалось километров десять, Григас остановил нас в кустах, приказал наломать еловых веток и замаскироваться. Тут мы должны были пробыть целый день. Притихшие и настороженные, лежали в лесу, а издалека доносились звуки проходящих вражеских поездов.

— Спешат на Ленинградский фронт, — объяснил командир.

— Сегодня ночью за дело. — Потом он обратился ко мне: — Оставь все лишнее. Пойдем в разведку.

Григас закатал рукава белой рубашки, в один карман брюк положил две гранаты, в другой — заряженный пистолет. Я последовал его примеру. Затем мы пошли по сосновому лесу. Шли спокойно, не торопясь, словно собирали ягоды.

А вот и железнодорожное полотно. Видно, как блестят рельсы. Залегли под разлапистой елью и стали наблюдать.

Спустились сумерки. Григас отправился за остальными товарищами. Когда стало совсем темно, мы все лежали, прижавшись к земле. А совсем рядом мимо нас через каждые 15–20 минут проходили вражеские поезда.

Григас шепотом отдает команду: «Володя Курмялис (псевдоним автора этих строк) с Владасом Бовшисом ставят мину. Станислав Бурокас с пулеметом прикрывает правую сторону… С другой стороны с автоматом — Ядвига Высоцкайте. Алексеев и Клушин, если появятся фашисты, будут стараться снять их без всякого шума».

Невдалеке послышался шум приближавшегося поезда.

Ночь была теплая, небо темное–темное. Осторожно ползем на высокий железнодорожный откос. Владас Бовшие несет 20 килограммов толу, а я — мину и капсюль–детонатор. Место, кажется, выбрали удачное. На откосе — деревянные ступеньки, внизу — цементная труба, по которой течет маленький ручеек.

Руки коснулись рельсов. Теперь осторожно. Закладываем мину под шпалу.

Командир приказывает: «Отходим, бежим с километр влево, ставим еще одну мину!»

Побежали. И вдруг слышим — идет поезд. На насыпи из темноты вынырнули три фигуры, но они нас не видят. «Фашисты! Заметят или не заметят?» Почти не дыша мы прижались к земле.

Фашисты что-то кричали, иногда давали по сторонам автоматные очереди. Прошли. Отлегло. Теперь шум поезда слышен совсем ясно. Григас командует: «Минировать».

Через минуту мина уже установлена. Быстро уходим.

Успели пробежать метров сто — сто пятьдесят. Поезд совсем близко. Залегли. Сердце замерло. Еще мгновение, и раздастся взрыв. Но… поезд прошел, а взрыва нет. Что же случилось?

Григас приказывает: «Быстро к железной дороге!» Подползаем и видим: электропровод перерезан колесами, прижат к рельсам, и замыкания не произошло.

Осторожно выдергиваем электрический капсюль–детонатор. Извлекаем заряд. Но не все еще потеряно: ведь там впереди — вторая мина. Но и вторая мина не взорвалась… Отчаяние

невозможно передать. Отходим молча, подавленные. Пройгли по лесу примерно восемь–девять километров. Станислав Петрович остановил нас.

— Переждем, — спокойно сказал он. — А ночью попробуем поставить новую мину.

Шел дождь. Голодные, усталые и мокрые, мы уснули на сырой земле. А рано утром вскочили, услышав взрыв. Оказалось, что на нашей мине взорвался вражеский эшелон.

Командир радостно воскликнул: «Поздравляю с боевым крещением». Движение поездов остановилось на несколько часов. Замаскировавшись в кустах, мы с нетерпением ожидали ночи.

А с первой звездочкой, появившейся над нашими головами, Станислав Петрович сказал: «Ударим еще раз!»

На этот раз вышли к железнодорожному полотну в другом месте. Заняли оборону, командир и я бесшумно подползли к рельсам и заложили мину.

Отползли метров на сто. Один из нас взялся за конец шнура и держит, ожидая, когда вражеский эшелон подойдет к мине.

Из-за поворота показался эшелон. Даже услышали, как гитлеровцы горланили песни. Лежим за спиленной сосной, прижались к земле. Когда паровоз наехал на нашу мину, дернули шнур. Раздался взрыв!..

Мы отбежали километра два и услышали паровозные гудки. Это шел встречный поезд из Швенчионеляя. Через несколько минут он на полной скорости врезался в обломки взорванного нами неприятельского эшелона.

Так за двое суток нам удалось двумя минами уничтожить три состава.

— Хорошее начало! — радовался наш командир Григас.

Только тут мы вспомнили, что за два дня почти ничего не ели. Подошли к деревне Першукшта. Крестьяне дали нам хлеба и молока. Мы очень спешили, до утра надо было во что бы то ни стало проскочить в Лынтупские леса. Но рассвет застал нас вблизи озера Окуляры.

— Остановимся здесь, переждем, — говорит командир.

Только мы свернули в кусты, как увидели неизвестного человека, который пас лошадь. Подошли к незнакомцу.

— Документы! — строго потребовал Бурокас.

Испуганный незнакомец ответил:

— Какие документы? Я лошадь пасу.

— Хорошо, паси. Только никому ни слова.

— А мне что за дело.

Мы скрылись в кустах. Но вскоре поняли, что гитлеровцы нас окружают. Значит, предал нас пастух.

Что делать? Мы смотрели на своего командира. Григас был спокоен. Он приказал: «Без огня отходить на север!» Мы скрылись в Лынтупском лесу.

…В конце августа 1943 года гитлеровцы стали стягивать к Адутишскому лесу войска. Хотели застать нас врасплох. Трудно бы нам пришлось, если бы не наш связной Александр Валенис. Его дом стоял около леса.

Заметив приближение гитлеровцев, Саша вместе с женой Винцентиной решили предупредить партизан об опасности. Они прибежали к нам и только успели сказать: «Спасайтесь! Окружают!», как началась стрельба. Мы залегли в густом и довольно болотистом лесу.

Командир отряда «Вильнюс» Григас приказал открыть огонь по приближавшимся гитлеровцам. Началась перестрелка. Враги наседали. Их было больше. Решили отходить. В этот момент Станислава Петровича тяжело ранили разрывной пулей в левую ногу. Надо было спасать командира. Но и теперь, раненный, он не прекращал руководить отрядом. Григас приказал троим партизанам — Федору Алексееву, Павлу Клушину и Ипполиту Шабану — отойти вправо, к болоту, открыть огонь из пулемета и автоматов и тем самым отвлечь на себя огонь врага, чтобы дать возможность подальше отойти остальным партизанам.

Но что делать с командиром? Нет, он не должен попасть в руки врага. Мы его спрятали в густых зарослях и прикрыли мохом и травой. А неподалеку, в болотных кустах, с автоматом замаскировалась Валентина Лаврентьевна Биржайте.

Гитлеровцы догоняли партизан. Вот они совсем рядом е Григасом. Неужели увидят? Нет, проскочили мимо.

Трое партизан около часа мужественно вели бой с врагом. Кольцо сжималось. Уже не осталось патронов. Но есть еще гранаты. Нет, они не сдадутся. Спасут командира и своих товарищей. Так погибли три бесстрашных партизана — Федор Алексеев, Павел Клушин и Ипполит Шабан. Погибли, но ценой своей жизни спасли отряд.

Сколько ни прочесывали фашисты Адутишский лес, но так и не смогли обнаружить партизан и с наступлением темноты вынуждены были оставить лес.

А что с Григасом? Валя перевязала ему рану. Когда стемнело, пошла в деревню Антоны и, узнав, что гитлеровцы ушли, попросила лошадь, чтобы перевезти раненого в большой Казанский лес. Тут, в партизанской бригаде «Жальгирис», его и принял хороший врач Александр Куцевалов, который заботливо стал ухаживать за раненым Станиславом Петровичем.

Гитлеровцы не успокоились. Они стали подтягивать войска,

чтобы блокировать Казанский лес.

Было решено вывести большинство партизанских групп в глубь Литвы, в маленькие леса. А командир? Его — долечивать в Казанском лесу. Вырыли секретную землянку, где и поместили командира.

Большая группа немецких войск окружила Казанский лес и начала обстреливать из артиллерийских орудий, бомбить с самолетов. Затем фашисты стали прочесывать лес участок за участком. Временами совсем близко подходили к замаскированной землянке, где спрятались Григас, Лашенков, Куцевалов и Мейлус, которые порой даже слышали голоса врагов.

Так продолжалось более месяца. Полуголодные партизаны ранним утром 17 октября 1943 года вылезли подышать свежим воздухом.

Вокруг было спокойно. Пошли туда, где находилась база бригады «Жальгирис». И тут увидели комиссара бригады Домаса Рацюса — Башкиса. Он встретил партизан с веселой улыбкой.

— Ушли! — спокойным голосом сказал он. — Но будем снова сколачивать силы для борьбы с фашистами.

Только расположились — одни принялись готовить завтрак, другие мылись, меняли белье, — как вдруг появились фашисты, открыли огонь. Пришлось отходить. Немцев было очень много, они стали преследовать партизан.

Григас быстро идти не мог. Он отошел немного в сторону, в болотистое место, и спрятался за корнями вывороченного дерева.

А фашисты идут и идут. Вот они уже совсем близко…

Потом Станислав Петрович рассказывал, что он пролежал в грязи более трех часов. А когда почувствовал, что совсем окоченел, вылез и тут же увидел мертвого партизана Якубониса, а немного дальше и своего адъютанта Васю Лашенкова, который был еще жив, но под утро скончался.

Прикрыв ветками своих боевых товарищей, командир медленно шел по Казянскому лесу. Шел до тех пор, пока не увидел горящий костер…

Вскоре Северный подпольный обком Коммунистической партии Литвы утвердил Григаса — Апивала первым секретарем Швенченского подпольного уездного комитета КП Литвы. Организуя на литовской земле партийные, комсомольские, антифашистские комитеты, Апивала поднимал местное население на борьбу с немецкими оккупантами. Партизаны принимали по радио сводки Совинформбюро, печатали призывающие к борьбе листовки, прокламации и распространяли их среди жителей.

В июле 1944 года в Швенченском уезде уже действовало

шесть партизанских отрядов: «Вильнюс», «Жальгирис», «Витаутас», «Бичуляй», «Перкунас» и имени Костаса Калинаускаса, которые провели немало боевых операций.

Вот как была проведена операция против гитлеровского крейскомиссара Фрица Оля и его заместителя Эрста Гейнемана. Несколько раз Апивала пробирался в город Швенченис, пока не выяснил, что с Олем и Гейнеманом можно покончить только днем, так как ночью весь гитлеровский гарнизон поднимался на ноги.

Партизаны переоделись в длинные крестьянские шубы и в базарный день рано утром на санях поехали к центру города. Мимо них, ни о чем не подозревая, проходили фашистские солдаты. Около здания крейскомиссариата стоял с автоматом часовой.

Повозки остановились. «Крестьяне» деловито подправили сбрую, двое — Андрукайтис и Дварионас — направились к дому. Они разговорились с часовым, и тот, убедившись, что перед ним крестьяне, сказал: начальников Оля и Гейнемана нет.

— Раз пана крейскомиссара нет, — громко сказал Андрукайтис, — так пойдем в ресторан.

Вечером партизаны рассказали о своей неудаче Станиславу Петровичу. Он снова отправился в город и точно установил день, в который можно проводить операцию.

…Раннее утро. Холодный ветер метет поземку.

Станислав Апивала уточняет детали операции.

Партизаны выехали на дорогу и, смешавшись со спешившими на базар крестьянами, стали приближаться к городу. Проехав по главным улицам, сани остановились около здания крейскомиссариата. Там уже стояло много саней.

Андрюкайтис и Дварионас пошли к зданию. За ними — Семенов и Баушис с большим мешком за спиной. Вот просторный двор, обнесенный проволочной сеткой. У входа — часовой. Он останавливает Баушиса, ощупывает мешок и, убедившись, что там куски сала, «подарок» фашистам, одобрительно кивает: «Гут, гут! Комрад».

Дело в том, что начальник Фриц Оль очень любил принимать подарки. Это могли быть куры, гуси и прочие продукты питания. Все это он отправлял в Германию.

Кругом было тихо и спокойно. Михаил Семенов задержался у дверей крейскомиссариата, неподалеку от часового, и стал искать в карманах какую-то бумагу. Он делал вид, что никак не может найти нужную. В этот момент Андрюкайтис, Дварионае и Баушис исчезли за входными дверями. На втором этаже в коридоре они увидели много людей с разными бумажками и свертками в руках.

Бумажки — это повестки на работу. Сверточки — последняя попытка избавиться от жестокой участи.

Посетителей с большими мешками было немного. Они стояли более спокойно и надеялись, что им удастся поговорить с самим Олем или его заместителем Гейнеманом.

Андрюкайтис пробрался к двери кабинета Оля.

Витас Дварионае стал в конце очереди за пожилой женщиной, держащей большой мешок. Он дернул ее за плечи, решив вызвать скандал. Расчет был прост: поднимется шум, Оль выскочит в коридор, здесь ему и будет конец.

Женщина стала ругаться, еще сильней кричал на нее Дварионае.

Андрюкайтис, приоткрыв дверь, вежливо спросил:

— Можно к господину комиссару?

Оль, услышав шум в коридоре, поднялся с кресла и направился к двери. Андрюкайтис отскочил в сторону. За Олем шла большая овчарка. Андрюкайтис незаметно прикрыл дверь за вышедшим Олем. Пес дико зарычал, но он уже не мог защитить своего хозяина.

Андрюкайтис выхватил из кармана пистолет, приставил его к затылку Оля и выстрелил несколько раз. Оль упал на пол.

— Это тебе за восемь тысяч замученных тобой людей, — сказал Баушис.

Услышав стрельбу, в коридор выскочил Эрст Гейнеман.

Однако Гейнеману не удалось выстрелить, так как раздались автоматные очереди партизан. Дварионае приказал напуганным посетителям: «Лежать! И не шевелиться!»

Партизаны спустились вниз, где их поджидал Семенов, своевременно расправившийся с часовым, быстро вскочили в сани и, нахлестывая лошадей, скоро вырвались из города.

Через три часа Апивала принимал рапорт об успешно проведенной операции.

Остается добавить немного: народ высоко оценил мужество Станислава Петровича Апивала в борьбе против гитлеровских захватчиков в глубоком тылу врага. На его груди сияет «Золотая Звезда» Героя Советского Союза. Достойная награда.

А. Прокопенко, бывший заместитель командира партизанской дивизии имени Щорса
ГЕРОЙ ПОЛЕСЬЯ

За полустанком, в зеленеющих посадках, окаймлявших колею, лязгая буферами и шипя паром, остановился бронепоезд киевских железнодорожников. Справа в предутренней дымке открывался вид на поля и темнеющий вдали занятый гитлеровцами лес. Противник время от времени обстреливал находившийся в стороне поселок. Орудия бронепоезда не отвечали — команда берегла снаряды. Предстояло поддержать артиллерийским огнем выходящие из окружения части.

Возле бронепоезда появились двое: высокий подтянутый капитан и молодой стройный парень в форме железнодорожника. Широкие плечи, отличная выправка выдавали в нем спортсмена, а спокойные глаза и высокий открытый лоб подчеркивали волю, решительность. Это был заместитель командира бронепоезда Константин Артемьевич Арефьев. Слушая своего товарища, он поправлял выгоревшие на солнце волосы и одергивал и без того ладно прилегавшую куртку.

— Задача тебе, Костя, известна, — говорил капитан. — Нужно установить связь с подпольем. Трудно придется, не зная явок и паролей, но ничего не поделаешь…

— Не беспокойтесь. На узле меня знают. Я ведь был помощником начальника Киевского вокзала.

Они обнялись. Обойдя платформы с балластом и запасными рельсами, Арефьев растворился в тумане сентябрьского утра. А капитан поднялся в орудийную башню. Вот и умолк шорох гравия под Костиными ногами… Прошла минута, другая, и стальная крепость загрохотала громом орудий. Бронепоезд открыл огонь по засевшим в лесу гитлеровцам. Его команда была подобрана из киевлян — движенцев и ремонтников железнодорожного узла…

Товарищи, с которыми связался Константин, оставаться в Киеве не советовали. Да он и сам понимал это. Работая до войны на вокзале, Арефьев был всегда на людях, его знали как активиста. Из города нужно было уходить. И он направился окольными путями в родные края, на Полесье. Остановился у родственников в поселке возле узловой станции Белокоровичи. В этом поселке Арефьев провел детство и юные годы. Здесь знали его как железнодорожника. Когда он устроился работать

дежурным по станции, то вскоре получил анонимную записку. Кто-то предупреждал: смотри, мол, не особенно старайся на оккупантов, а не то получишь по заслугам…

«Добро! — подумал тогда Костя, — значит, на Полесье есть люди, сильные духом». И стал искать связи с ними.

Как-то Арефьева вызвал к себе шеф станции — толстый, небольшого роста немец Витмер. Возбужденно бегая по кабинету, он тут же сунул в лицо вошедшему советскую листовку.

— Пан Арефьев, что это есть? — и, впиваясь покрасневшими от злобы маленькими, заплывшими жиром глазками, прошипел: — Кто сделал, говори?

— Не знаю, герр. — Костя пожал плечами.

— Должен знать, — еще больше вскипел Витмер. — Нужно смотреть на служащий. Будет еще один прокламаций, вы получишь пиф–паф.

И, прищелкнув языком, шеф сделал выразительный жест указательным пальцем.

Выйдя из кабинета, Костя направился к водокачке. «Ишь, чего захотелось прыткому арийцу — узнать, кто против него борется. Как бы не так, — думал Арефьев. — Погоди, не то еще будет вашему брату…»

В это время на перроне появился солдат из словацкого подразделения немногим более взвода, расквартированного на станции. Арефьев знал парня. Это был десятник Стефан Кашчак. Высокий, стройный, черноволосый, он аккуратно одевался в грубошерстную буро–песчаного цвета форму. Стефан остроумен; гитлеровцев не любит. Поздоровались на ходу.

К парням из далекой Словакии Костя начал присматриваться уже давно, убедился, что они гитлеровцам не помощники. Мобилизовали их насильно, воевать не хотят и не скрывают этого перед людьми. Друзья Стефана симпатизируют коммунистам.

«Надо ребят предостеречь, чтобы поосторожнее были в разговорах. А драться с немцами они обязательно будут», — решил про себя Арефьев и сразу повеселел.

Вскоре Арефьев устанавливает связь с подпольной молодежной группой. Выяснилось, что белокоровичские подпольщики имеют среди словаков настоящих друзей.

Когда на Полесье появились десантники из Москвы, подпольщики быстро установили с ними связь. Помогали вести разведку, закладывали мины в составы с воинскими грузами, распространяли листовки и собирали оружие, чтобы уйти в лес не с голыми руками. И в созданную оккупантами поселковую полицию послали своего человека. Ему дали наказ: убедить тех, кого гитлеровцы силой принудили к службе, что смыть свой

позор они смогут только борьбой с фашистами, активной помощью советским патриотам.

На одном из совещаний, проведенном в доме подпольщицы Лясковец, договорились вывести к партизанам словацких парней. Кашчак предложил перед своим уходом к партизанам провести боевую операцию на станции. На том и порешили.

Шел второй год войны. Гитлеровцы рвались к берегам Волги и на Кавказ. Красная Армия в ожесточенных боях перемалывала фашистские полчища и накапливала силы для решающих боев. Усиливали свои удары и партизаны в тылу врага. Народные мстители ни днем, ни ночью не давали покоя фашистам в Полесье. На Левобережной Украине горела земля под ногами оккупантов. В этот период рождалось новое соединение Маликова, объединившее ряд небольших местных подпольных и партизанских групп. В него влилась и группа Арефьева.

Пришел Костя со своим верным другом Стефаном к штабной землянке. Кругом партизаны. Арефьева и Кашчака встретил командир соединения Степан Федорович Маликов. Высокий, ладный, он с улыбкой пожал им руки и пригласил к столу. Сначала расспросил Стефана, как с подпольщиками связались, а потом сказал:

— Значит, станцию разбить предлагаете? Недурно. Давайте разберемся в обстановке. В военном городке находится около двух рот гитлеровцев, а в поселке — полиция. Многовато врагов. Справитесь?

Сидевший как на иголках Арефьев поднялся.

— Товарищ командир, с полицией быстро управимся. У нас там люди есть. Выходы из городка заминируем, устроим две засады. К станции гитлеровцы не пройдут…

В ночь под Новый год, когда гитлеровский гарнизон веселился в военном городке возле расцвеченной огнями елки, а станционные сооружения охраняли полицейские и несколько дрожавших от холода гитлеровских солдат, закутанных по самые глаза, сводная группа партизан под командованием Константина Арефьева совершила дерзкий налет на станцию. Партизаны захватили вокзал, уничтожили немецкую администрацию, разрушили путевое хозяйство, средства связи, взорвали водокачку.

…В конце 1942 года немало успешных операций против фашистов совершили партизаны в Белоруссии и на Украине. Оккупанты забеспокоились и стали стягивать против народных мстителей войска и карательные отряды.

В те дни командование партизанских отрядов сформировало несколько подвижных групп. Одну из них возглавил Арефьев. Он

провел ее заснеженными тропами через плотную стену гитлеровских заслонов, окружавших лес, и остановился с людьми в небольшой роще под городом Коростенем. Но не успели партизаны расположиться, как последовала команда: «В ружье!».

Вот на дороге показался автомобиль. Его останавливает партизан в немецкой шинели. Из кабины грузовика выпрыгивает плотный шарфюрер и, ругаясь, направляется к нему. Не дошел. А кузов уже облепили партизаны. Арефьев использует захваченную машину для налета на село Давлин, где расположен небольшой вражеский гарнизон. Партизаны переодеваются в немецкую форму. Шофер нашелся свой. Семь солдат противника, сдавшихся в плен, захватили с собой. Отвезли дальше от города и… отпустили. Пусть идут, рассказывают о партизанах. Затем открытой дорогой среди невысоких холмов приехали на окраину села. Часовой приветствует сидящего в кабине младшего офицера и, проводив машину глазами, продолжает кутаться в мышиного цвета шинель, притопывая ногами. Подъехали к школе, превращенной немцами в казарму. Партизаны окружили гитлеровцев. Те приняли их сначала за своих, а когда разобрались, было уже поздно. В короткой схватке гарнизон был разгромлен. А через два дня группа Арефьева совершила другой дерзкий налет — на большое село Веледники — и уничтожила созданный там карателями опорный пункт.

Все это взбесило командующего полицией безопасности и СД штурмбанфюрера СС д–ра Эрнста, прибывшего в Коростень для личного руководства операциями по ликвидации партизан. Он и его приближенные считали, что для победы уже все готово. Эрнст сообщил в Берлин, что украинское Полесье он очистит от партизан в течение двух недель. И вдруг эти дерзкие нападения. Штурмбанфюрер грозил подчиненным отправкой на фронт и, стараясь опередить события, приказал бросить карателей в леса.

На рассвете 14 января 1943 года на основных дорогах, идущих от населенных пунктов к партизанским лагерям, появились каратели. Потеснив в ожесточенном бою партизан, гитлеровцы продвигались к штабу соединения. Бойцы группы Арефьева семь раз поднимались в атаку, расстреливая в упор фашистов. Но положение создавалось очень тяжелое: у народных мстителей кончались боеприпасы, появились тяжелораненые и обмороженные. Об отходе нельзя было и думать: позади открытое заснеженное болото, а кругом наседает противник. Тогда командование соединения приняло решение: группу Арефьева направить в обход наступающим гитлеровцам, чтобы ударить с тыла, посеять панику.

Перед закатом солнца каратели повели по партизанскому

лагерю артиллерийский и минометный огонь. Вот уже перед лагерем оказались цепи гитлеровцев. Партизанам приходилось беречь боеприпасы. Они стреляли только наверняка.

В этот момент Арефьев дал о себе знать. Слева, в глубине боевых порядков противника, началась частая перестрелка. Застучали пулеметы, загремели взрывы гранат. Раздается мощное русское «ура!». Гитлеровцы в панике бросились наутек. И когда опускались сумерки, отряды, оставив прикрытие, начали отходить.

— Молодец, Арефьев, — говорили его боевые друзья, — настоящий партизан!

Отряды соединения ушли на запад, в соседнюю область, а группа Арефьева оставалась на старых местах и продолжала действовать. Костя собирал партизан, ушедших на задания до начала боев с карателями, привлек к партизанским делам многих жителей местных сел, бежавших в леса от разбоя и бесчинств гитлеровцев. Организовал в глухом, удаленном от дорог месте новую базу. Когда была восстановлена связь с командованием соединения, Житомирский подпольный обком партии прислал Арефьеву опытного партийного работника Сергея Федоровича Набоку. Это был волевой, смелый человек. Вдвоем они взялись за организацию нового отряда и вскоре создали его. Штаб соединения назначил Арефьева командиром, а Набоку комиссаром отряда.

Наступила весна. Зазеленело чернолесье. Разведка отряда выясняла, где лучше действовать, как нарушать движение на участке Олевск — Коростень. Разведчикам помогали верные люди в Лугинах и Белокоровичах. Начали готовить серьезную операцию. В донесении, посланном в штаб соединения, Арефьев предлагал взорвать усиленно охраняемый большой железнодорожный мост у станции Кремно и просил оказать помощь. Командир соединения Маликов созвал совещание, чтобы специально обсудить предложение Арефьева, детально уточнить план действий.

— Путиловичи мы блокируем, — заявил Набока.

— Станцию захватит отряд «За победу», а штурмом моста займется Фильков, — сказал Маликов.

Апрельский день выдался серый, небо свинцовое, неласковое. Сыро. Но настроение хорошее. Вечером двинулись к намеченным объектам. Во второй половине ночи бесшумно приблизились к заданным рубежам и перед рассветом начали бой. Противник захвачен врасплох. Отряд Арефьева, имея перед собой сильного врага, ведет напряженный бой у дзотов и возле школы. Фашисты, не выдерживая натиска, отходят. Раздался мощный взрыв,

дрогнула земля. Мост взорван. Станция разгромлена, путевое хозяйство выведено из строя. Еще два взрыва — это партизаны из отряда Арефьева подорвали шоссейные мосты. Теперь нужно продержаться еще полчаса, чтобы дать возможность отойти и вынести с поля боя убитых и раненых товарищей.

Начинался рассвет. Две зеленые ракеты возвестили отход. Наконец и лес. Все в сборе. Поставленная задача выполнена. Успех нелегко достался партизанам. Они потеряли при взрыве моста командира отряда, человека удивительной храбрости, саратовца Васю Филькова. Недосчитались многих своих боевых товарищей и арефьевцы.

Партизанское движение росло и ширилось. Окреп и отряд Арефьева. С Большой земли народные мстители получали вооружение, боеприпасы, взрывчатку. Теперь в отряде были минометы, противотанковые ружья, пулеметы, автомашины, в достатке боеприпасы. С новым вооружением и воевать стало легче.

Железную дорогу противник стал охранять усиленными нарядами, и не всегда удавалось небольшим партизанским группам сваливать под откос гитлеровские поезда. Тогда решили действовать по–иному: на эшелоны противника нападали целыми подразделениями. В мае 1943 года рота арефьевцев, устроив засаду у железной дороги, огнем из противотанкового ружья вывела из строя паровоз, а остановившийся эшелон с живой силой накрыла огнем минометов и пулеметов. Состав сожгли. Немало было уничтожено гитлеровцев в засадах, на шоссейных дорогах и в налетах на вражеские гарнизоны.

…Летом 1943 года гитлеровское командование предприняло новый поход против партизан. Поступающие из отрядов донесения говорили об усилившейся активности противника, скоплении войск и действиях гитлеровских разведывательных групп в направлении партизанских баз. 25 июня каратели повели наступление на партизанские леса со всех сторон и окружили их. Началась тяжелая пора ожесточенных боев. Две недели, проведенные в беспрерывных схватках с противником, вынудили партизан отойти в белорусские леса. Дальше отступать нельзя. Командиры и комиссары, как всегда в трудный час, собрались на совет. Обсуждался один вопрос: как быть дальше? Принято решение: расчлениться повзводно и просачиваться на юг через боевые порядки карателей. Отряду Арефьева предстояло совершить отвлекающий маневр и принять на себя удар врага.

Командир соединения ставит задачу:

— Будете двигаться всем отрядом, при встрече с противником навяжите бой и, используя все огневые средства, создайте

видимость действия больших партизанских сил. Гитлеровцев нужно привязать…

Немного помолчав, словно собираясь с мыслями, командир закончил неофициальным тоном:

— Костя! Мы на тебя надеемся…

Арефьев, строгий, подтянутый, козырнул:

— Разрешите идти, товарищ командир?

Расходились все молча. Каждому было понятно, что впереди неравный бой с сильным противником…

Форсировав небольшую речушку, отряд углубился в старый, редкий лес и по глухой дороге взял направление на юг. После небольшого привала отрядные автоматчики выдвинулись на опушку и спокойным шагом направились к загадочному лесу.

Первые конники вошли в чащу. За деревьями скрылась гея застава. Тихо. Можно выходить отряду. Пошли. Первая рота почти на середине открытых мест. Ее обгоняют комиссар, представитель штаба соединения, ординарцы… О, дьягол!.. Словно небо с грохотом прорвалось и разверзлась земля. Справа и слева заухали минометы, густо зачастили пулеметы, сверху с деревьев автоматы противника бьют разрывными… Лошади не слушаются поводьев. Партизаны, отстреливаясь, отходят, отступление прикрывают спешившиеся автоматчики. Коноводы выводят лошадей из-под огня. Отряд быстро занимает оборону. В бой вступили все подразделения. Перестрелка усиливалась, гитлеровцы перенесли огонь в глубь леса. Особенно доставалось от мин. Они рвались на вершинах деревьев, осыпая партизан осколками.

Вечерело. Грохот боя постепенно ослабевал. Проходя по переднему краю, Арефьев отдавал приказания, прекращал бесцельную пальбу новичков, подбадривал минометчиков. Чувствовалось, что самая острая схватка уже позади. Находившийся в цепи словак Кашчак, увидев Арефьева, предложил поднять отряд в атаку. Командир сдержал горячность и благородный порыв: впереди открытое место, людей можно погубить! Пусть лучше гитлеровцы атакуют…

Вскоре на поляну стали выскакивать вражеские пехотинцы. Они пытались приблизиться к отряду. Именно этого момента и ожидал Арефьев. Массированным прицельным огнем партизаны расстреливали врага. Атака неприятеля захлебнулась…

Оставив прикрытие, командир приказал отходить. Утром пересекли злополучную поляну. Когда появились самолеты, залегли. Лошадей переправили отдельно. Наконец подошли к топким берегам Уборти и форсировали ее. Возле разрушенных дотов, у старой границы, сделали привал и связались со штабом соединения. Поступило распоряжение без крайней

необходимости в новые схватки не ввязываться, беречь боезапас и двигаться в Лугинский район.

…Третий год войны. Гитлеровцы, теснимые Красной Армией, откатывались на запад, не ввязываясь в серьезную борьбу с партизанами. Войска противника спешно перебрасывались на фронт. Постепенно убрали свои части и каратели. Партизаны вышли на оперативные просторы. Двигаясь боевым маршем, арефьевцы разгромили гитлеровские гарнизоны в местечке Утомир и на станции Турчинка, взорвали железнодорожный мост на шоссе. Весть о партизанских налетах дошла до штаба соединения, и командование доложило о них в ЦК КП(б)У и в Украинский штаб партизанского движения. Операции получили высокую оценку.

Отряд Арефьева стал лагерем в глухом старом лесу. Каждая рота имела свою землянку. Все добротные, с окнами, хорошо замаскированы, а подступы прикрыты завалами и естественными препятствиями. Кругом посты и секреты: незамеченным не пройдешь.

В короткие перерывы между походами жизнь на базе заполнялась делами до предела. Командир и комиссар много уделяли внимания боевой выучке партизан.

После отдыха во второй половине августа отряду пришлось участвовать в большом бою. На этот раз воевали с противником три партизанских отряда. Взорвали тогда железнодорожный мост через реку Жерев, разбили станцию Игнатополь, а арефьевцы разгромили и сожгли три казармы С гитлеровцами. Было захвачено более ста лошадей и много повозок. Вскоре после этой операции Арефьев вывел отряд на шоссейную дорогу Коростень — Новоград–Волынский, где интенсивно велись воинские перевозки. Устроили засаду. Расположились скрытно и в разных местах. Разведчики доложили, что по дороге движется большая инженерная часть. По цепи передали: огня без команды не открывать. Фашисты ехали беспечно, только в голову колонны выставили охранение на мотоциклах. Вот машины перед отрядом, как на ладони. И тут началось. Партизаны били метко. Гитлеровцы, не оказывая сопротивления, разбежались.

Разгромив гитлеровский инженерно–понтонный батальон, народные мстители вместе с богатыми трофеями захватили набор духовых инструментов для оркестра. Так с трубами и барабанами вернулись на базу. Настроение у всех радостное: радио принесло хорошие вести об успехах Красной Армии.

Отдавая на ходу распоряжения, Арефьев направился к стоявшим в стороне повозкам со взрывчаткой. Следом за ним пошел начальник штаба. И вдруг из повозки с детонаторами

взметнулось пламя. Звенящий и острый взрыв полоснул по людям и лошадям, упругая волна воздуха толкнула деревья, землянки, кусты, землю. Наступила томительная тишина. На месте повозок чернела воронка, а неподалеку лежали три бездыханных тела.

На шум взрыва прибежал комиссар отряда Сергей Федорович Набока.

— Что произошло? Где командир, командир где?

Никто не отвечал. Арефьев весь в крови лежал без сознания. Начальник штаба тяжело ранен. Кто третий — не известно. Он мертв. Говорят, что из новеньких.

Прибыл Маликов. Приказал провести расследование. Арефьев, в тяжелом состоянии, окутанный бинтами, слепой, приходил временами в себя и снова терял сознание. Вечером его вместе с начальником штаба направили самолетом в Москву. В госпитале его из рук смерти вырвали врачи. Но он ничего не видел.

Сильный духом, коммунист Арефьев крепился, мечтал заняться полезным делом. После войны товарищи помогли ему вернуться в родной Киев.

В 1948 году Герой Советского Союза Константин Артемьевич Арефьев, боевой, отважный командир партизанского отряда, умер. До последней минуты жизни он боролся за место в трудовом строю. Таких не может победить даже смерть.

Вл. Павлов
ЖОРА — ЛЕСНОЕ ЧУДО

Появление Жоры Артозеева в нашем подрывном взводе было полной неожиданностью.

Случилось это осенним погожим, но холодным вечером, когда мы, только что поужинав житной затирухой и пресными жаренными на воске лепешками, сидели у догорающего костра. Вечер — лучшее время суток с партизанской точки зрения. Нападения на лагерь не предвидится: немцы избегают ходить в лес ночью. А если и придут — нам, привыкшим действовать в темноте, наверняка удастся сманеврировать и вовремя убраться подобру–поздорову, да еще при случае и потрепать врага. Поэтому вечер — тот короткий срок относительной безопасности, в течение которого можно душевно отдохнуть, поговорить о вещах, к войне отношения не имеющих, помечтать и даже, если позволит обстановка, попеть.

И мы, разумеется, подкинули бы в костер еще дровишек, если бы не начали сгущаться сумерки и не требовалось соблюдать светомаскировки.

Впрочем, сумерки еще не были настолько густы, чтобы мешать нам зани–маться своими делами: одним — чистить оружие, другим — ладить упряжь, третьим — пристраивать к сапогам новую союзку. А тем, у кого дел не было, — печь картошку, время от времени выкатывая ее палочкой из раскаленных углей и, разломив пополам, обжигаясь, есть распаренную мякоть.

Вот в этот-то «безмятежный» партизанский час из лесной чащи совершенно бесшумно и вышел к нам Жора Артозеев. Кряжистая Жорина фигура, облаченная в черную, мехом наружу, цигейковую куртку, делала его похожим на матерого медведя.

Жора неторопливо повесил на сук вещевой мешок, огладил свою огромную бороду и сказал:

— Здорово, подрывники! Принимаете до своего куреня?

Мы решили, что Жора явился к нам в гости. В этом не было ничего удивительного, да и время самое подходящее.

Мы подвинулись, освобождая гостю место поближе к костру, и подставили ему пустой ящик из-под тола.

— А ты откудова будешь, козаче? — за всех отозвался Сергей Кошель, принимая Жорины слова за шутку.

— Да я не шучу! — сказал Жора, присаживаясь на ящик. — Я теперь окончательно ваш. Приказ по соединению уже отдан.

— Точно! — усмехаясь, подтвердил командир нашего взвода Садиленко. — Есть такой приказ… Артозеев Георгий Сергеевич, год рождения 1911, женат, под судом и следствием не состоял… Теперь он у нас. Командир отделения!

Мы не верили собственным ушам. Еще бы! Сам Жора Артозеев, знаменитый бородач, теперь в нашем взводе!..

Жора Артозеев с пятью своими товарищами пробился в наше партизанское соединение А. Ф. Федорова в конце сорок первого года из окруженного карателями Добрянского отряда… Там, в районном центре Добрянке, Жора работал еще в мирное время.

Как и о всяком смелом, сильном и удачливом человеке, о нем ходило немало всяких рассказов и легенд.

Утверждали, например, что однажды во время боя в Жориной бороде будто бы запутался диск ручного дегтяревского пулемета, из которого Жора, на диво всем партизанским силачам, мог стрелять с руки, как из винтовки. Чтобы не терять времени, Артозеев вставил в пулемет новый диск, а тот, что запутался, так и остался висеть на бороде. В таком виде Жора и ходил вместе со всеми в атаку.

В другой раз, если верить партизанской молве, Артозеев и еще три разведчика наткнулись на засаду. Жоре под пулеметным огнем удалось развернуть сани, на которых ехали разведчики, но в тот момент, когда испуганные кони рванули назад, лопнула завертка у одной оглобли… Неизвестно, чем бы окончилось это происшествие, если бы Жора не схватил конец оглобли руками и не держал до тех пор, пока не добрались до леса…

Партизанские шутники рассказывали еще и такую байку. Во время одной операции некий гитлеровский солдат, приготовившийся было открыть огонь по партизанам, вдруг увидел перед собой бородатую Жорину физиономию и до того перепугался, что ойкнул, схватился за сердце и упал в обморок.

Было такое или нет — в точности не известно. Но что там ни говори, огромная физическая сила, смелость и хладнокровие в самой критической обстановке, бесшумные, как у лесного духа, движения и удивительное, прямо-таки звериное чутье, помогавшее Георгию Артозееву в любую ночь без компаса и карты находить дорогу в лесу и в поле, сделали его одним из лучших разведчиков.

Однажды вьюжной декабрьской ночью разведгруппа под командой Жоры Артозеева отправилась на очередное задание. Обстановка вокруг Елинского леса, в котором стояло лагерем партизанское соединение, становилась все тревожнее. На ближних станциях выгружались венгерские и немецкие батальоны. Подпольщики доносили, что в гестапо появились

какие-то засекреченные «специалисты по партизанским делам». Карательный отряд с помощью начальника чуровичской полиции предателя Пахома шарил по всей округе…

Требовалось достать «языка».

Путь разведчиков лежал по большаку, идущему на деревню Ивановку. В том, что этот путь безопасен, Жора не сомневался. В Ивановке немцев не было, об этом еще вечером донес связной. А ночью в партизанских районах оккупанты передвигаться не отваживались. К тому же перед уходом разведчиков одна из партизанских рот отправилась на боевую операцию и в обратном направлении тоже должна была двигаться по большаку на Ивановку.

Поэтому Жора ничуть не удивился и не обеспокоился, завидев впереди на заснеженной дороге, залитой неверным светом луны, мутным пятном пробивавшейся сквозь облака, черный пунктир растянувшегося обоза.

— Наши возвращаются, — негромко сказал Жора. — Быстро обернулись. Давай, пристраивайся!

Разведчик, выполнявший обязанности ездового, подхлестнул лошадей, и партизаны из бокового проселка, выходившего на большак, въехали прямо в центр колонны. Жора хотел было соскочить и бежать вперед, чтобы расспросить о подробностях операции, как вдруг его тонкий слух уловил незнакомое слово. Жора прислушался и похолодел. Сомнений не было: разведчики двигались в немецкой колонне.

«Что делать? Бросить сани и бежать? Разве уйдешь по глубоким сугробам! Драться? Перебьют, как кутят!.. — лихорадочно размышлял Жора. — Да ведь и дело-то не только в нас самих, а в роте! Если не предупредить, она непременно напорется в Ивановке!» Все это проскочило в Жорином мозгу в одно мгновение.

— Сворачивай на обочину, — прошептал Жора. — Не видишь — супонь развязалась… Да тихо ты! Немцы!

Разведчики, понимавшие своего командира с полуслова, ни о чем не расспрашивали. Они съехали на обочину и принялись «чинить» упряжь. В санях остался один Жора: он прикрылся полостью из домотканого рядна и держал палец на спусковом крючке своего знаменитого «дегтяря».

Партизан то и дело обгоняли подводы с немцами. Многие фашисты плохо переносили мороз и укутались по самые глаза в одеяла. Некоторые время от времени соскакивали на дорогу и, чтобы согреться, вприпрыжку бежали рядом, скрипя сапогами на уезженном снегу. И сзади и спереди раздавалась немецкая речь, вспыхивали огоньки сигарет, всхрапывали, дышали дымным

паром кони…

Палец на спуске пулемета закоченел, но Жора не замечал этого. В любую минуту мог раздаться страшный, столько раз уже слышанный оклик: «Рус, партизан! Хальт!». И тогда… Тогда останется одно — драться до последнего.

Хорошо еще, что в немецком батальоне (как выяснилось позже, по большаку двигался именно батальон) были и местные украинские дядьки, насильно мобилизованные в окрестных селах вместе с санями. Может быть, поэтому, а может, и потому, что гитлеровцы совсем закоченели в своих кургузых, подбитых ветром шинелишках, одинокие сани, стоявшие на обочине, не привлекли ничьего внимания.

«Да когда же он кончится, этот чертов обоз?! — стиснув зубы, думал Жора. — Вся гитлеровская армия сюда двинулась, что ли?!»

Наконец мимо партизан проехала последняя подвода. Шум колонны начал удаляться и вскоре затих.

— А ну, давай, разворачивайся! — хриплым шепотом скомандовал Жора. — Да будьте наготове: может, кто из них отстал!

Он не ошибся: и десяти минут не прошло, как впереди послышался конский топот и скрип полозьев.

Партизаны снова съехали на обочину. Присмотрелись: впереди замаячило расплывчатое темное пятно. Приближаясь, оно делалось все темнее и вскоре превратилось в сани, запряженные парой лошадей.

Как только встречные поравнялись с разведчиками, Жора схватил ближнюю лошадь за повод и сильно рванул на себя. Два немца, сидевшие в санях, по самые маковки закутанные в одеяла, не успели и двинуться, как им (не без помощи дядьки–ездового) заткнули рты и скрутили руки.

— Вот так! — удовлетворенно сказал Жора, отирая вспотевший лоб. — И ездить далеко не пришлось, и задание выполнили!.. А теперь жмем!..

Но, пожалуй, самую громкую славу Жора Артозеев стяжал себе в бою на «фашистском проспекте»…

Случилось это в тех же Елинских лесах в феврале сорок второго. Жора только что вернулся из дальней разведки и, завалившись в землянке на нары, спал богатырским сном. Связной штаба, услышав его могучее дыхание, от которого парусом раздувалась смоляная борода, приготовился к сложной операции побудки. Но, к его удивлению, едва он притронулся к Жориному плечу — тот мигом сел на нарах и, поставив пулемет, с которым спал в обнимку, прикладом на колено, спросил

бодрым, без всяких признаков сна голосом :

— Ну? Что там стряслось?

— Фашисты прорываются по просеке! — одним духом выпалил связной. — Давай на заставу!..

Артозеев неторопливо толкнул в бок своего друга Ивана Кудинова, который числился у него вторым номером пулемета.

— Бери, Ваня, побольше дисков! — сказал он. — Сейчас мы посолим Гитлеру плешь!

На просеке, рассекавшей лес надвое, творилось нечто невообразимое. Подразделение врага (человек сто пятьдесят на шестидесяти санях) пыталось прорваться через лес на подмогу своему гарнизону, осажденному партизанами в одном из сел. Встреченные огнем партизанской заставы, гитлеровцы остановились, начали развертываться. Рвались мины и гранаты. Бились, путая постромки, раненые кони…

Когда Артозеев и Кудинов прибежали к месту боя, гитлеровцы уже успели прийти в себя и сообразить, что против них действует крохотная группа в полтора десятка человек. Может быть, им было известно, что главные партизанские силы дерутся в селе и что подкрепление подойдет не скоро.

Хорошо еще, что глубокий снег мешал гитлеровцам маневрировать, иначе горстке партизан пришлось бы совсем туго. Но и так силы были слишком неравны. Уже по меньшей мере десять тяжелых и легких пулеметов врага протянули шнуры трассирующих пуль к партизанским позициям. В бой вступили и вражеские минометы. А у партизан боеприпасы были на исходе.

Держаться, ждать подкрепления становилось невозможным. Вот в этот-то критический момент из-под ветвей густой ели, росшей на самом краю просеки, раздалась короткая очередь Жориного «дегтяря», но ее оказалось достаточно, что бы тяжелый гитлеровский «станкач», особенно досаждавший партизанам, тут же замолк. Еще одна очередь — и прислуга еще одного пулемета уткнулась в глубокий снег.

Гитлеровцев охватила паника. Их пулеметчики, спасаясь от губительных очередей, которые разили без промаха, пятились и начали менять позиции. Вражеские солдаты не выдерживали, вскакивали, пытались бежать, но тут же падали, пятная кровью искрящийся снег.

Под прикрытием Жориного огня партизаны начали отходить к лагерю. А Жора, закопавшись по самую шею в снег, чтобы не был приметен его черный меховой бушлат, бил и бил по врагу из своего «дегтяря».

Но вот у Жоры осталось мало патронов. Снег вокруг ели, под которой он лежал, почернел от разрывов и от хвои и веток,

сбитых пулями и осколками. Весь свой огонь гитлеровцы сосредоточили на отважном пулеметчике, который сидел у них, как кость поперек горла.

Надо было менять позицию…

— Давай, Ваня, жми за новыми дисками! — скомандовал Жора Кудинову. — Давай, говорю! Приказываю тебе! Ну!.. Я прикрою!

Нехотя Кудинов повиновался.

Жора остался один. Он то и дело менял позицию. Скинув меховую куртку и даже сапоги, чтобы легче было бегать, он мчался с одного места на другое, бил по врагу то справа, то слева, не подпуская к себе на расстояние, с которого можно было бы метнуть гранату…

Прошел добрый час, прежде чем на выручку Артозееву подоспела партизанская рота. Вместе с ней шел Кудинов, держа в обеих руках коробки с пулеметными дисками…

Со стороны просеки все еще доносилась стрельба. Жора держался!

Увидев свежие партизанские силы, враг начал поспешно отходить. Партизаны без боя овладели просекой.

— Жору ищите! — крикнуло сразу несколько голосов. — Жора, ты живой?..

Артозеев лежал ничком около перебитой осколком березки. В руке он сжимал гранату. Рядом стоял «дегтярь». А вокруг в разных позах валялись трупы убитых вражеских солдат…

— Жора погиб! — закричал Кудинов, бросаясь к товарищу.

Но тут Жора встал, спокойно вынул запал из гранаты и, похлопав Кудинова по плечу, проговорил:

— Это кто тебе сказал, что я погиб? Рано меня хоронить задумал! Бороду вот слегка припалило — это верно… А ну пошли трофеи подбирать!..

Трофеев было много. Семь легких и два тяжелых станковых пулемета да еще сорок девять саней с боеприпасами и амуницией притащили партизаны с «фашистского проспекта »!

И вот теперь Жора Артозеев, герой «фашистского проспекта», знаменитый разведчик, которого немцы называли «бородатым чертом», а партизаны ласково— «бородой», теперь Жора в нашем подрывном взводе!..

В феврале сорок третьего года подпольный Черниговский обком партии и командование нашего партизанского соединения во главе с А. Ф. Федоровым приняли решение разгромить крупный немецкий гарнизон в городе и на железнодорожной станции Корюковка и заодно освободить городскую тюрьму, в которой ждали расстрела триста местных жителей,

заподозренных гитлеровцами в связях с партизанами. В операции принимала участие группа подрывников под командованием Жоры Артозеева. Был в этой группе и я.

Глухой ночью мы подошли к станции и расположились в мелком саженом соснячке, сквозь который ясно проглядывались движущиеся и неподвижные, яркие и тусклые станционные огоньки и темные контуры строений. Слева от нас чернел глубокий ров. Жора запретил разговаривать, курить и даже громко дышать. Враг был рядом. Со станции доносились железный лязг буферов, покрикивание маневрового паровоза, неясные голоса.

Пока мы ждали, Коля Денисов заминировал железную дорогу недалеко от входного семафора.

Я и Гриша Мыльников приготовили толовые шашки с короткими зажигательными трубками: по Жориной идее, взрывы этих шашек должны были изображать огонь артиллерии…

Начало светать. Во рву, который темнел неподалеку, замаячили какие-то странные предметы. Что-то было натыкано вкривь и вкось в лед, покрывавший дно. Мы присмотрелись. И волосы зашевелились у нас под шапками. Там, на дне рва, вмерзли в лед трупы людей: мы были как раз у того места, на котором фашисты расстреливали мирных жителей. Убитых, видно, наспех забросали снегом, снег растаял, и они лежали теперь, как в стеклянном саркофаге… В неясных Ледовых отблесках наступающего рассвета можно было разглядеть детскую растопыренную ручонку, вставшее колом женское платье и еще чьи-то руки и ноги…

— Смотри!.. Запоминай!.. Помни, как пойдем на станцию!.. — сдавленно прошептал мне в ухо Жора, лежавший рядом. Лицо Жоры изменилось, ноздри вздрагивали, глаза еще глубже запали под лохматые брови. Борода стояла торчком…

Но и без Жориных слов злоба перехватывала дыхание. На этот раз, наверное, из нас никто не ощущал тревоги, обычной перед каждым опасным делом. Сжав зубы, мы ждали условного сигнала к наступлению…

Наконец где-то далеко справа утренний воздух одна за другой прочертили три зеленые ракеты. Сигнал! Тишину прорезали пулеметные очереди. Кашлянули сухим кашлем минометы.

Жора поднялся во весь рост и, держа автомат (в нашем взводе он все-таки сменил пулемет на автомат) за шейку приклада, побежал к станции. Один за другим ударили взрывы толовых шашек — наша «артподготовка».

— Вперед! — кричал Жора. — Бей, хлопцы! Рви!

Несколько пулеметных очередей и разрозненных винтовочных выстрелов ударило нам навстречу. Жора метнул гранату. Мы открыли огонь из автоматов.

Видно, немцы были захвачены врасплох. Они не ждали нападения с этой стороны. Не оказывая сопротивления, они побежали. Мы видели, как их фигуры с криками метались среди станционных строений, бежали через пути, спотыкались, падали, пытались отползти подальше и, вздрогнув, замирали прошитые нашими очередями.

На путях стоял состав. На его платформах — новенькие тяжелые грузовики — «бюссинги».

— Уничтожить грузовики! — скомандовал мне и Мыльникову Жора. — Давай, хлопцы! Больше шуму!..

Мы с Гришей подняли капоты машин, положили на каждый из моторов по две толовых четырехсотграммовки и, соединив их детонирующим шнуром, взорвали. Моторы вырвало с места и выбросило на пути. Машины, баки которых были полны горючим, загорелись.

Впрочем, пламя, охватившее машины, было лишь одним из многих пожаров на станции. Полыхали склады леса, приготовленного немцами к отправке в Германию, нефтебаки, цистерны с бензином, цейхгаузы. Раздавались взрывы в аппаратном зале, в котором орудовал сам Жора… Его бородатое лицо мелькало то тут, то там, и всюду, где он появлялся, гремели новые взрывы и вспыхивали новые пожары.

Наконец, когда на станции не осталось ни единой не взорванной стрелки и крестовины, когда все кругом было охвачено огнем, Жора собрал нашу группу, готовясь вести ее к центру города, где все еще не затихал бой.

В этот момент сквозь гром стрельбы и треск пожара донесся гудок и частое дыхание паровоза.

Жора поднял руку.

— Стоп! Никак фрицы в гости пожаловали! А ну, Коля, посмотрим, сработает твоя мина?

Шум поезда становился все явственней. Вот уже над лесом, прилегающим к станции, появился белый султан дыма. На всякий случай Жора приказал нам залечь…

Показался паровоз. В просветах меж деревьями мелькнули красные боковины вагонов.

И тут же под бегунками паровоза сверкнуло пламя. Паровоз подскочил и нехотя сполз под откос. Со страшным треском и грохотом полетели вниз с насыпи вагоны.

— Вы ждите! — крикнул нам Жора. — В случае чего — прикроете! Я сейчас!..

И, размахивая автоматом, он побежал к поезду.

Оставшиеся в живых немцы из поездной бригады пробовали сопротивляться, но Жора меткими автоматными очередями принудил их замолчать. Сложнее было с машинистом и его помощниками. Они засели в чудом уцелевшей паровозной будке и оттуда, как из танковой башни, вели по Жоре огонь из винтовки и пистолета. Пробитый во многих местах и измятый при падении котел паровоза исходил паром. Под его прикрытием, как за дымовой завесой, Жора добрался до будки, сунул ствол автомата в окно и дал длинную очередь. Потом влез в будку сам. Мы подбежали к паровозу. Но там все уже было кончено. В окне, окруженная клубами пара, появилась Жорина борода, а затем из него вылез и сам Жора. Он держал в ошпаренных руках трофеи — винтовку и пистолет…

Мы возвращались в лагерь, когда солнце уже перевалило через зенит и клонилось к западу.

На санях нашего обоза грудой лежали многочисленные трофеи. Ехали изможденные, но радостные узники, освобожденные из тюрьмы. Угрюмой кучей шагали пленные…

Где-то позади гремела стрельба — к гитлеровскому гарнизону в Корюковке подошло запоздалое подкрепление. Над лесом рыскали «рамы» — двухфюзеляжные немецкие самолеты–разведчики.

Но все это нас ничуть не беспокоило. Мы возвращались в лагерь, удачно выполнив задание, возвращались с победой! И радость заполняла нас до самых краев… Жора, ехавший на последних санях, раздувая бороду, пел и глушил могучим своим басом рев самолетных моторов… И мы подтягивали ему.

Бой в Корюковке 27 февраля 1943 года был последней операцией, в которой мне довелось участвовать вместе с Жорой Артозеевым. Вскоре наше соединение разделилось на две части. Одна из них под командованием Алексея Федоровича Федорова двинулась на запад, к Ковельскому железнодорожному узлу. Другая часть под командованием Николая Никитича Попудренко осталась на Черниговщине. У Попудренко остался и Жора Артозеев.

Спустя некоторое время он еще раз побывал в Корюкозке — на сей раз уже командиром крупного партизанского отряда — и еще раз основательно потрепал гитлеровцев и в городе и на станции.

А 28 сентября 1943 года Жора Артозеев, теперь уже командир партизанской бригады, в которую входило восемь отрядов, разгромил в местечке Тупичев крупную немецкую колонну. Трофеи — четыре орудия, два танка, минометы, винтовки и

автоматы, да еще важные штабные документы, захваченные в этом бою, были переданы частям Красной Армии, которые как раз в это время подошли к Тупичеву.

Вместе с частями нашей армии партизанская бригада Артозеева продолжала победный путь на запад…

Таков наш Жора — лесное партизанское чудо. Таков Герой Советского Союза Георгий Сергеевич Артозеев.

Сергей Плачинда
О ЧЕМ ШУМЯТ ТОПОЛЯ…

Тихий, зеленый, поросший спорышем переулок украинского степного города. Здесь живет Григорий Васильевич Балицкий. На углу, в тени акаций, кирпичный дом, забор, садик. Красиво сформированные кроны груш и яблонь свидетельствуют, что хозяин дома любит и умеет сажать и растить деревья. Еще он увлекается цветами и пчелами. В глубине садика белеют два или три улья. Возле летней кухни — целая столярная мастерская. И над всем этим шумят высокие пирамидальные тополя…

Иногда хозяин не приходит вечером с работы — это значит, что он укатил на обкомовской «Волге» в колхозы… И, случается, из степной глубинки «Волга» привозит его не домой, а в областную больницу. Сказываются долгие годы партизанских боев и походов. В такие ночные часы, когда болезни и раны особенно напоминают о себе, на помощь приходят воспоминания молодости. О честной, славной, боевой молодости.

* * *

— Гриша, а какую же ты себе легенду выдумал?

— Народным учителем решил сделаться.

— Постой, постой, Грицько! Легенда-то хороша, но какой же из тебя к черту интеллигент в этаком наряде? Да тобой детей можно пугать…

И командир Черниговского областного партизанского отряда Николай Никитич Попудренко весело рассмеялся.

Григорий Балицкий осмотрел себя и смутился. Но не потому, что на нем была незавидная одежонка — потерявшая цвет измятая гимнастерка, вытертое хлопчатобумажное галифе, старенькая кепка и потрескавшиеся, разбитые, грязные сапоги. Нет, экипировка вполне подходящая для партизанской жизни. Покраснел Гриша оттого, что, придумывая себе легенду, не обратил никакого внимания на свой вид.

«Вот так диверсант! Вот так разведчик! Да первый же попавшийся немец никаким легендам не поверит!..»

— Ничего, не горюй, — подбодрил Попудренко. — А ну пошли ко мне…

В штабной землянке Попудренко вытащил из-под нар чемодан, раскрыл его и, не задумываясь, вынул оттуда новенький

коверкотовый костюм, такие же новенькие хромовые сапожки и вышитую украинскую рубаху.

— Надевай!

— Да вы что, Николай Никитич? — растерялся Григорий.

— Бери, бери. На что оно мне… Переодевайся, быстро. Вот так. Погоди… Да у тебя, брат, и белье военное, со штампом. Бери мое! На важное задание идешь!..

Да, задание было действительно ответственное. Утром того же дня — 3 октября 1941 года — состоялось заседание Черниговского подпольного обкома партии. Партизанская война разгоралась. Нужно было связываться с отрядами, действовавшими в районах области, с подпольщиками в городах и местечках, координировать их действия, давать задания…

Как будто и просто… А на деле? На деле — опаснейшая работа. Уже не одна группа и не один связной сложили головы, выполняя такое задание. Незадолго перед Балицким ушли на связь в Чернигов партизаны Залесский, Тупица, Муха, Товчко. Ушли и не вернулись. Навсегда исчезли за тяжелыми дверями гестапо…

А теперь пришла очередь Григория Балицкого — бывшего помощника секретаря обкома. Ему поручили связаться с отрядами Менского и Сосницкого районов. Проводить Балицкого к землянке штаба собрался весь отряд. Попудренко дал последние указания, добрые советы.

Провожает Гришу и Маруся Товстенко — партизанская медсестра. Их любовь началась мирной теплой весной. А когда грянула война и враг приблизился к Чернигову, оба они, не задумываясь, пошли в отряд… И вот — первое расставание. Сколько их еще будет — прощальных поцелуев, тревожных взглядов, ожиданий…

Идет Сосницкими лесами Григорий день, второй, третий… Еще непривычно ходить в одиночку густым, суровым, темным лесом. Зашуршат листья под ногами, вскрикнет напуганная птица, треснет ветка — и уже настораживается, приостанавливается. Идет Гриша по компасу, ждет, что вот–вот окликнут: «Стой, кто идет?». Но за пять суток ничего особенного не произошло… Зато и Сосницкого отряда не было. Только следы врагов: следы автомобильных шин на лесных дорогах, окурки немецких сигарет, ограбленные фашистами партизанские базы. Где отряд? Как враг узнал об этих складах продовольствия и оружия? Кто-то предал? Или не выдержал пыток? Как узнать?.. У кого спросить?..

На пятый день Григорий пошел в город Мену на связь с подпольной партийной группой.

Перед городом между двумя грушами закопал листок с решением, обкома, свое удостоверение, компас, листовки.

В Мену вошел Григорий со стороны села Макошино. Темнело. Только теперь, когда потянуло дымком, теплом жилья, почувствовал Грицько, как ему хочется спать, согреться, услышать человеческий голос…

У крайней хаты Гриша постучал в калитку. Вышла пожилая женщина. Он вежливо поклонился.

— Добрый вечер. Нельзя ли у вас переночевать?

— Заходи, сынок! Будь ласков!..

Приветливо улыбаясь, женщина ввела его в светлицу, протянула чистый рушник.

— Мойся, сынку, а я тебе зараз вечерять соберу.

Она не спрашивала, кто он, откуда, куда идет… Поставила на стол миску с ароматным борщом, нарезала хлеба… Григорий ел, а женщина, подперев щеку рукой, рассказывала, что ее единственный сын в Красной Армии, на фронте бьется, что муж в армию не попал, а вот пришли фашисты, схватили его, увезли на работу в Германию. И нет теперь от него ни слуху ни духу.

Женщина рассказывала, и слезы катились по ее щекам.

Когда гость поел, Анна Ильинична Сущенко — так звали хозяйку — постелила кровать, а сама полезла на печь. Но Григорию не спалось. Поворочавшись с боку на бок, он встал и в темноте заходил по комнате.

— Что тебе, сынку? — спросила хозяйка.

— Хочу кое-что записать… Можно засветить каганец?

— Зажги… Спички на припечке. Только сначала окна занавесь.

«Я знаю на память, слово в слово, решение подпольного обкома, — размышлял Балицкий. Нужно зашифровать его, чтобы ничего не забыть, чтоб все в точности донести до подпольщиков… Во что бы то ни стало нужно пробраться в Сосницкие леса, передать им решение…»

Балицкий начал записывать решение обкома в блокнот. Конечно, шифровать, чтоб никто не понял, о чем идет речь. В постановлении говорилось о подготовке партизан к зиме, о том, что нужно копать землянки, организовывать продовольственные и военные базы в лесах. А Гриша писал в блокноте так: «Готовить школьные помещения к зиме, подумать о школьных буфетах». В решении говорилось об уничтожении врага, а Гриша заменил эти слова невинной фразой: «Плохих, непослушных учеников строго наказывать, выгонять из школы…»

Закончив свои «педагогические» заметки, Григорий крепко уснул. Утром быстро умылся, оделся, поблагодарил за ночлег и

пошел на явочную квартиру на Комсомольской улице.

— Анна Ильинична, — спросил он с порога, — а где тут у вас Комсомольская улица…

— Не знаю… А по–старому как?

— По–старому? И я не знаю… Вот голова! — ругнул себя Григорий. — Не знаю старого названия. А еще подпольщик!..

Первым, кого встретил Григорий в городе, был какой-то дед, до самых глаз заросший бородой.

— Дедушка, вы не знаете, где Комсомольская улица? — спросил Балицкий.

Дед проницательно оглядел незнакомца с ног до головы и ласково сказал:

— Почему же нет. Обязательно знаю… Давай проведу!

«Ну и везет мне на людей», — подумал Григорий, шагая следом за провожатым.

Вместе они вышли на широкую улицу. Невдалеке большой дом с вывеской: «Комендатура».

«Неудачно выбрал путь старик, — с досадой подумал Гриша. — Ну да ничего, пронесет»…

Поравнялись с часовым. И тут дед (как потом выяснилось, его фамилия была Глухенький) внезапно остановился, кивнул головой на Балицкого.

— А ну-ка возьми этого… Шляется тут, Комсомольскую спрашивает… Болыиевицкие названия почитает…

«Бежать? — пронеслось в голове Балицкого. — Поздно… Ну, Грицько, держись!..»

— Ты что же это, батя? — прикидываясь удивленным, сказал Григорий. — За что?

— Иди, иди, — огладил бороду старик и прищурил глаз. — Зараз там разберутся. Пришла наконец наша власть!..

Подталкивая в спину стволом автомата, часовой повел Балицкого к коменданту.

Впервые Григорий так близко видел врага. Он стоял перед ленивым тучным офицером. Офицер сидел за столом, молча посматривал на Балицкого, курил сигарету и пускал дым через ноздри. Наглядевшись, он что-то сказал часовому, который тотчас же вышел.

Вскоре в комнате появился переводчик — тщедушный человечек с тонкой гусиной шеей. «Что-то, сдается, знакомое лицо, — подумал Григорий. — Где мы с ним встречались? »

Офицер начал допрос: «Кто такой? Откуда? Почему здесь? »

— Я учитель. Жил и работал в Холмах, — спокойно объяснил Балицкий. — Сейчас там беспорядки, школы не работают. А здесь, в Мене, я слышал, новые власти вскоре собираются открыть

школу…

— Да, это так, — важно кивнул комендант.

Часовой быстро, привычными движениями обыскал Григория, положил перед комендантом блокнот, узелок, в котором, оказались десяток яблок и ломоть хлеба. Комендант перелистал блокнот.

— А зачем тебе эта… Комсомольская? А?..

— В Мене я впервые, господин комендант. Остановиться мне негде, а на Комсомольской — вот только номера не помню — живет мой приятель по университету. Думал, переночевать у него, а завтра собирался прийти к вам просить работу. Я без работы прожить не могу.

— Да, я думаю открыть школу с 15 октября. Придешь через денек зарегистрируешься. А там увидим.

И комендант швырнул Григорию блокнот…

Балицкий пошел было к двери.

— Стой! — вдруг крикнул переводчик, — а ты в Чернигове не работал?

— Нет, — твердо ответил Григорий.

— Ой, брешешь!.. А и впрямь, разве ты не работал в Чернигове?

— Нет, в Чернигове бывал на совещании учителей, а работать не работал.

— А в Шостке?

— Ив Шостке не бывал.

— Теперь Григорий уже припомнил, кто его допрашивает: это был преподаватель немецкого языка из шосткинской школы. Некоторое время Балицкий работал в областной газете, ездил по всей области, видел в школе и этого типа… Хорошо еще, что предатель никак не может свести концы с концами в собственной памяти.

— Ну как? Все? — нетерпеливо спросил комендант.

— Я, видно, обознался, герр комендант, — угодливо наклонился переводчик, — спутал с кем-то…

— Марш! — крикнул комендант Балицкому.

— Ты наведывайся, — крикнул вслед переводчик.

— Обязательно, а как же! — откликнулся Балицкий…

Он вышел на улицу. Предатель–старйк, который привел его в комендатуру, сидел на лавочке неподалеку от часового и деловито крутил козью ножку. Проходя мимо него, Григорий отвернулся.

«Обожди, иуда! Может, еще не так свидимся!» —подумал он, стискивая зубы…

Но… беды, которые поджидали Балицкого в Мене, еще не

кончились.

Он отложил свое свидание на Комсомольской, а пока решил заглянуть на вокзал: Попудренко приказал выяснить, что происходит на железной дороге…

На менском вокзале было шумно. Только что прибыл воинский эшелон. Григорий стал на перроне и принялся быстро подсчитывать вагоны, платформы с орудиями, прикидывать количество солдат.

— Что делайт?! — гаркнул кто-то вблизи. — Хенде хох!..

Балицкий оглянулся. Тускло поблескивая, на него смотрел ствол автомата. А солдат полевой жандармерии с жестяной бляхой на груди уже ощупывал его карманы. Григория отвели в здание вокзала и заперли в темной каморке.

Вечером его повели в комендатуру. Снова предстал он перед комендантом, который на сей раз смотрел на «учителя» зло и подозрительно.

— Ты зачем шлялся на вокзале?

— Собирался там переночевать. В дом-то никто не пускает.

Комендант в упор рассматривал Григория… Не известно, чем бы все это кончилось, если бы в этот момент в кабинет не ввалились несколько гитлеровских офицеров. Они шумно поздоровались с комендантом и, как догадался Балицкий, потребовали ночлег и ужин.

Комендант приказал Балицкому пересесть в угол, на пол. Непринужденно болтая, офицеры развалились на креслах и диване. Комендант стал звонить куда-то, вызывал часовых, которые по очереди разводили офицеров на постой.

Густой дым сигарет затянул комнату сизым туманом.

Когда офицеры вышли, комендант подошел к окну и стал его открывать. Балицкий мгновенно вскочил, схватил со стола мраморное пресс–папье и со страшной силой ударил им коменданта по голове, а сам выпрыгнул в окно и побежал, проламываясь сквозь кусты. По лицу больно хлестали ветки яблони. Вот и забор — перемахнул не задерживаясь…

Позади торопливо захлопали пистолетные выстрелы, протрещала длинная автоматная очередь.

Но Балицкого было уже не догнать…

Он выбрался из Мены, обошел ее болотами и кустарниками, отыскал приметные груши. Вырыл компас, документы, листовки…

Так совершил первые свои партизанские шаги Григорий Васильевич Балицкий…

Первое задание он выполнил, хоть и не полностью: Сосницкий отряд подвергся нападению гитлеровцев, многие

погибли, остальные примкнули к другим отрядам. Зато Балицкому удалось наладить связь с подпольщиками, а главное — разыскать Корюковский партизанский отряд, которым командовал старый друг Балицкого Петро Козик.

Когда через две недели Балицкий вернулся в областной партизанский отряд и доложил Попудренко о том, что сделал и пережил, командир обнял его за плечи.

— Ну вот, Гриша, первый партизанский класс ты окончил. Узнал, что оно такое фашистский тыл и как по нему ходить надо. А теперь принимайся за диверсии. Это, брат, работенка посложнее!..

* * *

Первую диверсию Гриша совершил на железной дороге Гомель — Бахмач. Вместе с ним в этой диверсии принимали участие еще двое партизан — Иван Полищук и Петр Романов…

К вечеру партизанская кобыла Машка привезла будущих диверсантов к деревне Величковке. Здесь у Гриши была знакомая жительница.

Хозяин — отец учительницы, симпатичный, веселый дед Макар — охотно рассказывал о месте, которое интересовало партизан.

— Ого еще какой мост, — поглаживая роскошные белые усы, распространялся дед Макар. — А для меня так вдвойне знаменитый. До революции, когда еще молодым был, так нашел возле того моста кошелек с двадцатью карбованцами… Ох и выпили же мы тогда с товарищами, ох и выпили же!.. Только вот оно какое дело, хлопцы, — добавил дед, понижая голос. — Больно уж охраняется тот мост. Днем и ночью часовые ходят, будь они прокляты!..

— Ладно, ладно, диду, — усмехнулся Балицкий. — З ранку пойдем побачим на твой мост. Глядишь и еще двадцатку найдем. Да и погуляем!

На рассвете собрались в дорогу. Дед Макар отправился проводником. Усевшись на передок тачанки, он погонял Машку.

Всходило солнце, когда партизаны пересекли картофельное поле и остановились в зарослях кустарника. Дед Макар по–хозяйски принялся распрягать Машку. Невдалеке виднелись ажурные формы моста на четырех железобетонных быках. С обеих его сторон расхаживали часовые, а метров за триста стоял кирпичный домик, возле которого умывались голые до пояса солдаты.

К счастью, на поле вышло несколько девчат копать картофель. Григорий предложил помочь. Девушки с радостью приняли в свою компанию трех рослых парней, вручили им лопаты, и работа закипела…

Вспоминая нынче об этом, Григорий Васильевич Балицкий усмехается. Подобное нарушение всех партизанских правил могло дорого обойтись. Что и говорить — картина: три партизана, сложив оружие на траву, копают бульбу, перебрасываются шутками–прибаутками с девчатами. Дед Макар печет ее на костре. Мирно пощипывает траву стреноженная Машка. А совсем рядом разгуливают вооруженные гитлеровские солдаты. Только малым партизанским опытом да еще тем, что гитлеровцы той первой военной осенью еще были мало пуганы, можно объяснить, что партизаны решались на такое безрассудство и что все обошлось благополучно…

Разумеется, партизаны даром времени не теряли, подсчитали солдат, присмотрели подходы… Гарнизон состоял примерно из двадцати гитлеровцев. Были замечены две пулеметные точки возле домика. Возле моста виднелась колючая проволока. Подползти можно только возле насыпи, мимо часового… Конечно, нужно выбрать момент, когда он перейдет на правую сторону полотна, где стоит каменный домик.

После обеда ребята развезли картошку по домам девчат, заехали за зарядами взрывчатки, которую припрятали в клуне деда Макара, а вечером двинулись назад к мосту. Деда хотели оставить, но он запротестовал.

— Да як же я пропущу такой эпизод в своей жизни? Я — старый щорсовец? Я партизанил, когда вы еще под стол пешком пройти не могли!.. Да и с дороги без меня как пить дать собьетесь. По рукам Грицько?

— Ну, коли так, по рукам! — усмехнулся Балицкий.

Как только стемнело, полил дождь. Ни зги не видно. Все благоприятствовало задуманному делу… Впрочем, в кромешной темноте ничего не стоило сбиться с дороги. Хорошо еще, что дед Макар и впрямь знал округу как свои пять пальцев…

— Тпру… Приехали, — сказал наконец дед. — Вылезай потихоньку!

Балицкий соскочил на землю, пригляделся. Что-то слабенько светилось впереди. «Да это же окно того самого кирпичного домика, в котором расположился гарнизон! — сообразил Балицкий. — Плохо прикрыли, вот и пробивает!..»

Балицкий и Петро Романов нащупали на повозке заряды, распихали по карманам бикфордов шнур, запалы, проверили, сухие ли спички.

— Ну, пошли!.. — спокойно скомандовал Балицкий. — Тихо!..

Сгибаясь под тяжестью зарядов, Балицкий и Романов двинулись к месту, ориентируясь на светящуюся цель в окне. Позади с карабином наперевес шла стрелковая поддержка — Иван Полищук. Дойдя до насыпи, Гриша и Петро поползли, осторожно волоча за собой заряды. Вот они уже у моста. Сквозь шум дождя донеслись мерные шаги невидимого часового.

Партизаны торопливо привязали заряды. Накрылись фуфайками, подожгли шнуры… Есть!.. Слабое шипение возвестило, что шнуры горят.

— Отходим! — прошептал Балицкий. Он хотел было приподняться, но… ноги одеревенели, не слушаются, будто чужие. Дернулся — дикая боль пронизала тело. «Судорога! Свело!»

Гриша попробовал ползти, действуя одними руками, — не выходит. Лег на бок, попытался перекатываться — опять не получается. Неужели конец?!

Да, надеяться не на что. Гриша зажмурил глаза, приготовился к взрыву, к гибели… И вдруг над ухом шепот:

— Гриша, что с тобой?..

Теплая волна омыла Гришино сердце: «Петро, друг, вернулся… Не бросил товарища!..»

— Ноги, — прошептал Балицкий. — Быстрей!..

Петя встал во весь рост, подхватил Гришу, вытащил его из-под моста, и вместе свалились с насыпи в канаву, царапая лица и набивая шишки. Тут же страшный взрыв потряс землю. За ним другой. Заскрежетало железо. Громко всплеснули падающие фермы. И, может, от взрыва, может, от сотрясения ноги у Гриши отошли. Балицкий, за ним Петр вскочили, пригибаясь, побежали вдоль насыпи, к подводе. А от домика уже поднимались ракеты, освещая все вокруг белым, неживым светом. По мосту ударили пулеметы.

Хлопцы кинулись на подводу, где их уже ждал Ваня Полищук, и дед Макар погнал Машку вскачь.

— Ну, как, диду, — спросил, отдышавшись Гриша. — Как тебе сподобились наши двадцать карбованцев?

— Молодцы, хлопцы, ох и молодцы, — обрадованно отвечал дед. — Желаю вам таких карбованцев побольше на вашем партизанском шляху!

— Почин хороший, — подхватил Петро Романов.

* * *

Так оно и вышло: в скором времени Балицкий подорвал около Мены еще два вражеских склада с боеприпасами. А в начале мая 1942 года совершил диверсию, эхо которой отдалось и в Берлине и заставило гитлеровское командование бросить против черниговских партизан крупные силы…

Двадцать человек — диверсионная группа под руководством Балицкого — выстроились перед штабной палаткой.

Командир соединения, секретарь подпольного обкома партии Алексей Федорович Федоров, не спеша прошелся взад–вперед вдоль строя.

— Знаете, на какое дело идете? — спросил он, потрогав рукой заросший подбородок. — Так вот — эшелончик выбирайте повесомей. Из тех, что идут к фронту… Оружие, боеприпасы, технику — вот что надо рвать. На порожняк взрывчатку переводить запрещаю. Имейте в виду!

В сторонке от штабной палатки сгрудилась кучка девчат-партизанок. В строю диверсионной группы есть у этих девчат возлюбленные. И тревожно сжимается девичье сердце: вернется ли любимый? А может, только расщепленный приклад или пробитую пулей шапку принесут и молча положат у костра оставшиеся в живых товарищи…

Стоит среди девчат и Маруся Товстенко…

Балицкий неприметно махнул Марусе рукой и улыбнулся. Потом громко скомандовал.

— Шаго–ом марш!..

Отойдя километра два от лагеря, Балицкий остановил группу, рассадил людей в кружок, сделал многозначительную паузу и спросил:

— Вы, хлопцы, скажите мне откровенно: никому не страшно? Никто не боится на железку идти?..

Балицкий обвел взглядом круг сидящих.

— Если кто боится, пусть скажет прямо. Отпущу назад, и ничего ему не будет… Но уж если кто-нибудь струсит у железки — пусть спуску не ждет… Ну так что — нет желающих возвратиться?..

Желающих не нашлось, и группа продолжала путь.

«Глухой ночью подошли к большому селу Камень, лежащему в нескольких километрах от железной дороги. Проводник Панков, прихватив с собою еще одного партизана, сходил в Камень на разведку и, вернувшись назад, доложил, что движение поездов происходит только в светлое время. Для охраны железной дороги немцы мобилизовали местных жителей, которые, заметив посторонних людей, должны бить железной палкой о рельс и вызывать охрану. Заодно Панков разузнал расположение постов и

время прохода патрулей.

Балицкий внимательно выслушал донесение и повел группу лесом, напрямик к железной дороге.

Медленно наступал рассвет. Где-то справа, со стороны Добруша, послышался гудок паровоза. Необычайное возбуждение охватило партизан. Группа ускоренным шагом двинулась к опушке, которая уже просматривалась сквозь поредевшие деревья.

Под кустом Балицкий заметил чьи-то ноги.

— Ты кто такой? — спросил он лежавшего под кустом человека, слегка подтолкнув его носком сапога.

— Та вот поставили немцы дорогу охранять… А я лег да и лежу, ничего не слышу…

— Ну ладно, не вставай… Ложись! — скомандовал Балицкий. — Все ложись!..

Люди, вытянувшись цепочкой, расположились за деревьями, приготовились к бою. Шум поезда нарастал.

— Подрывники, вперед! — распорядился Балицкий. — Быстро!..

Подрывники Сергей Кошель и Лазарь Баскин, пригибаясь и перескакивая через поваленные вдоль насыпи деревья, выбежали на полотно. В одну минуту установили мину, протянули шнур, воткнули шомпол между рельсами и скатились вниз по откосу насыпи…

Из-за поворота показался паровоз. Он мчал полным ходом.. Страшный удар расколол лесную тишину. Паровоз подпрыгнул, сошел с рельсов, повалился набок. С треском полезли друг на друга вагоны, поблескивая оцинкованными боками, с насыпи покатились бочки, потянуло приторным запахом бензина…

— Пулеметы! — что есть мочи закричал Балицкий.

Резанули очереди. Над поездом заполыхало багровое пламя. Колоссальный хвост черного дыма заметался от одной опушки леса к другой. Загорелись кустарники, деревья, трава. Надо было как можно скорее уходить подальше от пожара.

— Отход! — скомандовал Балицкий и дал в воздух красную ракету.

Партизаны уже подходили к лагерю, а дым гигантского пожара все еще висел над лесом.

После этого крушения гитлеровцы взяли под арест коменданта станции Добруш, с которой вышел эшелон с бензином.

В Злынке, в Новозыбкове и во всех окрестных селах, на станциях и разъездах рыскали фашистские зондеркоманды, пытаясь отыскать партизанских связных. В лесной массив, под

Софиевку, где в это время стояло соединение А. Ф. Федорова, по приказу командования вермахта двинулись крупные силы карателей…

А Григорий Балицкий почувствовал еще больший вкус к диверсиям…

В конце августа сорок второго года, когда соединение, с трудом отбиваясь от наседавших гитлеровцев, ушло в Клетнянские леса, Балицкий во главе небольшой диверсионной группы остался под Добрушем.

С Балицким остались отборные кадры подрывников — Григорий Мельников, Лазарь Баскин и один из самых молодых партизан, но уже опытный диверсант и разведчик шестнадцатилетний Вася Коробко.

В это время в соединении после долгих боев почти не оставалось боеприпасов. Однако группа Балицкого была снабжена необходимым количеством патронов.

И Балицкий оправдал возлагавшиеся на него надежды. Совместно с диверсионной группой Героя Советского Союза Ф. Кравченко, незадолго до этого заброшенной под Гомель с Большой земли, группа Балицкого взорвала 11 вражеских эшелонов… Под его командованием была уничтожена знаменитая «Голубая стрела» — поезд, в котором уезжали в отпуск и возвращались на фронт гитлеровские офицеры-отпускники. В лесной сторожке под Добрушем Балицкий организовал засаду и уничтожил двух немецких полковников, осмелившихся (под солидной охраной) отправиться на охоту.

Поздней осенью сорок второго года Григорий Васильевич Балицкий был тяжело ранен (он потерял глаз) и отправлен лечиться на Большую землю.

После выздоровления, с «Золотой Звездой» Героя Советского Союза, в погонах майора, он снова вылетал в немецкий тыл, в родное соединение партизанских отрядов.

Во главе лучшего в соединении 1–го батальона Григорий Васильевич оседлал важнейшую для гитлеровцев стальную магистраль Ковель — Ровно.

И с того времени, как отряд Балицкого появился на этой железной дороге, машинист любого фашистского паровоза, прежде чем отправиться в рейс, исподтишка творил молитву и мысленно прощался с родными…

* * *

Зеленый, поросший спорышей переулок украинского

степного города Кировограда. На углу, в тени акаций, кирпичный дом. Здесь живет Герой Советского Союза Григорий Васильевич Балицкий. Он ответственный работник Кировоградского обкома. Его жена, Мария Товстенко, боевая партизанская подруга, по–прежнему медик… Над крышей шумят вечерами высокие седые пирамидальные тополя. Напоминают они Григорию и Марии тревожный шум леса, треск веток в пламени костра, полную тревог партизанскую молодость.

Т. Амбарова
ТРИ ГОДА ПОХОДОВ

Любительский фильм не претендует ни на большой экран, ни на многочисленных зрителей. Он снят для себя, для маленькой семьи Давида Ильича Бакрадзе и ее друзей. Строго говоря, это даже не цельный, законченный фильм, скорее добросовестный кинодокумент, еще не смонтированный в определенной последовательности, сделанный неискушенной рукой. Но для Давида Ильича он дороже многих профессиональных лент. Это дорога его памяти, помогающая воссоздать в деталях события времен Великой Отечественной войны с гитлеровской Германией, когда сам он назывался украинским партизаном, командиром 9–й роты прославленного соединения Ковпака.

Когда началась война, у младшего сержанта артиллерии из Грузии, проходившего военную службу на Украине, и в мыслях не было партизанить. Зачем? Первое боевое крещение, бомбежки, стычки с врагом он пережил вместе с родным полком. С ним и собирался идти фронтовыми дорогами до конца, если бы не превратности судьбы воина.

Конотопский лагерь для военнопленных. У Давида Бакрадзе плен усилил ненависть к той злой грубой силе, власти произвола, которую принесли с собой гитлеровцы на нашу землю.

Выход на работу в город казался праздником; за спиной оставались низкие дощатые бараки, три ряда колючей проволоки и весь лагерный быт с голодом, тифом, издевательствами. К месту работы шли под конвоем; они и сейчас оставались военнопленными, заключенными, но в городе их встречали сочувственные взгляды, и это подбадривало, на время исчезало давящее чувство оторванности от мира.

Один из таких выходов за пределы лагеря пришелся на морозный январский день 1942 года. Было еще совсем темно, часы только подбирались к цифре пять, когда лагерь зашевелился. Ежась от холода, люди один за другим потянулись к выходу. У дверей каждый пригибал голову, будто готовясь нырнуть, и рывком устремлялся вперед; противное чувство — ожидание удара.

Били всех, методично и жестоко, с какой-то привычной безучастностью, точно ударами пересчитывая проходивших.

Настала его очередь. Раз… Давид пригнулся, резко отклонившись в сторону. В холодных серых глазах конвойного немца вспыхнула злоба: «Обмануть захотел? — говорили они. —

Так вот тебе, получай!» Страшный удар прикладом в лицо и резкий окрик «Рус» —последнее, что он слышал и чувствовал. Сознание померкло. Шедшие рядом Сергей Анисимов и Ной Чабукиани подхватили товарища и оттащили подальше.

Привела в чувство сильная боль: горело опухшее лицо, язык нащупал кровоточащую пустую десну; недоставало зубов.

«Первое ранение, — отметил Давид про себя, — если бы еще в бою…» Вспомнив наглые серые глаза, винтовку, занесенную для удара, ескочил с нар, рванулся к выходу. Спасибо товарищам, удержали: «Куда ты? Или решил до срока с жизнью распрощаться? Про побег забыл? Все дело провалишь».

Рисковать нельзя, это верно. Сам он первый произнес вслух слово побег, доверившись однополчанину Сергею Анисимову. Вдвоем приглядывались к людям, обдумывали план. И теперь они надеются, ждут; он не вправе подводить 30 человек.

Из своего недолгого военного опыта артиллерист Бакрадзе успел извлечь важные уроки.

На войне решающую роль часто играет выдержка. Он вспоминал, как полк попал в окружение; разобрав орудия и разбившись на мелкие группы, решили пробиваться к своим. Группа Бакрадзе из восьми человек долго блуждала по лесам, часто голодала, но в села не заходила. Двигались ночью, днем приходилось прятаться. Однажды целый день простояли в болоте по пояс в воде, таясь от немцев. Спасали бойцов выдержка, осторожность. Но вот декабрьский мороз 1941 года заставил попроситься в крестьянскую избу на ночевку. Здесь их и нашли немцы… Начался плен, концлагерь.

Нет, никак нельзя думать сейчас о расправе с конвойным, пусть останется пока неотомщенным удар, он расквитается за все сразу, потом. Главное выбраться, взяться снова за оружие.

Давид Бакрадзе стал одним из организаторов группового побега. Центром, штабом подготовки избрали лагерный лазарет. Пленные врачи устроили его санитаром. Теперь важно было перевести сюда Анисимова, Минко и других организаторов. А как? За дело взялся Миша Тартаковский, служивший у немцев переводчиком. Хитростью, обманом, выдавая себя за татарина–националиста, он втерся в доверие к лагерному начальству и тайком помогал своим. Однажды он сообщил Бакрадзе и Анисимову, что все готово. Это значило, что подпольщики города Конотопа, с которыми сумел установить связь Ной Чабукиани, разработали для беглецов маршрут и выделили проводников; оставалось назначить время. Выбор пал на воскресенье. Обычно немцы пьянствовали по воскресным дням, и в это время лагерь охранялся слабее.

29 августа 1942 года выдалось особенно удачным: охранять пленных поручили полицейским и одному немцу.

Напряжения последних часов ни с чем не сравнить: поминутно казалось, что вот–вот все сорвется, начнется тревога. Ближе к вечеру — волнение растет. «Только бы у людей хватило выдержки ничем себя не выдать», — беспокоились Бакрадзе и Анисимов.

Наконец день погас, спустились сумерки. Спокойным шагом Давид Бакрадзе и Сергей Анисимов подошли к воротам. У прохода сопровождавший их Тартаковский объяснил караульному, что ведет «могильщиков», закапывать умерших. Подозрения не вызвали. Достигнув окраины города, остановились у болота, стали считать минуты, ожидая, пока подойдут остальные группы беглецов, выбравшиеся из лагеря другими путями.

Первая ночь на воле прошла в пути, хотелось успеть уйти как можно дальше. Комсомольцы–проводники уверенно вели группу.

Вот наконец лес — Спадщанский лесной массив. Осталось переплыть Сейм, берега которого охранялись немцами. А там Брянские леса, партизанская сторона.

Молча один за другим бросались беглецы в реку и долго плыли под покровом ночи к противоположному берегу. Вспомнилась горная Дзирула, это она выучила мальчишку Давида плавать. Вот когда пригодилось!

Мысль то и дело возвращала в лагерь. Не трудно было угадать, какую злобу и жестокость вызвал обнаруженный побег. И все же не угадал, не знал Давид, что нет уже Ноя Чабукиани, оставшегося для организации нового побега, что фашисты «похоронили» и Давида с Сергеем: притащили окровавленное тряпье и объявили, что одежда снята с убитых. Для острастки. Чтоб знали военнопленные — так будет с каждым, кто решится бежать.

Опасности ждали беглецов и впереди: в пути погибли две женщины–разведчицы, и еще двух бойцов, поплатившихся жизнью за свою неосторожность, недосчиталась группа.

Встречные жители на вопрос о местонахождении партизан отвечали осторожно, не смея откровенничать с неизвестными. Встреча произошла неожиданно. Не зная, кто идет им навстречу, беглецы, услышав выстрел, открыли ответный огонь. Но скоро разобрались: это были разведчики отряда Ковпака. Они и привели пополнение в партизанский лагерь близ села Старая Гута, к ярко пылающим в лесу кострам. От того дня в памяти Давида осталось яркое пламя костров и приветливая улыбка комиссара Семена Васильевича Руднева (он тогда заменял Ковпака, вылетевшего по

делам в Москву). Вся душа этого чудесного человека светилась в его улыбке. Он предложил новичкам побыстрее улечься, отдохнуть.

Но вернемся к фильму, с которого начали.

Летом 1963 года исполнилось двадцатилетие Карпатского рейда партизан — самого трудного и славного в богатой истории соединения Ковпака. На места боев съехались многие участники похода. Бакрадзе поехал с женой и сыном. И когда он встречался с друзьями, местными жителями, беседовал, расспрашивал, рассказывал, когда шли митинги, произносились речи, его двадцатилетний сын — студент заносил все происходящее на кинопленку.

Сейчас мы смотрим этот кинодокумент вместе — я в первый раз, Давид Ильич — чуть ли не в сотый. С охотой и, кажется, с удовольствием он берет на себя роль диктора и гида, вдыхая жизнь в беззвучные кадры.

Вот мы в пути, приближаемся к Карпатам…

Дорога, дорога, то тянется ровной лентой, километр за километром стелется под колеса автомашины, увлекая все дальше, то вьется серпантином в ущельях, то взлетает вверх и падает вниз с перевала на перевал… Мелькают домишки, встретится крестьянка в белой гуцульской рубашке с вышивками у плеч. Разбегаются по склонам великаны буки и высокие островерхие пихты…

Сердцу горца Карпаты напоминают Грузию — только холоднее, суровее, темнее здешние леса. Недаром лес у подножия гор называют Черным.

Воевать в горах куда сложнее, чем на равнине, даже ковпаковцам, которые к началу Карпатского похода уже успели пройти тысячи километров по тылам противника.

Вот вплотную к шоссе приблизился бурный горный поток, белая его грива — вся в движении. Точно младший брат реки Ломницы, которую пришлось перейти партизанам на пути к Карпатам. За рекой, на том берегу, стояли немцы, подтянувшие большие силы. Но обойти Ломницу не было никакой возможности. Оставалось одно: одолеть. За рекой верный друг партизан — густой лес, а дальше в горах нефтепромыслы, важные коммуникации врага — цель ковпаковского рейда.

Ждать нельзя. Партизанский дед — Ковпак решил: форсировать Ломницу. Дал командиру 9–й роты Бакрадзе подкрепление и поручил ему нанести удар по врагу.

С боем взяли место, где можно было переправиться. Ударную группу Бакрадзе оставил на подступах к броду; остальные, подняв вверх оружие, вошли в бурную воду. Важно было сухим донести

его до противоположного берега и сразу же пустить в ход. А бой уже шел на обоих берегах. В одно и то же время партизаны атаковали немцев с двух сторон, не давая опомниться, теснили все дальше, очистили добрый десяток километров. Артиллерийская батарея и обоз переправляли, пока Бакрадзе и его «хлопцы» бились с немцами.

Слово «хлопцы» у Давида Ильича появляется неожиданно, как цветок на снегу. По–русски Бакрадзе говорит с характерным акцентом, который сразу выдает в нем кавказца, грузина. И вдруг залетное, напоенное украинскими степными запахами слово «хлопцы!» — теплое, домашнее слово, далекое от строгого военного языка.

— Видите? Это село Россульня — ворота в горы! — поясняет Давид Ильич новые кадры.

Три роты и батальон, выделенные Ковпаком для разгрома немецкого полка СС, стоявшего в Россу льне, — такой большой группой Бакрадзе пришлось командовать впервые.

Ковпак, вызвав командира 9–й роты в штаб, говорил кратко, ничего не смягчая, не скрывая. Враг собирается дать здесь решающий бой, не пропустить партизан в горы. В первую очередь надо уничтожить эсэсовский полк. Это предстояло сделать Давиду Бакрадзе.

— В два часа ночи вы атакуете село, — коротко заключил Ковпак.

Бакрадзе стал думать над планом операции. В его распоряжении роты Горланова и Дегтева. С другой стороны села ждет приказа батальон Матющенко. Несколько сотен бойцов против по меньшей мере тысячи двухсот гитлеровцев. Как тут не задуматься? Но ведь у войны, да еще у партизанской, — своя бухгалтерия.

— До встречи! Ждем с победой! — напутствовали Давида при прощании Сидор Артемьевич Ковпак и Семен Васильевич Руднев.

Бакрадзе отдал распоряжения: рота Горланова должна ударить слева, Дегтев — справа. В центре — сам, его 9–я рота, его хлопцы. На небольшом расстоянии от Россульни приготовилась к бою партизанская артиллерия: ей приказано поддержать наступление трех ударных рот и потом батальон Матющенко, когда на него навалится отступающий враг…

Вокруг тишина, ничто не предвещает близкого боя. Тянутся последние минуты ожидания. Самые трудные. Все готово, а начинать нельзя: стрелки часов не подошли к условным цифрам.

Зловеще прошипела сигнальная ракета, осветила погруженное в сон село. И — сразу тишина ночи взорвалась боевым кличем, исторгнутым сотнями ртов, топотом ног,

бешеным цокотом лошадиных копыт. Застрочили автоматы, резанули пулеметные очереди, заметались между домами светлые фигуры: немцы спросонья выскакивали в одном белье. Быстрее, быстрее вперед, бить, не давая врагу опомниться, организовать оборону!

Связные разыскивали Бакрадзе в самой гуще боя:

— Товарищ командир, 8–я рота захватила пушки, минометы противника!

— Молодец Горланов!

— Есть!

— Товарищ командир! Деркач докладывает: враг засел в штабе! Отстреливается, не дает головы поднять!..

— Передать Горланову: артиллерийский огонь по штабу!

— Есть, есть!..

Рявкнула трофейная артиллерия Горланова. Черный дым темной завесой окутал здание штаба. Вспыхнул пожар. Теперь враг в штабе присмирел, прекратил стрельбу.

Бакрадзе рванулся вперед:

— За мной!

Метнул гранату, за ней — другую. Опережая других, ворвался в дверь. Карманный фонарик выхватывает из темноты трупы убитых немцев, перевернутую, исковерканную мебель. Никого… И вдруг что-то словно подтолкнуло руку Давида Бакрадзе. Он нажал спуск автомата. Очередь, за ней — стон. И немец с пистолетом в руке, неожиданно поднявшийся с кушетки, медленно осел на пол. Убитый был без мундира, в одном белье, и только после боя Бакрадзе узнал, что в ночной схватке он сразил командира батальона СС…

Противник не выдержал удара трех рот, руководимых Бакрадзе. Дрогнул, попятился, побежал.

Дошла очередь до батальона Матющенко, ожидавшего в засаде с противоположной стороны Россульни; он подпустил бежавших немцев поближе и устроил им настоящую ловушку. Его батальон оцепил эсэсовцев, открыл по ним уничтожающий огонь и завершил начатое Бакрадзе. Лишь немногим фашистам удалось бежать. Это был успех, полный успех, торжество партизанского духа и партизанской тактики.

Давид Ильич отер пот, поднял взгляд на небо, уже подернутое утренним светом. И подумал: успели как раз вовремя. Теперь надо уходить, пока не налетели самолеты.

— Взять трофеи, — скомандовал Бакрадзе, — и в лес!..

Партизаны двинулись в горы. Полил дождь. Подъем становился все круче. Люди и лошади скользили, падали, шли с трудом, выбиваясь из сил. Но медлить нельзя — надо скорей

догнать соединение. Вот дед Ковпак подал весть о себе: за крутым ребром горного склона открылась картина гигантского пожара, к самому небу вздымались столбы пламени.

— Горят Биткувские нефтепромыслы! — радостно воскликнул Бакрадзе. — Скорей вперед!

Проглянуло голубое небо. И сразу послышался рев моторов: самолеты! Горная тропа узка, с одной стороны — пропасть, с другой — отвесная скала…

Да, запомнилась Давиду Ильичу Россульня — ворота Карпат.

А вот на экране памятное ущелье за Яремчей. Тогда, в сорок третьем, здесь шла 9–я рота. Бойцы, измученные голодом и трудностями горного похода, несли на руках раненых, подталкивали лошадей. Отряд направлялся к горе Синичке. Неожиданно от бойца к бойцу, по цепочке побежал боевой приказ Ковпака: «Девятая рота Бакрадзе — вперед!» А как ее соберешь, роту? Растянулись хлопцы, еле идут… В госпиталь бы их надо, этих людей, а не в бой! Но на вершине Синички вели бой другие — те, кому Ковпак поручил выбить немцев, очистить путь отряду. Силы были очень уж неравны. 8–й роте друга Бакрадзе — Горланова грозило уничтожение.

— Давид! — не приказывал, а просил, именно просил комиссар Руднев, обращаясь к Бакрадзе, — ты должен, понимаешь, должен помочь своему брату!

Руднев знал, что командиров 8–й и 9–й рот связывает крепкая партизанская дружба.

Давид горячо обещал помочь. Обещал и комиссару, и самому Горланову, к которому немедленно отправил связного с сообщением: «Держись, идем на выручку».

— За мной!

Давид Бакрадзе не раз наблюдал магическую силу этих двух коротких слов. Но, пожалуй, никогда еще они не вызывали такого удивительного превращения. Люди, которые еле передвигали ноги, бросились за командиром в гору, готовые к бою до победы. Нет, сейчас они совсем не казались измученными и вызывали не жалость, а восхищение. Горы огласились криками «ура», частой автоматной стрельбой. Вершина была взята сходу. А вместе с ней и такое нужное в этот момент трофейное продовольствие. Теперь можно было отпраздновать победу! К своему роскошному ужину победители пригласили Ковпака, Руднева, начальника штаба Базыму.

…Село Паляница. Десятка два разбросанных редких домов. Недалеко от села партизаны с тяжелым чувством взорвали свои пушки и минометы; невозможно было тащить их дальше в горы.

В 1963 году Давид Бакрадзе, Вано Рехвиашвили, Федор

Матющенко съездили в зто село. Вот оно, та же самая Паляница. Узнав, что прибыли ковпаковцы, гуцулы стали спускаться с гор: каждому интересно встретиться с дорогими гостями. Пастухи–гуцулы — старые друзья: это они проводили ковпаковцев по козьим тропам, которые не знали враги. Это они — пастухи приносили измученным голодом партизанам нехитрую еду — брынзу и лепешки…

Давид Ильич стал спрашивать о судьбе группы разведчиков, которых отряд недосчитался, уходя с этих мест. Могилу одного из них указала маленькая женщина–гуцулка.

— Вот здесь, — сказала она, приведя приезжих на поляну, — здесь своими руками я предала земле убитого бойца…

На экране видно, как Бакрадзе и Вано Рехвиашвили копают лопатами землю, а потом долго в грустном раздумье стоят у останков командира отделения Володи Филиппова. Позже останки разведчика перенесли в братскую могилу в Яремче, где погребены 40 партизан–ковпаковцев.

Делятин… Город партизанской славы.

— Вот мост через Прут, который мы тогда взорвали, чтобы вывести из строя железнодорожную линию, — поясняет мелькающие кадры Давид Ильич.

…Август 1943 года. Несколько дней идут бои. Дело доходит до рукопашной. Немцы наседают. Они уверены, что сумеют начисто разгромить окруженных партизан. Окрестные села и города заняты крупными гарнизонами противника. Гитлеровцы перекрыли все дороги и тропы, ждут партизан в долинах и на переправах…

4 августа в походном дневнике Бакрадзе появились строки: «Чтобы оторваться от противника и выйти на равнину, командование отряда принимает решение взять штурмом г. Делятин и продвигаться на восток… Моя рота находилась в группе ударных сил, предназначенных для взятия города…»

Разведка сообщила: в городе находится штаб немецкой дивизии.

К Бакрадзе, читающему приказ о штурме, подошел Руднев.

— К бою готов, Давид? Как настроение бойцов? — заботливо спросил он. — Это будет очень трудное сражение. Но надо его выиграть непременно!

Командир 9–й роты мог головой поручиться за своих бойцов — хоть до Берлина готовы идти. Только вот очень уж они изголодались, а голод в бою не союзник, а враг.

Тотчас Руднев распорядился выдать бойцам сало и муку из неприкосновенного запаса, бесценного продовольственного фонда соединения.

— Делятин — это вам не стычки в горах! — напутствовал Ковпак командиров ударной группы. — Действовать быстро, решительно, не оглядываясь!..

Делятин расстилался перед ними, спящий, мирный, в электрических огнях… Немцы никак не ждали, что партизаны дерзнут атаковать этот самый крупный и самый укрепленный город у подножия Карпат. Снова, как и в Россульне, — внезапность нападения, четкие и быстрые действия партизан, паника среди фашистов. Сами участники штурма вздрогнули, когда страшный грохот потряс город, а за ним раздалось еще несколько сильных взрывов.

«Работа Матющенко! — подумалось Давиду. — А вот там действует Кульбака», — отметил он про себя при виде языков пламени. Взрыв и пожар означали, что взорван железнодорожный мост, горят нефтехранилища, железнодорожная станция, товарные склады…

На бегу, возбужденный успешным началом штурма, начальник разведки Петр Вершигора крикнул Бакрадзе, что большая часть гарнизона бежала по шоссе. К рассвету надо ждать сильного отпора — немцы подтянут свежие силы.

Огонь врага и впрямь нарастал. Упал Сергей Горланов и с ним — разведчики. Забыли они об осторожности. Кинулись догонять бегущих фашистов, и на открытой дороге догнала их немецкая автоматная очередь!

Но в бою некогда горевать. Да еще в таком бою! Поступил приказ 9–й роте обойти противника с тыла, атаковать.

Как и предвидел Вершигора, бой, начавшийся на рассвете, оказался гораздо сложнее. Теперь наступали немцы, пустившие в ход подошедшие танки и механизированные части. На улицах завязались рукопашные бои. Выполнить приказ командования — покинуть Делятин стало невозможно; враг сидел буквально на плечах — не сбросишь, не оторвешься. Подразделения партизан оказались рассеченными и изолированными.

Бакрадзе получил переданный Рудневым приказ — занять села Белую и Черную Ославу, очистить от немцев дорогу, ведущую к ним от Делятина, подготовить ее для продвижения соединения.

На рассвете удалось захватить возвышенность на пути к селам и отбить ожесточенную атаку немцев.

В самый ее разгар Давид Ильич заметил рядом сына Руднева Радика, который потерял из виду отца в уличном бою. Зерно тревоги запало в сердце партизанского командира: «Как там комиссар? Что с ним?» Велел Радику не отходить ни на шаг от себя.

Как-то странно, неровно, рывками задвигались хлеба в поле справа от дороги. Обходят немцы! — догадался Бакрадзе. Поняв маневр врага, он повел бойцов вперед и очистил дорогу. Одна высота взята. За ней — вторая, третья… И вот уже на всех возвышенностях вокруг села господствуют партизаны. Но у подножия каждой высоты ждет вражеская засада. Бой приходится принимать на ходу, драться. Партизаны Бакрадзе действуют быстро и решительно. И вот уже засады полегли под партизанскими пулями, а оставшиеся в живых фашисты бежали прочь. Последнее усилие — короткий, ожесточенный бой за село, и приказ Руднева выполнен! Что дальше? В городе по–прежнему жарко, если судить по грохоту артиллерии, по вою танковых моторов и лязгу гусениц. Ждать, когда рядом идет тяжелый бой, не легче, чем действовать. Мозг сверлят мысли: где штаб? Где Ковпак?.. Где комиссар?..

Отставший от штаба Базима принес недобрые вести: положение в городе очень тяжелое… Руднев? Видел его на мосту, на переправе через бурный Прут, под непрерывным огнем.

Группу партизан на трофейных автомашинах Бакрадзе послал на поиски комиссара.

— Может, и всему штабу с Ковпаком перебраться сюда? Здесь безопаснее, — сказал Бакрадзе начальнику штаба.

— Дай бойцов, попробуем связаться со штабом! — согласился Базима.

Подходили отставшие партизаны. Бакрадзе распорядился раздать им захваченные в бою продукты питания, а сам с небольшой группой отправился очищать от неприятеля ущелье, в котором еще удерживалась группа гитлеровцев.

Поступили новые вести. Штаб под командованием Ковпака сумел перетащить раненых и имущество через Прут и ушел в горы. Мост партизаны взорвали, помешав немцам преследовать соединение. О Рудневе по–прежнему ничего не известно…

Удерживать занятые ротой Бакрадзе села становилось трудно. Немцы подтянули подкрепления. Начался бой. Противник стал жать со всех сторон — выдерживать натиск все тяжелее, вторые сутки бойцы на ногах, вторые сутки дерутся.

Штабной писарь Тутученко, прибывший от Ковпака, принес приказ: пробиваться к своим в горы.

— А комиссар? — спросил Бакрадзе. — Что с Рудневым?

— О нем ничего не известно.

— Базима?..

— Он там, в штабе…

За долгое время впервые встреча с Ковпаком была не радостной. Сидор Артемьевич и все партизаны тяжело

переживали утрату комиссара…

Делятинское сражение нанесло серьезный урон противнику, но дорогой феной заплатило за него и партизанское соединение. После него Ковпак решил изменить тактику, разбить полуторатысячный отряд на немногочисленные группы, способные на большую гибкость, маневренность, подвижность.

Так закончился Карпатский рейд, про который ковпаковец поэт Платон Воронько сложил стихи, записанные в походном дневнике Давида Бакрадзе:

По высоким Карпатским отрогам,
Там, где Быстрица — злая река,
По звериным тропам и дорогам
Пробирался отряд Ковпака…

На Делятин рванулись герои,
Будто гром среди ясного дня.
Только отзвук боев за горою,
Только заревом моря огня.

…Сегодняшний Делятин и похож на прежний и отличен от него. Электростанция, станция железной дороги — все на месте, будто не было ни взрывов, ни артиллерийского огня, ни боев. Но есть и приметы войны: улица Ковпака, 12. Такой улицы прежде здесь не знали. А сейчас по этому адресу живет проводник, который в памятные дни рейда помог отставшему от роты Бакрадзе добраться до своих.

Неподалеку от города, в селе Белая Ослава, где стоял штаб 9–й роты, Давид Ильич увиделся с Дмитрием Стругом — другим проводником. В кадре фильма — дом, где живет Дмитрий Струг. Дом этот… ранен. Со времен войны осталась пометка на его стене — следы немецкой автоматной очереди.

На экране — митинг в городе Делятине. Море голов. Да, в местном клубе имени Руднева никак не разместиться всем желающим. Митинг выплеснулся из клубного зала на поле стадиона.

Выступает Ковпак — прославленный партизанский генерал. Многим памятны события, о которых он говорит. Притихли и дети в красных галстуках и с букетами в руках.

Одного за другим Сидор Артемьевич представляет участникам митинга героев Карпатского рейда и первым среди них называет Давида Ильича Бакрадзе.

О Карпатском рейде в Яремче напоминает небольшой ковпаковский музей. С удивлением обнаружил здесь Давид Бакрадзе неизвестную ему фотографию. На ней — он сам с товарищами, обросшими, худыми, с усталыми лицами. Видно, сразу после боя. Кто снимал их? Когда?..

Недавно в Тбилиси Давид Ильич получил письмо от директора Яремчанского партизанского музея Михаила Музыря. Он писал, что из Киева привезен переломившийся в бою на реке Немане автомат Бакрадзе. Давид Ильич до сих пор не может понять, как уцелел он сам тогда, в ту минуту. Осколок снаряда развороти автомат, который он держал в руках, а самого Бакрадзе только опрокинуло навзничь взрывной волной. Да мало ли таких случаев пережил Давид Ильич во время войны! Однажды пулеметная очередь прошила полы его партизанской шинели, в другой раз пуля свалила под ним коня. Было и такое: взрывом отбросило партизанского командира в сторону и засыпало землей… И при всем этом — ни одного ранения за три года бесконечных боев и походов! Правду говорят: смелого пуля боится!..

Время не может стереть в памяти ничего из той трудной и необыкновенной жизни, которую прожил в несколько военных лет украинский партизан Давид Бакрадзе, как не в силах они вычеркнуть войну из памяти народа…

А. Бринский, Герой Советского Союза
ПОСЛАНЕЦ МОСКВЫ

Бывает так: встретишь человека, познакомишься, и на всю жизнь останется в твоей памяти большой след от первой встречи с ним. Такой след оставил в моей памяти Иван Николаевич Банов, носивший в тылу врага фамилию Черный.

Было это летом 1942 года — в один из самых тяжелых периодов Великой Отечественной войны. Гитлеровцы захватили Севастополь, рвались к Волге, достигли предгорьев Кавказа.

В это трудное время партизанские отряды нашего соединения совершили шестисоткилометровый рейд по тылам врага и из Витебщины вышли в Западное Полесье. Командир соединения — полковник Линьков Григорий Матвеевич, Батя, остановился со своим штабом в районе Червонного озера, а я с отрядом вышел к Выгоновскому озеру, севернее Пинска. Перед нами стояла задача — развернуть диверсионно–разведывательную работу на железнодорожных узлах — Брестском, Барановичском, Лунинецком, задерживать резервы врага на важнейших коммуникациях. Вот тогда и появился у нас Иван Николаевич Банов, сыгравший большую роль в развитии партизанского движения в Западном Полесье.

От нас до центральной базы было не менее полутораста километров, но связь с ней мы поддерживали аккуратно — и по радио, и живую. На Червонном озере Батя принимал самолеты, которые доставляли с Большой земли взрывчатку, оружие, боеприпасы и различную литературу. В литературе, особенно в газетах, мы нуждались почти так же остро, как и в взрывчатке: необходимо было знать и доносить до народа правду о войне, о положении внутри нашей страны и о международном положении, правду, которую так хитро и так нахально искажала или замалчивала гитлеровская пропаганда.

Через каждые десять дней на центральную базу отправлялись группы связи, которые преодолевали 150 километров лесов и болот туда и столько же обратно, чтобы поддерживать боеспособность отряда.

В пасмурный, не по–августовски холодный день ждали мы возвращения с базы группы капитана Гончарука. После обеда я вышел на восточную опушку лесного островка, на котором расположен был партизанский лагерь. Часовой (с вышки наблюдательного пункта далеко видно) доложил, что по лесной дороге движется большая группа партизан во главе с Гончаруком.

Вскоре они показались на нашей тропке. Шли медленно, тяжело нагруженные. Это нас обрадовало. Значит, несут нам подарки Большой земли.

Среди знакомых фигур наших бойцов мы сразу заметили нескольких новичков, одетых в одинаковые черно–синие куртки десантников. Один из них шагал рядом с Гончаруком. Когда подошли, Гончарук доложил о выполнении задания: взрывчатку принесли, никаких происшествий по пути не было. И, отступив на полшага, вполоборота к своему спутнику, представил его:

— С нами прибыл товарищ Черный, заместитель Бати.

Он и на самом деле был черным — молодой, хорошо сложенный брюнет с правильными чертами смуглого лица и густыми бровями. И новенькая десантка с цигейковым воротником, и добротные сапоги — все на нем было хорошо пригнано, ладно сидело.

Здороваясь, он представился четко, по–военному:

— Капитан Черный!

— Майор Бринский, — ответил я, пожимая его руку. — Откуда?

— С Большой земли… А точнее — недавно из Москвы.

По правде сказать, вопрос был лишним, так же как и ответ: слишком уж выделялись чистые костюмы десантников среди разношерстной и поношенной, видавшей всякие виды одежды наших партизан.

Возвращение связных с центральной базы всегда было для нас радостным событием, а теперь особенно: прилетел человек из Москвы, привез радиостанцию, литературу, свежие газеты, а главное, сам он расскажет, что творится за линией фронта, как живут наши советские люди.

В тот же день вечером Черный провел беседу с партизанами о положении на Большой земле и на фронтах. Казалось, конца не будет вопросам. Говорили обо всем, любая мелочь была для нас интересной, дорогой, важной. Подумать только: ведь мы больше года находились во вражеском тылу.

Иногда бывает, что старший начальник или его представитель, прибывая в часть, сразу начинает искать недостатки, вмешиваться в работу, отдавать всякие приказания и распоряжения от имени командования, подчеркивая свое начальническое «я». Кое-кто из моих помощников ждал этого и от Черного. Капитан Анищенко так и сказал:

— Будет теперь показывать нам свое превосходство. Мы — окруженцы, а он — представитель Москвы. Только мешать будет.

Наблюдательный Анищенко первый высказал предположение, что Черный не настоящая фамилия, а просто кличка.

Однако опасения Анищенко не оправдались. Иван Николаевич никому не мешал, «не строил из себя представителя центра», а как-то незаметно, весело и просто вошел в наш круг. Партизаны полюбили его за неизменную жизнерадостность, за остроумные рассказы и за то, что он не чуждался нехитрых наших развлечений, садился с бойцами, как равный с равными, играть в домино «на высадку». Часто можно было видеть Черного окруженным партизанами возле костра или в землянке. Казалось, что он кроме указаний центра привез с собой неисчерпаемый запас уверенности, бодрости, веселья, которые так необходимы были в это трудное время. Что греха таить: некоторые партизаны очень тяжело переживали наши неудачи на фронтах и нередко бывали в плохом настроении.

Черный оказался хорошим затейником и организатором. В лагере появилась гитара, и в свободное время Вася Гусев, перебирая струны, выводил негромким и мягким тенорком:

Василечки, василечки,
Голубые васильки…

Потом принесли гармонику. Анищенко играл саратовские частушки.

Очень скоро даже самые недоверчивые убедились, что Черный приехал к нам не за тем, чтобы инспектировать, а за тем, чтобы работать вместе с нами.

Ознакомившись с нашей работой, Иван Николаевич сказал:

— Подрывники работают отлично, есть чему поучиться и другим отрядам, а вот с разведчиками дело обстоит хуже. Давайте я займусь с ними.

Подобрал группу способных к этому делу людей и начал проводить с ними занятия. Так в лесу появилось нечто вроде школы разведчиков. Не ограничиваясь общими занятиями, Черный работал с каждым в отдельности, учитывая индивидуальные качества и возможности своих учеников. Силачей — Гальченко, Цимбала, Новикова, Шелестова готовил к захвату «языков». Самых молодых — почти мальчиков — Колю Голумбиевского и Ваню Белоруса учил маршрутной разведке: ходить по населенным пунктам, занятым фашистами, и все видеть, узнавать и запоминать, т. е., не вызывая подозрений, собирать сведения о противнике. Вскоре Коля и Ваня зарекомендовали себя способными разведчиками, и не только как маршрутчики.

Однажды, когда для партизанской рации необходимо было питание, ребята проникли в сад дома, где жил немецкий комендант. Ваня, воспользовавшись открытым окном, залез в комнату коменданта, который в это время пьянствовал рядом за перегородкой, и спрятался у него под кроватью. А Коля лежал, притаившись в кустах. Когда пьяный хозяин вернулся и заснул, Ваня прикончил фашиста, а радиоприемник с питанием передал через окно Коле.

Иван Николаевич подготовил еще две группы: одну для диверсий в гитлеровских учреждениях, в воинских частях и на предприятиях, другую (в нее входили партизаны, знающие немецкий язык) — для работы среди немцев. Знание немецкого языка помогло партизану Семенюкову разоружить четверых гитлеровцев, угнать из Барановичского лагеря военнопленных грузовую машину и выручить из фашистского плена шестнадцать советских бойцов. Вместе со своими учениками Иван Николаевич ходил за «языком» и на диверсии.

До прихода к нам Черного мы производили взрывы на железных дорогах при помощи электровзрывателей или бикфордова шнура. Это и трудно, и ненадежно. Электровзрыватели иногда отказывали, а зажигать бикфордов шнур надо тогда, когда поезд уже приближался к месту намечаемого взрыва. Иван Николаевич предложил новый способ, названный впоследствии удочкой. Закладывали мину под рельсы и к чеке взрывателя привязывали тонкую и прочную веревку длиной 25–30 метров. Диверсант, скрытый в кустах около железнодорожного полотна, мог дернуть эту веревку в любой момент — взорвать мину под паровозом или под любым из вагонов. Этот способ опасен — ведь диверсант до последнего момента остается в непосредственной близости от места диверсии, — но зато безотказно надежен. Им мы обычно и пользовались, и не только на железных дорогах, йо и на шоссейных.

Первый выход Черного на боевую операцию под Барановичи был очень удачным. Он не только установил связи с нужными нам людьми и собрал сведения о вражеском гарнизоне, но и организовал диверсии на радиоузле, в военной пекарне, на аэродроме и на железнодорожной станции.

Несмотря на молодость, Черный оказался на редкость дельным работником и энергичным, знающим руководителем. Ему шел двадцать шестой год, он ровесник Октября. Ни царской России, ни гражданской войны он, конечно, не помнит. Рос в свободной стране, учился в советской школе. Все дороги ему были доступны, все двери открыты. Но и у него та же упрямая

воля, та же хватка, та же деловитость и настойчивость, какими обладали испытанные большевистские руководители. Он из коммунистов молодого поколения, воспитанных Советской властью и старшим поколением коммунистов.

* * *

Черный прибыл к нам как нельзя кстати. Тогда в этих районах возникло много партизанских отрядов: имени Щорса, имени Чапаева, имени Димитрова, «Советская Белорусь», отряд Картухина и другие, несколько отрядов перешли через Западный Буг из Польши. Все отряды уже имели какой-то партизанский опыт, но перспективы дальнейшей работы для многих были неясны. Распространено было мнение, что надо идти на восток, переходить линию фронта, присоединяться к регулярной Красной Армии или, в крайнем случае, партизанить в прифронтовой полосе. Приверженцы этого взгляда считали, что борьба в глубоком тылу, без связи с Большой землей, без солидной военной техники бессмысленна.

Черный, изучая обстановку нашей работы, столкнулся с выразителями этого мнения, и мы с ним решили побывать в партизанских отрядах, в ряде населенных пунктов, побеседовать, переубедить маловеров, объяснить им, что движение на восток поведет только к ненужным жертвам, к потере времени и людей.

Первая встреча с партизанами произошла в отрядах имени Щорса. Собрались на широкой лесной поляне около лагеря. Сотни лиц, которых Черный видел впервые, сотни людей, о которых он знал только, что они много испытали за этот самый первый и самый тяжелый год войны, с большим вниманием слушали его, уполномоченного центра. Среди собравшихся были и недовольные, и сомневавшиеся, и даже обиженные тем, что их оставили в тылу врага. Иван Николаевич словно перехватил их невысказанные мысли.

— Меня прислали из Москвы, чтобы рассказать вам, что творится на Большой земле, как наш народ готовит разгром врага. Этот разгром не за горами. Вы скоро и сами в этом убедитесь. — Черный сделал небольшую паузу, затем продолжал : — Я понимаю, что вы те, кто знает первые дни войны, горечь отступления. Многие побывали в плену, испытали все его ужасы. Но ничто вас не сломило, вы взялись за оружие, чтобы мстить врагу.

Потом он говорил о положении на фронтах, о трудовых подвигах наших братьев на Большой земле и о наших

партизанских задачах. А задачи эти состояли в том, чтобы шире развернуть народную борьбу в тылу врага, особенно на его коммуникациях.

Черный подошел к географической карте, которую специально для этого прикрепил к сосне, и стал показывать слушателям, как далеко гитлеровская армия оторвалась от своих баз снабжения. Все необходимое фашисты должны подвозить главным образом по железным дорогам, и если мы, партизаны, нарушим это движение, что получится?!

Иван Николаевич показывал на железнодорожные узлы, которые находились рядом с нами: Брестский, Барановичский, Лунинецкий. А недалеко еще Ковельский, Варшавский, Белостокский и Гродненский.

— Надо парализовать движение на этих дорогах, надо расстроить работу всех тыловых учреждений противника, надо отвлекать на себя как можно больше вражеских сил.

Когда Черный закончил, его, как говорят, засыпали вопросами. И все больше о наступлении фашистов на юге и о втором фронте. Разговоры о втором фронте были тогда в моде, но Иван Николаевич, рассказав об английском десанте в Дюнкерке, заметил, что Черчиллю, очевидно, пока что невыгодно открывать второй фронт. А нам, партизанам, не пристало дожидаться. Мы сами обязаны создать второй фронт.

Высказывания Черного о задачах и методах партизанской борьбы в тылу врага вызвали возражения и горячие споры. Некоторые из присутствовавших хотели показать представителю Москвы, что они уже учены — прошли школу партизанской борьбы, которой москвич не знает. Другие требовали оружия, которым должна снабжать партизан Большая земля; требовали, чтобы раненых партизан вывозили на самолетах из вражеского тыла.

Черный спокойно слушал спорщиков, записывал в блокнот их требования и возражения. Отвечал обстоятельно и подробно. Конечно, Большая земля не может снабдить оружием всех. Надо вооружаться за счет врагов: разоружать «самоохову» (самооборону), организованную фашистами в некоторых селах Белоруссии, делать налеты на гитлеровские гарнизоны, подбивать на дорогах отдельные машины, подкарауливать мотоциклистов и велосипедистов. Иван Николаевич приводил примеры из боевой практики наших отрядов, с которой он уже успел ознакомиться. Да ему и самому на Брянском фронте приходилось бывать в тылу врага — за «языком», приходилось делать налеты на небольшие немецкие гарнизоны.

Все это было убедительно и не вызывало никаких

возражений, но, когда Иван Николаевич начал перечислять простейшие средства, применяемые в народной борьбе, такие, как топор, пила, багор, спички, солома, бензин, гвозди, спор разгорелся с новой силой. Кое-кто стал смеяться над этими орудиями, считая, что Черный обижает и унижает достоинство народных мстителей, предлагая им методами времен Ивана Грозного бороться с новейшей военной техникой.

Иван Николаевич дал возможность недовольным пошуметь, поговорить между собой, а потом так же спокойно и с той же убедительностью принялся объяснять, как при помощи топора и пилы можно уничтожить телефонно–телеграфную линию, а ведь без этой линии невозможно и нормальное движение поездов. Где линия связи охраняется, рвите ее баграми. Пилой и топором разрушают мосты, спичками и соломой уничтожают склады боеприпасов, продовольствия и горючего. И даже простая веревка, протянутая на пути немецкого мотоциклиста, является оружием. Черный не только перечислял все эти виды оружия, но и приводил конкретные примеры их применения.

На собрании слышались и нездоровые настроения.

— Вот ты говоришь о нашей силе, — кричал высокий худощавый парень, обращаясь к Черному, — а где она? Где Красная Армия? Немцы так далеко зашли, что уже и Москву взять собираются. Вот ты говоришь, что партизаны — большая сила, а куда уж нам, если регулярная армия не сумела справиться с немецкой техникой? Что мы сделаем?

Однако такие выкрики встречали должный отпор, в первую очередь, со стороны самих партизан.

Очень трудно лечить раненых в партизанских условиях. А переправлять всех на Большую землю невозможно. Значит, надо было решать этот вопрос на месте, создавать партизанские госпитали в самых глухих лесах, на островках среди болот, сохраняя в глубокой тайне их местонахождение.

Выступления Черного перед партизанами и беседы с местными крестьянами в то трудное время сыграли громадную роль. Вскоре деятельность партизан в этих районах заметно усилилась.

Особенно удачны были операции, проведенные отрядами имени Щорса, которые разгромили немецкий гарнизон в Чемолах. Отряд Картухина сделал налет на районный центр Кшивошин, разрушил полотно на узкоколейной дороге Кшивошин — Липск, уничтожил два паровоза на магистрали Брест — Барановичи, ликвидировал несколько бензозаправочных и продовольственных пунктов.

Я уже упоминал, что Иван Николаевич принимал

непосредственное участие в наших боевых операциях: то он был под Пинском, то под Барановичами, то в разведке, то на диверсиях. В сентябре 1942 года Черный возвращался с группой партизан из-под Барановичей. Операция прошла удачно: на одном из аэродромов взорвались мины, два фашистских самолета не поднялись в воздух. А на обратном пути Черному стало известно, что немцы при помощи кшивошинского бургомистра ездят по селам, собирают и грузят на машины и на повозки хлеб, а потом, расцветив повозки плакатами, конвоируют их до железнодорожной станции. Предатель хотел выслужиться перед немецким начальством, показать, что крестьяне его района сдают немцам зерно не только «добровольно», но и организованно.

Партизаны во главе с Черным успели перехватить обоз на самом выезде из Кшивошина. Устроили засаду, открыли огонь по кабинам, и машины остановились. Партизаны расправились с фашистами и самим бургомистром, а зерно вернули крестьянам, затем завели машины, уселись на них и с красными флагами проехали по ряду сел. В Островах и Липске собрали крестьян, и перед ними выступил Иван Николаевич как посланец Большой земли. Он призвал их к борьбе с гитлеровскими захватчиками.

В деревне Залужье после беседы, проведенной Иваном Николаевичем, один из крестьян задал ему неожиданный вопрос:

— А что вы будете с машинами делать?

— В Щару загоним.

— И не жалко?

На это ответили смехом. Крестьянину было жалко исправных машин, но, зная, что немцы все равно бы их себе забрали, он обратился к партизанам с просьбой:

— Вы бы нам разрешили гуму снять. Ведь пропадет. А машинам все равно тонуть.

Гумой они называли резину.

— А зачем тебе?

Сразу заговорило несколько голосов:

— Ну как же!.. Уж вы, товарищ, разрешите!

— Пожалуйста, снимайте!

Крестьяне обрадовались.

— Надо разделить, чтобы всем хватило.

И начался дележ. Старик, очевидно уважаемый всеми, вызывал:

— А ну-ка, Олесь, подходи! Давай ногу.

Мерил ступню подходившего — и тут же — прямо с покрышки колеса — отрезал его долю.

В какие-нибудь полчаса машины «разули», а потом помогли партизанам вывезти их к реке и с крутого обрыва сбросить в воду.

* * *

В начале ноября Черный вернулся на Червонное озеро, в штаб. Батя собирался в Москву по приказу центра, а Иван Николаевич оставался за него.

Вскоре и я был вызван на центральную базу, чтобы оттуда направиться в западные области Украины.

Ивана Николаевича я застал в штабной землянке, он беседовал с незнакомым молодым человеком.

— Вот хорошо, что приехал, — сказал Черный, — нам о многом надо потолковать. Познакомься: это товарищ Конопадский, герой Микашевичского кинотеатра, — показал он на своего собеседника.

Еще в пути мы слышали, что в Микашевичском кинотеатре произошел взрыв, но подробностей не знали. Черный рассказывал. В начале ноября каратели–эсэсовцы на хуторе Сенкевичи согнали в здание школы 240 местных жителей — женщин, детей, стариков. Обложили школу соломой и подожгли. Все люди сгорели. Позднее эти каратели прибыли в Микашевичи на отдых. Работающий там киномехаником Конопадский решил отомстить убийцам. Связался с нашими разведчиками, те снабдили его взрывчаткой, научили, как лучше заминировать кинотеатр. Когда каратели пришли смотреть очередную картину, в зале произошел взрыв — и на сто пятьдесят два фашиста стало меньше.

Я крепко пожал руку молодому человеку.

— Спасибо, друг.

А Иван Николаевич добавил:

— Вот бы побольше таких операций. Жаль, что не хватает взрывчатки.

Действительно, положение тогда создалось такое, что взрывчатку достать было труднее, чем золото.

Известие о том, что мне придется идти на Украину, не особенно обрадовало: мне жалко было расставаться с Белоруссией, с теми районами, где все было налажено и подготовлено к зиме.

Как опытный разведчик, Иван Николаевич к моему приходу уже успел собрать необходимые сведения о тех местах, где мне предстояло работать. Под Ровно и Луцком побывали его ученики Анатолий Сидельников, Иван Крывышко и Василий Колесников. Они даже карту принесли.

— Вот смотри, как фашисты расчленили Украину, — сказал он, развертывая передо мной эту карту.

Галиция присоединялась к Польскому генерал–

губернаторству. Вся территория между Южным Бугом и Днестром, Буковина и Измаильская область с центром в Одессе были переданы Румынии. Харьковская, Сумская, Черниговская области и Донбасс оставались в непосредственном подчинении фашистского командования. Старая Волынь, Подолия, Житомирщина, Киевщина, Полтавщина и западные области составили Украинское генерал–губернаторство. Ставленник Гитлера рейхскомиссар Кох управлял этой урезанной Украиной, разделив ее на шесть округов, во главе которых стояли генерал–комиссары. Рейхскомиссариат Украины находился в Ровно, а генерал–губернаторство Волыни и Подолии — в Луцке.

— Соседство у тебя будет не из приятных, — предупредил Черный, — зато есть, где развернуться. Кроме рейхскомиссариата с большим чиновничьим аппаратом и мощными гарнизонами там усердствуют украинские буржуазные националисты. Они кричали о «единой неделимой Украине» и сами же принимали участие в расчленении своей родины. Громкие слова остались словами, на деле они так же, как и немецкие фашисты, обманывают народ. Хотят поработить его, сделаться его хозяевами под покровительством гитлеровской Германии.

В заключение Иван Николаевич сказал, что со мной пойдут Сидельников и Крывышко, уже побывавшие в этих местах.

На другой день с отрядом около сотни человек я уходил на Украину. Более четырех километров шел вместе с нами Черный. О чем только мы не говорили! Но все снова и снова возвращались к вопросу о взрывчатке — где ее взять? И как лучше организовывать скрытые диверсии?

— Возможно, на Украине ты найдешь взрывчатку, — сказал на прощание Иван Николаевич, и не ошибся.

Когда Батя улетел на Большую землю, Черный с присущей ему энергией взялся за работу, и мы на Украине многим были обязаны его руководству и его помощи. К весне 1943 года у нас были уже две партизанские бригады, обеспеченные радиосвязью, — одна под Ковелем, другая — под Сарнами, да еще несколько отдельных отрядов. А потом был разрешен и самый трудный вопрос — о взрывчатке. Мы научились добывать тол из неразорвавшихся снарядов и авиабомб и выплавили его около двадцати тонн. Мы сами конструировали мины — такие, какие нам были необходимы. И во всем этом самое горячее участие принимал Иван Николаевич. Даже тогда, когда наши партизанские бригады были слиты в самостоятельное соединение, подчиненное непосредственно Московскому центру, живое участие Черного во всех наших делах и теснейшая наша связь с ним не прекращались. Мы выручали друг друга

взрывчаткой, боеприпасами, питанием для радиостанций, обменивались информацией о фашистских гарнизонах. Осенью 1943 года Иван Николаевич передал нам несколько противотанковых ружей, которые мы использовали при обстреле вражеских поездов. Мы в свою очередь посылали ему бензин, необходимый для движка на радиоузле, бумагу и другие материалы, которые удавалось захватить у фашистов.

Расстояние между нами было около 300 километров, но самолеты с Большой земли продолжали приносить грузы на центральную базу; и нам приходилось так же регулярно, как и с Выгоновского озера, посылать за этими грузами своих людей. Кроме того, Черный вызывал время от времени с отчетами командиров наших отрядов. Так осуществлялась регулярная живая связь.

В конце июня 1943 года я был вызван на центральную базу, чтобы оттуда лететь в Москву. Семь месяцев я не видал Ивана Николаевича и, встретившись снова, с трудом узнал его. Нет, он был тот же — та же фигура, то же лицо, но роскошная черная борода покрывала теперь всю его грудь. Мы пошутили, посмеялись по поводу этой бороды, а потом сколько было разговоров о ней среди партизан всех наших отрядов! Это — мелочь, но она как-то по–своему характеризует близость наших отношений.

А много спустя — в конце января 1944 года (я тогда был под Ковелем) прибежал ко мне среди ночи дежурный по лагерю.

— Товарищ командир, Черный приехал.

— Какой Черный?

— Наш, с Червонного озера.

— Не может быть!

Мне и в самом деле не верилось: как он мог тут появиться? Даже радиограммы не дал! Но не успел я надеть десантку, как Черный уже стоял в дверях. Вместо широкой черной бороды, о которой не мало у нас говорили, опять у него был голый, чисто выбритый подбородок.

— Иван Николаевич, каким чудом?

— Не ждал? Меня у вас никто и узнавать не хочет. На заставе задержали и ничего не слушают: мы Черного знаем, Черный с бородой ходит. Хорошо, что нашелся один — все-таки признал.

— Так ведь у нас молодых много, — сказал я, — они не знают. И действительно — без бороды. Куда ты ее девал?

— Бросил, рано еще стареть.

— Жалко, красивая была борода.

Ясно, что Иван Николаевич не случайно приехал сюда от Червонного озера. По приказу Московского центра он шел теперь

со всем своим хозяйством на запад — помогать полякам быстрее освободиться от гитлеровского ига. Шел по нашему партизанскому краю и перед переправой через Буг (южнее Бреста), находясь недалеко от нашего лагеря, не мог не заехать к нам.

Через день мы проводили Ивана Николаевича в Польшу. Это было 23 января, а меньше чем через две недели — 4 февраля — радио донесло до нас Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Ивану Николаевичу Банову звания Героя Советского Союза.

Слушая этот Указ, мы сожалели, что не можем поздравить героя, но знали, что и он слышит эту радостную для него весть. Там, далеко за Бугом, он и оставался почти до самого конца 1944 года, руководя действиями наших партизан на польской земле. Двумя орденами наградило его за боевые дела правительство Польской Народной Республики.

…Закончилась война. Иван Николаевич вернулся в Академию имени М. В. Фрунзе. Окончил ее и продолжает службу в рядах Советской Армии.

Годы посеребрили его голову. Теперь его вернее было бы называть не Черным, а белым. Черными остались только густые брови, из-под которых по–юношески задорно смотрят молодые глаза. Но я, когда вспоминаю его, пишу ему письма, снова вижу того же молодого энергичного брюнета, который явился в наш лагерь у Выгоновского озера летом 1942 года.

О. Куприн
ОН БЫЛ СОЛДАТОМ

Дорога петляет по лесу. Колея едва угадывается, заросла травой. Трава рыжая, примятая дождями. Видно, мало кто здесь ездит. Забытый путь. Или опасный…

Тихо. Только слегка поскрипывают подводы. Закроешь глаза — и видишь детство, другую осень и другую дорогу в лесу. Если не детство и не дорогу, то обязательно что-нибудь мирное. Хорошая тишина, добрая и большая. В такой тишине можно вспомнить тысячи звуков. Шорох моря. Чуть слышные шаги матери. Даже безмолвие падающего снега.

— Федор Иосифович, вы были на Каспийском море?

— Нет, Володя. А что?

— Родился я там, а вот не помню. Интересно, какое оно…

— Соленое.

Володя лежит на спине, смотрит в серое небо, на ветки деревьев с багровыми листочками. Листочки чуть трепещут на легком ветерке, словно прощаются с этим миром. Дунет чуть посильнее, и летят они вниз, падают в лужи и отправляются в грустное осеннее плавание — маленькие кораблики.

Где-то в стороне хлопнул винтовочный выстрел. За ним второй, третий. И опять тихо. Только теперь тишина другая, зловещая военная тишина. И думать нужно не о том, что было в прошлом, а о том, что ждет тебя через минуту, вон за тем очередным поворотом лесной дороги.

Они едут уже не первые сутки. Пять партизан–подрывников держат путь в штаб соединения. Они из разных отрядов, и дела у них в штабе разные. Федор Иосифович Кравченко торопится за взрывчаткой, а Володя Бондаренко просто не хотел расставаться с командиром. Да и потом мало ли что может случиться. Лишний автомат в таком путешествии не помешает.

Места по дороге от лагеря подрывников до штаба соединения знакомые, да только не известно, кто там хозяйничает. Может, немцы, может, партизаны, может, националисты, а может, ни одного вооруженного человека не встретишь на пути. Случается и такое.

Впереди верхом трясется Володя Казначеев. Вроде как авангард и разведка в одно и то же время. Уезжает вперед, возвращается. Перекинется с кем-нибудь словечком, закурит — и рысцой опять вперед. Вот снова едет навстречу.

— Товарищ командир, сейчас будет опушка. Дальше

Любешов. Никого не видно.

— Далеко? — спрашивает Кравченко.

— С километр.

Подъехали к опушке. Остановились. Надо посмотреть что к чему.

Дорога выныривает из леса и, распрямившись, бежит к селу. У домиков никого не видно. Вдоль дороги несколько островков кустарников. Обходить село далековато. Решили ехать прямо. Казначеев поскакал вперед.

Первая очередь прозвучала, когда село уже было совсем близко. Володя Бондаренко отчетливо видел, как из придорожной канавы вдруг поднялось десятка два человек, а Казначеев свалился с лошади и, пригнувшись, побежал к кустарнику.

Бондаренко спрыгнул с подводы. Рядом оказался Воловик. Оба они бросились вперед. Кто-то из них крикнул на ходу:

— Мы прикроем… Уходите!

Подводы рванулись в сторону. Кравченко, не отрываясь, смотрел назад, туда, откуда гремели очереди. Лошади, перепуганные стрельбой, неслись, не разбирая дороги. Впереди показался лесок. Для партизан это, считай, дом, где и стены помогают. Но Кравченко по–прежнему смотрел назад. Там все еще шел бой.

— Держатся ребята, — донеслись до него слова Михайлова, комиссара соседнего отряда диверсантов.

— Продержатся, — отвечал Кравченко. — Володька не в таких переделках бывал. Сейчас придут.

Кравченко верил, что именно так и будет. Через несколько минут спокойный и молчаливый Володя займет свое место на подводе рядом с ним. На вопросы будет отвечать нехотя и односложно. И Федору Иосифовичу, как всегда, захочется сказать ему какие-то хорошие и нежные слова, как сыну или младшему брату, но он их не скажет…

Подводы въехали в лесок. Как ни прислушивался Кравченко, выстрелов слышно не было. Снова тишина.

— Подождем? — спросил Михайлов.

— Немного, — отозвался Кравченко.

Если бы только от него зависело, он бы простоял здесь час, два, сутки. Нет, он пошел бы навстречу. Даже не так, он бы остался с Володькой в прикрытии. Но он командир. Где-то поблизости штаб, а у железной дороги его отряд остался почти без мин.

— Поехали. Тут близко. Из соединения вышлем отряд на поиски ребят. Может, они раньше нас до штаба доберутся. Трогай!

…Почти три года назад Кравченко впервые увидел Володю. Парень тогда был новичком в отряде. Прибился недавно. В первые же дни войны ранило. Долго несли его товарищи на восток, пытались догнать своих. Володе становилось все хуже и хуже. Решили оставить его в каком-то глухом селе на попечение одной старушки. Она выхаживала Володю, как могла: прятала от карателей, когда те приезжали в село. Стало парню как будто лучше, рану затянуло.

Подниматься начал Володя, ночью выходил подышать воздухом. Вдруг новая беда. Да какая! Тиф. Подобралась хворь к солдату, опять свалила. И снова старушка не знала покоя. И снова выкарабкался солдат. Выжил, хоть и врачей поблизости не было. Едва стал на ноги, собрался уходить.

— Куда же ты, сердешный… — причитала старуха. — Погляди, шатает тебя.

— Не волнуйтесь, мамаша. Спасибо вам за все.

— Помрешь ты один в лесу-то. Остался бы на недельку.

— Нет. Пойду. Некогда отлеживаться. Война… Сама ведь понимаешь. И немец куда дошел — неизвестно. Не могу я тут…

И он ушел. Не шел — ковылял, опираясь на палку. Встретил бы кто из своих, не узнали бы они Володьку Бондаренко в этом изможденном человеке.

Партизаны нашли его недалеко от своего лагеря. Он уже не шел и уже не полз. Думали, что мертвый. Склонился кто-то над ним, приложил ухо к груди и услышал, как бьется Володькино сердце. Притащили в землянку, стали лечить.

Так стал Владимир Бондаренко партизаном. Не сразу, конечно, стал. Ослаб сильно. Но обузой быть не хотел и вскоре начал помогать кое в чем товарищам. До войны в армии был Володя поваром. Пока было мирное время ничего плохого в этой профессии он не видел, а теперь воспринимал ее, как насмешку. Люди под пули идут, а ты знай себе кашу стряпай. Короче говоря, так получилось, что не сошелся Бондаренко со своей профессией характерами. С первого военного утра стало это ясно. В партизанском лагере пришлось, однако, вспоминать кулинарные познания. На иное просто сил не было.

Тут в лагере и встретил Володю Бондаренко Федор Иосифович Кравченко. Часто беседовали они вечерами или просто молчали вместе. Было о чем в то время помолчать. Начиналась весна сорок второго года. Фашисты рвались на восток.

Тем временем собрался Кравченко со своей группой в путь. Володя уже успел привязаться к нему. Было что-то в нем, чего в других он не замечал. Душевность или теплота особая. Трудно

найти тут верное слово. Боялся Бондаренко расставания и завидовал разведчикам. Шли они на настоящее боевое дело, опасное и важное. Шли выполнять задание Москвы на участок железной дороги Гомель — Брянск.

Вечером пришел Володя в землянку к москвичам прощаться. Он и вообще-то был не слишком разговорчивый, а в этот вечер, должно быть, и вовсе не проронил бы ни слова, если бы Кравченко не спросил:

— Мрачный ты сегодня, Володя. Здоровье опять шалит, да?

— Нет, здоровье в порядке… Да вот спросить у вас хочу…

— Спрашивай.

— С вами бы ушел. Возьмете?

— А отчего ж не взять? Взять можно. Только трудно там будет, тут поспокойнее. Окрепнешь, вот тогда бы…

— Фашистов бить хочу. Возьмите.

— Ну, раз так, пойдем.

И они ушли, вместе. Три десятка партизан отправились выполнять задание.

Не так-то легко было выполнить то задание. Рация принимала вроде неплохо, а вот с передачей что-то не клеилось. Ни разу не поймал радист подтверждения, что сведения, переданные на Большую землю, получены. Но что бы там ни было, едва вышли к железной дороге, начали действовать. Облазили все окрестные станции, деревушки, нашли верных людей и вскоре были уже в курсе всех событий.

Прошло немного времени, и Володя Бондаренко переквалифицировался из повара в подрывника. Первую мину он заложил на подходе к станции Закопытье. Дебют получился неплохой. Состав разорвался пополам. Позже были взрывы еще удачнее.

…Бондаренко лежал в зарослях кустарника. До полотна железной дороги — метров тридцать. Мину нужно заложить прямо на глазах у машиниста, когда поезд подойдет так близко, что затормозить уже невозможно. Раньше минировать нельзя. Вдруг объявится какая-нибудь захудалая дрезина — зря взрывчатку потратишь, и шум лишний ни к чему.

Но вот рявкнул за лесом гудок. Значит, идет эшелон, о котором разведчики узнали накануне, везет технику и солдат из Германии на фронт.

Володя выскочил на насыпь, не закапывая, поставил к рельсе заряд, вставил взрыватель. А паровоз уже чуть ли не в ухо пыхтит. Три немецких автоматчика на передке. Так опешили, что даже не стреляют.

— Назад! Быстрее! — это голос командира.

Бондаренко — опрометью к кустарнику. Не добежал.

Сзади грохнуло. Упал. Ничего, как будто не задело. Только после взрыва навалилась на парня мертвая тишина. Оглушило крепко. Но глаза-то видят. А посмотреть есть на что. Паровозик лежит под насыпью, вагончики лезут друг на друга — зрелище для начинающего подрывника роскошное!

Фашисты, успевшие выскочить из вагонов, открыли стрельбу. Автоматных очередей Володя не слышал, только видел, как запрыгали у насыпи огненные точки. Кто-то дернул за рукав: мол, пошли, хватит любоваться. Бондаренко побежал вслед за товарищами в лес.

Хороший был взрыв!

Враги заволновались. И после того, как полтора десятка поездов, отклонившись от немецкого расписания, пошли по расписанию партизанскому — под откос, началась педантичная прореска леса. Но как раз педантизм и подвел фашистов. На каждый день у них был намечен определенный квадрат, и каждый день партизаны знали — какой именно. Разведка работала четко. Лагерь почти каждый день перекочевывал на новое место.

Партизан найти не удалось, взрывы прекратились. Гитлеровцы были так уверены, что избавились от неугомонных соседей, что два оберста решили даже поохотиться в тех лесах, что прочесали их солдаты. Знатная была охота — два десятка уток. Домой оба оберста не вернулись. Партизанам достались два отличных охотничьих ружья. А из тех уток Володя состряпал потрясающий прощальный ужин. Отряд отправлялся в путь, чтобы влиться в соединение Алексея Федоровича Федорова.

Ехали, как всегда, на подводах. Днем отдыхали в лесу. Как только начинало смеркаться, продолжали свое опасное путешествие. Володя старался все время быть с Кравченко. Сначала кое-кто посмеивался над этой его привязанностью, но вскоре привыкли. И Федор Иосифович уже не удивлялся, если обнаруживал, что у него вдруг оказывалась заштопанной рубаха или выстиранными портянки. По настоянию Володи в отряде кухарили все по очереди, но для Кравченко, страдавшего язвой желудка, за обедом подавались диетические блюда, сделанные явно рукой специалиста. И никто уже в отряде словно не замечал этой трогательной детали.

Однажды в сумерки отряд вышел на опушку. Вдали виднелось небольшое село, через него проходило шоссе. На разведку вызвался идти Бондаренко и еще четыре партизана. Из леса было видно, как они добрались до крайней хаты, а оттуда бегом бросились к центру села, но не по улице, а огородами. Скрылись. Послышалось несколько автоматных очередей. И в это

время на шоссе показались грузовики с немецкими солдатами. Машины двигались к селу.

Партизаны с опушки открыли огонь по немцам из пулемета. Завязалась перестрелка. Длилась она недолго. Машины дали задний ход, солдаты, отстреливаясь, попятились за ними. То ли фашисты не рискнули завязывать бой с отрядом, численность которого не знали, то ли решили сделать это утром, но убрались восвояси.

Село тем временем уже утонуло в темноте, выстрелов не было слышно. В отряде забеспокоились — что стало с разведчиками? —как вдруг увидели прямо перед собой забавное шествие. Впереди два силуэта, идут — руки в боки. За ними несколько человек в белом, какая-то повозка.

— Приготовиться, — шепотом скомандовал Кравченко, а через минуту громко: — Стой! Кто такие?

— Это мы, — послышался из темноты голос Володи Бондаренко, и один белый призрак направился прямо к Кравченко.

— Вот это вам, Федор Иосифович, трофей… — Володя протянул командиру крынку молока и кофейник. Кравченко был страстным любителем кофе, и все знали эту его слабость. На Володе был белый полушубок, делавший его похожим в темноте на загадочного призрака.

— Кого привел? — спросил Кравченко.

— Полицаев.

— А ну давай их сюда.

Те подошли. И сразу стало ясно, почему они так странно шли: разведчики срезали пуговицы у штанов полицаев, и они держали их руками. Издали казалось, что идут они руки в боки. Старый прием — чтобы не удрали.

В рассказе Бондаренко вся история выглядела так.

— Они, значит, впереди немцев ехали. Сами-то здешние, а жить в своем селе боялись. Здесь опасно, говорят. Лес рядом. А раз немцы сюда собрались, так и решили воспользоваться оказией. Прикатили раньше собрать свои манатки и свести кое с кем счеты. А мы тут как тут!

Бондаренко рассказывал:

— Старик там был один. Спрашивал: когда пахать будем? Все говорил, что по земле скучает. Тактичный дед. Вместо войны про землю… Как она весной пахнет. Хотел, видно, задеть за живое, а я и без него задетый. Да я за его землю… В общем-то мудрый старик.

До соединения Федорова, в Клетнянские леса, отряд добрался благополучно. Полицаи оказались неплохими проводниками.

Настало время прощаться с командиром. Кравченко улетал для доклада в Москву, Бондаренко оставался. Володя провожал командира до самолета…

— Вот письмо… В Москве опустите, — сказал он так, словно извинялся.

-— Матери?

— Жене.

Казалось, все знал Кравченко о Володе, но то, что он женат, для него было новостью. Он был хорошим солдатом, этот молчаливый парень. И верным другом. И хорошим семьянином. Но семья осталась там, далеко на востоке. Тут были рядом враги, напавшие на его Родину, посягнувшие на самое дорогое. Это было главное. И он стал солдатом своей страны. Доказывал это делом, без лишних слов и клятв, молча. Ненависть он носил в себе. И любовь тоже. А говорить о своих чувствах и привязанностях не умел, даже фотографию жены показать друзьям считал излишней сентиментальностью. Такой уж у него был характер.

А самолет уносил на восток тоненькое письмо, в котором, наверное, все-таки были нежные слова.

Через несколько недель такой же самолет доставил в Москву и самого Бондаренко. С аэродрома машина увезла его в госпиталь. Обидно было. Ну ладно бы уж ранили, так нет — опять болезнь, грозившая на этот раз полной инвалидностью.

Длинные дни, томительные недели госпитальной жизни. Завтраки, обеды, ужины. Сводки Совинформбюро. «Партизанский отряд, где командиром товарищ К., взорвал еще…» И мысль: «Может, это наши? Может, Кравченко и есть товарищ К.?» Раз в неделю приезжает жена из Орехово–Зуева. Завтра снова приедет. Будет утешать. А сегодня врач сказал:

— Ну–с, Бондаренко, для вас война кончилась. Скоро домой. Дешево отделались. Работать будете, воевать нет.

За госпитальным забором живет напряженной военной жизнью Москва. Забор ничего, солидный. Только раньше разве такой стал бы для него препятствием? Ерунда. А сейчас? Можно проверить. Подошел. Подтянулся на руках. Перебросил ногу. Тяжеловато, но ничего. Пошел гулять по улице, прямо как был, в госпитальной пижаме.

И вдруг сзади кто-то по плечу ударил весьма основательно.

— Володька? Ты? Ну и встреча!

— Федор Иосифович! Товарищ командир!

Обнялись.

— Так ты тоже здесь? Вижу в раненых ходишь?

— Хуже. В больных. Пустяки. Ваши как дела?

— Дела в порядке. Через три дня обратно. К Федорову.

-— Ну! Тогда я с вами. Где встретимся?

— А ты что? Выздоровел?

— Как вам сказать… — Володе совсем не хотелось распространяться о своей болезни, а врать он не умел.

— Выпишут скоро? — настаивал Кравченко.

— Врач сказал, скоро, и лесной воздух прописал. Сейчас бы с вами ушел, только надо завтра встретиться… Ну, в общем, с одним человеком.

Встреча произошла во дворе госпиталя. У нее настроение почти праздничное, зато он мрачнее обычного.

— Ты знаешь, Володенька, врач сказал, что тебя отпускают домой. Понимаешь, домой! Навсегда!

— Знаю.

— Даже не верится, что так получилось.

— Не получится… Я хотел тебе сказать… Я уезжаю обратно. Туда…

— Как? Нет, нет… Тебе нельзя. Слышишь? Ты не имеешь права. Ты хорошо воевал. Орденом тебя наградили. Ты не можешь…

— Я должен… Нет… Ну, как тебе объяснить?.. Я не. могу сейчас дома… Не умею я говорить… Короче, так надо. И мне, и тебе, и всем.

Она плакала, уткнувшись в его плечо. Она была женой. Он был солдатом.

А на следующий день по коридорам штаба партизанского движения бродила странная личность в госпитальной пижаме. Это был Володя Бондаренко. Как он прорвался через часовых у входа, никто не знал. Через несколько часов он получил вещевой аттестат, а вечером уже гулял по весенней Москве в синем штатском костюме и с меховой шапкой в руке — других головных уборов на складе не оказалось, а интендант уверял, что в Средней Азии в таких шапках ходят вСе лето. Еще через два дня Бондаренко уже был по ту сторону фронта, на партизанском аэродроме в Западной Белоруссии. Тут неудача: федоровцы ушли. Пришлось догонять. Почти две недели пробирались по немецким тылам втроем — Кравченко, Бондаренко и один попутчик, врач Гнедаш, Федоров встретил их, как родных, и в знак особого уважения решил создать специальное подразделение под громким названием: отдельный специальный диверсионный отряд особого назначения имени Богуна. Кравченко назначили командиром, а Бондаренко — старшиной.

В отряд собрали людей, как говорится, с бору по сосенке, хотя приказ был строгий. Да какой командир отпустит от себя лучших людей? Потому и оказались в распоряжении Кравченко в

основном новички, которые и мин-то толком не видели, а взять их в руки считали настоящим геройством.

Бондаренко стал главным инструктором. Сначала пришлось «позаниматься» самому. Теперь у партизан появились новые мины замедленного действия, разобраться в которых даже опытному минеру было не так-то просто.

Володя сказался больным, взял себе «творческий отпуск» на один день. Подальше от лагеря отряда поставил палатку, с утра до вечера колдовал там над новыми минами. Новички обходили палатку стороной. «А ну как рванет…»

На следующее утро Володя сказал командиру:

— Все. Теперь можно работать.

Он так и сказал — работать. Должно быть, точно так же говорил, когда до войны окончил в Орехово–Зуеве школу ФЗО и пришел в арматурный цех завода. Он выбирал профессии, которые нужны были его Родине, и к каждой относился по–деловому и, как казалось многим, без излишних эмоций. Но это только казалось.

В лагере устроили краткосрочные курсы подрывников. Володя обучал новичков обращаться с минами и делал это опять-таки серьезно, основательно. Потом отряд отправился на линию железной дороги Ковель — Брест, и началась та работа, к которой Володя готовился.

Гитлеровцы здорово охраняли железнодорожное полотно — устроили вдоль него завалы, заминировали их. Круглые сутки на насыпи маячили патрули.

Обо всех этих преградах Бондаренко распространяться не любил, и, если кто-то заводил о том разговор, он обрывал равнодушно:

— Ничего нового тут нет. Ну завалы… Ну патрули… Все это было. Что ж ты думаешь, немец тебе тропинки к железке коврами выстелит: «Пожалте, дорогие гости, взрывайте, коли вам так нравится». Тогда бы поезда под откос и повара пускать могли.

В отряде никто, кроме Кравченко, не знал о его поварской карьере, и Володя таким образом слегда подсмеивался над своим прошлым. Всякому, кто сетовал по поводу завалов и патрулей, Бондаренко умел незаметно внушить совершенно особый азарт подрывника, при котором самый трудный взрыв приносит человеку самую большую радость и, быть может, даже счастье. Счастье трудной победы. Сам Володя наполнен был этим азартом до краев. Несмотря на его молчаливый характер, азарт этот все-таки выплескивался наружу, когда Володя видел, как идет под откос еще один фашистский эшелон. Тогда он говорил:

— Вот видишь, а? Они охраняют, да? Их тут раз в сто больше,

чем нас. А мы все-таки… Во как полыхает! И этот не дошел до фронта. Нашим там полегче теперь будет. Представляешь, как фашиет-то психует. И какими он нас словами… А мы ему завтра еще врежем, пусть хоть целую армию вдоль железки выстроит.

И назавтра, чуть стемнеет, опять ползут диверсанты через завалы и минные поля, крадутся тихо, бесшумно — не люди, а комок мужества и ненависти. И снова гремят взрывы.

Около шестидесяти эшелонов взорвал отряд имени Богуна, многие подорвались на бондаренковских минах. Вот тебе и строгий медицинский приговор: работать — да, воевать — нет. А что если время и солдатский долг требуют, чтобы война стала твоей работой, и ты должен пускать под откос вражеские эшелоны? Тут все зависит от характера. Иной характер даже собственную болезнь побеждает. Известны медицине такие чудеса.

Дела на линии Ковель — Брест шли неплохо, партизаны работали, как говорят, с перевыполнением плана. Вот только запас мин таял слишком быстро, снабженцы не поспевали за темпами диверсантов. Тогда-то и решил Кравченко отправиться к самому Федорову, чтобы уладить снабженческие дела. Володя Бондаренко поехал за компанию.

И теперь его нет, и неизвестно, что с ним.

До передовых отрядов Федорова оказалось совсем недалеко, несколько километров. Сразу же выслали боевую группу на поиски Бондаренко и Воловика.

Группа возвращалась утром. Кравченко ждал ее за селом, на опушке леса. Он еще издали пытался различить знакомую Володину фигуру и не находил. Люди подходили все ближе и ближе. Впереди медленно тащилась подвода. КраЕ–ченко еще не видел, но уже знал, чувствовал, что на этой подводе накрытый чьей-нибудь шинелью лежит самый, быть может, близкий и родной ему человек, большерукий парень с упрямым русым чубом — Володя Бондаренко…

Подвода остановилась на опушке под голыми ветками берез. Да, да, все так и было. Не обмануло предчувствие. Кравченко откинул шинель. Большие руки спокойно лежали на груди, русый чуб закрывал лоб.

…Ему не исполнилось и тридцати. Многое не суждено ему было ни увидеть, ни узнать. Так и не посмотрел он еще раз на родное свое Каспийское море, не слышал он победных московских салютов и не знал, что его, Владимира Илларионовича Бондаренко, Родина наградит самой высокой наградой — «Золотой Звездой» Героя Советского Союза.

В. Ямщиков
ПО ЗОВУ ПАРТИИ

Сказочно красив Брянский лес в окрестностях Трубчевска. Шумят вечнозеленые сосны и ели, степенные вековые дубы, белоствольные красавицы–березы. И тысячеголосый хор птиц наполняет лесные чащобы…

Вдруг лесные звуки смолкают: раскаты мощных взрывов всколыхнули воздух и достигли леса. Зто рвались партизанские мины под мостами–переправами через Десну.

В наступавших сумерках можно было видеть, как к лесу от отвесного берега реки, растянувшись длинной цепочкой, шли вооруженные винтовками и автоматами люди. Вел их секретарь Трубчевского райкома партии Алексей Дмитриевич Бондаренко.

Трудно сказать, о чем думал он, всматриваясь в оставленный город. Слишком много было не терпящих отлагательства вопросов у комиссара партизанского отряда, по–прежнему остававшегося в эти суровые годы для всех коммунистов и беспартийных района партийным вожаком.

…Первые дни войны. Райком партии напоминал штаб воинской части. В кабинете у Алексея Дмитриевича Бондаренко тесно: здесь собрались партийный и советский актив района, председатели колхозов и сельских Советов, директора предприятий. Секретарь райкома коротко отвечает на вопросы.

— Как быть с колхозным скотом? — обратился один из руководителей хозяйства.

— Все поголовье следует угнать на восток, — говорит Бондаренко. — Подберите во главе охраны стад и табунов надежных людей. Ни одного килограмма мяса врагу!

И заметив на лице директора завода немой вопрос, тут же ему отвечает:

— С эвакуацией завода все решено. Состав для оборудования и людей будет подан завтра в восемь утра. Будьте точны.

Помимо хозяйственных забот, связанных с уборкой урожая, отправкой в тыл людей, учреждений, скота, секретарю райкома приходилось вникать в дела и чисто военные. В городе был сформирован истребительный батальон по борьбе с парашютистами и диверсантами, гражданское население участвовало в сооружении оборонительных рубежей в районе Погара–Почепа, создан госпиталь для раненых.

Гитлеровские войска все ближе и ближе подходили к территории Брянщины.

В один из жарких дней конца июля к райкому подъехала машина. Алексей Дмитриевич сразу узнал секретаря Брянского обкома партии Николая Григорьевича Игнатова. Он поздоровался и прошел в кабинет Бондаренко.

— Я только что из Клетни. Был у секретаря райкома партии Алексея Филипповича Семенова, — сказал Игнатов. — Обстановка на фронте тяжелая, фашисты вот–вот вторгнутся в пределы области. В районе создали несколько партизанских отрядов, патриотических групп, подпольных партийных организаций. Как у вас?

— Подбираем людей для подпольной работы в городе и партизанской борьбы. Подготовили базы продовольствия и оружия в лесах, — коротко ответил Бондаренко.

— Алексей Дмитриевич, есть решение обкома партии оставить вас здесь, в тылу врага. Что вы на это ответите? — спросил Николай Григорьевич и изучающе посмотрел на Бондаренко.

Не первый год знал Игнатов секретаря Трубчевского райкома партии. У него на глазах двадцатилетний секретарь райкома ВЛКСМ Алексей Бондаренко вырос в зрелого партийного руководителя. В 1937 году его избирают вторым секретарем Орловского обкома комсомола, годом позже — вторым секретарем Новосильковского райкома партии, а затем он — в аппарате обкома партии в должности заведующего сектором кадров партийно–комсомольских органов. Секретарем райкома партии в Трубчевске недавно, с февраля 1941 года. Но уже показал себя хорошим организатором. Весной район одним из первых закончил сев.

На вопрос секретаря обкома Бондаренко ответил просто:

— Я только что хотел просить вас об этом, Николай Григорьевич, но вы опередили меня.

Игнатов еще раз внимательно взглянул на Бондаренко и протянул руку:

— Ну, добре, желаю всяческих успехов.

И, уже сев в машину, сказал на прощание:

— Еще раз проверьте явки, базы в лесу. Держите связь до последнего часа с обкомом.

21 августа гитлеровские войска подошли к городу Почепу, который находился всего в сорока километрах от Трубчевска. Советские войска отбивали яростные атаки противника, но силы были слишком неравны. Было ясно, что в скором времени гитлеровцы оккупируют район.

Трубчевскому райкому партии было не безразлично, кто при немцах будет в местном самоуправлении. «А нельзя ли, чтобы

старостами избирались свои люди? Тогда польза будет и для населения и для партизан», — не раз задавал себе этот вопрос Бондаренко.

И вот перед ним сидит житель села Каружа Федор Маркелович Иванькин. Очень волнуется. «Зачем его, беспартийного, пригласили в райком?»

— Хотим предложить тебе должность старосты своего села при немцах, Федор Маркелович. Ты человек беспартийный, подозрения на тебя большого не будет, — объясняет Алексей Дмитриевич.

— Да вы что, шутите, товарищ Бондаренко? Идти против своих, служить фашистам. Да меня дети, внуки и правнуки проклянут, — Иванькин даже встал от волнения.

— Нет, не шучу. Партия прелагает вам остаться в деревне, войти в доверие к немцам и стать во главе села, — несколько сурово произнес Бондаренко, затем более мягко продолжил: — Пойми, Федор маркелович, нам нужны такие старосты, чтобы народу легче жилось, чтобы ни хлеб, ни мясо, ни масло не доставались врагу. А это могут сделать такие, как ты.

Наконец Федор Маркелович Иванькин согласился с доводами секретаря райкома. Согласились и другие, простые советские люди. Так готовился к приходу фашистов Трубчевский райком партии…

Партизаны ушли в лес. Каждый куст, каждое дерево становились их другом и помощником.

На заранее подготовленную стоянку партизаны собирались группами и в одиночку. Колхозники, рабочие заводов и фабрик, в полном составе бюро райкома партии, работники райисполкома, милиции, директора школ и некоторых предприятий. Встречались старые друзья, завязывались новые знакомства…

А вечером в одной из землянок при свете мигающей коптилки состоялось первое партийное собрание.

— Дорогие товарищи, — тихо начал Алексей Дмитриевич Бондаренко. — По зову партии мы остались на территории, временно оккупированной врагом. Остались не для того, чтобы отсиживаться здесь в лесу до прихода Красной Армии, а бить врага, срывать мероприятия гитлеровских властей, взрывать мосты, разрушать телефонную и телеграфную связь. Борьба будет нелегкой. На нас с вами возложена большая и ответственная задача — развернуть всенародную войну в тылу врага. Оправдать доверие партии — прямой долг каждого коммуниста, каждого патриота.

Вскоре осенние темные ночи озарились яркими вспышками взрывов. Это на партизанских минах, установленных на проезжих

дорогах близ Трубчевска, Суземки, Погара, подрывались вражеские машины с техникой и людьми.

Накануне праздника Великого Октября райком партии написал обращение к трудящимся района. Партизанские разведчики, уходя на задание, брали с собой листовки с обращением, передавали в надежные руки. Листовки переходили из села в село, зачитывались до дыр.

«Дорогие товарищи! В дни празднования славной 24–й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции перед трудящимися нашего района стоят огромные задачи. Враг оккупировал нашу землю, но все мы уверены, что это только временно. Для того чтобы изгнать с нашей территории ненавистного врага, долг каждого советского гражданина — любыми средствами уничтожать живую силу и транспорт врага, создавать для него невыносимые условия. Не давайте врагу ни грамма продуктов питания, портите мосты, дороги, связь. Помните, товарищи, что в жестокой борьбе с коварным врагом советский народ под руководством партии отстоит честь и независимость нашей Родины. С праздником, товарищи! Районный комитет партии».

Советская власть существовала, окрыляя честных людей.

Однажды Алексей Дмитриевич Бондаренко с группой партизан выехал в село Гнилево, что неподалеку от Трубчевска. Полицейские, заметив партизан, направлявшихся в село, поспешили покинуть Гнилево. Зато жители были рады встрече с партизанами. Помещение школы заполнили женщины, старики, подростки. Алексей Дмитриевич рассказал о положении на фронте, о битве под Москвой, о делах в отряде.

— Теперь знаем, где фронт. А то хвастали немцы, что-де в Москве пьют советское какао, — послышались голоса.

Важны, очень важны вот такие встречи с населением. И секретарь Трубчевского райкома партии стал часто проводить подобные собрания в разных селах района.

Весть о том, что в Гнилево заезжали партизаны и среди них был Бондаренко, разнеслась по окрестным деревням.

— Слышали, — говорили жители, — Бондаренко-то, Алексей-то Дмитриевич, никуда не уехал. Здесь секретарь находится, в своем районе.

А другие им отвечали:

— Да он и уезжать-то не собирался. Одна для всех лихая година, и бороться всем вместе нужно.

Партизанский отряд Бондаренко стал пополняться новыми и новыми бойцами.

Посещение Гнилева секретарем райкома партии не на шутку

встревожило гитлеровскую комендатуру Трубчевска. Спешно была снаряжена карательная экспедиция. Но ничего не смогли добиться каратели.

А на обратном пути в Трубчевск их ждала партизанская засада. Два дня в глубоком снегу лежали партизаны. И вот наконец показались фашисты. Впереди основной колонны на двух подводах ехала вражеская разведка. Пропустив ее, Бондаренко скомандовал:

— Огонь!

И зимнюю тишину нарушил треск автоматных и пулеметных очередей; точно били партизанские минометы. Гитлеровцы пытались развернуться в боевой порядок, но огонь партизан нарушил их ряды. Среди карателей началась паника. Немецкий офицер, угрожая оружием, старался остановить бегущих, но страх был сильнее угроз…

Кто-то из партизан, сам того не зная, высказал затаенную мысль секретаря райкома:

— А неплохо было бы пощупать, как чувствуют себя немцы в самом Трубчевске?

Бондаренко рассказал о думах партизан на заседании штаба. И вот совместно с другими партизанскими отрядами Брянщины был разработан план нападения на немецкий гарнизон Трубчевска. Партизанам должны были помочь городские подпольщики. Но накануне выступления разведчик Алексей Дурнев, побывавший на конспиративной квартире в Трубчевске, сообщил, что подпольная группа раскрыта, некоторые товарищи арестованы, а немецкий комендант города оповестил население, что «красный комиссар Бондаренко и его помощники пойманы и казнены».

— Откладывать операцию нельзя, будем наступать, — сказал Бондаренко. Такого же мнения был и командир одного из украинских отрядов Сабуров, участвовавший в операции.

2 февраля 1942 года вереница подвод под видом крестьянского обоза с дровами и сеном вошла в город, молчаливо проследовала через городскую площадь, остановилась и… «заговорила».

Гитлеровцы не ожидали столь дерзкого налета. Шесть часов продолжался бой. Фашисты оказывали упорное сопротивление, цепляясь за каждую улицу. Но никакая сила не могла сдержать натиск народных мстителей. Город был взят.

Партизаны захватили большие запасы оружия, боеприпасов, продовольствия. И самое главное, еще раз показали, что фашисты могут быть биты при любых обстоятельствах.

Жители города приветствовали своих освободителей. На

площади состоялся летучий митинг, на котором выступил «казненный» секретарь Трубчевского райкома партии Алексей Дмитриевич Бондаренко.

Вечером партизаны оставили город. Вместе с ними в Брянские леса ушли 400 освобожденных из плена бойцов и командиров Красной Армии, 60 красноармейцев, находившихся в немецком госпитале на положении «тяжелобольных», 12 врачей и медсестер, узники гестапо и жители города, которым нельзя было больше оставаться в Трубчевске. Отряд значительно вырос.

Разгром вражеского гарнизона в районном центре послужил толчком к росту все новых и новых партизанских отрядов и групп самообороны. В селах Острая Лука и Дольск был создан партизанский отряд имени Ленина. Жители селения Радутино организовали отряд имени Кутузова. Рябчевские и мондуровские колхозники объединились в отряд имени Куйбышева, жители Яковска и Копылина влились в отряд имени Орджоникидзе. В сорока населенных пунктах Трубчевского района насчитывалось около полутора тысяч членов групп самообороны.

Партизанское движение охватило и другие районы Брянской области. Но были у партизан в первое время и слабые стороны: разрозненность, отсутствие сведений о соседях и противнике. Иногда получалось и так: один отряд, проведя успешно операцию, захватит богатые трофеи, а другой сидит без хлеба и патронов. Или, скажем, десять разных отрядов ведут разведку в одном направлении, бросая на это сотни людей, а одиннадцатый отряд уже давно имеет все нужные сведения.

Все это волновало Бондаренко. Он понимал, что наступит момент, когда немцы начнут широкое наступление на Брянский лес. «Нет, в одиночку бороться нельзя» — подвел итог своим мыслям Алексей Дмитриевич. Он пишет письмо секретарю соседнего Выгонического райкома партии Фильковскому: «Дорогие друзья! Мы узнали о ваших замечательных боевых делах… Пора нам объединиться. Эта задача стала теперь первоочередной. Партийным организациям нужен единый руководящий центр, а отрядам — единое командование. Обсудите этот вопрос и дайте свои соображения. Обнимаю вас всех и крепко целую. Ваш А. Бондаренко».

Выгонические товарищи ответили: «Мы за объединение отрядов и за централизованное руководство партийными организациями. Ты член обкома — тебе и карты в руки. Берись за это дело, рассчитывая на нашу полную поддержку».

Орловский обком партии и Военный совет Брянского фронта положительно отнеслись к объединению партизанских отрядов и приказом от 23 апреля 1942 года назначили командующим

объединенными отрядами юго–западных районов Орловской области Д. В. Емлютина, комиссаром — секретаря Трубчевского райкома партии А. Д. Бондаренко, начальником штаба — капитана В. К. Гоголюка. Вместе с приказом пришло из центра и сообщение о том, что скоро в расположение партизанского лагеря прилетит самолет. Эта радостная весть быстро облетела отряд. Налаживалась постоянная связь с Большой землей — значит, будут боеприпасы, продукты, письма от родных, свежие газеты.

Краснозвездный самолет приземлился на лесном аэродроме ночью. Первую воздушную трассу к партизанам Брянщины проложил летчик Владимир Ярошевич из гвардейского полка майора Трутаева. Алексей Дмитриевич крепко пожал руку летчика, поздравил его с первым рейсом на Малую землю и горячо благодарил за газеты.

— Это же наше оружие, не менее эффективное, чем автоматы и пулеметы.

После коллективных читок в отряде номера газет переправлялись в город и села. Люди теперь были в курсе всех событий на фронте и в тылу.

С той памятной ночи связь с обкомом партии и Военным советом фронта стала регулярной. Во второй половине мая Бондаренко запросил Большую землю, чтобы отряду дали разрешение провести операцию на железной дороге в районе Брянск — Гомель. Эта магистраль давно привлекала партизан. Приказ был получен. На коротком совещании командиров пяти партизанских отрядов Трубчевского и Выгоничского районов комиссар разъяснил цели операции: «Если дорога будет бездействовать хотя бы два дня, то это значит, что к фашистским войскам на фронте не подойдут десятки эшелонов с танками, артиллерией, солдатами. Пушки и танки на передовой не получат боеприпасов и горючего.

Дорога охраняется. Коммунисты и комсомольцы должны показать пример бесстрашия и мужества».

В ночь на 22 мая в упорном бою партизаны овладели в нескольких местах одновременно железнодорожным полотном… Разрушены пути, перерезана телеграфная и телефонная связь. На пятнадцать суток вывели партизаны из строя этот важный участок дороги.

Военный совет Брянского фронта дал высокую оценку проведенной операции.

В конце августа 1942 года большая группа командного состава партизанских отрядов Брянщины и Украины вылетела в Москву на прием к руководителям партии и правительства. Об их отъезде пронюхала вражеская разведка. Гитлеровское

командование посчитало этот момент удобным, чтобы раз и навсегда покончить с партизанами. К массиву Брянских лесов были стянуты части разных родов войск: и гренадерские полки, и артиллерийские дивизионы, танковый и саперный батальоны — в общей сложности до 50 тысяч боевых единиц.

В этих сложных условиях Бондаренко провел конференцию представителей брянских, украинских, белорусских и курских партизанских отрядов. Участники конференции подготовили общий план боевых действий.

На следующий день газета «Партизанская правда», которая стала выходить по инициативе комиссара Бондаренко, сообщила о конференции населению Брянщины. Гитлеровцы, чтобы окружить партизанские отряды, сняли некоторые части с Брянского и Воронежского направлений.

В штабе объединенных отрядов представляли всю сложность создавшейся обстановки. Уточнялись детали плана, проверялась связь между отрядами, проводились собрания бойцов. Даже ночью в землянке комиссара многолюдно — тут командный и политический состав и связные отрядов и бригад, которые, получив распоряжение, мелькнут на пороге землянки и тут же растворятся в темноте леса.

Скоро Брянский лес наполнился воем снарядов, лязгом танков, трескотней автоматных и пулеметных очередей, ревом минометов. А над лесом, словно коршуны, кружились вражеские самолеты. Такого еще не видывал Брянский лес…

Партизаны вступили в смертельную схватку с врагом. Комиссара Бондаренко всегда можно было видеть там, где решалась судьба боя.

На Алтуховском большаке развернулась настоящая битва. Единственный партизанский танк «КВ» посеял панику в рядах фашистов, партизаны атаковали, но в это время танк повис одной гусеницей над противотанковым рвом, потерял равновесие и покосился набок. К немцам подошло подкрепление, которое сразу же открыло по партизанам сильный огонь. Партизаны залегли, а гитлеровцы пошли в атаку. Казалось, вот–вот упорство партизан будет сломлено. В этот момент бойцы во главе с комиссаром Бондаренко встали, как один, и бросились на гитлеровцев. Никто из фашистов не ушел от партизанской пули и партизанского штыка.

…Возвратился из Москвы командный состав партизанских отрядов. Командующий объединенными отрядами Д. В. Емлютин горячо поздравил комиссара с боевыми успехами и, улыбаясь, протянул газету:

— Читай, Алексей Дмитриевич.

На первой полосе был опубликован Указ о присвоении звания Героя Советского Союза группе особо отличившихся партизан. Среди удостоенных высокого звания А. Д. Бондаренко увидел и свою фамилию.

* * *

После освобождения Брянщины Алексей Дмитриевич Бондаренко работал первым секретарем Брянского обкома партии, все силы отдавая восстановлению разрушенного войной хозяйства…

Более двух десятилетий прошло с тех пор, как брянская земля очищена от гитлеровских захватчиков. Все дальше и дальше уходят от нас годы Великой Отечественной войны. Многих героев уже нет в живых, умер в 1956 году на посту секретаря Тамбовского обкома партии Алексей Дмитриевич Бондаренко. Однако пройдут многие и многие годы, но не померкнут, не потускнеют прекрасные, благородные черты тех, кто с оружием в руках в глубоком вражеском тылу защищал честь, свободу и независимость нашей любимой социалистической Отчизны,

Г. Зиманас, бывший первый секретарь Южного подпольного обкома КП Литвы
НАВСТРЕЧУ ОПАСНОСТЯМ

1

Существует одна распространенная фотография Губертаса Борисы. С нее делают все портреты. Худощавый молодой человек, правильные черты лица, но глаза глядят грустно и даже несколько подавленно, в них как бы затаилась какая-то тоска, глубокая боль. Родные не знают, когда была сделана эта фотография. Я запомнил его совсем другим. Когда раскрылась дверь нашей землянки, в нее вошел приветливый юноша с серьезным лицом. Чуть заметная, сдержанная улыбка очень украшала его лицо. Он совершенно спокойно стал рассказывать, что его привело к нам. Я внимательно слушал. В тылу врага человек невольно становится подозрительным, и, слушая, я вглядывался в собеседника.

Он не мог, конечно, не чувствовать, что партизаны его подозревают или во всяком случае не вполне уверены, что он тот, за кого себя выдает. С первых же слов он назвал свою настоящую фамилию и кличку, открыто сказал название своей группы, свое задание, кто его послал. Прошло несколько минут, и я почувствовал, что мне совершенно не хочется его в чем-либо подозревать или не доверять ему. Сразу создалась какая-то прочная уверенность, что человек говорит правду, что он ничего не утаивает и ему нечего утаивать.

Он был послан в тыл тогдашним Наркоматом внутренних дел. В пути летчики заблудились и сбросили его с группой, правда, над Литвой, но совсем в другом месте, чем полагалось. Трудно было сориентироваться и узнать, куда они попали, ибо они боялись выдать себя расспросами. Наконец им удалось установить, что сбросили их около города Алитус, что им надо идти еще около 150 километров до места назначения. Каков будет путь? Как удастся пройти? Часть груза решили спрятать, чтобы идти налегке. Закопали все, что мешало бы продвигаться быстро, в том числе и запасы питания для рации.

В Каунас пришли благополучно, устроились. У Губертаса в Каунасе проживал брат Витаутас, но он ушел вместе с Красной Армией. Губертас не решился пойти к его жене. Он встретил знакомого шофера из Утены и остановился у него. Попросил

послать жену брата Витаутаса к старшему брату Бронюсу, который в это время скрывался около Утены у своего дяди, зажиточного крестьянина, под видом батрака. Брат Бронюс сразу же приехал в Каунас, снял комнату. Но вот беда — связаться с Москвой по рации никак не удавалось. Сначала думали, что в городе много помех. Поехали в Утену, в деревню к дяде, пытались там связаться, подняли громадную антенну, ничего не получалось.

— А может быть, ваша рация была неисправна?

И так думали, решили рацию проверить. Нашли хорошего инженера. Он не был в партии, но помочь не отказался. Проверил всю рацию досконально, не обнаружил никаких неисправностей.

— Тогда почему вам не удалось связаться?

— Мы хорошо слышали, как нас вызывали. Но, кроме позывных, ничего не слышали. А в последнее время и позывные пропали. Честно говоря, я думаю, что нас подозревают. Мы рассказали о наших злоключениях при приземлении, рассказали, что наше питание для рации пропало (мы потом не могли найти того места, где закопали батареи), что мы купили новое питание. Очевидно, кто-то подумал, что у нас связь с врагом. А может быть, нас не слышат по техническим причинам, кто его знает…

Он на минуту задумался, лицо его стало озабоченным. Было нетрудно видеть, что он тяжело переживает неудачу.

— А время-то ведь идет… Кое-что мы делаем, но без связи работать очень трудно… У нас немало ценных сведений, из-за которых мы вообще приехали сюда, а передать их нельзя. А может быть, действительно нам не доверяют?

Я пытался разуверить его. Дело в том, что мы уже знали, что некоторые наши рации, в особенности их первые модели, были чересчур слабы и не годились для связи с далеким тылом.

Но его было трудно убедить.

— У меня к вам просьба, — сказал он, — попытайтесь связать нас с центром. Передайте по вашей рации, что мы остались без связи, но стремимся по мере своих возможностей выполнять свой долг. Нам трудно. А может быть, было бы целесообразно, чтобы мы перешли работать в ведение ЦК КП Литвы и Литовского штаба партизанского движения?

Долго еще беседовали мы в этот вечер. Губертас Бориса подробно рассказал о своей работе. Он сумел создать большой актив, втянул в работу обоих своих братьев — старшего Бронюса и младшего Владаса. Кроме того, он установил связь со многими бывшими своими друзьями — комсомольцами. Ему удалось проникнуть в некоторые вражеские учреждения, где у него сейчас имеются свои люди. Он акклиматизировался, имеет надежные

квартиры, средства для существования. Но его угнетает отсутствие связи.

— Обязательно свяжите меня с центром, — еще раз просил он, расставаясь.

На другой день мы запросили по рации Москву и очень скоро получили ответ. Было указано передать Борисе, чтобы он оставался на месте и ждал дальнейших указаний. Ему была обещана помощь в самом ближайшем будущем. Мы с ним договорились, согласовали целую программу совместных дел.

Губертас уходил от нас полон сил и надежд. Сколько планов было у него! Таким он и остался в моей памяти — спокойный и смелый, приветливый, уверенный в успехе, деловитый и стойкий. Ни капельки сомнения или уныния нельзя было уловить в этом человеке даже при очень внимательном рассмотрении. Весь натянутый, как стальная пружина, он был вместе с тем прост и обаятелен. Мы договорились о встрече, о скорой встрече.

— Дорогу я теперь знаю. Долго ждать не придется, мы скоро увидимся вновь. И следующая наша встреча будет более радостной, чем нынешняя, — говорил он, твердо пожимая руку.

Но этой встречи не было.

2

На одной из улочек города Утена стоит довольно красивый дом. Он даже как-то выделяется среди маленьких окружающих домиков, которые стоят в садах и более похожи на деревенские, чем на городские. Улица называется именем Губертаса Борисы, а дом построен его отцом — Иокубасом Борисой. Своеобразный человек был Иокубас Бориса. Сын крестьянина–бедняка, он рано ушел из дому на заработки. Был он камердинером у богатого барина, ездил с ним за границу, долгое время жил в Швейцарии и по возвращении домой удивлял утенских гимназисток знанием французского языка.

Грянула революция. Хозяйство отца Иокубаса Борисы составляло всего 8 гектаров, и трем сыновьям нечего было в нем делать. Оставил он хозяйство младшему брату, а сам пошел батрачить. Вскоре женился, с трудом обзавелся домом в Утене.

Жизнь складывалась тяжело. Неудачи буквально преследовали Иокубаса. Быстро надломилось здоровье жены. Она умерла, оставив четырех сыновей, старшему было всего 10 лет.

Через четыре года Иокубас женился вторично.

Розалия Пранцкунайте по–настоящему заменила детям Борисы мать. Они звали ее матерью, и действительно она

вырастила и воспитала их. Она и поныне живет в старом доме Иокубаса Борисы. Ей 82 года, но она еще все хорошо помнит и много интересного может рассказать.

— Хороший мальчик был Губертукас, — говорит она сквозь слезы, — очень ласковый мальчик. Все дети были хорошие, но он особенно… Витаутас погиб на фронте, Губертукас и Владукас замучены гитлеровцами… И за что они погибли?.. За что?.. Почему они не могли жить?..

Дети привыкли к матери, но родной матери не забыли. Отец любил детей по–своему. Считал, что детей нечего баловать, надо их держать в строгости.

Губертас успешно кончил начальную школу и поступил в гимназию. Учился он неплохо. При переходе из третьего в четвертый класс Губертасу дали переэкзаменовку, но отец не разрешил ему сдавать. В протоколе школы от 10 сентября 1935 года записано: «Как не явившихся, освободить следующих учащихся…» В списке Бориса Губертас идет четвертым, а всего в нем 15 человек. Систематически освобождалась школа от всех неугодных… Действовал отбор политический, классовый, национальный. Пошел Губертас учиться в механическую мастерскую слесарному делу. Хорошо его помнит бывший собственник этой мастерской Ионас Тидикас, ныне работающий в мастерских мелиоративной станции.

— Трудолюбив был Губертас, — рассказывает Тидикас. — Даже очень… Не знаю, почему ушел из школы. Вроде говорили, что церковники им были недовольны. Мол, как отец и мать, лба перед церковью не перекрестит. Но в нашем деле был безупречен… Если что поручишь, то можешь быть уверен, что сделает на совесть, проверять не надо. Сметлив был и очень дисциплинированный. Все его любили, с товарищами очень ладил, покладистый, не упрямый и не задавался, хотя очень скоро стал обгонять других в работе. Хорошую память оставил по себе…

Но в тяжелой жизни семейства Борисов были и свои радости.

— Как, бывало, соберемся дома, — рассказывает Розалия Борисене, то одна просьба у Губертукаса: «Расскажи, мама, про дядю Ионаса, расскажи, как он Ленина видел». И я рассказываю… И все ему недостаточно. «Как жил дядя, где был, как работал». Не было ничего для Губертаса приятнее этих рассказов.

Рано ушел из родной Литвы Ионас Пранцкунас, брат Розалии. Рано примкнул этот литовский парень к революционным рабочим–путиловцам. Вместе с ними он участвовал в штурме Зимнего, бывал в Смольном, видел Ленина, а когда в Литве победила Советская власть, то и он комиссарил в соседней Укмерге, где тогда жила и Розалия.

Нет, еще не были коммунистами Борисы, но великое дыхание Октября уже докатилось до тенистой, деревенского вида улочки в Утене. Великая буря, расшумевшаяся в России, донесла до литовского захолустья семена борьбы за новое общество, за справедливость, за равенство всех наций. И эти семена дали хорошие всходы.

В Каунасе старший брат Губертаса связался с подпольщиками, распространял литературу. Однажды даже попал под подозрение, в его квартире сделали обыск, но ничего не нашли, хотя в то время у него была машинка, на которой он печатал коммунистические воззвания. Спасла дочь хозяина, гимназистка Елена Шуките. Машинка была у нее, она помогала печатать, но не была на подозрении. Но поскольку нашли фотографию Тельмана и одно письмо, в котором говорилось о коммунистах, — забыл совсем Бронюс, что лежат они у него в чемодане, — то продержали несколько дней в полиции. Правда, попугав, скоро выпустили.

Но Бронюс уже привозил подпольные листовки и в Утену. В своей биографии, написанной в 1941 году в Москве, уже в годы войны, Губертас пишет: «О подпольной работе я узнал в 1937 году от старшего брата, который привозил литературу».

И сам Губертас не дремал. Работая в мастерской, он связался с подпольной комсомольской организацией в Утене. В это время старший брат Бронюс кончил техническую школу и стал работать строителем. Братья всегда жили дружно, а со временем их все более стала связывать идейная близость. Лишь только Бронюс стал самостоятельным, он взял к себе Губертаса и младшего брата Владаса.

Губертас сдал экзамены за четыре класса гимназии экстерном и поступил в Политехническую школу.

— В школе у клерикалов не мог три класса одолеть, — шутит старший брат Губертаса Бронюс, — а тут за короткий срок сдал четыре, да не только за себя, а и еще за одного парня…

С большим рвением взялся Губертас за учебу в политехнической школе, и он уже не мог оторваться от комсомола. В своей биографии Губертас пишет, что после поступления в школу он с товарищами сразу же создали в школе комсомольскую ячейку.

Вот что рассказывает один из членов этой ячейки, Л. Бедерис: «Распространять коммунистическую литературу в годы фашистской диктатуры было очень опасно. За это грозило долголетнее тюремное заключение… Малейшая неточность или неосторожность могла оказаться роковой как для самого распространителя, так и для его товарищей…

Будучи самым молодым среди нас, Губертас, несмотря на это, всегда умел находить выход, хотя бы из самого тяжелого положения. Не было случая, чтобы литература не была распространена».

Для того чтобы обмануть бдительность врага, Губертас по решению ячейки вступает в военизированную националистическую организацию «Шяулю саюнга». Это дает ему возможность всегда знать планы врагов.

За короткий срок Губертас завоевал авторитет среди своих друзей. Уже в 1939 году его избирают секретарем комсомольской организации Политехнической школы. Он полон радужных планов. Коммунистическое движение в Литве идет в гору. Растут подпольные партийные и комсомольские организации. Правда, растет и озлобление врага, который все более свирепствует, но это не дает результатов, ибо все чувствуют приближение надвигающейся освежающей грозы. И Губертас смело идет навстречу буре.

Незабываемые 1940–1941 годы. Восстановление Советской власти, массовые митинги, невиданные по своей грандиозности и подъему. Горячие речи против узурпаторского режима фашистов–таутининков, захвативших власть при помощи насилия. Всеобщее ликование, строительство новой жизни.

Губертас — в гуще событий. Он — секретарь Утенского уездного комитета комсомола. Но надо учиться, и к осени он опять возвращается в Политехническую школу как ее студент и комсорг. Однако время такое, что таким людям, как Губертас, трудно спокойно учиться. Через короткое время его посылают на курсы ЦК комсомола Литвы, затем опять работа в школе. Лето 1941 года застает Губертаса в лагере физкультурников, где он работает в качестве политрука. Но тут грянула война.

3

Самолет приближается к линии фронта. Много времени ждали молодые разведчики этого момента. Нет, они не трусят, конечно, но сердцу трудно приказать, и оно колотится в груди, как птица в клетке. Есть о чем подумать членам диверсионно–разведывательной группы, которая сейчас должна будет совершить свой прыжок в неизвестное. Напряженно вглядываются они в кромешную тьму за окном самолета. Что ждет их там? Им говорили об этом в школе десантников, где они были недавно. Но ведь они знают, что многое, о чем говорилось, строилось на предположениях. А как будет в действительности?

Губертас вспоминает отчий дом, первые дни войны. В Минске их приняли за диверсантов и чуть не расстреляли. Тяжелые дни октября 1941 года. Губертас принимал участие в обороне Москвы. Он награжден медалью «За оборону Москвы». Он помнит также, как вместе с другими курсантами своей школы боролся не только против врага, но и против тех, кто сеял панику, трусил, изменял…

Но вот и линия фронта. Внизу начинают вспыхивать огоньки, как будто кто-то зажигает спички то тут, то там. Огоньки сверкают все ближе и ближе. Вдруг самолет сильно тряхнуло. Второй пилот схватился за руку, а в углу медленно сползает на пол штурман. Механик внимательно вслушивается в шум мотора.

— Наверно, попало, — шепчет побелевшими губами командир группы.

Да, тут уж нечего гадать, явно видно, что самолет повредило, ранило двух членов экипажа. Коротка майская ночь, надо возвращаться.

Самолет поворачивает.

— Если не дотянем, будем прыгать, — говорит Губертас. Он спокоен и хладнокровен: — Если нас разбросает, все равно будем выполнять задание. Надо только стараться, чтобы нас не очень сильно разбросало, чтобы можно было потом соединиться. Надо прыгать сразу одному за другим, не медлить.

Но прыгать не пришлось. Самолет дотянул, несмотря на пробоину и ранение членов экипажа. Прошло двенадцать дней, и 22 мая 1942 года группа вылетела вновь. На сей раз удачно пролетели линию фронта, удачно приземлились, собрались вместе.

Но где они? Пойти к крестьянину и спросить? Он сразу поймет, кто его спрашивает. Долго думали, как быть. Все же зашли. Долго беседовали, кружили вокруг да около, пока узнали, что находятся около Алитуса. Через восемь дней они были в Каунасе.

4

Группа росла и крепла, ширила свои связи. Уже не проблема найти конспиративную квартиру, обеспечить себя питанием, жильем. Немало уже сделано. Один за другим летят под откос паровозы. Паровозы — это самое уязвимое место гитлеровских захватчиков. Им все труднее заменить и вернуть в строй подбитые и подорванные паровозы. Много их подрывают партизаны. Уже более двадцати паровозов подорвала группа.

За последнее время вся работа сконцентрировалась в руках у Губертаса. Руководитель группы, который был во главе ее при вылете из Москвы, оказался человеком слабым. Скоро члены группы привыкли считать своим настоящим руководителем Губертаса.

Но Губертас, несмотря на достигнутые результаты, был недоволен. Он считал, что группа должна сделать больше.

В задачу группы входили диверсии против предателей. После длительных поисков Губертас нашел путь к генералу Плехавичюсу, пошедшему служить к гитлеровцам, карателю и палачу. Он решил направить удар против этого предателя народа.

Он создал специальную группу с этой целью и сумел связаться с одним из сотрудников штаба Плехавичюса — инженером Вороненко. Чем руководствовался Вороненко, когда шел на связь с Губертасом, трудно сказать. Вороненко был кадровый военный литовской буржуазной армии, но по национальности — русский, из белогвардейцев. Губертас знал, что эта связь очень опасна, но она была и очень важна, и он не мог от нее отказаться.

Он хотел ускорить события. Надо, чтобы рука возмездия быстро настигла убийцу и палача Плехавичюса. В мартовский вечер Губертас подошел к дому на Сейну, 11, в г. Каунасе и постучал условным сигналом, но вместо ответа услышал окрик по–литовски: «Стой, руки вверх!»

То, что произошло после этого, заняло всего несколько секунд. Губертас потом думал об этом случае дни и ночи. Он помнил каждую мелочь и подробно рассказывал об этом брату. Тысячи раз вновь восстанавливал он в памяти все малейшие детали, обдумывал и сопоставлял их.

Услышав окрик, он с быстротой молнии метнулся в сторону. Быстрее к калитке. Было темно. Но он нашел калитку, пробежал через нее и с силой захлопнул.

— Зачем я ее закрывал? — потом говорил он брату. — На стук ударили из автомата. Били низко, хотели взять живым.

Пули бросили Губертаса на землю. Он выронил шляпу и портфель и пополз в кусты. Из дому выбежали люди. Они явно медлили. Стреляли по убегавшему, но не очень-то торопились преследовать. А если он засел в кустах с гранатой? Губертас лежал и слышал, как мимо него протопали полицейские. Им и в голову не пришло, что он лежит тут же рядом, в кустах.

Первая мысль — застрелиться. Рука сама потянулась к пистолету. Только не попасть живым к этим палачам. Они его выдадут в руки гестапо. Нет, лучше смерть, чем бесконечные муки в застенках гестапо.

Кто выдал? Вороненко? Но почему он не сказал полицейским ответного условного знака? Ведь тогда они могли бы заманить его в квартиру. А может быть, не он предал? Может быть, он нечаянно сам выдал себя. Губертас попробовал встать. Напрягая все силы, опираясь на руки, стал подниматься. Удается. Радость надежды обожгла сердце. Еще усилие, и он уже на ногах. Шляпу и портфель надо забрать, а то завтра найдут, будет след. Но, может быть, они вернулись? Нет, все тихо. Он добрался до места, где упал. Руки лихорадочно шарят по земле. Вот шляпа. А что темнеет там? Да, это портфель. Все у него. Сердце забилось ровнее. Спокойно, Губертас, еще не все потеряно, ты еще на ногах. Рука привычно сжимает рукоять пистолета в кармане.

Можно уходить. Только куда? На квартиру нельзя. Может быть, его опознали? Надо попытаться пойти к брату, в Старый город. Но для этого надо подняться по скользкому склону. Медленно начинает он карабкаться вверх. Проклятая слабость. Она вновь подкашивает ноги. Нечеловеческими усилиями он делает несколько шагов вперед, но тотчас на столько же соскальзывает вниз. Нет, на склон ему не подняться, в город не пробраться. Надо идти куда поближе. Да, к Медекше? Не выдадут, а может быть, через них удастся сообщить брату.

Ноги опять подкашиваются. Наверно, потеряно немало крови, брюки совсем прилипли к телу, в сапогах хлюпает. Надо торопиться, чувствует, что скоро упадет. Не упасть, выдержать! Легко сказать — выдержать, в глазах мутится, голова кружится. Если бы кто-нибудь его теперь увидел, наверняка принял бы за пьяного… Хорошо бы к брату… Но не выйдет… Нет, к Медекше…

5

Когда к Бронюсу Бориса пришел друг Губертаса М. Зумерис и рассказал, что Губертас ранен и лежит у Медекши, он сначала даже поверить не хотел.

Ведь только сегодня он встретил Губертаса в городе. Они, правда, не говорили между собой и разошлись, даже толком не взглянув друг на друга. Но долго думать нельзя, надо перевезти Губертаса в квартиру Бронюса и быстро разыскать брата Владаса.

Это было в субботу. Взяли извозчика, под одеждой спрятали автоматы, пистолеты, гранаты. Подождали, когда стемнело. Тогда и перевезли. Губертас был очень слаб. В дом его уже почти внесли на руках. Положили… Стало спокойнее. Долго сидели и разговаривали братья. Губертас подробно рассказывал брату, как все произошло.

Что делать теперь? В моче показалась кровь. Очевидно, задет мочевой пузырь, около паха появилась чернота и быстро распространялась. Губертас слабел, временами он почти терял сознание.

— Надо обратиться к врачу, Губертас, — говорит Бронюс. — Но это опасно, поэтому решай сам, как скажешь, так и сделаю.

— Иди к врачу.

Да, но к какому. Какой врач согласится оказать помощь раненому, думали братья. Решили идти к ассистенту покойного доктора Кузьмы, бывшего депутата Верховного Совета. У него и ассистент должен быть порядочный человек. Бронюс его немного знал, у него лечился, когда сломал руку.

Но что сказать врачу? Решили так: был, мол, мобилизован немцами, бежал, охрана стреляла, и ранен. Может быть, врач посочувствует, как литовец литовцу.

Поздно вечером пошел Владас к врачу. Но его дома не застал. С нетерпением дождались утра. Вновь пошел.

Внимательно выслушал врач рассказ Владаса, не прерывал, но видно было, что не очень-то верит рассказанному. Трудно сказать, чем он руководствовался. То ли действительно посочувствовал соплеменнику, то ли просто пожалел человека. Минуту он помолчал, затем сказал:

— Надо немедленно делать операцию. Везите в городскую больницу, я скоро приду и сам сделаю. Но везите быстро, если замешкаетесь, то смерть неминуема.

Нашли шофера. Но документы? Надо найти документы легального человека, который освобожден от мобилизации. Кто это может быть? Да Зумерис. Он железнодорожник, его не мобилизуют, у него хорошие документы. Взяли документы у Зумериса. Но что сказать в больнице? Ведь там не скажешь, что удирал от мобилизации. Придумали такую версию: ехал в деревню на велосипеде покупать сало. Бандиты останавливали, но он не остановился, они открыли огонь вдогонку и ранили.

В десять часов были в приемном покое больницы. Губертас не в силах был стоять. Он прилег на скамью. Каждая минута казалась братьям часом. А если доктор пошел в полицию? А если он сейчас покажется в дверях с гестаповцами? Губертас лежал на боку, правую руку держал в кармане на рукоятке пистолета. Нет, живыми они не сдадутся. Четверть одиннадцатого, доктора нет. Да, братья почти не сомневались, что им подстроена ловушка. Надо уходить, но вот в половине двенадцатого в конце коридора показался врач. Быстрыми шагами прошел через коридор, увидел Губертаса, но не стал его смотреть.

— В операционную, — отрывисто бросил он сестре, на ходу

снимая пальто.

Губертаса повезли в операционную. Глазами он подозвал брата и показал на правый бок. Склонясь над братом, как бы прощаясь с ним, Владас вытащил пистолет.

Губертаса увезли в операционную. Что его ждет там? Увидят ли они его когда-нибудь вновь? Удастся ли операция? Будет ли хранить тайну врач? Пошел слух, что полиция днем еще раз тщательно проверяла место, где был ранен Губертас. Они нашли следы крови и, конечно, будут искать раненых по больницам.

После операции Губертас сначала был очень слаб, но стал поправляться. Врач хранил тайну, полиция пришла проверять, откуда появился раненый, рассказали историю с салом, полицейский записал и ушел.

Братья навещали Губертаса, ему сделали переливание крови, он стал поправляться.

— Просит пистолет принести, — сказал однажды навестивший его Владас.

Все, казалось, шло хорошо, но вот 22 апреля в 4 часа утра гестаповцы окружили дом, где жил Бронюс Бориса. В квартире в то время был только младший брат Владас. Он услышал вовремя и удрал через крышу соседнего дома.

Но в шкафу гестаповцы нашли окровавленные сапоги и брюки Губертаса. Опять начали искать в больницах. Когда Губертас узнал, что на квартире Бронюса произведен обыск, он сразу попросил братьев взять его из больницы. Он и сам уже заметил, что им опять стали интересоваться, расспрашивают и переспрашивают, выпытывают подробности.

Братья взяли Губертаса к Тендзегольским. Через несколько дней, 27 апреля, в дом к Тендзегольским ворвались гестаповцы. Не спрашивая, они сразу прошли в комнату, где спал измученный Бориса. Под подушкой у него лежали пистолет и гранаты. Но он не успел воспользоваться ими, гестаповцы скрутили его сонного.

6

Когда Губертаса привели на очную ставку с братом Владасом, арестованным позже, он не сразу узнал его. Перед ним сидел избитый, растерзанный старик. Изо рта у него стекала тонкая струйка крови.

— Узнаешь своего братца, — спросил Владаса гестаповец, показывая на Губертаса.

Владас невидящими глазами смотрел на Губертаса. Он уже не мог говорить. Отрицать, конечно, было бессмысленно, но он

упрямо мотал головой.

— Нет, нет, нет, — твердил он упрямо.

С ужасом глядел Губертас на брата…

— Брата не узнаешь! — крикнул гестаповец и с силой хлестнул плетью по лицу Владаса.

Губертас дернулся на помощь брату, но сильный удар в лицо свалил его самого.

Он очнулся в камере. Перед глазами стояло лицо Владаса, изуродованное, залитое кровью, а самое страшное — глаза, ничего не видящие, ничего не выражающие…

Вот таким через несколько дней будет и он, Губертас. А может, он не выдержит и заговорит. А Владас молчал до конца. Хватит ли сил у него, Губертаса? Он оглянулся. В камере ничего не было, голые стены, решетки на окнах… Вдруг резкая боль пронзила бок. Через бинты просачивалась кровь… И вместе с этим мелькнула мысль. Бинты… Их много, в больнице намотали немало, а здесь еще не успели снять…

На другой день стража нашла его: на жгуте из бинтов он висел на оконной решетке. Не удалось гестаповцам сломить этого гордого и смелого борца.

Сцена очной ставки братьев не имела свидетелей, и нет документов о ней. Но такой ее создала народная молва.

7

В биографии Губертаса Борисы есть такой эпизод. Еще будучи школьником, он пошел купаться на озеро. В Утене есть единственное озеро, и почти весь город собрался на берег в этот жаркий день. Вдруг кто-то крикнул, что тонет человек. Да, с берега было ясно видно: кто-то забрел слишком далеко и беспомощно барахтается в воде. На берегу заметались. Вопили женщины, кричали дети. И вдруг с быстротой молнии метнулась маленькая фигурка. Мальчик бросился в воду, быстро поплыл к тонущему, схватил его за волосы и стал тянуть к берегу. Смелость мальчика подняла и других купающихся. Они выстроились в ряд и, держась за руки, стали подвигаться к утопающему и его спасителю. Это было сделано вовремя, ибо и сам спасающий выбился из сил.

Долго потом удивлялись утенцы, как малыш Губертукас вытащил на берег утопающего взрослого мужчину.

Этот смелый, мужественный поступок Губертаса–мальчика имел символическое значение для всей его недолгой жизни. Губертас никогда не был в ряду тех, кто предпочитал все время

сидеть на берегу бурлящего потока жизни. Он всегда бросался в самый водоворот, навстречу опасности. Таким он и остался в памяти народа.

В домик на тихой улочке имени Губертаса Борисы в Утене не зарастает тропа. К старой Розалии Борисене приезжают пионеры и комсомольцы, студенты и рабочие, историки и журналисты. К ней идут молодые бойцы со своими командирами, чтобы послушать бесхитростный рассказ матери о «хорошем мальчике, о ласковом мальчике Губертукасе», у которого душевная чистота и чуткость сочетались с отвагой бойца, идущего в бой.

Н. Полтораков
В БОЕВОМ СТРОЮ

Герой Советского Союза Петр Евсеевич Брайко — человек средних лет, с чистым приятным лицом, густой копной русых волос. Когда он говорит, в его чуть задумчивых глазах часто вспыхивают искорки юношеского задора. И тогда лицо озаряется доброй улыбкой.

Этот человек обладает завидной памятью. До мельчайших подробностей он помнит многие бои и сражения с фашистскими оккупантами, в которых ему довелось участвовать; называет сотни имен и фамилий друзей, прошедших с ним по тылам врага много тысяч километров…

* * *

Летом 1940 года после окончания пограничного училища связи двадцатидвухлетний лейтенант Петр Брайко был направлен для прохождения службы на западную границу. Там и захватила его война. Но серьезное боевое испытание он прошел немного позже, когда был уже начальником связи мотострелкового полка под Киевом.

Воины укрепленного района совместно с воздушнодесантной бригадой упорно защищали украинскую столицу. Однако силы были неравными. Противник глубокими клиньями охватил Киев, а затем замкнул вокруг кольцо окружения.

Во время прорыва к своим группа лейтенанта Брайко была схвачена фашистами и доставлена в лагерь военнопленных в Дарницу. Четыре советских бойца, в том числе и Брайко, находились в плену всего несколько часов. Счастливый случай помог им бежать из лагеря.

Оказавшись на свободе, комсомолец Брайко попытался уговорить товарищей пробраться к линии фронта, перейти ее и там разыскать свою часть. Уговоры не подействовали. Воины разошлись в разные стороны.

Долго Брайко бродил ночами по тылам врага. Сердце патриота звало туда, где он, молодой офицер, мог в боевом строю отдать свои силы, а если понадобится, то и жизнь за счастье советского народа.

Скитаясь по разоренной оккупантами родной украинской земле, Брайко видел, какие чудовищные злодеяния творят

фашисты. Да он и на себе их немало испытал. Пять раз задерживали его гестаповцы и полицейские. Три раза приговаривали к расстрелу. И только большая выдержка, находчивость и хитрость спасали офицера от смерти.

В январе 1942 года Петр Брайко в изрядно потрепанной гражданской одежонке, измученный и похудевший, добрался до города Сумы. Здесь он случайно узнал, что в лесах около Путивля действуют партизаны. Брайко обрадовался и сразу же отправился на их поиски. Но найти партизан было не легко.

Почти месяц потребовалось, чтобы напасть только на след народных мстителей. В деревне Новоселки Брайко задержали и под охраной доставили в штаб партизан. Переступив порог большой крестьянской избы, он отрапортовал:

— Лейтенант Брайко прибыл по…

Но, не договорив, по чьему приказанию прибыл, замолчал. Он смотрел на незнакомых людей, ожидая, что они скажут.

За столом сидели: Ковпак, Руднев, Базыма и молодой лейтенант, туго перетянутый армейскими ремнями.

Человек с острой седой бородкой бросил суровый взгляд на вошедшего и тихо сказал:

— Садись, парень, рассказывай, кто ты, как сюда попал?

Позже Петр Евсеевич узнал, что у ковпаковцев существовал быстрый и действенный способ проверки прибывавших к ним новых людей. Анкет здесь, конечно, не заполняли, а устраивали очные встречи. Среди партизан отряда, как правило, были люди из многих районов оккупированной и неоккупированной территории нашей страны. Находился и такой человек, который мог подтвердить правильность показания новичка. И тот, кто говорил неправду, всегда попадался.

Более трех часов Брайко рассказывал о своих скитаниях по тылам противника. Ему хотелось поведать партизанским начальникам как можно больше из того, что он знал и видел своими глазами. Петр Евсеевич называл номера известных ему советских воинских частей, фамилии командиров и политработников; припоминал, где и в каком направлении перебрасываются вражеские войска к линии фронта, где размещаются гестаповские комендатуры, заставы и кордоны, какие зверства чинят оккупанты в украинских городах и селах.

Брайко хотел с первой же встречи со своими людьми быть им полезным, вызвать к себе доверие и уважение. Но война требовала высокой бдительности. И мнение о лейтенанте разделилось. Ковпаку показалось, что этот «говорливый подросток» (Брайко был маленького роста, с тоненьким голоском и впрямь походил на юношу 16–17 лет) не кто иной, как шпион, и

его надо немедленно шлепнуть. Комиссар Руднев с выводами не торопился. Начальник штаба Базыма не высказал своего мнения.

Пригласили для беседы с Брайко еще одного человека. Он был похож на богатыря. Добродушный, разговорчивый, с немецким автоматом на шее. Улыбаясь, богатырь подошел к Брайко и хрипловатым голосом спросил:

— Так ты, молодец, говоришь, что в Конотопе булочки покупал у Дома Советов, у Гануси? Что, приглянулась тебе та дивчина?

Брайко рассмеялся:

— Какая ж это дивчина? Ей лет сорок. Просто булочки у нее были вкусные.

— Ты не помнишь, случаем, кто в педшколе, где ты учился, был секретарем комсомольской организации?

— Маруся Коваленко. Из детского дома к нам она приехала…

Не подозревая, почему выясняют у него такие подробности, Брайко отвечал уверенно, точно. Тогда богатырь, махнув рукой, словно подводя итоги разговору о судьбе новичка, сказал молчавшему Ковпаку:

— Не мучайте хлопца, Сидор Артемьевич. Нашенский он. Давайте его к нам в отряд…

Из штаба вышли вдвоем. На улице добродушный и, как показалось Брайко, справедливый человек подал ему увесистую руку:

— Будем знакомы: Канавец Федор Ермолаевич — комиссар Конотопского отряда, в котором ты будешь теперь воевать. А раньше был председателем райисполкома в Конотопе, где ты покупал вкусные булочки у тетки Гануси…

* * *

Петра Брайко в отряде зачислили рядовым бойцом. В соединении действовал неписаный закон. Дед Ковпак (так партизаны называли своего командира) предупреждал: «Для мэнэ все равно. Хоть ты сам генерал. Пришел до нас, бери винтовку и воюй. А там побачим, що з тебэ выйдэ».

В первом же бою Петр Брайко добыл себе винтовку, потом он проявил себя во многих схватках с противником, показывал пример мужества и находчивости. Вскоре новичок был назначен командиром взвода.

…Зимой 1942 года ковпаковцы совершали первый большой рейд по тылам противника, направляясь в Брянские леса. Народные мстители шли преимущественно ночами в ненастную

погоду. Появлялись в населенных пунктах неожиданно, громили мелкие гарнизоны фашистов, уничтожали их комендатуры и следовали дальше.

В сложной и трудной обстановке пришлось Брайко познавать партизанскую науку. Он ходил в разведку с новыми своими друзьями Сашей Алексеевым, Мишей Федоренко, Гришей Новиковым.

…Холодным февральским утром партизаны, сильно уставшие и замерзшие после длительного перехода, остановились на отдых в глухой деревне Веселое. Не успели они разойтись по хатам, как раздался сигнал тревоги. Фашисты, обнаружив партизан, перекрыли к деревне все дороги и пошли в наступление.

Местность была открытая. Только с севера к деревне примыкал небольшой лесок. По приказу командира Брайко со своим взводом организовал на опушке этого леса засаду.

Партизаны залегли в снегу, замаскировались. Прошел час, другой. А гитлеровцы не появлялись. Крепчал мороз. Держаться становилось невмоготу. Среди залегших пополз шепоток: «Так можно и замерзнуть. А что толку? Уходить надо к своим в деревню…»

Брайко хорошо понимал: стоило ему сказать только одно слово — и бойцы уйдут. Но он молчал, он ни за что не покинет без приказа боевого поста! В голове пронеслись тревожные мысли: «Почему в деревне не слышно стрельбы? Куда девались каратели? Где же связной, которого обещали прислать из деревни? Надо еще подождать».

Так решил Брайко. По цепи отдал приказание: «Ни с места! Усилить наблюдение…»

Прошло еще полчаса томительного ожидания. И вот наконец-то прискакал вестовой. Гриша Новиков, паренек лет шестнадцати. Как обрадовались ему партизаны! Брайко крикнул: «С чем пожаловал? Быстрей выкладывай…»

Гриша передал пакет с приказом — немедленно отходить к деревне.

Только поднял Брайко взвод, как из-за бугра показалась первая колонна фашистов. Двигались они быстро. «Как быть?» — заволновался Брайко. Но для размышления времени не было. Нужно действовать. И он отдал команду:

— По местам!

Партизаны залегли на прежних своих местах. Приготовили автоматы, ручные пулеметы, гранаты. Ждут.

Первая колонна гитлеровцев направилась прямо к деревне. Вот фашисты уже приблизились к ее окраине, открыли огонь. Ковпаковцы сразу же ответили им дружным огнем из пулеметов и

автоматов, прижав противника к земле. В это время к немцам спешило подкрепление — еще один батальон солдат. Наблюдая за ходом боя, Брайко нервничал: гитлеровцы были вне досягаемости пулеметного огня его взвода, и он не мог помочь главным силам партизан. Однако вскоре и ему нашлось дело. Да еще какое!

Гитлеровцы пошли на хитрость. Когда им стало туго, они бросили один батальон вдоль опушки леса, пытаясь, видимо, отрезать пути отхода партизанам из деревни. Немцы шли без разведки, беспечно, полагая, что партизаны находятся только в деревне. И вот, когда колонна фашистов миновала засаду Брайко, в хвост ей застрочили автоматы, пулеметы, полетели гранаты. Фашисты дрогнули, в панике заметались. Глубокий снег не давал им возможности быстро менять рубежи. Партизаны усилили огонь. Гитлеровцы пытались залечь, не удалось. Их всюду настигали пули и гранаты. За четверть часа вражеский батальон был разгромлен.

— В этом бою, — вспоминает Петр Евсеевич, — в качестве трофеев нам досталась большущая шуба командира одной из рот фашистов. Мы подарили ее нашему командиру — Сидору Артемьевичу. В ней он и провоевал почти до самой победы.

* * *

Командование соединения заслуженно оценило боевые дела молодого партизана. В июне 1943 года ему присвоили воинское звание «капитан».

…Соединение Ковпака, насчитывавшее уже более тысячи партизан, совершило длительный переход из Брянских лесов обратно в Сумскую область. Остановку сделали около Путивля. Разместились в Монастырском и соседнем к нему лесах. Эти места хорошо знали партизаны: здесь они начали свой боевой путь, здесь была родина их командира — Ковпака.

Пользуясь относительным спокойствием, фашисты чувствовали себя свободно, упорно насаждали ненавистный «новый порядок», распускали ложные слухи о том, что Ковпак давно пойман и расстрелян, а его сподвижники разбежались по лесам.

Оккупанты выдавали желаемое за действительность. Но скоро им пришлось убедиться в обратном.

Разведчики капитана Брайко, по заданию Ковпака первыми проникнув в Путивль и в соседние с ним населенные пункты, где размещались вражеские гарнизоны, быстро собрали необходимые

данные о противнике. Доложили командованию. Ковпак принял решение: разгромить фашистов и этим показать местным людям, что партизаны есть, живы и готовы совершить возмездие.

Трудная это была задача. Перед партизанами был противник, троекратно превышающий их по численности. Узнав о появлении в лесах партизан, фашисты спешно стянули сюда крупные силы мотопехоты и танков.

Разгорелись кровопролитные бои. Гитлеровцам удалось блокировать Путивльский отряд и штаб Ковпака в Монастырском лесу. Остальные три отряда — Конотопский, Кролевецкий и Шалыгинский — оказались отрезанными.

Но это не сломило волю народных мстителей. Схватка принимала затяжной характер. Немцы, используя свое преимущество в технике и жиеой силе, напирали. У партизан кончались боеприпасы. К тому же нарушилась связь между отрядами. Это показалось особенно тревожным. Связь требовалось восстановить в самый короткий срок. В противном случае над партизанами, зажатыми в Монастырском лесу, нависала серьезная опасность. В это время капитан Брайко уже был помощником начальника разведки штаба соединения. Ему и поручили восстановить связь с отрядами в соседнем лесу, передать им приказание — ударить по врагу с тыла и деблокировать оказавшихся в западне партизан.

Надо заметить, что с таким заданием уже посылались две группы разведчиков. Но они не прорвались через вражеское кольцо окружения, погибли. Теперь Брайко решает послать третью группу. В ее составе — самые опытные и бесстрашные следопыты, близкие боевые друзья Петра Евсеевича — Коля Бардаков и Витя Чечеткин. Они добровольно пошли на рискованное задание и дали слово, что жизни своей не пожалеют для его выполнения.

В штабе соединения с нетерпением ждали сигнала разведчиков. В это напряженное время решили провести заседание партийной комиссии. Члены комиссии Руднев, Ковпак и другие собрались в овраге.

При свете карманного фонаря секретарь парторганизации Яков Панин зачитал заявление Петра Евсеевича о приеме его в партию. Характеристик здесь не писали, анкет не заполняли. О каждом судили по его боевым делам.

Брайко рассказал свою биографию. Короткую, несложную. Родился в 1918 году в селе Митченках, на Черниговщине, в семье крестьянина–бедняка. Там же окончил семилетку, потом учился в Конотопской педагогической школе, окончил военное училище. В 1941 году участвовал в боях за Киев. При выходе из окружения

попал в плен, бежал. Теперь вместе с партизанами сражается против фашистов…

— Кто будет говорить? — спросил секретарь партбюро.

Выступили рекомендующие. Они тепло отозвались о Брайко, хорошо говорили о его боевых делах. И, пожалуй, самым кратким было выступление командира соединения А. С. Ковпака.

— По–моему, все ясно. Брайко заслужил, чтобы его принять в нашу партию, — сказал он.

Попросил слово и Брайко. Ему хотелось в этот памятный для него день заверить коммунистов, своих старших товарищей, что никогда их не подведет и с честью оправдает высокое звание члена ленинской партии.

Однако кончить свое выступление ему не пришлось. Посмотрев на часы, Руднев прервал Брайко:

— Думаю, достаточно. Пусть капитан идет к разведчикам и обеспечивает выполнение своей задачи…

— Да, да. Желаем успеха, товарищ Брайко, — сказал Панин и крепко пожал руку разведчику.

Брайко ушел.

В ночном небе вспыхивали разноцветные ракеты противника, трассирующие пули чертили длинные осветительные линии.

Предутреннюю тишину разорвали автоматные и пулеметные очереди. Это по условному сигналу, переданному разведчиками, открыли дружный огонь партизаны Конотопского, Кролевецкого и Шалыгинского отрядов. В тот же момент в лобовую атаку ринулись и путивляне. Удар был одновременным и настолько мощным, что противник не выдержал, дрогнул.

А это и нужно было партизанам. Путивляне быстро вырвались из окружения и, соединившись со своими отрядами, вышли на широкий простор. Потом в течение нескольких дней они последовательно громили вражеские гарнизоны в Путивле, Кролевце и других крупных населенных пунктах.

Появление «расстрелянного» Ковпака и его партизан молнией разнеслось среди местного населения. Повсюду стали возникать новые отряды, народные мстители шли к партизанам и просили принять их «до Ковпака».

* * *

Внешне спокойный, с чуть застенчивой улыбкой, Петр Брайко обладал замечательными боевыми качествами. Он отличался личной храбростью, умением в самой сложной обстановке быстро принять разумное решение, проявлял выдержку и постоянную

готовность до конца выполнить свой воинский долг. И не случайно, что именно его нередко командиры ставили в пример другим партизанам. А в мае 1943 года имя Петра Брайко было в списке первых ковпаковцев, награжденных орденом Красного Знамени и медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

После знаменитого Карпатского рейда капитан Брайко стал командовать 3–м батальоном, созданным на базе Шалыгинского отряда.

3 февраля 1944 года его вызвал к себе Петр Петрович Вершигора, заменивший Ковпака, который после ранения уехал лечиться в Киев. Молодому комбату поручили сложную и чрезвычайно ответственную задачу: прорваться на участок железной дороги Дубно — Броды, вывести его из строя и тем помешать противнику совершать активные перевозки боевой техники и живой силы.

Успешное выполнение этой задачи окажет неоценимую помощь советским войскам, наступавшим с фронта. Но случилось так, что, пока батальон Брайко с большим трудом пробивался по размокшим дорогам с запада в район Дубно — Броды, сюда под ударами советских войск откатились фашистские войска. В этот район гитлеровское командование спешно бросило и свою резервную 4–ю танковую армию. Линия фронта временно приостановилась на рубеже: Пуцк — Млынув — Дубно — Кременец. И батальон Брайко неожиданно оказался в тактической зоне обороны противника.

Петр Евсеевич действовал смело и разумно. Вечером 5 февраля из деревни Будки он выслал на железную дорогу две группы минеров, которые должны были поставить четыре пятидесятикилограммовых фугаса замедленного действия, а с батальоном решил за ночь перебазироваться ближе к Бродам, в деревню Хотин, окруженную болотом и трудно доступную для противника, чтобы там дать отдохнуть своим людям.

В этот период выяснились трудности: всюду партизаны натыкались на вражеские части. Как вырваться из логова врага? Пробиваться на восток, к своим войскам, невозможно: там немцы занимали оборону. Уходить на запад, догонять основные силы своего соединения, тоже нельзя: на пути разлившаяся река Стырь.

Положение осложнялось тем, что батальон не имел связи со штабом соединения.

С трудом через Киев Брайко все-таки связался с Вершигорой по радио. Тот приказал: следовать батальону за ним по указанному маршруту. Развернули карту и удивились: соединение ушло в Польшу и находилось от батальона за сотню километров.

Значит, на помощь своих рассчитывать нечего. Нужно надеяться на собственные силы.

Вначале Брайко повезло. Когда он вывел партизан из Будок, повалил густой снег. Этим, как завесой, воспользовался батальон Брайко, пробираясь мимо вражеских танков.

Но самое опасное предстояло впереди. Чтобы пробраться в Хотин, нужно было незаметно проскочить между вражескими гарнизонами и перейти через болотистую речушку Пляшувку. При подходе к деревне, носящей то же название, что и речка, партизаны переднего заслона случайным выстрелом встревожили немецких танкистов. Те, не разобравшись, в чем дело, открыли огонь по соседней деревне. Им немедленно ответили. Завязалась огневая перестрелка.

Временное замешательство противника помогло капитану Брайко вывести батальон из-под огня и скрыться в ближайшем заболоченном лесном массиве, примыкающем к деревне Хотин. Но здесь партизанам нельзя было задерживаться. В ночь на 7 февраля Брайко выслал под Броды группы минеров с фугасами для подрыва железной дороги. Батальон продолжал вырываться из района расположения неприятельских войск. Двигались на запад, чтобы догнать Вершигору.

Прорвавшись через новую водную преграду — болотистую речку Баранскую, Брайко устроил засаду на шоссе Лешнюв — Броды. Ему нужно было точно узнать, с каким противником он имеет соприкосновение. Задачу эту блестяще выполнил командир взвода Андрей Устенко со своими бойцами. Он внезапным ударом разгромил инженерную разведку 4–й резервной танковой армии немцев, захватив в плен шесть фашистских солдат и одного офицера, оказавшегося начальником этой разведки.

После того, как была выполнена основная задача — взорваны железнодорожные пути в заданном районе, батальон Брайко лесными тропами вышел к реке Стырь, успешно форсировал ее и отправился на поиски основных сил соединения.

Более пятисот километров прошел батальон по глубоким тылам противника. И только 14 февраля 1944 года комбату Брайко удалось найти Вершигору на польской земле.

Трогательной и волнующей была эта встреча. Здесь Петр Евсеевич узнал радостную весть: соединение преобразовано в 1–ю Украинскую партизанскую дивизию имени дважды Героя Советского Союза С. А. Ковпака, а он назначен командиром 3–го полка и ему присвоено воинское звание «майор».

* * *

О том, как воевали советские партизаны на польской земле, как они помогали польским братьям быстрее освободиться от фашистского рабства, многое мог рассказать Петр Евсеевич Брайко, удостоенный высшей польской награды — ордена Крест Грюнвальда. С особым волнением он вспоминает о таком эпизоде.

Случилось это в памятные дни февраля 1944 года. Дивизия, не успев еще завершить перестройку по новому штату, вынуждена была принять участие в боевых операциях на широком фронте. Вместе с польскими патриотами ей удалось в ночь на 18 февраля одновременно нанести комбинированный удар по вражеским гарнизонам в ряде крупных промышленных центров Польши. Партизаны взорвали все мосты на железных и шоссейных дорогах, идущих с запада к Львову, уничтожили большую водонасосную станцию, снабжавшую теплой водой паровозы противника.

В деревне Кособуды противник атаковал полк майора Брайко. Оценив обстановку, Петр Евсеевич решил уничтожить врага в походной колонне. Кстати, этому во многом способствовала и местность, которую партизаны заранее минировали.

Вражеская колонна медленно двигалась по узкой булыжной дороге, тянувшейся через болото. Впереди шло три танка, за ними — бронемашина и пехота. Вот немцы подошли вплотную к позиции партизан. Раздался взрыв. Передний танк поднялся на дыбы, затем тяжело рухнул на дорогу.

Следующий танк начал сдавать назад: он не мог вести прицельный огонь из-за стоящего впереди подбитого танка и тоже налетел на мину. Третью машину уничтожили партизанские артиллеристы.

В это время по колонне ударило десятка полтора пулеметов и полсотни автоматов. Гитлеровцы заметались, как в мышеловке.

Ожесточенные поражением, фашисты бросили на партизан новые подкрепления. Разыгралась отчаянная борьба. Временами она переходила в рукопашную схватку. Имея численное превосходство, немцы стали обходить полк Брайко с тыла. Им казалось, победа уже обеспечена. И трудно теперь сказать, чем все могло кончиться, если бы… Рискуя жизнью, один польский крестьянин проник к советским партизанам и под носом у противника ночью вывел их по узкой тропке из «мешка смерти».

Только спустя тринадцать лет стало известно, кто был этот спаситель. В 1957 году Петр Евсеевич Брайко с группой советских ветеранов партизанского движения побывал в Польше. Посетил он и те места, где пришлось вести неравные бои с фашистскими оккупантами. В разговорах с местными жителями Петр Евсеевич рассказал им, как это произошло, и попросил помочь в розыске человека, который спас соединение. Скоро ему сообщили, что

этот человек известен и его можно видеть.

Хозяин дома, где остановились советские партизаны, с гордостью представил гостям невысокого пожилого человека с сухим загорелым лицом и пушистыми усами.

Взволнованный неожиданной встречей, Брайко подошел к старику, обнял и расцеловал его.

— От всех нас, отец, от партизан.

Растроганный старик, помолчав некоторое время, внимательно посмотрел на Петра Евсеевича, сказал:

— Передай от нас, свободных поляков, большое спасибо советскому народу за то, что он помог нам освободиться от лютых врагов.

* * *

После войны Петр Евсеевич Брайко окончил военную академию имени М. В. Фрунзе и долгое время служил в Советской Армии.

Ныне Герой Советского Союза полковник запаса П. Е. Брайко учится в Литературном институте имени А. М. Горького.

Н. Волостнов
ТРОПОЙ ОТВАЖНЫХ

С разными людьми приходилось сталкиваться за время службы в армии. Одни были ничем не приметные и быстро забывались. Другие, наоборот, оставляли глубокий след в памяти. Навсегда запомнился мне полковник Антон Петрович Бринский — Герой Советского Союза, прославленный партизан Великой Отечественной войны.

Впервые встретились мы с ним в Москве на служебном совещании. Шел большой разговор об авторитете командира. Выступил и Бринский. Невысокий, стройный офицер, с открытым приятным лицом и острыми глазами, по–юношески блестевшими из-под густых бровей, он с первых слов заинтересовал аудиторию. Говорил Бринский без записей, просто, убежденно, свои мысли подтверждал примерами.

— Авторитет командира не создается искусственно, — сказал тогда Антон Петрович, — и тем более не насаждается кем-то со стороны. Он завоевывается личным примером и поведением, а главное — беззаветным служением Родине.

В этих словах был весь Бринский. То, о чем он говорил, являлось непреложным законом его жизни и с особой силой раскрылось в годы войны.

* * *

…Шел тяжелый неудачами июль 1941 года. Фашистские полчища рвались на восток, повсюду оставляя за собой следы чудовищных разрушений и море народных слез. По заданию командования комиссар части А. П. Бринский, выходя из окружения с группой в восемнадцать бойцов, направился в фашистский тыл, в леса Белоруссии, чтобы начать там беспощадную борьбу с врагом.

С того памятного утра, когда в части была объявлена боевая тревога и у границ начались бои, он только мельком слышал, что из военного городка всех эвакуировали. Но как могла жена с тремя малыми детьми оттуда выбраться? Этого он не мог представить. «Где они? Живы ли?» — тяжелые мысли не давали покоя. А тут каждый день бои. Много ли может сделать маленький отряд легко вооруженных людей?

Настроение мрачное. Вторые сутки люди не ели. На каждого

осталось считанное количество патронов. Как быть дальше?

Внезапно на дороге показалась колонна немцев. Пыль высокими столбами взметнулась вверх: один, два, три… семь столбов — семь машин с гитлеровцами. Бринский окинул взглядом бойцов и решительно скомандовал: «К бою! Автоматчики, за мной!».

Первый бой длился недолго. Немцы потеряли около сорока человек, откатились к деревне, а вскоре они вообще покинули ее. В руки партизан попали оружие, боеприпасы и машина с продовольствием. Вот и ответ на все сомнения: значит, и здесь, в тылу, можно бить врага. И здесь можно выполнять свой воинский долг.

Маленький отряд продолжал свой путь и в начале августа вышел в район Лукомльского озера. В приозерных деревнях Гурец и Симоновичи Бринский основал первую партизанскую базу. Он по всем правилам выставлял караулы, отсюда совершал налеты на оккупантов. Но пока все это делалось без особого плана. Недостаток опыта сказывался во всем.

Отряд пополнялся новыми людьми. Среди них были такие, как Куликов, Немов, Перевышко, которых хорошо знал Антон Петрович и которым мог доверяться во всем. Но встречались одиночки, ожидавшие каких-то перемен. Правда, таких было немного, но недаром в народе говорят, что ложка дегтя портит бочку меда.

Комиссар Бринский чувствовал это, жил и питался вместе со всеми, сам первым выходил на задание. Но всего этого было недостаточно, чтобы поднять дух бойцов. Чего-то не хватало.

В середине сентября с небольшой группой А. П. Бринский предпринял вылазку на шоссе Витебск — Орша. Здесь он впервые встретился с представителем Центрального Комитета партии. Радостный, Антон Петрович возвращался на свою базу. Но случилось непредвиденное. Он не нашел отряда на месте. Лишь по некоторым признакам можно было предположить, что произошло недоброе. Вечером к Бринскому присоединилась группа Куликова — два десятка бойцов. Они и поведали о случившемся. Пользуясь беспечностью партизан, целый полк карателей, наведенный полицаями, незаметно подошел к лагерю и окружил его. Партизаны дрались храбро, но силы были неравные. Лишь немногим из отряда удалось пробиться в Столбецкий лес и уйти от преследования.

Урок был поучительным. Чтобы избежать новых ударов врага и собраться с силами, Бринский 20 октября 1941 года увел остатки отряда в Ковальчевические леса, под Лепель. Здесь он встретился с опытным командиром партизанского отряда Батей

— Григорием Матвеевичем Линьковым. Антон Петрович стал его заместителем и многому у него научился. Этот отряд совершал не только диверсии, но и вел широкую разъяснительную работу среди населения, имел разработанный план действий, хорошо поставлена была разведка…

Школа «партизанского руководителя» была не легкой. Жестокая действительность давала предметные уроки на каждом шагу, за которыми неизбежно следовала расплата — жертвы.

25 декабря 1941 года А. П. Бринский, находясь со своими помощниками Куликовым, Сураевым, Немовым в деревне Симоновичи, попал в ловко расставленную фашистами ловушку. Девять часов отбивались партизаны от врагов. Казалось, что выхода нет. Каратели заняли ближайшие дома, на улицах расставили пулеметы. Партизанам осталось одно — подороже отдать свои жизни. На нескольких денежных купюрах Бринский написал: «Батя, нас предал «Сергей». Держим бой. Будем биться до последнего патрона. Живыми не сдадимся… Прощайте…»

Стемнело. Атаки прекратились, но количество постов вокруг двора, где были окружены партизаны, удвоилось. Бринский решил сделать последнюю попытку обмануть врага. Вместе с Сураевым они сделали из разного хлама несколько чучел и незаметно «подменили» ими бойцов около забора. Каратели не сразу разобрались, открыли огонь, а тем временем четверо храбрецов выскочили через огород и бросились на врага. Вместо гранат они метнули пустые бутылки. Одна из них попала в пулемет. Расчет, приняв ее за гранату, разбежался. Воспользовавшись замешательством карателей, партизаны вырвались из кольца.

Почти неправдоподобно. Но все произошло именно так.

Группа Бринского возвратилась на базу лишь на следующий день. Авторитет Антона Петровича рос, бойцы стали часто обращаться к нему за советом, просили взять на задание, называли его «наш комиссар!».

После поражения немцев под Москвой активность партизан усилилась. Народ воспрянул духом. В ответ на призыв партии в городах и селах Белоруссии поднимались массы людей, возникали новые очаги сопротивления. Быстро разрастались и отряды Бати, ставшие крупным соединением. К этому времени наладилась устойчивая связь с центром, а с ней пришла и помощь. Народные мстители выдержали суровые испытания 1941 года, окрепли и возмужали в суровой борьбе.

Заместитель Бати Антон Петрович Бринский все время находился в гуще событий. Он организует новые отряды, готовит и отправляет людей на задания, сам нередко ходит на диверсии.

Легкая седина посеребрила его волосы, обветрилось и посуровело лицо. Теперь он не новичок в партизанских делах, который в июльские дни раздумывал: «Как быть дальше?»…

В мае 1942 года Батя, оставив часть соединения в распоряжении Константина Заслонова, перенес операции в западные области Белоруссии, совершив трудный шестисоткилометровый переход по вражеским тылам. Снова загремели взрывы, полетели под откос фашистские эшелоны, запылали склады и полицейские участки.

Довольно крупный отряд, которым командовал Брянский, обосновался в районе озера Выгоновского, севернее Пинска. И на дорогах в треугольнике Брест — Лунинец — Барановичи только за месяц боев — с 10 августа по 11 сентября 1942 года — партизаны подорвали 69 вражеских эшелонов. Конечно, это давалось не легко. Потери у партизан были почти каждый день. Но враг нес урон неизмеримо больший.

И все же действия отряда не удовлетворяли их командира. Он организовал совещание представителей местных отрядов и боевых групп, действовавших в соседних районах. Был разработан план расширения диверсий в таких крупных опорных пунктах врага, как Гродно, Белосток, Ковель, Варшава. Сил в отрядах было достаточно, но не было взрывчатки. Бринский просит Линькова подбросить ее партизанам и получает ответ: «Аппетит у вас хороший и план правильный, но пока у нас мало взрывчатки…»

Пришлось доставать взрывчатку иными путями. Борьба продолжалась. В штаб ежедневно поступали сведения о действиях партизан, об окружающей обстановке. Специальные группы наряду с диверсионной работой вели непрерывную разведку и наблюдение за оперативными перевозками противника. Из показаний пленных, документов, сообщений Бринский понял, что немцы забеспокоились в связи с частыми диверсиями на дорогах и стали стягивать сюда крупные войска. В окрестных селах начались облавы. Однако отряд Бринского почему-то не трогали. Это вызывало подозрение. Опыт подсказывал: враг что-то замышляет.

Вскоре все прояснилось…

В конце сентября в лагерь неожиданно прибежал боец Югов и сообщил тревожную весть. Партизан их группы, некто Рагимов, — предатель! Во время отдыха его назначили часовым. Когда все люди заснули, он начал стрелять в бойцов. Убит Черкашин, ранен лейтенант Криворучко. Сам Югов спасся, прикинувшись мертвым. Рагимов скрылся.

Сообщение Югова поразило всех как удар грома. Надо было принимать меры… Решили отправить боевой состав на задание в

дальние районы дней на 10–15. В лагере оставили небольшую группу — пусть гитлеровцы думают, что отряд на месте.

Трое суток прошло в тревожном ожидании. На четвертый день разведка наткнулась на фашистов. Партизаны, не приняв боя, незаметно скрылись. Теперь сомнений не было — Рагимов побывал в гестапо. Каково же было удивление партизан, когда к вечеру в лагере появился сам Рагимов.

Он шел Бринскому навстречу с докладом, как будто ничего не случилось…

В ночь на 5 октября, после допроса предателя Рагимова, командир отряда не смыкал глаз. Он хорошо знал, что должны прийти каратели. Так и случилось. Под утро тишину на болоте неожиданно нарушили журавли: значит, идут люди — опасность приближалась!

Не теряя времени, Бринский поднял людей и увел их в густые болотные заросли, метрах в трехстах от лагеря.

На рассвете густые цепи оккупантов подошли к лагерю с двух сторон. Хорошо были видны серо–зеленые шинели фашистов, даже лица можно было рассмотреть. Однако, кроме кое–какого имущества да трупа расстрелянного предателя, гитлеровцы в лагере ничего не нашли…

В начале ноября 1942 года Бринский по заданию Бати оставил у Выгоновского озера отряды Гончарука и Сивухи, а сам с группой около сотни бойцов двинулся в новый поход — в пределы Западной Украины, в Полесье, чтобы и там развернуть диверсионную работу.

Нелегко было расставаться. За плечами почти полтора года суровой борьбы, сотни больших и малых операций. В лесах Белоруссии остались навеки близкие друзья: Черкашин, Куликов. С ними Антон Петрович создавал первый партизанский отряд. В его памяти никогда не изгладятся образы Демина, бросившегося под вражеский поезд с миной, лейтенанта Криворучко, врачей супругов Крушельницких, мужественно погибших в боях с врагом.

Отряд дяди Пети, как называли Антона Петровича партизаны, переправившись через Припять, продвигался на запад по проселочным дорогам, порой напрямик через леса и топи. Радостные вести о развернувшемся наступлении советских войск на берегах Волги окрыляли партизан, и они шли, не чувствуя усталости, в колонне не смолкал говор и смех.

Дядя Петя и сам был в хорошем настроении, часто шутил с бойцами. Чуть сбитая набок черная кубанка, плотно облегавшая плечи десантная куртка придавали ему не по годам молодцеватый вид.

В западных областях Украины вместо покорности и страха

гитлеровцы увидели ненависть и месть. В каждом населенном пункте, через которые проходил отряд, крестьяне только ждали сигнала взяться за оружие. «Мы теперь все стали коммунистами», — сказал крестьянин на Жаденских хуторах, где отряд Бринского останавливался на короткий отдых. И это в тех районах, куда Советская власть пришла лишь в 1939 году!

Боевой переход партизанского отряда стал своеобразным агитпоходом. Под Олевском Бринский укрепил отряд Сазонова, на Хачинских хуторах создал новый отряд во главе с Сидельниковым. Антон Петрович провел совещание представителей Сопротивления районов Дубровицы, Сарн, Клесова, заручился поддержкой местной организации «Подпольная спилка». В селе Вилюнь создал группу во главе с Бовгирой, в Сварицевичах оставил своим уполномоченным политработника Корчева. С 6 по 12 декабря 1942 года Антон Петрович побывал в отрядах Насекина, Крука, Макса, Картухина, действовавших в районе Ковель — Сарны, и везде добивался активизации борьбы.

Помня совет Бати, что главное — это организация, Бринский решил сразу же наладить взаимосвязь, скоординировать действия всех отрядов. Начал с того, что организовал выпуск листовок на украинском и польском языках, умело построил он отношения с партизанскими вожаками. Не администрируя, не сковывая инициативы народных мстителей, он сделал так, что все отряды согласовывали свои действия. Никем не назначенный, Антон Петрович вскоре стал признанным руководителем партизанских отрядов в этих краях.

Это значительно расширило круг его обязанностей. Теперь не только диверсии заботили командира.

24 декабря 1942 года в лесу, неподалеку от деревни Езерцы, А. П. Бринский провел совещание командиров местных отрядов и боевых групп, находившихся в пределах Ровенской и Волынской областей. Партизанские силы были объединены под одним руководством и стали действовать по определенному плану.

И снова, как в Белоруссии, встала проблема: «Где брать взрывчатку?» А ее требовалось много. Густая сеть железнодорожных линий (узлы — Ковель, Луцк, Здолбунов, Сарны, Шепетовка и т. д.), по которым шли десятки вражеских эшелонов на восток, не давали покоя партизанам. Взрывчатку разыскивали на немецких полигонах, собирали неразорвавшиеся снаряды и мины. Все было пущено в ход. И новогодний праздник партизаны отметили целой серией диверсий. Логинов и Конищюк уничтожили два моста и разгромили полицейский участок; группы подрывников Макса, Павельчука, Жидаева, Василенко,

Базыкина на участках дорог Брест — Ковель, Холм — Ковель, Луцк — Ковель пустили под откос семь эшелонов, в том числе один с танками. Два эшелона на Пинской дороге подорвала группа Грачева. Отряд Корчева, действовавший у Сварицевичей, взорвал крупный состав, сжег два моста, маслозавод и уничтожил два километра телеграфных линий. Рейдовые отряды Анищенко и Картухина объехали на санях десятки населенных пунктов, совершили налеты на полицейские участки и распространили листовки.

В Ковель со всех сторон летели тревожные сигналы. Сообщалось и о том, что в тылу появились «крупные отряды», прибывшие из Белоруссии. В ставку генерал–губернатора Украины Эриха Коха (она находилась в Ровно) официально доносили: «Под Ковелем действует банда «дяди Пети» численностью в 13 тысяч человек». Перепуганные гитлеровские гебитскомиссары во много раз преувеличивали партизанские силы.

«Правитель Украины» Кох, обеспокоенный вспышкой диверсий на дорогах, вызвал к себе «наместника Волыни и Подолии» Шоне и его заместителя Гоббе и приказал покончить с партизанами. Гоббе заверил гаулейтера, что приказ будет выполнен, и сразу же выехал в Ковель для организации карательных операций. Был разработан план уничтожения партизанских сил, базирующихся в Езерецких лесах. По этому плану противник готовился начать одновременное наступление по шести сходящимся направлениям.

На второй день Бринский уже знал о готовящемся походе карателей. Однако до 18 января не мог полностью раскрыть замысел противника. Но вот командир отряда Макс (Собысяк) принес новые данные, и все сразу прояснилось. Макс — польский офицер, горячий патриот своей родины — был одним из активных и смелых разведчиков. Он имел широкие связи в Ковеле и сумел добыть копию плана карательной операции гитлеровцев. Бринский теперь знал каждый их шаг и разработал свой контрплан. Чтобы ввести в заблуждение оккупантов и создать видимость обороны, вокруг лагеря решили создать ложные позиции и на них расставить полторы сотни чучел.

В ночь на 20 января, когда кольцо врагов стало смыкаться, все отряды бесшумно снялись с места и, обходя заставы фашистов, потянулись к Сварицевичам. Отход производился под прикрытием отряда Жидаева. Бринский ехал позади колонны вместе с капитаном Магометом и прикидывал: «Если Жидаев выполнит свою задачу, тогда будет все как надо».

Первым с двух противоположных сторон к ложной позиции

центральной базы подошли каменец–каширская и морочинская группы карателей. Обстрелянные из засад, они начали отвечать и ввязались в длительную перестрелку, пустив в ход минометы и артиллерию. Остальные колонны, заслышав впереди бой, развернулись и тоже открыли огонь. Жидаев, прежде чем ускользнуть из кольца, сумел обстрелять и их. Теперь все перемешалось. По мере приближения к лагерю стрельба усилилась. В одной группе полицаев поднялась паника. Немецкий генерал тут же приказал для острастки расстрелять их. Те, видя, что пришел конец, ответили огнем по оккупантам. В наступившей темноте невозможно было разобраться. По всему лесу шла ожесточенная пальба. Группы карателей поливали огнем друг друга.

А в это время отряды Жидаева, Яковлева и других ударили по врагам с тыла… Лишь днем каратели поняли, что воевали друг с другом.

Местное население еще больше поверило в силу партизан. К Бринскому потянулись даже те, которые раньше колебались.

С конца февраля 1943 года борьба против оккупантов на территориях Волыни и Ровенщины вступила в новую фазу. В этих областях создавались подпольные обкомы партии, а в северных районах решено было образовать партизанский край. Вскоре на Ровенщину прибыл секретарь областного комитета партии В. А. Бегма, возглавивший партизанское движение в области, а на Волынь позже было двинуто из Черниговских лесов крупное партизанское соединение во главе с А. Ф. Федоровым, секретарем Черниговского обкома партии.

Перед партизанами Бринского встали новые задачи: в тылу врага надо было готовиться к восстановлению Советской власти, подбирать партийный и советский актив. Антон Петрович поддерживает самый тесный контакт с партийными органами, встречается с В. А. Бегмой, А. Ф. Федоровым. Бегма потом вспоминал: «…в Бринском я увидел настоящего партийного работника, который все делал для того, чтобы развернуть партизанскую борьбу».

В июле 1943 года Бринский был вызван на Большую землю.

Служебные дела были решены быстро. Только судьба семьи оставалась неизвестной. В официальных органах ничего не знали. По совету старых знакомых Антон Петрович ездил в Ярославль, Рыбинск, Саратов — безрезультатно.

Но вот наконец-то он получил радостные известия — семья жива и находится в далеком сибирском городке Тулуне. Выехать к ним уже не осталось времени, Антон Петрович послал телеграмму.

Не трудно понять состояние женщины, получившей первое сообщение о муже. Вспомнилось 22 июня 1941 года, бомбежка, пожар, и она с тремя детьми — трехлетним Толиком, Валей и Томой, которые были чуть постарше, выбиралась из городка. Случайно оказавшаяся у Анны Васильевны фотокарточка мужа послужила ей паспортом и пропуском.

Многое пришлось пережить Анне Васильевне. Добрые люди поддержали женщину, не оставили ее в беде. И вот вызов в военкомат. «Неужели известие о смерти?!» — мелькнула страшная мысль. Вместе с дочерью Валей Анна Васильевна вбежала в военкомат и внезапно остановилась у дверей. Что ждет ее за порогом — радость надежды, снова мука неизвестности, или… Но увидев приветливое лицо офицера, подавшего ей телеграмму, Анна Васильевна все поняла, слезы потекли из глаз. Ответную телеграмму Антон Петрович получил перед самым вылетом в тыл врага: «Горжусь тобой, родной, поздравляю с высокой наградой, отомсти за сына…»

Бринский выбросился с парашютом в район бригады Каплуна ночью, а утром уже слушал доклады командиров. Новостей за время его отсутствия было много. Подпольные обкомы развертывали работу. Регулярно выходили газеты, издавались листовки. От Олевска до Ковеля можно было беспрепятственно проехать по лесным дорогам сотни километров и не встретить ни одного оккупанта. Не чувствовали себя фашисты спокойно даже в крупных городах. Теперь термин «в тылу врага» звучал очень условно— в огромном крае, по существу, восстанавливалась Советская власть еще до прихода нашей армии.

Но работы партизанам прибавилось. В штаб соединения ежедневно поступали десятки донесений, приказов, требований. Бринский и его помощники едва успевали справляться с делами.

Напряжение росло. 31 декабря 1943 года поступило новое радостное сообщение: отряд Перевышко в районе Олевска соединился с боевыми частями Красной Армии и вместе с ними освобождал город!

А. П. Бринский выехал на станцию Удрицк, где находился штаб бригады Каплуна. Сюда прискакал связной со станции Белой!

— Белая взята, но водокачка заминирована!

— Водокачку разминировать, станцию удерживать до подхода Красной Армии! — приказывал Бринский.

…Партизаны уходили на запад. Несколько боевых групп из соединения Брянского уже действовали в пределах Польши. 5 февраля 1944 года войска генерала Пухова совместно с партизанами изгнали гитлеровцев из Луцка и Ровно. Это

сообщение застало Бринского в постели. Он лежал прикованный болезнью в землянке и беспокоился, почему никто не появляется: «Уж не случилось ли что?» С большим трудом выбрался наружу и стал, прислонившись к стволу огромной сосны.

Наблюдая привычную картину лагерной жизни, он был далек от мысли, что вскоре ему придется пережить волнующие минуты. Он заметил необычное оживление у землянки радиоузла. К нему подбегают возбужденные полковник Хомчук, майор Маланин, а за ними со всех сторон партизаны. По команде Хомчука все выстраиваются против командира, а он недоумевает: «Зачем такой парад?»

Майор Маланин вышел вперед и доложил:

— Товарищ командир, получена радиограмма. За героический подвиг, проявленный при выполнении боевого задания в тылу противника, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 4 февраля 1944 года присвоил Брянскому Антону Петровичу звание Героя Советского Союза.

К горлу подкатил ком, стало трудно говорить. Подавив волнение, Антон Петрович выпрямился во весь рост и четко, по–солдатски ответил:

— Служу Советскому Союзу!

* * *

…Через много лет я снова встретился с А. П. Бринским. Прославленный партизан уже в отставке. Он живет в Горьком. Нельзя только сказать, что он находится на покое. Та же энергия, постоянное стремление трудиться, идти в ногу с партией и сейчас наполняют всю его жизнь.

Рыгор Нехай
ПОД ЗНАМЕНЕМ ОКТЯБРЯ

7 августа 1941 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза Тихону Пименовичу Бумажкову и Федору Илларионовичу Павловскому. В тот же день был опубликован другой Указ — о награждении орденами и медалями большой группы рудобельских партизан.

Рудобельские партизаны — это традиционное название. На самом деле два населенных пункта — Рудобелка и Карпиловка, разделенные небольшой речушкой, давно, еще с 1920 года, носят общее название — городской поселок Октябрьский. Так что рудобельских партизан можно называть октябрьскими. И это неспроста.

Если читатель взглянет на карту, он увидит, что поселок Октябрьский находится почти в центре белорусского Полесья — между Мозырем и Бобруйском. И именно здесь зародились первые очаги партизанского движения как во время гражданской, так и во время Великой Отечественной войн.

22 июня 1941 года в помещении Октябрьского райкома партии было созвано совещание районного партийного актива. Вопрос стоял о подготовке к уборке урожая. Зал уже был заполнен. Пора бы и начать собрание, но оно почему-то не начиналось. Нет первого секретаря райкома партии Тихона Пименовича Бумажкова. Но вот он вошел, подтянутый и сосредоточенный. Лицо его задумчивое, строгое. Он прошел через весь зал и остановился у сцены.

— Товарищи, — произнес он. — Гитлеровская Германия без объявления войны напала на Советский Союз. Идут бои на границе. Наш долг, долг коммунистов, мобилизовать все население на отпор врагу. Родина в опасности. Предлагаю всем разъехаться по своим местам, провести собрания и митинги. Никакой растерянности. Нам предстоят суровые испытания…

В зале воцарилась напряженная тишина. Потом один за другим на трибуну поднимаются закаленные коммунары — участники гражданской войны, бывшие рудобельские партизаны.

— Поклянемся, товарищи, что отдадим все силы на разгром врага, — сказал Григорий Ильич Барьяш. — Наш поселок носит имя Октября. Он был и всегда будет Октябрьским. Не уроним славы рудобельских партизан.

— Наши отцы и старшие братья крепко бились за Советскую

власть, — поддержала его сельская учительница Ольга Герасимовна Ярош. — Своей родной власти, своих великих завоеваний мы никому не отдадим…

Вспомнились годы гражданской войны.

После Октябрьской революции в Петрограде в Рудобелку по заданию Бобруйского ревкома приехали большевики — уроженцы окрестных сел Александр Соловей и Максим Левков. Они принесли ленинский Декрет о земле и мире. Как только население узнало о декретах, возле волревкома собрался большой митинг. Пришли все: и старые, и малые. Митинг открыл Александр Романович Соловей. Он объявил, что вся власть в стране перешла в руки рабочих и крестьян, что создано первое Советское правительство во главе с Владимиром Ильичем Лениным. Люди радовались, целовали и поздравляли друг друга. Ведь сбылась извечная мечта крестьян о земле, за которую им пришлось бороться с помещиками и кулаками.

Сразу же был создан ревком, а над зданием ревкома взвилось красное знамя. С тех пор красный флаг над Рудо–белкой никогда не опускался. На следующий день все окрестные села — Карпиловка, Лавстыки, Ковали, Лески, Рудня, Смыковичи, Старая и Новая Дуброва пестрели красными флагами. Откуда они взялись? У населения не было красной материи, зато был домотканый холст. Его красили, делали флаги и украшали свои дома. Так население Рудобельской волости восприняло ленинские декреты, Советскую власть.

Потом была борьба с кайзеровскими оккупантами, легионерами Пилсудского, местным кулачеством, но партизанские отряды, все местное население кровью отстояли свою родную власть. А когда нужно было, красногвардейские отряды из Рудобелки уходили на помощь трудящимся Бобруйска, Гомеля, Минска. Александр Соловей ушел на подавление стрекопытовского восстания в Гомеле весной 1919 года, потом, командуя интернациональным батальоном, защищал Минск, ушел в регулярную армию и погиб в 1920 году, как герой. Уходили на фронт, погибали и другие рудобельские коммунары. На их место становились новые люди, но Советская власть в этом скромном полесском местечке жила и торжествовала…

Участники совещания районного партийного актива приняли решение о создании истребительных отрядов. Отряды возглавили уполномоченный Министерства заготовок Федор Павловский, инструктор райкома Семен Маханько, Григорий Барьяш и другие. Штаб истребительных отрядов — райком партии во главе с Тихоном Бумажковым.

Вскоре истребительным отрядам пришлось вступить в бой.

По Варшавскому шоссе фашистские части устремились на восток. Уже занят Бобруйск, начались бои в районе Жлобина и Рогачева. Танковая колонна противника свернула с Варшавского шоссе и, заняв Глусск, устремилась на юго-восток, к реке Птичь. Об этом донесла разведка. Бумажков вызвал в штаб командиров истребительных отрядов, которые уже начали действовать как партизанские отряды.

— Какое примем решение?

— Будем громить танковую колонну. Рудобельские партизаны не сдаются, — в один голос ответили командиры.

Две группы партизан — одна под командованием Федора Павловского, вторая во главе с Семеном Маханько —двинулись к реке Птичь, где находились мосты. Павловский занял оборону у деревни Поречье, Маханько — в Холопеничах.

Общее руководство боевыми группами осуществлял Бумажков. Мосты были заминированы, а вдоль дорог устроены засады. Партизаны приготовили противотанковые гранаты, бутылки с горючей смесью, винтовки и пулеметы. Вскоре показались танки. Колонна остановилась, разведывая переправу. И когда первые танки взошли на мост, раздался оглушительный взрыв. Танки вместе с мостом взлетели в воздух. В этот момент под гусеницы остальных танков полетели связки гранат и бутылки с горючей смесью. Запылала вся танковая колонна. Немцы, пытавшиеся спастись, попадали под ружейный и пулеметный огонь. В этом бою было уничтожено 17 фашистских танков и около 20 бронемашин. Подобная операция повторилась и в деревне Холопеничи.

Потерпев неудачу в Поречье, немецкое командование решило захватить мост у Холопеничей. Но здесь их встретил огнем отряд Маханько. И опять регулярная армия отступила перед партизанами, вчерашними колхозниками и служащими, рабочими райпромкомбината. Эти первые успехи окрылили партизан. Они отстояли знамя Октября в Рудобелке, не допустили врага на территорию района. Сложилось такое положение, что Октябрьский район мог послужить плацдармом в дальнейшей борьбе с врагом. Этим и воспользовалось советское командование.

По дороге Бобруйск — Старушки курсировал советский бронепоезд. Партизаны установили с ним связь. Вскоре такое взаимодействие пригодилось. В деревне Оземля, что находится у железной дороги, расположился штаб вражеской дивизии. Нужно было уничтожить этот штаб и захватить оперативные документы. Партизаны вместе с командованием бронепоезда разработали план действий. Бронепоезд открывает ураганный огонь по

Оземле. Партизаны в это время блокируют все дороги из деревни и после прекращения огня бронепоездом громят штаб. Операция прошла блестяще. Когда немцы в панике бросились бежать из деревни, партизаны их встретили огнем. Почти весь штаб уничтожили, захватили богатые трофеи, в том числе и важные оперативные документы, которые были немедленно переданы за линию фронта советским частям.

В лице первого секретаря райкома партии Тихона Бумажкова, молодого энергичного человека, население увидело не только прекрасного партийного руководителя района в мирное время, но и мужественного воина в суровые дни войны, хорошего военного командира и организатора.

Вокруг Бумажкова создался боевой актив: Федор Павловский, Семен Маханько, Григорий Барьяш, Владимир Козырь, Иван Старжинский, Лаврен Мельник, Иван Кулей и другие активные партизаны.

Вскоре партизаны начали переносить свои действия за границу района, совершать дерзкие налеты на тылы оккупантов.

Однажды Федора Павловского вызвали в райком. Там кроме Бумажкова находился командир кавалерийского корпуса Городовиков.

— Советское командование предлагает нам провести крупную операцию, — сообщил Бумажков.

— Сделать это можем только мы, партизаны…

Они склонились над картой. На Варшавском шоссе есть городской поселок Глуша. Там расположился штаб большого фашистского соединения. Он усиленно охраняется. Нужно проникнуть в штаб и захватить секретные документы.

— Эту операцию, Федор Илларионович, поручаем вам. Подумайте, как ее провести…

Задача была не из легких. В Глуше расположена мотомехчасть. Штаб охраняется парными патрулями. По шоссе беспрерывно движутся фашистские войска. А нужно пробраться именно в штаб, к заветному сейфу, где хранятся документы. И то, что там хранится, очевидно, о многом расскажет командованию Западного фронта. Нужно знать дальнейшие планы гитлеровского командования, чтобы парировать продвижение вражеских частей. И рудобельские партизаны решились на эту ответственную операцию.

Назавтра Павловский был опять в райкоме, излагал свой план действий. В операции будут участвовать только самые выдержанные, самые самоотверженные партизаны, готовые в любую минуту пожертвовать жизнью во имя Родины. Бывший директор школы и преподаватель немецкого языка Владимир

Козырь переоденется в форму немецкого офицера. Он возьмет с собой ложный пакет, который будто бы нужно вручить лично генералу. Все дальнейшее решат смекалка и мужество партизан. С «офицером», как положено, пойдет «адъютант», тоже знающий немецкий язык. Действовать придется финками в ночное время…

Командование корпуса и Тихон Пименович одобрили этот план. Лучшего варианта никто не мог предложить, поскольку ни у кого не было опыта в проведении подобных операций…

Утром 34 хорошо вооруженных партизана, минуя села, глухими лесными тропами отправились в поход. Среди них был и «немецкий офицер» Володя Козырь.

Путь был нелегкий. 70 километров болотами и лесами. Возможны неожиданные встречи с противником. Ведь это уже не партизанская зона, а оккупированная территория.

Возле Глуши провели совещание, распределили обязанности. Операция намечена на 12 часов ночи. К штабу, который расположен в конторе стеклозавода, пойдут Павловский, «офицер» с «адъютантом» и еще два партизана. Остальные остаются в засаде, они должны прийти на выручку в любую минуту. По улицам Глуши снуют мотоциклисты, возле домов стоят бронеавтомобили, танки. Одни уходят, другие приходят. В воздухе проносятся немецкие самолеты. Гитлеровцы в угаре.

12 часов ночи. В полном молчании по улицам местечка движется пять теней. Они прижимаются к заборам, к деревьям, чутко прислушиваются к каждому шороху, каждому возгласу. Вот навстречу идет парный патруль. Партизаны слились с темнотой. Когда патрули поравнялись, их немедленно схватили железные руки. Один убит, у второго — кляп во рту. Дальше будет пробираться легче: партизанам известен пароль. И опять в путь. «Офицер» четко называет пароль патрулям. Его пропускают, а дальше в ход идет финка. Так бесшумно было снято четыре парных патруля. Путь к штабу свободен. Рывком раскрывается дверь. В передней комнате адъютант генерала тревожно вскакивает с постели.

— Срочный пакет лично генералу!

Нет, он не поверил, тянется под подушку за пистолетом. Но поздно. Пистолет выбит из рук, гитлеровский офицер навсегда остался лежать на постели. В следующей комнате спал генерал. Он тоже, почувствовав недоброе, схватился за оружие. Через мгновение он уже понял в чем дело.

— Ключи от сейфа! — потребовали у него.

Дрожащими руками он подал ключи. Видно было, что этот «бравый» генерал ничего подобного в жизни еще не испытывал. На его глазах неизвестные люди выгребали все содержимое

секретного сейфа в обыкновенный мешок. А ведь кругом охрана, войска…

Генералу также больше не пришлось воевать.

Быстро закончив операцию, партизаны исчезли. Но не успели они отойти от поселка и нескольких километров, как в гарнизоне поднялась тревога. Мотоциклисты и автоматчики на автомашинах бросились на поиски неизвестных. За местечком пришлось дать бой. Партизаны из засады разгромили колонну мотоциклистов и автоматчиков и углубились в лес.

На рассвете фашистская авиация квадрат за квадратом начала бомбить лес. Слишком уж большие потери понес враг от небольшой горстки партизан. Ведь в колхозном мешке они унесли оперативные карты дальнейшего наступления немцев на Гомельско–Черниговском и Брянско–Орловском направлениях. Там было точно указано, какие, куда и когда должны двигаться гитлеровские части. Были и другие документы.

Партизаны благополучно дошли до своего свободного края.

Возле станции Ромировичи их с радостью встретил Тихон Бумажков. Но и на этом поход не окончился. Разведка доложила (а в партизанской зоне каждый честный житель — и воин и разведчик), что в направлении станции лесной дорогой движется немецкая танковая колонна. Документы были направлены по назначению, и партизаны решили принять бой.

— А ну, еще раз покажем, что партизанам не страшны ни танки, ни автоматчики, — предложил Тихон Пименович. — Патриоты сражаются до конца…

Группу усилили оружием и людьми. Партизаны выступили навстречу танкам. Лесная дорога была завалена спиленными деревьями. И когда колонна остановилась перед завалом, на танки полетели гранаты и бутылки с горючей смесью. Как и на реке Птичь, партизаны вышли победителями : все 18 танков были уничтожены.

Так начался боевой путь рудобельских партизан. В жестоких боях они отстояли свой Октябрьский район от захватчиков и превратили его в крупную партизанскую базу, куда, как на маяк, шли патриоты, формировали новые отряды, расходились в разных направлениях, охватывая партизанской войной все новые и новые районы. Отсюда они черпали свои силы, получали необходимую помощь. А в самом районе каждый взрослый человек взялся за оружие.

— Не уроним славы красных партизан! Рудобелка была и остается советской! — эти слова были на устах каждого человека с первых дней оккупации.

* * *

К осени 1941 года в Октябрьском районе уже было 13 партизанских отрядов. Они контролировали огромную территорию. Тогда еще не было связи с Москвой, и до конца сентября никто в Рудобелке не знал об указах Президиума Верховного Совета СССР, которыми Тихону Бумажкову и Федору Павловскому — первым из советских партизан — было присвоено высокое звание Героя Советского Союза, а большая группа партизан награждена орденами и медалями. Скромные люди, поглощенные суровой борьбой, они и оставались скромными. Кое-кто слышал об Указе по радио, но когда кто-то сообщал об этом Тихону Пименовичу, он говорил:

— Вы мне Указ покажите. А вообще-то не в этом теперь дело. Воевать нужно, а после войны разберемся, кто герой, а кто не герой, — и продолжал заниматься большим и важным делом — организацией борьбы с врагом.

Поскольку райком партии и все органы Советской власти остались на месте, а район удалось отстоять от захватчиков, значит, надо было как-то налаживать жизнь в далеком тылу врага, позаботиться о населении, о партизанских нуждах, подготовиться к зиме. Колхозники убирали урожай. В скрытых местах на всякий случай создавались секретные базы с продовольствием. В Рудобелке работали мастерские по ремонту оружия, швейные и обувные, мельница, выпускалась газета, работала школа. Вторая школа была открыта в деревне Залесье. Там постоянно дежурили два взвода партизан, охраняя школу. Бумаги не было. Писали на обоях и различных бланках. Кроме общих предметов, обычных для мирного времени, школьники изучали оружие, мины, все, что нужно в боевой обстановке. Ведь это будущее пополнение отрядов. Из общих фондов партизаны помогали семьям красноармейцев, многодетным.

Много приходилось работать райкому партии. Нужно было иметь огромную энергию и силу воли, чтобы в этих неимоверно трудных условиях сплотить вокруг райкома партии население, наполнить сердца людей верой в победу. И Тихон Пименович Бумажков вместе с партийным активом делали это.

Вдруг пришла весть: Тихона Пименовича отзывают за линию фронта. Приказ есть приказ. Очевидно, он там был нужнее. С тоской провожали партизаны своего боевого вожака…

Тихон Пименович больше в Рудобелку не вернулся. Будучи начальником политотдела дивизии, он погиб на фронте осенью 1941 года. Обстоятельства его гибели еще надо уточнять и выяснять более подробно. Хотелось бы услышать слово его

однополчан…

В боевой строй партизан стал младший брат Тихона Пименовича — Макар Бумажков. Он сначала командовал отрядом, а потом партизанской бригадой…

Но вернемся к событиям в Рудобелке. Как дальше проходила жизнь и борьба в партизанском крае?

Осенью 1941 года в Рудобелку пришли связные из Бобруйска. Там была создана и активно работала крупная подпольная организация. Пришло время выводить людей в лес для открытой вооруженной борьбы. Самым подходящим местом для формирования нового партизанского отряда подпольщики считали Октябрьский советский район. В конце 1941 года на станцию Мошна вышло из города 400 человек бывших военнослужащих и местных жителей. Рудобельские партизаны их приняли, как родных, обеспечили питанием, помещениями, организовали охрану, поделились оружием. Через несколько дней новый крепкий отряд, который потом перерос в 1–ю Бобруйскую партизанскую бригаду, вступил в строй.

С каждым днем пополнялась партизанская армия, укреплялись ее силы. Сюда шли воины из окружения, местные жители соседних районов, спасаясь от преследования; стекались все, кто хотел взяться за оружие. Слава о непокоренном Октябре разносилась далеко по Белоруссии.

Назрело время посоветоваться с коммунистами о дальнейших боевых делах. В феврале 1942 года была созвана первая районная подпольная партийная конференция. Она состоялась в клубе поселка Октябрьский. (Теперь это совхозный клуб на улице Бумажкова.) Собрались коммунисты со всего района, из всех отрядов.

Начало февраля. Крепкий мороз. Деревья покрыты инеем. Как-то по–праздничному выглядит местечко, украшенное красными флагами. В клуб идут и идут люди, подъезжают увешанные оружием всадники в военной и гражданской форме. Их радушно встречают жители поселка. Во всех уголках района отряды стали на боевую вахту…

И вот партийная конференция началась.

Выступает Павловский:

— Прошло только семь месяцев после районного партийного собрания, когда мы должны были решить вопрос об уборке урожая, но нам тогда пришлось изменить повестку дня. Теперь мы собрались в необычных условиях. Враг пришел на нашу землю. Сердце нашей Родины — Москва отражает яростные атаки гитлеровских орд. Весь народ поднялся на защиту завоеваний Октября. И мы никогда и нигде не должны забывать, что наш

район также носит это великое имя. Здесь каждый шаг обагрен кровью доблестных борцов за Советскую власть. Мы гордимся, что нам выпала честь сберечь славу рудобельских партизан, революционные традиции нашего народа… Гитлеровские мерзавцы серьезно обеспокоены нашими действиями и называют Рудобелку партизанской столицей Белоруссии, второй Москвой. Поклянемся, товарищи, что как не сломать фашистам Москву, так не сломать им и рудобельских партизан. Много карательных отрядов посылали они на нас, но все они были биты. Наша маленькая Москва не опозорит славы своей большой сестры. Рудобельские партизаны не сдаются!..

Федор Илларионович в своем докладе подчеркнул роль партийной организации в развитии партизанского движения.

Выступают участники гражданской войны, комсомольцы, колхозники, военные. В их словах чувствовалась твердая уверенность в победе. Особенно запомнились участникам конференции слова Григория Барьяша:

— Я не военный человек, — сказал Григорий Ильич. — Но знаю, что когда мы, простой народ, беремся за оружие, то нас не победит никто. Так было и так будет. Мы были и остаемся хозяевами своей земли…

Партийная конференция распределила зоны действий отрядов, призвала к наведению железной дисциплины в отрядах, к проведению активной политической работы среди населения, а для координации действий избрала Военный совет всей партизанской зоны во главе с Ф. И. Павловским.

С этого времени все боевые операции начали проводиться по единому плану. Если нужно было отражать натиск карательных экспедиций или громить вражеские гарнизоны, то каждому отряду ставились конкретные задачи, с учетом общих интересов. Важно и то, что во всех отрядах была принята партизанская присяга. Текст ее отпечатали в подпольной типографии. Принятие присяги проходило в торжественной обстановке на митингах в день Красной Армии, 23 февраля, в присутствии населения. И это придавало особенную весомость каждому слову присяги. Ведь люди клялись народу в своей преданности и верности.

Партизаны перешли к активным боевым действиям. Усилиями нескольких отрядов был разгромлен вражеский гарнизон местечка Озаричи. В этой операции участвовали и молодые отряды под общим руководством Федора Павловского. Население местечка со своими пожитками ушло с партизанами. Также успешно был ликвидирован гарнизон и в местечке Копаткевичи. Таким образом, октябрьские партизаны перенесли

боевые действия за пределы района.

Это не могло не беспокоить гитлеровцев. Начались карательные экспедиции. Они обычно проводились силами батальона, полка, но успеха не имели. Если отряд завязывал бой, к нему на помощь но распоряжению Военного совета спешили другие отряды, нападали на карателей с флангов, с тыла, создавали видимость окружения, и противник отступал. Так случилось в деревне Оземля, когда гитлеровцы попытались проникнуть в Рудобелку со стороны Парич. Только отдельным группам врага удалось уйти живыми. Весь обоз и вооружение остались на поле боя. А там сражались только два отряда — Ливенцева и Храпко.

Такой же неудачной была попытка гитлеровцев проникнуть в район и со стороны Глусска. Колонна эсэсовцев в 300 человек со всем снаряжением двинулась на деревню Косаричи, чтобы установить там свой гарнизон. Отряд Трофима Жулеги сделал засаду. Но мороз был настолько сильный, что отряду пришлось отойти в деревню. В это время появилась вражеская колонна. Завязался бой. Партизаны отошли за небольшую болотистую речушку в деревню Зарекуша и, когда немцы двинулись на мост, открыли ураганный огонь. Весь мост был завален трупами и повозками. Гитлеровцы подожгли Косаричи, где жили семьи партизан. Всю деревню заволокло дымом. Партизаны с криком «ура!» перешли в атаку, с ходу расстреливая ошеломленных эсэсовцев. Началась паника. Почти все каратели были уничтожены, а ведь против них дралась только группа партизан — всего 72 человека. Трофеи были богатые: 2 пушки, 6 минометов с боеприпасами, станковые пулеметы, личное оружие и медицинский пункт с оборудованием. Подоспевшие отряды только помогли подобрать трофеи…

Фашисты начали сбрасывать листовки с угрозами, что «вторую Москву» они все равно сметут с лица земли.

Самолеты появлялись почти каждый день. Много зданий сгорело от бомбежек, в том числе и здание райкома партии.

В начале апреля 1942 года на Рудобелку двинулись три дивизии регулярных войск. Наступали из Бобруйска, Мозыря, Глусска, Парич. Слишком неравные были силы, и партизанам пришлось Рудобелку оставить. Вместе с ними в лес ушли многие из гражданского населения. В местечке остались лишь те, кто поверил, что гитлеровцы мирных людей трогать не будут. Два дня свирепствовали каратели в Рудобелке. Все, кто остался в местечке, — старики, женщины, дети — были согнаны в большое помещение и сожжены. На этом месте теперь стоит обелиск, напоминая людям об ужасах войны.

Объединенными силами партизаны блокировали все дороги, ведущие в Рудобелку, и каратели, боясь окружения, оставили ее. Партизаны сразу же опять заняли свою столицу. Эти апрельские дни были, пожалуй, самыми тяжелыми в жизни партизанского края.

В мае 1942 года произошли большие перемены. На партизанском аэродроме близ Рудобелки совершил посадку первый самолет из Москвы. Прилетели радисты. Установилась регулярная связь с Большой землей. В эти дни рудобельские партизаны написали письмо москвичам, в котором высказали гордость, что их также называют москвичами, и поклялись никогда не уронить честь родной столицы.

Ф. И. Павловский, контуженный во время апрельских боев, долгое время пролежал в партизанском госпитале, оборудованном на базе бывшей районной больницы. Лежать в полном смысле, конечно, не пришлось. Нужно было руководить отрядами, давать советы, разбираться в обстановке.

С прилетом самолета все ожили. Теперь уже раненых можно было отправлять в Москву. Да и не только раненых. Партизаны иногда брали в плен крупных немецких начальников, добывали важные разведывательные сведения.

С весны 1942 года Октябрьская партизанская зона уже перестала быть изолированной. Была установлена связь с Минским подпольным обкомом. Планировались совместные боевые операции. Очищалась новая территория от врага. Все чаще садились на аэродроме самолеты из Москвы. Появились свежие московские газеты, письма от родных, посылки. Подбрасывались оружие, боеприпасы, тол, мины. Партизаны перешли к активным диверсиям на коммуникациях врага, подчиняясь одному центру — штабу партизанского движения.

Очень важное значение имела, например, успешно проведенная операция по подрыву железнодорожного моста через реку Птичь на дороге Брест — Гомель. Мост был сильно укреплен, и к нему пришлось подтянуть несколько партизанских бригад. Бригаде Федора Павловского отводилась большая роль в штурме моста. Партизаны блестяще справились с задачей. Мост был взорван. Десятки железнодорожных эшелонов не попали на Волгу в конце 1942 года, когда там шла великая битва. Партизаны не давали возможности восстановить мост, и железная дорога надолго была выведена из строя.

К осени 1943 года в Октябрьской зоне насчитывалось до 18 тысяч партизан. И когда к Днепру приблизились советские части, партизаны во главе с Ф. И. Павловским сумели пробить брешь в линии фронта и долгое время удерживать так называемые ворота

в тыл врага.

В конце 1943 года Федор Илларионович Павловский был отозван в Москву. Командование соединением было возложено на Семена Васильевича Маханько.

* * *

Прошло 20 лет со дня памятных событий. Федор Илларионович Павловский, живя в Минске и работая директором предприятия, бывает частым гостем в рабочем поселке Октябрьский — бывшей Рудобелке. Сам украинец из Запорожской области, он породнился с белорусским народом и навсегда стал его сыном.

Приятно пройтись по Рудобелке весной, когда расцветает первая сирень, когда кружатся над родными гнездами аисты, а приземистые, посеченные осколками сосны тихо шумят на ветру, как бы вспоминая партизанские были…

В Рудобелке на каждом шагу памятные места. Возле железной дороги обелиск: «Здесь похоронены 643 солдата, офицера и партизана, отдавших жизнь в боях за Родину в период Великой Отечественной войны 1941 —1945 гг.» Рядом здание с мемориальной доской: «Здесь в 1942 году проходила районная партийная подпольная конференция». В конце улицы, среди сирени, где находилось здание райкома партии, возвышается величественный постамент — памятник Герою Советского Союза Тихону Пименовичу Бумажкову. Он стоит в полный рост на огромной каменной глыбе. В одной руке его автомат, а в другой бинокль. Он как будто приготовился к бою…

Возле новой школы — опять братские кладбища. Здесь похоронены не только воины и партизаны, партизанские командиры, но и участники гражданской войны. Много могил. 271 человек покоится здесь среди сосен. Бронзовый солдат, сняв каску, печально склонил голову над прахом погибших товарищей.

На большой площади — два нарядных двухэтажных здания. Это школа механизации. На одном мемориальная доска: «С 1941 по 1944 г. в поселке Рудобелка (ныне городской поселок Октябрьский) находился центр Октябрьской партизанской зоны». И высоко над зданием в голубом небе гордо реет красное знамя. В 1917 году его подняли славные рудобельские коммунары, как символ Великого Октября. С тех пор оно никогда не падало. Таким выглядит сегодня скромный полесский уголок, за процветание которого отдали свою жизнь лучшие сыны и дочери нашей Родины, где начали свой осевой, путь первые партизаны —

Герои Советского Союза Тихон Пименович Бумажков и Федор Илларионович Павловский.

Яков Баш
ПРОФЕССОР БУЙКО

О нем поют в песнях, слагают легенды. До последнего дыхания он самозабвенно служил любимой Отчизне, своему народу. «Имя этого отважного советского патриота, лучшего представителя нашей интеллигенции не забудется никогда», — говорил о нем всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин.

Профессор Киевского медицинского института, доктор медицинских наук Петр Михайлович Буйко с первых дней войны добровольно ушел на фронт и мужественно сражался с фашистскими захватчиками. Под Киевом он попал в плен, но вскоре ему удалось бежать. В городе Фастове ученый–партизан создал подпольную организацию, которая спасла тысячи советских людей от угона в рабство в гитлеровскую Германию.

В октябре 1943 года, в канун освобождения Киева советскими войсками, партизанский отряд А. С. Грисюка, в котором находился тогда П. М. Буйко, попал в окружение крупных карательных частей немцев. Из окружения партизанам пришлось выходить мелкими группами. На долю профессора–врача выпала особенно трудная задача: ему предстояло пробраться в село Тимошевку и спасти находившихся там тяжело раненных партизан. По пути в это село Петр Михайлович попал в засаду и был схвачен карателями.

Участник партизанского движения украинский писатель Яков Баш написал о Петре Михайловиче Буйко документальную повесть. Ниже публикуется, с некоторыми сокращениями, заключительная глава этой повести, в которой рассказывается о последних днях жизни славного ученого–патриота.

…Хата, куда его привели, была до отказа набита жандармами. За столом при свете лампы с закопченным стеклом сидел офицер. На печи испуганно притаилась пожилая, измученная невзгодами женщина с детьми.

Все тут — и хата, и хозяйка, и жандармы — было знакомо профессору. Жандармерия — из Фастова, а в этом доме он уже дважды делал «прививку» от мобилизации девушке — дочери хозяйки. Только сейчас ее не видно. Нет почему-то и хозяина.

Профессора сначала никто не узнал. Он стоял в тени и в своем одеянии удивительно был похож на нищего. Однако Буйко понимал, что достаточно ему подойти поближе к свету, как он сразу же будет опознан.

Ефрейтор, вытянувшись и неестественно громко щелкнув

каблуками, докладывал жандармскому офицеру, где и как захватили партизана. Что это был партизан — он не сомневался. В доказательство своих слов ефрейтор поднял торбу «нищего», отобранную у Буйко при задержании, и выложил на стол хирургический инструмент.

«Теперь-то мне уже не выбраться из этих лап», — подумал Петр Михайлович.

Из-за трубы высунулись две белые головки — девочки и мальчика. Профессор почувствовал на себе тревожно–сосредоточенные детские взгляды. Да, дети узнали его и с ужасом следили, что же с ним будут делать жандармы.

Офицер, не выслушав до конца ефрейтора, приступил к допросу.

— Кто есть ты? — спросил он.

Профессор, скорее детям, чем жандармскому следователю, ответил:

— Я врач.

— Где быль?

— В лесу.

Жандармскому офицеру понравилась такая откровенность.

Он говорил нескладно, беспрестанно запинаясь при составлении фраз, путая украинские слова с немецкими и русскими.

— А что ти делать в лесу?

— Партизан лечил.

Офицер, пораженный смелым признанием, поднял лампу и с интересом посмотрел на партизанского врача. Вдруг рука его вздрогнула, и он, словно потрясенный неожиданной встречей, с лампой в руке вскочил на ноги. Перед ним стоял именно тот, за кем гестаповцы всех киевских районов охотились уже давно.

— Ви есть профессор Буйко? — после длинной паузы спросил он тоном повелителя.

— Вы не ошибаетесь, — ответил профессор.

В хате поднялась суета. По какому-то неуловимому знаку офицера один жандарм быстро выскочил за дверь и куда-то помчался, двое встали у стола, трое — у порога, а остальные вытянулись на страже у окон.

Офицер сел. Он приготовил авторучку и то ли спросил, то ли приказал:

— Профессор Буйко будет говориль правду?

— Да, — подтвердил профессор. — Я буду говорить правду.

— Профессор Буйко будет говориль, вифиль ист партизан? Сколько и где они?

— Много партизан, — ответил профессор.

— Сколько много? Где много? Садись! — указал офицер на скамейку.

Профессор сел. В это время в хату влетел обер–лейтенант в форме эсэсовца. Именно за ним посылал жандармский офицер своего подчиненного. Эсэсовец нервно остановился возле стола и с каким-то настороженным любопытством начал рассматривать Петра Михайловича. Он уже был изрядно напуган народными мстителями, но живого партизана видел впервые.

Петр Михайлович, словно не замечая эсэсовца, не спеша, пояснительным тоном говорил жандармскому офицеру:

— Партизан, герр офицер, очень много. И они всюду, их можно встретить в каждом лесу, в каждом яру, под каждым деревом, за…

Профессор не договорил: обер–лейтенант с силой ударил его по лицу. Буйко упал.

По приказанию офицера к нему подскочил жандарм, чтобы помочь ему подняться. Но профессор встал сам и уже не садился.

По его седой бороде змеилась кровь.

— Ой!.. — вскрикнула, словно по сердцу стегнула, девочка.

На печи поднялся вопль, но жандарм рявкнул, и там снова стало тихо.

Профессор вздрогнул от крика девочки. Тяжело дыша, он сурово посмотрел на жандармского офицера и уже хриплым голосом закончил:

— …за каждым кустом партизаны!..

— Гришюк! Гришюк! Где? — нетерпеливо оборвал его жандармский офицер.

Эти выкрики выдавали, что гестаповцам еще не известно точно, где отряд Грисюка, хотя они были уверены, что он где-то поблизости, и спешили поскорее выведать у профессора, где же именно, чтобы не дать возможности отряду исчезнуть.

Но теперь Петр Михайлович молчал. Он только посмотрел в сторону жандармского офицера, и посмотрел с таким презрением, что обер–лейтенант снова не удержался, нервно выхватил пистолет и наверняка застрелил бы профессора, если бы офицер вовремя не схватил его за руку. Раздался выстрел. Пуля, едва не задев жандарма, ударила в потолок.

Профессора сбили с ног, схватили и потащили к порогу. Три жандарма долго возились с ним, выкручивая ему руки. Наконец им удалось засунуть его пальцы в щель между притолокой и дверью.

У профессора хрустнули кости пальцев, из-под ногтей брызнула кровь. Петр Михайлович, потеряв сознание, сильно ударился головой о порог.

Его оттащили и долго отливали водой. Оба офицера как ошалелые возились с неподвижным телом, браня жандармов за то, что они переусердствовали с дверью и теперь приходится терять слишком много времени, чтобы привести партизана в сознание.

Не успел Буйко открыть глаза, как на него снова набросились с вопросами. Профессор приподнялся на локте и взглянул на печь, где в ужасе замерли дети. Он посмотрел на детей и женщину с такой тревогой, будто этой жестокой пытке подвергся не он, а они. Потом повернулся к офицерам:

— Вы бы хоть при детях не делали того, что вы творите…

Но жандармский офицер схватил его за ворот старой сермяги, поставил на ноги и исступленно стал трясти, выкрикивая по–немецки:

— Пусть смотрят! Пусть все знают, что ждет партизан и тех, кто не покоряется великой Германии!..

Потом Петра Михайловича снова потащили к порогу и снова защемили пальцы между притолокой и дверью…

— Будешь говориль? Будешь гавариль? — задыхаясь от злобы, ревел жандармский офицер.

— Буду, — кивнул седой головой профессор.

Он долго и жадно хватал окровавленным ртом воздух, собирая остатки сил, чтобы высказать свое признание.

— Вас… вас, — жарко заговорил он, обрывая каждое слово прерывистым дыханием, — вас дети… и внуки… не только наши… но и ваши… проклянут за это!..

Обер–лейтенант, дергаясь как в лихорадке, начал так орать на жандармов, будто задержанный вдруг вырвался от них и исчез, ничего не выдав.

Буйко еще раз жестоко избили. Затем схватили за ноги и отволокли в чулан, где продолжали пытки.

Утром искалеченного и потерявшего сознание профессора вытащили во двор и бросили в сырой, холодный погреб. Буйко долго лежал, ничего не чувствуя, ни на что не реагируя. Но как только к нему вернулось сознание, он сразу же с тревогой начал вспоминать: правильно ли вел себя на допросе? не проговорился ли? не выдал ли случайно намерения партизан, когда был без сознания? Хорошо зная по опыту врача, что человек в бессознательном состоянии часто выдает самое сокровенное, он еще с вечера начал заставлять себя не думать о Мотовиловском лесе, куда должен был перебраться отряд, и нарочно будил в памяти название другого леса — Вовчанского. «Вовчанский, Вовчанский», — лихорадочно твердил он про себя каждый раз, когда ночью его истязали в чулане.

Поэтому, очнувшись в темном, пропитанном плесенью и острым запахом перекисшей капусты крестьянском погребе, он опять начал напряженно припоминать, что говорил карателям, не выбили ли они у него какого признания?

Вскоре в Ярошивку прибыла особая команда из Киева. Видимо, личностью профессора заинтересовалось киевское гестапо, если не доверило его допрос своим фастовским уполномоченным.

Профессора вытащили из погреба. Тело его было изуродовано: левая нога перебита, лицо обезображено, на седой бороде засохли кровавые сгустки.

В этот раз его притащили в другой дом — тоже знакомый. Это была хата Кирилла Василенко. Здесь уже не было свидетелей — ни женщин, ни детей. Возле стола сидела целая стая гестаповских офицеров — с черными крестами на груди, со свастикой на рукавах. А за столом отдельно от всех, сурово насупившись, сидел обер–фюрер. Кроме обычных гестаповских знаков у него на правом рукаве выделялся человеческий череп — эмблема смерти. Трудно придумать более удачную эмблему, которая бы так полно выражала всю суть гестаповцев.

Жандармский офицер и обер–лейтенант сидели в стороне, оба с явно недовольным, виноватым видом. Очевидно, старшее начальство не на шутку разгневалось на них за неспособность вести допрос.

Теперь при допросе профессора уже не били. Даже не очень придирались к нему, когда он не хотел отвечать на заданные вопросы. Вероятно, гестаповцы поняли, что из него ничего не выбьешь; им требовалось теперь найти кого-то другого, более слабого духом, который бы вместе с тем знал о партизанах и о партизанских связях с населением не меньше, чем профессор.

В хату втолкнули старого–престарого деда — худого, высокого, с трясущимися руками. Казалось, он больше держался на клюке, чем на ногах. Его лицо напоминало кожуру печеной картошки, а глаза — по–стариковски слезящиеся, ласковые и добрые — смотрели на всю эту компанию гестаповцев с удивлением.

Это был дед Порада, хорошо знакомый профессору.

Допрос вел обер–фюрер:

— Дедушка, а кто еще в вашем селе знает этого профессора?

— Это какого же профессора? — переспросил дед.

— Не прикидывайся дурачком, — прикрикнул обер–фюрер. — Ты лучше расскажи, кто еще знает его в селе?

— Не знаю этого человека, — ответил дед.

Четыре эсэсовца из спецкоманды, которые стояли до того в

стороне, по знаку обер–фюрера подскочили к деду Пораде и, как коршуны, набросились на старика…

Когда дед пришел в себя, эсэсовцы стояли рядом, вытянувшись по команде «смирно», словно бы они не избивали пять минут тому назад старика. На скамье дед снова увидел профессора Буйко.

— Ну, а теперь узнаешь его? — спросил обер–фюрер, указывая старику на профессора.

Дед медленно покачал головой и, тяжело переводя дыхание, произнес:

— Впервые вижу… этого… человека…

Деда Пораду вытолкнули за дверь и привели старого Юхима Лужника. Он еле держался на ногах перед следователем : видно, в соседней хате такая же команда жандармов уже «обработала» его, готовя к допросу. Однако гестаповцы опять ничего не добились. Юхим упрямо твердил:

— Впервые вижу этого человека…

Вслед за Лужником одного за другим допросили до сорока заложников. Гестаповцы старательно доискивались сообщников профессора, но они словно сговорились: «Не знаем такого!..»

Профессора потащили в клуню, где укрывались женщины и дети. При появлении гестаповцев они, как цыплята от стаи коршунов, начали было разбегаться. Одна молодая женщина бросилась было на огород, но жандарм дал короткую очередь, и она, взмахнув руками, повалилась в картофельную ботву.

Бежать запрещено. Смотреть можно. Даже желательно, чтобы все видели, как истязают и пытают партизан. За попытку бежать — расстрел на месте.

Перепуганные женщины и дети забились под плетень, под стены, боясь показываться гестаповцам на глаза и не менее страшась прятаться от них.

Тем временем гестаповцы придумали новый способ допроса профессора. Они привязали его тросом за покалеченные руки и начали подтягивать к перекладине. Подтянут, раскачают и бросят, подтянут, раскачают и бросят. Так несколько раз. Профессор корчился от боли, до крови кусал себе губы, но молчал. Он казался уже мертвым. Но гитлеровцы отливали его водой и снова — в который уже раз! — подвергали пыткам.

Молчание профессора приводило обер–фюрера в бешенство. Он выходил из себя от бессилия вырвать из этого партизана–ученого хоть какое-нибудь признание. Гестаповцы уже не требовали сведений об отряде, добивались от профессора лишь раскаяния. Обещали ему сохранить жизнь, если он отречется от партизан и покорится немецким властям.

Профессор и на это ничего не отвечал. Поздно вечером его, измученного, полуживого, бросили на телегу, словно в насмешку, крепко связали ему искалеченные руки и отвезли в колхозный сарай. Там уже вторые сутки ждали своего приговора сто сорок шесть заложников. Гестаповцы, видимо, нарочно бросили туда искалеченного и окровавленного профессора, чтобы вселить в заложников еще больший ужас и тем развязать им языки.

В сарае было темно и стояла какая-то страшная тишина, лишь изредка нарушаемая боязливым вздохом, робким покашливанием. А где-то рядом за стеной монотонно и однообразно постукивали подкованные сапоги жандармских стражников.

— Воды! — в беспамятстве пробормотал профессор. — Дайте воды!..

Зашелестела солома. Тихо забулькала из бутылки вода. В углу возле профессора кто-то уже хлопотал, смачивая ему голову. Сознание к Петру Михайловичу вернулось лишь ночью. Некоторое время он лежал притаившись, пытаясь угадать, где находится. Ему казалось, что возле него по-прежнему гестаповцы.

— Кто здесь? — спросил он шепотом.

— Свои, Петр Михайлович, свои, — ответили ему.

Кто-то не удержался, приник к нему и заплакал.

— Не нужно плакать, — прошептал профессор. — Воды дайте…

Ему поднесли ко рту бутылку. Он долго и жадно пил из нее. Потом заложники накормили его, чем могли.

Один крестьянин снял с себя нижнюю рубашку, потихоньку разорвал ее и осторожно перевязал профессору раны на руках и на ногах.

Все это делалось впотьмах, без слов и с такой трогательной заботой, что кое-кто не удержался и снова начал всхлипывать.

— Не надо, — еле слышно проговорил профессор. — Не надо… И стонать не следует… Пусть не думают, что мы малодушны!..

На дворе взошла луна. Сноп тусклого света пробился сквозь небольшое оконце в сарай.

Темнота немного рассеялась. Уже можно было вблизи различать фигуры и бородатые лица заложников. Как только профессор увидел рядом с собой знакомую фигуру Степана Шевченко, вдруг словно забыл о ранах.

— Не слыхали, Степан, — лихорадочно зашептал он, — — вышли наши из окружения?

Заложники поняли, что сейчас это его больше всего беспокоило. Но, к сожалению, никто из них не знал, где теперь

партизаны, удалось ли им прорвать окружение.

— А каратели?.. Куда каратели направились?..

— Говорят, Вовчанский лес окружают, — произнес кто-то в темноте.

— Вовчанский?..

И все заметили, как впервые радостно вздохнул профессор. Он сразу же оживился, будто его известили, что его вот-вот должны освободить.

— Да уже скоро… — тихо заговорил он. — Слышите? Уже под Киевом наши…

Заложники, затаив дыхание, ловили горячие слова профессора Буйко. Многие из них впервые слышали, что Красная Армия уже переходит Днепр. Именно в эти дни гитлеровцы особенно яростно шумели в газетах и по радио о непобедимости своей армии. Даже распространяли слухи, будто их войска снова подошли к Москве. И вдруг в этом темном сарае–тюрьме крестьяне услышали такую желанную и такую радостную весть: «Наши под Киевом!»

А из угла, где все время что-то скреблось, неожиданно подполз вспотевший дед Порада.

— Ну, Петр Михайлович, счастливой дороги! Поспешайте…

В углу заложники расковыряли некогда замурованную отдушину и проломили в стене дыру.

— Дырка выходит в яр, — объяснил дед. — Яром до камышей. А там — пусть вас пречистая оберегает!

Профессора охватило волнение: он не знал, что ему готовят побег.

— Спасибо, спасибо, друзья мои, — горячо прошептал он. — Не знаю… чем вас и отблагодарить…

И вдруг, подумав, заколебался:

— Нет… видимо, нельзя…

Крестьяне, недоумевающе притихли: почему нельзя? Ведь завтра, если он не убежит, его непременно казнят.

— Я знаю, — сказал профессор. — Завтра меня добьют… Но если я убегу — убьют всех вас. И не только вас… детей ваших… Раненых уничтожат. И село сожгут…

В сарае стало совсем тихо. Только теперь заложники сообразили, что, готовя побег профессору, они тем самым готовили могилу себе, своим родным и всему селу. С минуту люди находились словно в оцепенении: трудно было согласиться с профессором, но не легко было и не согласиться с ним.

Приближался рассвет. Постепенно тьма в сарае рассеивалась. На потолке вырисовывались темные от пыли и паутины контуры перекладин, а на полу — согнутые фигуры людей — молчаливые,

задумчивые, беспомощные.

Никто в эту ночь не сомкнул глаз. И каждый с тревогой ждал, что принесет ему утро.

…Утром все население Ярошивки согнали на берег Ирпени. Согнали всех — от дряхлых старух до малых детей. На берегу женщин и детей сгрудили в кучу перед крайней хатой.

Это была хата Андрея Родйны. Она стояла на пригорке— небольшая, аккуратная, приветливо белея в окружении курчавых вишен. У порога росли два высоких тополя, и издали этот маленький дворик походил на миниатюрный живописный замок, который прилепился к самому краю берега, высоко подняв в небо два зеленых шпиля.

Позади толпы встали жандармы. Вдоль берега — из края в край, до самой плотины — вытянулась цепь автоматчиков. На пригорке за хатой торчали пулеметы, посреди улицы остановился танк, а вокруг села, готовая к бою, залегла крупная часть СС с пулеметами и минометами. Создавалось впечатление, что гитлеровцы готовились одновременно вести бой и за селом и в самом селе.

Вскоре за рекой показалась длинная вереница заложников, Их тоже пригнали на этот берег и поставили рядом с толпой женщин и детей.

Отдельно и под особой охраной привели профессора. Его вытащили за связанные искалеченные руки на пригорок и бросили возле тополя на возвышенности, чтобы всем было видно.

Во дворе засуетилась карательная команда. Между рядами автоматчиков, как вдоль почетного караула, следом за обер–фюрером на бугор поднялась стая гестаповской офицерни.

Народ стоял неподвижно. Люди с ужасом смотрели на беготню вокруг профессора и чувствовали, что именно сейчас, на их глазах, готовится что-то небывало жестокое и страшное.

Профессор лежал на бугре под тополем, как на высоком помосте. Лежал, опираясь на локоть, немного задумавшийся и, казалось, был совсем безразличен к тому, что затевали гестаповцы.

О чем думал в эти минуты Петр Михайлович? Может быть, о родных, о сыновьях, о друзьях, и ему хотелось хоть кого-нибудь из них увидеть сейчас. Может, о судьбе отряда, о Киеве, который вот–вот будет освобожден, а он, профессор Буйко, уже никогда его не увидит…

Время от времени профессор словно бы просыпался и с тревогой начинал искать глазами кого-то в толпе. Видимо, он боялся, что жена его тоже может узнать о том, что с ним случилось, и прийти сюда.

Но ее не было.

Вдруг из толпы женщин протолкалась вперед сгорбленная старушка, закутанная в большую полосатую шерстяную шаль. Профессор узнал Горпину Романовну, и люди заметили, что он вновь насторожился.

Как раз у этой старушки скрывалась сейчас Александра Алексеевна — жена Петра Михайловича.

Горпина Романовна скомкала у рта край шали, будто сама себе закрывала рот, чтобы не крикнуть, и сквозь слезы смотрела на Петра Михайловича, беспомощно покачивая головой. Профессор предостерегающе слегка кивнул ей. Она наклонила голову в знак того, что поняла предостережение. Потом профессор еле заметно поклонился ей, прощаясь. Она тоже поклонилась ему, поклонилась низко–низко, до самой земли, и не выдержала — упала, забилась на песке.

Хорошо, что люди вовремя подхватили ее, подняли на ноги и заслонили собой.

Наконец суета прекратилась. Вся карательная команда вытянулась двумя рядами и притихла.

Обер–фюрер подошел к профессору и о чем-то спросил его. Люди не поняли, о чем он спрашивал, но видели, что профессор оставался неподвижным, по–прежнему молча смотрел вдаль, где синел лес.

Тогда из толпы заложников вытащили Нижника Василия. Два жандарма подвели его к профессору, а обер–фюрер сухо спросил его:

— Узнаешь?

Нижник молчал, дрожа всем телом. Он в самом деле не знал профессора Буйко и вовсе не был связан с партизанами. Его поволокли в хату. Грянул выстрел. Из открытой двери вырвался крик, но после второго выстрела он оборвался.

В толпе женщин раздался вопль. Как подстреленная птица, забилась на земле жена Василия.

Из рядов заложников выхватили Шевченко Степана. Его без допроса протащили мимо профессора, и снова в хате раздался выстрел.

Вслед за Степаном проволокли Федора Василенко.

Почти одновременно на противоположном конце села вспыхнула чья-то хата, за ней — вторая, третья…

Гестаповцы делали все это подчеркнуто демонстративно перед профессором, словно подготовляли его к признанию на суде.

Затем обер–фюрер встал на пригорке перед народом и начал обвинительную речь. Он кричал, угрожал, предостерегал, но

никто ничего не слышал. Его слова звучали, как выстрелы, и глушили человеческое сознание.

Ярошивцы даже и сейчас не помнят, долго ли он говорил. Это были страшные минуты, когда, казалось, и солнце как тусклый круг заколебалось на небе.

Обер–фюрер закончил речь и подал знак.

Четверо из спецкоманды приблизились к профессору, чтобы схватить и тащить его в хату.

Но тут произошло невероятное.

Не дожидаясь, когда его схватят, Буйко сам, собрав все свои силы, напрягся, рванулся и, опираясь спиной о ствол тополя, встал на искалеченные ноги, содрогаясь всем телом.

Воспаленные глаза его пылали огнем. В этот миг он был страшен и грозен.

Гестаповцы окаменели.

Профессор немного постоял, переводя дыхание, — видимо, хотел что-то сказать людям, но удержался: его слова принесли бы им еще большее горе. И он только посмотрел на них. Но посмотрел с такой теплотой, что этого взгляда ярошивцы никогда не забудут. Затем прощально глянул куда-то вдаль, где виднелся лес, и, шатаясь, сам направился к хате.

Однако шел он недолго. Не сделал и нескольких шагов, как ноги у него подломились, он упал.

Дух остался, гордость осталась, но сил уже не было.

Жандармы схватили и поволокли его.

Никто не видел, что гестаповцы делали с профессором в хате, только слышно было, как что-то грохотало там, будто шла борьба. Наконец из двери хаты выбежал запыхавшийся и разъяренный обер–фюрер. Руки его были в крови. Глаза лихорадочно шарили вокруг, будто высматривали, чем бы добить профессора…

Вскоре и остальные гестаповцы выскочили из хаты, а за ними черными клубами ударил дым — из двери, из окон, из печной трубы…

И вдруг из окна полыхавшей хаты негромко, но отчетливо прозвучали слова проклятия.

Обер–фюрер бешено рявкнул на своих подчиненных. Три жандарма схватили пустые ведра и куда-то побежали. Люди думали, что они испугались того, что совершили, и решили потушить пожар. По вот жандармы вернулись с полными ведрами. Запахло бензином. Хату облили со всех сторон, а последнее ведро выплеснули в окно.

И, как взрыв, ухнуло пламя.

Над селом, над рекой, над лесом поднялся огромный огненный столб, высоко–высоко взметнувшийся в синеву осеннего

неба…

* * *

Умолкли громы. Солнце разбило тучи. Снова спокойно и весело засверкала речка Ирпень. А над нею, на высоком берегу, на месте страшного пожарища, выросла могила, убранная цветами. К той могиле сходятся люди и склоняют перед нею головы как перед святыней.

И широко–широко за реки и моря разносится слава — слава о мужестве, об отваге, о величии человеческой души.

И. Виноградов
ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ

Непроглядной осенней ночью, искусно обходя вражеские гарнизоны и посты, мы пробирались на восток, к месту расположения штаба 2–й бригады.

Было известна, что штаб находится где-то в районе Серболовского леса — то ли в Чертове, то ли в Вязовке. Об этом нам сообщили связные — Саша Попов и Ваня Александров, недавно совершившие поход в Серболовский лес. Они-то и принесли приказ о выходе нашего отряда «Пламя» к месту дислокации штаба. Приказ был отдан командиром бригады Николаем Григорьевичем Васильевым и комиссаром Сергеем Алексеевичем Орловым. Мы знали этих двух вожаков только по рассказам, лично с ними не встречались. Поэтому ко всему прочему добавилось и любопытство: посмотрим, какие-то они из себя.

Решение командования собрать воедино разбросанные по псковской земле малочисленные партизанские отряды, входящие во 2–ю бригаду, было вполне разумным и полностью совпадало с нашими планами. Четыре месяца мы действовали в отрыве от бригады в своем родном Славковском районе. Вели разведку, создавали подпольные партийные организации, распространяли листовки, минировали дороги, нападали на небольшие группы фашистских солдат, подбивали их автомашины. И все это нам удавалось.

Но в середине октября, слишком рано для этих мест, ударила зима. Выпавший снег принес непреодолимые трудности. Немецкие каратели стали охотиться за нами по следу. Какие бы замысловатые петли ни устраивали мы на снегу, все равно оставались уязвимыми. Выход был один: изменить тактику, собрать силы бригады в один кулак и действовать вместе, крупным соединением.

* * *

И вот мы в Глотове, деревне, ставшей временной столицей Партизанского края. Нам разрешили отдохнуть. А через день, после того как мы отогрелись, обсохли, отмылись в бане, переоделись, нас выстроили в шеренгу на деревенской улице.

— Смирно! — скомандовал командир отряда Леонид

Цинченко, как только завидел приближавшихся к нам руководителей бригады. — Товарищ комбриг, разрешите доложить. Славковские партизаны прибыли.

Васильев (а мы сразу узнали его) внимательно оглядел нашу пестро одетую группу и спрятал в уголках губ чуть наметившуюся улыбку. Он был в черной длиннополой шубе, перепоясанной ремнями, с маузером на боку — высокий, стройный, прямой. Из-под воротника шубы виднелись петлицы, на которых красовались два прямоугольника. Мы всматривались в его лицо. Большой открытый лоб, умные серые глаза, густые, сросшиеся на переносице брови, крутой подбородок с характерной глубокой ямкой посредине.

— Суровый! — шепнул мне Вася Крылов, разглядывая комбрига.

Я верил и не верил его словам. Под хмурыми бровями Васильева весело искрились такие ласковые глаза, а на губах еле заметно светилась такая добрая улыбка, что трудно было поверить в суровость характера этого человека. Потом мы убедились, что мягкости и доброты у Васильева было не меньше, чем строгости, но, зная свое положение, он всегда старался быть твердым, строгим и требовательным. Вот и сейчас, знакомясь с нами, как бы заново принимая нас в ряды 2–й бригады, комбриг чуть скосил глаза в сторону, пристально рассматривая незнакомых ему людей, и твердым командирским голосом сказал:

— Приветствую вас, товарищи, на партизанской земле! Будем теперь воевать вместе. Отряд ваш невелик. Мы решили объединить вас с дедовичанами. Вольетесь в отряд «Буденновец». Командует им Николай Рачков, человек храбрый, лихой. Помните: драться нам придется много и отчаянно. В бою держитесь друг друга: рука к руке, плечо к плечу. Ясно?

— Ясно, товарищ комбриг! — хором ответили мы.

Разойдясь по отведенным нам для отдыха квартирам, мы все еще продолжали делиться мыслями о комбриге. Общий вывод был таков:

— Боевой командир! С таким не заскучаешь.

И верно. Скучать нам не пришлось. Боевые операции следовали одна за другой. Комбриг не любил бездеятельность. Он не ждал, когда враг навяжет бой, а искал врага и вступал с ним в схватку. За его плечами было немало боев. Это он, Васильев, в ночь на 5 октября водил партизан на разгром фашистского гарнизона на станции Судома. Это под его командованием был сметен с лица земли гарнизон фашистов в Плотовце…

Собственно, Николай Васильев и в тыл врага попал именно потому, что рвался к боевой жизни, стремился попасть туда, где

опаснее. А случилось это так.

В первых числах июля 1941 года в Новгороде, где Н. Г. Васильев работал начальником Дома Красной Армии, шла эвакуация. Этим же был занят и Васильев. Он готовил к отправке на восток армейское имущество. Здесь же размещался партизанский отдел Северо–Западного фронта, возглавляемый полковым комиссаром Алексеем Никитовичем Асмоловым.

Васильев пристально наблюдал за тем, что происходило вокруг. Во двор Дома Красной Армии приходили незнакомые ему люди. Одни были одеты в гражданское, другие — в военное. Эти люди вооружались, обучались военному делу, затем группами уезжали куда-то на машинах. Повсюду кучами лежали гранаты, винтовки, пистолеты, продовольствие, обмундирование.

Асмолов заметил необычный интерес Васильева к происходившему, его энергичную работу и однажды осторожно спросил:

— Скоро вы закончите эвакуацию. А потом куда?

— Есть распоряжение выехать с имуществом на восток, — недовольно ответил Васильев. — Но мне это не по душе. Воевать хочу. — И, круто повернувшись и блеснув глазами, он неожиданно спросил: — Товарищ полковой комиссар! Пошлите и меня туда.

— Куда?

— Думаю, что угадал. К немцам, под Старую Руссу.

Общий язык был найден быстро. А вскоре пришло указание откомандировать Васильева в распоряжение штаба фронта.

В это время в районе Старой Руссы собралось около ста партийных и советских работников, главным образом порховичей и дновцев, вышедших из вражеского тыла. Они-то и составили ядро 2–й бригады, командиром которой стал Н. Г. Васильев. Было ему тогда 32 года. К этому времени Васильев уже 12 лет состоял в рядах Коммунистической партии.

* * *

Бригада вышла в район озера Полисто и Серболовских лесов. Она объединила многих партизан Псковщины, рассеянных по своим районам. Вскоре о ее действиях узнала еся страна. Об успешных боях 2–й бригады не раз сообщало Советское информбюро, конспиративно называя это соединение группой отрядов под командованием товарищей В. и О. (Васильева и Орлова).

Здесь-то, более чем в ста километрах за линией фронта, и

зародился широко известный в стране Партизанский край — обширный советский район. В крае были восстановлены органы Советской власти. Работали колхозы и сельсоветы, школы и больницы, выходили печатные газеты. Жизнью населения края руководили специально созданные для этой цели тройки — своеобразные райкомы партии и райисполкомы в тылу врага. Крестьяне жили по законам Советского государства. Это был настоящий советский строй, партизанская республика.

Главой этой республики, организатором и руководителем ее был Николай Григорьевич Васильев. Волевой, смелый, собранный, он с первых дней войны весь отдался боевому делу. Мало сказать — партизаны его уважали. Его любили. Все видели, что целью своей жизни Васильев поставил честное и добросовестное служение Родине, партии. Такой не мог не стать героем. Это был человек долга. Все личное он отодвигал на второй план.

Казалось, о чем, как не о своих личных переживаниях, о трудностях походов, о сыновних чувствах, мог написать комбриг родителям в советский тыл? А разве таково его первое письмо к отцу и матери? Написал он его 19 ноября, вскоре после встречи с нами — славковскими партизанами. Вырвал листик из блокнота и черным цветным карандашом написал:

> «Здравствуйте, папа и мама!
>
> Спешу вам сообщить, что я жив, здоров и того вам желаю.
>
> Вы обо мне не беспокойтесь: питание у нас отличное, одеты мы тепло и в валенках.
>
> Сообщите Нине (жена Васильева. — И. В.), что я жив. Я вернусь из фашистского тыла с полной победой над проклятым и лютым врагом.
>
> Я и товарищи будем драться до последней капли крови за Родину, за народное счастье!»

…В конце ноября партизанская разведка донесла: на подступах к краю, у станции Локня, появился крупный вражеский отряд.

— Разгромить его! — решительно заявил Васильев. — Не дать врагу обложить край. Показать ему нашу силу.

На эту боевую операцию комбриг отправился сам. Он повел за собой шесть партизанских отрядов. Остальные отряды, среди которых был и наш «Буденновец», оставались на месте.

На третьи сутки партизаны достигли деревни Вихрище. Приближаясь к селу, они обнаружили следы автомобильных шин. Значит — поблизости. Жители села Ушаково подтвердили это. Они сообщили, что в Вихрище окопались около трехсот солдат и

офицеров. И хотя сведения явно расходились с данными разведки, Васильев принял смелое решение — разгромить фашистский гарнизон.

Атака началась ранним утром. Немцы дрогнули и побежали, устилая снежное поле убитыми и ранеными. Но куда бежать? Гарнизон был окружен. Для выхода из кольца оставались одни ворота — дорога на деревню Юхново. Но это были ложные ворота: здесь в засаде сидел отряд Алексея Горяйнова. Он встретил бегущих фашистов ураганным огнем.

Бой закончился полной победой партизан. Противник потерял только убитыми 180 солдат и офицеров.

С гарнизоном в Вихрище было покончено. Можно продолжать путь. Но что это? Слева и справа вновь появились немцы. Они начали окружать партизан. Из-за леса выскочили броневики. Грянули орудийные залпы, послышалась пулеметная дробь.

«Что-то неладно», — подумал Васильев и приказал двигаться на север, — к деревням Заходы и Веряжи. Однако и в этих деревнях оказались фашисты. Куда бы ни направлялись партизаны, всюду натыкались на врага.

Наконец разведке удалось установить, что против Партизанского края фашисты бросили крупную карательную экспедицию. Они сняли с фронта потрепанную з боях дивизию, присоединили к ней карательные отряды и местные гарнизоны. Экспедиция имела артиллерию, минометы, танки, броневики и даже авиацию. А на вооружении партизан находились только винтовки, автоматы, гранаты и несколько пулеметов. К тому же немцев было в пять раз больше, чем партизан. Руководил экспедицией командующий войсками охраны тыла Северной войсковой области генерал–майор Шпейман.

Все деревни Партизанского края в течение нескольких дней были заняты карателями. Штаб бригады во главе с комиссаром Орловым вынужден был покинуть Глотово и податься в Серболовский лес. Но и в лесу его окружили немцы. Каратели торжествовали. Они считали, что партизаны в мешке. По глухим, закованным в лед дорогам загрохотали танки и броневики. Положение создалось сложное. Все мысленно обращались к Васильеву. В него верили. И не ошиблись. Васильев нашел выход. Первое, что он сделал, — отдал приказ идти на соединение с группой комиссара.

Как мы ждали тогда, хоронясь в лесу, своего комбрига! И когда мелькнула меж деревьями его высокая, стройная фигура, партизаны, забыв об осторожности, крикнули «ура».

— Васильев вернулся! Комбриг с нами! — полетела от землянки к землянке радостная весть.

Васильев сразу же принял решение: немедленно, в первую же ночь, вырваться из кольца окружения и ударить по карателям с тыла. Так и было сделано. Но вести бои с карательной экспедицией нам долго не пришлось. Помогла обстановка на фронте. В начале декабря наши войска перешли в решительное контрнаступление под Москвой и прорвали фронт противника. Чтобы как-то закрыть образовавшуюся брешь, фашисты спешно стали подтягивать туда свои силы. Не имея достаточных резервов, они вынуждены были отозвать на фронт и дивизию Шпеймана.

— Ну, что ж, экзамен выдержан, — довольный исходом борьбы говорил Н. Г. Васильев. — Теперь вся бригада получила боевое крещение. Будем готовиться к новым боям.

* * *

В первой половине января бригада получила важный боевой приказ. Его прислал начальник штаба Северо–Западного фронта Н. Ф. Ватутин. Он приказал ударом с тыла захватить город Холм и удерживать его до подхода наших передовых частей.

Сборы были недолги. Ранним утром 15 января бригада разбилась на три группы и двинулась к Холму. Это был большой и трудный поход. Ехали три дня и две ночи. По глубокому снегу, по бездорожью преодолели 80 километров вражеского тыла. Комбриг Васильев все время подбадривал партизан:

— Крепче держитесь, ребята! Идем навстречу Красной Армии.

В ночь на 18 января все дороги, ведущие к городу Холму, были перерезаны партизанами, все мелкие гарнизоны, расположенные в окрестностях, окружены. Плотным кольцом партизан был опоясан и город Холм. В назначенное время местность огласилась грохотом боя.

Операция оказалась тяжелой. Гарнизон немцев в Холме насчитывал 1300 солдат и офицеров. Они были хорошо вооружены, имели укрепленные огневые точки и надежные укрытия. Каждый дом приходилось брать с бою.

Васильев то и дело появлялся среди атакующих партизан. Он и здесь оставался спокойным, уверенным и невозмутимым.

— Укройтесь, слышите? Не делайте из себя мишени. Стреляйте из-за укрытия! — Наставлял он партизан, шагая от дома к дому, как будто его самого пули не могли тронуть.

К полудню город был в руках партизан. И хотя остатки фашистского гарнизона все еще укрывались за стенами каменного собора и тюрьмы, судьба врага была решена. Подошедшие с некоторым опозданием части 33–й стрелковой

дивизии нанесли окончательный удар по фашистам. Задача советских воинов была значительно облегчена. Только в боях с партизанами немцы потеряли в Холме 475 солдат и офицеров, 70 автомашин, две радиостанции.

После десятидневных боев под Холмом 2–я бригада возвратилась в Серболовский лес. Уверенно вступили мы на землю Партизанского края. Вроде прибавилось сил, просторнее и светлее стали наши леса. Даже комбриг на время расстался со своей строгостью. Обычно сдержанный и подтянутый, он много шутил, весело, заразительно смеялся, иногда даже пел полюбившиеся ему строки из нашей отрядной песни:

Отчизна–мать! Мы все полны стремленья
Громить врага как ночью, так и днем.
Скорей умрем, чем встанем на колени,
Но победим скорее, чем умрем!

«Дома» нас ожидали крупные неприятности. Узнав об уходе бригады в новые места и почувствовав себя в безопасности, фашисты осмелели. Они врывались в деревни, грабили жителей, охотились за активистами и оставшимися партизанами. Особенно распоясался фашистский гарнизон в Ясках, где стоял 20–й эсэсовский батальон. Партизаны хотели покончить с ним еще до похода на Холм, но не успели.

— Опять этот гарнизон! — гневно сказал Васильев, услышав информацию о положении в крае. — Сотрем его с лица земли!

Коротки партизанские передышки! Не успели люди отдохнуть после большого похода, отогреться, привести в порядок обмундирование, как уже снова приказ комбрига позвал их в бой.

— Что верно, то верно: с таким комбригом не заскучаешь, — шутили партизаны.

В ночь на 5 февраля фашистский гарнизон в Ясках был окружен. Комбриг снова применил свою любимую тактику: обошел гарнизон с трех сторон, оставил ворота для выхода противника, устроил у ворот засаду. Мы знали его излюбленный прием: окружение, налет! — в этом весь Васильев.

В самый разгар боя я, будучи связным, оказался вблизи командного пункта. Он находился сразу за обочиной дороги, на расстоянии автоматной очереди от Яссок. Комбриг Васильев, комиссар Орлов, начальник штаба Александр Афанасьев и начальник особого отдела Николай Иванов наблюдали за ходом боя. Отсюда было видно и слышно все.

Я задерживаюсь на минуту, чтобы взглянуть на Васильева. Хочется узнать: верно ли, что комбриг загорается в бою, увлекается, как юноша, «с улыбкой воюет»? Вот он стоит, высокий, тонкий, и мне видно его возбужденное лицо.

— Хорошо, хорошо идет бой! — взволнованно говорит Васильев, следя за перебежками партизан. — Так и задумано было.

В этой, казалось бы, беспорядочной стрельбе, где трудно по звуку определить, что происходит в селе, комбриг видел всю картину боя, видел свой план в действии. Как опытный радист читает на ходу зашифрованную радиограмму или музыкант мгновенно определяет тончайшие нюансы в музыке, так и комбриг по звукам стрельбы, по видимым издали перебежкам партизан и немцев определял все детали операции.

— Николай сегодня в ударе! —снова заговорил Васильев, угадывая действия отряда Николая Рачкова. — Смотрите, как азартно воюет. Всю окраину очистил. С таким командиром воевать можно. Военная хватка у него есть! А вот это уже Синельников. Пошел, Никифор, пошел! В обход. Так. Я говорил тебе, Сергей, будет из Никифора толк, — обращаясь к Орлову, продолжал комбриг. — Храбрости он научится у Рачкова, а знаний у него своих хватает.

Следя за ходом операции, комбриг и комиссар не только изучали бой, не только руководили им. Они изучали людей, свои кадры, свой командный состав. В огне боя полнее всего можно было проверить достоинства командира и бойца. Любого партизана Васильев и Орлов оценивали по поведению в боевой операции…

Через несколько дней Советское информбюро передало сообщение о ясковском бое. Снова о действиях партизан «под командованием товарищей В. и О.» узнала вся страна. А вскоре в лагерь пришла радиограмма начальника Ленинградского штаба партизанского движения М. Н. Никитина. В ней наряду с поздравлением содержался намек: «Подумайте, нельзя ли совершить операцию в Дедовичи, как было сделано в Ясках».

* * *

Подготовка к новой операции началась без промедления.

Партизаны покинули зимний лесной лагерь и взяли курс на запад, к Дедовичам. Первая остановка была сделана в деревне Семеновщине. Здесь штаб бригады задержался на целые сутки. Прибывший в край полковой комиссар А. Н. Асмолов устроил в

этой деревне, на виду у всех жителей, вручение правительственных наград отличившимся партизанам.

На широкой улице прямо на снегу стоял стол. На нем были аккуратно разложены красные коробочки. Представитель штаба зачитывал приказ:

— За доблесть и мужество, проявленные в партизанской борьбе против немецко–фашистских захватчиков, наградить орденом Ленина…

Выстроенные по команде «смирно» партизаны затаили дыхание. «Кто же удостоен такой большой награды? Не иначе — комбриг».

— …Васильева Николая Григорьевича…

Васильев подошел к столу, вытянулся и взял под козырек. Асмолов вручил ему коробочку с орденом и, подавшись вперед, расцеловал.

— Служу Советскому Союзу! — по–военному строго отчеканил Васильев и отошел в сторону.

— Орлова Сергея Алексеевича, — продолжал читать представитель штаба…

Затем награды были вручены Н. А. Рачкову, И. В. Смирнову, А. Ф. Майорову, И. А. Шматову, М. И. Тимохину, Н. И. Синельникову и другим партизанам.

На другой день штаб перебазировался в село Железницу. Здесь накануне большого боя родилась смелая, дерзкая мысль: помочь голодающим ленинградцам. Было решено собрать тайком от врага хлеб, мясо, жиры, создать продовольственный обоз и переправить его через линию фронта в осажденный Ленинград. Николай Васильев с большим восторгом воспринял эту идею и сам горячо взялся за претворение ее в жизнь. Но прежде всего надо было разгромить фашистское гнездо в Дедовичах.

Дедовичи — районный центр, крупная железнодорожная станция, через которую фашисты подбрасывали подкрепления и оружие к Ленинграду. Через нее они питали и окруженную под Демянском свою 16–ю армию. Гарнизон в Дедовичах насчитывал свыше 900 солдат и офицеров. Фашисты окружили себя блиндажами, танками, закопанными в землю до самых башен, рядами колючей проволоки, возвели ледяные валы. Крупные здания были подготовлены к круговой обороне. Фашисты полагали, что теперь им обеспечена полная безопасность.

Но о какой безопасности могла идти речь, если рядом росла, мужала и крепла боевая партизанская бригада. И вот в ночь на 22 февраля загрохотали взрывы на окраинах Дедович. Это партизанские полки и отряды (к этому времени бригада уже делилась на полки), зажав в железное кольцо немецких

карателей, начали штурм фашистского логова. Ничто не могло остановить их наступательный порыв.

Гудел весь поселок. Трещали, ломаясь, обгорелые балки, с грохотом рушились стены. Раскатисто ухала артиллерия, заглушая непрерывный стрекот автоматов и отрывистые выкрики командиров.

Комбриг, находясь среди атакующих, весь горел от возбуждения. Он поминутно отдавал приказы, посылая связных то на одну, то на другую окраину поселка. Когда ему доложили о том, что на севере в трудное положение попал отряд имени Горяйнова, что враг, пользуясь численным превосходством, с трех сторон обошел партизан, Васильев вскипел:

— Зубы показывают фашисты! Добить их! Не уходить, пока не разгромим всех!

Вражеский гарнизон был разгромлен.

В короткий срок партизаны и жители края собрали свыше трех с половиной тысяч пудов продовольствия и, погрузив его на 223 подводы, переправили обоз через фронт. Вместе с продуктами народные мстители вывезли в советский тыл письмо в Кремль, Центральному Комитету партии, под которым стояло свыше 3 тысяч подписей партизан и колхозников.

…К весне 2–я бригада занимала уже 9600 квадратных километров полей и лесов, держала в своих руках 400 сел и деревень.

С каждым днем росли и крепли отряды лесных воинов. А люди все вливались и вливались в ряды партизан. На территории края действовали теперь 1, 4 и 5–я бригады. Но и они по установленному порядку подчинялись командованию 2–й бригады. Комбригу Васильеву была вверена теперь судьба почти 3 тысяч партизан.

Разгоревшееся в этом районе пламя партизанской борьбы всерьез встревожило фашистское командование. Немцы, предпринимали одну попытку за другой, стремясь вторгнуться в край, подавить народное восстание, уничтожить партизан. Они широко использовали авиацию. Фашистские самолеты с утра до вечера кружились над краем, сжигая деревни, расстреливая с воздуха мирных жителей и партизан. Они охотились даже за отдельными всадниками и пешеходами. Однако и в этой обстановке партизаны продолжали усиливать борьбу. Крестьяне по ночам пахали землю, засевали поля. Край жил, действовал, боролся.

Васильев близко принимал к сердцу народное горе. Он заботился об устройстве погорельцев, особенно детей. Находил время навещать раненых. Врач Лидия Семеновна Радевич и

медсестра Нюра Егорова всегда рады были его приходу.

По приказу комбрига в крае были созданы специальные истребительные группы по борьбе с вражеской авиацией. Рассредоточившись в лесах, вооруженные ручными пулеметами и противотанковыми ружьями, эти группы стреляли по фашистским самолетам. То там, то здесь падал в снег, оставляя дымный след, подбитый «Юнкере» или «Хейнкель».

* * *

…Уверенно и твердо шли партизаны навстречу новым боям. А бои предстояли горячие. В начале мая враг начал стягивать крупные силы. Опять надвигалась гроза.

— Ну, что ж, «люблю грозу в начале мая», — ехказал как-то комбриг. — Это не декабрь. В Ясских и в Холме мы многому научились. Сумеем встретить врага, как надо.

11 мая на границах Партизанского края загрохотали пушки, затрещали пулеметы. Около тысячи немецких карателей повели наступление на деревню Большое Заполье. Партизанские заслоны встретили их шквальным огнем.

Это была вторая карательная экспедиция немцев против Партизанского края. Фашисты готовились к ней целый месяц. Они создали сильную группировку: сняли с фронта 163–ю пехотную дивизию и дополнили ее отрядами СС. У карателей были танки, бронемашины и самолеты.

Бои приняли ожесточенный характер. Они продолжались и днем и ночью. Врагу удалось занять ряд партизанских деревень.

Обстановка накалялась. Из отрядов поступали тревожные вести. Но Васильев ни на минуту не терял самообладания. Он спокойно отдавал распоряжения и вместе со своими соратниками искал новые формы борьбы.

И эти формы были найдены. Партизаны применили тактику активной подвижной обороны. Они умело сочетали засады с внезапными нападениями с флангов и с тыла. Днем партизаны вели позиционные бои, а ночью совершали налеты, устраивали засады, заманивали врага в «огневые мешки».

Успех переходил на сторону партизан. Цепи карателей дрогнули. Инициатива была вырвана из их рук. Фашисты начали откатываться назад.

Весь май на границах края продолжались бои. 55 боевых операций, а всего около ста боев выдержала бригада за этот месяц. Враг был остановлен и отброшен.

Несмотря на это, каратели не отказались от своего намерения

разгромить партизан. Оправившись от удара, они развернули новое наступление. Партизаны назвали этот поход немцев третьей карательной экспедицией. Однако в этом походе фашисты не имели даже временного успеха. Ворота Партизанского края оказались закрытыми. Потеряв почти половину своего состава, немцы на всех направлениях отступили и перешли к обороне. Опять партизанам была навязана позиционная война.

Все здесь напоминало фронт. Край был опоясан траншеями и окопами. В них стояли на боевом посту и вели прицельный огонь партизаны.

* * *

8 августа в пять часов утра задымился горизонт, затрещали пулеметы, мелькнули вспышки орудий, загремели взрывы. Началась четвертая, самая мощная карательная экспедиция немцев против Партизанского края. В ней принимали участие 218–я пехотная дивизия, переброшенная немцами из-под Ленинграда, 16–й карательный отряд, 4–й заградительный полк СС и специальное бронетанковое соединение 3–АА. Кроме того, фашисты стянули карательные и полицейские отряды от Старой Руссы и Дно, от Пскова и Опочки, от Великих Лук и Холма. Потом были пущены в ход части 8–й танковой дивизии. Тройное превосходство немцев в живой силе сменилось пятикратным. О превосходстве в технике нечего было и говорить.

На границах края разгорелись жаркие бои. Путь наступающим немцам расчищала артиллерия. Впереди шли ганки, броневики, вездеходы, за ними двигалась пехота.

Сверху их прикрывала авиация. На этот раз каратели наступали с пяти направлений. Они действовали своей излюбленной тактикой — клином, стремясь разрезать территорию края, зажать партизан в клещи и уничтожить их по частям.

Край оказался в огненном кольце. Атаки фашистов следовали одна за другой. Партизаны стойко отражали натиск врага. Бои нередко доходили до рукопашных схваток.

Враг рвался в центр Партизанского края. Все силы партизан были брошены в бой, в том числе и прибывшая в край 3–я бригада под командованием талантливого советского офицера Александра Германа. Комбриг Васильев почти не слезал с коня. Смертельно усталый, похудевший, с глубоко запавшими, воспаленными от бессонницы глазами, он появлялся то на одном

участке фронта, то на другом. Везде ждали его указаний, советов, распоряжений.

Бои нарастали. Но силы были неравны. Вдобавок ко всему каратели получили новое подкрепление из Холма, Поддорья и Старой Руссы. Всем стало ясно: и командованию бригады, и Военному совету Северо–Западного фронта, и Ленинградскому обкому КПСС, что удержать территорию края в сложившейся обстановке невозможно. Дальнейшая борьба могла привести лишь к истреблению партизан. Тем более что край свою основную задачу выполнил. Выросшие в нем партизанские соединения и командные кадры прошли отличную школу борьбы. Настала пора вывести их на широкий оперативный простор.

И началась скрытая от врага переброска партизанских сил в еще более глубокий немецкий тыл. Незаметно для фашистов покинули край и взяли курс на запад 1–я и 3–я бригады, за ними двинулись некоторые полки 2–й бригады. Главные силы партизан вышли из клещей, которыми пытались было сдавить их каратели. Во вражеском кольце оставались только два полка. На них была возложена очень трудная задача: боевыми действиями сковывать немцев, принимать весь огонь на себя, вести упорные оборонительные бои до тех пор, пока основные силы партизан не выйдут на запад и не развернутся в новых районах. И эту трудную задачу взял на себя Николай Васильев. С ним же остались и другие работники штаба бригады.

8 сентября вся территория края была занята карателями. Они укрепились на месте сожженных деревень, стреляли по лесам и болотам из минометов, ходили по тропам, разыскивая партизан.

Фашисты недоумевали: где же партизаны? А в это время на всей Псковщине, сразу в нескольких районах, неожиданно для немцев развернулись крупные партизанские силы. Зашумели леса и деревни у Пскова и Порхова, у Гдова и Новоселья, у Новоржева и Пушкинских Гор. Пламя партизанских костров отразилось в синих водах Чудского озера. Партизаны перехватывали железные и шоссейные дороги, уничтожали фашистские органы власти, громили немецкие гарнизоны.

* * *

Нам, оставшимся в Партизанском крае, было очень тяжело. В нашем распоряжении оказались только топкие болота и поросшие лесом Куровские острова. Мы беспрерывно кочевали, прятались от фашистских самолетов, ускользали от засад карателей.

Иссякли последние запасы продовольствия, люди падали от

истощения. Износились обувь и одежда. А тут еще радист сообщил печальную весть:

— Кончилось радиопитание. Связь с Большой землей прекратилась.

Поджимали холода. Каждая ночь была пыткой: как согреться, лежа на плащ–палатке, покрытой холодной осенней водой?

Комбриг Васильев и здесь не терялся. Он всех заражал неиссякаемым оптимизмом и верой в благополучный исход дела. Правда, мы с тревогой замечали резкие перемены в состоянии его здоровья, хотя он тщательно от нас это скрывал. Уйдя в лес, подальше от глаз, Николай Григорьевич все чаще подносил ко рту кулак и долго надсадно откашливался. В голосе появилась хрипота, высокий лоб покрывался испариной. И тут мы вспомнили то, что говорила нам когда-то Лидия Семеновна Радевич, партизанский врач:

— Берегите Васильева. Это духом он несгибаем, а здоровье неважное. У него плохие легкие, хрупкие. Того и гляди не выдержат. Следите за ним.

Но как было уследить за комбригом, если он все самое тяжелое брал на свои плечи, делил с партизанами последний сухарь хлеба, спал с ними под одной плащ–палаткой, старался ничем не выделяться от других. Да и трудно было в этой обстановке чем-либо помочь ему.

— Ничего не остается делать, как выбираться к своим, — после долгих раздумий сказал комбриг. — Другого выхода не вижу.

Решение было общим. Месяц мучительных скитаний измотал людей. Надо было вернуть им силы.

В ночь на 21 сентября недалеко от местечка Княжий Клин основная часть партизан во главе с комбригом Васильевым пересекла линию фронта. Через несколько дней вышли в советский тыл и остальные. Цель выхода была одна: переформироваться, одеться, вооружиться — и снова в свои родные партизанские леса.

Комбриг сразу же вылетел в Валдай. Вслед за ним туда же отправился Орлов. Партизаны остались отдыхать в деревне Морево Молвотицкого района — на пункте формирования новых партизанских подразделений.

Вскоре после прибытия в Валдай Николай Григорьевич поспешил утешить жену, написал ей, как обычно, немногословное, но бодрое письмо:

«Здравствуй, Нина!

Сообщаю тебе о том, что я жив и здоров.

За последние два месяца мною и моими товарищами много пережито и вряд ли может повториться в жизни… Только русский народ в борьбе за Родину–мать в состоянии драться и переносить такие тяжести и нечеловеческие лишения. Мы дрались с фашистскими гадами до последнего патрона, до последнего вздоха, но мы вышли победителями.

Я отдыхаю вместе с товарищами. Как только встану на ноги и окрепну, приеду к тебе. Прошу тебя, мать и отца не волноваться за состояние моего здоровья. Ничего страшного не произошло, — несколько недель находились в тяжелых условиях, но фашистов били без устали. Немного истощал и простудился, как только поднимусь, окрепну, так скоро буду у тебя.

Температура у меня нормальная, потихоньку начинаю ходить, ноги окрепли. Еще раз прошу тебя, мать и отца не беспокоиться за мое здоровье, силы восстановлю быстро.

Скоро настанет час, когда мы будем вместе.

Твое письмо получил. Спасибо.

Ну вот, кажется, все. Ждите! Скоро буду в Оричах.

Целую. Коля.

10.10–42 г.»

Так думал и мечтал Васильев. Так хотелось думать и мечтать всем нам, любящим комбрига. Но судьба распорядилась по–иному.

* * *

Мы, партизаны, были тогда убеждены, что Николай Григорьевич заявит о своей болезни и останется в советском тылу до выздоровления. К сожалению, этого не произошло.

В Валдайской опергруппе комбрига встретили неприветливо. К тому времени состав группы сильно изменился. Полковой комиссар А. Н. Асмолов выбыл на другой фронт. К руководству пришли новые люди. Были здесь и представители Ленинградского штаба. Некоторые из них плохо понимали обстановку, сложившуюся в Партизанском крае, недостаточно знали Н. Г. Васильева — его высокий патриотизм, беззаветную преданность, исключительную честность. Им было досадно, что

перестал существовать Партизанский край, который обычно украшал боевые донесения и отчеты. А то, что край уже сыграл свою огромную положительную роль, что в сложившейся обстановке Васильев принял единственно разумное решение, в расчет не принималось.

Как рассказывают очевидцы, кто-то из штабных работников, беседуя с комбригом, допустил бестактность, проявил к нему недоверие.

— Это верно говорят, что бригада, которой вы командовали, распалась, рассыпалась, перестала существовать? — спросили у Васильева.

Комбриг резко и удивленно поднял глаза.

— Кто вам дал такую ложную информацию? — ответил он вопросом на вопрос. — Бригада действует. Она бьет врага под Псковом и Карамышевом. Часть партизан, которые вышли со мной, тоже готовы в поход.

— Значит, вы готовы вести бригаду обратно в тыл врага?

— Готов. Только… — Николай Григорьевич остановился и, пересиливая себя, проговорил: — Только я… болен. Надо бы малость полечиться…

— Покажитесь врачу. Пусть подтвердит.

Васильев вспыхнул. Слова недоверия больно ударили по его самолюбию. Он резко встал и, не простившись, вышел.

У другого подобный разговор, может быть, и не вызвал бы внутреннего протеста. Для Васильева же этого было слишком много. 15 месяцев в тылу врага! На самых опасных участках! И вдруг — такие подозрения? Теперь Васильев не мог настаивать на лечении, он вообще решил не проронить об этом ни слова.

Врач подтвердил болезнь комбрига.

— А может, он трусит? — уже совсем некстати спросили в штабе.

Эта оскорбительная фраза каким-то образом тоже дошла до Васильева. Она окончательно вывела его из себя. Кажется, впервые за время войны комбриг потерял равновесие. На лице его выступили красные пятна. С трудом подавив вспыхнувшее возмущение, он влетел в штаб и хриплым взволнованным голосом заявил:

— Сейчас же еду к месту сбора, формирую бригаду и отправляюсь в тыл. До свидания!

К партизанам Васильев вернулся крайне раздраженным. Никто его не видел раньше таким. Первыми его словами были:

— Кто сказал, что 2–я бригада перестала существовать?! Расстреляю!

В короткий срок из вышедших в советский тыл партизан была

вновь сформирована 2–я бригада. Ее возглавили, как и прежде, Николай Васильев и Сергей Орлов. В конце ноября бригада в составе 300 человек пересекла линию фронта и направилась к месту действия — в Серболовский лес.

* * *

Снова тыл врага, снова бои. Не успела бригада ступить на землю Партизанского края, как немцы встретили ее карательной экспедицией. Партизаны отразили атаки врага и решили выйти из Дедовичского района в Новоржевский. Такое решение принял Васильев, но сам выполнить его уже не мог.

Болезнь начала быстро прогрессировать. Какие только меры не принимала фельдшер Нина Романовна Щербакова! Ничто не помогало. Состояние Васильева ухудшалось. Но он все еще командовал бригадой.

— Ты же совсем болен! — убеждал его Орлов.

— Чепуха! Все пройдет.

Комбриг продолжал отдавать распоряжения, хотя временами голос его снижался до шепота.

Выход был один: немедленно вывезти комбрига на самолете в советский тыл. Но, как назло, стояла вьюжная нелетная погода. Не было у партизан и подходящей площадки, чтобы принять самолет: лед на озере оказался тонким, ровной полянки тоже не находилось. Николай Григорьевич терял последние силы. Потный, с повышенной температурой, он с трудом держался на ногах. Его уже перетаскивали на носилках, сам он ходить не мог.

11 декабря в Валдай была подана тревожная радиограмма: «Васильев тяжело болен. Немедленно шлите самолет озеро Сусельница. Вылет самолета радируйте. Орлов».

В тяжелом состоянии, с резкой одышкой и тягчайшим истощением вывезли наконец комбрига на Большую землю, в г. Осташков, и положили в госпиталь. Диагноз страшный: скоротечный туберкулез легких.

26 марта 1943 года меня пригласил в партизанский штаб А. А. Тужиков и упавшим голосом сказал:

— Подготовься, вечером будешь выступать на траурном митинге. Наш Николай Григорьевич умер.

Хоронили мы комбрига на центральной площади, в его рсдном городе Валдае. Толпы народа пришли проститься со своим знатным земляком. Начался митинг. Трудно было сдержать слезы, слушая траурные речи боевых товарищей и друзей. В толпе то и дело слышались всхлипывания.

В день похорон от имени партизан 2–й бригады пришла радиограмма.

> «Мы не имеем возможности сегодня своими руками увить венками и обложить цветами могилу своего замечательного командира. Но придет время, эта могила будет святым местом для нас.
>
> Клянемся перед прахом друга и боевого товарища высоко держать честь 2–й партизанской бригады.
>
> Наш грозный удар по врагу, уничтоживший 608 фашистов в последнем бою, — это боевой салют у могилы нашего любимого Николая Григорьевича Васильева.
>
> Партизаны и партизанки 2–й партизанской бригады».

Салют из автоматов был последним актом над свежей могилой героя.

В апреле 1944 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении 14 ленинградским партизанам звания Героя Советского Союза. Среди них был Николай Григорьевич Васильев.

Леонид Коробов
ВОИН–ПИСАТЕЛЬ

Теплая ночь. В кронах зацветающих вишен таинственно шумит дождь. Темноту на мгновение прорезают вспышки первых весенних молний, слышатся отдаленные раскаты грома. Отрываешься от книги, и в памяти возникают картины войны: тогда подобно грому грохотали орудия, словно молнии вспыхивали рвущиеся гранаты, а в партизанских засадах настораживали слух шумные дожди.

Дочитана последняя страница книги «Люди с чистой совестью». Автор заставил вновь пережить незабываемые боевые эпизоды, детали и события волнующих ночей рейда Ковпака. Перелистываешь книгу и вспоминаешь, как она рождалась на партизанских дорогах.

Мартовской ночью 1943 года ковпаковское партизанское соединение в тылу врага двигалось по проселочной дороге от Житомира к киевским лесам. Вдалеке полыхали зарева пожарищ.

Тачанка подпрыгивала на ухабах. Прислонившись к моему плечу, дремал Петр Петрович Вершигора, заместитель Ковпака по разведке. Борода Вершигоры распушилась по широкой его груди.

Для этого человека война началась, как и для всего нашего народа, внезапно. Он работал кинорежиссером на Киевской киностудии и совсем не был подготовлен к военной обстановке.

На третий день войны утром Вершигора дежурил на пожарной вышке Киевской киностудии. Он видел, как немецкие самолеты бомбили соседний завод. Сверкающие на солнце точки бомб, быстро увеличиваясь, будто прямо летели на крышу. Кинорежиссеру, не знавшему, что бомбы падают по траектории и никогда не попадают в то место, над которым они брошены, казалось, что они неминуемо попадут в здание студии. «Погибаю, но не сдаюсь!» — прокричал в телефонную трубку будущий генерал.

…Вечером при переходе железной дороги партизаны вели бой. Теперь ковпаковская колонна, оторвавшись от противника, двигалась медленно — люди и лошади устали. На ухабе тачанка подпрыгнула. Вершигора проснулся и, усевшись поудобнее, долго молчал, а потом заговорил, затронув совсем необычную для такой ночи тему. Он рассуждал о том, что партизаны сделались воинами–профессионалами, романтиками войны и воюют с вдохновением.

Во вражеском тылу я не раз видел Вершигору во время

бомбежек или артиллерийских обстрелов. Следя за полетом бомб, он всегда с юмором вспоминал свою первую боевую фразу: «Погибаю, но не сдаюсь…»

В самом начале войны Вершигора ушел на фронт. Он командовал взводом, ротой, батальоном. Бывший кинорежиссер проходил военную школу, в боях учился военному искусству. Отходя с боями на восток, бывший штатский человек пришел к выводу, что «отступать надо лицом к врагу». Он изучал и свои ошибки и ошибки окружавших его соратников по оружию, накапливая боевой опыт. Он скоро узнал, что авиабомбы падают по траектории.

— Как бы назвать книгу о ковпаковцах? — неожиданно спросил он меня в ту ночь на тачанке.

— О какой книге, Петрович, вы говорите? — поинтересовался я.

И партизанский разведчик поведал свою тайную мечту — написать книгу о подвигах народного войска.

— Для художника, — сказал он, — чрезвычайно интересны те события, героические и обычные дела, страшные и веселые эпизоды, свидетелями и участниками которых мы являемся сейчас. Вот в Москве некоторые писатели мне жаловались, что они не находят тем, жизненных конфликтов. Бедные эти писатели. Тем и конфликтов перед их глазами проходит сколько угодно. Надо только видеть их.

После боев мы часто беседовали о литературе и искусстве. Вершигора по натуре своей художник. Он подмечал совсем, казалось бы, обжитые детали и рассказывал о войске Ковпака так увлекательно, будто читал главы уже написанной книги.

Январскими и февральскими вьюжными ночами 1943 года, когда партизаны подкрадывались к вражеским объектам, командир разведки не переставал думать о книге. Будущего автора повести окружали люди, которые должны были стать героями книги. На его глазах и при его участии происходили события, в которых рождались герои. Весь материал для книги был под руками. Нужно только было иметь острый глаз, чтобы заметить и отобрать наиболее интересные детали и занести их в записную книжку.

Как бы ни был жесток бой, как бы смертельно ни уставали ковпаковцы, Вершигора не спешил соснуть при счастливом случае. Разослав по маршруту рейда соединения и на фланги своих разведчиков, обработав показания пленных и разведывательные данные, он садился в тихом уголке и что-то записывал в истрепанный блокнот. Обычно это были записи мелькнувших мыслей, характерных слов, удачных сравнений,

услышанных в соединении.

Ежедневно к Ковпаку приходили новые и новые люди. Все они просили принять их бойцами в соединение. У каждого из них была своя судьба. Некоторые в силу различных обстоятельств отстали от армии. Другие, плененные врагом, бежали из лагерей. Каждый день у тачанки Ковпака или избы, которую он занимал, толпилось множество народу. Но не только долг перед Родиной приводил людей в партизанское соединение. Приходили и те, чьи биографии были придуманы во вражеских разведках и тщательно заучены. Такие люди в общей массе хитро маскировались. Цель их была одна — обезглавить партизанское войско, разложить его и создать благоприятную обстановку для нанесения смертельного удара.

Всех приходящих направляли в разведку, к Вершигоре. Но как проверить — враг это или друг?

Я помню, как Вершигора, тщательно допрашивая вновь прибывших в соединение, прямо и цепко смотрел им в глаза. Однажды он записал в записную книжку и показал запись.

Вот она: «Глаза — зеркало души человека. Вот так смотришь ему в душу и решаешь — что же за человек перед тобой. А затем даешь смертельное задание, бросаешь в бой. Выдержит человек суровый экзамен войны, останется жив — первый рубикон пройден, живи и борись, показывай нам дальше, кто ты есть. Погиб — вечная слава. Сорвешься — не пеняй на нас, нам не до сантиментов. Вот норма суровая, не всегда справедливая, но единственная. Чем чище совесть у человека, на чьи плечи упала эта тяжелая ноша, тем меньше он ошибается».

Я помню, как Петр Петрович разоблачил фашистского диверсанта, пришедшего в соединение с намерением убить Ковпака и его комиссара Руднева. После этого Вершигора вынул записную книжку и записал: «Вот стоит перед тобой человек, которого ты видишь впервые. Нужно решить быстро и бесповоротно. И без проволочек — либо принять в отряд, либо… и в руках никаких документов, справок, а если и есть они, то веры им мало. Как решать? Может быть, перед тобой будущий Герой Советского Союза, а может быть, ты впускаешь змею, которая смертельно ужалит тебя и твоих товарищей. Тут не скажешь: «Придите завтра», не напишешь резолюцию, которая гласит: «Удовлетворить по мере возможности», не сошлешься на вышестоящее начальство. Чем руководствоваться? »

Эти записи потом полностью вошли в книгу.

Немало было людей и со смятыми душами, растерявшихся при первых победах врага. Они бродили по оккупированной врагом земле и не знали, что делать. Потом они собирались и

искали отряды партизан. Таких лечило время и бои. Из них впоследствии выходили хорошие бойцы и командиры, которые сами показывали примеры мужества и героизма.

— А правильна ли такая мысль… — сказал однажды Вершигора в селе Краевщина на Житомирщине, где соединение остановилось после боев и маршей на отдых.

— Какая? — спросил я.

Вершигора достал записную книжку и стал читать: «Бои, как люди, бывают разные. Есть бои светлые, как юная девушка, есть хмурые, как меланхолик, бывают нудные и тяжелые, как жизнь старика–вдовца, обремененного застарелым ревматизмом. Бывают и бои–пятиминутки, как быстрая летняя гроза. Каждый бой имеет свое лицо, свои особенности, свои неповторимые подробности, которые запоминаешь на всю жизнь, если ты воин, и в бою думал о победе над врагом, и не лежал, уткнувшись рылом в землю, дрожа за свою шкуру».

Очень меткое для романтика определение боев. Это мог заметить только храбрый человек, для которого война и тяжелый труд и опасности — опоэтизированная военная повседневность.

— Мне кажется, запись вы эту сделали после какой-то неудачи, — сказал я.

— Верно, верно, — быстро отозвался Вершигора, — сделал эту запись на железной дороге Мозырь — Гомель. В течение всей ночи мы отвоевывали у противника дрянной полустанок. Бой был неудачным. Мы с Базимой лежали за сосной, метрах в пятидесяти от полустанка. Меня угораздило высунуться из-за сосны, фашист заметил и выпустил из пулемета целую ленту. Я прижал голову к земле. Кругом от сосны отлетали щепки. Пулемет смолк. Вот там я и сделал эту запись. — Он задумался, потом посмотрел на село и сказал:

— Видимо, родилась эта запись как результат нервного подъема и сознания пронесшейся над моей головой опасности.

Через несколько лет эта запись, золотая крупинка мысли, вошла в книгу.

Чем ожесточеннее были бои, тем сложнее становилась обстановка, тем и записи Вершигоры становились суровее. Как-то один из вновь принятых в партизаны не выполнил задания и обманул командование. Автор будущей повести сделал запись, которая целиком вошла в книгу: «Единственной мерой было: что сделал и чем способен помочь ты, гражданин, в великом горе народном, и какой путь твоего корабля в этом море испытаний и страданий человеческих. Не словами, а делами отвечай мне на этот вопрос. Я имею право, имею власть так спрашивать тебя, потому что я солдат своего народа, а побеждает тот народ,

солдаты которого меньше всего жалеют себя».

Так в силу непреложного закона войны советские люди поступали во всех случаях смертельной опасности, не жалея себя. Так поступал каждый партизан войска Ковпака.

И после выхода книги в свет узнаешь, как командиры в соединении, сами не жалевшие себя, поддерживали это золотое правило, как они беспредельно доверяли проверенным на поле брани бойцам, всячески содействовали развитию их лучших качеств и инициативы. Все войско оберегало железную дисциплину, поддерживало внутреннюю организацию.

Во время партизанских маршей, которые совершались исключительно ночами, Вершигора, сидя на тачанке, задумчиво говорил:

— Как бы хотелось сейчас сесть за письменный стол, написать книгу, правдивую книгу, и еще пять книг! Столько материала, такой зуд в руках…

Он замолкал, а затем начинал перебирать наиболее запомнившиеся эпизоды и отдельные детали, подмеченные за прошедшие дни. В такие минуты он говорил спокойно, и я все больше верил, что все виденное и слышанное мною в этом необычном войске — все это есть огромная книга нашей современности. Автор ее — само войско, повседневно творящее героические страницы повести о народной борьбе.

— Да, — вздыхая, говорил Вершигора, — как сильно тянет к тому времени, когда под пером будут рождаться образы окружающих нас людей.

В тачанке, рядом с двумя торбами овса для лошадей, в мешке хранились вражеские солдатские книжки, протоколы допроса пленных, письма гитлеровских солдат и ефрейторов, фотографии. Среди них я нашел документы какого-то безыменного ковпаковца. Это были довольно подробные дневники, в которые ежедневно заносились события из жизни соединения. Первые пять записей интересны, а затем фразы начали повторяться (вроде: «Обед опять проходил под телегами»), и дневник становился скучным. Автору его, видимо, тоже становилось скучно, и он начал дополнять записи событий своими мыслями и обобщениями.

Одна из записей заканчивалась так: «Нет, несвойственно мне походить не на русского человека. Дневник — чудесная вещь. Но не такой дневник хорош, как мой, в котором, как у фашистов с их бедным интеллектом и дьявольской пунктуальностью, записывается, сколько кур, гусок зажарено сегодня, где был бой, какую деревню взяли, кого за что ухлопали. Дневник должен ежедневно объяснять весь день не только твоей физической жизни, а в первую очередь духовной, интеллектуальной».

На следующей странице была такая запись: «Самая форма дневника вызывает у меня неприятное сравнение. Я бросаю вести тебя, неудачный мой спутник, второй мой я. Да здравствует поворотный год войны. Декабрь 1942 года».

— Это, наверное, дневник кого-нибудь из погибших ковпаковцев? — спросил к.

— Нет. Дневник живого ковпаковца. Мой дневник, — ответил Вершигора.

В мешке лежало много записных книжек, странички которых были испещрены мелким почерком. В книжках стояли надписи: «Первая», «Вторая». Чем дальше шли номера, тем стройнее становились записи, в которых запечатлевалось и сохранялось то неясное и волнующее, что бывает в жизни у каждого человека, если он воюет или трудится, «не уткнувшись рылом в землю, дрожа за свою шкуру». То были походные маленькие «кладовые» будущего писателя Вершигоры, занятого в то время активной разведкой в тылу врага.

Через несколько лет после разбора мешка на тачанке начальника ковпаковской разведки я прочел многие из тех записей в книге «Люди с чистой совестью». Первые записи в первых дневниках в книгу не вошли. Они не относились к партизанской жизни, а были отвлеченными размышлениями человека, который живет не только тем, что у него перед глазами, но и думает, заглядывая вперед.

Записные книжки были интересны, и в то время они мне и адъютанту Вершигоры Саше Коженкову заменяли книгу о партизанском движении. На первых страницах сообщался адрес немца — хозяина записной книжки, далее шли последние записи перед его смертью, а еще далее Вершигора уже писал сам. Партизанам часто приходилось писать на немецких блокнотах, и в этом отношении, как и в отношении продуктов, обмундирования, боеприпасов, они находились на «иждивении Адольфа Гитлера», как выразился один из героев книги, Колька Мудрый, или иначе Колька Шопенгауэр.

Вот некоторые записи из одной книжки того времени.

«Ковпаковцы заманили мадьяр в глухое лесное село, а затем заминировали все выходы из него… (так ласточки замуровывают свои гнезда, в которые забрались непрошеные гости — воробьи)».

«К Ковпаку привели самострела. Ковпак посмотрел на него и усмехнулся: «Дурной, дурной, а хитрый — левую руку прострелил, а правую оставил, чтобы было чем чарку и ложку держать».

«Ковпак си–и-ильный человек, — говорил старик на Черниговщине», «Повозка как ероплан», «Лошадь с огромной

доброй головой», «Пушку поменял на пистолет (отношение к трофеям)», «Храбрость и обман редко сочетаются в одном лице».

Так будущий писатель копил свои записи на маршах, после боев, в ежедневной, ежечасной опасности.

В марте 1943 года на реке Тетерев, на Киевщине, после взрыва железнодорожного моста я спросил Вершигору:

— Скажите, чего больше всего боятся ковпаковцы?

Он пристально посмотрел на собравшихся невдалеке партизан, на Ковпака, на комиссара Руднева и задумчиво сказал:

— Ковпаковцы — настоящие герои. А герои больше всего боятся забвения.

Впоследствии Вершигора не раз говорил:

— Россия удивила мир своей силищей, своим терпением, своими страданиями. Эти прожитые годы, тысячи километров, пройденные по оккупированной врагом нашей земле, — все, все позади. Но больно и дьявольски обидно подумать, что все ковпаковские подвиги, а самое главное, потрясающий опыт необычной войны забудутся, останутся неизвестными нашему народу, исчезнут из памяти такие герои, такие люди с чистой совестью, как Ковпак, Руднев, Карпенко, Базима, Мишка Семенистый, Митя Черемушкин, Семен Тутученко, Вася Войцехович.

Один старый украинский садовод, делясь своим опытом, сказал:

— Дерево — оно, как человек, как каждое живое существо, хочет после себя оставить потомство, продолжить свой род, сделать его вечным. Я на коре двух опытных яблонь у корней делаю надрезы, и деревья, боясь, как бы е ними ничего не случилось несчастного, каждую весну сильно цветут и дают богатые урожаи. Они настолько много родят, словно хотят своими плодами засеять всю землю.

Мудрая, своеобразная философия. Да, опасение за то, что пропадет опыт смертельной борьбы с врагом, накопленный ковпаковцами ценой своей крови, и народ не узнает имен преданных Родине сынов, по признанию Вершигоры, побудило его написать правдивую, искреннюю книгу.

— Трудно выбрать для будущей книги одного героя, — говорил Вершигора. — Героическое партизанское соединение составлено из отдельных людей, которые ежедневно совершают подвиги. Все войско Ковпака — вот герой моей книги!

— Отличительной чертой ковпаковцев, — продолжал Вершигора, — является то, что они беспокойные люди. Все они не хотят жить прошлым, своими удачными боями, разведками, операциями на железнодорожных мостах или железных дорогах.

Каждый из них считает совершенное им уже пройденным этапом.

И дальше, развивая свою мысль, выведенную из наблюдений, он добавлял:

— Заметили ли вы, что они не рассказывают о том, как происходили бои, а больше разбирают свои промахи, даже мелкие, которые они допустили во время схваток. Они хотят быть более совершенными, более опытными.

Вершигора подметил отличительное качество советских людей, которых партия воспитывала и воспитывает в духе непрерывного движения вперед.

Соединение Ковпака, выросшее из двух маленьких отрядиков в крупное соединение больших отрядов, разросшихся в батальоны, не могло сидеть на одном месте и ждать наступления врага. В соединении собрались люди, которые стали отличными бойцами, они сами искали места расположения противника, чтобы напасть на него и уничтожить.

У ковпаковцев родилась своя собственная тактика — рейды. Сначала в коротких, а затем в более длинных рейдах ковпаковцы приобрели большой опыт ведения такой войны. Они совершили переход из Брянских лесов на Правобережную Украину, перенеся борьбу с врагом в более дальние его тылы. Много тысяч километров с боями прошли ковпаковцы по оккупированной врагом земле. Все эти блестящие рейды завершились победными операциями на Карпатах, под Варшавой и на западе Белоруссии.

* * *

После войны перед Вершигорой открылось огромное новое поле деятельности. И бывший командир 1–й украинской партизанской дивизии, воин–писатель жил и работал до самой своей безвременной смерти 5 мая 1963 года. Как-то в Москве среди ковпаковцев, собравшихся у своего бывшего командира дивизии, вспыхнул бурный спор о литературе. Вершигора сказал:

— Литература — это не лиан, вьющийся вокруг политических и общественных идей, а могучее дерево в общем стройном лесе народной жизни, литература — родная сестра науки, а не домашняя работница на задворках общественной жизни.

Вершигора был так взволнован, что начал теребить свою бороду. Таким страстным я его не видел даже во вражеском тылу.

— Призвание литературы, — говорил он, — не только прославлять большие дела и больших людей, но и протестовать против подлости. Литература должна говорить правду, а правда выше вежливости.

Уже в первой работе на литературном поприще автор книги «Люди с чистой совестью» ясно определил свои взгляды на нашу литературу. Нельзя не верить книге с первой до последней ее страницы. В ней сама правда, сама жизнь, свидетелями которой были многие из нас, откровение нашего современника, раскрытие образа самого автора, воспитанного нашей партией.

Станислав Ковалев, Николай Котыш «НО ПАСАРАН!»

Пистолет у виска

— Винокуров! Выйти из строя!

Грязные, изжеванные лесным бездорожьем сапоги сделали три шага, повернулись носками к строю. Да, Александр сейчас видел лишь одну обувь. Свою и чужую. Длинный ряд сапог, ботинок, туфель. Кирзовых, яловых, парусиновых. Тяжелые, мужские, простроченные дратвой, и легкие, девичьи, промереженные затейливым орнаментом дырочек. В галошах, с обмотками, и изящные, на высоком каблуке. Модные, с рантами и с отставшими подметками, прихваченными суровыми нитками…

Александр поднял голову и увидел совсем близко перед собой острые, нацеленные прямо в душу, глаза командира отряда.

Винокуров смотрел ка командира расширенными зрачками. Большая, рабочая рука Зверева потянулась к кобуре. Александр через силу оторвал взгляд от рубчатой рукоятки «ТТ». Посмотрел на людей. Хотелось выкрикнуть: «Что же это такое? Я же ваш, вместе с вами…» Но люди, казалось, смотрели в сторону. Нет, вот на него взглянул высокий, кадыкастый Вася Белоусов — его дружок, отчаянный разведчик и развеселый баянист. Его печальный и суровый взгляд будто говорил: «Что же это ты, Архипыч? Как ты мог?».

И опять взгляд метнулся к пистолету.

Пет, Александр не боялся смерти. Он встречался с ней не раз. Страшна, потрясающе чудовищна была сама мысль: погибнуть от рук своих же. И перед мысленным взором пронеслось стрясшееся в ту ночь.

У Зверева была железная логика: посеявший смерть должен и пожать ее. А в округе появился такой. То был староста села под Лугой — одноглазый мельник. По его доносу немцы сожгли все село. Вместе с людьми, садами и березами–белостволицами. Осталось только два дома — правленческая пятистенка, до отказа набитая пришлыми солдатами, да рубленая изба мельника, возле которой стояла одинокая ветла. Зверев так и приказал:

— На той ветле повесить предателя!

Пошел Винокуров на боевое дело и впервые вернулся ни с чем. Не обидно было бы, если бы не изловил старосту. А то накрыл, как говорится, тепленьким в гнезде. Но одноглазый

объегорил. Скрылся. Везде обыскал Александр со своими бойцами — ив сарай заглянули, и на чердаке все перерыли, и обрыв реки обследовали. Будто в воду канул… Уже после выяснилось, что староста, действительно, в воде скрывался. Сидел в реке и через камышину дышал.

Теперь Зверев не стал расспрашивать, что и как, а сказал, будто под ноги дымящийся снаряд бросил:

— Вы не выполнили приказ.

Комиссар добавил:

— Представляете кого упустили? На его совести столько загубленных людей. Завтра, может, из-за него еще столько же погибнет…

Что мог ответить Винокуров? Большой платой обернулась вина.

Все. Кончено. Поднял Винокуров голову — над верхушками сосен пронеслось воронье. Жутко стало от его хриплого зова. И вдруг по сердцу резанул горький вздох баяна — Васька его уронил… Зверев подступил ближе:

— Оправданий быть не может.

— Обожди, командир, — необычно — тихо проронил комиссар.

И тут будто водопад хлынул.

— Поверим Архипычу! — загорланил отряд.

Рука Зверева сползла е кобуры:

— Ладно. Именем Гульена прощаю… — Подумал, сказал, будто патрон в казенник послал: —Но старосту живого или мертвого должен сюда доставить!

— Есть!

Не поев, не посушив даже портянки, Архипыч с пятью бойцами вновь отправился на пепелище села. Пришли на рассвете. Из лесу не выходили. Сидели в засаде и ждали, не появится ли одноглазый. В дом заходить сейчас рискованно: на старой ветле у Мельниковой избы появился наблюдатель — немецкий автоматчик. Снять его можно, но как бы мельника не спугнуть. Ждать пришлось сутки. Сеявший всю ночь холодный дождь промочил телогрейки до нитки. Наконец Архипыч прошептал:

— Едет!

На взлобке, за околицей, вынырнула бричка старосты. Белоусов артистически перекрестился: «Сла–те, господи» — и дал очередь по немецкому наблюдателю.

Архипыч как из-под земли вырос перед старостой:

— Вот мы снова и свиделись!

…Старосту повесили у пепелища села. На фанере написали :

«С каждым предателем Родины так будет!!!»

Выслушав доклад Винокурова, Зверев произнес скупо:

— Так бы сразу.

«Но пасаран!»

Партизаном Винокуров стал нежданно–негаданно. Война застала его в мотомехполку подо Львовом. Там он, помкомвзвода, получил первое боевое крещение. Шли тяжелые бои. Таял полк. Где-то под Харьковом отвели на переформирование. Перед поредевшим строем медленно шагал командир с блокнотом в руке. Остановился напротив Винокурова. Спросил, какая у него гражданская специальность. Узнав, что был железнодорожником, определил:

— Будете машинистом бронепоезда.

Потом позвали:

— Винокурова к комиссару.

А там — разговор. Короткий, необычный. Когда собралось человек десять солдат, комиссар сказал:

— Вот что, комсомольцы, вам доверяется важное задание. Подробности узнаете позже. Скажу только одно: воевать придется в тылу врага. Дело это добровольное. Стесняться нечего. Говорите прямо…

Согласились все.

Началась учеба. Учились взрывать мосты, пускать под откос поезда, бесшумно снимать часовых. Словом, постигали партизанскую науку.

…Линию фронта переходили под Ленинградом. Путь прокладывал Винокуров, командир группы разведки. В лесу бушевала вьюга. Но вьюга с молниями: вокруг рвались немецкие мины и снаряды. Несколько бойцов навсегда остались на линии фронта. Остальные пробились.

Винокурова провели к командиру отряда. Навстречу шагнул сухощавый, с живыми, цыганскими глазами человек. Крепко пожал руку:

— Гульен.

Так они познакомились. Национальный герой Испании, коммунист, ставший знаменитым партизанским командиром, и пензенский комсомолец. Испанец имел звание капитана. С первых дней войны был на фронте, не раз отличился в боях. Во всем его мужественном облике, в прямом и открытом взгляде была какая-то притягательная сила, и его обаяние невольно передавалось людям. Все относились к нему с уважением. Гульен был старше

Винокурова лет на десять. Он быстро приметил, что с виду неторопливый командир группы разведки мгновенно ориентируется в бою, и как-то невольно назвал его уважительно Архипычем. Так и пошло. Весь отряд столь почтительно стал величать Винокурова, несмотря на его 20 лет.

Петляя по лесу, партизаны выходили к железной дороге. Тут требовалось соблюдать особую предосторожность. Немцы вырубали просеки, устраивали завалы, ограждали подступы колючей проволокой и проводами с погремушками. Выставляли посты со сторожевыми собаками. Но Винокуров и его бойцы знали каждую тропку и всегда появлялись там, где их меньше всего ожидали. Вражеские эшелоны, шедшие под Ленинград, попадали в смертные клещи. Пока одни партизаны, вооруженные пулеметами, выбирали поудобнее позиции для обстрела, другие ползком подбирались к рельсам, устанавливали заряд. Эту операцию командир подрывников часто брал на себя. Пять эшелонов он пустил под откос.

Радистка Аня приняла новое распоряжение. Гульен срочно собрал командиров. Немногословно объявил:

— Получен приказ занять станцию Оредеж, перекрыть движение на несколько часов.

Налет возглавил Гульен. Первой устремилась в атаку группа Винокурова. Она быстро смяла заслон фашистов. Вместо нескольких часов партизаны целые сутки держали оборону. Отступать пришлось с боем. А у леса нарвались на засаду. У самых ног Гульена ахнула мина. Кинулся к нему Архипыч, а он силится что-то сказать и не может. Лишь одна фраза слетела с побелевших губ:

— Но пасаран!..

Винокуров, как клятву, повторил эти слова по–русски:

— Они не пройдут!..

У озера Черного

— Тогда-то и принял командование отрядом Зверев. Человек крутого нрава и отчаянной храбрости. Свои распоряжения он обычно заканчивал рубленой фразой:

— Доложить во столько-то!

Этими словами он напутствовал и Винокурова, посылая на новое задание. Разведка доложила, что в районе Вырицы — крупный штаб гитлеровцев. Надо было захватить «языка». Поручили это Архипычу.

В полночь устроили засаду у большака. Задумчиво шумел

лес. Дорога казалась пустынной. Но вот темноту разрезал сноп света, за ним другой. Затарахтели моторы.

— Мотоциклисты, — тихо сказал Вася Белоусов.

— Пропустим. За ними идут автомашины.

Действительно, едва промелькнули мотоциклы, как выплыли силуэты двух крытых автомобилей. Автоматные очереди разорвали тишину. Машины стали. Из них начали выскакивать гитлеровцы. Но ускользнуть никому не удалось.

Когда Архипыч и его хлопцы подбежали к машинам, в одной из них застали насмерть перепуганного немецкого генерала.

— Хорош гусь! — не удержался Белоусов.

А «гусь», выкатив глаза, бессвязно бормотал:

— Майн гот! Майн гот!..

— А ну, выходи! — цыкнул на него Белоусов и франтовато добавил: — Шнель!

Но генерал будто прилип к сиденью. Его с трудом оторвали. Пока Вася Белоусов «эвакуировал» высокое начальство, Архипыч упаковал в рюкзак два увесистых портфеля. И как раз вовремя. С той стороны, куда умчались мотоциклисты, послышались шум, голоса.

Партизаны скрылись в лесу.

Стало светать. И вдруг затрещали автоматы, залаяли овчарки. Погоня! А тут генерал заартачился. Идти не хочет. Белоусов прямо-таки замучился. Фашисты орут уже где-то рядом… Впереди — поросшее камышом болото. Там тайный брод. Перемахнуть бы побыстрее на другой берег, и ищи ветра в поле. Но как быть с генералом? Конечно, лучше бы его доставить живым: такой «язык» ценный. Но убежать с ним не удастся. Выход подсказал сам генерал. Изловчившись, он укусил Васю за ногу. Веселый баянист страшно возмутился :

— Новый хром прокусил!

И тут же порешил генерала на месте.

Партизаны бросились в камыши, а через полчаса, насквозь промокшие, выкарабкались из топи. Гитлеровцы отстали. Всю дорогу к лагерю Белоусов горевал:

— Голенище, проклятый, порвал. Пусть бы носок, союзки можно поставить. Но где возьмешь голенище?..

Зверев встретил вопросом:

— Где «язык»?

Винокуров начал рассказывать, как все получилось. Однако Зверев не стал слушать до конца, зло отрубил:

— Не выполнили приказ.

Лишь после, просмотрев два разбухших портфеля, смягчился :

— Дельные документы. Ступайте отдыхать.

Крепок сон в лесу. А если еще под тобой охапка душистого сена и стоит знойный августовский денек, да рядом с шалашом родниковое озеро, то лучшей благодати и желать не надо. Проснулся, и бегом на березовый мосток: ныряй и отмеривай саженками изумрудно–прохладную гладь. Тут сразу богатырская сила прибывает.

Под вечер хлопцы Архипыча выглядели настоящими именинниками. Сам Зверев объявил им благодарность! В праздничном настроении партизаны собрались на лужайке. И Вася Белоусов уже не горевал о злополучной порче сапога. Он ухарски растягивал баян, а звонкоголосая Нина Зверева, командир взвода девушек, запевала старинный вальс «Осенний сон».

Настоящим лесным городом раскинулся партизанский отряд у озера Черного. Люди жили в шалашах. Землянок из-за водянистого грунта не возводили. В отряд приходили новые бойцы — жители окрестных деревень. Все больше становилось шалашей. Родным кровом они стали для многих семей, чьи дома сожгли фашисты.

Партизанская жизнь шла своим чередом. Люди ходили на боевые задания, как на работу, отмечали праздники. Проводили партийные и комсомольские собрания. Влюблялись и справляли партизанские свадьбы. Заготавливали провиант на зиму, собирали грибы, ягоды. Возвращаясь на базу, говорили просто: «Идем домой».

Да, здесь был их дом, родная земля. Могучие дубравы, непроходимые топи и железная воля партизан стали на пути врага. Обозленный неудачами, он вымещал свою злобу на мирных жителях. В райцентре Оредеж гитлеровцы устроили тюрьму и согнали туда на расправу неповинных людей. Но кровавая операция не удалась. Ночью партизаны перебили тюремную охрану и освободили узников. Многие из них стали бойцами отряда.

Но путь отхода был отрезан. Долго и тяжело бились партизаны. Тут погиб их мужественный командир Зверев. В этом бою Александр Винокуров возглавил роту. Уже в лагере к Архипычу подошел комиссар Алексей Попков:

— Сегодня вручим тебе партийный билет.

Накануне Винокурова приняли в партию. Рекомендацию ему давали командир и комиссар.

В эти дни прибился к отряду огнеголовый, как подсолнух, мальчишка. Грязный, худой, с копной волос. Глотая слезы, со всхлипом, он отвечал на расспросы:

— Сашкой зовут… маму и папу фашисты убили. Сестренку утерял…

Аня–радистка бросилась к мальчугану, запричитала:

— Мой ты рыженький… Какой же ты худущий…

Мальчишка отодвинулся от сердобольной тети и приткнулся к Винокурову.

С тех пор их всегда видели вместе. Ели из одного котелка. Спали под одной дерюжкой. Архипычу нравилось, когда ему в самое ухо сопел маленький тезка. Их так и звали «Санька в квадрате». Даже на задании маленький не отставал от большого. Где-то в глухом лесу приземистый, крутоплечий Архипыч вышагивал размашистой поступью, а рядом с ним семенил Санька. Шли молча. Под ногами только хворост похрустывал. У Саньки на боку — «лимонки».

Когда приходилось перепрыгивать через бревно или овраг, они больно ударяли по ребру.

— Не ушибся?

— Нет, — таится Санька, не желая выдавать свою слабость.

Если дорога дальняя, Архипыч не выдерживает мальчишеских страданий. Берет у него «лимонки», взваливает себе на плечи его рюкзак, и Саньке становится легче. Но не надолго. Вскоре ему опять и тяжело дышится, и насилу шагает. Особенно, когда на пути какое-нибудь препятствие — болото, густые заросли ивняка, бурелом. Тогда Архипыч сажает его на шею. Сердится, про себя зарекается: мол, зря взял обузу.

Но в следующий раз он опять его возьмет, и будут вместе проверять дозоры. Попадали в беду. Нарвались однажды на немецкую разведгруппу. Архипыч отстреливался, а Саньке приказал отходить в глубь леса. Отбились. Ушли.

Санька не остался в долгу. Закладывали тол под рельсы. Ахнуло так, что Архипыча наземь бросило. Встать никак не может. А надо быстрее отходить. И маленький Сашка, надрываясь от тяжести, оттащил старшего подальше от места взрыва. Ну, а там, в глубокой чащобе, считай, дома. Так и доползли до лагеря.

В отряде Санька незаметно подрос. Хотя не ахти какой партизанский харч, а все же о нем заботились. Окреп.

Теперь он сам старался помочь Архипычу. Нет–нет да и скажет:

— Дядя Саша, давайте мне тол. Буду нести.

Архипыч молча отмахнется: мол, иди хоть сам побыстрее. А Санька и так бодро шагает. Теперь в привесок к «лимонкам» ему дали̂ трофейный маузер. Не раз он пускал свое оружие в ход, когда приходилось вступать в бой.

Словом, настоящим партизаном стал парень, которому шел

двенадцатый год. Победителем он вернулся в Ленинград. На митинге ему дали слово. Начал он было говорить: «Нет у меня отца и мамы… сестру утерял…», как из толпы вдруг выбежала худенькая девчонка и бросилась к нему на шею:

— Санечка! Родненький…

Это была она, сестренка! Опьяненный счастьем, Сашка подвел ее к Александру Архиповичу.

— Вот мой… наш. Будьте, дядя Саша, нашим отцом.

Взял Архипыч малышей в охапку, и впервые за столько тяжких лет на его глазах показались слезы радости.

Кто ты, Генрих?

Гитлеровцы решили покончить с партизанами. В бой бросили и артиллерию. Атака следовала за атакой. Уже целую неделю днем и ночью партизаны отбивались от наседавших карательных батальонов. Трудно было держать круговую оборону. С юго–запада, за косогором, — открытый доступ противнику. Надо и здесь поставить заслон. По приказу Винокурова заминировали это место. Сотни килограммов тола вложили. А сверху завалили булыжником, валунами. Шнур от взрывчатки протянули в штаб.

Преднамеренно имитировали отход на этом направлении. Фашисты «клюнули». Колонной, во весь рост пошли они в психическую атаку. Вот уже ступили на «пороховой погреб». И тут грохот потряс землю. Вывороченные с корнями деревья взметнулись к небу. Все потонуло в оглушительном реве, грохоте, пламени. Уцелевшие гитлеровцы повернули вспять. Но тут визгливо, пронзительно рвануло воздух женское «ура». Хлестнули автоматные очереди. Это из засады ударил по врагу взвод Нины Зверевой. Неизъяснимый ужас на немцев наводил женский крик. Они просто терялись, не зная, что дальше последует. А дальше последовал полный крах. В атаку поднялся весь отряд. Карательный был разгромлен.

Фашисты некоторое время наступлений не предпринимали. А партизаны усилили натиск. Пускали под откос поезда. Нападали на войска в гарнизонах.

Как-то, поджидая разведчиков, Архипыч и комиссар Попков сидели у шалаша, мирно беседовали о предстоящих делах. Вдруг смолкли и удивленно переглянулись: на тропке появился немец. В валенках он невозмутимо топал по лужам. А позади с неизменным пулеметом вышагивал Вася Белоусов. Подошли ближе. Немец упал на колени и протянул снимок. С глянца на Архипыча доверчиво смотрели две пышноволосые девочки. А

пленный, мешая русские и немецкие слова, спешил объяснить:

— Я Генрих! Рабочий. Это мои киндер…

Белоусов добавил:

— Сам сдался. Добровольно ко мне явился.

Дрогнуло сердце Архипыча. Дети тронули. Остался Генрих в отряде. А однажды зашел он к командиру, снял пилотку, попросил закурить, Архипыч был некурящим. Но затейливо вышитый кисет с махоркой держал всегда про запас. Случалось, туго было с табаком, и тогда командир Еыручал курцов, угощая их самосадом. Теперь он тоже разыскал свой заветный кисет, протянул Генриху. Тот закурил и вопросительно взглянул на командирскую шапку с алой лентой: позвольте, мол, примерить. Архипыч разрешил. Генрих надел, весь просиял:

— Партизан! — вытянулся, спросил: — Можно мне, Генрих–партизан?

— Тебе? — переспросил Винокуров. Подумал и рубанул рукой воздух: — Давай!

Отправился вскоре Генрих в разведку. Конечно, не один. С Белоусовым. Оделся в свою, немецкую форму. Пошли в занятый фашистами поселок. Вася — в засаду, его спутник — «на промысел». Подходит Генрих к часовым, о чем-то гуторит на своем языке. Потом деловито шагает мимо штаба и незаметно исчезает. Возвращается, докладывает Васе: стоит такая-то рота. Сегодня передышка. Офицеры гуляют. Вася слушает молча, как бы сомневается. Вернулись в лагерь. Архипыч решил устроить проверку боем. Доклад Генриха подтвердился. И стал Генрих партизанским разведчиком.

Зачислили его в группу Белоусова. Выдали форму. Вместе они ходили на «промысел», как говорил Вася. Много опасных заданий выполнили.

Мирный поход

Весть о прорыве блокады под Ленинградом всколыхнула весь лесной городок. Люди ликовали. Стихийно возник митинг. Выступали командир и комиссар. Брали слово рядовые бойцы. И сразу после митинга уходили на задание.

С каждым днем все слышнее становилась в отряде артиллерийская канонада. Наши войска наступали. Немцы отчаянно сопротивлялись. Каждое селение превратили в опорный пункт, опоясали минными заграждениями, дзотами и колючей проволокой. А тут еще приспела весенняя распутица.

Но наступление продолжалось. Враг отступал. А с тыла били

партизаны. И вот последний боевой приказ отряду Винокурова: совместно с нашими войсками занять город Лугу. В поход двинулся весь двухтысячный отряд.

Город взяли штурмом. Несколько дней отдыха, и опять сборы в дорогу. Но теперь предстоял мирный поход: партизан–победителей ждал Ленинград.

Начинались белые ночи. Об этих ночах писал Пушкин: одна заря спешит сменить другую. Вышел апрельской ночью Архипыч на улицу и впервые за столько лет позабыл о войне. Как зачарованный, стоял он под куполом светлого неба. Над Лугой — тишина. Только верхушки обглоданных войною сосен, казалось, звенели серебром наледи. Смотрел Александр на эту дивную красоту, вдыхал всей грудью лесную свежесть весны и с радостью думал: завтра с рассветом здесь уже не грянет бой. И не накроет своим смертным дымом этот лес и эти лунные дали…

Улицы Ленинграда в тот день напоминали внезапно открывшиеся шлюзы. Живой водоворот хлынул к Кировскому заводу. И вот показались первые партизанские колонны. Осененные знаменами, с алеющими лентами на шапках, увешанные автоматами и «лимонками», шагали лесные солдаты. Звенела медь оркестров. Высокий голос партизанки Нины Зверевой выпевал:

Ты помнишь, товарищ, как вместе сражались…

Архипыч ехал в голове отряда. А перед ним почти на самой холке вороного чинно восседал Санька — сын партизанский. Санька плакал от радости. Архипыч то и дело хлопал по плечу:

— Будь мужчиной!

Состоялся митинг. Ораторы говорили и о том, что народ всегда будет помнить героев, отстоявших колыбель революции. Винокуров слушал речи и с гордостью смотрел на своих бойцов.

А через несколько дней на груди Александра Архиповича засияла «Звезда» Героя Советского Союза.

«Это я, мама!»

Осень уже хозяйничала на пензенских полях. Косые дожди хлестали свежие скирды соломы. С дальних опушек ветер гнал палые листья. Александр пришел в свое село, когда уже стояла полночная тишина. Ни в одном доме не светились огни.

Вот и знакомая с детства калитка. Старая, шершавая. Только щеколда новая… Подошел Александр к окну. В сердце кольнула сладкая боль: отзовется ли кто на его поздний стук?

— Это я, мама! Санька…

— Господи…

В светелке вспыхнул свет.

Стучит засов. Скрипит дверь. Пахнуло родным кровом. С неописуемой радостью встретили старики сына. Да еще какого сына — со «Звездою» Героя!

Все село собралось на второй день во дворе Винокуровых. А он, взволнованный, не мог рассказать о себе. Не мастак он на речи. Молвил виновато, с улыбкой:

— Был бы Вася Белоусов, он бы все растолковал…

Уже вечером, за семейным ужином, отец спросил, кто такой Белоусов. И тут Александр рассказал о друзьях–товарищах. Вспомнил храброго, мудрого и сердечного комиссара Попкова, мужественного, сурового Зверева, мечтательную Аню — радистку и, конечно, своего маленького тезку. Лишь об одном человеке не сказал ни слова. Может, потому, что сам мало знал о нем, или же потому, что с именем того человека была связана затаенная мечта.

«Полетим, Алеша!»

В те трудные дни, когда отряд Винокурова задыхался от нехватки продуктов к боеприпасов, к нему в прямом смысле слова с неба приходило спасение. Нет, не манна, но нечто подобное — картофель, мука, консервы. Сбрасывали все это наши самолеты. Иногда они садились на пятачке–опушке и, спешно сгрузив патроны, мины, тол и гранаты, вновь улетали. Но случалось, что погода задерживала летчиков. И тогда они подолгу засиживались в кругу партизан. Рассказывали новости Большой земли, расспрашивали партизан об их делах, принимали многочисленную почту и наказы выполнить тысячи просьб. Архипыч перезнакомился со многими летчиками.

Одного из них звали просто — Алеша. Высокий, узколицый, с белесым чубчиком и такими же ресницами. Очень стеснительный в разговоре и лихой в полете. Несколько раз сажал тяжелую машину там, где, казалось, развернуться немыслимо.

Любил Архипыч беседовать с Алешей. Сколько было переговорено — о положении на фронтах и видах на урожай, о Ленинграде и Пензе, над которой несколько раз пролетал Алеша. Архипыч допытывался:

— Ну, а как там поля, озимые?

— Зеленеют, тянутся, — говорил Алеша, и тут же угадывал мысли собеседника: — Может, твоим старикам письмецо сбросить?

— Да вряд ли оно найдет их, — сомневался Александр.

И все же однажды Алеша сбросил такое письмо. Но оно, видно, так и не дошло до стариков. А второй раз писать не довелось. Не встретил больше Архипыч своего друга — летчика. Прилетали другие, сказывали, будто Алешу немецкие зенитки сбили под Ленинградом, куда он продовольствие вез.

Замкнулся Архипыч. Друзья спрашивали:

— Не захворал ли?

— А может, влюбился…

Подсел Василий с баяном, песней душу разбередил. И она открылась.

Достал Архипыч из полевой сумки маленькую фотографию паренька в летном шлеме и сказал Белоусову:

— Был Лешка, нет Лешки. Думаю его маршрутом пойти…

…И вот Александр Винокуров — курсант летного училища. Начались полеты. Летал он над теми же местами, где некогда водил поезда. Инструктор Виктор Заплаткин был доволен. А начальник училища Белецкий после первого полета спросил:

— С техникой знакомы?

— Машинистом работал.

— Учтите сразу: самолет — не паровоз, он деликатность любит.

В последующие контрольные полеты повторял эту фразу. Даже перед выпускными экзаменааш не удержался от суровых комментариев:

— Деликатнее, деликатнее. Ручка — не реверс.

А сам думал: «Неплохо. Совсем неплохо. Ведь за полгода летчиком стал». Неожиданно спросил:

— Программа, считай, исчерпана. Куда думаешь податься?

— В штурмовой, по вашей линии, думка была…

— Оставайтесь инструктором, — впервые начальник училища произнес тоном просьбы.

В самолете Винокурова, чуть повыше приборной доски, появился портрет паренька в летном шлеме. Курсанты спрашивали :

— Кто это?

— Алеша. Ленинградский летчик. По нем свой маршрут сверяю.

Подумав, добавлял:

— Ищите и вы свой ориентир в жизни.

Не только сам летчиком стал Александр Винокуров, он вывел на высокую дорогу целый отряд своих учеников. А затем обратился к начальнику училища:

— В боевой полк хочу.

Тот ни слова не сказал. Подошел, заглянул в глаза, кивнул: мол, спасибо за все. В добрый путь.

А время будто на винты самолетов наматывалось. Не успел оглянуться Александр, как под крылом проплыли миллионы километров. Он водил многие корабли. Почти год в воздухе пробыл. Стал летчиком высшего класса. Командиром. Словом, хозяином земли и неба утвердился.

На маршруте и теперь встречаются ученики. Перекликнутся позывными и уйдут своими дорогами. Но брошенное ими в эфир «Салют командиру» тревогой в сердце отзовется: годы-то, годы, как летят! Кажется, с отрядом недавно расстался, а уже полжизни в небе прошло. Где-то в этих широтах летает и развеселый партизанский баянист Вася Белоусов: он тоже в авиации. Штурман первоклассный.

Да что там говорить! Уже сыновья в высь потянулись. Старший Саня (так его назвали в честь маленького Сани — партизана) уже на третьем курсе того же авиаучилища, где учился отец. За ним потянулся и младший — Женя. Мать сперва кручинилась. Она — дочь летчика–комдива, хорошо знает, что стоит метр высоты и расстояний. Старший-то куда ни шло — уже, считай, большой. А Женя, тот только десятилетку окончил. И тоже туда: в летчики, и баста! И сдалось материнское сердце: раз дед и отец летчики, то и им туда дорога. Саня в ознакомительный летал с отцом, а Женя — со старшим братом.

Приезжал отец на аэродром к сыновьям. Был на полетах. Видел, как Александр и Евгений поднимались в воздух. Справился об их службе. Инструктор ответил так, словно речь шла о нем самом:

— Держим марку отцов!

А начальник училища прямо сказал:

— Спасибо за сыновей. Ребята — что надо.

Эх, увидал бы Алеша, как далеко пролег его маршрут! Говорят, он тоже в этом училище учился. По его летной дороге пошел Александр и вывел за собой своих птенцов.

Ранним утром Александр Архипович уходил на вокзал. С аэродрома, будто его проввжая, взлетали самолеты. Приложив ладонь козырьком, он долго глядел вслед.

Братья Винокуровы набирают высоту.

Леонид Коробов
ШТУРМАН ПАРТИЗАНСКИХ РЕЙДОВ

Бездонная лазурь висела над Ялтой. Пляжи были, что называется, завалены отдыхающими. Белоснежные катера, морские трамваи подлетали к причалам и снова уходили на прогулки и в короткие свои рейсы по зелено–голубому заливу. Яхты горделиво плыли, неся разноцветные треугольники крылатых парусов.

На лодочной станции очередь рыболовов. Этим не нужны ни пляжи, ни прогулки по заливу, ни аквалангн, ни вкусно пахнущие веранды кафе и ресторанов, ни килограммы отпускного привеса.

— Ловить? —спрашивал один дру гого, держа пучок удочек.

— Ловить, — утвердительно отвечал другой, держа крючкатую дорожку.

— Откуда?

— Да из степи. Ни черта у нас нет, ни озер, ни рек. Степь она и есть степь…

— А вы?

— Из леса.

Голос сказавшего, что он из леса, показался мне знакомым. Я обернулся. Ну, конечно же, это он!

— Вот встреча! — бросился я к нему.

— Вот это встреча! — воскликнул он. — Ну, земля мала. Подумать только, где увиделись. Ловить? — спросил он меня, держа мешок со снастями и приманками.

— Нет, у нас под Москвой чудесная рыбалка. А вообще — ловить. Но ловить-то сами знаете кого — интересных людей. На то и наша профессия.

Он улыбался так же, как и в сорок третьем и сорок четвертом годах в тылах врага, в студеных снегах Белоруссии и в майских лесах Польши, — стеснительно и радостно.

— Постарел? — спросил он, все еще улыбаясь.

— Вы словно законсервированы, все такой же.

Он действительно был таким же, каким я встретил его в первый раз в Белорусском Полесье, в деревне Ляховичи на озере Червонном, и каким встречал в сорок четвертом после Львовско–Варшавского рейда.

Это был ковпаковец Герой Советского Союза Василий Александрович Войцехович.

— Что поделываете? На пенсии? — спросил я его.

Он не успел ответить, подошла его очередь на лодку. Он

бросил в шлюпку мешок и, громко назвав санаторий, в котором отдыхал, взмахнул веслами.

Василий Александрович Войцехович! «Кутузов»!

— Ну, Кутузов, пиши приказ. По лесам пойдем. По твоим лесам, — говорил, бывало, ему Ковпак…

Войцехович, когда я пересек линию фронта и встретился с ковпаковцами в прибрежной на озере Червонном деревне Ляховичи, работал в штабе Ковпака первым помощником начальника штаба соединения Григория Яковлевича Вазимы — начальником оперативной части. Своей трудоспособностью и неутомимостью он во многом обеспечивал успех рейдов, больших и малых боев огромного соединения партизан.

«Кутузова» Ковпак присвоил ему за умение водить партизанское войско и оперативно обеспечивать руководство боями.

На страничках записной книжки тех лет у меня хранятся записи о Войцеховиче. Старые странички!

«30 января 1943 года. Белоруссия. Деревня Ляховичи. Озеро Червонное.

Штабная изба. Окна занавешены мешковиной. Горнт большая лампа. На нарах расстелены шубы, на них в углу несколько автоматов, небрежно сложенные пистолеты и сумки. Жарко натоплена печь.

Только что изба была полна народу. Получив разные указания и справки, Есе разошлись. Остались в штабе начальник штаба Базима, заместитель Ковпака по разведке Вершигора, начальник оперативной части штаба Войцехович и копировщик карт, он же делопроизводитель, он же и писарь — Тутученко.

Тутученко заметает веником пол, открывает дверь и в избе воздух из сизого превращается в прозрачный.

Базима роется в огромном трофейном сундуке. Этот сундук — святая святых в соединении. В нем хранятся все документы, карты, пишущая машинка, чистая бумага, ордена убитых и знамя.

Я присматриваюсь к Войцеховичу. Какой-то застенчивый, изысканно вежливый. Сидит он спиной к окну, сидит так, как будто хочет кому-то освободить у стола побольше места. Светлые русые волосы; голубые глаза его как-то светятся от лампы. Быстрый взгляд, выражающий постоянное ожидание, говорит об энергии этого человека.

В прошлом Войцехович — инженер, потом офицер Красной Армии, «окруженец», как часто и неправильно называют наших людей, попавших в окружение, а затем рядовой партизан и теперь одна из главных пружин ковпаковского соединения.

Ковпак и комиссар Руднев намечают направление рейда,

Войцехович определяет маршруты, дороги, переправы через реки, железнодорожные переезды, населенные пункты, которые надо пройти. А Базима в соединении приводит все в движение.

Все четверо молча рассматривают карту. Базима, не произнося ни слова, обратным концом ученической ручки (не терпит авторучек — он учитель) извилисто водит по карте. Вершигора толстым указательным пальцем правой руки делает отрицательный жест. Базима смотрит на Войцеховича. Тот, как всегда, улыбается, молча берет из рук Базимы ручку и, перевернув ее, петляет сухим пером по карте. Все сначала вопросительно, а потом довольно смотрят друг на Друга.

— Тогда, Василий Александрович, пиши приказ, — обращается к нему Базима. — Ты прав. Только так надо идти. И рек по твоему маршруту меньше.

— Реки не страшны, — говорит Войцехович. — Лед на реках толстый, пушки не провалятся. Другая деталь, очень важная в этом варианте маршрута, — левый фланг соединения защищен лесами, ну, а справа, видите, болото. Он тут менее опасен (партизаны почти всегда называют врага «он»).

— Значит, Василий Александрович, по–твоему, так, — говорит Базима, — маршрут: озеро Червонное, деревня Ляховичи, село Милевичи, село Чолонец. Это первый пролет в маршруте рейда. Ночи на этот марш вполне хватит.

Все молча смотрят на карту.

— Раз молчите, значит, согласны с этим вариантом. Тутученко, заправляй бумагу в машинку, Войцехович, диктуй приказ.

— А ты, — обращается Базима к Вершигоре, — сейчас же высылай разведку по маршруту, и пусть она потщательнее прощупает мосты и лед на реках для пушек.

Вершигора вышел из избы. Базима протер старенькие очки, стал что-то писать в толстую разграфленную книгу.

Войцехович диктовал Тутученко:

— Приказ номер 256.

— Погоди, давай закурим, — сказал Тутученко.

— Нет, пиши, — ответил Войцехович.

— Если не дашь табаку, не буду писать, — хитровато улыбнулся копировщик карт.

— Дам, но после. Пиши, а то Ковпак, чего доброго, еще ляжет спать, — сказал Войцехович, — а приказ подписать надо.

— Ну, диктуй, пока во мне рвенье есть. Не сплю я уже вторую ночь.

— Написал: «Приказ номер 256»? Хорошо. Пиши дальше:

«Ввиду того, что погода за последнее время установилась

нелетная и в ближайшее время ожидать самолеты с Большой земли нецелесообразно, приказываю: в ночь на 3 февраля 1943 года продолжать движение для выполнения поставленных перед соединением задач».

Войцехович прочитал, что написал Тутученко, и продолжал :

— Так. Пиши дальше: «Маршрут Ляховичи — Милевичи — Чолонец, где остановиться на дневку. Выслать разведку для проходимости батарей».

— Готово? — спросил Базима.

— Так точно, — ответил, улыбаясь, Тутученко.

— Ложитесь спать, И мне тоже надо поспать, — сказал Базима. — Завтра будет большой день.

Войцехович вышел из избы. Он пошел к Ковпаку подписывать приказ. Базима привернул лампу и, не раздеваясь, лег под бок Тутученко. Через минуту все углы избы заговорили от их храпа».

И новая страничка из той же записной книжки.

«2 февраля 1943 года. Белоруссия. Деревня Ляховичи, озеро Червонное.

Какие же это партизаны? Все это похоже на жителей богатейшего села, собирающихся на ярмарку или на свадьбу. Одни чистят лошадей, другие смазывают дегтем сбрую, третьи хозяйственно укладывают в сани ящики и мешки с продуктами. Приготовления к выезду идут молчаливо и сосредоточенно.

Если бы у этих людей за плечами не было винтовок и автоматов, то можно было подумать и так. Но это ковпаковцы!

Рослые немецкие лошади запряжены в пушки. Их хорошо кормят, они привыкли к новым хозяевам и трудятся в новых условиях с прежним усердием.

Темнеет. Добрая сотня накрытых домотканными коврами саней выехала на дорогу. Партизаны повязали вокруг воротников шарфы, вместо кожаных сапог теперь валенки. Станковые пулеметы выглядывают из-под цветных попон. В хвостах и гривах многих лошадей вплетены разноцветные ленточки.

Да, действительно, гусем выстроенные сани вдоль Ляховичей в молчаливо–торжественном ожидании приказа напоминают свадебный поезд.

Это 1–й Путивльский батальон, командиром которого, как и всего соединения, является Сидор Артемьевич Ковпак. Остальные батальоны и подразделения примкнут на марше к 1–му батальону из других деревень, где они располагались.

Колонну саней обступили ляховичские жители. Они молча провожают постояльцев — партизан. С уходом ковпаковцев они оставят деревню, переберутся в лес. Там у них землянки и в шалашах скотина.

Вновь в марш соединение поведет Ковпак.

Куда? Как и все на войне. В неизвестность. К победе или на смерть!

Необыкновенный караван вылетел на снежный простор за деревню, и потом, когда дорога повернула, Ляховичи стали быстро уменьшаться и совсем исчезли среди белых полей и на фоне угрюмо–черной стены леса.

Войцехович! Он теперь будет главным штурманом и капитаном всего первого пролета марша и вообще всего рейда.

Василий Александрович ведет необычное партизанское войско от озера Червонного, как и до этого провел к нему, на запад, к Пинску, потом повернет на юг, к Лунинцу и Ровно, затем на юго–восток, к Новоград–Волынскому, Житомиру и Киеву, и, повернув резко на север, минуя город Чернобыль, — к реке Припять.

Маршруты на всех полутора тысячах километров этого грандиозного рейда по Белоруссии и Правобережной Украине неизменно разрабатывал Войцехович. И разрабатывал и вел ковпаковцев по ним. А водить такую армаду требуется искусство.

Во время марша колонна ковпаковского войска занимает 9 километров. Переход через железнодорожный переезд длится два с половиной часа».

И еще странички из старой записной книжки:

«16 мая 1944 года. Тыл врага. Пинская область. Не то хутор, не то изба лесника.

Вот и снова ковпаковцы. Смотришь на них и не узнаешь. В сорок третьем году во время рейда по Белоруссии и Правобережной Украине весь штаб соединения был одет добротно, но пестро. Сейчас же все иначе.

Да и не соединение это партизанских отрядов, страшных для врага, но все же примитивных по своей организации. Теперь это 1–я Украинская партизанская дивизия имени дважды Героя Советского Союза Сидора Артемьевича Ковпака. В ней полки, кавалерийский и артиллерийский дивизионы, главная разведка, санитарная часть и другие подразделения.

И командование уже новое. Командует дивизией бывший заместитель Ковпака по разведке Петр Петрович Вершигора. Начальник штаба дивизии — бывший начальник оперативного отдела штаба Ковпака Василий Александрович Войцехович.

И одеты не так. Если в подразделениях большинство одето в трофейные мундиры, то в штабе дивизии все одеты исключительно в форму Красной Армии. На Вершигоре китель с погонами. На погонах звездочки подполковника. Верно, звездочки не настоящие, а вырезанные из консервной банки, но точные и по

размеру и по форме. На Войцеховиче гимнастерка, пояс с портупеей и погоны с такими же звездочками, как и у Вершигоры, вырезанные из жести. Он, как и был в армии, майор.

Вершигора после прилета из Киева сильно занят. Сегодня ночью самолеты привезут из Киева две новые пушки и снаряды. Надо их принять, собрать и доставить с авиапосадочной площадки в артиллерийский дивизион. А обратно в Киев надо подготовить к отправке раненых, каждому из них нужно приготовить подарок и в запас продукты.

Другое дело у Войцеховича. Он занимается только делами дивизии. И не хуже Вершигоры знает боевые дела дивизии. Значит, мне нужно тормошить своими расспросами только его.

Как и прежде, у Василия Александровича на лице приветливая улыбка.

— Ах, как хорошо! Весна! — сказал он, садясь на завалинку избы. — Четвертая весна войны! Деревья и цветы нынче цветут для советского народа. А для немцев только в венках могут идти на березовые кресты на могилах.

Мы сидим на солнце. На его груди поблескивают орден Ленина и две медали.

Над лесом плыло большое белое облако, одинокое, за берегами которого в вышине глядело на весеннюю землю голубое безмолвие.

— Конечно, тебя интересует рейд дивизии в Польшу? — спросил он.

— Конечно.

— Ну что ж, — он встал и ушел в избу. Пришел с тетрадью. — Вот, — помахал он тетрадью, — предварительный, черновой отчет о Польском рейде.

Я раскрыл тетрадь. В ней было множество цифр: проведенные дивизией бои, просто случайные, неожиданные стычки, количество взорванных мостов, танков, взятые трофеи, убитые немцы. Скучновато читать подобные бумаги, хотя они и очень нужны.

— Это все цифры, — сказал я.

Войцехович с улыбкой посмотрел на меня.

— А что же ты хочешь? Не хочешь ли ты, чтобы в военных отчетах начальники штабов писали беллетристику? Это же отчет. Отчет–т, — протянул он. А беллетристика это — вон, — кивнул он на березы, — живая беллетристика, настоящая любовь.

— Вы лучше расскажите мне о рейде.

— Так бы и сказал, — все еще улыбаясь, молвил он и взял из моих рук тетрадь.

Рассказывал он неторопливо, обстоятельно.

— 8 февраля мы форсировали реку Западный Буг и перешли государственную границу СССР и Польши, — вполголоса говорил Василий Александрович. — Мы сразу почувствовали помощь польских партизан.

Самый большой удар был нанесен 17-19 февраля. Вместе с польскими партизанами за эти два дня было взорвано 17 мостов на железных и шоссейных дорогах, через реки Вешпа, Танев, Вырва, Лува, Сапеть, Лида, Бранев, Букава; кроме этого, были разгромлены станции железных дорог и уничтожены гарнизоны в городах Тарногруд и Ульянув.

— Сам знаешь, как у нас полагается поступать после таких красивых дел, — говорил Василий Александрович, сняв фуражку. На ней была настоящая красноармейская звездочка : — После такого чудесного дела сразу же в марш, форсированный марш. Мы выскочили в район Домостава. Польские отряды тоже с нами. Эти отряды назывались, по–моему, как-то идиллически — «Подкова», «Гром», «Блискавица». Ну, какая подкова, когда в отряде нет ни одного копыта, какой гром, когда нет даже ни одного миномета, не говоря уже о пушках. Ну мы их до горла снабдили и пулеметами, и автоматами, и винтовками, и гранатами. И подводы дали. Увозили оружие на телегах. Разве для друзей жалко?!

Но эти отряды не случайные и не такие уж они слабые, — продолжал он. — Сильнейшие в Польше и опытные, очень опытные. Они ведь воюют под командованием Армии Людовой, которой руководит из подполья Польская рабочая партия.

В одну ночь мы с поляками промчались 80 километров. Вот уж в районе Домостава-то нас никак не ждали!

Я смотрел на Василия Александровича и не находил в нем изменений с тех пор, как мы полтора года назад расстались. Только иногда в каких-то неуловимых деталях чувствовалось, что он все-таки устал.

— Сколько дивизия занимала городов, — уже вяло продолжал он, — сколько форсировала рек, железнодорожных линий и автомагистралей. Одних боев провели больше ста пятидесяти. Да что там говорить!

Каждую ночь из Киева прилетают самолеты. Необыкновенная дивизия энергично готовится к новому рейду, к рейду на север, под Барановичи. Она хочет встретиться лицом к лицу с отступающей, гонимой нашими войсками к Минску и из него немецкой армией».

В старой записной книжке много и героического, и печального, и забавного. В записях ковпаковцы без тени уныния, может быть, только усталые, но обязательно с юмором. Вот хотя

бы такая запись:

«28 мая 1944. Тыл врага. Лесная деревушка.

— Вот и дождался интересного материала, — сказал Войцехович, когда я вошел в большую избу, которую занимал Вершигора. — А то все бои да бои подавай ему. Тут, брат, дело поделикатнее, чем твой бой. Вот это материал!

На лавках сидели командиры всех полков и других подразделений. Но все молчали. По прежнему обычаю я знал, что, когда все командиры в сборе и молчат, значит, что-то случилось важное. В стороне от всех стояла группа бедно одетых, небритых, с виду несчастных людей.

— Как начштаба, по–твоему, беженцы они? — спросил Вершигора Войцеховича.

Войцехович молчал. Молчали все командиры, следя за происходящим.

— Ну, — угрожающе сказал Вершигора, подойдя к беженцам. — Зачем лазили по деревням?

— Пане начальник, пане начальник, — наперебой заговорили те. — Деревни сожгли немцы…

— Вы все из деревень? — спросил Войцехович и внимательно начал всматриваться в лица.

Все закивали головами. Из деревни, из деревни.

Войцехович обошел всю группу и, подойдя к Вершигоре, сказал:

— Надо вот этого побрить, причесать и переодеть.

— Яша, — позвал Вершигора ординарца.

Ординарец, как и все ординарцы при больших военачальниках, одетый в новую гимнастерку и отличные сапоги со скрипом, предстал перед командиром дивизии. Все в нем было ладно. Только солдатские погоны, сшитые неумело и неправильно, портили его вид.

— Живо, бритву, пиджак, рубашку, галстук сюда. Расчески здесь есть, — строго сказал Вершигора. Ординарец выскочил из избы и вернулся с черным пиджаком, голубой рубашкой, с галстуком на плече.

Ординарец быстро развел мыло, усадил одного из задержанных и начал брить. Я смотрел с удивлением на неизвестного человека, который под бритвой принимал совсем иной облик. Ординарец казался мне художником–реставратором.

Побрив, ординарец достал из кармана расческу и, поливая на нее воду из кружки, причесал «клиента». Потом отошел на два шага, внимательно посмотрел на него.

— Красавец! Одеколона и пудры нет, — сказал он на полном серьезе. — Вставай.

Командиры полков молча курили. Остальные молчали, не смея закурить при командире дивизии, который не курил.

Неизвестного ординарец переодел. Войцехович подошел к нему, усадил на лавку и, отойдя к печке, начал всматриваться в его лицо.

— М–да, — мыкнул Войцехович. — Из какого города? — спросил он. Тот молчал: —Из какого города?! — к удивлению всех, закричал Василий Александрович.

— Пане начальник… — только и произнес неизвестный.

Войцехович молча глядел ему в глаза.

— Это они, — сказал он, повернувшись к Вершигоре. — Они. — И, повернувшись к неизвестному, закричал: —Из какого города?

— Из Бялы–Подляски, — быстро сказал неизвестный. — Из Бялы–Подляски.

— Из деревни, беженцы, — с презрением сказал Войцехович. Подойдя к Вершигоре, он тихо произнес: — Мы были предупреждены разведкой. И их — точно двенадцать.

Да, их было двенадцать. Все они были немецкими разведчиками. Гестапо послало их по лесным деревням найти и уточнить дислокацию, состав и вооружение, а если удастся, то и планы дивизии.

— Я бы, комдив, предложил об этом факте поставить в известность их командование, — сказал, улыбнувшись, Войцехович. — Пусть оно на этих двенадцати поставит крест и готовит новую партию разведчиков. Врага все-таки надо уважать. Там офицеры, явно, они рассчитывают на ордена, на карьеру.

— Писаря! — крикнул Вершигора. — Будем писать немцам разведывательную сводку. Отошлем ее с этими обормотами.

Писарь вынул из кармана галифе походную чернильницу. Вершигора взглянул с улыбкой на Войцеховича.

— Ты начальник штаба, — сказал Вершигора. — Кому, кому, а тебе больше всех известно, где дислоцируются наши части и планы дивизии. А раз так, то и диктуй немцам сводку.

— Садись, — сказал Войцехович писарю. — Начинай.

И он начал диктовать. Все смеялись и вносили свои замечания.

И когда писарь написал, а комдив и начальник штаба прочитали написанное, переглянулись, улыбнулись и передали переводчику. Тот тут же на машинке отстукал сводку на немецком языке.

Трем лазутчикам были вручены «грамоты», большие ломти хлеба; тогда всех троих с завязанными глазами повезли за 15 километров от места расположения дивизии.

Разведывательная сводка, отправленная немецкой разведке, стоит того, чтобы привести ее полностью.

«СПРАВКА. Настоящим удостоверяется, что тайный агент гестапо Домбровский был направлен гестапо по заданию в ряд сел. Секретный список сел, зашитый агентом в подкладку, нами прилагается. В этих селах Домбровский должен был собрать о нас подробные данные для гестапо, после чего возвратиться к начальнику немецкой разведки. По не зависящим от него причинам к сроку явиться не мог.

Уточняя вопрос о селах, указанных в секретных списках гестапо, подтверждаем, что эти села существуют, в чем можно убедиться, взглянув на карту. В эти села мы действительно дислоцируемся. Все интересующие гестапо материалы о нас, включая ряд добавочных, как, например, количество убитых нами немецких захватчиков, подорванных мостов, пущенных под откос эшелонов с немецкой живой силой и техникой, разгромленных немецких частей и подразделений гестапо, жандармерии и полиции, нами подготовлены.

В любое время ждем гестапо и немецкие воинские части, чтобы передать этот материал лично, причем интересующие гестапо вопросы о количестве и качестве нашего вооружения, боеспособности людского состава и тому подобное, продемонстрируем на деле.

Агенту гестапо Домбровскому, направляющемуся в гестапо с этим письмом, оказывать самое широкое содействие и не задерживать его ни в заставах, ни в караулах.

Украинские партизаны».

— Что же вы делаете? — сказал я Войцеховичу. Тот улыбнулся своей застенчивой улыбкой.

— Врага уважать надо, — уже строго сказал Василий Александрович. — Он же диктует нам наши действия, да и учит, как надо его бить.

Ковпаковцам нечего было опасаться. Они уходили в новый рейд. Одна ночь, и они будут за 60–80 километров от этих мест…»

…И вот вдруг Ялта. Скамейка под деревьями. Ухающее прибоем, вечно говорливое море. Мы с Войцеховичем сидим, вслушиваемся в прибой.

— А в нем есть определенно мелодия, — говорит он. Но говорит таким тоном, что сразу можно догадаться, разговаривает он сам с собой.

Да, волевой человек Василий Александрович. От «окруженца», рядового партизана до начальника штаба уникальной в мировой военной практике партизанской дивизии и Героя Советского Союза проделал он путь.

— А сейчас? — спросил я.

— В лесу, — сказал он так же, как на лодочной станции, когда ждал шлюпку для рыбалки.

После войны ему предлагали и отдых, и лечение, и пенсию. Нет, не надо ему ни того, ни другого, ни третьего. Он не из породы людей, которые родятся, чтобы спасаться от болезней и дожить до пенсии, а потом мучиться от самой страшной хворобы — незнания, куда деть себя.

У него, оказывается, всегда на маршах были грезы о лесе.

Мечта привела его в институт, изучающий лес. Это был второй вуз в его жизни. Потом Василий Александрович работал начальником лесной полосы Гора Вишневая — Каспийское море; в центре России руководил заповедником. В заповеднике разводил зубров и все хотел, чтобы в этом лесу зубров было больше, чем в Беловежской пуще. Кругом заповедника на деревьях висели объявления «С ружьем и удочкой в заповедник вход запрещен». Ну, а теперь руководит лесным хозяйством на Украине.

— Вы женаты, Василий Александрович? — спросил я.

— Ну, а как же. Да ты мою жинку хорошо знаешь, — с улыбкой, но уже с какой-то другой, вроде с укоряющей за незнание такой детали, сказал он. — Катя же — моя жена. Помнишь, в партизанской дивизии была Катя и автоматчица, и санитарка, и повариха, и прачка, и учительница — одним словом, человек. Так я на ней женился еще в немецком тылу, ну, а расписались в Киеве. Катя у меня жена-то.

Мы замолчали.

— Я много перечитал книг о лесах, о лесных хозяйствах, — сказал Войцехович. — Огромнее впечатление на меня произвело высказывание Менделеева. Он говорил, что посадка леса равносильна защите страны и что отношение к лесным насаждениям характеризует культуру страны.

Много передумал я о лесе в немецком тылу, — после короткой паузы продолжал он. — Быть другом леса — это уже, значит, быть другом людей. А это обязывает засучив рукава работать в лесном хозяйстве. Сама природа не наведет же внутри себя порядок. Для этого требуется человек, усердный,

хозяйственный, кропотливый и образованный.

Мы снова помолчали.

— Будем расходиться? — встал он со скамейки. — Завтра чуть свет в море на рыбалку. Научился ловить в море. Чертовски интересно. Приходи после полудня завтра. Катя ухой будет угощать.

Мы распрощались. Застывшие, ползающие и летящие огоньки в море можно было принять за звезды, кометы и спутники. Море казалось опрокинутым небом.

Иван Золотарь
ВЕРНЫЙ ТОВАРИЩ

Борис Галушкин спрыгнул к нам на озеро Палик с группой московских парашютистов в июне 1943 года, в самый критический для нас момент. За два часа до его появления наша бригада, измотанная пятидневными изнурительными боями с крупными силами карателей, оставила свою базу, переправилась на левый берег Березины и приготовилась к отходу на север, в сторону труднопроходимых Домжерицких болот. Ждали только самолет с десантом. Из-за отсутствия подходящей поляны принимать решили на залитом водой лугу размером с гектар, не более.

Никогда не забуду ту памятную ночь. Отряды растянулись вдоль прибрежной опушки фронтом к Березине. До нее — 200 метров луга, поросшего густой рогозой. За рекой темнеет лес. Он подступает к самой воде. Там в любую минуту могут появиться гитлеровцы. Если это случится (хотя мы сняли отряды с обороны скрытно, в темноте, враг мог все-таки узнать об этом), наши парашютисты станут легкой мишенью для вражеских снайперов. Где-то недалеко за рекой, в лесу, вспыхивают осветительные ракеты. Видны ракеты и позади, и с востока враг спешит к Березине, надеясь прижать к реке, охватить нас плотным кольцом. Успеем ли мы выскочить из мешка неширокой полоской заболоченного леса — единственным свободным путем?

Чем меньше оставалось времени до появления самолета с парашютистами, тем больше закрадывалось в душу беспокойство за их благополучное приземление. А тут, как назло, враг выпустил беглым огнем штук двадцать снарядов и мин, разорвавшихся на лугу, прямо перед нашим носом.

Но вот вражеские минометчики успокоились. Наступила лихорадочная тишина. И в этот миг в небе послышалось ритмичное дыхание самолета. Нашего, родного, советского! На лугу вспыхнули условные костры. Отряды приготовились, на случай возможного боя, отвести удар противника по парашютистам. Самолет развернулся, предельно снизился и зашел на выброс. Мы видели, как от него отделялись один за другим мутновато–белесые, чуть подкрашенные заревом костров купола парашютов. Почти все десантники приземлились вокруг костров, на лугу. И только двое угодили за реку. Мы встревожились. А когда узнали, что это сам командир группы Галушкин со своим ординарцем Петром Юрченко оказались

отрезанными от нас Березиной, нервы напряглись до предела. Многие, не сговариваясь, бросились к реке. Но им навстречу уже шли оба десантника. Они знали обстановку и, не раздумывая, перебрались через Березину вплавь.

И вот все 24 десантника сгрудились возле нашего костра, юные, возбужденные, но несколько скованные, по–видимому еще не обстрелянные. И только их командир сразу же повел себя, будто вернулся домой, в расположение своего отряда.

От его спокойного, по–хозяйски придирчивого взгляда, от литой боксерской фигуры и даже от приятного сочного баритона исходила какая-то притягательная сила. И он сразу пришелся всем нам по душе.

Перезнакомившись со всеми, Борис подошел к командиру бригады Лопатину — к «дяде Коле» и уже по всем правилам представился:

— Лейтенант Галушкин со своим отрядом в количестве 24 автоматчиков прибыл в ваше распоряжение!

— Добро, — сказал комбриг. — Поступаете в личное распоряжение моего заместителя Ивана Федоровича, — и, показав в мою сторону, добавил: — Будете охранять одного очень и очень важного немца.

— Знаю, товарищ комбриг! Из-за этого вашего немца я и не был послан на другое задание.

Эту последнюю фразу он промолвил тише, с явным сожалением.

Речь шла об офицере отдела связи штаба ВВС центральной группировки гитлеровских войск Курте Вернере. За месяц до прибытия Галушкина и за два до начала битвы на Курской дуге его вывели из Колодищи минские подпольщики Марина Молокович, Александра Старикович и Мария Осипова. А к нам на Палик привела его из-под Минска наша разведчица Галя Финская с группой боевого прикрытия.

На первом же допросе Курт Вернер сообщил нам о готовящемся летнем наступлении гитлеровской армии, и прежде всего о строго засекреченной подготовке к генеральному удару по войскам Красной Армии на Орловско–Курском направлении. Наступление планировалось на 4 июля 1943 года.

Получив это, Москва обязала нас подыскать подходящую площадку для приема транспортного самолета, посылаемого за Куртом.

Но как раз в это время гитлеровское командование бросило против нашей Борисовско–Бегомльской партизанской зоны многотысячную армию. Наши отряды вынуждены были вести тяжелые бои, отходить, маневрировать. Тут уж было не до

площадки: мы не могли шагу ступить из болота! Как же сохранить Вернера? Выдержит ли он все трудности болотной жизни, голод, непривычное напряжение нервов? К тому же было ясно, что немецкая разведка знает, где находится Курт Вернер и непременно попытается заслать к нам террористов с задачей выкрасть или на худой конец убить его, чтобы не выдавал секретов гитлеровской Ставки…

Это тревожило не только нас, но и наш центр в Москве. Там знали, что два наших отряда и множество диверсионных и разведывательных групп отрезаны наступавшими карателями и что силы наши значительно ослабли. Поэтому решили сбросить нам на помощь два отряда автоматчиков. Первый в составе 25 человек под командованием старшего лейтенанта пограничника Гриши Озмителя спрыгнул к нам 29 мая. Второй, галушкйнский, — 10 июня.

Десять дней, отбиваясь от наседавших гитлеровцев, мы отходили на север, к Домжерицким болотам. В пути теплыми летними ночами мы часто шагали рядом с Борисом Галушкиным, отдыхали вместе, и он постепенно рассказал мне о себе.

Война застала двадцатидвухлетнего Бориса студентом 4–го курса и заместителем секретаря комитета ВЛКСМ института физкультуры в Москве. В первые же дни нападения на нашу страну немецко–фашистских полчищ Галушкин обратился в ЦК ВЛКСМ с просьбой отправить его на фронт. Вскоре он с группой таких же комсомольцев-добровольцев прибыл под Ленинград, во 2–ю Ленинградскую ополченскую дивизию, в которой стал командиром взвода. В одну из боевых операций, под станцией Веймар, Галушкина тяжело ранили, и он попал в один из ленинградских госпиталей.

Но Борис не принадлежал к тем, кто мог долго залеживаться. Он рвался на передовую, но врачи были неумолимы: пока раны как следует не заживут, никакого фронта. Тогда Борис добыл у сестры–хозяйки обманным путем гимнастерку, брюки, сапоги и тайно бежал из госпиталя. Бежал прямиком в свою часть. В ту ночь, когда он явился в штаб части, в наш тыл просочилась эсэсовская рота.

— А, Лаврентия! — обрадовался его появлению комиссар полка Никифоров. — Отдохнул? Ты кстати вернулся! Бери-ка свой взвод и чеши вслед за фашистами. Надо во что бы то ни стало нагнать их и уничтожить!

И Борис во главе своего взвода, обрадовавшегося возвращению любимого командира, помчался в погоню. Всю ночь брели бойцы по болоту, часто по пояс в студеной воде и только на рассвете настигли эсэсовцев. В коротком ожесточенном бою враг

был уничтожен. За героизм, проявленный в этой операции, всех солдат взвода наградили орденами и медалями. Их командир Борис Галушкин был удостоен ордена Красного Знамени.

Но погоня по болоту, долгая холодная ванна, старая рана не прошли даром. Борис заболел тяжелой формой туберкулеза. И был уволен из рядов армии по чистой.

Грустным вернулся он в Москву, на улицу Казакова, в родной институт. Но никого из друзей–студентов не застал: кое-кто эвакуировался, а большинство ушло на фронт. Бесцельно бродил он по улицам, никого и ничего не замечая. И вдруг его дернули за рукав.

— Борька, друг, ты что, не слышишь?

Борис оглянулся. Перед ним стояли его друзья–однокашники — Паша Маркин, Борис Бутенко и преподаватель института Алексей Захарович Катулин, все — в военной форме, подтянутые, сильные, радостные. Все они служили в ОМСБОНе[1]. Со дня на день ожидали отправки в тыл противника на выполнение спецзаданий.

Разговорились. Борис сбивчиво, неохотно рассказал о пережитом.

— Может, взять его с собой? — спросил товарищей Маркин. — Не пропадать же человеку!

— Ребятки, милые, выручите! — загорелся Борис. — Уговорите начальство принять меня!

И Борис с помощью своих друзей стал бороться за право воевать. Вначале, когда он обратился к командиру 1–го полка ОМСБОН Гридневу, тот и слушать не захотел.

— Да вы что? Вам лечиться надо, вы ж еле на ногах держитесь!

Тогда Галушкин отправился к комиссару бригады Максимову. Комиссару парень пришелся по душе, да и орден Красного Знамени на груди подкупал. И комиссар взялся обрабатывать врачей.

И вот Борис стал командиром взвода 1–го полка ОМСБОН. А в день 26–й годовщины Красной Армии ушел с отрядом Бажанова в тыл врага. На этот раз в должности заместителя командира отряда.

Отряд Бажанова сражался на участке Смоленск—Орша—Витебск. Борис участвовал в разгроме вражеских гарнизонов, пускал под откос поезда, появлялся всюду, где шел бой. За это его и любили партизаны. Но особенно уважали его за то, что никогда он не оставлял в беде товарища.

В одном из ожесточенных боев был тяжело ранен подрывник Несынов — осколок перебил ему позвоночник. Как быть с

раненым? Госпиталя в лесу нет. Опытного хирурга — тоже.

— Надо переправить его на Большую землю, — сказал Борис.

— Как? Его же нельзя трясти — не выдержит! — с грустью отозвался командир отряда Бажанов.

— На руках донесем. Носилки помягче сделаем и донесем! Выделите мне в помощь ребят покрепче, и донесем!

Как ни трудно было расставаться со своим заместителем и группой самых выносливых, боевых партизан, которых он отобрал, командир отряда согласился. И вот теплым летним вечером группа Галушкина двинулась на восток. Вместе с Галушкиным Несынова несли мастер спорта Щербаков, студенты института физкультуры Паша Маркин, Виктор Правдин и другие товарищи — омсбоновцы. Всю дорогу, все 120 километров от станции Гусино до Торопца, несли они ночами раненого Несынова, благополучно переправили через линию фронта и в городе Торопце сдали в госпиталь.

За исключительное мужество и отвагу, проявленные в этом беспримерном походе, Борис Галушкин получил второй орден Красного Знамени…

…13 июня мы подошли наконец к деревне Пострежье — последнее селение перед Домжерицкими болотами. На колхозном поле, раскинувшемся западнее деревни, мы подготовили площадку и ночью приняли самолет. Курт Вернер и «сопровождавшие его лица» улетели в Москву.

Отправив Вернера, мы вздохнули свободнее. Домжерицкие болота раскинулись на площади 25 квадратных километров со множеством лесистых островов. Враг поочередно обстреливал эти острова. Десять суток мы переходили с острова на остров, спасаясь от обстрела на болотах.

Утром 22 июня, когда только что расположились на небольшом островке, наблюдатель с дерева крикнул:

— Немцы идут с Большого острова!

Большой остров лежал в ста метрах от нашего — Павловского. Наступало более сотни эсэсовцев. Положение создалось очень тяжелое. За первой сотней могли появиться тысячи других и тогда… днем, на маленьком пятачке, каким был островок Павловский, нам несдобровать.

— Товарищ комбриг, — сказал Галушкин Лопатину. — Разрешите нам с отрядом Озмителя встретить фашистов. Отгоним, а потом и отойдем!

Раздумывать не приходилось. Предложение Галушкина было единственным, что могло нас выручить из беды. Отряды Галушкина и Озмителя заняли оборону. Левее их залегли партизаны первого отряда. Москвичи дрались отчаянно. Сразив

нескольких эсэсовцев и многих ранив, они бросились в атаку. И враг не выдержал, побежал. Мы выиграли драгоценные минуты. Пока в стане противника очнулись, бригада ускользнула с острова. Позади бушевала артиллерийская канонада, рвались снаряды, мины. Над болотом появились разведчики. Но мы уже были вне опасности. Через день гитлеровцы сняли блокаду, длившуюся более месяца.

Отряд Галушкина двинулся на юг, под Смолевичи, выполнять новое задание. Случилось так, что с двумя отрядами нашей бригады я отправился в том же направлении и все лето прожил по соседству с группой Бориса.

На моих глазах росла боевая слава Галушкина. Его отряд был известен смелостью, решительностью. Сам Борис показал себя замечательным мастером короткого боя, засады, внезапных налетов. А если речь шла о спасении товарищей, попавших в беду, его ничто не могло удержать…

В знойный августовский день по пыльному проселку катила повозка. В повозке сидели трое. Впереди справа Борис Галушкин. Он правил лошадьми и потихоньку напевал песенку про Мишку–моряка. Ворот гимнастерки расстегнут, каштановый чуб развевается на ветру.

К его широкой спине привалился заместитель командира по разведке лейтенант Жуков. Попыхивая самокруткой, он размышлял о предстоящей встрече с подпольщиком Семенюком, поджидавшим неподалеку от станции Жодино магнитные мины для подкладывания под буксы вражеских воинских эшелонов.

Ординарец Бориса — Петро Юрченко полулежал позади командира. Изредка он приподнимался, становился на колени и шарил острыми, как у рыси, глазами по горизонту.

Вправо от дороги поднималась пологая лесистая возвышенность. За ее гребнем прятался районный центр Логойск. В нем стоял крупный гарнизон гитлеровцев.

Слева тянулось унылое торфяное болото, покрытое травянистым кочкарником, по которому разбросались купы густых зарослей кустарника.

Повозка миновала широкий овраг, взобралась на косогор, и сразу же впереди слева появились соломенные крыши села Мгле, рассыпавшегося по южной обочине Логойского шоссе. Несмотря на то что Мгле было связано шоссейной дорогой с Логойском, оккупанты в нем почти не появлялись. Зато партизанские разведчики и минеры гостили тут часто. Словом, где–где, а в этом селе трудно было ждать встречи с противником.

И вдруг, когда до перекрестка, где проселок пересекало шоссе, оставалось менее двух километров, из-за гребня

выскочили два немецких грузовика.

— Фашисты! — закричал Юрченко.

Галушкин бросил в руки Жукову вожжи и схватил бинокль. Но рассмотреть гитлеровцев не успел — повозка повернула в овраг.

— Ставь коней под кручу, бери оружие и за мной! — крикнул Галушкин, соскакивая на землю.

Все трое залегли у кромки обрыва. В машинах — теперь это уже было видно и без бинокля — человек пятьдесят фашистов.

— Неужели сюда? — обеспокоенно сказал Жуков. — И как их сюда занесло?

— Черт их знает, куда они несутся, — спокойно заметил Галушкин. — Свернут сюда — будем драться. Ты, — он кивнул Жукову, — останешься здесь, я подползу поближе к дороге. Петро — между нами. Сначала — гранаты, потом чесанем из автоматов. А в случае чего, сюда и ходу! — Борис ткнул пальцем в заросли справа.

Между тем машины приближались. До того места, где засели партизаны, оставалось несколько десятков метров…

Вот машины поравнялись с ними и с шумом промчались мимо, к Мгле.

— Пронесло! — с облегчением вздохнул Жуков, поднимаясь с земли и отряхивая пыль с колен.

Галушкин некоторое время молчал.

— Ну что, двинем? — наконец сказал он.

— Думаешь, проскочим по проселку? — спросил Жуков.

— Попробуем! А ну, Петро, подгоняй!

Юрченко пригнал коней, подождал, пока расселись, и хлестнул вожжами. Кони вынесли повозку из оврага, понеслись вскачь по проселку.

— Жаль, мало нас, — подмигнул Борис товарищам, — а то намяли б фрицам бока!..

Повозка перемахнула шоссе, не останавливаясь, пронеслась мимо деревни Хотеново и затарахтела дальше. Еще немного — и Мгле останется слева позади.

Неожиданно в селе затрещали пулеметные очереди, защелкали винтовочные выстрелы. В повозке все инстинктивно пригнулись, схватились за автоматы. Но стреляли не по ним. Огненные трассы пуль тянулись из Мгле в противоположную сторону, к болоту.

— Кого-то из наших застукали, сволочи! — выругался Галушкин.

Он приказал остановить лошадей, поднялся во весь рост и приложил к глазам бинокль.

— Так и есть!.. От села к болоту бежит человек пятнадцать партизан. Эх, не добегут до леса, прижмут их на голом месте!..

Борис спрыгнул на землю, подошел к лошадям и потрогал зачем-то сбрую.

— Ну вот что, хлопцы, — сказал он. — Видно, придется Семенюку подождать. Поедем на выручку!

— Ты что, шутишь? — изумился Жуков. — Ведь их в селе не меньше пятидесяти!

— Какие там шутки! Не можем, не имеем мы права проехать мимо, когда товарищи в опасности!

Галушкин полез за кисетом, скрутил цигарку и распорядился :

— Сворачивай, Петро, вон на ту дорогу!

Лошади снова понеслись вскачь. Боевой азарт командира передался и Юрченко и Жукову. Они распрямили плечи и расстегнули вороты, словно те их душили.

У крайнего двора Галушкин соскочил с повозки и из-за угла посмотрел вдоль улицы. На противоположном конце села стояли обе немецкие машины, а чуть ближе к центру, распластавшись по обочине шоссе, залегли немцы. Гитлеровцы вели огонь из пулеметов, винтовок и автоматов. Видимо, они были уверены в своем подавляющем превосходстве, поэтому ни на флангах, ни с тыла не выставили никакого охранения. Борис сразу же это заметил.

— Сейчас мы им дадим «прикурить», — сказал он, возвращаясь к повозке. — Поворачивай в объезд!

Лошади понеслись вдоль околицы мимо конюшен, бань, лепившихся по краю болота. Стрельба гитлеровских солдат становилась все ближе, вот она уже громыхала совсем рядом за домами.

— Стой!

Оставив лошадей за сараем, Галушкин, Юрченко и Жуков перелезли через изгородь и вошли во двор. Осмотрелись.

— Сюда, сюда, родненькие! — раздался позади их старушечий голос.

Партизаны оглянулись. В двух шагах от них из-под хвороста, прикрывавшего яму, на них смотрело сморщенное, искаженное страхом лицо.

— Мамаша, у вас немцев во дворе нет? — тихонько спросил ее Жуков.

— Нету, милый, нету! Они все на улице лежат как раз за нашим забором! Чуешь, как стреляют!..

К старухе жалось четверо малышей.

Глядя на них, Борис почувствовал, как дрогнуло его сердце,

как подступил к горлу горячий комок. Он подошел к яме.

— Мать, там за сараем стоят наши лошади и повозка. Так вы того… Если не вернемся, возьмите себе.

— Да вы прячьтесь, прячьтесь скорее! Места хватит!.. — старуха принялась раздвигать хворост.

Но Галушкин только головой мотнул:

— Нельзя!

Пригнувшись, партизаны подошли к забору, заглянули в щели. Борис не торопясь подсчитал: в цепи лежало больше пятидесяти фашистов.

— Значит, так, Петро… — повернулся было Борис к ординарцу. Но не успел договорить. В заборе над самыми их головами появилось несколько рваных пробоин.

«Заметили!» — обожгло Бориса. Мысли понеслись с лихорадочной быстротой: «Что делать? Выскочить на улицу?» Левая его рука потянулась было к гранате… «Нет, нельзя! Подождем…»

Галушкин вновь посмотрел в щель: к калитке с автоматами на изготовку приближались два рослых немецких солдата.

Борис махнул рукой товарищам. Все трое юркнули в раскрытую дверь хлева. Не успел Юрченко закрыть ее за собой, как калитка скрипнула и во двор вошли немцы. Они осмотрелись и направились в сторону хлева.

— Трр… Трррр… Тррррр, — по стенам хлева простучали автоматные очереди.

Затаив дыхание, партизаны приготовились без шума взять немцев. Но те в хлев не пошли, а остановились у колодца, достали воды, напились и вышли со двора.

— Не заметили! — обрадовался Борис.

— Как не. заметили, а кто же стрелял? — спросил Юрченко.

— В заборе от своих пробоины, — пояснил Галушкин. — Ну, а здесь, во дворе, немцы пальнули для собственного успокоения. Пошли!

Партизаны снова подошли к калитке.

— Мчись, Петро, вон к той хате, — скомандовал Галушкин. — Как только услышишь мою команду, швырни в самую гущу гранату, а потом крой их из автомата. Понял?

— Есть!

Между тем стрельба со стороны болота усилилась. Послышались гулкие удары противотанкового ружья. Одна из вражеских автомашин вспыхнула. Несколько немцев кинулись ее тушить, но было уже поздно — пламя охватило всю машину.

И тут, за спиной у немцев, в нескольких шагах от них, прогремел зычный бас Галушкина:

— Взвод справа! Взвод слева! Ого–о-нь!!!

Загремели взрывы гранат. Ударили длинные очереди автоматов.

— Ура–а-а!!! На–ши!!! — донеслось со стороны болота.

Ободренные неожиданной помощью, партизаны поднялись в атаку.

Гитлеровцев охватила паника.

Противник оставил на дороге 10 убитых и 16 раненых. Остальные успели удрать на уцелевшей машине. Спасаясь бегством с поля боя, они так и не узнали, что с тыла их атаковали всего три партизана…

Когда на следующий день я, пользуясь правом старшего оперативного начальника, стал было журить Галушкина за чрезмерный риск, он передернул плечами, улыбнулся.

— Товарищ замкомбриг, победителей же не судят… Но раз на то пошло, скажу: риск был вполне оправдан. Не думайте, что в бой я полез очертя голову. Нет, я сначала взвесил все «за» и «против». Ведь на нашей стороне были все три решающие фактора: внезапность, быстрота, натиск. А ведь еще Суворов говорил, что на войне это самое главное!

— И еще четвертый фактор — они уж на всю жизнь запомнят твой голосище, за это я ручаюсь, — усмехнулся Жуков.

А вот еще случай.

В Логойске разместился на отдых изрядно потрепанный советскими войсками немецкий полк. Резкое сокращение продовольственного пайка солдаты компенсировали ограблением близлежащих сел. А когда там ничего не осталось, решили организовать набег на Юрьево, Сутоки, Антополье — села, входившие в партизанскую зону.

Однако командир полка фон Флик рисковать не хотел. Намнут партизаны бока — стыда не оберешься. Но когда узнал, что два крупных отряда партизанской бригады «дяди Коли» ушли на озеро Палик, а в бригаде «Смерть фашизму!», охранявшей подступы к этим селам, осталось мало боеприпасов, фон Флик решился…

С утра бушевала метель. Порывистый ветер вихрил снежные хлопья, раскачивал скрипучие сосны, рвал в клочья клубы дыма, валившего из труб партизанских землянок.

Галушкин, майор Федотов и я сидели в жарко натопленной землянке и пили чай.

Незадолго до этого я вернулся из Москвы, куда улетал после убийства гаулейтера фон Кубе, к которому был причастен. В Москве было решено объединить мелкие отряды, выросшие из групп ОМСБОН, переброшенных в тыл врага. Я был назначен

командиром сводного отряда, которому было присвоено имя Феликса Дзержинского.

— У тебя, Лаврентич, весь народ в сборе? — спросил Галушкина начальник штаба Федотов.

— К вечеру должны все собраться, — прихлебывая чай, ответил Галушкин. — Не придется ли нам сразиться с фронтовиками из Логайска? Ты чего улыбаешься? Все деревни вокруг местечка обчистили! Как бы и к нам не пожаловали!

В этот момент в землянку вошли Юрченко и мой ординарец Паша Конюхов.

— Слышите, товарищи командиры? — спросил Паша, придерживая дверь приоткрытой. В землянку ворвался гром далекой канонады.

Мы выбежали наружу.

— Это возле Юрьева, — прислушиваясь, сказал Юрченко.

— Точно… Там! — подтвердил Галушкин.

В это время на тропинке, ведущей к нашей землянке, показался связной бригады «Смерть фашизму!». Командир ее, капитан Турунов, сообщал, что крупная колонна немцев из Логойска внезапно нагрянула в Юрьево, опрокинула заслоны бригады и ворвалась в село. «Патроны на исходе, вынуждены отходить, — писал комбриг, — выручайте!»

Я распорядился срочно доставить Демину — командиру первого отряда бригады «Смерть фашизму!» патроны.

Чем еще помочь соседям?

— Разрешите мне! — загорелся Галушкин.

Подумав, я решил, что Галушкин прав, — помочь Демину надо…

Юрьево немцы не только ограбили, но и запалили со всех сторон. Однако командиру вражеской колонны — ею командовал сам фон Флик —этого показалось мало. Он повернул на Сутоки. Не встречая сопротивления, немцы осмелели.

«Что там партизаны, — думал, наверное, фон Флик, — сброд!»…

А Галушкин уже поджидал немцев у хутора Кривая Поляна, лежавшего на пути к Сутокам. Одетый в белый маскировочный халат, он лежал за косогором, по которому пролегала дорога. Рядом с Борисом, в таких же халатах, расположились пулеметчики Ваня Гудзь и словак Володя Факете, перебежавший на сторону партизан из части, состоявшей из насильно мобилизованных в гитлеровскую армию словаков. Метрах в двадцати слева от командира на опушке небольшого лесочка ждали врага москвичи–омсбоновцы Володя Шимичев и Дмитриев, на таком же расстоянии справа — коммунист Панин и

комсомолец Женя Пузакин. Всего семь человек.

Ветер стих. С пасмурного неба срывались редкие снежинки. Короткий декабрьский день быстро тускнел. Далеко по полю разносился деревянный перестук колес, шум легкового автомобиля, возбужденные голоса немецких солдат.

По бокам вражеской колонны двигалась конная охрана, дальше — длинная вереница повозок с солдатами, пулеметами, минометами. Голова колонны уже приближалась к Кривой Поляне, а из белесых сумерек выползали все новые и новые повозки.

«Что-то уж слишком много их!.. Как бы мои хлопцы не растерялись!» — беспокойно подумал Галушкин, раскаиваясь, что не взял с собою весь отряд.

А враг подходил все ближе и ближе. Вот Борис уже стал различать лица гитлеровцев. Еще миг — и, как привидение в белом саване, на дороге выросла мощная фигура Галушкина.

— Батальон справа! Батальон слева! Ого–о-оннь! — Бей, гадов, не робей! — загремел Борис.

По колонне полоснули очереди.

Фашисты, видно, узнали по голосу того, кто уже однажды проучил их в селе Мгле, шарахнулись в сторону, начали поворачивать лошадей. Флик поднялся в автомашине во весь рост, но не успел он подать команды, как был сражен насмерть.

Человек двадцать вручную развернули машину вспять.

Увидев, что гитлеровцы отходят, партизаны бросились было преследовать, но Галушкин их удержал.

— Назад! Подбирать трофеи!

Захватив 2 повозки, 2 пулемета, 19 винтовок и автоматов, партизаны отошли. На заснеженной дороге осталось несколько десятков трупов убитых врагов.

Только возле Юрьева гитлеровцы пришли в себя и широким фронтом повели наступление на Кривую Поляну. Но там их уже поджидала более мощная засада — первый отряд бригады «Смерть фашизму!», возглавляемый опытным боевым командиром Иваном Михайловичем Деминым, к которому уже поступили наши боеприпасы. И гитлеровскому полку пришлось с позором убираться в Логойск не солоно хлебавши.

Расскажем еще об одном эпизоде, героем которого был Борис Галушкин.

В туманное февральское утро сорок четвертого года немцы повели наступление на партизанское село Ганцевичи, где стоял партизанский отряд бригады «дяди Коли». Немцев было около тысячи человек — почти втрое больше, чем партизан. Впереди двигались танки.

После короткого, но жаркого боя партизаны вынуждены были оставить Ганцевичи и пробиваться на север, к селу Замошье. Но гитлеровцы охватили отряд с трех сторон и стали теснить его к заболоченной пойме реки Цна.

По просьбе командира отряда Яши Жуковского, примчавшегося к нам в Застенок, я послал на выручку 70 автоматчиков и пулеметчиков во главе с Галушкиным.

— Ты крой с ребятами прямо — ударишь гитлеровцам во фланг, — приказал Галушкин своему помощнику, — а я двину в Замошье. Видишь: туда пошли танки! Закупорят последний выход — тогда хлопцам придется туго.

С собою в сани Галушкин взял Юрченко, Гришу Шимана и разведчика Аксенова. Когда они влетели в Замошье, по улице села уже мчались танки. Вот они приблизились к центру. И вдруг из морозного тумана прямо перед ними возник человек, дал несколько очередей из автомата и тут же исчез. По броне защелкали пули. Передний танк остановился. Очевидно, немецкие танкисты решили, что в селе засада. Они перестроились клином и открыли пулеметный огонь. По тому месту, откуда за минуту до этого стрелял человек (то был Борис Галушкин!), ударила пушка. Но Борис с друзьями был уже возле саней.

— Ванька, немцы! — крикнул Галушкин жеребцу.

Лошадь, приученная к этому возгласу, рванула в галоп. Дело было сделано: небольшой заминки хватило, чтобы выиграть драгоценные минуты. Партизаны прорвались из окружения.

— Когда решается судьба целого отряда, стоит пойти на любой риск! — с жаром доказывал Галушкин после боя. Потом он тихо добавил: — Даже если бы мне пришлось погибнуть…

Таким был наш Борис, наш верный боевой товарищ и друг, славный сын своей Родины. К сожалению, он не дожил до светлых дней победы… В ночь на 15 июня 1944 года у деревни Маковье Бегомльского района Минской области при прорыве кольца блокады Галушкин, командовавший штурмующей группой, пал смертью храбрых. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Н. Масолов
ЛЕГЕНДАМИ ОВЕЯННЫЙ

Пушкинские Горы. Овеянный поэтическими преданиями уголок Псковщины. Вот справа мелькнули позолоченные первым дыханием осени рощи Михайловского, слева — холмы Тригорского. Окончился асфальт, и машина наша уже мчится по пыльному проселку.

Священные пушкинские места, которые великий поэт называл «приютом спокойствия, трудов и вдохновенья», в годы фашистской оккупации были охвачены пламенем народной войны. На берегах красавицы Сороти, в оврагах и перелесках, на склонах гор партизаны устраивали засады, нападали на вражеские обозы, насмерть бились с карателями. Клятвой, присягой, совестью для народных мстителей были замечательные пушкинские слова:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

На пути луга с пожелтевшими травами, гряда холмов. Впереди высится, точно сторожевая башня, гора. По–разному ее называли раньше. С 1943 года у нее гордое имя — Партизанская. В ту боевую пору немецко–фашистские захватчики боялись показываться там. Хозяевами здесь были бойцы 3–й Ленинградской партизанской бригады. Командовал ими майор Александр Герман.

Вот и цель нашей поездки — деревня Пожитово. Небольшая, всего несколько строений. Останавливаем машину наугад, у домика в яблоневом саду. Спрашиваем:

— Скажите, пожалуйста, где здесь живут Шпиневы?

— А мы и есть Шпиневы, — отвечает пожилая женщина в цветастом платке и резиновых сапогах.

…Шпиневы. Славная семья советских патриотов. Всю войну они помогали партизанам. Летом 1943 года в их доме размещался штаб Германа.

Несказанно обрадовалась Клавдия Яковлевна, узнав в моем спутнике соратника Германа — Михаила Леонидовича

Воскресенского, позвала родителей, дочь, приехавшую погостить в родные места из Донбасса. Долго не смолкал в тот день разговор на скамейке у куста сирени, где мы расположились.

— Боялись, дюже боялись нашего Александра Викторовича фашисты, — с восхищением вспоминала Клавдия Яковлевна. — Был однажды такой случай. Партизаны все до единого ушли на операцию. А тут, откуда ни возьмись, небольшая хозяйственная команда гитлеровцев к нам пожаловала. Только немцы в деревню вошли — им навстречу парнишка лет двенадцати выбежал. Бежит и кричит что есть мочи: «Герман идет! Герман идет!» Немцы повернули назад, да и вон из деревни. А Александр Викторович в это время далеко был, только через сутки вернулся.

Глаза нашей собеседницы повлажнели. Видно, вспомнилось заветнее, дорогое.

— Это он для фашистов и предателей грозным был, — продолжала рассказ Клавдия Яковлевна спустя минуту, — а с нами душевно обращался. Вернется, бывало, с похода, усталый, измученный, а сам улыбается, шутит: «Мне бы, хозяюшка, молочка с портяночками». Это значит — с пенками. Кто с устатку к чарке, а он молока попьет да в огород. Там у нас была рожь посеяна. Станет около нее, задумается, колосья лущит. Подолгу любил стоять так…

— Большой души человек был, — включается в разговор старик Шпинев.

Якову Васильевичу перевалило за восемьдесят. Последние годы память у него стала сдавать. Но сегодня он преобразился: все время внимательно слушал, о чем говорила дочь, и дополнял ее рассказ.

О Германе еще при жизни складывали легенды, песни.

А теперь уж давно
На Псковщине родной
На фашистских громил
Водит Герман нас в бой…

Эти слова распевали не только партизаны, которых водил Александр Герман в жаркие схватки с немецко–фашистскими захватчиками. Их пели жители деревень, томившихся под игом оккупации. Как девиз борьбы, звучали они в лесах, где разгоралось пламя народной войны.

В Новосокольническом районе мне рассказывали про старую колхозницу, избитую плетьми за то, что на вопрос фашистского

холуя–старосты: «Тетка, ты что-либо слышала про бандита Германа?» — с гордостью ответила:

«А как же, слышала, многое слышала. Только не бандит он, вроде тебя, а генерал наш, самой Москвой к нам посланный».

Избив старуху, предатель злобно крикнул:

«Ну, теперь долго будешь, карга старая, Германа вспоминать!»

С трудом поднялась с земли советская патриотка. Гневно сказала:

«Погодь, иуда, отольются тебе наши сиротские слезы. А генерала — отца нашего — теперь еще чаще вспоминать буду. Глядишь, и он тебя не забудет…»

Рассказчик уверял, что видел своими глазами, как в ту же ночь предатель, измывавшийся над старой колхозницей, был убит. И уничтожил его якобы сам Герман — высокий, плечистый, седой как лунь генерал.

«Генералу–старику» Герману шел тогда… двадцать восьмой год.

Рейд отважных

Ватутин поднялся из-за стола и подошел к карте, продолжая говорить:

— Да! Да! Именно глубокий рейд, Леонид Михайлович. Нужно пробиться к верховью реки Великой и дальше, к самой латвийской границе, вот сюда, — Указка в руке начальника штаба фронта прочертила на карте линию на запад и остановилась у небольшого черного кружочка. — Вот куда должна дойти бригада, до Себежа. Это старая пограничная крепость. Вокруг озера да сосновые леса. Места чудесные!

Собеседник Ватутина, невысокий, средних лет майор, добродушно усмехнулся:

— Раз нужно — доберемся до этих красот. Не беспокойтесь, Николай Федорович, мои хлопцы себя покажут. Тактика наша будет простая: «Подпалыв и тикай».

Услышав поговорку, рожденную в огне партизанской борьбы в годы гражданской войны на Украине, Ватутин улыбнулся, но продолжал уже строже:

— На большую помощь с воздуха не рассчитывайте. С самолетами трудно сейчас. И не только у нас на Северо-Западном. Маневр, маневр и еще раз маневр — вот что должно вас выручать. О смелости и отваге не говорю — народ вы подбирать умеете. Начальником разведки бригады назначим к

вам старшего лейтенанта Германа. Танкист, учился в спецшколе академии, разведчик. Говорят, что излишне горяч и молод для такой должности. Но, — Ватутин опять перевел разговор в русло дружеской беседы, — такому комбригу, как майор Литвиненко, и помощники нужны, у которых не сердце, а лядунка с порохом.

Литвиненко смущенно улыбнулся, затем по–уставному четко спросил:

— Разрешите действовать, товарищ генерал?

— Действуйте, Леонид Михайлович. Да о действиях сообщать не забывайте.

В трудное время велся этот разговор. Танковые группы гитлеровцев продолжали клиньями врезаться в линию обороны Красной Армии. И все же на ряде участков фронта удалось сбить темп фашистского наступления; на Ленинградском направлении наши части вынудили врага вести тяжелые лобовые бои.

Незаурядный военачальник, обладающий широким оперативно–стратегическим кругозором, генерал Ватутин вдумчиво анализировал события, происходившие на фронте летом 1941 года. Он видел и сильные и слабые стороны противника, искал его уязвимые места и бил по ним наверняка.

Одним из таких ударов и должен был стать рейд 2–й Особой партизанской бригады Северо–Западного фронта. Специальное соединение, создаваемое из добровольцев — кадровых воинов Красной Армии, имело задачу вклиниться в стык фашистских армий групп «Север» и «Центр» и, рейдируя в глубоком тылу противника, вести разведку для фронта, громить гарнизоны оккупантов, совершать диверсии на важнейших коммуникациях.

Александр Герман узнал о назначении в бригаду Литвиненко вечером того же дня, когда состоялся последний разговор Ватутина с комбригом 2–й Особой. Обрадовался. Он уже давно рвался к самостоятельной боевой работе. Идти же в тыл врага да притом под началом такого человека, как Литвиненко, считал для себя честью.

— Тебе повезло, Саша, — посмеивались товарищи. — Теперь будешь только и делать, что «подпалыв и тикай».

Герман отшучивался. Он, как и другие молодые штабные командиры, с большим уважением относился к Литвиненко. В штабе знали, что майор — участник гражданской войны, многое испытал в жизни, но не разучился заразительно смеяться и сочной украинской шуткой приправлять свои разговоры и с начальством и с бойцами.

Нравился и Герман комбригу. И больше всего — за неуемную любовь к военной службе. Как-то ночью, когда неяркие полосы света от фар их машины неуверенно нащупывали дорогу в лесу,

Александр, обычно сдержанный в разговорах со старшими, разоткровенничался и рассказал майору о своих детских и юношеских годах… Родился Герман и вырос в городе на Неве. Овеянный романтикой революционной борьбы и боев за власть Советов, Ленинград оказал сильное влияние на впечатлительного подростка. Ему еще в детстве нравились люди в выгоревших буденновских шлемах. С затаенным дыханием слушал он громоподобные стихи о матросах–балтийцах:

Герои, скитальцы морей, альбатросы,
Застольные гости громовых пиров,
Орлиное племя — матросы, матросы,
Вам песнь огневая рубиновых слов.

Засыпая, Шурик вместе с буденновцами штурмовал Каховку, со словами «Интернационала» на устах шел в последнюю контратаку на Пулковские высоты с черными, точно литыми шеренгами матросов–кронштадцев.

Позже, уже на школьной скамье, им овладела мечта стать танкистом. Она привела Александра вначале в автостроительный техникум, а оттуда в Орловское бронетанковое училище. Путевку в армию Герману дал ленинградский комсомол.

Рейд 2–й Особой продолжался несколько месяцев. Ничто не могло остановить или сбить «хлопцев Литвиненко» с намеченного Ватутиным маршрута: ни суровые метели первой военной зимы, ни сменившая их весенняя распутица, ни карательные и заградительные отряды гитлеровцев. Рейд был настоящей школой мужества, и окончил ее Герман на «отлично».

Литвиненко не забывал данного Ватутину обещания чаще сообщать о себе. В штаб фронта им были посланы десятки радиограмм, которые хранятся сейчас в Ленинградском партийном архиве. В одном из таких донесений сообщалось о том, что в бригаду влился партизанский отряд имени Чкалова, действовавший в Невельских лесах.

И Литвиненко, и комиссар 2–й Особой Владимир Терехов были довольны пополнением. Почти все чкаловцы были кадровыми красноармейцами или командирами. Они отступали с боями от самой границы… Распыленные по лесам, но непобежденные воины в июле 1941 года объединились в отряд и вновь вступили в борьбу с ненавистным врагом.

Литвиненко и Терехов поручили командирам–чкаловцам ответственные посты: политрук Сергей Пенкин был назначен

начальником особого отдела бригады, а бывший учитель красноармеец Михаил Воскресенский возглавил политотдел 2–й Особой. Впоследствии видными партизанскими командирами и комиссарами стали и другие чкаловцы — Иван Сергунин, Дмитрий Худяков, Иван Крылов, Сергей Лебедев, Иван Синяшкин, Николай Чернявский, Степан Панцевич.

Радиограммы от 2–й Особой штаб фронта получал из разных районов. Молвотицы, Пено, Сережино, Торопец, Локня, Новосокольники, Пустошка, Идрица, Себеж, Опочка — вблизи этих городов и поселков проходила дорога отважных. И на этой дороге оккупанты, как писал Герман в одном из писем жене, имели «беспокойную жизнь». Партизаны разгромили 17 волостных управ, более 10 гарнизонов гитлеровцев. Уничтожили сотни фашистов и много боевой техники врага. Не случайно впереди бригады крылья народной молвы несли слух о прорыве к верховью реки Великой целого конного корпуса Красной Армии.

«Зеленую улицу» бригаде открывали донесения разведчиков Германа. Они писались на обрывках оберточной бумаги, на тетрадочных листках. Их составляли в самом логове врага. Добытые ценой смертельной опасности, эти документы (в архиве они сведены сейчас в две объемистые папки) лаконичны, предельно точны и правдивы.

Иногда в донесениях разведчики «разговаривали» со своим начальником эзоповским языком, которому обучались у него же. Михаил Леонидович Воскресенский рассказывает, как однажды, в первые дни своего пребывания в бригаде, он ознакомился с одним из таких документов… Штаб бригады располагался в полусожженном селе. Война опалила эту лесную округу своим мертвящим дыханием и откатилась дальше. Жителей в селе почти не осталось. Гитлеровцы заглядывали сюда редко, проездом. Вынужденная трехдневная остановка бригады превратилась для партизан в отдых. В один из вечеров Воскресенский, возвращаясь с политбеседы из отряда Паутова, решил зайти к Герману. На улице было уже по–зимнему студено. Шел дождь вперемешку со снегом. А в окошке у заместителя комбрига по разведке светился огонек.

В сенях Воскресенского встретил ординарец Германа Гриша Лемешко. Молодой партизан был по–юношески влюблен в своего командира и следовал за ним повсюду: в бою старался быть рядом, в походе следил за его питанием, на отдыхе чутко охранял командирский сон. Ответив на приветствие, Воскресенский спросил:

— Что делает Александр Викторович?

— Це треба подсмотреть, — мешая украинские и русские

слова, сверкнул улыбкой Лемешко и приоткрыл дверь в комнату.

Герман стоял у окна. В одной руке дымящаяся трубка, в другой какая-то замусоленная бумажка.

Воскресенский залюбовался сильной, мускулистой фигурой и одухотворенным, красивым лицом старшего лейтенанта. Постояв несколько секунд молча, распахнул дверь и вошел со словами:

— Что читает и о чем мечтает начальник разведки?

Герман вздрогнул, затем приветливо шагнул навстречу:

— Добрый вечер, Михаил Леонидович. А вы угадали — действительно мечтаю. И знаете о чем? — И, не давая возможности собеседнику ответить, горячо продолжал: — Мечтаю о том грядущем дне, когда вот такие бумажки мы будем получать не из наших, а из немецких городов.

Воскресенский, осторожно взяв письмо, прочел:

> «Дорогой кум!
>
> Вчера я была в нашем районном центре. Там большой базар. Продается много гусей, уток и кур. Своими глазами видела больше полсотни гусей, около сотни уток, а курам и счету нет. Но цены сердитые. Гуси стоят от 75 рублей до 155 рублей. Много спекулянтов. Так что, кум, на этот базар надо ехать с большими деньгами. Остаюсь любящая тебя кума
>
> Василиса Прохоровна».

— Что за белиберда? Базар какой-то, спекулянты, гуси, кума любящая… — Воскресенский вопросительно посмотрел на Германа. Тот улыбался уголками губ.

— Ценнейшее донесение нашей разведчицы, Михаил Леонидович. И расшифровка простая: базар — штаб, спекулянты — полевые войска, гуси — орудия, утки — минометы, куры — пулеметы, цены на гусей — калибр пушек. А что касается больших денег — так это совет нам с вами: решим нападать — нужно нападать всей бригадой. А еще лучше…

— Что лучше?

— Чтобы штаб фронта прислал на утренней зорьке эскадрилью бомбардировщиков «куме» на помощь.

Засиделись за полночь. О многом переговорили под неумолчный шум дождя. Начальник политотдела был приятно удивлен широкими познаниями разведчика о театре, о музыке.

Утром, когда бригада становилась на марш, над опушкой леса проплыло звено бомбардировщиков с красными звездами на крыльях. Их сопровождал юркий «ястребок». Вскоре за полотном

железной дороги ухнуло несколько взрывов. В той стороне, где находился город, на серый свод неба лег отблеск большого пожара.

В январе 1942 года 2–я Особая партизанская бригада начала диверсии в районе стратегически важного железнодорожного треугольника, образуемого станциями Невель — Великие Луки — Новосокольники. Первый сильный удар партизаны обрушили на станцию Насва, расположенную на железной дороге Новосокольники — Ленинград.

План Насвинской операции готовили вместе начальник штаба Белаш и Герман. Командовать ночным налетом на станцию Литвиненко поручил Герману.

Успех дела решила тщательно проведенная разведка. Под видом нищих люди Германа побывали в поселке и на железнодорожной станции: установили систему патрульной службы, разведали огневые точки.

Выступили в ночь. Рядовые партизаны ехали на повозках, Герман и командиры групп — верхом. В двух километрах от Насвы оставили лошадей в перелеске и начали обтекать станцию, стремясь отрезать ее от поселка. Бывшие «нищие» в маскхалатах добрались до часовых и бесшумно сняли их.

Ударили дружно. Забросав гранатами станционные постройки, подрывники прорвались к железнодорожным путям и начали уничтожать стрелки. Другая группа партизан перебила охрану станции. Остальные бойцы по указанию Германа заняли оборону на небольшой высотке у большака. Подразделение гитлеровцев, спешащее из поселка на помощь, было встречено сильным пулеметно–ружейным огнем и пробиться к пылающей станции не смогло.

Комендант новосокольнического гарнизона, узнав о налете на Насву, вызвал из города Великих Лук бронепоезд. Но поезд в пути замешкался. Миновав разъезд Шубино, боясь наскочить на мины, шел медленно, бросая перед собой в темень ночи яркие дуги трассирующих пуль. Появился бронепоезд у Насвы, когда над развороченным полотном железной дороги гасли последние звезды. Партизаны в это время были уже далеко.

За Насвой последовали налеты на станции Выдумка и Маево. Дерзкие подрывы немецких эшелонов были произведены на участке железной дороги Новоеокольники — Себеж. Подрывники из группы лейтенанта Пахомова совершили несколько диверсий на Ленинградском шоссе севернее и южнее Пустошки.

От латвийской границы бригада повернула на восток, на территорию Красногородского и Опочецкого районов. Боеприпасы были на исходе, и Литвиненко приказал избегать крупных стычек.

Чтобы оторваться от карательных отрядов, которые назойливо появлялись теперь на дорогах по маршруту бригады, партизаны углубились в леса. Шли долгими часами по глухомани, мимо корабельных сосен и столетних елей, стрелами взметнувшихся в поднебесную синь.

В апреле 1942 года 2–я Особая партизанская бригада без выстрела перешла линию фронта. Шестимесячный рейд по глубоким тылам немецко–фашистских войск был завершен. Основные задачи, поставленные командованием Северо–Западного фронта, выполнены.

Маневр. Атака. Победа

…По грязи и воде идут усталые вооруженные люди. Над растянувшейся более чем на полкилометра колонной, шелестя и подвывая, проносятся снаряды. Августовская ночь скрадывает идущих впереди, и тому, кто впервые стал на партизанскую тропу, кажется, что отряды сбились с пути и движутся они прямо под огонь врага. Раздается чей-то взволнованный голос:

— Кто ведет колонну?

Тревожные слова, как живые существа, прыгают с кочки на кочку и пропадают где-то впереди, в мелком заболоченном ельнике. Через минуту оттуда по цепочке приносится ответ:

— Колонну ведет Герман.

Успокаиваются люди и опять идут по болотной жиже, по кочкам, сквозь густые секущие кусты. Но вот в мертвенном свете ракеты впереди мелькнула лента шоссе. Слышно, как о камни цокают пули. Отряды подтягиваются. Быстрая перебежка. Еще одна. Кто-то громко вскрикнул. У кювета разорвалась граната. В небо взлетают десятки немецких ракет. Но шоссе уже, как и раньше, пусто…

Так, потеряв одного человека убитым и имея четырех бойцов ранеными, выходила во вражеский тыл 3–я бригада ленинградских партизан. Было это в начале августа 1942 года. Вел новое партизанское соединение через линию фронта капитан Герман.

Костяком 3–й бригады стали бойцы 2–й Особой; Литвиненко, Белаш и некоторые другие командиры были отозваны в армию. Бригаду пополнили добровольцами — молодежью из прифронтовых районов Ленинградской области, хорошо вооружили. Был назначен новый комиссар — кадровый армейский политработник Андрей Иванович Исаев. Подчинили бригаду непосредственно Ленинградскому штабу партизанского

движения.

Удачно миновав в составе пяти отрядов передний край противника в районе шоссе Холм — Старая Русса, 3–я бригада направилась к границам Партизанского края. О существовании в тылу врага этой «лесной республики», жившей по законам Советской власти, Герман впервые услышал по радио во время рейда к латвийской границе. Литвиненко, комментируя тогда сообщение Совинформбюро об успехах «бригады товарищей В. и О.», говорил командирам 2–й Особой:

«Молодцы хлопцы! Большое дело сробили. Знай, мол, наших — были, есть и будем советскими!»

Осенью 1941 года партизанская бригада Васильева и Орлова стала главной военной силой Партизанского края. Словно ручейки в большую реку, влились в нее прежде разрозненные отряды. И сейчас, спустя год, она несла на своих плечах основную тяжесть боев с карателями. Но обстановка к августу 1942 года изменилась. Фронт требовал от партизанских бригад и отрядов смелых действий на всей оккупированной территории Ленинградской области, и особенно на коммуникациях. В новых условиях было бы непростительно на длительное время приковывать значительные партизанские силы к одному, даже весьма важному, району.

Герман понимал это, как никто другой. Получив от Васильева указания оборонять северо–западный сектор края, он с ходу вводит отряды 3–й бригады в бой. Отбивая яростные атаки карателей в районе деревни Вязовки, комбриг-3 бросает в дерзкие вылазки отряд Пахомова и пулеметную группу Лебедева. Умело применяя тактику засад, бойцы захватывают трофеи, пленных.

— Меньше обороняться, больше нападать, — требует комбриг от своего штаба и командиров отрядов. Для многих партизанских вожаков девизом становятся слова донесения Германа Васильеву: «Иду на риск. Снимаю всех с обороны. Наступаю».

20 августа Герман радиограммой доносит оперативной группе руководства партизанским движением:

«Бригада дерется с 9. VIII ежедневно. В боях убито солдат и офицеров 570. Подбито танков — 5, из них 1 сожжен. Уничтожено 11 пулеметных точек. По документам убитых выявлено: дерется против нас 4–й заградительный полк и бронетанковая часть».

Большие потери были и у защитников края. Ленинградский штаб партизанского движения приказывает рассредоточиться отрядам, участвовавшим в последнем сражении за «лесную республику». Герман по частям выводит бригаду в Стругокрасненский район, к важнейшим коммуникациям гитлеровцев. Разведчики доносят: район кишит войсками, почти в

каждой деревне размещен немецкий гарнизон.

Измученные беспрерывными трехнедельными боями, партизаны не имеют возможности передохнуть, собраться с силами. Лес, где разместилась бригада, блокирован. В отрядах на исходе провиант, взрывчатка, много раненых. В строю всего лишь две сотни людей.

— Здесь оставаться нельзя, — говорит Герман Исаеву. — Погубим народ. А уж если погибать, так лучше в бою.

Комиссар разделяет точку зрения комбрига. Вновь звучит команда: «В ружье!».

И бойцы, усталые и голодные, идут снова в бой. Кольцо вражеского окружения удается прорвать. После изнурительного ночного перехода бригада обосновалась в болотистых лесах северо–западнее Порхова.

…Тягуче уходит время. Вот уже третий день ожидают партизаны самолеты с грузом. А самолетов нет. Вчера утром комиссар бригады разделил рюмкой последний запас горохового супа–пюре. Еду выдали только раненым. Здоровые бойцы — на «подножном корму». Пуст октябрьский лес. Пусты и желудки партизан.

Весь день сегодня брызгал мелкий противный дождь. Под вечер он немного угомонился, но дождевые вихри нет-нет да и ударят по сидящим у костров бойцам. Жмутся к огню люди.

У штабного костра группа командиров. Разговаривают. Обсуждают создавшуюся обстановку. Герман в ватнике и в любимой им кавалерийской фуражке стоит поблизости. Попыхивая трубкой, прислушивается. У костра кто-то предлагает:

— Уйти в Пустошкинские и Невельские леса нужно. Силенок у нас маловато, а карателей здесь полно. Что мы, привязаны что ли к ленинградской земле? Окрепнем — вернемся.

Герман вмешивается, с негодованием отвергает это предложение :

— Мы не должны забывать, что мы — ленинградские партизаны. На нас Родина возложила одну из почетнейших задач — защиту города Ленина. Нет для нас более священной обязанности. Немцы очень бы хотели, чтобы мы ушли отсюда. Но мы не уйдем! Мы будем драться до последнего, но нашему долгу перед городом Ленина не изменим!

Резкие слова Германа взбудоражили людей. Заговорили сразу несколько человек:

— Прав комбриг, нам нельзя из Ленинградской области уходить.

— Эх, побольше бы людей, да и район бы другой!

Последнее восклицание принадлежит Ивану Васильевичу

Крылову, новому начальнику штаба бригады.

И опять говорит Герман. Речь его по–прежнему горяча, но он уже, как всегда, собран, хладнокровен:

— Да! Хорошо бы побольше иметь бойцов в отрядах. Это правда. Но я верю и знаю: придут к нам люди. Но придут лишь тогда, когда мы не будем привязаны к лесным лагерям. И вот здесь наш уважаемый Иван Васильевич неправ. Тяжело нам сейчас, и все равно нельзя трехцветным карандашом обводить на карте «свой район», «свой край». Поступать так — это мыслить масштабами сорок первого года. От этого пора отвыкать. Помните, как Ватутин давал наказ Литвиненко: маневр и еще раз маневр. Вот наша тактика! А повяните знаменитое «подпалыв и тикай»?

Комбриг на секунду умолк, оглядел повеселевшие лица своих помощников и уже спокойнее продолжал:

— А обстановку в районе нужно и можно оздоровить. Хирургическим путем, конечно. Будем поодиночке уничтожать небольшие немецкие гарнизоны и прочно становиться в освобожденных деревнях на постой. Первой такой деревней определяю Красное Щекино. Выход сегодня, — Герман посмотрел на часы, — в девятнадцать ноль–ноль. Прошу подготовить людей.

Когда Герман повернулся и ушел, Ситдиков, первым поднявшийся от костра, восхищенно воскликнул:

— Ну и голова! Цены нет! Ведь это он все заранее взвесил и решил.

У Александра Викторовича действительно была светлая, умная голова. Но Ситдиков, говоря «цены нет», несколько, так сказать, «уклонился от истины». Гитлеровцы, взбешенные дерзкими операциями партизан 3–й бригады (в октябре под откос уже полетели первые немецкие эшелоны), «оценили» голову Германа в 400 тысяч марок, а за доставку в гестапо живого комбрига дополнительно обещали хутор, две коровы и лошадь.

Ноябрь и декабрь 1942 года, всю зиму и весну 1943 года германовцы провели в непрерывных походах, базируясь не в лесах, а в деревнях, из которых с боями изгонялись оккупанты. Отряды партизан ночью совершали стремительные марши (иногда по 40–50 километров) и появлялись в самых неожиданных для врага местах Порховского, Славковского, Пожеревицкого, Новоржевского и других безлесных районов. Неотвратимые удары, быстрый отход до прибытия крупных вражеских сил, умение рассредоточиться на мелкие группы, а в нужный момент по радиоприказу собраться в кулак создали германовцам славу неуловимых «ночных призраков».

Тактика гибкого маневра, девиз Германа «Искать,

преследовать и истреблять врага!» нашли единодушную и самоотверженную поддержку местных жителей. Они пополнили ряды бригады, численность которой к первомайскому празднику 1943 года достигла почти 2 тысяч человек. Каждый четвертый партизан был коммунистом.

Это была большая сила. И направляла ее рука талантливого мастера партизанской войны. Действия Германа отличали то хитрость, то дерзость, то безудержная удаль. Еще не успели прийти в себя фашисты от мощного ночного взрыва на железной дороге у Порхова (диверсия была совершена буквально под носом у крупного фашистского гарнизона), как телеграф принес в штаб 16–й немецкой армии новую неприятную весть. С помощью ложного маневра Герману удалось вывести из-под двухстороннего удара из деревни Памжино один из своих отрядов. Более того, он столкнул лбами два вражеских батальона. Каратели в течение двух часов обстреливали друг друга.

Стоустая молва, во много раз увеличивая численность 3–й бригады, сеяла страх не только среди полицаев и старост, но и в подразделениях фашистских регулярных войск. Был случай, когда при нападении партизан на немецкий гарнизон в деревне Скуратово «солдаты фюрера», не приняв боя, покинули негостеприимное селение в исподнем белье. В другой раз, на большаке Выбор — Остров, случился обрыв проволочной связи. В воронцовском гарнизоне кто-то пустил слух: «Связь порвали партизаны, они движутся на поселок». Струсивший комендант гарнизона приказал открыть артиллерийский огонь по предполагаемому маршруту бригады. Семьдесят снарядов разорвалось на большаке и в кустарнике вблизи него. Были убиты… один полицай и его лошадь, случайно оказавшиеся в зоне обстрела.

«Оздоровляя» обстановку в районе боевых действий бригады, Герман никогда не забывал об основной задаче, поставленной перед соединением. Фронт чувствовал руку партизанского комбрига на вражеских коммуникациях. Когда в начале февраля 1943 года завершалось сражение по ликвидации демьянского плацдарма, 3–я бригада нанесла ощутимый удар противнику в оперативном тылу 16–й немецкой армии. В ночь на 8 февраля германовцы совершили внезапное нападение на железную дорогу, связывающую две важнейшие магистрали — Витебскую и Варшавскую. Отряд Ситдикова в 0 часов 45 минут, стремительной атакой сбив охранение на станции Подсевы, ворвался на железнодорожное полотно. Партизаны уничтожили телеграф, семафоры, входные и выходные стрелки, сожгли ремонтные мастерские и здание вокзала. Одновременно с разгромом станции

был сделан налет на железнодорожный мост через реку Узу. Подрывники из отряда Григория Быкова перебили всех до единого часовых и патрульных, спокойно расположились у гранитных опор моста и взорвали его по всем правилам партизанской науки.

Дорогу на участке Дно — Псков фашистам пришлось закрыть на три дня. На узловых станциях скопились эшелоны. На это и рассчитывал штаб Северо–Западного фронта. 10 февраля над Псковом, Порховом и Дном появились советские бомбардировщики. Они превратили в груду обломков сотни вагонов с вооружением и боеприпасами.

Гремят взрывы на дорогах, а Герман недоволен. Склонившись над картой, он спрашивает Крылова:

— Почему вот здесь и вот тут остались целы мосты?

— Александр Викторович, так ведь распутица! Не удалось ребятам пробраться туда.

— Не удалось или не умеют?

— И то и другое.

— Так вот, в этом другом виноваты мы с вами, Иван Васильевич. Учить людей надо.

В лице Крылова Герман имел инициативного, энергичного помощника. Начальник штаба понимал комбрига с полуслова. На другой день после этого разговора командиры диверсионных групп под руководством ветеранов–подрывников уже проходили теорию и практику минирования мостов в половодье. Возвращаясь мокрые и усталые после форсирования водной преграды у шоссе, шутили:

— Тянет нашего комбрига к «железке», как магнитом. Вот и открыл в марте купальный сезон.

Такие занятия в бригаде не вызывали ни у кого удивления. С конца 1942 года германовцы часто, по меткому выражению Ситдикова, «садились за парту». Под руководством Германа, Крылова и других командиров изучалось трофейное и новое отечественное оружие, тщательно разбирался накопленный опыт набеговых операций и диверсий на коммуникациях. Под началом комиссара бригады Исаева весной и летом 1943 года работали курсы по подготовке командно–политических кадров. Крылатыми стали слова, сказанные однажды Германом на разборе операции: «От волочаевских дней осталась только песня. Все остальное ново — и средства и методы войны». И этому новому германовцы в ходе боев упорно учились.

Все это пригодилось, особенно тогда, когда в разгар сражения под Орлом и Курском ленинградские партизаны начали в широких масштабах рельсовую войну на коммуникациях группы

фашистских армий «Север». Во время первого массированного удара 3–я бригада действовала в полном составе. На день операции был установлен пропуск «За Ленинград!». С именем любимого города на устах германовцы блестяще справились с задачей, поставленной перед бригадой штабом партизанского движения. На железнодорожных ветках Псков — Порхов и Остров — Псков на многие километры протянулись сплошные рытвины и ямы, мостов не было, вдоль насыпей чернели обломки телеграфных столбов. Движение на дорогах удалось сорвать на несколько дней.

Через две недели бригада повторила массированный налет на дорогу Псков — Порхов. Было взорвано около 3 тысяч рельсов, 9 железнодорожных мостов, сожжено 4 склада с инженерным имуществом, уничтожено 40 вагонов и убито более 200 гитлеровцев.

Успешными были действия и других бригад. Тыл фашистских войск лихорадило. Гитлер в специальной директиве отмечал угрозу паралича железных дорог под Ленинградом.

В рельсовой войне партизанам теперь охотно помогали сотни добровольцев. Старики и подростки из близлежащих деревень делали завалы на большаках и проселках, на пути следования восстановительных немецких команд. По ночам вдоль дорог дружно скрипели пилы, и сотни телеграфных столбов валились в кусты. В те дни на деревенских посиделках молодые псковитянки дерзко распевали частушку:

Эх, люблю я партизана,
Русскую фамилию.
Все столбы перепилил
И испортил линию.

Имя Германа вызывало бешенство у командующего охранными войсками генерала Шиеймана. У карателей с неуловимым комбригом были старые счеты. Сколько раз он трепал их по частям! Сколько раз уходил, казалось бы, от неминуемого разгрома!

Крупными силами, с участием полевых войск, карателям удалось еще в марте блокировать партизан 3–й бригады в населенных пунктах Ровняк, Ново–Волосово, Лошково, Малыгино, Хазаново. Тринадцать часов продолжался ожесточенный бой. По германовцам стреляли десятки орудий. А что получилось?

Конфуз получился. На исходе дня Герман, оставив в районе

боя сковывающие группы, создал ударный кулак из бойцов полков Пахомова и Ситдикова и внезапным налетом с тыла прорвал кольцо окружения.

В бессильной злобе фашисты учинили дикую расправу над жителями деревни Палицы — заперли в сарай 83 человека и сожгли…

Спустя некоторое время каратели вновь, имея превосходство в технике и людях, настигли бригаду. Трижды атаковали они деревни Трубецково и Мыльнево — и все безрезультатно. И опять ударом с фланга невесть откуда взявшегося полка Худякова были опрокинуты, потеряли 4 танка, 1 орудие, много убитых и раненых.

Совершая марши–броски с целью разгрома фашистских гарнизонов, ускользая от преследования карателей, 3–я бригада останавливалась во многих деревнях Псковщины.

И не было случая, чтобы при размещении бригады в деревне Герман не выбрал бы времени для беседы с крестьянами, особенно со стариками.

— Я со старейшими займусь, — говорил он Воскресенскому, — а вы, Михаил Леонидович, со своими политотдельцами — к молодежи поближе.

Обычно такие беседы проходили на завалинке у какой-нибудь избы. Герман являлся в гимнастерке цвета хаки, перетянутый портупеей и ремнем, в синих галифе и русских сапогах, начищенных до блеска. На груди комбрига золотились два ордена, на погонах, недавно введенных в Красной Армии, серебрилась майорская звезда, сбоку висел маузер.

— Енерал, настоящий енерал, — восхищенно шептал кто-нибудь из дедов.

Поздоровавшись и угостив всех табачком, Александр Викторович уважительно спрашивал:

— Ну как, отцы, жизнь складывается?

Попыхивая трубкой, слушал немудреные рассказы про горести, потери. Выслушав, обстоятельно рассказывал о положении на фонтах, о мужестве Ленинграда, советовал, как жить дальше, что делать для приближения победы.

Нравились крестьянам беседы «с самим Германом». Они верили его словам о близком конце власти оккупантов и дарили ему тепло своих сердец.

Как-то, когда штаб 3–й бригады стоял в Пожитове, Герман вдруг слег. Лихорадило. Ломило голову. Ртутный столбик градусника подскочил до черты с цифрой 39. О болезни комбрига узнали жители окрестных деревень. Рано утром следующего дня в окно избы Шпиневых раздался осторожный стук. Клавдия

Яковлевна выглянула в окошко.

— Выдь-ка на минутку.

На дворе стоял босой старик. Он протянул Клавдии Яковлевне чашку:

— Тут медок. Из лесного улья достал. Целебный. Покорми-ка нашего заступника.

Через полчаса опять стук. У окна девчушка лет десяти из соседней деревни Туча:

— Тетя Клавдия! Вот мамка масла свежего посылает. Александра Викторовича просила откушать.

Протянула тарелку, накрытую тыквенным листком, сверкнула улыбкой и убежала.

А в полдень не выдержала младшая Шпинева — шестнадцатилетняя Нина, помогавшая политотдельцам переписывать сводку Совинформбюро. Попросила Воскресенского :

— Прикажите, чтобы мне пропуск дали. Я за гору сбегаю, где ваш полк стоит. Одно местечко знаю, малина там должна уже поспеть. Насбираю Александру Викторовичу.

— А Ирина Захаровна отпускает тебя так далеко?

— Мамка-то? Так она сама собиралась, да я быстрее обернусь.

Вечером Нина и Клавдия Яковлевна угощали своего постояльца чаем с малиной.

— Неужели малина бывает черной? — рассматривая сочные ягоды, спрашивал Герман. — Я такой ни разу не видел.

— А вы попробуйте да поешьте как надо. Хворь и выйдет.

Через два дня Герман поправился. Увидев его бодрым и здоровым, приехавший в Пожитово Исаев радостно воскликнул:

— А мне говорили — комбриг болен, лежит, встать не может. Что подняться помогло?

— Любовь людская, Андрей Иванович. — Герман немного помедлил и, обаятельно улыбнувшись, заключил: — Чудесное это лекарство, комиссар!

Житницы, сентябрь 1943 года

…5 сентября 1943 года. Хороший теплый день. Солнце не палит, а душно. У партизанских командиров, стоящих у полуразрушенного сарая на окраине деревни Шарихи, расстегнуты воротники гимнастерок и рубашек. Вид у всех усталый.

Вот уже четвертые сутки бойцы 3–й бригады отбивают натиск

врага. Фашисты предприняли против ленинградских партизан крупнейшую карательную экспедицию. Выполняя директивы Гитлера об очистке тыла от «лесных банд», генерал Шпейман делает последнюю попытку уничтожить партизанские соединения и отряды, действующие в южных районах Ленинградской области, или хотя бы отбросить их от важнейших коммуникаций.

С этой целью в одном только Новорожевском районе он сосредоточил до 14 тысяч войск с тяжелыми орудиями, танками, самолетами. Основные силы карателей направлены против 3–й бригады. Маневр Германа скован — второй день штаб бригады принимает самолеты с Большой земли и эвакуирует тяжелораненых.

В воздухе гул мотора. Партизаны укрываются под навесами и деревьями. Со стороны города Острова появляется самолет. Он летит низко, и из него вываливаются какие-то тюки. На половине дороги до земли они распадаются на сотни розоватых бумажек. Начальник разведки Панчежный, поплевав на пальцы, ловит один из листков:

— Гляди: адресовано прямо к нам.

Командир штабного отряда Костя Гвоздев читает вслух:

> «ПАРТИЗАНАМ 3–й БРИГАДЫ!
>
> Партизаны! Вы окружены шестью тысячами регулярных войск. Ваше положение безнадежно. Не сопротивляйтесь, иначе погибнете под огнем германских пулеметов и пушек. Сдавайтесь! Лучше почетный плен, чем бессмысленная смерть. Эта листовка служит пропуском при сдаче в плен.
>
> *Германское командование*».

Сыплются колкие, иронические возгласы:

— Спустил, видать, Гитлер штаны Шпейману. Агитацией занялся, старый черт.

— Ишь, сучий рот, вежливое обращение шлет. Раньше все виселицей грозился.

— Забыл, видать, как сам еле ноги из-под Михайловского унес.

— «Погибнете…» Держи карман шире. Раскудахтались. Удалось картавому крякнуть, а теляти волка съесть.

Сзади группы, окружившей Гвоздева, раздалось негромкое:

— Смех смехом, товарищи. Но фашисты все же в одном месте листовки почти не лгут. Я имею в виду количество их войск, окруживших бригаду.

Эти слова произнес Герман, незаметно подошедший к сараю. Вынув карту, комбриг продолжал:

— Вызвал я вас посоветоваться. Положение бригады критическое. Иван Васильевич, доложите товарищам общую обстановку.

Герман задымил трубкой, и сразу же у всех присутствовавших на совещании появились в руках «козьи ножки». Говорили в сизом махорочном дыму. Докладывали коротко, предложения высказывали твердо, решительно… Обстановка была действительно очень сложной. Линия окружения уплотнялась. Единственным местом, где еще не появлялись гитлеровцы, была небольшая деревушка Житницы, расположенная на холмах, окруженных перелесками.

Выслушав мнение Крылова, заместителей командиров полков по разведке, Панчежного и Воскресенского (начальник политотдела заменял комиссара, вызванного несколько дней назад в Валдай), Герман принял решение укрыться на время в Гугодевских лесах, идти туда через Житницы. Уточняя маршрут и порядок движения, он предупредил командиров полков Синяшкина, Худякова, Ефимова и Ярославцева, что надежда на прорыв без боя весьма призрачна.

Когда сгустились сумерки, бригада начала движение на юг. Шли молча, долго. Колонна растянулась. Неожиданно гнетущую тишину разорвала пулеметная дробь. В Житницах, как и предполагал комбриг, уже обосновался вражеский батальон, усиленный минометным и артиллерийским подразделениями. Герман приказал Худякову выбить фашистов из деревни.

Вначале шло хорошо. Бойцы Худякова смелой атакой смяли неприятеля и пробили брешь в заготовленной для партизан ловушке. Но тут случилось непредвиденное. 4–й полк (он состоял в основном из новичков–партизан) не вошел сразу в прорыв. Гитлеровцы опомнились и, обрушив на партизан сильный огонь с флангов, вновь появились у объятых пламенем изб.

— Черт побери! — впервые взорвался Герман. — Какой промах!

Комбриг понял: еще немного, и случится непоправимое — фашисты наглухо закроют проход. Нужен новый рывок. Сильный. И немедленно.

— Штабной отряд, ко мне!

Партизаны Кости Гвоздева сгрудились вокруг комбрига. Молодые, но опытные бойцы — гвардия бригады, не раз ходившая в лихие атаки.

— Орлы, на вас надеюсь. Вперед!

Вот как дальнейший ход боя описывает в своих

воспоминаниях Воскресенский:

«Отряд, не останавливаясь, шел вперед, на пригорок. Ребята бежали, стреляя на ходу, ложились и стреляли лежа и снова вскакивали, чтобы бежать вперед. Герман, в развевающемся плаще, с высоко поднятым маузером, шел спокойно, точно шагал не навстречу потоку пуль, а навстречу ветру. Ночную темноту густым пунктиром прошивали трассирующие пули. Треск автоматов и пулеметных очередей, разрывы мин слились в сплошной грохот боя.

Германа нагнал Миша Синельников, ординарец Крылова:

— Иван Васильевич ранен!

— Позаботься о нем, Миша, — ответил Герман.

— Александр Викторович! — вскрикнул вдруг Гриша Лемешко, повернув к Герману залитое кровью лицо.

— Гриша, голубчик! Скорее назад, в санчасть.

Отряд устремился к деревне. Выбитые с пригорка немцы вели еще более ожесточенный огонь из деревни и откуда-то сбоку.

— Я ранен, — склонился ко мне комбриг. — Но молчи, Михаил Леонидович, молчи!

— Шура! — позвал я медсестру Кузниченко. — Бинты!

Нехотя остановившись на перевязку, Герман приказал:

— Не мешкать! Быстрее атакуйте деревню!

Отряд Гвоздева ринулся в деревню. Оставив Германа на попечение Шуры Кузниченко, я бросился догонять бойцов. Мы бежим огородами, по грядам. Впереди, у освещенной стены, мечутся немцы и падают под нашим огнем.

Штабной отряд выполнил задачу. Путь для бригады был открыт. За деревней нас догнал Миша Синельников, он нес планшетку и маузер Германа:

— Убили комбрига!

Это было так неожиданно, что в первое мгновение мы ничего не могли сообразить. Оказывается, Александр Викторович, как только увидел, что штабной отряд ворвался в деревню, отогнал от себя санитаров и бросился догонять нас. С маузером в руке он вскочил в деревню, но на ее окраине, у заросшего пруда, пошатнулся и упал. Две вражеские пули пробили его голову навылет»…

Житницы, сентябрь 1963 года

Жизнь разметала героев народной войны по всей стране. Но где бы ни были ветераны–германовцы, они свято хранят память о своем бесстрашном комбриге. В день двадцатилетия со дня его

гибели решено было собраться в Новоржеве — городе, вблизи которого долгое время действовала 3–я Ленинградская партизанская бригада.

В ясный, погожий день 7 сентября 1963 года сотни людей пришли к трибунам парка. В Новоржев приехали делегации Ленинграда, Пскова, представители Ленинградского военного округа, из Горького прилетел бывший комиссар бригады Исаев, из Великих Лук — комбриги калининских партизан Марго и Халтурин. Дорогими гостями псковичей были сын героя Альберт Герман — офицер Советской Армии и сестра героя — Анастасия Викторовна, артистка Ленинградского театра юного зрителя.

О подвиге советских людей в минувшей войне, о мужестве, проверенном стократ, взволнованно говорят первый секретарь Псковского обкома КПСС Иван Степанович Густов и секретарь Смольнинского райкома партии Ленинграда Иван Андреевич Носиков.

В парке сотни людей, но слышно каждое слово партизан-ветеранов Николая Яковлевича Богданова и Михаила Леонидовича Воскресенского.

Звучат ломкие детские голоса. Новоржевские пионеры славят доблестного сына Ленинграда, ставшего близким и дорогим жителям героической Псковщины.

Ранним утром следующего дня все мы, приезжие, вместе с сотнями новоржевцев направились к деревне Житницы — месту гибели Германа. Сейчас там раскинулись поля колхоза, носящего имя славного ленинградского партизана.

…Житницкие холмы. Поля, покрытые валунами. На горизонте — лесистые горы. Суровый пейзаж, созвучный картинам Васнецова.

Под звуки салюта спадает покрывало с обелиска. В каменный памятник вмурована доска, повествующая о последнем бое легендарного комбрига, удостоенного высокого звания Героя Советского Союза. Под доской автомат. У обелиска стоит молодой офицер. Он говорит, сдерживая слезы:

— Спасибо вам, дорогие псковичи, за то, что храните память о моем отце. Я и мои товарищи ни разу не слышали свиста пуль, но мы не дрогнем, если придет час испытаний. Мы идем дорогой отцов, а это верная, столбовая дорога.

К обелиску подходят дети, девушки, женщины. Они кладут на холм, где пролил свою кровь Герман, цветы родных полей — ромашки, васильки. Вот над камнями наклоняется красивая молодая женщина. На букет незабудок, который она опускает к обелиску, капают слезы, как градинки — чистые, прозрачные. Не она ли босоногой девчушкой прибегала двадцать лет назад к

больному Герману со скромным деревенским подарком?

Лейтенанта Германа окружили пионеры. О чем расспрашивают они Альберта? Слышны слова: ракета, космос… Смотрит на них Исаев и тихо роняет:

— Эх, Саша, Саша, поглядел бы ты на сына…

У обелиска целая семья, приехавшая из Пскова. Муж и жена — бывшие партизаны. Стоят молча, вспоминая что-то далекое, но драгоценное. Мальчонка лет семи тормошит отца:

— Папа, а из-за какого камня стрелял Герман?

Отец поворачивает взволнованное лицо к сыну и показывает на валун, лежащий в основании обелиска:

— Кажется, вот из-за этого, Петя.

И кто-то рядом подтверждает:

— Точно. Он тогда у пруда лежал.

Рождается легенда…

С ветераном Кировского завода ударником коммунистического труда Михаилом Семеновичем Тишуковым и ленинградским журналистом Игорем Захорошко мы спускаемся с холма к лощине, откуда бросил Герман своих гвардейцев на прорыв. Из-за кустов нам навстречу выходят деревенские ребятишки — мальчуганы лет по одиннадцати. Впереди вихрастый голубоглазый вожак с деревянной саблей в руке. «Отряд» идет с песней — любимой песней партизан:

Скорей умрем, чем встанем на колени,
Но победим скорее, чем умрем.

Легкий ветер подхватывает гордые слова и как клятву юных уносит их к обелиску на холме.

П. Шариков
ЧАСОВОЙ С ПОСТА НЕ УХОДИТ

Знакомые места

На этот раз им повезло. Удачно перелетели линию фронта, удачно приземлились и прямо с неба попали в крепкие объятия ковпаковцев. Правда, Сидор Артемьевич вначале заупрямился и не хотел отпускать десантников. Ему, как это понял Андрей, нужны были не столько десантники, сколько их оружие, которое, по его убеждению, само приплыло в руки и, следовательно, которое грешно было упускать.

Узнав, однако, подробнее о цели и планах десантников, дед оттаял и не только не стал задерживать, но даже дал им подводу.

— Только с условием: чтоб Гитлер от вас, як бис на раскаленной сковородке, прыгал. Добре?

— Хорошо!..

И вот на ковпаковской подводе они — семеро бойцов–десантников —пробираются на запад, в глубокий вражеский тыл. Едут проселками, преимущественно ночью. Днем отсиживаются в заброшенных лесных сторожках или же в глухих стоящих в стороне от большаков деревушках. У них строгий приказ: «В пути в схватки с немцами не ввязываться, иначе можно испортить все дело».

Стоит февраль сорок третьего года. Зима снежная, морозная. Все вокруг — в зимнем глубоком сне. Тишина и покой, лишь скрипит под полозьями лежалый снег. Эта знакомая с детства и милая сердцу картина русской зимы настраивает Андрея на мирный лад. Ему кажется, что нет ни войны, ни фашистов, что не гуляет по земле смерть.

Но следы войны не дают забыться. Они на каждом шагу. Торчат на ослепительно белом снегу черные пепелища, остовы обгоревших печей. Такой пейзаж встречается то и дело. Многие деревни, хотя и уцелели, но вымерли, в них нет жителей, бродят лишь одичалые кошки да собаки. А если люди и встречаются, то они угрюмы, суровы. Андрей ни разу за эти дни, как идет по земле, захваченной немцами, не слышал смеха. Кругом горе, беда, смерть.

Знакомая картина! Второй раз Андрей Михайлович Грабчак шагает этой дорогой.

Войну он встретил в Карпатах. Там командовал пограничной

заставой и ранним росистым рассветом 22 июня вместе со своими бойцами принял первый бой. Пятьдесят пограничников семь дней обороняли границу. Немцы били из орудий, мины перепахали все небольшое горное плато, где стояла застава. Казалось, все живое уничтожено. Но застава жила и сражалась.

На восьмые сутки, когда держать оборону дольше уже было бессмысленно, так как фронт ушел далеко от границы, пограничники по приказу командования покинули заставу. В первых боях они понесли незначительные потери: из пятидесяти солдат было несколько человек убито и до десятка ранено и контужено. Выручили оборонительные сооружения, которые солдаты оборудовали перед самой войной.

В пути к солдатам Грабчака мелкими группами и в одиночку присоединялись пограничники других застав, разбитых в боях на границе. Они выходили из лесов, из виноградников, из поспевавших хлебов. Вскоре застава насчитывала до трехсот штыков и была переформирована в батальон.

Путь батальона лежал через Львов, Каменец–Подольск, Винницу, Немиров… Шли с боями, которые то затухали, то разгорались с новым ожесточением. Пограничники отступали в арьергарде, зарывались в землю у переправ, на развилках дорог, на окраинах поселков, на скатах безыменных высот и своим огнем сдерживали натиск немцев, давали возможность другим подразделениям организованно выйти из боя. Приходилось иногда бросаться в рукопашную: другого выхода не было. Случалось, принимали бой с фашистскими танками. У пограничников, конечно, не было ни противотанковых орудий, ни опыта, были лишь связки гранат, бутылки с зажигательной смесью и неукротимое желание задержать, остановить врага, остановить, хотя бы ценой собственной жизни.

Не раз батальон попадал в окружение. В первое время это слово у многих необстрелянных бойцов вызывало панический страх, подавляло волю. Пограничники Грабчака не поддались общему гипнозу. Они убедились, что страхи преувеличены. Всякий раз они отыскивали во вражеском кольце брешь и, что называется, под носом у немцев уходили из-под удара.

Редели ряды батальона. Весь путь от границы до Волги усеян небольшими холмиками–могилами друзей. В первых боях на границе погиб комсорг Виктор Косарьков, москвич, веселый неунывающий человек. У маленькой деревушки Крестиновки Андрей потерял своего друга старшину Ивана Шелудько. Никогда он не забудет эту деревушку под Немировом. Там развернулись упорнейшие бои, продолжавшиеся несколько суток. Немцы бросили против батальона Грабчака танки, непрерывно бомбили с

воздуха, обстреливали из орудий и минометов. Чудом казалось, что в этом аду батальон жил. А он вопреки всему жил и сражался.

Под Крестиновкой Андрей потерял и своего заместителя— политрука Михаила Петровича Карамчука. Политрук получил там тяжелое ранение, и Грабчак не знает, то ли он попал в госпиталь, то ли ранение оказалось смертельным. Недолго они служили вместе, всего полгода, а подружились — водой не разольешь. Всегда спокойный, в добром расположении духа, Карамчук уравновешивал и сдерживал временами горячего и вспыльчивого Грабчака. Многому научился Андрей у своего комиссара.

Бывший учитель истории, Михаил Петрович никогда не расставался с книгой. Даже оставляя заставу, он захватил в свою походную сумку несколько томиков и на привалах, когда выдавался свободный часок, читал. В последнее время он штудировал, как любил говорить, трактаты Гельвеция «Об уме».

— Отличнейшая вещица. Обязательно, Михайлыч, прочитай. Жалеть не будешь. Вот кончу — бери, проглотишь, как роман.

Дочитал ли комиссар Гельвеция?..

Теперь у Андрея новый комиссар — Подкорытов. Хороший, боевой, побывавший во всяких переделках, и тоже пограничник. Они знакомы не первый год. В тридцать восьмом служили в Олевском погранотряде на соседних заставах. Именно поэтому в сорок третьем оказались вместе, и теперь во главе небольшой группы десантников глухими тропками пробираются в глубокий вражеский тыл. Андрей — командиром, Подкорытов — его заместителем по политчасти.

История их новой встречи такова. Когда Грабчак вместе с батальоном пограничников отступал от границы до Волги, у него не раз возникала мысль остаться в тылу, организовать диверсионный отряд, взрывать мосты, электростанции, пускать под откос поезда, беспощадно мстить фашистам за поруганную нашу землю. Но только долг командира удерживал его. Оказавшись за Волгой и сдав командование батальоном, от которого остался, собственно, лишь номер, Андрей мог осуществить свое желание. Он написал в Центральный Комитет партии Украины письмо, в котором подробно излагал хорошо выношенный и обдуманный план создания такого отряда.

Смысл плана состоял в следующем. Грабчак и еще несколько пограничников, которых он подберет по своему усмотрению, на самолете перелетят линию фронта и десантируются в районе города Олезска. Почему Олевска? Дело в том, что там проходит оживленная железнодорожная магистраль, по которой немцы день и ночь гонят к фронту войска, вооружение и боевую технику. Появление в этом районе подрывников–десантников, могущих

оседлать железную дорогу, было бы для немцев бельмом на глазу. Это во–первых. А во–вторых, Олевск и его окрестности Грабчак знает как свои пять пальцев. Здесь до сентября 1939 года проходила старая советско–польская граница, где он командовал пограничной заставой. Андрей знает здесь не только каждую тропку, он знает людей, на которых можно положиться. В ту пору у Грабчака в Олевских селах, на железной дороге было много друзей, которые бескорыстно помогали заставе охранять границу, вылавливать агентов гитлеровской и панской разведок.

В письме Андрей заверял ЦК в том, что, если ему будет оказано столь высокое доверие, он обязательно оправдает его.

Вскоре Андрея отозвали из резервного полка, стоявшего под Саратовом, и направили в распоряжение штаба партизанского движения Украины.

— Предложение ваше одобрено. Так что действуйте. Подучим немного, и в путь, — сказал Грабчаку Тимофей Амвросиевич Строкач, начальник партизанского штаба.

Грабчаку было разрешено подбирать в отряд людей по своему усмотрению. Он разыскал Подкорытова и попросил назначить его политруком. Штаб отряда возглавил Павел Голдобин, луганский слесарь, очень вдумчивый и неторопливый человек. Остальные ребята подобрались тоже стоящие, смелые. Радистами назначили Володю Седашева и Васю Гончарова. Это были безусые хлопцы, но радиодело знали отлично. Подрывником стал Федор Задорожный. Был в отряде и пулеметчик — суровый на вид Иван Мороз. И опять-таки охочие на шутку десантники прибавили к его фамилии слово «воевода». Так и звали «Иван Мороз–воевода».

Когда приземлились, их было семеро, а когда добрались до Олевска — места назначения, отряд уже насчитывал 47 бойцов. Жители деревень, куда заходили десантники, чутьем узнавали в людях Грабчака партизан и просили, умоляли взять с собой. Отказывать не было никаких сил: столь велико и искренне было у советских людей желание лично, своими руками бить фашистов.

В одной из деревушек, затерявшихся в лесной стороне, пожилая женщина привела к Андрею двух своих сыновей — первому было лет восемнадцать, другому — около шестнадцати. Одного звали Володей, другого Василием.

— Возьми, товарищ командир, моих хлопчиков. Они славные ребята. Пусть бьют проклятого супостата!

Разве мог Андрей отказать старой матери в ее святой просьбе? Забегая вперед, надо сказать, что и Володя и Василий стали хорошими партизанскими бойцами и оба награждены за боевые подвиги орденами Красного Знамени.

Отряд пополнялся не только людьми, не нюхавшими пороху.

Он рос и за счет бойцов обстрелянных, бывалых. Западнее Храпуня к Грабчаку присоединилась небольшая партизанская группа Квитинского. Вячеслав Квитинский, в прошлом студент Ленинградского университета, начал войну сержантом. Часть, в которой он служил, попала в окружение и была разбита. Квитинский во главе небольшой группы солдат остался в тылу и начал вести партизанскую борьбу.

Такому пополнению Андрей искренне радовался.

Словом, отряд без раскачки, что называется, с ходу включился в борьбу.

Первые операции

Разведчики, высланные Андреем, донесли: карательный отряд фашистов утром 2 марта погонит из деревни Юрово в Олевск большую группу женщин, девушек и подростков.

Партизаны после небольшого совета решили не дать фашистам угнать советских людей на немецкую каторгу.

Грабчак расположил партизан на небольшой поляне а трех километрах от Юрова. К поляне со всех сторон подступал лес — лучшего места для засады и желать нечего. Места эти Андрею хорошо известны. В тридцать седьмом году на этой поляне произошел довольно курьезный случай, который запомнился ему на всю жизнь. Проводилась операция по поиску немецкого шпиона Ворона, который, по достоверным данным, перешел границу. Были перекрыты все тропы и дороги. Выставили заслон и на этой поляне. Возглавил его Грабчак. Восемь суток пролежал он в укрытии. На девятые сутки заслон сняли. Оказалось, что Ворона поймали в тот же день, а о Грабчаке забыли, и он целую неделю пролежал зря.

В засаде расположились еще затемно. Когда рассвело, выдвинутый вперед наблюдатель доложил: колонна показалась. Минут через десять уточнил: впереди и сзади автоматчики. Всего человек 80–90. Местных жителей около двухсот.

Притаилась, замерла поляна. Слышно, как падает с мохнатых веток снег. Вот до колонны двести, сто метров. Волнуются партизаны. Еще бы! Грабчак приказал: ни одна пуля не должна задеть местных жителей, бить только по врагу.

Наконец колонна поравнялась. Немцы и полицаи надменны, самоуверенны, не чувствуют ни малейшей опасности.

Чуть слышная команда Андрея «Огонь» —и тишину утреннего леса нарушает трескотня пулеметов, автоматов, взрывы гранат, крики и плач женщин — все вперемешку. Партизаны бьют точно,

как косой косят немцев, которые так и не могут прийти в себя. Минут через десять все кончено. Большинство вражеских вояк убито, остальные, насмерть перепуганные (куда девались их надменность и воинственность!), стоят, подняв кверху трясущиеся руки. Из местных жителей никто не пострадал. Нет потерь и у партизан.

Многое видел и пережил Андрей за свою тридцатипятилетнюю жизнь. Ему знакома радость победы, скрепленное кровью войсковое братство. Он был по–настоящему счастлив. Однако такого счастья, огромного, от которого замирает сердце и становится нечем дышать, какое свалилось на него в тот день, он не видел.

Вместе с другими партизанами он стоял окруженный женщинами, девушками, подростками. Их глаза, их лица были полны признательности и благодарности к своим избавителям. Женщины целовали их, кланялись в пояс, наперебой приглашали в гости. Андрей принимал эти знаки любви и признательности и не мог на них ничего ответить. В горле стоял предательский комок. Он смотрел на Подкорытова, на Квитинского. И эти прошедшие боевую жизнь бойцы тоже выглядели растерянными, молчали, и глаза их были влажны. Да, нет ничего выше и дороже награды, чем народная благодарность. Это Андрей понял тогда всем своим сердцем.

Молва о том, что в Олевских лесах партизаны наголову разбили большой карательный отряд фашистов, полетела из села в село. Истомившиеся в немецкой неволе советские люди воспрянули духом, потянулись к партизанам. Отряд Грабчака рос как на дрожжах. В тот день, когда были освобождены пленницы, десятки юровских крестьян вступили в партизаны. Все желающие были приняты и вооружены трофейным оружием.

А спустя несколько дней произошел такой случай. Андрея вызвал дежурный по временному лагерю (постоянного лагеря в первое время у отряда не было, он вел кочевой образ жизни). Выйдя из землянки, Андрей увидел перед собой довольно любопытную картину. На снежной поляне стояло человек тридцать. В полушубках, в старых шинелях, треухах и кепках, бородатые и безусые, они торжественно застыли в неровном строю. Впереди стоял седовласый старик, лет семидесяти. Заметив Андрея, он покинул строй, подошел и чуть хриплым голосом сказал:

— Значит, тридцать пять мужиков–колхозников просят зачислить в партизаны. Они знают, что дело это сурьезное, но идут охотно, добровольно. Стало быть, бьем челом!

Звали старика Савва, фамилия его была Хромец. Как

выяснилось, он привел с собой девятерых сыновей и внуков. Савва прошел с отрядом почти всю войну и не зря грудь его украсили два ордена и боевые медали: отважным он человеком оказался, никогда не кланялся пулям.

Андрей разыскал многих своих довоенных друзей и помощников. В полном здравии нашел он Марию Самостюк. Она в те времена не раз сообщала на заставу о появлении в пограничной полосе подозрительных людей. Теперь Мария устроилась работать на железнодорожную станцию Остки кассиром. Тихая и робкая на вид, она была у немцев вне подозрений, пользовалась их доверием. Мария с радостью согласилась помогать партизанам, и благодаря ей Андрей располагал точной информацией о движении немецких поездов.

Разыскал он и железнодорожного машиниста Ковальчука, который, как и Мария, в тридцатые годы хорошо помогал заставе. Теперь Ковальчук работал в железнодорожном депо станции Шепетовка. Это было очень кстати. В Шепетовке находился большой склад с горючим, и партизаны получили задание взорвать его. Взялся за это необычайно трудное и опасное дело Ковальчук и сделал его очень чисто. Он подвел к складу товарный состав и взорвал его. От взрыва на складе возник огромный пожар. Огонь бушевал трое суток и нанес фашистам непоправимый урон.

Партизанский экспресс

Бегут чередой, шумят партизанские дни, боевые, тревожные. Впрочем, дни это условно. Главная работа у партизан по ночам, днем они отсыпаются, учатся, обдумывают, где и когда нанести по фашистам очередной удар. Одна операция сменяется другой.

Бегут, бегут дни. Вот уже и на исходе лето сорок третьего года. Что ж, обижаться на него не следует. Хорошее было лето. Оно принесло много удач. Дела на фронтах идут — душа радуется. Фашисты здорово научились драпать, никак не опомнятся от сокрушительного удара, который получили под Курском и Белгородом.

От хороших вестей с фронта настроение у партизан радостное, боевое. Да и у них дела не так уж плохи. Отряд вырос. Его надо считать не десятками, а сотнями. Но дело не только в числе — каждый сражается за двоих.

На счету отряда десятки пущенных под откос эшелонов, взорванных мостов, складов с горючим, сотни убитых фашистских солдат. Партизаны нагнали на фашистов панический страх. В

руки Грабчака попало донесение начальника олевского гарнизона генерала Неймара своему берлинскому начальству. Эта бумага походила больше на жалобу, чем на воинский рапорт. Гитлеровец проклинал свою долю, жаловался на партизан, что они «окружили Олевск», что «выходить из города ни днем, ни ночью невозможно», что «только за сутки партизаны вывели из строя 7 паровозов, большое количество вагонов». Фашистский генерал сетовал на то, что партизаны «хорошо осведомлены, подслушивают все телефонные переговоры».

Причитания фашиста доставили Андрею немало веселых и радостных минут. Но своим ребятам он сказал, чтоб носы не задирали, героями себя не считали.

— Какие же мы герои, если тот орешек раскусить не можем.

Орешек — это Олевский железнодорожный мост через Уброть. Давно горит у Грабчака на него зуб, но подобраться к мосту нет никакой возможности. Пуще глаза охраняют его фашисты.

Левый берег у моста низкий и открытый. По нему фашисты сделали высокую земляную насыпь и на каждом шагу выставили круглосуточные посты. Правый берег высокий. К нему подступал лес, фашисты начисто вырубили его, не оставив и кустика. Ночью территория моста освещается десятком прожекторов, оглашается лаем сторожевых собак. Кругом — минные поля. Гарнизон моста, с тех пор как появились партизаны, увеличился в несколько раз. Короче говоря, подобраться к мосту невозможно.

Но и оставлять мост невредимым тоже нельзя. Диверсии на линии, хотя и доставляли немцам много хлопот, не решали задачу. Фашисты быстро устраняли повреждения и опять гнали к фронту эшелон за эшелоном.

После долгих и безуспешных поисков Андрей набрел, кажется, на правильную мысль. Ему вспомнилось, что речные пароходы в половодье, проходя под мостом, опускают радиомачту, чтобы не задеть ею о станину.

«А что если построить плот, установить на нем мачту, заряд и пустить по течению? Ведь это же здорово!» — подумал Грабчак. Он уже ясно видел, как плот подплывает к мосту, мачта ударяется о ферму, раздается взрыв, и мост летит.

В глубочайшей тайне Андрей вместе с радистом Володей Седашевым разработали чертежи, обдумали все. Не предусмотрели лишь одного — течения Уброти. А начинать надо было именно с этого. Уброть в районе моста течет вкривь и вкось, и плот прибило бы к берегу далеко от цели.

«Раз с плотом вышла осечка, установим заряд на поезде», — решил Грабчак. Но где взять поезд? Захватить у немцев

невозможно. Они стали умнее и в последнее время прекратили ночное движение. Днем же захватывать поезд — дело слишком рискованное. Решили построить свой, партизанский «экспресс». Закипела работа. В Олевском лесу был развернут вагоностроительный завод. Название, может быть, громкое, но точное. Задымила кузница, заработал столярный цех. Мастеров, настоящих умельцев среди партизан нашлось с избытком.

На волах в лес с полустанка Пояски были доставлены 120–сильный двигатель и четыре узкоколейных ската.

Партизанский кузнец дед Еримеев сделал из узкоколейных скатов ширококолейные, приделал к ним раму, на раме установил двигатель. Получилась самоходная платформа. Завели мотор. Работает.

Дело стало за зарядом. Где взять столько тола, чтобы взорвать такую стальную махину? Собрать у всех групп? Тогда нужно надолго прекратить всякие диверсионные операции.

«Хорошо бы авиабомбу достать!» Кто подал эту мысль, Андрей не помнит, но за нее немедленно ухватились.

Группа под руководством Квитинского в поисках неразорвавшихся авиабомб обшарила всю округу, и лишь за двести километров от Олевска бомбы были найдены.

Андрей знал, кому поручить такое сложное задание. Не встречал он более находчивого и сметливого бойца, чем Квитинский. Впоследствии, когда нужно было назвать самого достойного из партизан для представления к званию Героя Советского Союза, Андрей, не задумываясь, назвал Вячеслава Антоновича Квитинского, или просто Славу, лучшего партизанского бойца.

Неказистая, топорная, но крепкая и надежная платформа–торпеда наконец стояла готовая в путь. Осталось определить подходящее время, доставить платформу к железной дороге, поставить ее на рельсы и пустить мотор.

Вооружившись топорами, пилами, партизаны рубили деревья, делали клади через болота, прорубали в лесу 12–километровый путь от лагеря до Тепеницкого переезда, откуда решено было запустить торпеду.

Операция прошла четко, строго по плану, который разрабатывался с величайшей тщательностью. Одна группа, хорошо обученная и натренированная, сняла немецких часовых на переезде. Сделано это было чисто, без шума. «Ювелирная работа», — довольный собой говорил партизан Рахманов, возглавлявший группу «Капут фашистским часовым». Другой группе, под командованием Васюка, было поручено поставить платформу на рельсы. В задачу бомбовозов — их возглавил

Калмыков — входило на специальных носилках перенести авиабомбы с повозки на платформу. Монтажом, установкой мачты и запуском занимались другие люди.

Десятки наблюдателей, выставленные в районе моста, следили за каждым шагом немцев. Все шло хорошо. Фашисты не догадывались, какой «подарок» готовят им партизаны. И они ничего не предприняли, когда на рассвете увидели на бешеной скорости мчавшуюся к мосту платформу.

Все произошло, как по расписанию. Платформа въехала на мост, мачта ударилась о станину, взрывной механизм сработал четко. Раздался огромной силы взрыв, и стальные фермы моста рухнули в Уброть.

На правом берегу в это время стоял готовый к отправлению немецкий эшелон, из вагонов которого к небу глядели жерла орудий. Эшелон так и остался неотправленным.

Сколько таких немецких составов, следовавших к фронту, застряло за Убротью! Удар состоялся. Хороший удар!

…Закалялся и рос в огне войны партизанский отряд. Маленькая группа, высадившаяся снежной зимой сорок третьего года на ковпаковские костры и состоявшая всего из семи человек, выросла за год в крупное партизанское соединение, насчитывавшее свыше тысячи бойцов. Эти люди, неустрашимые и отважные, не давали пощады врагу, били его смертным боем, своим каждодневным подвигом приближали час грядущей победы.

Командовал этими людьми невысокий, русоволосый офицер–пограничник, коммунист Андрей Михайлович Грабчак, удостоенный высокого звания Героя Советского Союза.

А. Зиначев
ВЫПОЛНЯЯ ОТЧИЙ НАКАЗ

В середине августа 1941 года в Сестрорецке остро почувствовалось дыхание фронта. В городе часто выли сирены, извещая жителей о налетах вражеских самолетов, на улицах рвались бомбы. В один из таких дней состоялось экстренное заседание горкома партии, на котором обсуждался вопрос о создании партизанского отряда. После информации секретаря горкома слова попросил худощавый, по–военному подтянутый человек в защитном костюме:

— Прошу записать меня. Верьте, с врагом буду драться, не жалея жизни.

Это был председатель Сестрорецкого городского совета Осоавиахима коммунист Григорий Петрович Григорьев.

Через несколько дней был сформирован небольшой партизанский отряд из рабочих завода имени Воскова. Григорьева назначили командиром отряда.

20 августа 1941 года сестрорецкие партизаны направились через Гатчину к линии фронта. В сумерках отряд добрался до зоны болот. Шли по зыбким топям, иногда по пояс в воде. Шли всю ночь. В районе станции Семрино Витебской железной дороги партизаны разбили первый свой лагерь.

* * *

Лес застыл в тягостном, сонном полумраке. Ни звука, ни шороха. Безжизненно опустили опаленные ветви старые ели. Лишь изредка, когда долетает сюда грохот далеких артиллерийских канонад, еловые лапы мелко вздрагивают, роняя на землю бурые, сухие иглы. Греются у костра партизаны, думая про то, как сложится теперь их жизнь. Потрескивает сушняк. Кто-то тихонько напевает задушевное, грустное. А вокруг темень: без привычки невмоготу.

Григорьев сидел у костра, поджав ноги, молчал, тоже о чем-то напряженно думал. Он хорошо и давно знал каждого, кто был сейчас с ним рядом, как знали и они своего командира не год и не два: у него учились стрелять из малокалиберной винтовки, бросать учебные гранаты, ползать по–пластунски… И делал он все с высокой воинской требовательностью, словно знал: скоро война!

— А гонял ты нас, Петрович, видать, не зря, — вдруг нарушил молчание пожилой партизан. — Вон как заполыхало вокруг. Всюду горит, всюду стреляют.

— Не зря, это ты верно говоришь, — отозвался Григорьев.

Кто знает, может, именно в эту самую минуту вспомнил Григорий Петрович всю свою жизнь, которую и прожить-то не успел как следует, может, письмо отца вспомнил, полученное незадолго до ухода в партизаны: «Люби, сын, родную землю: ее леса, поля, реки, сам воздух ее люби. А за ней не пропадет. Она одарит тебя и силой и разумом». Такие слова не забываются. Григорий воспринял их, как отчий наказ.

…Рассветало. Стих ветер. Догорал костер. Григорьев встал, одернул на себе ватник. Несколько минут он смотрел на подсвеченное пожаром небо над Ленинградом, потом сказал неторопливо, словно подвел итог обдуманному:

— Ну что ж, друзья, греться у костра хватит. Пора и за дело браться. И помните, на нас смотрят, как на смелых и сильных духом. Выстоим в борьбе с фашистами — люди спасибо скажут, сдрейфим — проклянут.

— Выстоим, командир! — решительно заявили партизаны.

* * *

Свое первое боевое крещение отряд получил 20 сентября 1941 года. Обнаружив у шоссейной дороги Вырица — Тосно многожильный свинцовый кабель, проложенный гитлеровцами для телефонно–телеграфной связи штаба группы армии «Север», партизаны решили уничтожить его. Операция предстояла не из легких. По шоссе то и дело проходили вражеские автомашины и мотоциклы. Фашисты охраняли кабель.

Выждав момент, партизаны уничтожили патруль. Чтоб не вызывать подозрений у гитлеровцев, кабель взрывать не стали: рубили его топорами и кусками метров по 15–20 таскали в глубь леса.

За эту операцию командующий фронтом объявил тогда партизанам Григорьева благодарность.

Вскоре отряд влился в партизанский батальон, которым командовал товарищ Зоарнюк. В нем Григорьев возглавил разведку. Смелый партизан совершал дерзкие вылазки в расположение вражеских гарнизонов, добывал ценные сведения, в которых остро нуждалось тогда командование 2–й ударной армии.

В начале января 1942 года Григорьеву было приказано

разведать фашистский гарнизон в селе Вольная Горка Батецкого района. Во главе группы бойцов он отправился на выполнение задания. В село удалось проникнуть незамеченными. Разведав через знакомых крестьян силы гитлеровцев, Григорьев стал отходить. Но тут случилось непредвиденное — партизаны попали в засаду. Иного выхода не было, как принять бой. В первую же минуту появились раненые. Затем кончились патроны. Надо было немедленно оторваться от гитлеровцев. Но как? У партизан остались лишь гранаты. И тогда Григорьев приказал пустить их в ход. Пока партизаны отбивались от врага гранатами, раненые отступали в глубь леса. Не выдержав дружного и смелого удара партизан, фашисты на некоторое время прекратили атаки.

— Всем отходить! — приказал Григорьев.

Оставшись с тремя партизанами для прикрытия, он обеспечил отход своих бойцов. В батальон он доставил ценные сведения. Прошла неделя, и партизанскому батальону ставилась очередная боевая задача — вывести из строя шоссе восточнее села Болотнище Новгородской области.

И опять в эту опасную операцию вызвался идти Григорьев. Хорошо вооружившись, взяв взрывчатку, разведчики Григорьева тронулись в путь. Лишь к ночи они добрались к месту диверсии. По шоссе непрерывно сновали автомашины с войсками. Это осложняло выполнение боевого задания. Григорьев приказал впереди и позади от места предполагаемого взрыва дороги открыть огонь по автомашинам фашистов и тем самым задержать их движение. Партизаны так и поступили. Вскоре частая дробь автоматов разорвала тишину ночи. Пока шла перестрелка из-за грузовиков, сбившихся кучей на шоссе, Григорьев успел заминировать значительный участок дороги. А когда все было готово, он подал команду к отходу.

Не потеряв ни одного человека, группа благополучно вернулась в батальон. Двое суток гитлеровцы не могли пользоваться дорогой. На партизанских Минах здесь нашли себе могилу десятки вражеских солдат. В местах взрывов валялись исковерканные автомашины.

Под командованием Григорьева разведчики только за вторую половину 1942 года взорвали свыше 500 рельсов на железных дорогах, на многих важных линиях повредили связь.

Партизаны вели большую политическую работу среди населения. Они тайком пробирались в села, захваченные гитлеровцами, читали крестьянам сводки Совинформбюро, газету «Правда», только что сброшенную с самолета в партизанский лагерь, призывали бить фашистов. Большую роль в этом сыграли партизанские листовки, автором которых нередко был сам

Григорьев. В одной из них он писал: «Знайте, отцы, матери, сестры и братья, придет время, и мы, партизаны, войдем к вам в дом не крадучись темной ночью, а в светлый день нашей победы, целуя по–русски ваш хлеб–соль. А пока бейте фашистов, чем можете, и этим помогайте Красной Армии…»

Так прошел 1942 и начало 1943 года.

И опять у Григория Петровича перемена в жизни. В марте 1943 года на станции Хвойная Витебской железной дороги была сформирована 11–я партизанская бригада, названная Волховской. Командиром бригады был назначен опытный кадровый офицер из разведотдела Волховского фронта Н. А. Бредников, комиссаром бригады — бывший секретарь Оредежского райкома партии Ф. И. Сазанов, начальником штаба — бывший заведующий военным отделом Койвистовского райкома партии А. И. Сотников. Вновь созданной партизанской бригаде отводился большой район для боевых действий: вся оккупированная территория Оредежского, Батецкого, Гатчинского и Лужского районов.

В бригаду были влиты многие действовавшие на этой территории партизанские отряды, в том числе и батальон, которым командовал Зоарнюк. Начальник батальонной разведки Григорьев назначался теперь командиром одного из партизанских отрядов. Вскоре и здесь о нем пошла молва, как о бесстрашном человеке.

2 марта 1943 года батальону Туваловича, который входил в бригаду, было приказано выйти из тыла противника. В штаб бригады явился Григорьев.

— Разрешите мне вывести батальон, — сказал он. — Через фронт батальону не пробиться. Я проведу его Тесовскими болотами.

Григорьеву разрешили. Ночью батальон двинулся в путь. Сперва шли лесом по твердой земле, потом под ногами у партизан стала хлюпать вода. Тесовские болота!.. Несмотря на злой мороз, они были зыбкими, того и гляди уйдешь в трясину с головой. Повесив на грудь автоматы и подобрав полы пальто и шинелей, партизаны по колено стали вязнуть в болотной жиже. Кто-то сказал:

— Сгинем мы все здесь, и никто не узнает как…

Григорьев сурово прикрикнул:

— Помолчи! Партизан…

Шли тяжело, падая, утопая в грязи. Впереди все время был Григорьев.

— Держись, ребята! Еще час — полтора — и болоту конец! — подбадривал он, помогая уставшим.

Наступил вечер. Хмурый, метельный. Кончились болота.

Люди радовались. А через несколько минут они услышали частый перестук пулеметов, увидели взвивавшиеся ввысь разноцветные дуги сигнальных ракет. Линия фронта была рядом.

Фашисты заметили партизан, когда те уже были недосягаемы для пулеметов. На них полетели мины. Рядом с Григорьевым вскрикнул партизан и упал. В этот же момент был ранен в плечо и сам Григорьев. Превозмогая боль, он поднял тяжелораненого и вместе с ним снова пошел вперед. Батальон дошел до расположения войск Красной Армии.

Перевязав рану, Григорьев в ту же ночь обратно перешел линию фронта, чтоб снова сражаться в рядах партизан. За вывод батальона без потерь и проявленное при этом мужество Григорий Петрович в марте 1943 года был награжден орденом Красного Знамени.

Всю весну и лето 1943 года партизанский отряд Григорьева не давал покоя врагу.

В Ленинградском партийном архиве хранится дневник боевых действий полка Григорьева середины 1943 года. В нем летопись славных боевых дел:

«21. 7–43 года. На ж. д. Батецкая — Оредеж пущен под откос эшелон противника (35 вагонов). Из них 9 платформ с танками…

26. 7–43 года. На ж. д. Новгород — Ленинград пущен под откос эшелон противника (33 вагона).

5. 8–43 года. На ж. д. Новгород — Фйнев Луч взорвано 12 железнодорожных рельсов.

13. 8–43 года. Пущен под откос эшелон противника. Взорван путь. Движения не было 12 часов. В этот же день на ж. д. Батецкая —Новгород пущен под откос эшелон в 12 вагонов.

14. 8–43 года. На ж. д. Новгород — Батецкая взорвано 116 метров ж. д. полотна. На ж. д. Дивинка — Еглино заминирована и взорвана дорога, на которой подорвался эшелон с живой силой противника.

15. 8–43 года. Пущен под откос поезд. Движение прервано на 13 часов.

25. 8–43 года. Пущено под откос 4 эшелона противника. Взорвано 160 метров железнодорожного полотна.

В ночь с 11 на 12. 9–43 года между Оредежом и Батецкой взорвано 194 рельса и 700 метров линии связи.

20. 9–43 года. Там же взорвано 230 рельсов…»

Нет, не было покоя врагу на нашей земле. Не было ему и никакой пощады. Вот как об этом писали сами гитлеровцы :

«Здесь у нас много работы с этими партизанами, — сообщал домой ефрейтор Эрнст Крайнер. — Положение становится все хуже и хуже. Ежедневно слышатся взрывы и стрельба. Крестьяне

действуют совместно с партизанами. Надо принимать крутые меры, а то они возьмут нас за горло…»

Еще откровеннее признавался обер–ефрейтор Кленк: «Борьба с партизанами с каждым днем становится все тяжелее. Вагоны с нашими солдатами летят под откос. Убитых и раненых у нас даже слишком достаточно…»

* * *

В ночь под новый, 1944 год полку Григорьева было приказано уничтожить фашистский гарнизон в селе Жили Батецкого района. Собрав командиров, Григорий Петрович сказал:

— Операция предстоит трудная. Но Красная Армия наступает, и наш долг помочь ей разбить врага под Ленинградом.

Оставив один отряд на охране лагеря, с тремя другими Григорьев ушел на операцию. Жилинский гарнизон был разгромлен в течение полутора часов. Из 68 гитлеровцев спаслись бегством двое, да и те на вторые сутки были найдены в лесу окоченевшими. В эту же ночь отряд И. И. Иванова пленил вражеский гарнизон в деревне Радоли Батецкого района. Гитлеровцы в Радоли даже не успели сделать ни одного выстрела.

11 января 1944 года большие силы гитлеровцев напали на полк Григорьева у деревни Большие Кусони Батецкого района. Первые же их атаки были отбиты успешно. Тогда они бросили против партизан эсэсовцев, поддерживаемых авиацией и артиллерией. Григорьев не видел иного выхода, как отходить. Он запросил об этом штаб бригады. И выход полку, перед угрозой его явного окружения, был разрешен.

Ранним утром 14 января полк начал отход. Жгучий мороз леденил дыхание, жег лица людей. Утопая в снегу, партизаны тронулись в путь. Он лежал через усиленно охраняемый карателями район. Предстояло пересечь железную дорогу восточнее станции Батецкая и далее идти на соединение с войсками Волховского фронта.

Железную дорогу полк переходил с боем. Отражая преследование врага, партизаны мелкими группами перекатывались через железную дорогу. Гитлеровцы выслали в район перехода полка самолеты. Они кружили над лесом, выискивая растянувшиеся цепочки людей. Но вскоре повернули обратно. Лишь один из них все еще висел над лесом. Это был разведчик.

Григорьев подошел к начальнику оперативной части полка Веселову. «Ты, Илья Иванович, иди с рацией в середину колонны,

— сказал он. — А я вернусь в лагерь. Надо проверить, все ли взяли с базы». И он был прав. На месте прежней стоянки он нашел забытый парашют и тол. Выругавшись за такую оплошность, он стал тут же маскировать оставленное имущество. В это время над самой его головой пронесся самолет, почти крыльями цепляясь за верхушки деревьев. Григорьев слышал, как партизаны бьют по нему из автоматов, и сам он хотел сделать то же самое, но упал смертельно раненный. Когда к нему подбежали бойцы, он был уже мертв.

Тело Григорьева было перенесено из леса в деревню Большие Кусони и похоронено на местном кладбище рядом с воинами 112–го корпуса, погибшими в боях за Родину.

2 апреля 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Григорьеву Григорию Петровичу было присвоено звание Героя Советского Союза.

18 апреля 1944 года на пленуме Ленинградского обкома партии, обсуждавшем итоги партизанского движения в Ленинградской области, деятельность ленинградских партизан, в том числе и полка Григорьева, получила высокую оценку. Пленум постановил тогда: «Соорудить в городах и районах Ленинградской области памятники–обелиски погибшим партизанам Героям Советского Союза». Среди славных имен этих героев стояло и имя отважного командира партизанского полка 11–й Волховской бригады Григория Петровича Григорьева.

Марк Максимов
УЧИТЕЛЬ ИСТОРИИ

Начало

Ракета, описав короткую дугу, впивается в соломенную крышу амбара. Дым. Потом крыша вспыхивает ало и ослепительно.

Тридцать смельчаков за командиром врываются в горящий амбар. Только что здесь был заслон немецкого гарнизона деревни Петрово. Теперь ярко освещенные фигурки уцелевших немцев бегут к деревне и тают в темноте.

Татарин Колька Кутузов всовывает пулеметный ствол в глубокое, как бойница, оконце и кричит:

— Смотри, как немец бегает! Совсем хорошо!

Все тридцать смеются: они впервые видят так близко убегающих в чистом поле немцев. Асов, пикировавших с неба на головы окруженных частей, они уже видели. Рослых эсэсовцев на мотоциклах тоже видели. Солдат в касках, горланивших что-то залихватски на машинах, лавиной катившихся по нашим дорогам, — видели. И черных танкистов с махновскими черепами на европейский лад, выглядывавших из башен с сигаретками в зубах, — видели. А вот немцев, убегающих в чистом поле, видят впервые.

Командир стоит у окна, косится на крышу — не обвалилась бы — и растирает ноющее с холода лицо.

В деревне лает немецкая команда.

— Готовятся, командир.

Кто это сказал? Сам? Нет. Василий Александрович.

— Знаю. Без команды не стрелять. — Командир прикуривает от пойманной на лету соломинки. — Пусть войдут в свет!

Василий Александрович прикрывает воротом полушубка седые усы, чтоб не слышали другие, и говорит:

— Сами высветили себя, как артисты. Не так надо было, не так.

Командир и сам знает, что не так. Ехали на санях через деревню с тремя колодезными журавлями. Увидели скакавшего огородами всадника. Стреляли — ушел. Выяснили— ушел предатель–староста. И вот предупрежденные немцы устроили засаду в амбаре и легко дали себя выбить оттуда. Теперь сиди в этой огненной ловушке. А высунешься — перебьют!

Галдеж приближается. Немецкая цепь входит в полосу света.

— Огонь! Скворцов!

И тут случается страшное. Бьют винтовки, но оба партизанских пулемета молчат. Пулеметчик Скворцов, лежа на снегу у открытых дверей, в сердцах молотит кулаками по пулемету.

— Холодно ему, гаду! Замерз, собака!

Скворцов сам нашел этот пулемет на дне Ужи, когда река еще не замерзла. Сам ремонтировал, чистил и испытывал. И вот тебе, на!

Немецкая цепь все ближе.

— Затворы! Отогревайте затворы! — кричит командир.

— Сейчас! — отвечает Василий Александрович и, на коленях поколдовав над пулеметом, опускает затвор за пазуху. Сверху пышет пламя, а он морщится от холода.

Четко слышно немецкую команду. Цепь приближается бегом. Выстрелы звучат уже слева и справа.

Опять окружены? Неужели все, с первого боя все? — думают тридцать и, оторвавшись от прикладов, скрещивают взгляды на командире…

…Все тридцать — из разных частей, все выбирались из окружения разными горькими дорогами. И в разное время у каждого оказывалось на пути Фомино. Деревня, не занятая врагами. И каждому — оборванному, обросшему, голодному — сердобольная бабка, клянущая бога за то, что в такое беспокойное время поселил ее в крайней хате, отлив из крынки молока, говорила:

— А вот и староста идет…

И каждый от этих слов вздрагивал. А зоркий староста Алексей Буханов не пропускал ни одного нового человека. Сняв с ремня и положив на колени карабин, учинял крутой допрос, потом бросал:

— Ну, пошли! — и, перехватив забегавший по огородам взгляд, улыбался. — Не баловать!

А если на миролюбие новенького все равно нельзя было положиться, добавлял:

— Не к Гитлеру веду, к учителю здешнему.

Они останавливались у домика под соломой, староста стучал в окно, дверь открывалась.

— Принимай, Сергей. По–моему, парень стоящий.

В дверях появлялся невысокий ладный человек с лицом, чуть заметно тронутым оспой, и окидывал новенького странным, одновременно колючим и добрым, взглядом всегда веселых карих глаз.

— А вы сразу оценили, господин староста?

— Чего тут, — отвечал Буханов. — Поговорили. Номера части, видишь, и то не помнит, и вообще врет как по писаному. — И поворачивался к новенькому. — Знакомься, это Гришин. Заведующий школой, а вообще вояка вроде тебя.

Новенький решал, что, пока положение прояснится, поесть, во всяком случае, можно. Набрасывался на щи, принесенные сестрой Гришина, Клавдией, слушал, как староста отпускает шпильки учителю, а тот отшучивается, и ничего не понимал. Он еще не знал, что командир сгоревшего танка Сергей Гришин тоже недавно шел из окружения фронт догонять. На лесном привале он с товарищами нашел листовку, призывавшую зажечь пламя партизанской борьбы, и повернул к родной деревне.

С ним шел высокий пожилой человек. На «перекурах», поглаживая седые усы, он рассказывал, как партизанил в гражданскую против Колчака. Когда ночью вырисовалась крайняя хата деревни Фомино, Василий Александрович снял трехлинейку с предохранителя.

— Погоди, лучше я.

Постучал, выпил у бабки молока, хлеба не взял, и возвратился.

— Немцев нету. Пошли!

Оставляя, как говорил Василий Александрович, «один след на всех», они попетляли огородами и, круто свернув, подошли со двора к хате под соломой. На стук ответило шлепанье босых ног и старушечий голос спросил:

— Кого леший принес?

И вдруг крепкий мужской голос прогрохотал:

— Открывай, мать! Серега это, ей богу, Серега!..

Пальцы матери пахли молоком и соломой. В темноте они пробежали по лицу и скользнули на шею…

За закрытыми ставнями зажгли лучину. Старик хлопал Сергея по плечам и, пугая мать, сестру Клавдию и деверя Ваську, раскатисто хохотал. На всю округу прославились этим смехом колхозный сторож Владимир Николаевич Гришин со своим сыном–любимцем Сергеем. Подмигнут, бывало, друг дружке, рассмеются — далеко слыхать.

— Ну рассказывай, сын!..

— Что было, не уйдет, батя. Поговорим сперва о будущем.

В короткой беседе порешили: Сергею показываться в деревне пока не следует. Бывший завшколой, да комсомольский секретарь, да еще председатель ревизионной комиссии!.. Спутник же Гришина, как человек пожилой, будет жить открыто на правах дальнего родственника…

О своих планах Сергей ничего не сказал. Начинать надо было с подполья. Опыта не было. Но бывший учитель истории уже разобрался в государственном механизме «нового порядка». Первым винтиком в этой машине рабства был сельский староста.

— Староста в деревне есть?

— Нет еще.

— Алексей дома?

— Дома.

Сергей повернулся к Василию.

— Позвать его утром сюда.

«Ишь, командует!» — подумал тот и съязвил:

— Есть, товарищ младший лейтенант!

Сергей снова грохнул смехом. Василий потупился, и всем стало ясно, что Сергей — это уже не тот мягкий и изысканно вежливый учитель, каким он два года назад ушел в армию. Так решилось, кто будет здесь верховодить.

Сергей полез в подпол, поставил две винтовки. Клавдия устроила там запасную постель.

Мать плакала:

— Господи, в своей хате сыну родному, что кроту, прятаться!

Утром пришел Алексей Буханов, человек в летах, старый знакомый, колхозный бригадир.

— Трудно! — втолковывал ему Гришин. — Даже невыносимо. Но нужно! Понимаешь?

И Алексей скрепя сердце понял. Он стал старостой. Но при встречах с Гришиным по–своему отводил душу, не отказывал себе в удовольствии позлить его и как мог подковыривал шпильками.

А тот похохатывал, как всегда, раскатисто и громко — дела шли хорошо. Буханов был «старательным» старостой. Немецкий комендант в Дорогобуже ставил в пример другим деревню Фомино. Она по статистике не приютила ни одного красноармейца. Она, как докладывал комендант, с «невиданной для русских аккуратностью выполнила предписание собирать и сдавать оружие». Словом, комендант был доволен.

Гришин тоже. В лесной землянке, которую отыскал Василий Александрович, жил уже целый взвод, собранный из окруженцев. Клавдия и Василий носили в лес еду и приносили оттуда переписанные от руки сводки Совинформбюро— запрятанный в сене приемник нашелся у одного из колхозников. А что касается оружия — фашисты получили десяток заржавленных и ловко заклиненных навеки трехлинеек, а подпольная группа Гришина не только вооружалась до зубов, но и запасалась впрок.

Гришин теперь появлялся в открытую. Налаживалась связь с другими подпольными группами. И вот в морозную ночь на

20 декабря 1941 года в деревне Фомино можно было увидеть первых партизанских часовых. Похлопывая рукавицами и постукивая сапогами, они прохаживались на околицах. Подъезжали к деревне и, сворачивая в кусты, останавливались розвальни. Люди в шубах и полушубках направлялись к гришинскому дому. Здесь собирался тайный совет.

— Пароль?

— Москва. Один.

Вошел высокий человек в шубе с седым воротником, на который струями спадала великолепная борода. В руке — палочка. Это был Дедушка (Воронченко). Гришин уже встречался с ним в Козловке.

Дедушка открыл совет. В эту ночь в окруженной вражескими гарнизонами деревне Фомино вырос грандиозный план организации. Было решено сгруппировать деревни района в так называемые «кусты». В кратчайший срок каждая деревня должна была стать партизанским взводом, а куст — отрядом. Все отряды сводились в партизанскую дивизию. Комдивом был избран Дедушка. Гришин стал командиром крупнейшего куста, объединявшего деревни Фомино, Выползово, Гекты, Павлово, Лебедево, Выгорь.

Вскоре Дедушка переехал со штабом к Гришину. Фомино стало партизанской столицей. Вокруг росли и начинали действовать отряды и дружины.

17 января партизанские отряды взяли Дорогобуж.

Гришин по–прежнему тянулся к окруженцам:

— Люди военные, пороху понюхали. Злости в отступлениях и окружениях накопили — хоть отбавляй!

Ему доставляла удовольствие дерзкая мысль: Гитлер сбросил со счета тысячи кадровых советских военных людей, попавших в окружение, а они возьмут и возникнут с оружием в руках и, смертью смерть поправ, снова вступят в бой.

И вот для его отряда настал час самостоятельного боевого крещения. Тридцать смельчаков на санях выехали из Дорогобужа…

Ракета, описав дугу, зажгла крышу амбара. Отряд выбил из него немецкий заслон. А потом отказали пулеметы…

— Сережа… командир…

Гришин поворачивается к Василию Александровичу и видит, что тот схватился обеими руками за грудь.

— Сережа… затвор!.. — и падает.

Обвалившаяся головешка освещает его стекленеющие глаза.

Гришин оттаскивает Василия Александровича от двери, Скворцов склоняется над ним, достает из-за пазухи теплый,

перепачканный кровью затвор, обтирает его полой и вставляет в обложенный головешками пулемет.

Немцы вот–вот забросают амбар гранатами. Освещенные пламенем, они уже совсем рядом — в сорока, в тридцати шагах! И вдруг из пулемета Скворцова вырывается длинная очередь. Пораженная в упор середина цепи валится замертво, как скошенная.

— Гранаты! — кричит Гришин. — За Александровича!

На плечах убегающих немцев отряд врывается в Петрово. Взяты трофеи, захвачены штабные документы.

Сквозь лунный лес движутся партизанские сани. На последних, ссутулясь, сидит Гришин. Накрытое немецкой шинелью тело Василия Александровича, его первого и единственного партизанского учителя, лежит у его ног…

…Снова Дорогобуж. Неструганые двухэтажные нары, лампочка под потолком — все тонет в дыму цигарок. Курят со смаком, похваливают махорку, нежно называют ее московским табачком, хотя росла она где-то под Кременчугом. Но махорка и вправду хороша — настоящая, со складов. Оттуда же принесли кое–какое обмундирование. Кому — шапка, кому — стеганка. Три пары валенок разыграли в орла и решку. Самые маленькие достались великану Якову Дулькину, и он с царственным жестом преподнес их Сергею Скворцову.

— Носи, сынок!

— А ты? — Скворцов покосился на его ножищи. — Задача!

— За меня, брат, не волнуйся. — Дулькин пошевелил выглядывавшим из огромного ботинка пальцем. — Для меня Гитлер заказал. У него, говорят, эсэсовцы меньше сорок пятого не носят.

Посмеялись и умолкли. Возбуждение боем улеглось. Люди размякли от тепла и усталости. Клонило в сон. А Гришин жадно затягивался махоркой и вздыхал. Ему не нравился бой в Петрово. В тишине он до боли явственно слышал голос Василия Александровича: «Не так надо было, не так». Вот же, потерял такого человека — и ни фамилии, ни адреса. Гришин поморщился. Час назад он подробно рапортовал Дедушке. Тот похвалил, а он хмуро ответил:

— Нет, действовали мы, как взвод регулярной пехоты. А тут нужна своя тактика. Партизанская.

— Где же я тебе ее возьму, Сережа? У Дениса Давыдова что ли? Такой войны еще не было, — он прошелся по комнате. — Ну а как ребята знакомились друг с дружкой под пулями?

Теперь хвалил Гришин.

— Ну вот и хорошо. Для этого знакомства я вас и посылал.

Теперь пополнишься и прощай.

Гришин недоуменно посмотрел на него. Дедушка положил ему руку на плечо.

— Пойдешь, Сережа, самостоятельно. Рейд в глубокий тыл. Обрастешь там новыми людьми, и воюй, вырабатывай свою тактику.

Вырабатывай! А как? Гришин курил цигарку за цигаркой. А ведь, собственно, главное он уже знал. Разведка… Скрытность похода. Внезапность удара… Так, Василий Александрович? Гришин посмотрел по сторонам.

Ребят на нарах совсем разморило. Вокруг посапывали и похрапывали.

И вдруг приехали артисты. Их фронтовую бригаду занесло к партизанам. В комнату вошла певица. Гришин спрыгнул было ей навстречу. Но его опередил Колька Кутузов. Он галантно помог гостье снять запорошенную шубку, отряхнул, поискал спросонья вешалку и швырнул в угол на горку самодельных лыж.

Гришин снова полез на нары, огляделся и грустно усмехнулся.

Певица в голубом крепдешиновом платье и серьгах казалась ему каким-то призрачным и трогательно неуместным облачком, впорхнувшим в эту казарму из прошлого, из довоенной жизни. А может, она из будущего, из послевоенной?..

Вскоре он уйдет и уведет отряд туда, где не только людям, но и всему живому нечем дышать. Со свойственной ему остротой восприятия он запомнил показанные Дедушкой приказы смоленских оккупационных властей. Приказы тупых и наглых рабовладельцев. Его даже не так поразили повторявшиеся через строчку слова «будет расстрелян» или «казнь через повешение» — чего уж ожидать от фашистов? — как педантичные повеления, вроде: «Коровы с теперешнего дня должны пастись все вместе под наблюдением пастуха с удостоверением от военной комендатуры», «собаки должны быть на цепях. Бродячие будут убиваться!!» В приказе № 1 значилось: пункт двенадцатый: «Все эмблемы Советской власти и знаки Коммунистической партии должны быть устранены». «Все голуби на территории… должны быть собраны, сданы и подвергнуты уничтожению».

Как он презирал эту тупую, ползущую по земле коричневую смерть, как ненавидел ее и как готов был с ней сразиться за все — за людей и голубей, за солнце и свободу.

А тут, как бы на прощание, в казарму впорхнуло это облачко из того прекрасного живого голубиного мира, которому еще год назад открывалось его молодое сердце.

— Тише, ребята! — сказал он совсем как в школе, хотя было и

без того тихо.

А певица поправила серьги, посмотрела вверх на свешивавшиеся с нар лохматые головы, заметно оробела, но привычно прижала к груди пальцы в кольцах и запела старинный романс:

Отвори потихоньку калитку,
И войди в темный сад ты, как тень…

Высокий дискант не помещался в казарме. Голос срывался, гармошка не попадала в такт. Слова романса были до смешного нездешние.

— Потихоньку, это чтобы фрицы не услышали, — шепотом прокомментировал Дулькин.

Гришин сердито покосился на него. А певица закашлялась. Кутузов ткнул кулаком Диму Архипова.

— Васька, сделай потихоньку дамочке гоголь–моголь!

Кто-то хихикнул. Другие насупились. И вдруг в неловкой тишине Гришин с грохотом спрыгнул с нар.

— Ничего, ничего! — сказал он каким-то новым для всех, «гражданским» голосом. — Накурено здесь… А раз так, — он подмигнул гармонисту, — давай пока русскую! Эх!

Гришин лихо хлопнул по подошве, оттопырив локти, прошел круг, остановился возле певицы и, вертя плечами, согнулся в церемонном поклоне. Певица смущенно улыбалась, но Гришин не отставал. Чуть не наступая ей на носки, он выбивал чечетку.

— Давайте! Давай, давай! — загремело с нар.

И певица вдруг выхватила из рукава платочек.

— Ну ладно, по–смоленски! Эх ма! — и неожиданно легко пошла с места в присядку, а потом выпрямилась как струна и — на каблучках, с припевкой:

Распроклятая Германия
Затеяла войну.
Взяли милого в солдаты,
Меня оставили одну.

— Смотри, свой баба! — крикнул Кутузов, расплываясь до ушей и кубарем скатился с нар…

Уже со всех сторон вокруг певицы приседают, крутят винты, точат чечетку парни. А она совсем освоилась:

Ой, пойду я в партизаны,
Чтоб ребятам помогать,
Перевязывать им раны
И винтовки заряжать!

Надрывается гармошка. Скрипят половицы и нары. Грохочут на полу лыжи, звенят стекла. Гришин искоса поглядывает из угла. И вдруг, как выстрел, раздается его голос:

— Сми–рр–но!

Входит Дедушка.

…Пляшет и воет поземка. Отряд с лыжами на плечах выстроился на улице. Ноги уже ушли по щиколотку в снег. Соседнего забора не видно. И столба не видно. Подвешенный прямо к небу, раскачивается тусклый фонарь.

Под ним, опираясь на палочку, стоит Дедушка. Пожилой москвич, инженер одной из проектных организаций, Василий Исаевич Воронченко — сердцем поэт. Гришин помнит, как на первом тайном совете в его доме Дедушка сходу «крестил» партизанские отряды романтическими названиями. Теперь Дедушка только что закончил напутственную речь.

— Вот так-то, ребятки, действовать будете на северо–западе Смоленщины. — Он постучал палкой по невидимому столбу. — А как же вас назвать?

Дедушка вспоминает, что из «старых» партизан, начинавших с Гришиным в Фомино, в этой группе 13 человек.

Вокруг метет колючим снегом, словно песком в Кара-Кумах.

— Вот что, — говорит Дедушка. — Было такое кино. Тринадцать героев борются со смертью в пустыне. Будете — отряд имени Тринадцати. Согласны? — он подходит к Гришину, обнимает его. — Чертова дюжина, Сережа, хорошее число. Ну, счастливо! Веди!

Отряд в белых маскхалатах погружается в белое море и тонет как призрак. Дедушка смотрит ему вслед и слушает вьюгу.

Дойдя до переметов, отряд стал на лыжи. Лыжный шаг широк. Он гонит холод. Рубашки липнут к телу. Переднему идти труднее всех. Передний грудью принимает ветер и прокладывает лыжню. Впереди — Гришин, на то он и командир.

А почему, собственно, он? Есть в отряде старшие и по званию и по возрасту.

Может быть, у других меньше военных знаний, опыта? Нет. Тогда, может, эти люди уступают ему в храбрости? А какая ей мера? Вон перекинул автомат на другое плечо Гусаров. Конник из корпуса Белова, он с саблей наголо и связкой гранат скакал галопом на фашистские танки. Подбивал и «выковыривал» из башен экипажи. А певун Николай Шерстнев, а тихий Семен Иванов и красавец Петр Звездаев, а совсем юные горячие Самсонов и Курносов и собранные, спокойные Узлов и Кустов, а не угомонный, скорый на выдумки Кутузов! Все они научились, не отворачиваясь, смотреть в глаза смерти. Таким храбрости не занимать.

Тогда, может, этим людям не хватает находчивости? Вон, нажимая на палки, старается не отстать невысокий Сергей Скворцов. Рассказывают, что в дни окружения, когда на одной из переправ возникла паника, этот писарь и старший сержант по званию раздобыл в разбитой штабной машине генеральскую форму, нарядился в нее, навел порядок, спас тысячи растерявшихся людей и снова превратился в скромного старшего сержанта.

А может быть, у Гришина больше физической выносливости? Вон, сменяя его, выходит вперед огромный Яков Дулькин. Позднее он носил горскую папаху, поменял свою не очень звучную фамилию на Дульканова, и партизан осетин Даут Дарчиев называл его нартским богатырем.

Да, это идут не тринадцать учеников за своим сельским учителем, — такую легенду об отряде когда-то создали журналисты, — идут тридцать обстрелянных, умелых и храбрых воинов. Многие из них вскоре возглавят крупные партизанские подразделения гришинцев. И все же командир у них он. Командир не только по назначению и по выборам, а так — само собой. Почему же командует Гришин? Почему — в эту метельную предвесеннюю ночь сорок второго года? Почему — два года спустя, когда из отряда выросло огромное соединение? Почему — двадцать лет спустя, когда за столом ли, на рыбалке ли, на сборе ли грибов встречаются неразлучные на всю жизнь, уже седеющие гришинцы и есть среди них и видные инженеры, и известные ученые, и крупные руководители, все-таки верховодит всегда по–прежнему он, Гришин?

Почему? А, наверно, потому, что есть такие люди, с открытым сердцем, заразительным обаянием и железной волей, для которых талант вожака бывает так же естествен, как для иных талант, скажем, музыканта или живописца.

Пришла грозная година, и скромный сельский учитель стал грозным учителем ненависти и мести народной.

…Шло время. Уже давно от Смоленского обкома партии и Западного штаба партизанского движения была получена радиостанция. На привалах радист Данила Ершов выходил на регулярную связь с Большой землей. Уже давно в отряд пришли новые партизаны, и среди них светлый человек, ставший душой и совестью отряда, сибиряк Николай Москвин, и беспокойный, подвижной, как ртуть, наделенный недюжинной тактической смекалкой Иван Митяш — будущие командиры партизанских бригад. А отряд все рос, закалялся в боях и рейдах, ковал выносливость и мужество в засадах, взрывал вражеские эшелоны.

А летом возник и был утвержден Большой землей особый партизанский полк «Тринадцать» с командиром Гришиным, комиссаром Иваном Стрелковым и комбатами Шерстневым, Ивановым, Звездаевым.

Полк научился, незаметно выскальзывая из рук врага, брать немцев в клещи, навязывать врагу невыгодные для него условия, вести такие бои, в которых подавляющее численное превосходство противника становилось второстепенным фактором. Теперь «старики» вспоминали горящий амбар в Петрово с улыбкой.

Началось состязание младшего лейтенанта Гришина с фашистскими генералами. Состязание не на жизнь, а на смерть.

Генерал от инфантерии Шенкендорф доносил командующему гитлеровской группой армии «Центр» фельдмаршалу фон Клюге: «…они имеют в большом количестве тяжелое пехотное оружие, частично также артиллерию и… способны вести наступательные действия… Чисто пассивные оборонительные действия против партизан приводят к сковыванию значительных собственных сил охранных войск, причем не обеспечивается надежная защита охраняемых объектов. Типичным примером может служить находящаяся в подчинении группа «Шенкендорф» 11–я танковая дивизия. Здесь… сковано около 12 тысяч человек».

Немцы от беспорядочной стрельбы по опушкам и кустам, от карательных акций в деревнях, одинаково жестоких и бесполезных, вынуждены были перейти к крупным наступательным операциям против партизан.

Кто хочет узнать, как наряду с диверсиями на коммуникациях противника сражались гришинцы в «треугольнике» между шоссейными и железными дорогами Смоленск — Витебск — Орша, как они позднее сорвали утвержденную самим Гитлером операцию «Желтый слон», пусть прочитает прекрасную книгу нынешнего секретаря Смоленского обкома КПСС Николая

Ивановича Москвина «Партизанскими тропами», в которой обо всем этом рассказывается горячо, интересно и в хронологической последовательности.

Мы же перенесемся к весне 1943 года. Путь возмужавшего полка лежал в Монастырщинский и Краснинский районы. И вот тут-то Гришину сообщили, что немцы идут на него несколькими полками с танками, артиллерией, самолетами, реактивными минометами, с эсэсовцами, гренадерами, кавалеристами и что командуют ими два генерала — Полле и Гонфгартен.

Гришин сидел в хате. Он поднял голову над картой и усмехнулся.

— Два генерала? Это мне по чину многовато. Ну, что ж? — он сунул в зубы трубочку, раскурил вонючий самосад и снова углубился в карту.

В хате, набитой партизанами, шумели.

— Тише! Батька фрицев заколдовывает! — крикнул Кутузов.

Это было почти— «Тише, Чапай думать будет!» Партизаны притихли. «Батьку» уважали до обожания.

А было «батьке» двадцать пять.

К нему подошел Данила Ершов и с загадочным видом положил на стол только что полученную радиограмму из штаба нашего Западного фронта.

Гришин посмотрел и, заговорщически подмигнув Даниле, рассмеялся:

— Вот нечистая сила! Порядок!

Штаб Западного фронта сообщал, что Полле и Гонфгартен оснащены первоклассными радиостанциями, что они Еедут разговор открытым текстом (зачем, мол, шифровать, когда имеешь дело с «бандой»!) и что разведотдел Западного фронта будет передавать все перехваты Гришину — держите постоянную связь!

Что было дальше, можно легко понять по тексту этих радиограмм.

«Вольферсдорфу. Через отдел 1–а получил приказ от начальника тыла отправиться в с. Аргуново (по шоссе Смоленск — Рославль в 30 км сев. — зап. Починок). Выступление в 04.00.2.4. Ст. фельдфебель Шуберт».

— Вот нечистая сила! Шуберт, да не тот, — рассмеялся Гришин. — Москвин, пошлите взвод Зайцева. Пусть сыграет Шуберту что-нибудь веселенькое.

А вечером Данила снова показывал радиограмму. На этот раз от Вольферсдорфа:

«Прошу сообщить, направил ли начальник колонны автомашин начальника снабжения дивизии Шуберта в с.

Аргуново. Если да, то почему он не прибыл. Фон Вольферсдорф».

— Почему он не прибыл, Данила? — снова смеялся Гришин. А тот уже нес новую радиограмму:

«Прошу Штойгера провести тяжелую роту через Максимовское в указанный по приезду район Знамеричи к Гонфгартену».

Когда партизаны доложили Гришину, как они встретили эту роту на марше, он лукаво покосился:

— А не преувеличиваете, орлы? Учтите, проверю. Я теперь почти колдун.

Но вскоре пришла радиограмма, подтверждавшая, что участники засады не преувеличивают.

«Срочно необходимо 6 санитарных автомашин для тяжелораненых» — радировали немцы.

Радиостанция генерала Полле на волне 260 метров настойчиво выстукивала позывные генерала Гонфгартена: S + R, S + R, S + R. Гонфгартен отвечал на волне 98 метров.

Гришин слушал обоих.

Немцы были что называется сбиты с толку.

«Майору Вольферсдорфу. Вами установлено, что противник находится в лесу восточнее Тонковидово. Почему же наш дозор в другом месте (сев. Морочево) потерял три человека убитыми? Генерал Гонфгартен».

Сперва генералы хорохорились:

«Линия блокады ADZ замкнута Штойгером и тремя эскадронами. Препятствуйте прорыву даже отдельных групп».

«Когда станет светло, перехватите дороги. Препятствуйте прорыву даже одиночек».

Потом генералы заныли. В гришинских клещах оказались они сами.

«Эскадрон докладывает, что банда прорвалась сев. западнее от Чистяки».

«Группе ОРТ придется пробиваться из окружения своими силами. Вам машины держать на ходу. Машины Рейферта — в западне».

«Роты Декра в пути уже 4 дня. Лошади охромели. Тянуть сегодня невозможно. Занять позиции, как приказано назавтра, — нет возможности. Тянуть больше нет сил, чтобы продвигаться ».

У них не было сил! А у гришинцев? Конечно, Большая земля оказывала неоценимую помощь. Радиоперехваты помогали ориентироваться. Но все же силы были далеко не равными. В течение двух месяцев — марта и апреля — полк выдержал 25 крупных боев. В небе висела вражеская авиация, скорострельные пулеметы партизан отмалчивались — берегли патроны. По земле

шли танки, а у партизан против них не было артиллерии — только противотанковые ружья да гранаты.

С утра до вечера шли бои, а ночью Гришин каждый раз выскальзывал из клещей, уводя за полком обоз и госпиталь.

Партизанский госпиталь! Обычно понятие «госпиталь» ассоциируется с белым солнечным зданием. Чистота и запах карболки. По бесшумным коридорам и палатам снуют врачи и сестры в белоснежных халатах, приходят девушки с цветами, почтальоны приносят письма. Раненые выздоравливают и норовят досрочно вернуться в часть. Так?

Так вот, партизанский госпиталь, да еще в рейдовых отрядах, не имеет ничего общего с этой картиной.

Партизанский госпиталь — это обоз, постоянно готовый к маневренным маршам, к походам через ночи, через снега и ветры, дождь и зной.

Копыта лошадей на переходах через большаки и «железки» обмотаны тряпками, чтоб не гремели, на телегах, колеса которых подбиты кожей или войлоком, по одному и по два лежат раненые.

Подстилкой служит солома, покрытая какой-нибудь дерюгой. У немногих голова покоится на подушках — их хватает лишь для тех, кому особенно худо. Укрыты раненые трофейными одеялами, шинелями всех цветов, плащ–палатками.

За телегой движется на собственных четырех продуктовая база и молочная ферма госпиталя — послушная партизанская буренка. На опасных переходах ей зажимают морду, чтоб не мычала.

Подгоняя лошадей и коров, с винтовками или карабинами шагает «обслуживающий медперсонал», готовый в любую минуту взять раненых товарищей на плечи.

Тут же идут в трофейных сапогах два–три врача, которые соединяют в себе все профили медицинской науки и творят чудеса хирургии иногда с помощью прокипяченной в ведре слесарной пилы.

В полку такими кудесниками были Заболотский, Миролюбов и Левченко. Последний таскал на плечах пятилетнего сынишку, общеполкового любимца, оставшегося без дома и без матери Вовку.

С толстыми санитарными сумками через плечо, не зная страха и усталости, суетятся между телегами веселые партизанские сестры.

В сумках — несколько пузырьков, бутылок всемогущего первача и «перевязочный материал» — от бинтов и парашютного шелка в хорошее время до грубых наволочек и исподнего белья — в крутое.

На ухабах и поворотах раненые, скрипя зубами, переносят нестерпимую боль. Товарищи шепотом ободряют их.

На открытых привалах секут дожди, свистят холодные ветры. Товарищи снимают с себя одежду и кутают раненых.

На дневках в деревнях первый стакан молока, поднесенный хозяйкой, первая лепешка или яйцо — все сносится к раненым.

Так заведено у гришинцев.

Быть раненым партизаном — это значит переносить нечеловеческие страдания и трудности, но это значит также постоянно испытывать на себе простирающуюся до самопожертвования заботу товарищей.

Что могли противопоставить этой дружбе и этому мужеству фашисты, жалующиеся по радио на своих охромевших лошадей! Что они знали об усталости!

Особенно тяжким был бой в деревне Дмыничи. В приказе Гришина, который получили в тот день вконец измотанные маршами и боями партизаны, были слова: «Не отходить.

Не спать. Петь. Усталость сегодня равнозначна предательству». Гришин стоял на открытой со всех сторон обстрелу соломенной крыше и наблюдал за боем в бинокль. Он писал комбатам ободряющие короткие записки.

Когда сгустился туман, — окуляры бинокля помутнели, как матовое стекло, — Гришин слез с крыши, чтобы обойти окопы. Внизу стоял ординарец Иванова с донесением: «Туман, дальше тридцати шагов не видно».

Гришин написал на обороте: «Вот и прекрасно. Бейте немцев в упор».

Здесь нет места, чтобы подробно описать этот бой и блистательный ночной выход из окружения через болото.

Впоследствии Гришин, уже слушатель военной академии, вызванный профессором к доске, чтобы решить трудную тактическую задачу, увидел знакомую картину. Он получил пятерку и похвалу профессора:

— Отлично. Верю, что, если бы вам на самом деле пришлось воевать в этих условиях, вы бы справились.

Слушатели удивленно посмотрели на Гришина, не понимая, почему он, такой обычно дисциплинированный, не сдержал своего знаменитого смеха. Гришин пробормотал: «Вот, нечистая сила!» —и извинился перед профессором.

Полле и Гонфгартен в тех боях потеряли 700 человек убитыми. В очередной раз высшему начальству было послано донесение, что «банда Гришина истреблена». Вместе с этим донесением на волне Гонфгартена была перехвачена последняя радиограмма: «Согласен с представленными на отдых

квартирами. Действия по блокированию окончены».

А особый партизанский полк «Тринадцать», усталый, но сильный и боеспособный, как никогда, лесами уходил на новые дороги, к новым испытаниям, подвигам и победам.

В лесу прифронтовом

…У командующего группой армий «Центр» фельдмаршала Эрнста Буша был к Сергею Гришину особый личный счет.

«Чертова дюжина», как давно называли немцы полк «Тринадцать», всю войну нависала у него за спиной. Буш ездил к фюреру с хитроумно обоснованным проектом создания вокруг своих гарнизонов железобетонных крепостей.

Что тогда произошло в ставке, можно судить по свидетельству Курта фон Типпельскирха, автора немецкой «Истории второй мировой войны».

«Командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Буш не смог отстоять свою точку зрения перед Гитлером… Гитлер цинично спросил Буша, не принадлежит ли он к числу тех генералов, что постоянно оглядываются назад? »

А как ему было не оглядываться постоянно?

Эрнст Буш возвратился на фронт согнувшийся от немилости фюрера и тут узнал, что Сергей Гришин, как всегда, снова у него за спиной. В пятнадцати километрах от его передовой линии!

И вот, как только Эрнсту Бушу стало ясно, что фронт временно стабилизировался на реке Проня, Сергею Гришину пришлось иметь дело уже не с карательными экспедициями, пусть под командованием двух генералов, а с отборными фронтовыми частями.

Буш, что называется, не поскупился. На окружение советского леска у деревни Бовки, в котором был один партизанский полк. Буш послал крупное гренадерское соединение с приданными дивизионами артиллерии. И еще — танковый и механизированный полки. И еще — бросил две эскадрильи бомбардировочной авиации. А у Гришина был один полк и зарывшийся в землю внутри его кольцевой обороны большой лагерь безоружных беженцев из деревень — женщины, старики, дети. Их было около 20 тысяч.

А вокруг вставали столбы земли, плясали и, лихорадочно цепляясь друг за друга, падали деревья.

Гришин сидел, по–турецки поджав ноги, под расщепленной надвое сосной, и никто не решался предложить ему войти в блиндаж. К нему шли донесения. Их было много. А текст в общем

один: «Патроны на исходе, запретил стрелять. Контратакую врукопашную. Настроение бойцов хорошее».

На глазах у Гришина разбомбило радиостанцию. Ершов упал над ней на колени.

— Начисто, — сказал он.

На глазах у Гришина были сбиты два наших самолета-разведчика, пытавшиеся выйти с нами на связь.

Связи с Большой землей больше не было.

Немецкие подразделения, прорывавшиеся в атаку, партизаны брали в клещи и уничтожали врукопашную. Это поубавило спеси. Массовые атаки прекратились. Буш решил взять полк измором, бомбами и снарядами.

И так — 12 дней. Пришел голод. Он подкрадывался медленно и незримо, а потом разом обрушился на полк. Сумки на плечах беспомощно обвисли. В них не было уже даже крошек от растертых сухарей. Лица почернели.

Резали и ели боевых коней. Ели сырыми. Костер стал предателем.

17 октября в полдень вдруг разом наступила тишина и в лесу пронзительно запахло горячей едой. Это не было обычным для немцев «прекращением войны» на обеденный перерыв: 12 дней и ночей они не позволяли себе и партизанам ни сна, ни отдыха. Если умолкали на час наземные войска, тут же появлялись самолеты.

К Гришину привели осведомленного «языка». Когда ему удалось справиться со своими омертвевшими от кляпа челюстями, он показал, что на этот день фельдмаршал Буш назначил последний срок «уничтожения банды Гришина». По показаниям обер–лейтенанта выходило, что Буш бесится. Неистребимая «Чертова дюжина» внушала ему мистический ужас. В операции, разработанной с обычной для гитлеровцев иезуитской пунктуальностью, между двумя огневыми подготовками была запланирована подготовка психологическая.

Немцы решили напомнить нам об иной — мирной и тихой жизни. Выкатить кухни под ветер и с 12.00 до 12.30 прекратили огонь.

Гришин резко поднялся с пенька и подошел к окопу. На дне его рядом с Сашей Стугагаым еще чуть подрагивал вобравший в себя недавнее землетрясение баян. Что сказал Гришин Ступину, никто не слышал. Но вдруг над лесом грянуло:

Эх, Андрюша, нам ли быть в печали?
Пой гармонь, играй на все лады!

Ступин стоял на высотке. Поставив ногу на пенек и склонив голову набок, он растягивал меха.

В окопах заулыбались. Голос у Сашки осип от голода и срывался. Выручал баян. Он гремел на весь лес отчаянно и лихо.

Немцы не выдержали. В 12.10 на высотку обрушился минометный огонь. Сашка снял ногу с пенька и пошел приплясывать:

Так запой, чтобы горы заплясали,
Чтоб зашуме…

Осколок попал Сашке в руку. Баян упал, рявкнул грозно и жалобно и умолк…

В 12.15 фашисты пошли в атаку, в ту самую, которая была намечена на 12.30 в этот день, 17 октября, как последняя. И эта атака была отбита!.. Да как!..

Снова наступило затишье. И Гришин позвал командиров на совет. В землянку, освещенную коптилкой, вошел комиссар Стрелков с политработниками, майор Пахомов, контрразведчики Милехин и Денисов, комбаты Москвин, Иванов, Матяш, Звездаев, Дулькин, командир прославленного диверсионного отряда «Победа», вошедшего в полк на правах 4–го батальона, Новиков.

Гришин оглядел их исхудалые, с запавшими глазами и выпяченными скулами лица…

— Начнем, как всегда, с обстановки. По расчетам противника, мы с вами доживаем последние часы. — Но голос звучал твердо. — Сегодня мы переживаем трагедию, завтра может наступить катастрофа. Рассчитывая на подход Красной Армии, мы допустили ошибку. У фронта свои, более важные для Родины задачи.

Он заходил по землянке, всунул в рот пустую трубку, пососал и сунул в карман.

— Нам остается либо красиво умереть… — рядом с землянкой разорвалось несколько снарядов, посыпался песок, но Гришин продолжал, не прерывая речи и не меняя тона… — либо сделать попытку прорваться… Итак, я решаю идти сегодня на прорыв. Есть ли другие мнения командиров?.. Нет?.. Слушайте приказ.

И он приказал батальонам в полночь бесшумно сняться с

обороны, всех тяжелораненых взять на носилках на плечи, к больным и легкораненым прикрепить по одному здоровому партизану. Лагерь беженцев предупредить незадолго до прорыва и всех желающих взять с собой.

— Эх, помогла бы армия, хоть бы «ура» подкинула! — вздохнул кто-то.

Гришин вдруг рассмеялся своим заразительным смехом.

— Она поможет. Она подкинет! — сказал он.

Все с недоумением и надеждой посмотрели на разбитую рацию. Гришин снова рассмеялся. Потом обрисовал дерзкий план.

— Прорыв делаем на участке 747–го гренадерского немецкого полка, то есть на участке нашего 2–го батальона. Основной удар наносит батальон Москвина. Матяш и Новиков немедленно расширяют прорыв. Теперь слушайте. Болото проходимо! — и Гришин раскрыл основную хитрость плана.

Оказывается, в лагере беженцев нашелся старик, знавший тропку через болото, которое и партизаны и немцы считали непроходимым. Конечно, через эту тропку нельзя было вывести полк, но по ней гуськом по одному во вражеский тыл могла просочиться рота без обоза и раненых. И Гришин приказал одной из рот Звездаева обойти противника. Когда Москвин пойдет в лобовую атаку, эта рота ударит в тыл немцам с востока, то есть со стороны фронта, с тем чтобы создать для них видимость прорыва наших армейский частей.

— Вот и подкиньте им армейское «ура»! Да как следует!

…Луна стояла точно над перебитой осиной. А под луной стояли и не шевелились сжатые, как пружины, батальоны. У бойцов были костлявые руки, белые костлявые лица и огромные белые глаза. А на плечах лежали носилки. И раненые на них не шевелились. И казалось, мертвецы держат на плечах мертвецов. А за батальонами бесконечной толпой стояли и не шевелились старики и женщины. Женщины полой прикрывали младенцам рты. И младенцев не было слышно. А старики опирались на дубины и вилы и кашляли в шапки. И стариков не было слышно. И кусты старались не шелестеть. И все это было залито мертвым белым светом.

И вдруг ударило «ура!..» Такое «ура»!.. Да что там!

И вдруг ударило «ура»,
рванулось в облака!
Как будто рухнула гора,
молчавшая века!..

…Патронов не было с утра —
с вчерашнего утра…
И вот кричали, чтоб «ура»
патроны заменить могло.
Кричали — тишине назло!
И накричаться не могли.
Носилки плыли на плечах
над морем криков и голов.
И видел я: полуживой,
с окровавленной головой
товарищ мой «ура» кричал,
отхаркивая кровь…

И немец, знавший страх атак,
услышал, как встают, скрипят
под каской волоса!
Штыки — и те страшны не так,
как мести голоса!

И пресмыкался подле ног,
обутых в лапти ног,
747–й их полк,
их — гренадерский! — полк.
И минометный лай заглох,

и треск свинца умолк…
А те, пред кем в ночи слепой
опять лежал беззвучный путь,
еще кричали всей толпой,
за все недели, во всю грудь!

И в этой буре громовой
один, спокоен и суров,
с приклада скомканной травой
стирая вражескую кровь,
наш батька сердцем слушал тех,
кто молча шел за ним в строю,
берег свой голос в немоте
и проверял, как штык в бою.
Пред ним рассвет врывался в мрак
— лес начинал редеть…

И он сказал:
«Ты знаешь, как

вот эти люди будут петь!..»

Я писал это тогда же, на исходе октября 1943 года. Позднее поэма «В краю молчания» несколько раз переиздавалась. Но здесь мне захотелось привести этот отрывок в первозданном варианте, сохранившемся на клочке пожелтевшей бумаги.

Прорвавшийся полк вскоре вышел на правый берег Днепра. Гришинцы сражались во вражеском тылу еще почти год. На исходе лета 1944 года, когда настал долгожданный час встречи с родной армией, Гришин командовал уже партизанским соединением «Тринадцать». В нем было три бригады и три отдельных отряда.

И вот перед тем как в Смоленске быть официальному параду партизан, Гришин назначает в деревне Скрылевщина сбой прощальный смотр.

Чего греха таить, с юности и до сих пор я, как, наверно, большинство моих сверстников, люблю военные парады. В предгрозовом сороковом с винтовками «на руку» проходила строевым моя 121–я стрелковая, и сердце согревало ни с чем не сравнимое чувство не обидного, а прекрасного растворения твоего «я» и полной слитности твоей с шеренгой, с ротой, с армией, со страной. Где вы, мои соседи по тем довоенным шеренгам?.. Мне выпало счастье видеть послевоенные парады в Москве и честь вести репортаж для газеты с Красной площади.

Но тот, ни на какие другие не похожий, скромный марш по пыльной сельской улице занимает в моей памяти особое место. То был наш парад победы, и мы его никогда не забудем.

Тринадцать раз «уничтоженное» в рапортах фельдмаршала Буша, генералов Полле, Гонфгартена и других вояк партизанское соединение «Тринадцать», живое, боевое, вооруженное до зубов, впервые шло без разведки, без заслонов, без головной походной заставы, по дневной, залитой солнцем дороге. Шли бригады и отряды, и над ними витало под солнцем гордое сознание исполненного долга. Шли люди, одетые во что попало, но так лихо держали равнение и чеканили шаг, что, казалось, на них сверкали золотом парадные мундиры академий. Да, это шла народная военная академия преданности Родине и партизанского мастерства. Шла плечом к плечу испытанная маршами и боями, пулями и голодом, холодом и лишениями необоримая сила, могущественней и прекрасней которой, пока живет человечество, никогда ничего не было, нет и не будет и которую громко называют — сплоченность. А проще — дружба.

Многих боевых товарищей недоставало в этом строю. Недоставало комбатов Шерстнева и Шамова, недоставало парторга Кардиша, недоставало подрывника из отряда Новикова — Пети Галецкого, бросившегося с миной под фашистский эшелон… Но гришинцы рассчитались с фашистами за все, рассчитались и за погибших…

Гришин со штабом стоял на пятачке слева. Шеренги равнялись на него, и если бы ему пришло в голову крикнуть армейское «Здравствуйте, товарищи!», наверно, и в Смоленске было бы слышно ответное тысячеголосое: «Здравия желаем, товарищ командир!». И прозвучало бы оно так, что не покоробило бы слуха самых взыскательных строевиков.

Но Гришин, как всегда, читал в сердцах своих боевых друзей. А сегодня в этих сердцах где-то под кипящей радостью ныло от предстоящей разлуки. И он понимал: сегодня не надо громких слов. Сегодня проститься с ним хочется каждому в отдельности. А он знал всех.

Колонну возглавлял трофейный мотоцикл. За рулем сидел заправский мотоциклист в новеньких — когда только раздобыл! — кожанке и шлеме, а в коляске, поджав к самому подбородку латаные коленки, восседал неимоверно долговязый парень в пиджаке, шляпе и с пулеметом через плечо.

Сдерживая улыбку, он каменно держал равнение налево и «ел глазами начальство».

— Федька, нечистая сила! — не выдержал Гришин. — Живой!

Федька Волынщиков, штабной повар, а по совместительству мастер брать фашистские эшелоны «на шнур», совсем не по уставу выскочил на ходу из коляски и бросился к командиру целоваться.

С пятачком поравнялся партизан в рваном и нелепом в этот жаркий день черном полушубке. Он застенчиво прятал за овчинный воротник свое сияющее лицо, не решаясь выйти из строя.

— Дарчиев, скидай шубу! — крикнул Гришин. — Теперь всегда будет лето!

Дарчиев, талантливый осетинский писатель и храбрый смоленский партизан, краснея от смущения, проговорил :

— Разрешите выйти из строя, товарищ командир!

— А ты уже вышел, — рассмеялся Гришин. — Навсегда вышел, Даут. Теперь, брат, за письменный стол!

Сам Гришин, сельский учитель, в грозные годы ставший солдатом и творцом, выходить из военного строя не собирался. Впереди у него были две академии — Генерального штаба и имени Фрунзе, затем кафедра, ученая степень кандидата военных

наук. Но это было впереди.

А пока в колонне двигалась повозка. На ней кого-то везли. Гришин нахмурился: ведь раненых давно отправили в госпитали, в настоящие госпитали, где белые палаты и куда приходят девушки с цветами.

Гришин бросился к повозке, наклонился над изможденным лицом. Не узнал. Рядом с повозкой шел Анатолий Сави лов.

— Это Воскресенский, командир, — сказал он. — Ревматизм разбил. Болото!

Савилов и Воскресенский — аспиранты МГУ — вместе ушли в ополчение, вместе бежали из фашистского концлагеря, вместе храбро сражались в полку. Гришин любил их.

— Кирилл Александрович! Дорогой! — наклонился он над Воскресенским и быстро заговорил: —А я побывал у ваших родных в Москве. Живы, здоровы! Таня кланяется.

— Спасибо, — от радости лицо Воскресенского стало прежним.

— Ну вот, — обрадовался Гришин. — Ничего, подниметесь, профессором будете! А?

Так шел этот необычный парад. Я стоял неподалеку от Гришина. Смотрел, как железный строй, сверкая оружием, чеканил шаг, как, поравнявшись с командиром, железо таяло от сердечного тепла, а строй рассыпался. Стоял, смотрел и вдруг отчетливо понял, что это значит.

А значило это, что войне приходит конец.

Леонид Жариков
КРАСНОДОНСКИЕ СТРАНИЦЫ

1

Последний раз я был в этом краю лет десять назад. Стояла поздняя осень, шли затяжные, беспросветные дожди, и дорога на Краснодон разлилась, точно река: машины застревали в липкой, непролазной донбасской грязи.

Казалось, ничто не могло двигаться в такое ненастье. В черном небе сквозь монотонное хлюпание теплых дождевых струй слышалась тревожная перекличка диких гусей. Всю ночь грустные гортанные клики то затихали, удаляясь, то снова появлялись где-то низко, над самыми крышами. Порой думалось, что над городом в ночи кружат одни и те же птицы. Может быть, они сбились с пути или коршун разметал стаю, и вот летают гуси, кличут матери детей…

Только на рассвете мы узнали, что так на самом деле и случилось: большая стая гусей, отбившись от главной массы, всю ночь летала над Краснодоном. Кто-то видел даже, как птицы ночью садились в балке Сухой Дол, а утром опять улетели. Немало их погибло в то горькое непогодье…

Случай с перелетными птицами чем-то напомнил мне краснодонскую траге–дию, когда, вдруг лишившись партийного руководства, брошенного фашистами в застенок, горстка уцелевших от ареста комсомольцев–подпольщиков стремилась вырваться из кольца врагов. Они уходили из Краснодона, стремясь пересечь линию фронта, но, натыкаясь на преграды, возвращались обратно. Немногим из них удалось спастись тогда.

Утром мне показали место казни молодогвардейцев. У заброшенной шахты № 5 возвышался как скорбный памятник старый терриkон. Порода на его морщинистых склонах стала от времени бурого цвета, а на вершине — яркобагровая, точно кровавая, с подтеками до самого низа.

Трудная доля досталась юным героям. В одну ночь они пережили слишком много: жаркую радость несломленного духа, боль измены, звериную месть врага и гибель надежд.

Тогда, десять лет назад, все еще было свежо в памяти: и война, и вся героическая, гордая эпопея краснодонцев-подпольщиков, и каждый клочок земли в этом маленьком шахтерском городке, казалось, хранил в себе их бессмертие…

И вот я снова в Краснодоне. С трудом узнаю старые приметы, да и не осталось их почти.

До самого Краснодона и дальше, к берегам Донца, пролегла гладкая, голубая под слепящим солнцем асфальтированная дорога.

При въезде в город, сразу же за шахтой 2–бис имени «Молодой гвардии», там, где раньше была степь, теперь стояли дома, целая улица красивых двухэтажных новых домов.

В центре города, возле школы имени Горького, где учились многие краснодонцы–подпольщики, на просторной площади воздвигнут величавый памятник из бронзы и гранита. На круглом шестиметровом пьедестале стоят пять бронзовых фигур, пятеро юных героев — боевой штаб «Молодой гвардии» : Олег Кошевой, Ульяна Громова, Сергей Тюленин, Любовь Шевцова, Иван Земнухов замерли неподвижно под знаменем Родины, как вечные часовые.

Суровы лица отважных. Поднял на ветру знамя Олег Кошевой, прижала к жаркому сердцу полотнище знамени, припав, как в клятве, на колено, Уля Громова. Устремил вдаль свой гневный взгляд Сергей Тюленин. Порыв борьбы в облике Любы Шевцовой. Спокоен и решителен Иван Земнухов.

…С волнением входишь в музей «Молодой гвардии». Под стеклом витрины беленькая блузка Нины Старцевой, старательно вышитая голубыми и черными нитками по воротничку, — такая нежная, милая девичья блузка. И тут же рядом с ней — стальной кинжал, принадлежавший этой девушке. Должно быть, нашла она этот кинжал в земле или подарил ей кто-либо из мальчишек в трудную минуту жизни. Кинжал плохонький, конопатый от ржавчины, но он аккуратно вычищен и вместо истлевшей старой рукоятки выстругана самодельная, даже непрокрашенная. Это было грозное оружие вчерашней пионерки, которая не могла примириться с фашистской неволей и собиралась на смертный бой. Тем, кто оставался в тылу врага, вместе с оружием вручали судьбу Родины — ее честь, ее будущее, всю ее, родную до слез, добрую и строгую мать–Родину. Как же было не сражаться и не идти бесстрашно на смерть за нее!

Немые документы времени! Если вдуматься в них, какая глубина нерассказанного вдруг откроется сердцу, и видишь за молчаливыми вещами живую жизнь, оборванную в самом начале.

Вот большая, во всю стену картина — Олег Кошевой перед палачами. Четверо гитлеровских офицеров сидят за столом в камере пыток, а перед ними ео связанными руками, в разорванной рубашке стоит гордый комиссар «Молодой гвардии» — шестнадцатилетний Олег Кошевой. Гитлеровцы смущены

выдержкой юноши. Один из них мрачно опустил голову, будто задумался, другие с хмурой ненавистью смотрят на Олега.

С особой лютостью фашисты истязали коммунистов, надеясь, что при виде их мучений комсомольцы струсят и расскажут все. Но стойкость отцов была для молодежи примером. Свидетели рассказывают, как Евгений Машков под нечеловеческими пытками крикнул врагам: «Вы можете меня вешать! Слышите? Все равно не заслонить солнца, которое взойдет над Краснодоном!»

Не всякая смерть есть трагедия и поражение. Их смерть была победой.

2

Дом Шевцовых находится на Первомайке, сразу же за шахтой 1–бис имени Сергея Тюленина. Это обычный каменный одноэтажный дом на две квартиры. В одной из них до сих пор живут родители Любы Шевцовой.

Мы возвращались с Донца через Изварино и уже в сумерках подъехали к дому Шевцовых.

Во дворе перед высоким деревянным крыльцом — садик из белых акаций. Деревья посажены рукой Любы Шевцовой. Рассказывают — очень любила белую акацию.

Мать Любы, Ефросинья Мироновна, полная и еще не старая женщина с живыми глазами, одетая по–домашнему в пестрый халат, сидела на ступеньках крыльца и, лузгая семечки, разговаривала с соседкой. Она сразу узнала директора музея «Молодая гвардия» Александра Макаровича Литвина, который привел нас в дом Шевцовых, и догадалась о цели нашего визита. Привыкла: откуда только не едут люди в город комсомольской славы Краснодон!

Мы вошли в дом. Большая высокая комната. Над столом, в середине, свисает с потолка лампа в шелковом абажуре, в углу кровать, белоснежная, пышная, со множеством подушек, а на стене знакомый миллионам людей портрет девушки–бойца, девушки–героя — Любы Шевцовой.

Ефросинья Мироновна, как только мы расселись вокруг стола, начала рассказ, живой, душевный:

— Когда Люба уезжала в Луганск, в партизанскую школу, я и думать об этом не думала и знать не знала. Прибежала она, как всегда, веселая, быстрая и сразу начала собирать вещи в чемодан. «Мамочка, еду учиться на медсестру, ты не горюй, я скоро вернусь. За меня не бойся: Любка твоя в огне не сгорит и в воде не утонет». И уехала.

Письма писала редко и сообщала в них только деловое: «Перевязываю раненых и отправляю в тыл». А сама, оказывается, училась в специальной партизанской школе.

Фронт все ближе подходил к нам, и вот тебе — немцы. Любы моей нет, думаю: слава богу, в тылу. А она тут как тут, заявляется домой, да не одна, а с немцами и на немецкой машине.

Перепугалась я, не пойму, что все это значит. А немцы веселые, вошли с Любой в дом, ухаживают за ней, ставят на стол закуски, вино.

«Люба, — шепчу я ей, — как тебе не стыдно?» А она: «Молчи, мама, это все равно все наше, они награбили, сволочи; в общем ешь, пей, а на меня не смотри: все будет хорошо».

Люба, как вы знаете, была бойкая, прекрасно играла на гитаре, умела плясать, пела. Без нее, бывало, и праздник не в праздник. Однажды — это было до прихода немцев — собрала она вот в этой комнате друзей. Среди них, помню, был один паренек, не очень красивый, худой, с длинным носом.

Люба к нему хорошо относилась, а тут он возьми и попроси: «Люба, а ну, сыграй что-нибудь сердцещипательное». Люба подхватила гитару и, прижимаясь к нему плечом, запела: «Я люблю вас, но живого, а не мумию…» Все рассмеялись, а паренек сначала смутился, а потом сам рассмеялся.

Люба сама себя в шутку называла артисткой. Еще в детстве у нее, малышки, спрашивали: «Ты кто?». Она отвечала: «Я артистка Любовь Орлова». Так с тех пор соседи ее и звали: «Артистка Любовь Орлова».

С немцами она обращалась вольно и смело, водила их за нос. Однажды определили к нам на постой противного немца. Люба его изводила. Как-то немец подвел Любу к географической карте и, указывая пальцем то на один город, то на другой, говорит: «Завтра будем пить кофе вот здесь, а послезавтра здесь». Все это он говорил наполовину по–русски, наполовину по–немецки. Люба моя слушала, слушала да как ткнет пальцем в Сталинград: «А когда здесь будете пить кофе?»

Немец рассвирепел, вскочил, забегал по комнате, потом снова сел и нервно забарабанил пальцами по спинке стула. А тут как на грех кошка наша решила, что он играет с ней, притаилась да как прыгнет — и поцарапала ему руку. Немца будто кипятком ошпарило, подпрыгнул, чуть ли не за пистолет, кричит: «Лубка партизан, и матка партизан, и кошка партизан!»

Люба моя так и покатилась со смеху…

Оказывается, она не только в подпольной организации была, но и самостоятельно действовала. Она много спасла раненых в дни оккупации. Ничего не боялась, приведет раненого в дом,

накормит, даст ему на дорогу хлеба, а то скажет: «Мама, давай спрячем его у нас». Она до того в своей смелости доходила, что однажды, когда несколько пленных бежали из лагеря, спрятала одного у нас под полом — вон там, в коридорчике, видите крышку люка? Немцы пленных разыскивали, опасно было прятать у себя. Тогда Люба уговорила немецкого лейтенанта отвезти пленного на своей легковой машине в Луганск, откуда был родом пленный красноармеец. И, вы только подумайте, немец отвез, приехал обратно и доложил Любке, что, мол, доставил твоего брата, все в порядке.

Даже теперь, совсем недавно, — меня дома не было — приходил, рассказывают, какой-то слепой и плакал здесь во дворе, говорит: «Люба меня спасла, а сама погибла».

Когда Любу арестовали, она взяла с собой в тюрьму лекарство и губную гармошку…

Ефросинья Мироновна достала из комода старенькую папку с документами и письмами. Движения ее стали замедленные и грустные. Она положила на стол листок, а вернее, огрызок тетрадной странички, где было написано плохо зачиненным карандашом:

«Здравствуйте, мамочка и Михайловна!

Мамочка, вам уже известно, где я нахожусь…

Прости меня за все, может быть, я тебя увижу в последний раз, а отца уж, наверно, не увижу.

Мама, передайте привет тете Маше и всем, всем… Не обижайся, с тем до свидания. Твоя дочурка Любаша».

— Это все, что я получила от Любы из тюрьмы…

Мы молчали — трудно говорить в такие минуты. Я знал, что были еще и другие весточки от Любы Шевцовой. На стене тюремной камеры в Ровеньках люди видели и запомнили ее последние слова:

«Мама, я тебя сейчас вспомнила.

Твоя Любаша».

«Прошу простить меня. Взяли навеки.

Шевцова».

Когда изгнали фашистов и в Ровеньках нашли Любу Шевцову, на ее теле увидели несколько вырезанных пятиконечных звезд. Девушка была расстреляна разрывной пулей в лицо…

Из соседней комнаты, где мы слушали рассказ Ефросиньи Мироновны, дверь вела в другую, Любину комнату. Ефросинья Мироновна проводила нас туда. Здесь все оставалось так, как было при Любе: девичья кровать, чистая, одинокая, возле окна —

комод, посередине — стол. Ефросинья Мироновна рассказывала, что за этим столом часто заседали подпольщики. Люба вообще никогда не бывала одна.

Грустно ходить по этим комнаткам и коридорам, здесь словно витает ее непокорный и неугомонный, вечно живой дух. Кажется, распахнется с шумом дверь и Люба Шевцова, Любка–артистка, войдет с гитарой в руках, жизнерадостная, стройная, нарядная, и скажет что-нибудь веселое, озорное…

В книге отзывов посетителей дома, этой волнующей квартиры–музея, меня тронула запись, сделанная старательной детской рукой:

«Дорогой наш друг Люба!

Как мало ты прожила на свете, как много сделала! Твой светлый образ всегда будет для нас примером. Твоя короткая жизнь, переполненная горячей любовью к своей Родине, к своему народу, как солнце, освещает нам дорогу.

Ты умерла, но в наших сердцах ты всегда будешь жить. Мы, советские пионеры, обещаем тебе, дорогая, быть такими же, какой была ты.

Мы никогда не свернем с пути, по которому шла ты. От пионеров Зверевской жел. — дор. школы № 25. В. Бутова, Петрова, Зуева, Медведев».

…Что поражает в образе этой чудесной советской девушки? Сочетание озорного, бесшабашного характера со страстной верой в народ и его счастье. Казалось бы, характер такой ненадежен, чересчур много смелости, лукавства, излишнего риска. И вдруг такая твердость, такая глубокая, трогающая сердце верность!

А еще понял я, что в Любе повторились черты характера ее родителей, простых, трудолюбивых советских людей.

Мать Любы, Ефросинья Мироновна, — никогда не унывающий человек, шутница, веселая рассказчица. Все, о чем она говорит с человеком незнакомым, это как бы внешне, а настоящее спрятано, и не поймешь, не угадаешь, спрятано надежно. Даже в доброй улыбке заметно, что подлинные ее боли и радости затаены глубоко в душе и о них она не станет говорить первому встречному.

Отец и мать Любы в прошлом красные партизаны, бойцы знаменитой 5–й армии, защищавшей Царицын. Григорий Ильич командовал комендантским взводом, а Ефросинья Мироновна работала санитаркой в полевом госпитале. Там, в Царицыне, они и поженились.

Любопытные черточки в характере у Ефросиньи Мироновны: вот откуда у Любы озорство, лукавство и ум! Ефросинья Мироновна в юности, встретив своего суженого — Григория

Ильича Шевцова, утаила от него, что была старше на целых четыре года. И теперь, рассказывая об этом незначительном, но веселом эпизоде, Ефросинья Мироновна смеется, глядя на мужа, и говорит: «А старик мой до сих пор не может мне простить».

Григорий Ильич Шевцов по характеру молчалив и спокоен, всю жизнь работал на шахте. Может быть, и твердость духа, и великая душевная сила, с которыми Люба шла на смерть, передались ей от отца–шахтера.

Теперь все знают, как она, бесстрашно глядя в лицо смерти, с гордым спокойствием отвечала врагам: «Сколько бы вы меня ни пытали, но узнать вам от меня ничего не удастся».

Чтобы бросить эти слова в лицо палачам, нужно иметь огромное самообладание и твердость. А еще нужно по–настоящему любить жизнь. Мы это знаем теперь по ее волнующим и пророческим словам, которые она произнесла, идя на смерть:

«Передайте всем, что я люблю жизнь… Впереди советская молодежь увидит еще не одну весну и золотую осень. Будет еще и чистое, мирное, голубое небо, и светлая лунная ночь, будет очень, очень хорошо на нашей дорогой и близкой всем нам Советской Родине!»

Вот она, Люба Шевцова, вся она здесь, в этих словах, по–девичьи светлых и по–солдатски мудрых.

Григорий Ильич Шевцов, как подобает шахтеру, в этот вечер говорил меньше всех.

Когда возник разговор о романе Александра Фадеева «Молодая гвардия», Григорий Ильич с великим уважением говорил об этой книге, а в конце усмехнулся, вспомнив, что в романе он считается убитым. «А меня никто не убивал, — сказал он, — я вот перед вами живой и работаю забойщиком».

Снова и снова обращался я мыслью к творению большого художника. Это правда, что произведение есть плод любви. Могучая сила этого чувства, сила фадеевской любви к своим героям воскресила мертвых!

3

Если свернуть с шоссе, ведущего от шахты 1–бис в сторону Каменска, с горы откроется обширная долина с беленькими хатками, утонувшими в зелени акаций. Это Гавриловна — часть Краснодона. Здесь, на узенькой извилистой улочке, очень уютной, заросшей вишневыми садами, стоит домик Ули Громовой.

Нас встретила мать Ули, Матрена Савельевна, старая женщина, повязанная по–крестьянски белым платочком. В

комнатах все скромно и просто. У окна — школьный столик Ули, за которым она десять лет готовила уроки. Над столом в старинной раме разбитое зеркало…

А вот и сама она, с длинными косами, опущенными на грудь, большими черными очами…

Матрена Савельевна то и дело поглядывает на портрет дочери, и слезы туманят материнские влюбленные глаза, вечно влюбленные в свое дитя. Она рассказывает:

— В том году 3 января Уле исполнилось девятнадцать лет. Вечером в тот же день арестовали Анатолия Попова, он был у них командиром пятерки. Улю арестовали 10–го, а 17–го казнили.

В день ареста она поднялась рано и стала убираться. Налила в таз воды, моет ноги, а сама поет: «Я девчонка еще молодая, а в душе моей тысяча лет…»

Она любила и умела петь, а в тот день была особенно грустная, будто чувствовала беду. Я спрашиваю:

— Что с тобою, доченька?

— Ничего, мама.

А сама подошла к окну, задумалась и вдруг стала петь, да так печально, что я сама заплакала: «Орленок, орленок, мой верный товарищ, ты видишь, что я уцелел. Лети на станицу, родимой расскажешь, как сына вели на расстрел…»

Я собрала на стол, но она ничего не стала есть и, тревожная, опять ушла. Уже поздно вечером, часов в десять, громкий стук в дверь. «Кто там?» — «Полиция». Старик мой открыл. Заходит сам начальник полиции Соликовекий. За ним двое полицаев. «Громовы здесь живут?» — «Здесь». — «Где дочка?» — «Не знаем: пошла гулять к подруге». Заставили старика одеться и идти искать Улю. Едва он собрался, а она на порог. Так и замерла, зубы стиснула, молчит. «Вы Громова?» — «Я». — «Собирайтесь».

Я собрала ей узелок, валеночки дала. А она твердит: «Мама, не плачь, они за все ответят…»

С тех пор я больше не видела ее живую. Когда вернулась Красная Армия, тогда только мы узнали, что детей наших фашисты побросали в шахту. Когда их достали, я увидела свою Улю… Какие же муки вынесли дети. У моей Ули была вырезана на спине звезда…

Отец Ули Громовой, Матвей Максимович, был солдатом русско–японской войны. Давно это было, а раны чувствуются поныне — шесть раз был он ранен…

Жители Краснодона с волнением рассказывают, что отец Ули Громовой часто приходил на могилу к дочери один и долго стоял над могильным холмом, тихо разговаривая с дочерью–героиней.

— Доченька, что же ты таилась от отца родного, зачем не

сказала. Я бы вместе с тобой пошел на смерть и на муки…

…Над поселком Первомайка, у самого поворота на Изварино, возвышается гора. До войны на этой горе собирались пионеры и жгли костры. Высоко над городом пылал огонь. Пионерка Первомайской школы У ля Громова читала товарищам стихи, рассказы. Притихшие ребята, блестя глазенками, с восхищением слушали, как читала Уля.

«Русь! Русь. Вижу тебя, из моего чудного прекрасного далека тебя вижу… Какая… непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине тЕоей, от моря до моря, песня?.. Русь! Чего же ты хочешь от меня? Что глядишь так и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?»

Искры взлетали над костром и, медленно угасая, падали на землю, и звучал в тишине мягкий, задушевный голос Ули…

Она прожила жизнь короткую, но яркую, как падучая ЗЕезда, оставив в жизни огненный след и поразив людей своей верностью.

…Твое будущее беспредельно, Уля. Твоя нетронутая красота, твои несбывшиеся мечты повторятся и оживут и сбудутся в тысячах твоих младших подруг, которые ходят сегодня по улицам советских городов и сел с пионерскими галстуками на груди…

4

Далеко от Краснодона, в водах Тихого океана, бороздит просторы белоснежный теплоход. На его бортах — гордое имя: «Иван Земнухов».

Вот оно — бессмертие! И хочется, перефразируя слова поэта, сказать:

— Здравствуй, Ваня… Земнухов…
Как я рад, что ты живой
дымной жизнью труб,
канатов
и крюков…

В Краснодоне знают, какой это был чистый, честный и смелый юноша, немного нескладный с виду, близорукий. В школе, где он учился и был старшим пионервожатым, его с

уважением и в шутку называли «профессор». Пожалуй, из всех краснодонцев–подпольщиков Ваня Земнухов был самым начитанным и даже сам писал стихи:

Нам чуждо к жизни отвращение,
Чужда холодная тоска,
Бесплодной юности сомнения
И внутренняя пустота.
Нас радости прельщают мира,
И без боязни мы вперед
Взор устремляем, где вершина
Коммуны будущей цветет.

Ваня Земнухов никогда не расставался с книжкой. Даже на вечера, где бывали танцы, он приходил с томиком стихов. Ярый враг пустых развлечений, он присаживался где-нибудь в уголке и увлекал товарища задушевной беседой. О чем? О стихах, о борьбе… Все волновало юношу, особенно судьба страны, строящей светлое будущее человечества.

Когда гитлеровцы заняли Краснодон, Ваня Земнухов не мог мириться с произволом и насилием. Вместе с Олегом Кошевым и другом детства Сережей Тюлениным он создает подпольную комсомольскую организацию «Молодая гвардия». Они так и остались бессменными членами штаба, в который потом вошли Люба Шевцова и Уля Громова. И теперь они стоят, отлитые в бронзе, все пятеро, боевой авангард подпольщиков Краснодона…

…С лютой ненавистью, с бешенством пытали гестаповцы Ваню Земнухова. Его подтягивали к потолку, выкручивая руки, и, когда он лишался чувств, выливали на него ведро воды и снова пытали. Его секли плетьми из электрических проводов, загоняли иголки под ногти. Но комсомолец не нарушил слов клятвы. Ведь он сам писал ее для всех молодогвардейцев, это были его слова:

«…Клянусь мстить беспощадно за сожженные, разрушенные города и села, за кровь наших людей, за мученическую смерть тридцати шахтеров…

Если же я нарушу эту священную клятву под пытками или из-за трусости, то пусть мое имя, мои родные будут навеки прокляты, а меня самого покарает суровая рука моих товарищей.

Кровь за кровь! Смерть за смерть!»

Враги так ненавидели комсомольцев и так боялись их! Сбросив полуживых Сережу Тюленина и Ваню Земнухова в ствол шахты, они подкатили к этой шахте тяжелую, груженную породой вагонетку и столкнули ее вслед за казненными — так будет надежнее…

Но не знали гестаповцы, что герои не умирают.

…Бороздит просторы океана теплоход «Иван Земнухов», острой грудью рассекает волну, уверенно и сильно гудит его сердце — машина. Нет, не умер юный герой, он будет жить вечно…

…В наших жилах —
кровь, а не водица.
Мы идем
сквозь револьверный лай,
чтобы,
умирая,
воплотиться
в пароходы,
в строчки
и в другие долгие дела…

5

Признаюсь, я с волнением ехал на встречу с Еленой Николаевной Кошевой. Я много знал о ней, но никогда еще не видел этой необыкновенной женщины, матери героя, известной матерям всего мира…

Мы нашли ее в детском садике шахты № 1–бис имени Сергея Тюленина. Она работала заведующей в этом са дике.

Рядом с ней исчезло чувство неловкости. Мы увидели простую женщину. Доброе открытое лицо, по–матерински ласковые руки, а в глазах вместе с приветливостью и теплотой озабоченность, которую так умеют скрывать наши матери.

Чтобы начать разговор, один из наших спутников, работник местной газеты, спросил у Елены Николаевны, почему ока предпочла работу в детском саду?

Елена Николаевна ответила, что уже двадцать лет работает воспитательницей и что для нее это не просто работа, а, если хотите, борьба, продолжение борьбы.

— Я стараюсь так воспитывать малышей, чтобы в трудный

для Родины час из них выходили Тюленины, Громовы и Шевцовы.

Елена Николаевна сказала об этом просто, как говорят о чем-нибудь будничном, но в ее словах прозвучало то чувство долга, с которым она благословила на борьбу своего сына Олега.

Кошевые жили в таком же, как у Шевцовых, стандартном домике, только в центре города.

Тут я впервые увидел бабушку Веру и еще раз с уважением подумал о писателе Фадееве. Он с удивительной точностью нарисовал ее портрет. Бабушка Вера действительно была похожа на… Данте.

В ее лице было что-то величавое и строгое, а говорила она чисто и мягко по–украински.

Бабушка Вера тоже партизанка и уже тридцать лет она в партии.

Как реликвию рассматривали мы ее партизанское удостоверение.

«Коростылева Вера Васильевна. За доблесть и мужество, проявленные в партизанской борьбе против немецко–фашистских захватчиков».

В доме Кошевых много волнующих свидетельств жизни и борьбы юных подпольщиков, и главное — их славного комиссара Олега.

Мы рассматривали редкие фотографии, пока еще никому не известные.

Вот Олег у школьной доски, он отвечает урок. Вот другой снимок. На нем трое мальчиков: в середине, лицом к аппарату, лежит улыбающийся Олег. Он обнял футбольный мяч, как будто только что прибежал с улицы.

Трудно поверить, что этот подросток, почти пионер, был комиссаром партизанского отряда и секретарем комсомольской организации. Трудно поверить, что этот мальчик был грозой для гитлеровцев, что он участвовал в смертельной борьбе и пал в ней смертью героя.

Гестаповцы сбились с ног в поисках народных мстителей.

А в Краснодоне и его округе шла беспощадная борьба.

В карьере нашли двух повешенных полицаев.

В окрестных селах и хуторах горели скирды с хлебом.

Из Первомайской больницы кто-то помог бежать двадцати раненым военнопленным.

На дороге Гундоровка — Герасимовка взлетела на воздух от взрыва гранаты легковая машина с гитлеровцами.

В центре Краснодона сгорело здание биржи труда, где в огне были уничтожены списки молодежи, намеченной к отправке в Германию.

В степи, в окрестностях Краснодона, была перебита охрана большого стада скота, отобранного у жителей района…

Все это были дела рук подпольщиков–комсомольцев, все это делал со своими боевыми товарищами комиссар Кашук — Олег Кошевой…

Елена Николаевна не может сдержать слез, когда вспоминает о похоронах сына:

— Когда мы вырыли его из-под снега, я даже не могла его одеть: он весь был скрюченный, один глаз вытек, а щека чем-то проколота…

«Подвиг «Молодой гвардии» будет вечно жить и звать на борьбу за коммунизм, — писали учащиеся Верхнеевечниковской средней школы Ростовской области. — Мы крепим ленинский комсомол, пополняем его ряды:

В рядах Олега, Ули, Зои —
Друзья и сверстники мои.
И встанут новые герои,
Коль грянут новые бои!»

6

Каждой весной на могилах комсомольцев–партизан распускаются цветы. И растет на земле Краснодона новое поколение борцов.

Кто же они, наследники героической славы?

У горняков Краснодона установилось ставшее традиционным почетное звание «Молодогвардеец труда». Кто стал мастером угля, кто работает отлично, тому и присваивается это высокое и волнующее звание.

Одним из первых почетное звание завоевал Петр Забашта — машинист электровоза шахты 1-бис имени Сергея Тюленина.

Интересно сложилась судьба у этого невысокого, с курчавой шевелюрой и спокойными темными глазами паренька. Родился он в украинском селе. Но его всегда влекло туда, где дымил Донбасс. Там в годы войны жили и боролись любимые его герои — краснодонские комсомольцы. О них он думал с детства, затевал с ребятами игры в «Сергея Тюленина» и «Олега Кошевого». Когда подрос и поехал учиться в днепропетровскую школу, в его деревянном сундучке–чемоданчике не было ничего, кроме чистой майки и романа Фадеева «Молодая гвардия» в

потрепанном переплете. Петя мечтал о том, чтобы его жизнь была бы хоть чуть–чуть похожа на жизнь краснодонцев.

Не сразу привела его судьба в Краснодон. Сначала Забашта попал в Кривой Рог, где восстанавливали коксохимзавод. Оттуда, как лучшего рабочего, его направили в Москву. Здесь работал на «самой высокой должности», как любил шутить, — на строительстве высотного здания у Смоленской площади.

На самой вершине этого здания стоял верхолаз–монтажник Петр Забашта. Перед ним открывалась Москва, столица мира! Он видел ее всю — от скрытой в тумане Яузы до лесистых Ленинских гор с величавым зданием университета. Дух захватывало — какая она необъятная и красивая!..

Но вот однажды Забашта прочитал обращение партии к молодежи — ехать на стройки Сибири и Донбасса. Выбор явился сам собой — в Донбасс!

Случилось так, что он сразу попал в город мечты — Краснодон. Забашта бродил по улицам в сущности незнакомого города и удивлялся тому, что видел знакомые места. Вот школа имени Горького, где учились Олег Кошевой и Ваня Земнухов. А там — старая шахта № 5, куда сбрасывали юных героев, и дорога, по которой везли их на казнь…

Забашта получил назначение на шахту № 1 имени Сергея Тюленина. Здесь он впервые узнал, что Сережа Тюленин, оказывается, работал в первые дни войны на этой шахте забойщиком.

Теперь и он, Петр Забашта, будет шахтером. То под облаками работал, а теперь спустился в недра земли! Интересно! Он выбрал себе профессию машиниста электровоза. Не легко и не просто водить под землей составы. Тянется темная галерея штрека. Свет от фары осторожно ощупывает дорогу. Медленно движется электровоз, управляемый еще неуверенной рукой. Гулко отдается в пустоте штрека рокот колес. Надо уметь на крутом повороте правильно затормозить, чтобы свободно и плавно вывести состав на прямую. Уметь, если состав идет на подъем, дать такую скорость, чтобы за счет инерции вытянуть тяжелый поезд. Надо знать, как вести состав врастяжку, чтобы вагонетки не толкали машину, как управлять электровозом, когда он мчится под уклон. В таких случаях легко забурить груженый состав, и тогда придется самому, «лимонаткой» (спиной, упершись ногами в шпалы) поднимать опрокинутые вагонетки.

Так оно и случилось вскоре. Забашта от огорчения и досады не знал, что делать. Он кружился возле лежавших на боку вагонеток, старался поставить их на рельсы. Но где там! Если бы не шахтеры, проходившие мимо, не справился бы Забашта с

тяжелой аварией. Даже при помощи людей и то пришлось чуть не целую смену провозиться с забуренным грузом. Тяжело. А молодогвардейцам легко было? А тридцати шахтерам Краснодона, которых фашисты закопали живыми в землю, легко им было?

Опыт приходит не сразу, а без него не станешь мастером.

Но вот сменное задание было перевыполнено. Стараясь скрыть улыбку под озабоченным видом, Забашта шагал под землей к стволу. На поверхности его встретил начальник участка:

— Как дела, коногон? Сколько сегодня угля вывез?

— Не так чтобы много… тонн двести.

— Ого! Молодец!

Обычно машинисты электровозов водят составы по 20 вагонеток, а Забашта решил прибавить по три–четыре вагонетки на состав. Так он стал вывозить угля больше, чем другие.

«Если быть, так быть лучшим» — эти вычитанные еще в детстве слова Забашта крепко помнил.

Но быть лучшим нелегко.

Сначала Забашта попробовал водить составы на больших скоростях. Этим он увеличил количество ходок от ствола к забою и обратно.

Хорошо. Но можно работать лучше.

Забашта попросил разрешения увеличить состав до тридцати вагонеток.

Начальник участка с удивлением взглянул на молодого горняка. Никто из «стариков» не водил составы такой тяжести.

— Что ж, попробуй!..

И вот тридцать груженных углем вагонеток. Состав так длинен, что машинисту не видно в темноте штрека конца поезда. Там, вдали, сигналит лампочкой кондуктор. Поехали! Состав плавно, чтобы не разорвать сцепку, трогается с места. Шахтеры с интересом смотрят на необычный состав. Набирая скорость, гремит по штреку подземный поезд. Подъем, поворот, еще поворот, и вдали замелькали огни рудничного двора.

Гудит земля под колесами машины. В кабине электровоза Забашта в рубахе–косоворотке, видной под распахнутой курткой. Спешит подземный скорый! До конца смены еще часа два, а Забашта уже выполнил норму. Так, только так водил бы составы Сережа Тюленин, только так работали бы герои–молодогвардейцы, если бы жизнь их продолжалась. А впрочем, впрочем, она продолжается…

…Горела вполнеба вечерняя заря. Мы шли е Забаштой по Краснодону. В городской парк к братской могиле молодогвардейцев, утопающей в живых цветах и усыпанной

желтыми осенними листьями, приехала экскурсия. Две девушки вынесли из автобуса венок, и делегация торжественно возложила его на могилу у высокого обелиска. Один из шахтеров, волнуясь, произнес перед собравшимися речь. Он сказал, что горняки Гостова склоняют головы перед подвигом героев и в память о них обязуются каждый день выдавать уголь сверх плана.

Забашта стоял серьезный, немного грустный.

— Интересно бывает в жизни, — сказал он в раздумье, — можно прожить на свете сто лет, и никто не будет об этом знать, словно и не жил человек. А можно прожить восемнадцать лет и остаться в памяти народной на века. Отчего так? Наверно, ответ в том, как жить. Бывает, работает человек не плохо, но живет только для себя. А помрет — и не знаешь, для чего жил человек. Ни сказок о таком не расскажут, ни песен не споют. А молодогвардейцы — бессмертны! Почему? Да потому, что жили для народа.

Часто говорят: люби Годину. Как же иначе — Годину любить нужно, но мало этого. Надо, чтобы Година тебя любила!..

7

Вторая половина лета в Донбассе была на редкость жаркой. На Украине говорят «спека». Небо от зноя стало белесым, словно выгорело. И степь лежала, пахнущая пылью, покрытая шуршащей сухой полынью. По вечерам солнце опускалось за горизонт, в сплошную пелену оранжевой пыли.

Шахты Краснодонского района тянутся далеко на восток. Последние из них возвышаются над Донцом, сверкая огнями, как маяки. Весело зеленеет вдали пойма Донца.

…Медленно опускаются сумерки, тихие сумерки южного края. Вода, отражавшая румяную зарю, тоже стала нежнорумяной. А с восточной стороны, где небо было темно–синим, светлая река отразила прибрежные деревья — опрокинутые зеленые дубы стоят в воде будто живые.

Уже никого нет на берегу, привязаны лодки, разошлись люди, и течет неслышно величавый Донец.

Зажглась в небе первая звезда и повторилась в речной воде. Раскинулся над затихшей рекой небесный звездный купол. И вот уже Можно было ясно видеть два созвездия Большой Медведицы: одно — в небе, другое — в Донце.

От пения цикад стоит мелодичный серебристый звон. Стало совсем темно. Где-то на дальнем берегу зажгли костер. Пламя вздрагивает, то увеличиваясь, то затихая. Но вот оно достигло

почти верхушек деревьев и отразилось в реке длинным огненным языком.

Издалека донеслась песня. Чьи-то дружные голоса негромко, задумчиво пели: «Это было в Краснодоне, в грозном зареве войны…»

Пришли из станицы ребятишки–рыболовы. Они сидят на берегу против закинутых в Донец удочек и, кутаясь в отцовские, с длинными рукавами, ватные пиджаки, жуют краюхи хлеба с дыней и тихо переговариваются:

— Хорошо поют где-то… Должно, пионеры…

— Что ты, лагеря давно уехали… Это экскурсия из Краснодона возвращается, вот и остановились.

— Что же вы в такой темноте ловите, ребята? — спросил я, подходя к лодке.

— Рыбу, — ответил спокойный, немного насмешливый голос.

— Рыба не увидит вашу приманку.

— Увидит. Тут таких сомов ловили, дай боже…

— И поплавка не видно…

— Зачем его видеть? Сом глотает сразу. Только держи удочку, а то утянет, — ответил мальчик и замолк, глядя в Донец, полный звезд.

Почему-то подумалось мне при взгляде на это серебряное звездное мерцание, что, наверное, не раз летней ночью Люба Шевцова и Уля Громова с подругами любовались этими звездами и в шутку загадывали, чья та звезда, чья эта…

Погибли юные, а звезды горят и вечно будут мерцать над степным шахтерским городком…

В. Баркан, В. Плешевеня
СТРАНИЦЫ ИЗ ЖИЗНИ ДМИТРИЯ ГУЛЯЕВА

Шли нестройной колонной, вдыхая ароматные запахи леса. Лица у всех были возбужденные, е них еще не сошла горячка недавнего боя. Вспоминали подробности. В голове отряда вместе с комиссаром Легостаевым шагал командир отряда Дмитрий Гуляев.

Кто–до тихо напевал «Из-за острова на стрежень». Гуляев прислушивался с минуту, а потом, озорно толкнув комиссара локтем, сказал: «А что, если погромче?». Но в тот же миг к Гуляеву подбежал связной из высланного вперед дозора.

— Товарищ командир. Немцы…

— Где? — С лица Гуляева сразу сбежала улыбка.

— В направлении на Борборово движется немецкий обоз, повозок пятьдесят, — четко доложил связной. Затем, уже не официальным тоном, добавил :

— Гастянулись на целую версту.

Гуляев отдал приказ о боевой готовности, а сам вместе с связным быстро взобрались на небольшой холм, где их поджидал командир дозора. Замаскировались.

Узкая лента дороги проходила метрах в трехстах от леса, за лугом с редким кустарником. Скрытых подступов к ней не было. Очевидно, немцы побаивались нападения партизан, ехали с интервалом между повозками в 30–40 метров. На каждой — 3–4 солдата.

В таких условиях засада не всегда приносит успех. Тем более что партизан было в несколько раз меньше — всего лишь три десятка.

Внимание привлекала необычная форма солдат. На многих были офицерские шинели.

Гуляев не знал, что перед ним группа немецких офицеров, отбывавшая с Восточного фронта домой в отпуск. В дороге офицеры решили пополнить свои чемоданы. Комендант Глусска, обер–лейтенант, не только подсказал им объект для грабежа — деревню Борборово, но и поехал с ними проводником, прихватив из гарнизона усиленную охрану солдат.

Обо всем этом Гуляеву стало известно несколько дней спустя.

Повозки приблизились. Передние вот уже скрылись за поворотом. Стало ясно, что преградить путь оккупантам в деревню не удастся — до нее оставались считанные метры. Отряд скрытно двигался по лесу, не теряя из виду гитлеровцев.

А потом до партизан донеслись стрельба, крики, над деревней показался дым. Немцы подожгли ее.

Сердца партизан наливались яростью.

У ГуляеЕа созрело решение. Назад немцы могли возвращаться только по этой же дороге. Он вспомнил, что недалеко от соседней деревни Клетное есть подходящее место для засады. Лес подходил почти к самой дороге и возвышался над ней горным уступом. Если верить старой легенде, когда-то на этом месте за золото убили человека, поэтому называлось оно Золотой горкой.

— Вот там мы их и встретим, — сказал Гуляев.

По другую сторону дороги начиналось топкое болото.

В засаде томительно тянулись часы. Наконец «гости» показались на дороге.

— Без команды огня не открывать, — приказал Гуляев. — Когда начнется бой, шуметь как можно больше.

Вскоре партизаны увидели вражеский обоз. На этот раз фашисты ехали, не соблюдая мер предосторожности. На возах с награбленным добром горланили пьяные.

Когда обоз вытянулся перед отрядом, партизаны открыли огонь из винтовок и автоматов. Неслось дружное «ура!».

Среди грабителей началась паника. Некоторые бросились на другую сторону дороги и попали прямо в трясину. Остальные попытались обороняться, но безуспешно.

В этом бою партизаны уничтожили 30 гитлеровцев, в том числе глусского коменданта, 10 фашистов было ранено. Вооружение отряда пополнилось пулеметом и винтовками.

Но и отряд понес потери. Смертью храбрых пали отважные партизаны Сергей Петров и Леонид Шаркевич. Двое были ранены. Один из них — Дмитрий Гуляев. Пуля попала в руку, но командир до конца вел бой.

Награбленное «отпускниками» имущество было возвращено населению, а военные трофеи доставлены на базу.

Для отряда этот бой имел особое значение. Дело в том, что командиром Гуляев стал недавно. Он был назначен Минским подпольным обкомом партии в апреле 1942 года.

Вначале некоторым партизанам новый командир не понравился. Слишком резок был переход от прежнего беспечного житья к суровому партизанскому быту. Но вскоре Гуляев подобрал ключи к сердцам людей. Строгость и требовательность сочетались в нем со скромностью и отзывчивостью. А последний бой окончательно всех убедил, что в отряде появился настоящий боевой командир.

Чувствовалось, что командир имеет военную подготовку. Он с

1936 года был в армии. После окончания Военно–политического училища в звании младшего политрука служил сначала в Прибалтике, а затем в Белоруссии, в г. Бобруйске. Был политруком роты…

Через несколько дней Гуляев поправился и снова возглавлял операции своего отряда. Он стал грозой для оккупантов и полицаев. За голову его гитлеровцы назначили крупную награду.

Неукротимый огонь ненависти к фашистским захватчикам горел в сердце молодого командира. Эта ненависть накапливалась в нем еще с тех пор, как в первые дни войны пришлось изведать всю горечь отступления перед вероломным врагом.

Казалось, это было совсем недавно. Их дивизию перевели в летние лагеря. Жена Дмитрия Гуляева — Саша переехала в Могилев, чтобы быть к нему поближе — она ждала ребенка. Война обрушилась внезапно, и дивизию сразу бросили в бой. Гуляев даже не успел попрощаться с женой. А потом на дивизию обрушился удар гитлеровской танковой армии, и наши бойцы и командиры попали в тяжелое положение. Разбившись на небольшие группы, они отходили на восток. В группе Гуляева было пять человек. Попав в окружение, советские солдаты не забыли своего долга перед Родиной, не сложили оружия. Вот краткие записи боевых дел группы Гуляева, вошедшие впоследствии в историю партизанского отряда.

«27 июля 1941 года. По дороге Слуцк — Минск сбит мотоциклист. Взяты у него секретные документы 3–й немецкой дивизии.

2 августа. На этой же дороге сожжена машина. Уничтожено два немца.

15 августа. На железнодорожной линии Негорелое — Минск разрушены рельсы, на станции Негорелое взорваны вагоны со снарядами.

20 августа. В деревне Боровое совершили подкоп под оружейный склад, забрали автоматическое оружие.

29 августа. В деревне Старинки уничтожено 4 фашиста…»

В июле 1941 года Гуляев и его бойцы впервые встретились с партизанами. Это были люди, которые по заданию ЦК КП(б) Белоруссии направлялись для организации борьбы в тылу врага. Командовал отрядом председатель Кривичского райисполкома Вилейской области А. Далидович, заместителем у него был А. Боровик — заведующий организационно–инструкторским отделом Вилейского обкома партии.

Александр Александрович Боровик, ныне пенсионер, хорошо помнит эту встречу. Вот что он рассказывает:

«Наша база находилась на болотном массиве Выслав, недалеко от Любани. Однажды сторожевой пост привел к штабу пять человек. Все они были с оружием, в красноармейской форме. На старшем была гимнастерка со знаками различия политрука. Это и был Гуляев. Стали держать совет, что делать группе. В то время действовала директива Минского подпольного обкома партии о том, что военнослужащие, попавшие в окружение, должны пробиваться на восток. Гуляев решил выполнить это задание партии. Со своей группой он дошел до Бобруйска, но фронт быстро откатывался все дальше, и в августе мы снова повстречались. У нас к тому моменту в отряде было уже 17 человек.

Некоторое время Гуляев был рядовым бойцом. Он быстро зарекомендовал себя храбрым партизаном, умелым организатором, отличился в нескольких схватках, и командование поручило ему возглавлять отдельный отряд.

Гуляев из собственного опыта знал, что без товарищеской спаянности и железной дисциплины немыслимо успешно вести партизанскую борьбу. А люди в отряд подобрались разные. Борозненок, Быженко, Журавлев, Хавкин, Гуринович были в нем с момента основания. На этот костяк всегда можно было опереться. Но были и такие, которые в отряд попали не сразу. Сабир Сагибов и Иван Дербенев побывали в немецком плену и перешли к партизанам из «добровольческого» батальона. Некоторые, хотя и не по своей воле, служили в прошлом полицаями. Этих людей нужно было основательно проверить, дать им возможность искупить свою Еину перед Годиной.

Лучшая проверка — бой. Кровью завоевывали люди высокое право быть народными бойцами. Командир зорко следил за поведением в бою каждого новичка. Его метод проверки боем оказался действенным. Не было такого случая, чтобы партизан вернулся, не выполнив боевого задания.

Командование поручало отряду Гуляева ответственные задания. Летом 1942 года отряд проводил очередной рейд по Старобинскому району. Партизаны разгромили вражеские гарнизоны в населенных пунктах Хореомцы, Пруссы, Кривоносы, Борборово, Клетное и Бояново, захватили 150 винтовок, 4 станковых и 6 ручных пулеметов. За успешное выполнение операции Центральный штаб партизанского движения наградил Гуляева именным оружием — автоматом.

Весной 1943 года на подавление партизанского движения на Минщине гитлеровцы бросили эсэсовскую дивизию, придав ей танковые и артиллерийские подразделения. Свой путь дивизия залила кровью. Только в Старобинском районе враг сжег 15

деревень. Около двух с половиной тысяч мирных жителей были сожжены и расстреляны. Среди них 1120 детей.

Вокруг партизанских отрядов сжималось кольцо вражеских войск. Отряду Гуляева было поручено выйти в тыл группировке противника. Форсировав на рассвете реку Орессу, отряд внезапно напал на карателей, заставив их отступить. Кольцо было разорвано.

В 1943 году разрозненные партизанские отряды объединились в более крупные формирования, которые стали самостоятельно проводить значительные операции.

В феврале 1943 года на базе отрядов, действовавших в Глусском районе Полесской области, была создана бригада. В бригаду вошел и отряд Гуляева. В мае по инициативе Минского областного комитета партии отряд Гуляева был переведен в Старобинский район. Здесь он был слит еще с шестью другими отрядами. Новой бригадой № 101 имени Александра Невского стал командовать Дмитрий Гуляев, комиссаром был секретарь Старобинского райкома партии Василий Тимофеевич Мерку ль.

Опытный партийный работник, прекрасный знаток здешних мест, Меркуль был незаменимым помощником молодого командира. С этих пор в бригаде стала практиковаться засылка своих агентов во вражескую полицию.

— Из лесу следить за врагом хорошо, — не раз говорил Меркуль, — а иметь у него свои глаза и уши — лучше.

В августе 1943 года бригада участвовала в рельсовой войне. 6 августа только отряд № 1 на участке Житковичи — Микошевичи взорвал 1700 метров железнодорожного пути. Движение поездов приостановилось на 16 часов. Немцы не успели устранить повреждение, как на следующий день на участке Житковичи — Бринев было взорвано еще 40 рельсов. За август подрывники бригады вывели из строя 21740 метров железнодорожного пути.

Уже вскоре после прибытия в Старобинский район Гуляеву довелось услышать о начальнике местных полицаев Долматовиче. Это был страшный человек. Годом он был из деревни Величковичи, до войны вел себя незаметно, а как только гитлеровцы оккупировали район, сразу пошел к ним на службу. Через некоторое время Долматович стал уже начальником полиции. Много невинных людей погибло от его рук. Партизаны давно приговорили к смерти гнусного бандита, но свершить акт возмездия никак не удавалось. Дмитрий Гуляев поклялся уничтожить его.

Встреча произошла при довольно неожиданных обстоятельствах. 4 сентября 1643 года командование бригады приняло решение разгромить фашистский гарнизон в Погосте.

Основной удар должна была наносить группа из 70 человек во главе с комбригом. В тот же день партизаны вышли в поход по маршруту Обидемля, Новая Дубрава, Бычки, Замошье, Паничи, Коты, Погост.

К 6 часам утра 5 сентября партизаны достигли Паничей. Ночной переход измотал силы бойцов, и Гуляев решил перед боем дать людям отдых. На северной окраине деревни стоял просторный сарай с сеном. Там и расположился отряд. Одного партизана оставили наблюдателем. Он проделал в соломенной крыше сарая отверстие и стал следить за местностью.

А недалеко от Паничей, в селе Зеленый Мох, орудовал Долматович. Нашелся предатель, донесший Долматовичу о группе партизан в Паничах. Палач и его банда немедленно выступили, достигли окраины деревни, когда их заметил наблюдатель. Прозвучал выстрел — тревога.

Гуляев не растерялся. Приказав двум отделениям держать оборону на случай обхода, он с пятьюдесятью бойцами стремительно атаковал противника. Разгорелся жестокий бой.

Враг был разгромлен. Но и партизаны понесли тяжелые потери. Смертью храбрых погиб в этом бою командир бригады Дмитрий Гуляев. Прислужнику фашистов Долматовичу удалось спастись. Но не надолго. Через месяц он получил свою пулю. Партизаны отомстили за гибель своего командира, настоящего патриота Родины.

* * *

Прошли годы. Многое изменилось в местах прежних партизанских боев. На пустыре, где было несколько десятков крестьянских хат, вщрос город химии, город белорусской комсомолии — Солигорск. Одна из его улиц названа именем Гуляева.

Чуть слышно шелестят на ветру молодые клены и липы старобинского парка, разбитого на крутом берегу Случи. В самом центре его — могила героя. На памятнике–обелиске надпись: «Вечная слава Герою Советского Союза командиру бригады им. Александра Невского Дмитрию Тимофеевичу Гуляеву, который пал смертью храбрых в боях с немецко-фашистскими захватчиками».

В Старобине именем партизанского комбрига названы средняя школа и улица. А неподалеку от городского поселка раскинулись земли артели имени Гуляева.

Люди не забыли и родных славного партизана. Одним из

первых об этом подумал руководитель краеведческого кружка етаробинской школы, в прошлом учитель истории, ныне пенсионер Никанор Григорьевич Ключанович. Он решил разыскать мать и жену Гуляева. Поиски увенчались успехом. В школу пришло письмо из села Ивановка Александрийского района Кировоградской области от матери комбрига Василисы Трифоновны. Она благодарила за хлопоты, сообщала, что обязательно приедет на могилу Дмитрия. Потом пришло письмо и от жены Гуляева Александры Кирилловны. Оказалось, что она живет в Москве, работает на одном из заводов, а сын Гуляева — Валерий служит в армии.

Из писем выяснилось, что Василиса Трифоновна не знает о существовании невестки с внуком. Посоветовались в райкоме и решили всех родственников Гуляева пригласить в Старобин, чтобы вместе с ними почтить память героя в день двадцатой годовщины его гибели. Встреча эта состоялась в первых числах сентября 1963 года. Встретились люди, каждый из которых считал, что родные погибли. Крепко прижалась сухонькая старушка к внуку, которого никогда не видала. И сержант Валерий Гуляев, не скрывая слез, обнял эту старую женщину, сумевшую вырастить такого сына, как его отец.

Теплой и радостной была встреча родных бывшего комбрига с населением района, с бывшими партизанами, которые в белорусских лесах вместе с русским парнем Дмитрием Гуляевым били врага. И произошла она потому, что память о нем оказалась живой и яркой, как и его жизнь.

Н. Хромиенков
ПАРОЛЬ — «РОДИНА», ОТЗЫВ — «МОСКВА»

За окном — ночь. Их четверо. Они лежат на полу школьного класса. Это их последняя ночь в родном поселке. Рано утром они уйдут на партизанскую базу. Семьям сказаны на прощание самые добрые, самые нежные слова. Еще несколько ночных часов, и начнется другая жизнь. Каждый из четырех думал об этом про себя, чтобы не мешать другим побыть в своем мире.

Михаил Алексеевич лежал с открытыми глазами, вглядываясь в комнатные сумерки. Еще недавно он, председатель райисполкома, заходил в этот класс, сидел среди милых мальчишек и девчонок. Словно вернулся к своим детским годам, попав сюда. Только ему тогда гораздо труднее было. Шла империалистическая война, в доме вечная нехватка. До учебы ли, когда есть нечего. Он проучился всего три года. А потом стал зарабатывать себе на хлеб. Его милостиво взял половым в чайную местный кулак. Много позже Миша прочел про детские годы Павла Корчагина. Какая схожесть судеб. Рабочий день по 15 — 16 часов в сутки. Да в придачу еще зуботычины, побои, оскорбления.

Но когда его спрашивали, чей он, Миша отвечал: «Сын потомственного рабочего». Этим он гордился. Его отец — Алексей Гурьянов работал на фабрике Хишина, на заводе «Проводник», а последние семь лет — кочегаром на Октябрьской суконной фабрике. Мать — Анна Павловна — тоже труженица. Пятнадцать лет стирала она в больнице простыни, белье, халаты.

С хозяином у Миши были постоянные нелады. Когда из Петрограда долетела весть о революции, Миша показал ему одну комбинацию из трех пальцев и ушел. Его взяли учеником на заводе «Проводник». Тут трудился отец. Миша начинал путь рабочего человека при Советской власти. Он освоил профессию токаря. В 1925 году вступил в комсомол. Десять лет работал на Октябрьской суконной фабрике. И здесь многие добрым словом отзывались о его отце. Поистине Михаил шел по стопам отца, впитывая в себя традиции рабочего класса.

1931 год. У каждого человека есть своя, особая дата. Для Михаила Гурьянова именно этот год памятен. Его приняли в ленинскую партию. С той поры и развернулась его активная общественно–политическая деятельность. Председатель сельского совета — сначала в Петровске, затем в Красновидове. Молодой советский работник энергично осуществлял политику партии в колхозном строительстве. Учеба в Москве. Оттуда возвратился не

только с почетной грамотой, он вырос идейно, стал более зрело судить о проблемах советской деревни, перспективах ее развития. Куда бы его ни послали, он везде целиком отдавал себя делу. За четыре года до Великой Отечественной войны Михаил Алексеевич был избран председателем исполкома Угодско–Заводского районного Совета депутатов трудящихся.

Михаил Алексеевич встал, подошел к окну. Улицы тонули во мраке. Но в его памяти поселок лежал, как на ладони. Дом культуры, сберкасса, детская поликлиника, дом специалистов сельского хозяйства, пожарное депо… Все это строилось при нем. По его инициативе были созданы промышленные и пищекомбинаты, швейно–вышивальная и деревообделочная артели.

А в селах района? Методом народной стройки сооружались мосты и дороги, открывались магазины, больницы и ветеринарные лечебницы, клубы…

Трудящиеся района в сжатые сроки убрали урожай: армии, которая героически боролась с врагом, нужны были хлеб, картофель, овощи. Колхозники их давали. Быстро был эвакуирован общественный скот и сельскохозяйственные машины. Это был неспокойный труд. Дня не хватало, чтобы сделать то, что намечалось утром. Надо строить аэродром? Будет. Михаил Алексеевич бывал на площадке, помогал организовать доставку необходимых материалов. Пять дней — и задание военного командования выполнено: аэродром готов. Какие темпы! Нужен противотанковый рубеж? Длина 750 метров? Хорошо. Люди идут и строят.

Помогали чем могли. Вот несколько цифр: трудящиеся района сдали в фонд обороны на 179 910 рублей оплаченных облигаций госзаймов, наличными деньгами 17 709 рублей, ценностей на 380 рублей. Колхозы выделили 53 головы крупного рогатого скота, 110 голов птицы, 17 овец, свыше 20 тысяч литров молока, 296 центнеров зерна. И это за каких-нибудь два с лишним месяца. А с каким подъемом проходил сбор теплых вещей! В сентябре было сдано для нужд фронта 669 килограммов шерсти, 579 овчин. Люди дарили родной армии одеяла, свитера, полушубки, валенки. Дарили без всякой агитации. «Для победы, — говорили и складывали на стол, добавляя: —Наши дети ведь тоже там».

Немецкие пушки уже катились по селам района. По тем дорогам, по которым ездил Михаил Алексеевич. Сжигали те дома, в которых он сидел за столом у радушных хозяев. Через Угодский Завод двигались наши войска. Тяжелый шаг. Суровые лица.

Михаил Алексеевич оставался на посту. Он отдавал

последние указания спокойным, твердым голосом. Что делать с двигателем? Спустите в водоем или уничтожьте. Как быть с имуществом? Увозите в лес. Врагу ничего не оставлять. Закрывались последние учреждения и предприятия. Жизнь, которую он еще вчера направлял, замирала.

Но уже начиналась и другая. В районе был сформирован партизанский отряд — 65 бойцов, созданы продовольственные базы, запасы оружия и боеприпасов. Как всегда, Гурьянов проявил и в этом деле немало заботы. В лесу его ждали. Завтра, вернее, уже сегодня он будет там.

Михаил Алексеевич так и не заснул в эту ночь. Отдавшись своим мыслям, не заметил, как она прошла. Занимался рассвет. Он встал и пошел в райисполком.

В здании райисполкома было непривычно тихо и пусто. Боль сжала сердце. В дверях кабинета показался секретарь райкома партии Курбатов.

— Ну что ж, пора и нам, — сказал он, протирая очки.

На рассвете Гурьянов с Курбатовым и группой товарищей ушли из райцентра в лес.

Михаил Алексеевич хорошо знал свой и соседние районы. Он находил тропки, по которым пробирался с товарищами в тыл противника, выводил из окружения красноармейцев.

На партизанских дорогах встречались и его старые знакомые. Однажды неподалеку от деревни Ченцово Гурьянов заметил одиноко идущую женщину. Присмотрелся. Да это же колхозница Феоктистова.

— Вот мы и встретились. Рад. Здравствуйте.

Разговорились.

— Все ли есть у партизан? — спросила женщина.

Он замялся.

— Говори, Алексеич, не стесняйся.

Гурьянов знал доброту русского человека. Когда собирали теплые вещи, убедился в этом самолично. Он видел в различных проявлениях щедрость соотечественников.

— Все хорошо, Варвара Никифоровна. Только вот мясо кончилось. Ну да мы — народ неизбалованный, — сказал Михаил Алексеевич.

— Что ты, что ты. Разве можно в вашей жизни без мяса. Знаешь что, — предложила вдруг она, — возьми мою корову.

— И не подумаю, нет, нет.

Как он ни отказывался, женщина все же настояла на своем.

— Ладно, — согласился он, — но с условием…

— Какие еще условия между нами. Мы ведь люди свои, советские.

— Ас таким условием, что как прогоним оккупантов, верну тебе корову. Слово председателя.

В отряде всех партизан до глубины души тронула эта самоотверженная забота рядовой крестьянки. За таких людей стоило пойти и на смерть и на муки. А пока — жить, чтобы драться и побеждать. Таков закон бойца.

У партизан было с кого брать пример, у кого учиться выдержке, упорству, смелости. Рядом с ними на нарах, возвратившись с задания, после всех засыпал заместитель комиссара отряда Гурьянов. Прежде чем лечь, он подумает о Других. И в ратном деле он всегда первый. Чтобы установить связь с командованием действующей армии, сколько раз переходил он линию фронта. Предстояло ли дорогу заминировать, напасть ли на немцев — Михаил Алексеевич всегда находился в боевой группе.

Вылазки в тыл немцев, нападение на их обозы, отдельные группы становились все чаще. Однако беспокойная душа Гурьянова просила большего. Он вспыхнул весь, узнав, что в райисполкоме разместился немецкий штаб. Весь день он ходил задумчивый.

— Ты что, Михаил Алексеевич? — спросил командир отряда Карасев.

— Трудно нашей армии. Вот помочь бы ей… Ударить по Угодскому Заводу. Там крупное соединение.

— Не под силу это нам. Тридцать семь бойцов.

— Одни мы, конечно, не справимся. А если собрать в кулак несколько отрядов? Как думаешь, командир?

— Интересно.

Мысли Гурьянова были заняты предстоящей операцией. Собирались данные. Враг ведет себя нагло (ах как хочется проучить его!), пренебрегает светомаскировкой (устроить ему фейерверк!), солдаты и офицеры пьянствуют (напоить их до отвала свинцом!).

Постепенно план нападения приобрел конкретную форму. Излагая его, Михаил Алексеевич обосновывал каждую деталь, на каждый вопрос был у него ответ. «А из него вышел бы неплохой штабной командир», — подумал Карасев.

— Добро, — сказал он. — Слово теперь за Москвой.

Гурьянов быстро собрался в дорогу. Его ждали с нетерпением. Своим порывом он зажег всех партизан. В землянках одна тема: нападение на Угодский Завод. Одобрит ли Москва? Наконец Гурьянов бодрит вестью. Он еле выбрался из объятий партизан.

— Тише вы, чертяки. Поберегите силу, она вам пригодится.

Потом рассказывал о столице, о москвичах, их настроениях.

Город, как боец. Строг и подтянут. Чувствуется, скоро развернет он свои богатырские плечи. От этого рассказа светлели лица партизан, крепла уверенность в победе.

В середине ноября 1941 года из отряда выбыл комиссар Курбатов. Кто его заменит? Самая подходящая кандидатура — Гурьянов.

Комиссар… Перед его мысленным взором были комиссары гражданской войны. Комиссары действующих частей. Пистолет в руке, устремленная вперед фигура. Тактика пар тизанской борьбы, правда, отлична от боевых действий на фронте, но личный пример, страстное слово и тут ценится, как глоток воды, когда мучает жажда, как патрон в трудную минуту.

Прошло несколько дней. Партизаны встречали боевых товарищей по оружию — бойцов московских отрядов Д. К. Каверзнева и В. Н. Бабакина, коломенского отряда Н. В. Шивалина. А вот прибыл и отряд особого назначения Западного фронта во главе с В. В. Жабо. Этот отряд должен был составить главную силу. В лагере стало тесно.

— Народу, как на лесозаготовках, — шутил Гурьянов.

Походный шаг обычно пять километров в час. Но тут не было дорог. Двадцать пять километров партизаны шли два дня. Шли осторожно, соблюдая маскировку, чтобы не выдать себя. Иначе — провал. Вот наконец показались дома Угодского Завода. Остановка. Усталость давала себя знать. Многие бойцы ложились спать прямо на мерзлой земле. В райцентр отправились разведчики, они пробыли там до вечера.

— Докладывайте, — сказал В. Жабо.

Свежие данные помогли уточнить отдельные детали операции. В стане противника выбрали для нападения восемь наиболее важных объектов. Соответственно разделились на восемь групп.

Гурьянов решил пойти с группой Карасева. На нее возлагалась сложная и ответственная задача — атаковать противника в райисполкоме, где под усиленной охраной находилось подразделение штаба немецкого соединения. Начало операции — два часа ночи. Исходное положение на опушке леса.

В бою пароль — «Година», отзыв — «Москва».

— Все ясно? — обратился Жабо к командирам групп.

— Вопросов нет.

— Проверьте подготовку людей, доведите до каждого задачу.

Минуты перед боем. Партизаны сосредоточились на исходном рубеже. До окраины райцентра меньше километра.

В поселке погасли последние огни. Чуткая тишина вверху. Застыли неподвижно ветки деревьев. Тоже, кажется, ждут.

Михаил Алексеевич слышит, как на руке стучат часы. Или зто сердце? Все тело напружинено, скоро сигнал. Десять минут осталось, пять…

Где-то рядом окрик: «Хальт! Вер kommt?»

В тот же миг прозвучала автоматная очередь. Будто по забору провели палкой. Пунктир трассирующих прочертил ночную мглу. Это Карасев подал долгожданный сигнал — вперед!

Этот дом он не раз видел во сне. Два этажа. Балкон. Первый этаж каменный, белый. Второй — деревянный, окрашенный в зеленую краску.

Тут был его кабинет, тут он вел жаркие споры и задушевные беседы с соратниками. Сюда стекалась информация со всего района и отсюда шли советы, указания, помощь. Сейчас он бежит к нему по снегу с автоматом в руке, стреляя на ходу.

Еще рывок, еще, и здание окружено. Гурьянов размахнулся : в одно окно — гранату, в другое — еще гранату. Взрыв. Пламя. Второй взрыв. Огонь осветил комнаты. Не ждали фашисты такого фейерверка. Они бросились к окнам. Назад. Дружные очереди заставили их отхлынуть.

Гурьянов — к парадному входу. Дверь на запоре, не поддается. А, черт! Времени жалко. Есть еще одна дверь, со двора. Он мигом туда. У двери уже фашисты. Очередью по ним. Улеглись. Вот так. Посидели в райисполкоме, хватит…

Атака отряда была стремительной и дружной. Бой кипел по всему поселку. Взлетел на воздух склад с боеприпасами. В другом месте загорелись бочки с бензином. Стало светло, как днем. Куда бы ни бросались в панике немцы — везде их настигала карающая месть партизан.

Операция прошла успешно. Итоги: разгромлены штабные учреждения 12–го армейского корпуса, уничтожено около 600 солдат и офицеров, 80 грузовых и 23 легковых автомашин, четыре танка, бронемашина, пять мотоциклов, обоз с боеприпасами, два склада с горючим, продовольственный склад и авторемонтная мастерская. В руки партизан попали карты, схемы и другие важные штабные документы. Они помогли командованию Красной Армии при организации контрнаступления под Москвой.

— Отходим, товарищи, — распорядился командир.

Партизаны продвигались к месту намеченной стоянки. Отряд потерял 18 человек убитыми, восемь было ранено.

Комиссар Гурьянов свернул в сторону. Надо было зайти в покинутые ранее землянки, чтобы приготовить продукты для товарищей, вскрыть ключ на дне оврага. Путь еще был далек.

Время шло, а Гурьянов не возвращался. Поиски его оказались безрезультатными. Как позднее выяснилось, он попал во

вражескую засаду в районе партизанского лагеря. Один против пятидесяти.

— Бросай оружие! — крикнули ему по–немецки.

Гурьянов ответил огнем. В горячей схватке он был тяжело ранен. Тут на него и навалились.

Всю свою ненависть выместили враги на комиссаре Гурьянове. Три дня мучений и пыток. Фашисты жгли ему тело каленым железом, не давали даже глотка воды. Кто вы? Имя, фамилия? Ни слова в ответ. Воля коммуниста была сильнее пыток. Он молчал. Оставшись в одиночке, разбитыми губами шептал: пароль — «Родина», отзыв — «Москва».

Его выдал изменник. Тогда он заявил палачам: «Да, я Гурьянов, председатель районного Совета депутатов трудящихся. Горжусь этим!» Обернувшись к предателю, он презрительно спросил: «А ты чем можешь гордиться, иуда?»

Его опять били. Когда он приходил в себя, снова тащили на допрос.

Следователь:

— Мы обещаем вам сохранить жизнь, если скажете, где партизаны, сколько их, с кем они держат связь, кто командиры и комиссары.

— Скажу. Партизаны везде, их миллионы, они держат связь со всем народом. Гибель ваша неминуема.

Гурьянова вывели на улицу. Вечерело.

Он шел под охраной, избитый, раненый, но гордый своей силой коммуниста.

— Стой.

Над головой балкон райисполкома. Отсюда в дни праздников с пламенным словом обращался к народу председатель райсовета. Здесь он будет казнен.

Многие жители поселка были свидетелями этой трагической сцены. Михаил Алексеевич успел крикнуть: «Товарищи! Меня сейчас убьют. Уничтожайте фашистов! Да здравствует Родина!».

Телефонный провод стянул его горло.

Ноги коснулись земли. Так вот он и стоял несколько дней и ночей на месте казни. Истерзанный врагом, но не сломленный. Убитый, но не побежденный.

Когда части Красной Армии освободили Угодский Завод, партизаны нашли в убежище, позади райисполкома, тело своего бесстрашного комиссара. И тогда они представили всю трагедию, которая закончилась убийством Михаила Алексеевича. Сердца их содрогнулись. Они сняли шапки перед мужеством этого человека. Его руки были сожжены. На голове зияла рана с подгорелыми лоскутами кожи. Правая нога была в мешковине, наполненной

сгустками почерневшей крови.

Новый, 1942 год жители поселка начинали без своего председателя. Два дня проходили они мимо гроба героя, отдавая последние почести коммунисту–партизану. Гроб вынесли из здания райисполкома. В сквере напротив вырос над могилой холмик земли.

Година высоко оценила подвиг своего верного сына.

Вскоре после разгрома фашистской Германии мать героя Анна Павловна Гурьянова получила из Москвы объемистый пакет. Михаил Иванович Калинин писал:

«Уважаемая Анна Павловна! Ваш сын Гурьянов Михаил Алексеевич в боях за Советскую Годину погиб смертью храбрых.

За геройский подвиг, совершенный Вашим сыном Михаилом Алексеевичем Гурьяновым в партизанской борьбе в тылу против немецких захватчиков, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 16 февраля 1942 года присвоил ему высшую степень отличия — звание Героя Советского Союза.

Посылаю Вам грамоту Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Вашему сыну звания Героя Советского Союза для хранения как память о сыне–герое, подвиг которого никогда не забудется нашим народом».

Калужане свято чтят светлую память своего прославленного земляка. В Угодско–Заводском и областном краеведческих музеях ему посвящены экспозиции. У Дома культуры установлен его бюст, а на здании райисполкома — мемориальная доска. Люди, проходя мимо, невольно задерживают шаг и читают высеченные в мраморе слова:

> «Здесь 27 ноября 1941 года зверски замучен и повешен немецкими оккупантами Герой Советского Союза, председатель Угодско–Заводского исполнительного комитета районного Совета депутатов трудящихся
>
> ГУГЬЯНОВ
>
> Михаил Алексеевич»

…Отгремели грозовые дни. Однажды Варвара Никифоровна Феоктистова из деревни Ченцово получила извещение. Райисполком сообщал ей, что по просьбе боевых друзей М. А. Гурьянова ей выделена корова взамен той, которую она отдала партизанам осенью 1941 года. Сердце Варвары Никифоровны наполнилось большой радостью. Она горячо благодарила людей, которые не забыли ее патриотический поступок.

Слава М. А. Гурьянова давно стала всенародной. Миллионы людей открывают книгу «История Коммунистической партии

Советского Союза». В числе выдающихся командиров и организаторов партизанского движения в этой книге названо имя и Михаила Алексеевича Гурьянова. Вдумайся, друг: какие люди делают историю нашей партии и страны!

Имран Касумов
ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Говорят, что он так и не успел пожить, ему было всего двадцать четыре года, когда пуля пробила его сердце.

Казалось бы, что это действительно так: двадцать два года человек рос, учился, готовил себя к деятельности живописца и лингвиста, но грянула война и перевернула вверх дном все мечты о будущем.

На третьем году войны, не увидев дня победы над врагом, вдали от родной земли, этот человек погиб.

Он не успел осуществить свою мечту, не сумел передать людям все то, что накопил для отдачи как художник, ему не было суждено открыть двери в класс и услышать утренние приветствия школьников, нетерпеливо ждущих начала его уроков, он не познал любви верной подруги, не почувствовал дыхания своих детей и не увидел, как сказочно разросся любимый город на берегу Каспия…

Да, он многого не успел. И в то же время он успел сделать столько, что последних полутора лет, проведенных им на войне, хватило бы на много человеческих жизней.

Эти полтора года, промелькнувшие как один день в тяжелом ратном подвиге, свершенном на побережье Адриатического моря, сделали его бессмертным.

Зовут этого человека Мехти Гусейн–заде.

Уроженец города Баку, мой земляк, улыбчивый советский парень Мехти, известный среди итало–югославских партизан под именем разведчика Михайлы…

…Михайло! Это имя не раз и не два было большими буквами выведено на объявлениях, которые гитлеровцы расклеивали на всех афишных тумбах и заборах Триеста или же помещали на страницах своих газет. Оккупанты предлагали за его голову очень крупные суммы денег. Они не скупились, и щедрость их была понятна: таинственный Михайло пускал под откос их железнодорожные эшелоны и взрывал казармы, сжигал танкеры в порту и выводил из строя электростанции. И благополучно уходил из-под носа самых опытных фашистских ищеек.

Он стал легендой, передаваемой из уст в уста и укрепляющей надежду простых людей Адриатики на скорое избавление от ненавистного гитлеровского и итало–фашистского ига. А сбитые с толку, лихорадочно ищущие его следы фашисты порою начинали сомневаться: а существует ли этот Михайло на самом деле, не

искусный ли это миф, сознательно распространяемый партизанами, засевшими в горах, чтобы облегчить свои диверсии в глубоком тылу? А может быть, это всего лишь народная молва, приписывающая действия разных людей одному лицу, которого никогда и не было?

Конечно, в Триесте, в окрестных городах и селах, на всем морском побережье действовали многие партизанские разведчики.

Но Михайло был, и фантастические слухи о его вездесущности только помогали ему успешно выполнять сложные задания партизанского командования.

Вот несколько эпизодов.

В Триесте, на Виа Регга, стояло большое мрачноватое здание, в котором разместился «зольдатенхайм» — гостиница с номерами, ресторан, бар, парикмахерская для гитлеровцев.

В холодный ветреный день, после полудня, сюда зашел красивый, щеголеватый обер–лейтенант. Чуть припухлые веки над холодноватыми черными глазами, спокойные властные интонации в вежливой и безукоризненно чистой речи на немецком языке. Офицера сопровождал денщик — худощавый, молчаливый солдат с небольшим саквояжем и вещевым мешком. Офицер отдохнул в номере, постригся в парикмахерской, помылся в туалетной комнате, потом долго обедал в ресторане.

Вскоре он ушел, по–прежнему сопровождаемый своим безмолвным солдатом. А еще через час этот офицер, невесть где успевший переодеться в шерстяной свитер и ботинки на толстой подошве, стоял на безлюдном, голом склоне горы в предместье Опчина, напряженно вглядываясь в простиравшуюся внизу панораму города.

Из всего, что делал офицер в гостинице, для него были важны только те несколько минут, что он провел в туалетной комнате: их было достаточно, чтобы оставить там взрывчатку с детонирующим устройством.

Устройство сработало точно. Офицер, явно нервничая, поднес было к глазам часы, и в ту же секунду внизу, в городе, раздался страшной силы взрыв. Облако густого дыма и пыли поднялось над «зольдатен–хаймом».

Оцепив весь квартал, гитлеровцы два дня извлекали трупы из-под обломков здания и увозили их на воющих санитарных машинах.

А Михайло находился уже далеко, в горах, среди друзей-партизан. У него были не холодноватые, а ласковые, теплые глаза, он умел заразительно хохотать и был скорее застенчив, чем властен.

Через некоторое время Михайло опять превратился в «немецкого офицера» — на этот раз усталого, хмурого капитана, который в окружении двух приятелей, тоже офицеров, в вечерний час зашел в один из триестинских кинотеатров.

Вход в этот кинотеатр был доступен только оккупантам, здесь на экране показывались фильмы, прославляющие мощь гитлеровской военной машины или демонстрирующие нескончаемые вереницы полуголых девиц.

При всей разности тематики эти фильмы преследовали одну цель: поддержать дух фашистских офицеров и солдат, любыми средствами отвлечь их от правды военных сводок, становившихся все безрадостнее и катастрофичнее. Видимо, чтобы развлечься, в кинотеатр забрел и усталый капитан со своими приятелями.

Он просидел в зале всего полсеанса.

— Этот фильм мы видели, — недовольно сказал он товарищам.

И в темноте, под шиканье сидящих пошел к выходу. Товарищи нехотя последовали за ним.

Никто не заметил, что капитан забыл под сиденьем в зале портфель из черной кожи.

Этот портфель не дал досмотреть фильм сотням гитлеровцев…

Обрушившийся потолок, поваленные стены и колонны, стоны умирающих, вопли раненых — вот что представлял собою кинотеатр через двадцать минут после того, как его покинул Михайло…

С редким упорством шел он на новые и новые операции.

Долго, тщательно обдумывая каждую возможную случайность, он готовился к дерзкому нападению на редакцию и типографию фашистской газеты «Ил пикколо».

Эта газета вела разнузданную фашистскую пропаганду, печатала всякие небылицы о положении на русском фронте, запугивала и устрашала население приморских городов и сел.

Михайло проник в помещение редакции газеты. В туалете он оставил пакет со взрывчаткой. А потом…

Взрыв разрушил помещение редакции, вывел из строя типографские машины, а главное, наглядно продемонстрировал населению, что у партизан очень длинные руки: возмездие ждет фашистов везде и всюду, за какими бы бетонированными стенами они ни укрывались.

Михайло снова невредимым ушел в горы.

Гитлеровцы организовали прочес ближних горных сел, и случилось, что Михайло, переодетый под бродячего художника, с этюдником через плечо и в полинявшем берете на голове,

оказался задержанным немецким патрулем.

Один шаг отделял его от могилы. Однако, собрав всю свою силу, волю, самообладание, находчивость, Михайло постарался сделать шаг в обратную сторону.

К вечеру он был отпущен гестаповским майором с доверительным уговором, что, бродя по селам в поисках случайного заработка, он приложит все усилия, чтобы опознать и помочь захватить опасного партизанского разведчика… Михайла.

Вот несколько звеньев из длинной цепи тех подвигов, которые были совершены Михайлом…

Мехти родился в Баку, в семье старого коммуниста, участника битв за революцию в Азербайджане. Мать Мехти умерла, его и двух сестер воспитывала тетя, сестра матери.

Мальчик рос, как и все окружающие его сверстники: был барабанщиком в пионерском отряде, неплохо учился в школе, занимался спортом, отлично рисовал.

Это увлечение привело его после окончания школы в художественное училище. Окончив училище, Мехти решил продолжить образование в Ленинграде, в Художественном институте имени Репина. Здесь его постигло первое большое разочарование: поступающих было много, он не прошел по конкурсу. Тем не менее юноша не растерялся и не возвратился домой. Ему с детства легко давались языки, он уже неплохо знал немецкий, а потому и поступил в институт иностранных языков, дав слово продолжать занятия любимой живописью. Он сдержал это слово — в институте иностранных языков он удивлял преподавателей своими поразительными способностями, а крупные мастера живописи, у которых он учился и консультировался, удовлетворенно отмечали своеобразие его дарования, «его свет и цвет», что служило достаточным основанием видеть в нем интересного художника в будущем.

В горячую пору экзаменов на последнем курсе Мехти пришла телеграмма — тяжело заболела в Баку тетя. Мехти поехал домой. Тетя выжила, но Мехти уже вернуться в Ленинград не смог — 22 июня гитлеровцы напали на советскую землю, началась война.

Мехти надел военную форму — вначале курсанта командирской школы в Тбилиси, потом командира взвода на фронте. В боях на Волге его взвод попал в окружение. Раненный, Мехти бился до последнего солдата, до последней пули. Ее, эту последнюю пулю в пистолете, он пустил в собственную грудь. Пуля прошла мимо сердца. Он остался жив.

Истекающего кровью, потерявшего сознание юного командира взвода фашисты захватили в плен.

Пытки, холод и голод, унижения и оскорбления за колючей

проволокой концлагерей… Мехти трижды пробует бежать… В третий раз удачно. С большой группой советских бойцов он пробивается к партизанам Адриатики…

И вот тут-то, вдали от родной земли, Мехти показал, на что способен мирный, вдохновенно созидающий, полный дружелюбия и душевной мягкости советский человек тогда, когда посягают на его святыню — Родину, когда пытаются отнять его мечту, когда хотят предать поруганию его честь, его человеческое достоинство.

Всем существом своим он восстал против этого насилия. И тот самый Мехти, который имел двойку в студенческой зачетной книжке — двойку по военному делу, стал блестящим специалистом самой трудной военной профессии — разведчиком в тылу врага.

Враг был хитер. Мехти противопоставил ему свой ум и свою хитрость. И он оказался сильнее, ибо сражался во имя справедливости, во имя свободы, он рисковал жизнью во имя правого дела — мира на земле.

Он добровольно принимал на себя самое трудное, чтобы скорее, возможно скорее приблизить этот день.

Каждый прожитый им день за полтора года пребывания в итало–югославских партизанских соединениях сам по себе был солдатским подвигом. Каждая операция, которая так романтически и увлекательно выглядит при последующих описаниях, была плодом его тяжелого труженичества: Мехти и его товарищи готовились к рейду в тыл врага днями и неделями, они обдумывали варианты, разрабатывали планы, уточняли пути подхода и отхода, взвешивали каждую деталь операции.

«Разведчик, как минер, может ошибиться один раз» — предупреждал Михайло друзей. И они делали все, чтобы не было этой ошибки.

Товарищи по оружию рассказывают, что в редкие часы досуга Мехти мечтал о том дне, когда умолкнет на земле пушечная канонада и он сможет вернуться домой, в Баку, в круг семьи и друзей, к своему мольберту.

Остался альбом его зарисовок в Триесте, в Юлийских Альпах, в живописных югославских и итальянских селах: множество портретов товарищей, набросков из партизанской жизни, но больше всего — памятники скульптуры, старинного зодчества, виды садов, виноградников, дорог — все, чем украшают землю золотые творящие руки человека. Он жаждал той поры, чтобы его руки вновь творили, а не убивали. По он не дожил.

Пытаясь уйти, Мехти плутал по горным тропам, добрался до селения Витовле. Фашисты окружили село, нашли Мехти, укрывшегося на чердаке одного из крестьянских домов.

Долго шел бой одного человека с целым подразделением.

Гитлеровцы проникли на чердак, но живым Мехти им не дался. То, что Мехти не удалось сделать в бою на Волге, он сделал в маленькой деревне на чужбине — раненный, истекавший кровью, он пустил последнюю пулю в собственную грудь. И она пронзила его сердце.

Ночью партизаны нашли тело своего любимца, брошенное в овраг гитлеровцами, и, отдав ему последние воинские почести, похоронили на контролируемой ими территории.

В селе Чепован и поныне находится его могила, любовно оберегаемая простыми трудовыми людьми.

Мехти Гусейн–заде посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

О нем слагают песни, пишут стихи и поэмы, его образ увековечен в монументальных скульптурах и музыкальных произведениях, его имя присвоено улицам и школам.

О нем еще будут много писать — появятся еще стихи, книги, ибо Мехти, легендарный Михайло, жив в самом сердце народа, а память сердца — вечна.

Оставить эту память — это многое успеть. Столько, сколько хватило бы на много человеческих жизней.

…Вон за моим окном, тесно прижавшись друг к другу на скамейке, стоящей возле фонтана в сквере, целуется юная пара. Не будь таких, как Мехти, не было бы этого поцелуя, не зеленели бы деревья в сквере, не журчали бы мирно струи фонтана…

О. Симонова, бывший спец. корр. газеты «Витебский рабочий» в партизанских отрядах
ЕГО НЕ ЗАБУДУТ

Теплый весенний вечер. Он кажется тихим, спокойным. Солнце медленно приближается к темной черте леса. Его лучи освещают гладь красавицы Двины, несущей мимо зеленых берегов свои воды. Равнодушная, холодная, ей совсем нет дела до вооруженных людей, которые суетятся на берегу, недалеко от деревни Хомяково Витебской области.

Люди торопятся. Нужно быстро переправиться на другой берег, а лодок мало — всего две. Переправой руководит командир отряда Дмитрий Коркин. Он внимательно осматривает каждого партизана : в порядке ли оружие, не несут ли в вещевом мешке чего лишнего, как обуты. Осмотр сопровождает шутками. Некоторых похваливает, других поругивает.

Пригнали несколько верховых лошадей. Седла — в лодку, а кони, пофыркивая, поплыли на другой берег. Впереди жеребец комбрига, большой, рыжий, с белой отметиной между глаз.

Коркин то и дело поглядывает в сторону. Там возле небольшой сосны стоит командир бригады Алексей Федорович Данукалов. Стоит, курит и как будто не сводит глаз с темной глади реки. Но не видит он ни реки, ни берега, не слышит суеты, громких возгласов людей.

Забота строгой тенью легла на лице комбрига. Вчера, 14 мая, из штаба партизанского движения получили радиограмму. В ней предлагалось срочно сняться с берега Двины и пойти на соединение с другими отрядами бригады. Дело в том, что весна сорок третьего была особенно трудной. Каратели не успокаивались и после длительных стычек и боев с ними. Когда поиссякли боеприпасы, да и людям нужен был отдых, Алексей приказал отрядам рассредоточиться, чтобы запутать след. Штаб бригады с двумя отрядами отправился за Двину. Несколько отрядов ушли под Богушевск. Два остались в старом Лиознянском районе.

Комбриг резким движением бросает в воду окурок. Темная струя подхватывает его, кружит и медленно уносит. Мысли у Алексея невеселые. Неделю назад партизан, оставшихся в Лиознянском районе, возле деревень Самохвалы и Ковали окружили фашисты. Схватка была смертельной. Около ста

фашистских солдат и офицеров уничтожили партизаны, но и своих полегло немало.

…Алексей хмурит брови, смотрит, как последняя группа бойцов садится в лодку. Сейчас она возвратится, теперь уже за ними, комбригом и Дмитрием Коркиным.

Хлопотными, полными неожиданных событий были последние две недели. 10 мая по распоряжению Центрального штаба партизанского движения часть отрядов передали в новую бригаду Кириллова. А через несколько дней Алексей тепло простился с комиссаром Афанасием Тимофеевичем Щербаковым. Его вызвали за линию фронта. В бригаде комиссаром назначен Иван Исаакович Старовойтов. Он с двумя отрядами остается здесь, на берегу Двины, еще на один день. Необходимо принять самолеты, которые привезут ценный груз, и отправить последнюю партию раненых. Через четыре дня все отряды бригады должны перед заходом солнца встретиться в Адамовском лесу Сеннинского района.

Вот и лодка. Коркин уже в ней. Алексей подходит, прыгает, придерживая тяжелый маузер. Лодка отчаливает…

В длинную неслышную цепочку вытянулись партизаны. Идут быстро. Солнце зашло. Сумерки сгущаются.

Комбриг думает об Афанасии Тимофеевиче Щербакове. Он, видно, уже за линией фронта. Хороший человек, настоящий коммунист. Сколько с ним боевых дорог исхожено, засад на врага проведено, гарнизонов разгромлено! Как медленно тянется время! Прошло почти два года войны, а кажется — двадцать лет.

* * *

Войну Алексей начал политруком танкового батальона. В первый бой с врагами вступил на белорусской земле. Никогда не забыть, как пожар, словно ненасытное чудовище, проглатывал одну деревню за другой, а стальные машины со свастикой на бортах мяли милые белорусские петуньи, как рыдали стоявшие у плетней женщины, а маленькие дети после бомбежки врагов бились в предсмертной агонии…

В жарком бою Данукалов навсегда простился со своим танком. Как лучшего друга потерял. Много боев выдержала машина. Немало отметин от гитлеровских снарядов осталось на ее броне.

За Смоленском враг взял батальон танкистов в кольцо. Остался один выход — через реку Днепр вброд. Отход батальона со взводом бойцов прикрывал Алексей. Он лежал с пулеметом за

кустами ольхи и хорошо слышал властный голос «Максима» среди сухих автоматных очередей. В этот миг смертельной борьбы он прижался к горячему телу пулемета и вдруг почувствовал, что страха в сердце нет. Наоборот, все его существо охватил азарт борьбы, страстное желание выручить своих. Люди его батальона уже переплывали реку, а он все стрелял и стрелял…

Патроны кончились. Теперь только вперед, к реке. Когда отползал, наткнулся на раненого. В луже крови лежал командир танкового батальона Леонид Иванович Хлыстов.

Алексей приник ухом к груди командира. Жив… Оглянулся. Недалеко бил миномет, трещали выстрелы автоматов. Быстро достал пакет, перевязал раненого. Подползли несколько бойцов, подхватили Хлыстова и отнесли подальше, в блиндаж, скрытый густым кустарником.

Бойцы ушли в разведку. Нужно было найти лодку, чтобы переправить раненого на другой берег.

Через несколько минут Алексей услышал перестрелку: «Неужели их подстерег враг?»

Прошло два дня. Бойцы не вернулись. Бой утих. Только с другого берега громыхала батарея. Не очень далеко по дороге проезжали гитлеровцы. Они торопились.

Иногда, боясь быть обнаруженным, Алексей спускался в блиндаж. Хлыстов часто просил пить, и тогда Алексей осторожно подносил к его губам консервную банку с дождевой водой. К реке нельзя было пройти: вдоль реки немецкие саперы рыли окопы, строили дзоты.

Медленно, томительно проходили минуты. Хлыстов снова просил пить, открывал помутневшие глаза, долго всматривался в лицо Алексея, что-то наподобие улыбки трогало его пересохшие губы.

Она была горькой и невеселой. Алексей без слов понимал Хлыстова. В первый же день они договорились: сколько смогут — ожидать своих…

На шестой день кончилась вода. Алексей больше не спускался в блиндаж. Не было сил. С каждой минутой их становилось все меньше и меньше. Туманилось сознание. Трудно было определить, где был сон, а где — галлюцинация.

…Вдруг куда-то исчезли кусты и березы… Он в родной хате, за окном — село Михайловка, то, что в Саратовской области. Рядом отец Федор Кузьмич. Он колхозный кузнец. Сильный, суровый, справедливый. Вот слышится ласковый голос матери и смех сестренок. Отчего-то плачет младший братишка Колька…

Алексей приходил в себя, но воспоминания продолжались.

После семилетки он закончил Балашовскую сельскохозяйственную школу. Работал в МТС, потом поступил в военное училище. Не забыть тех минут, когда его, как лучшего комсомольца–курсанта, приняли в ряды Коммунистической партии.

Алексей кладет руку на карман гимнастерки. Здесь лежит самый дорогой его сердцу документ — партбилет. Он пронес его сквозь бои, испытания. Пронесет и дальше, никогда с ним не расстанется…

Хлыстова с Алексеем случайно обнаружили на девятый день не сумевшие выбраться из окружения Валерий Имангулов из Башкирии и сибиряк Григорий Кошелев.

Постепенно их собралось двадцать семь воинов. Больше месяца они жили в лесу на берегу Днепра. Приближалась осень. Дождливыми облаками набухало небо. Ночью в шалаши чаще забирался холод. Все озабоченнее становилось лицо Леонида Ивановича. Рана у него зажила, но нога осталась чужой, безжизненной.

Не раз они советовались у костра: как быть дальше? Оставаться здесь, в небольшом лесу, нельзя. Наконец было решено: Алексей уйдет с группой бойцов в глубокий тыл врага, создаст партизанский отряд. Несколько красноармейцев останутся с Леонидом Ивановичем, пойдут с ним в деревню, где нет гитлеровцев.

Молодой серпик месяца на светлом осеннем небе был свидетелем расставания. Восемь бойцов, с одним на костылях, направились к деревне, девятнадцать во главе с Алексеем — в леса Белоруссии.

Зто было суровой зимой сорок первого. Вскоре группе Данукалова пришлось провести в глубоком тылу первые боевые операции, испытать первые победы и первые поражения. Группа выросла в отряд, а потом и в крупное соединение, насчитывавшее около полутора тысяч человек.

Партизаны бригады Данукалова смело громили вражеские гарнизоны, сбрасывали с рельс эшелоны, поднимали на воздух гитлеровские автомашины. Фашисты считали бригаду особенно опасной и делали все возможное, чтобы окружить и уничтожить ее. Но это им не удавалось. У комбрига были прекрасные помощники, боевые командиры, выросшие из рядовых бойцов, — Петр Антипов, Дмитрий Коркин, Григорий Огиенко, три Михаила — Наумов, Ахмедчик, Клименков и много других.

Первого сентября сорок второго Алексея вызвали в Москву. Когда возвратился в Партизанский край, на его груди поблескивал орден Красного Знамени. И снова бои с врагом,

засады, рельсовая война.

* * *

…И вот сегодня, 16 мая 1943 года, глубокой ночью Данукалов ведет партизан в новый район действий. На носилках из трофейной плащпалатки бойцы несут раненного в ногу комиссара отряда Николая Шерстнева. Остановились в молодом лесу, неподалеку от деревни Зори.

День прошел спокойно. Наступил вечер. У кустов легли густые тени. Ленивым пламенем горели небольшие костры. Вокруг них группами расположились бойцы. Кто отдыхал перед походом, кто осматривал оружие. Свет костров освещал — их суровые, мужественные лица. Большинство из них Алексей хорошо знал. Не раз вместе бились с немцами. Знал по имени и отчеству, откуда родом. Сейчас, вглядываясь в их строгие лица, комбриг читал в них ту же готовность идти бесстрашно вперед.

Стало темно. Светлячки в траве зажгли свои фонарики. Где-то тревожно кричала ночная птица, ей откликались редкие выстрелы далекой пушки.

— Пора, — поднялся Алексей.

Отряд построился. Впереди разведка. Лихие, бесстрашные ребята, налегке, с одними автоматами за плечами. За ними комиссар отряда политрук Голиков. Кубанка у него белая, верх красный, лицо строгое, с жесткой складкой у рта, глаза добрые, бесконечно усталые.

Колонна бесшумно двигалась вперед. Она змеевидно опоясывала кустарники, сторонилась больших дорог, жалась к болотам. Было уже около двух часов ночи, когда она остановилась. В небо вдруг поднялась зеленая ракета. Железная дорога была рядом.

Разведка ушла. Остальные прилегли у кустов. Прислушивались. Ждали выстрелов. Где-то близко, рядом находился враг. Скоро вернулась разведка.

— Перейти железную дорогу сегодня нельзя, — сказал командир роты разведчиков Прохор Копатков. — На каждом метре ракетчики расставлены, а на вышках пулеметные посты усилены. Перейти можно, но с боем.

Слушая донесение, Данукалов нервно подергивал правой бровью.

— Слушай, Коркин, — сказал он, — нам во что бы то ни стало нужно перейти дорогу без боя. Пойдем-ка туда сами, посмотрим, так ли это? Комиссар Голиков останется с отрядом.

Перейти дорогу на самом деле было нелегко. Немцы на двадцать метров с обеих сторон дороги завалили подходы огромными суковатыми соснами. Под ними — болото. Преодолеть такую преграду в полной тишине, конечно, нельзя. Но другого выхода из создавшегося положения не было. Данукалов и Коркин решили одним броском переправить отряд на ту сторону между двумя вышками. И это им удалось.

Данукалов перешел последним. Едва его фигура скрылась в темноте леса, как на дороге одна за другой вдруг взвились красные ракеты и на вышках заработали пулеметы. Партизаны залегли. За пулеметами ударили минометы. Мины ложились то слева, то позади. Немцы стреляли наугад. Когда мины стали рваться где-то в стороне, отряд быстро пошел к Любошковскому бору. Здесь надо было провести остаток ночи и весь день, отдохнуть, набраться сил для следующего броска через железную дорогу Витебск — Городок. Утром в лесу было тихо. Но около двух часов дня к лагерю подползли враги. Убив часового, они открыли огонь по партизанам из пулемета. Это было так неожиданно, что в первую минуту людей охватила паника. Некоторые бойцы бросились в лес, спасаясь от выстрелов, но громкий, повелительный голос командира бригады остановил их.

— Назад, в атаку! — закричал Алексей.

— За мной! — подхватил Коркин, обгоняя комбрига.

Вперед стремительно вырвался комиссар отряда Голиков, на ходу разряжая автомат. Бойцы устремились за ним. Вдруг Голиков внезапно остановился, словно натолкнулся на невидимую стену, и упал. Комиссара в бою тут же заменил Николай Базыленко. Гитлеровцы усилили огонь. Под их выстрелами упали еще двое. Стена огня заставила партизан отступить.

Собравшись с силами, партизаны вновь атаковали врага. На этот раз удачно. По лесу разносилось: «Ура!.. Вперед!.. Ура–а-а!..» Создавалось впечатление, что в лесу много партизан. Вот и лагерь. Врагов преследовали до самой опушки.

Когда собрались все, Алексей взглянул на часы. Пять вечера. До темноты еще далеко. Положение тревожное.

Надо похоронить убитых. Их положили в ряд. Среди них — комиссар отряда Голиков. Скоро на поляне из сыроватой желтой земли вырос холмик братской могилы. Возле с угрюмо–печальными лицами стояли партизаны.

Шел шестой час, когда над лесом вдруг неожиданно загудели немецкие самолеты. Замаскировавшись в кустах, партизаны с тревогой ожидали начала бомбежки. Вдруг все весело рассмеялись. Самолеты бомбили соседнюю рощу, в которой

никого не было.

На следующую ночь партизаны благополучно перешли железную дорогу Витебск — Городок. И опять Алексей шагал рядом с Коркиным, а за ними двигалась длинная цепочка людей. Они с уважением поглядывали на ладную фигуру комбрига. Раз Алексей Федорович с ними, страшиться нечего, выведет куда надо, не первый раз. Бойцы верили комбригу.

И не только партизаны уважали и любили командира бригады Алексея Федоровича Данукалова. Не раз к нему из дальних деревень приходили колхозники, чтобы познакомиться и засвидетельствовать свою признательность.

Приближаясь к Адамовскому лесу, Данукалов раздумывал над тем, сумели ли разведчики, посланные сюда, узнать все, что надо, подобрать проводников, разведать местность.

Беспокойство его было не напрасным. В Адамовском лесу в назначенном месте разведчиков не оказалось. Все отряды, которым было указано явиться сюда, прибыли благополучно. Людей собралось много, а когда заходило солнце, комбриг узнал, что лес окружен фашистами, на всех дорогах и опушках вражеские заслоны. Значит, гитлеровцы решили уничтожить бригаду одним ударом.

Комбриг задумался. Как обмануть врага и спасти людей? Как это сделать? Место незнакомое. Лес большой. Наугад идти нельзя. Наткнешься на фашистов, а их значительно больше.

«Надо выйти из окружения, — думает Данукалов, — и ударить противнику в тыл. Без проводника тут не обойдешься».

Проводник скоро нашелся. Это был тринадцатилетний мальчуган.

— Как звать тебя? — спросил Данукалов.

— Володя.

— А кроме тебя никто нас вывести не может?

— Никто. Надо по болоту пробираться. Оно считается непроходимым. А я знаю тропинку.

На поясе у мальчугана — небольшой пистолет.

— Откуда у тебя оружие?

— Партизаны подарили. Я вас не первых вывожу из окружения.

Алексей внимательно посмотрел на мальчика. У него бледное худое лицо. Одет в темную курточку и старые сапоги. Держится спокойно, с достоинством.

И комбриг поверил.

Всю ночь шли через болотную топь. Юный проводник сдержал слово. На рассвете партизаны вышли из окружения, а в два часа дня с гитлеровцами завязался бой. Было убито

шестьдесят пять фашистов.

И опять пошли дни за днями. Бои, засады, разгром гарнизонов — днем, а ночью — внезапные сорокакилометровые броски и снова бои. Вот что записал в своем дневнике за эти дни Алексей Данукалов:

«4–6—43 г. Разведкой отряда «Прогресс» замечено движение более 200 фашистов в районе деревни Борки, которые при поддержке 45–лш пушки и батальонных минометов повели наступление на отряд, расположенный в деревне Дудары. Боевое охранение отряда в составе полуроты завязало бой с противником в деревне Барсуки, но вынуждено было отойти. Партизаны залегли в засаде и смело встретили противника. Бой длился три часа. На помощь отряду «Прогресс» подошла рота отряда «Моряк». Гитлеровцы прекратили наступление. В этом бою уничтожено более двадцати пяти фашистских солдат. Потери отряда — один ранен.

12–6—43 г. Рота отряда «Моряк» под командованием Феликса Крыжевича столкнулась с гитлеровцами в деревне Запрудье. В результате перестрелки убито и ранено восемь фашистов. Потери отряда: убито — два, ранен — один.

13–6—43 г. Бойцы–комсомольцы отряда «Моряк» под командованием начштаба отряда Нила Денисова и замкомиссара по комсомолу Пирогова в засаде возле деревни Волосово обстреляли группу фашистов. Убито пять врагов. Потерь свои не имеют.

18–6—43 г. Группа подрывников отряда № 4 под руководством Клименкова на большаке Чашники — Лукомля взорвали мост.

22–6—43 г. Подрывники отряда «Смерть врагам» под командованием Пахомова заминировали большак Чашники — Лукомля в районе деревни Придворье. На минах подорвана одна автомашина.

23–6—43 г. Отряд имени Селиваненко совершил налет на вражеский гарьщзон в деревне Слидчаны. По сигналу замкомбрига Василия Блохина партизаны пошли в наступление. Около двухсот фашистов были выбиты из деревни. Убито и ранено тридцать шесть гитлеровцев. Потери отряда: трое ранено. Взято у фашистов два ручных пулемета, три винтовки, восемь пистолетов.

25–6—43 г. Отряды №№ 10 и 14 под командованием замкомбрига Константина Зюкова выбили противника из деревни Гора. Убито и ранено десять солдат. Захвачены трофеи: два ручных пулемета, три винтовки, шесть пистолетов, много патронов и повозки с награбленным имуществом. Награбленное

возвращено населению.

В этот же день отряд № 4 разгромил вражеский гарнизон, охранявший бумажную фабрику в местечке Чашники. Убито и ранено девять гитлеровцев.

27–6—43 г. Подрывники отряда «Моряк» (Милашевский, Свириденко, Правилов) под командованием начштаба Н. Денисова заминировали железную дорогу Витебск — Полоцк в районе деревни Старое Село — Сиротино. Спущен под откос воинский эшелон (один паровоз, шесть вагонов с боеприпасами и 24 платформы с автомашинами)».

Все боевые операции, записанные в дневнике комбрига, перечислить невозможно. Но хочется вспомнить еще один бой, которым руководил лично Алексей Федорович. В это время бригада с десятью отрядами находилась в Бешенковичском районе, возле деревень Моханово, Заходно и других. Шестнадцатого октября 1943 года фашисты бросили на партизан два полка карателей, имевших на вооружении шесть танков, четыре бронемашины. Два батальона пехоты иод прикрытием одного танка и двух бронемашин заняли деревню Рубеж.

Не дожидаясь наступления врага, комбриг лично ведет бойцов в атаку. Бой длился четыре дня. Партизаны держались стойко и фашистам приходилось дорого расплачиваться за каждый метр территории.

* * *

О боевых действиях партизанской бригады под командованием Алексея Федоровича Данукалова, действовавшей на оккупированной территории Витебской области, можно вспоминать и писать много. Фашисты издавали приказ за приказом об уничтожении партизан, бросали одну за другой экспедиции карателей, но сделать ничего не могли. Для совместных боевых действий бригада Алексея Данукалова часто соединялась с партизанскими бригадами Райцева, Короткина, Заслонова, Тябута и другими. Партизаны минировали дороги, заходили противнику в тыл, наносили быстрые сильные удары.

Были моменты, когда после многодневных упорных боев партизанам приходилось ночью совершать большие переходы и на пути громить вражеские гарнизоны. Бывало, что после смертельной схватки ночью они не успевали сомкнуть глаз и снова включались в бой, совершали большие переходы, форсировали реки. Советские люди дрались, защищая Родину, не жалея своей жизни.

29 февраля 1944 года Герою Советского Союза Алексею Федоровичу Данукалову исполнилось 28 лет. В конце апреля того же года осколок вражеской бомбы отнял жизнь у этого мужественного коммуниста, верного сына Родины. Его образ навсегда останется в памяти советского народа.

Н. Ф. Королев, бывший командир партизанского соединения, генерал–майор, Герой Советского Союза
ОБЩИЙ ЛЮБИМЕЦ

Я хорошо помню московского комсомольца, юного нашего партизана-подрывника Борю Дмитриева. Он был небольшого роста, худощавый, застенчивый, с голубыми умными глазами. Говорил юноша мало, больше любил слушать других.

Боря Дмитриев прибыл к нам под Осиповичи в июле 1942 года вместе с группой коммуниста Ф. У. Корунчикова, многие километры прошедшей через глухие лесные дебри, по вязким болотам, прежде чем добраться к намеченному месту.

Наше первое знакомство с прибывшими было кратковременным. Мы готовились к очередной боевой операции, поэтому я накоротке расспросил москвичей, как их самочувствие, не утомились ли. Узнав, что партизаны собираются на задание, никто из новичков не пожелал отдыхать.

Дмитриев быстро познакомился с партизанами–минерами, подрывниками. Выяснил у них, есть ли взрывчатка, спросил, как ставятся мины, какие к ним применяются взрыватели. Подрывное дело для Бориса стало его военной профессией. Перед отправкой в тыл врага в Москве он успешно закончил спецшколу по минно–подрывному делу. И теперь его все интересовало, ко всему он присматривался внимательно, придирчиво.

Но как ни старался юноша, в первой боевой операции ему не повезло. Боевая работа во вражеском тылу оказалась значительно сложнее, чем теоретические занятия на учебном поле. Перед самым выходом на задание один из партизан соседнего отряда принес Дмитриеву на осмотр самодельную мину. Осторожно осматривал ее подрывник, но мина случайно взорвалась. Борис был ранен. На следующий день, хотя ему и не советовали выходить из лагеря, он все-таки вышел на «железку» и блестяще справился с заданием.

В дальнейшем Дмитриев не пропускал ни одной операции. Он бессменно руководил подрывной группой отряда имени Рокоссовского. Помню, как со своими товарищами Борис захватил обоз полицаев с награбленным добром, а в другой раз взорвал две автомашины с карателями, возвращавшимися с очередного разбоя. Вместе с политруком Пинчуком он водил партизан на штурм гарнизона Чучье.

Имя юноши — подрывника из Москвы стало популярным среди партизан. И хотя ему летом 1942 года не было еще восемнадцати лет, с ним считались даже бывалые партизаны, к нему за советом и помощью приходили из соседних отрядов. Скоро после прибытия к нам он стал любимцем в соединении.

Однажды была разработана операция, в которой привлекались к участию все отряды соединения. Предстояло разгромить крупный вражеский гарнизон неподалеку от Осиповичей. В одну из штурмовых групп был включен и комсомолец Борис Дмитриев.

…Тёмная ночь. К деревне, где разместились каратели, бесшумно крадется цепочка партизан. На вышке кружит неприятельский часовой. Временами он останавливается, смотрит в сторону большака, идущего от леса. Партизаны передовой группы подходят вплотную к деревне, ложатся и затихают. Томительно тянется время. Но вот предутреннюю темноту прорезала зеленая ракета. Это сигнал к атаке.

Первым выстрелом был снят часовой с вышки. Невдалеке застрочил немецкий пулемет. Партизаны прижались к земле. Такая заминка штурмовой передовой группы могла сорвать операцию. В этот критический момент от группы отделился боец и быстро пополз вперед. Это был Борис Дмитриев. Он сделал это по собственной инициативе. Быстро подполз к вражесцому дзоту и, сильно размахнувшись, бросил гранату. Тут же почувствовал боль в левой руке. Фашистский пулемет на минуту умолк, но вскоре вновь застрочил. Лежа в нескольких метрах от дзота, преодолевав боль в руке, Борис метнул вторую гранату. Граната угодила прямо в бойницу дзота. Пулемет замолк.

— В атаку! За мной! — крикнул Борис и бросился вперед.

Позади уже слышалось громкое «ура». Партизаны ринулись на противника, ворвались в деревню и в коротком бою разгромили фашистов, засевших в школе и в других домах деревни.

За этот бой подрывник Дмитриев был награжден медалью «Партизану Отечественной войны» I степени и представлен к награде орденом Ленина.

* * *

Борис никогда не сидел без дела. Даже в те короткие свободные минуты, которые появлялись у партизан между боевыми операциями, он всегда что-то мастерил, создавал новые «сюрпризы», замысловатые мины. Большая жизнедеятельность,

инициатива, трезвый и не по годам зрелый взгляд на вещи — характернейшая черта Бориса Дмитриева. Как люто ненавидел этот юноша оккупантов! Он все делал для того, чтобы быстрее от них избавиться, чтобы советские люди больше никогда не видели ужасов кровавой войны.

…Летом 1943 года партизаны Советской Белоруссии по указанию Центрального штаба партизанского движения на широком фронте развернули «рельсовую войну» против гитлеровских оккупантов. Наше соединение, действовавшее в районе Грабовских лесов, установило связи с соседними партизанскими отрядами. Были тщательно согласованы все вопросы одновременного удара по железной дороге Осиповичи — Бобруйск, взрыва мостов на железнодорожных и шоссейных магистралях.

Каждый партизан, понимая серьезность обстановки, трудился с полным напряжением. Борис Дмитриев и на этот раз проявил разумную инициативу. Он собрал комсомольцев, всех молодых партизан и стал обучать их подрывному делу. Сам он уже к этому периоду взорвал более десяти вражеских эшелонов: ему было о чем рассказать своим сверстникам. Его способная ученица Римма Кунько потом сама стала инструктором и создала группу подрывников из девушек–комсомолок.

Эта мужественная девушка жила в деревне Липень, где ее мать, Вера Марковна, учительствовала. Семья Кунько не смогла эвакуироваться в тыл зместе с отходящими частями Красной Армии. В первые месяцы фашистской оккупации ей довелось испытать немалые трудности. И как только представился случай, Римма вместе со своими братьями, Владимиром и Марком, пришла в партизанский отряд. Зная превосходно окрестные места, Римма не раз проникала во вражеские гарнизоны, добывала важные сведения и благополучно возвращалась домой.

Красивая, с большой черной косой, Римма приглянулась Борису. Мы часто видели их вместе.

Может быть, у них тогда рождалась большая, искренняя любовь? Ничего, что рядом ходила смерть. Любовь сильнее ее…

Фашисты заметно усилили охрану железных дорог. Спешно возвели большое количество проволочных заграждений в местах вероятного нашего нападения, пути подхода к мостам заминировали, построили новые сторожевые вышки, в дотах и дзотах, возведенных на важнейших железнодорожных магистралях, посадили солдат с автоматами и пулеметами. Особенно бдительно несли свою службу гитлеровцы в ночное время. Это потребовало от партизан–подрывников самой серьезной подготовки к каждому заданию.

Комсомолец Борис Дмитриев, тщательно изучив действия противника, первым предложил ходить на магистраль через вражеские минные поля. Более того, поскольку ночью скорость поездов противника невысокая и некоторые из них не подрывались на минах, он решил закладывать взрывчатку не ночью, а днем.

Юноша рассказал о своем плане комиссару отряда А. В. Шиенку. Тот не осмелился самостоятельно выпустить на такое рискованное задание подрывника. Дмитриев настаивал. Доложили об этом мне. Я пригласил юношу к себе.

— Товарищ комбриг, — не успев переступить порог землянки, выпалил Борис, — мы с комсомольцами обмозговали новый план борьбы с фашистами, а нам не разрешают проверить его в деле…

— Ты не горячись, — сказал я юноше, — давай спокойно все обсудим. Что ты предлагаешь?

— Своей группой днем взорвать мост…

Пришлось взять карту, внимательно обсудить несколько вариантов «за» й «против». До этого никто из подрывников бригады не подвергал себя подобному риску. Я хорошо знал, что мост всегда охранялся специальным гарнизоном противника, запретная зона вокруг него была огорожена проволокой и заминирована. Преодолеть ее даже в ночное время — дело нелегкое. А тут на тебе…

Дмитриев настаивал. Его довод, что днем мост охраняется менее бдительно, мне показался убедительным, и я разрешил:

— Действуй! Верю тебе…

Ясным морозным утром небольшая группа подрывников вышла из лагеря. К полудню Дмитриев привел их на исходный рубеж — опушку леса, откуда виден был железнодорожный мост. Казалось, вот он, рукой подать, а подойти к нему вплотную, да еще с грузом тола, очень опасно. Вражеская охрана просматривала все подступы к мосту, хорошо пристреляла их из автоматов и пулеметов.

Действовать надо осторожно, наверняка. Борис это хорошо понимал. Он долго присматривался к мосту, который был ему давно знаком, и еще раз убедился, что днем охрана ослаблена, вражеские солдаты реже совершают обход полотна, а к мосту почти не подходят.

Борис в белом маскировочном халате пробирался к мосту по-пластунски. Полз по неглубокому оврагу прямо к замерзшей речушке, к тому месту, где кончалась колючая проволока.

Сколько волнений друзьям доставил в этот день Борис! А вдруг часовой заметит след на снегу и обнаружит смельчака или сам Дмитриев устанет и не доползет до намеченного рубежа? Но

подрывник был замечательным спортсменом, не зря же он еще в школе завоевывал первенство.

Все обошлось как нельзя лучше. Подрывник подполз к мосту. Заложил снаряд большой взрывной силы и сразу же начал отползать к опушке леса. Затаив дыхание, друзья следили за каждым движением товарища. Они были готовы в любую секунду прийти ему на помощь.

Но что случилось? Борис залег за невысоким сугробом. Друзья забеспокоились; еще внимательнее стали наблюдать за юношей. А тот сделал им едва заметный знак рукой: «Все в порядке, не волнуйтесь…»

Партизаны ждали, что будет дальше. Борис застыл в снегу, а мост стоял попрежнему невредим. При смене часовых гитлеровцы могли обнаружить взрывчатку.

Вскоре все прояснилось. Вот издали послышался стук колес приближавшегося поезда. Подрывники поняли, что Борис решил увидеть своими глазами, как сработает его мина. Нельзя, конечно, было так рисковать…

Наступило мгновение, которого ждал Борис и его друзья. Паровоз, не снижая скорости, влетел на мост. В этот же миг раздался взрыв. Огненные языки пламени окутали подброшенный в воздух паровоз. Вздыбились вагоны…

Подрывная группа вечерними сумерками возвратилась в лагерь. А на второй день штабу соединения стали известны подробности совершенного ею взрыва. Задание было перевыполнено, взорванным оказался не только мост: под обломками вагонов погибло более 200 выпускников военных училищ, направленных гитлеровским командованием на Восточный фронт.

Это была блестящая операция, проведенная в дневное время комсомольцем Борисом Дмитриевым и его товарищами. Командование соединения за этот подвиг представило подрывника к званию Героя Советского Союза.

Фашистские оккупанты жестоко расправлялись с советскими людьми. Во второй половине февраля 1944 года, когда развернулись сильные бои Красной Армии за полное освобождение Белоруссии от врага, нам стало известно, что гитлеровские каратели окружили беззащитные деревни Дубовку, Верхи, Протосевичи, Пробоковичи и Поплавы. Сделано это было неспроста: под угрозой оружия фашисты пытались угнать все мужское население на передовую линию для рытья окопов, а женщин увезти на каторгу в Германию.

Все чаще противник пытался проникнуть и в партизанскую зону. В памятный для нас день — 23 февраля 1944 года —

крупная эсэсовская часть неожиданно напала на нашу немногочисленную заставу в деревне Каменичи.

Горстка партизан во главе с политруком Трубициным, охранявшая жителей деревни, в полдень заметила вражескую цепь. Ее вел сюда один местный предатель. Гитлеровцы, уверенные в своем близком успехе, рвались в деревню без соблюдения мер маскировки и предосторожности. Двенадцать отважных партизан подпустили вражеских солдат на близкое расстояние и почти в упор косили дружным автоматным огнем.

Враг обрушил на храбрецов сильный огонь. Не жалея снарядов и мин, фашисты подвергли уничтожающему обстрелу деревню! Схватка была неравной — двенадцать партизан против батальона солдат противника. Послав связного в штаб соединения с просьбой о присылке помощи, партизаны, заняв круговую оборону, отчаянно сопротивлялись.

Долго длился этот тяжелый бой.

Вот пал смертью храбрых руководитель группы политрук Трубицин. Командовать стал раненый Борис Дмитриев. И хотя ряды партизан быстро таяли, он подбадривал оставшихся в живых:

— Не спешите, хлопцы. Берегите патроны. Стреляйте только наверняка. Нам надо продержаться до подхода наших…

Но помощь запоздала. Отряд партизан во главе с его командиром Григорием Никифоровичем Борозной прибыл в деревню Каменичи, когда бой утих. Партизаны спасли от гибели 300 стариков, женщин и детей. Но это далось дорогой ценой. В бою мы потеряли общего нашего любимца — московского комсомольца–подрывника Бориса Дмитриева и десятерых его верных товарищей.

Почти два года воевал Борис Дмитриев в тылу врага. Воевал храбро, не жалея крови и самой жизни. А жизнь его оборвалась в двадцать лет. И как жаль, что он не дожил до радостной победы, когда советские люди воздавали славу достойным своим воинам, спасшим нашу Родину от фашистского ига. Не дожила до дня радостной победы и его верная спутница — подрывник Римма Кунько. Выполняя боевое задание, она попала в засаду и геройски погибла.

* * *

После войны мне часто приходится бывать в тех местах, где сражались партизаны нашей бригады. Радостными и волнующими бывают всегда встречи с бывшими боевыми товарищами,

занятыми теперь мирным созидательным трудом. Их особенно много в моем родном Осиповичеком районе, где нам довелось бороться с вражескими захватчиками. В городе Осиповичи есть улица, носящая теперь имя Героя Советского Союза Бориса Михайловича Дмитриева, есть школа, пионерские дружины, октябрятские звездочки имени славного московского комсомольца, навеки оставшегося в сердцах белорусского народа.

Всеволод Клоков, Герой Советского Союза, доктор исторических наук
НАШ ДРУЖИНИН

Осенью сорок первого года в небольшом леске около местечка Пирятин случайно встретились секретарь подпольного Черниговского обкома партии Алексей Федорович Федоров, он же будущий командир Чернигово–Волынского соединения партизанских отрядов, с будущим комиссаром этого соединения — Владимиром Николаевичем Дружининым.

В этот день через Пирятин проходили последние части отступающей Красной Армии. Фронт уже гремел где-то на востоке : гитлеровцы завершали окружение частей, оказавшихся в этом районе… В местечке полыхали пожары. Рвались мины и снаряды. Совсем неподалеку трещали пулеметные и автоматные очереди.

Федоров и Дружинин стали друзьями еще в 1933 году, когда Алексей Федорович работал председателем контрольной комиссии в Понорницком районе, а Владимир Николаевич был заведующим орготделом райкома партии по соседству — в Новгород–Северском. Жизнерадостность, способность сохранять веселость и равновесие духа при любых об–стоятельствах, умение работать с подъемом и заражать энтузиазмом других — все это привлекало людей к Владимиру Николаевичу.

С 1938 по 1940 год Федоров и Дружинин работали вместе в Черниговском обкоме партии. Дружинин был заведующим орготделом обкома.

За год до начала войны он уехал на Тернопольщину вторым секретарем обкома.

И вот — новая встреча. На войне. В горькие часы отступления. Теперь Дружинин — человек военный, батальонный комиссар. Где-то под Пирятиным располагался штаб дивизии, в который Дружинин был послан для связи. Но к тому времени, когда он прибыл в местечко, штаба там уже не было: он вылетел на самолете дальше, в советский тыл. Что делать? Выходить из окружения и пробираться через фронт?..

— Знаешь что, Володя? — дружески обнял друга за плечи Федоров. — Оставайся с нами! Будем партизанить! В конце концов, если разобраться, ты останешься в своей области!

— А что? — загорелся Дружинин. — Это дело! Ладно, перевожусь под ваше командование! Ушел из фронтовой дивизии — будем организовывать партизанскую!..

В тот день Федоров и Дружинин расстались. Федорову требовалось побывать еще в нескольких районах области, в которых остались подпольные группы и районные партизанские отряды. Дружинин двинулся прямиком в Рейментаровские леса, к месту дислокации областного партизанского отряда.

С этого дня изменчивая военная судьба крепко связала Владимира Николаевича с партизанским движением, одним из активнейших организаторов которого он стал.

В ноябре сорок первого года командование назначило Дружинина комиссаром кавалерийской группы областного отряда. Обстановка в некоторых лесных районах Черниговщины в то время была благоприятной для партизан. Гитлеровские фронтовые части продвинулись далеко на восток. Власть на местах фашистское командование организовать еще как следует не успело, и жители многих небольших сел и хуторов совсем еще не видели немцев. Только в крупных местечках и в городах располагались вражеские гарнизоны. Все это облегчало партизанам проводить среди населения массово–агитационную работу.

С другой стороны, среди населения, да и среди партизан жили еще страх перед немецко–фашистской армией и удивление ее временными успехами.

Штаб областного отряда ежедневно принимал сводки Совинформбюро о положении на фронтах и о жизни в советском тылу. Эти сведения комиссар Дружинин распространял не только среди бойцов кавалерийской группы, но и среди жителей сел, с которыми он поддерживал постоянную связь. Вместе со своими конниками уходил комиссар в дальние и опасные рейды, рискуя головой, собирал сходы селян, нес людям слово большевистской правды.

Требовательный и беспощадный, когда дело шло о партизанской и партийной дисциплине, комиссар в то же время был самым задушевным другом каждого бойца своего подразделения.

Бойцы–партизаны были людьми разными. Одни из них остались в своей области по заданию обкома партии. Другие пришли из окружения. Третьи бежали в лес, спасаясь от гитлеровцев и их прислужников.

В начале войны, когда партизанское движение только становилось на ноги, находились люди, страдавшие подозрительностью. В каждом новичке видели они предателя или засланного гестапо шпиона. Эти люди старались замкнуть партизанские ряды, не принимать в отряды никого извне.

Подобная подозрительность была чужда Дружинину.

19 ноября 1941 года в лесу под Рейментаровкой состоялось совещание. Трудно определить, какое именно было это совещание — военное или партийное, потому что на нем присутствовали и командиры всех партизанских отрядов и почти весь состав подпольного Черниговского обкома партии. На этом совещании решили слить все районные отряды в один областной отряд. Было решено также принимать в отряд бойцов и командиров Красной Армии, попавших в окружение. Таких вооруженных групп в окрестностях лагеря черниговских партизан было довольно много. Наконец, по предложению А. Ф. Федорова начальником штаба отряда был утвержден советский офицер Дмитрий Иванович Рванов.

Это предложение, как, впрочем, и предложение о приеме в отряд окруженцев, не всем пришлось по вкусу. Многие из командиров районных отрядов и даже некоторые члены подпольного обкома партии возражали, тех, кто внес их, упрекали в утере бдительности и в других смертных грехах.

И тут большую роль сыграло выступление на совещании комиссара кавалерийской группы В. Н. Дружинина.

Вот как вспоминает об этом выступлении в своей книге «Подпольный обком действует» командир партизанского соединения и первый секретарь подпольного Черниговского обкома партии Алексей Федорович Федоров.

«Запомнилось короткое и энергичное слово Дружинина:

— Спорить, собственно, не о чем, товарищи. Мы с вами на войне. Мы своеобразная воинская часть. Хотим мы того или не хотим, но потери в наших рядах будут. А потери должны восполняться, иначе мы как воинская часть, как партизанский отряд погибнем. Я, между прочим, и сам пришел к вам из окружения. Говорят, что меня приняли потому, что я выходец из Черниговской области и руководству известен. Говорят, что и Днепровского поэтому признали своим. Некоторые тут даже предлагали принимать только черниговцев или даже только жителей того района, в котором организован отряд. Это ошибочная, вредная мысль. Такого рода местничество к добру не приведет. Наша Родина — весь Советский Союз, а не Рейментаровский или Понорницкий район. По указанию, по призыву партии организованы партизанские отряды, отобраны и оставлены заранее. Но почему надо было отбирать в эти отряды известных обкому людей? Да потому, что они должны составлять костяк, основу партизанского движения. Наивно думать, что мы одни, без поддержки народа, без резервов, без пополнения, сможем что-нибудь сделать…»

Вскоре после того как организовался объединенный

областной партизанский отряд, была проведена крупная операция по разгрому вражеского гарнизона в селе Погорельцы. Успех партизан в этой операции обеспокоил оккупантов. Они усилили подготовку карательных отрядов, предназначенных для действий против партизан, в райцентрах области — в Корюковке, Холмах. В больших селах были организованы крупные гарнизоны врага.

В декабре сорок первого года гитлеровцы повели решительное наступление на партизан, располагавшихся в Рейментаровском лесу. Восемь дней сдерживали партизаны врага на подступах к лагерю. Но силы были слишком неравны. У партизан кончались боеприпасы. Появилось много раненых. А враг подтягивал все новые и новые силы. Наконец в ночь на 22 декабря командование отряда приняло решение покинуть лагерь и выйти из окружения. Оставив насиженное место, партизаны оказались в сложной обстановке. Для того чтобы оторваться от противника и не дать себя окружить, зажать в угол, отряд должен был все время передвигаться. А это, в свою очередь, потребовало организации сильного разведывательного подразделения. Вот тогда-то и было принято решение о реорганизации кавалерийской группы в группу разведки.

В разведке талант комиссара Дружинина проявился особенно ярко. Как уже было сказано, Владимир Николаевич был тесно связан со многими жителями ближних и дальних сел. Эти связи оказали неоценимые услуги партизанам.

Стоило гитлеровцам появиться в каком-нибудь селе, как весть об этом немедленно приходила в лес к комиссару разведки. Дружинин упорядочил сеть своих связных. Организовал явочные квартиры, назначил «дубки» — тайные почтовые ящики, куда связные «опускали» свою корреспонденцию, и откуда забирали распоряжения, листовки и номера нелегальной партизанской газеты, издаваемой подпольным обкомом партии. Именно благодаря хорошей сети партизанских связных гитлеровцам никак не удавалось захватить партизан врасплох.

28 июля сорок второго года при оформлении Черниговского соединения партизанских отрядов Владимир Николаевич Дружинин был назначен его комиссаром.

В партизанских отрядах человек ценился исключительно за свои личные качества, за умение руководить и ориентироваться в сложнейшей обстановке, которая была присуща вражескому тылу. При этом главную роль играло не столько довоенное положение, сколько деятельность в партизанах. И Владимир Николаевич Дружинин, коммунист и довоенный партийный работник, с честью выдержал экзамен на партизанского комиссара!

Оформление соединения партизанских отрядов происходило

в окружении. Это было в районе Жуклянских и Рейментаровских лесов. С 27 июля по 4 августа вновь созданное соединение вело напряженные бои в полном окружении. Комиссара Дружинина видели на самых трудных участках партизанского фронта. В одном месте он около станкового пулемета отбивает очередную атаку. В другом — с криком «ура» первым поднимается в контратаку…

В то время как главные силы соединения отбивали наседавших немцев, командование карателей бросило из деревни Жукля две роты партизанам в тыл.

Но враг просчитался. Партизанское командование предвидело такую возможность, и две вражеские роты сами угодили в засаду. Побросав оружие и повозки, враг в панике бежал, оставив на поле боя убитых и раненых.

В этот день разведчики привели в отряд полицая из «примаков» — одного из тех, кто, попав в окружение, не двинулся через фронт и не пошел в партизаны, а пристроился в одном из окрестных сел и решил переждать войну… Потом его взяли на службу в сельскую полицию.

Владимир Николаевич некоторое время молча рассматривал пленного. Это был уже немолодой человек, в потрепанном пиджаке, перешитом из шинели.

— Как вы попали в полицаи? — спросил наконец комиссар.

— Мобилизовали… — пробормотал пленный.

— Мобилизовали? И вы согласились?.. Согласились на предательство?

— А что я мог поделать!..

— Что поделать? А что делают вот они? — обвел комиссар рукой толпившихся вокруг партизан. — Да вот хоть ты, Халиуллин! Может, ты расскажешь ему, что ты сделал, как избежал мобилизации?

Небольшой, жилистый, упругий, как кошка, командир взвода злынковского отряда Халиуллин искоса посмотрел на полицая.

— Нечего мне ему говорить, этому паршивому барану! — сквозь зубы отрубил он. — Тьфу!

Халиуллин сплюнул и еще раз так посмотрел на «примака», что тот сжался.

— Ну? — сказал комиссар. — Понимаешь теперь, что надо делать?

— Понимаю… — пробормотал «примак», опустив голову.

— То-то! А теперь накормить его и пусть сам выбирает, куда ему — с нами или назад в полицию, — распорядился комиссар. — Пусть думает.

Вновь прибывший выбрал: он стал партизаном. И вскоре

искупил свою вину смелостью и отвагой в боях.

Нелегкую работу по разложению вражеских частей Дружинин вел постоянно. По его указаниям партизанские связные пробирались во вражеские части, прощупывали настроения среди гитлеровских солдат и офицеров, завязывали знакомства. И эта работа не пропадала даром.

Бои под Жуклей и Рейментаровкой продолжались до 4 августа сорок второго года. В ночь на 5 августа маршрутом, разработанным штабом соединения, партизаны вырвались из кольца и после многих долгих и тяжелых переходов, вышли в Софиевские лесные дачи, на Брянщину.

Однако и тут немцы не прекратили преследования соединения. Лес под Софиевкой был обложен со всех сторон вражескими частями. Командование и подпольный обком партии, членом которого состоял и Владимир Николаевич Дружинин, решили пробиваться на север, в чащобы Клетнянских лесов.

Тяжелые испытания, выпавшие на долю черниговского соединения партизанских отрядов, не только не ослабили боеспособность партизан, но еще более ее усилили. И это было прямым результатом каждодневной командной и политической работы под руководством А. Ф. Федорова и В. Н. Дружинина.

В ночь на 5 марта 1943 года комиссар л командир соединения вернулись из Москвы. Перед соединением партизанских отрядов Ставка Верховного главного командования поставила сложную и ответственную задачу: организовать систематический подрыв вражеских эшелонов на линиях, выходящих из Ковельского железнодорожного узла, и уничтожать живую силу и технику противника на шоссе Брест — Ковель.

Кроме чисто военных задач перед соединением и перед подпольным обкомом партии была поставлена еще одна не менее важная и не менее сложная политическая задача — вести среди населения западных областей Украины, в которые направлялось теперь соединение, широкую пропаганду, бороться с поднявшими голову украинскими националистами всех мастей, организовывать новые партизанские отряды и подпольные группы, наконец, спасать от смерти и от угона в Германию беззащитное население — женщин, детей, стариков.

11 марта, получив с Большой земли вооружение и взрывчатку, соединение выступило в далекий рейд на запад.

Как прошел этот рейд и каковы его результаты, об этом писалось уже не раз. Напомним все-таки, что работа важнейшего для гитлеровцев Ковельского железнодорожного узла была серьезно нарушена. По некоторым линиям, выходящим из этого узла, движение на некоторое время прекращалось совсем, на

других резко сокращалось движение вражеских эшелонов к фронту. Это было тем более важно, что происходило в самый разгар операции «Цитадель», в разгар боев под Курском и Белгородом в июле 1943 года.

«Своими активными действиями летом 1943 года на железнодорожных коммуникациях врага партизаны Украины оказали неоценимую помощь Красной Армии», — говорится об этом в «Истории Великой Отечественной войны». И далее: «Пропускная способность железнодорожной магистрали Ковель — Сарны — Киев, по которой шла значительная часть грузов для немецко–фашистских войск под Курском, уменьшилась в 6 раз…»

И все это в большой мере было результатом политической подготовки личного состава партизанского соединения. Дружинин сумел так организовать работу политработников, что каждый партизан был в курсе всех политических и военных событий. Каждое новое мероприятие нашей партии и Советского правительства периодически разъяснялось всем комиссарам подразделений и всему партийному и беспартийному составу соединения.

В отрядах и подразделениях выпускались боевые листки и стенные газеты, в которых критиковались недостатки в работе и популяризировались лучшие примеры героизма партизан. В них же разъяснялись ближайшие задачи по боевой деятельности и по работе среди населения. В дни праздников специальными приказами по соединению командование отмечало лучших партизан. Широко развернулась партизанская самодеятельность.

Соединение выпускало газету «Советская Украина», тираж которой достигал тысячи экземпляров. Всего было выпущено пятьдесят три номера газеты. Кроме того, в партизанской типографии печатались листовки, в которых разоблачалась ложь геббельсовской пропаганды и немецко-украинских националистов.

Все это совершалось под непосредственным руководством В. Н. Дружинина, наладившего великолепную систему распространения печатного слова среди населения.

Эта работа давала ощутимые результаты. Не только ближайшие к лагерю, но и дальние села верили в силу партизан, наотрез отказывались выполнять всевозможные заготовки, которые пытались организовать гитлеровские власти. Как правило, население этих сел не ограничивалось материальной помощью партизанам. Оно предупреждало их об опасности, скрывало партизанских разведчиков и диверсантов, служило проводниками во время боевых операций.

Обозленные тем, что жители поддерживают партизан,

гитлеровцы учиняли зверские расправы, выжигая целые села и уничтожая поголовно всех жителей. Те из них, которым удавалось скрыться, бежали в леса… В лесах вокруг военного партизанского лагеря начали организовываться поселения местных жителей — женщин, стариков и детей, ищущих у партизан защиты. Эти поселения партизаны называли «цивильными лагерями».

Командир и комиссар соединения организовали охрану «цивильных лагерей», помогали им продуктами, наладили медицинское обслуживание.

А если случались бои, если на партизан нападали каратели и начинали прочесывать лес — «цивильные лагеря» перебазировались в безопасное место.

И если кто-нибудь из партизан, измотанных непрерывными боями с захватчиками, в трудный час предлагал оторваться от «цивильных» и уйти, комиссар сурово сводил брови:

— Не могут советские люди бросать людей… Обрекать их на смерть! Не забывай, на каком суку сам сидишь! Какой же ты партизан, когда говоришь такое?!

Сам Дружинин, если позволяла обстановка, был частым гостем в «цивильном лагере».

Суховатый и молчаливый на первый взгляд, комиссар соединения был лучшим и близким другом каждому партизану. Говорил он мало, но умел найти слово, достигавшее самой глубины души. Спокойный, подтянутый, всегда готовый помочь товарищу, если ему нужна помощь, и в то же время суровый с теми, кто нарушал партизанский закон, беспощадный к врагам— таким запомнился нам комиссар соединения Владимир Николаевич Дружинин.

За организацию партизанского движения в тылу врага и за выполнение заданий партии и Украинского штаба партизанского движения по борьбе с фашистскими захватчиками Указом Президиума Верховного Совета СССР комиссару черниговo–волынского соединения партизанских отрядов Владимиру Николаевичу Дружинину было присвоено звание Героя Советского Союза.

Б. Стрельцов
СКАЗ О ГЕНЕРАЛЕ ДУБОВЕ

Сосновый бор остался позади. Начался густой ельник, непролазный, колючий. Казалось, не пробраться дальше, нужно искать обход. Но проводник, свернув чуть–чуть налево, углубился в чащу по ему одному известной тропинке. Дети цепочкой двинулись за ним.

И вот расступился ельник, поросшая мхом, давно не хоженая тропинка выбежала на светлую поляну.

— Дядя Бульба, здесь? — спросил Вася Лагунов.

Проводник стянул с головы фуражку, смял ее в кулаке и молча кивнул головой.

Несколько минут стояли молча и смотрели то на обвалившиеся землянки, то на торжественно–спокойное лицо бывшего партизанского разведчика Марка Бульбы. А потом сразу, будто по команде, разбежались в разные стороны. Бродили долго. Ряд землянок уходил далеко в лес, под густые лапчатые ели. То и дело слышались возгласы:

— Гильза! Гильза от снаряда!..

— Смотрите, целая гора касок… Немецкие…

Марк Бульба спокойно объяснял:

— От 76–миллиметровой пушки гильза. Их в нашей бригаде несколько было. Партизанская артиллерия… А каски не случайно здесь оказались. Каждая на фашистской голове сидела. Каски целы, а голов нет. Эсэсовский карательный отряд к нам было сунулся. Ну, и вот… А в касках этих потом партизаны тол плавили, мины делали и с ними на железную дорогу ходили…

Вечером в самом центре Бегомльской пущи горел большой костер. Ребята плотным полукольцом уселись вокруг своего проводника и не спускали с него глаз. На фоне пламени, которое с легким потрескиванием рвалось вверх, лицо бывшего партизанского разведчика казалось бронзовым, почти коричневым. Посасывая свою неизменную вишневую трубку, Марк Бульба рассказывал:

— Видите вон те камни, за болотцем?

Ребята в знак согласия кивнули головами, хотя сейчас они ничего не видели. Темная, беззвездная ночь подступала к самому костру и, казалось, старательно и ревниво охраняла партизанские тайны.

— Так вот, там наша электростанция была. Настоящая электростанция. В госпитале, во всех землянках горело

электричество. Не удивляйтесь. Хотя и в лесу, а жили мы не медведями. Командир бригады Федор Фомич Дубровский в этом отношении строг был, ох как строг. Считай, каждый день говаривал: «Партизаны — та же армия. Только в тылу врага. Дисциплина и порядок у нас должны быть армейские». Ну, и поддерживал порядок. Ему ведь и звание воинское присвоили — генерал–майор.

Потрескивал костер, лизали густую темноту багровые языки пламени, а дети, затаив дыхание, слушали волнующий рассказ. И в их воображении рисовался большой партизанский лагерь. На мостках, оборудованных на самых высоких деревьях, бессменно дежурили часовые. Собирается на задание диверсионная группа — партизаны получают в пекарне свежеиспеченный, вкусно пахнущий хлеб. Да–да, в бригаде Дубровского была своя хлебопекарня. И прачечная была, и столовая. А в землянках порядок был…

— Эшелон мы как-то чудной подорвали, — усмехаясь, продолжал рассказывать Марк Бульба. Ожидали, согласно донесению разведки, с танками, а там были постели… Охрану мы перебили — и к эшелону. За трофеями, значит. Федор Фомич, увидев, что в вагонах лежат кипы одеял и простыней (в тот раз Дубровский вместе со всеми на «железку» ходил), дал команду забрать все постельные принадлежности. С того времени наши землянки и приобрели вид казарм…

Долго говорил Марк Бульба. Потом внезапно оборвал свой рассказ на полуслове, задумался. Ваня Аводнев, переглянувшись с друзьями, решил нарушить общее молчание:

— Дядя Марк, а дядя Марк…

Разведчик поднял голову и вопросительно смотрел на мальчика.

— Вы расскажите про засады, бои, про то, как железную дорогу разобрали…

Марк Бульба понимающе улыбнулся:

— Знаю, вас одеяла, простыни, электростанция меньше интересуют. Давай вам перестрелку, чтоб пулеметы, пушки, бомбы… Да беда в том, что я всего не знаю, не помню. Был я простым разведчиком. По деревням ходил, сведения о немцах и полицаях собирал, в гарнизоны приходилось забираться. А вот общей картины нарисовать не могу.

— А где теперь Федор Фомич? — спросил Коля Патичев.

— В Минске живет наш Федор Фомич, в столице, — ответил Марк Бульба и вдруг, как бы спохватившись, хлопнул себя ладонью по лбу: — Ребята, а что, если пригласить его в ваш детский дом? Он Орехово помнит, бывал там в войну, гарнизон

немецкий когда выбивали. Приедет, обязательно приедет.

Дети заговорили все вместе, зашумели, повскакивали с мест.

— Тихо! — поднял руку Марк Бульба. — Давайте вот здесь, на месте партизанского лагеря, напишем ему письмо. И обязательно укажем, что сидели мы возле его командирской землянки. Вспомнит былое наш командир, защемит его сердечко, потянет в Бегомльскую пущу…

Федор Фомич приехал. Ребята ожидали увидеть генерала в полной форме, при всех орденах, а порог Ореховского детского дома переступил человек, одетый в обыкновенный коричневый костюм. Только «Золотая Звезда» Героя Советского Союза да манера держаться прямо, не сутулясь, выдавали в нем боевого командира.

И начался вечер под девизом: «Партизанские отряды занимали города». Федор Фомич рассказывал…

* * *

Тяжелы дороги отступления. Шли на восток. В общей колонне перемешались пехотинцы и артиллеристы, санитарные машины и подводы беженцев. Проходили через деревни и города, через наши советские селения, в которые по пятам отступающих через час–два ворвется враг. У калиток и плетней стояли женщины, старики, дети и тревожными глазами провожали воинов, которые, вопреки всем чаяниям и надеждам, шли не на запад, а на восток…

В Ржеве Федор Фомич Дубровский встретился с работниками Центрального Комитета Компартии Белоруссии. И сразу стало легче на душе. Здесь формировались группы для развертывания подпольной работы и партизанского движения в тылу врага. В состав одной из групп, которой предстояло действовать в Витебской области, вошел и Дубровский.

— Придется несколько дней ожидать, пока дадут самолет, — предупредили Дубровского, назначенного командиром группы.

— Нельзя ожидать, — возразил Федор Фомич. — Самолеты нужны для других целей — громить врага с воздуха. А мы пробьемся через линию фронта.

Пробивались у Великих Лук. Шел ночной бой. Очереди трассирующих пуль хлестали по траншеям, окопам, деревьям. Желтыми и малиновыми клубочками вспыхивали разрывы гранат и мин. Где-то с правой стороны гремело «ура».

Перевалили через бруствер траншеи по одному и поползли навстречу пулям. Только бы не застрять здесь, на голом месте. За

спиной у немцев лес, родной. Там ищи–свищи. Не найдешь.

Федор Фомич чуть не напоролся на немецкого пулеметчика. Тот лежал в неглубоком окопчике и через ровные промежутки времени посылал в сторону нашей траншеи очередь за очередью. Дубровский обогнул его буквально метрах в десяти. Рисковать нельзя, ведь он командир группы, отвечает за всех. Но в руках прямо-таки нестерпимый зуд, и от ненависти даже дыхание перехватывает. Вот он, живой враг, непрошеный пришелец, сеющий смерть, кровь и слезы. Как-то само собой получилось, что в руке оказался нож. Заполз сзади. Коротким предсмертным вскриком фашиста оборвалась пулеметная очередь.

А Дубровский уже поднялся во весь рост и сделал рывок в лес. Видимо, заметили. Автоматная очередь хлестнула, но Федор Фомич уже скатился в овраг. Здесь не достанешь.

Собрались в условленном месте — недалеко от городка Ушачи. Это было 14 августа 1941 года. Федор Фомич распределил, где кому обосновываться. Установка для всех одна: выдавать себя за окруженцев, собирать оружие, вести работу среди местного населения. Сам Дубровский остановился в деревне Жары. Сюда и потянулись нити из окрестных деревень — от остальных членов подпольной группы.

За осень подпольщики спрятали в тайниках много оружия, оставленного в лесах окруженцами. Густо смазывали маслом и закапывали в землю пулеметы, минометы, винтовки. Надежно укрыли даже 76–миллиметровое орудие. А зимой начали сколачивать отряд. К марту 1942 года вокруг подпольной группы Дубровского уже группировалось около 250 человек.

Ранней весной из лагеря военнопленных, расположенного под Полоцком, убежала группа бойцов и командиров. Они обосновались в Придвинских лесах. Здесь же находились окруженцы — батальонный комиссар Владимир Мельников и другие товарищи. Они создали боевую партизанскую группу. Недалеко от Ушачей действовала другая группа, которой руководили Матвей Ястребов, Николай Юртаев, Терентий Гирсенок. И к ним потянулись нити из деревни Жары. Федор. Фомич Дубровский брал курс на широкое развертывание партизанской общенародной борьбы, на соединение мелких групп и отрядов.

В марте партизанский отряд Дубровского начал активные действия. Часто операции проводились совместно с отрядами Лобанка, Сафонова, Звонова. А в сентябре 1942 года отряды объединились в бригаду. Командиром стал Федор Фомич Дубровский, комиссаром — Владимир Елисеевич Лобанок. А люди все прибывали и прибывали. Отряды численно росли. Слава

о боевых действиях бригады Дубровского перешагнула через границы Ушачины, Лепельщины, Бегомльщины. К нему стекались патриоты из разных районов.

Пришлось разделиться на две бригады. Командиром Лепельской стал В. Е. Лобанок, командиром Чашницкой — Ф. Ф. Дубровский. Бригады взаимодействовали между собой.

К осени 1943 года партизаны бригады Дубровского разгромили 22 немецких гарнизона, в том числе такой орешек, как ушацкий гарнизон. Здесь в тюрьме томились сотни советских граждан, схваченных фашистами за связь с партизанами. Налет на гарнизон был столь стремительным, что немцы и полицаи, спасая свои шкуры, забыли о тюрьме. Их преследовали и добивали по дороге на Лепель. А освобожденные узники пополнили ряды партизан.

Чашницкая бригада стала называться бригадой Дубова. И вот почему.

Заместителем по разведке у Дубровского был Сергей Васильевич Маркевич, человек смелый и в то же время осторожный и осмотрительный. Он-то и додумался.

— Федор Фомич, — поинтересовался Маркевич, — твои родственники где живут?

— Здесь, на Ушачине, — ответил Дубровский.

— А фамилию они носят какую?

— Есть Дубровские, есть и с другими фамилиями — по матери родственники. Много их. В гости пойдешь — за месяц всех не обойдешь.

— Ну, а если кто-нибудь донесет, что сам командир партизанской бригады им близкий человек?

Федор Фомич понял, к чему ведет разговор Маркевич:

— М–да–а-а… Вон у батьки Миная такое дело получилось… Детей схватили…

— Надо фамилию менять, — предложил Маркевич. — Был ты Дубровским, а отныне будь… ну, скажем, Дубовым…

— А что, подходит! — согласился Дубровский.

С того времени бригада и стала называться бригадой Дубова.

* * *

В штабной землянке бригады собрались командиры отрядов. Федор Фомич кивнул своему начальнику штаба Шарко — мол, читай.

Шарко откашлялся и начал:

— Мы сегодня собрались, чтобы познакомиться с

постановлением Центрального Комитета Коммунистической партии Белоруссии «О разрушении железнодорожных коммуникаций противника методом «рельсовой войны»». В Москве считают, что белорусские партизаны, в том числе и на Витебщине, многое сделали, чтобы задержать продвижение войск к фронту по железным дорогам. Теперь поставлена более ответственная и сложная задача: нужно полностью парализовать железнодорожный транспорт врага.

— А тол, где брать тол? — перебил начальника штаба командир отряда Дмитрий Короленко. — Мы вон машину немецкую подорвали. Снаряды везла. Все выплавили. И уже снова не из чего мины делать…

Федор Фомич движением руки остановил Короленко:

— Погоди, Дмитрий, не лезь раньше батьки в пекло. Будет тол. Подбросят самолетами с Большой земли. А здесь вопрос стоит шире… Читай, — снова кивнул он начальнику штаба.

Шарко отбросил со лба растрепавшуюся прядь волос и обвел глазами командиров отрядов. Начавшие было оживленно обмениваться мнениями партизанские командиры сразу замолчали. Шарко читал:

— «Методом «рельсовой войны» разрушение коммуникаций можно довести до состояния катастрофического для немецко–фашистских войск. При массовом применении этого способа борьбы противник принужден будет проводить огромные работы трудоемкого характера по замене взорванных рельсов для восстановления путей. Потребуется доставлять колоссальное количество стали, проката, что для него будет почти неразрешимой задачей…»

— Теперь поняли? — сказал Федор Фомич. — Не только пускать под откос эшелоны, но и взрывать десятки километров рельсов, выводить из стрвя целые железные дороги. Белорусский штаб партизанскога движения поставил перед витебскими партизанами задачу взорвать 17 700 рельсов… Будем выполнять задание…

По всей зоне ночами горели партизанские костры. На лесные аэродромы один за другим садились транспортные самолеты. Большая земля слала взрывчатку. И вот Федор Фомич дал команду бригаде:

— В путь!

На задание отправились все, за исключением сторожевой охраны лагеря и раненых. На подводы погрузили тол, ломы, лопаты, кирки, мотыги. Сейчас дубэвцы больше напоминали строителей, чем партизан. Но оружие каждый взял с собой. Дорога Орша — Лепель усиленно охранялась немцами.

Оккупанты не ожидали такого мощного удара по железной дороге. Солдаты сидели в бункерах и дзотах, шлепали по столам засаленными картами, пили шнапс и горланили песни. А тут как гром с ясного неба — партизаны! По сигналу зеленой ракеты разведчики бесшумно навалились на караульные посты. В дзоты полетели гранаты. Через несколько минут с охраной было кончено и из лесу к дороге устремились остальные партизаны бригады и жители окрестных деревень. Справа и слева от участка Дубова на «железке» работали партизанские бригады Заслонова, Лобанка и Леонова.

От Лепеля и чуть ли не до самой Орши вспыхнули яркие костры. Шпалы обливали мазутом, керосином и зажигали. В огне металл деформировался. Вовсю работали подрывники. На местах стыков они закладывали небольшие заряды тола и перебивали рельсы. На станциях летели в воздух водокачки…

Фашисты перебросили в район железной дороги большое воинское подразделение. Но партизан уже и след простыл. На железнодорожной насыпи остались только искареженные рельсы и кучи обгоревших шпал.

Немцы расставили вдоль дороги усиленные гарнизоны, буквально через каждые двадцать пять метров замаскировали посты и принялись за восстановление полотна. А партизаны тут как тут. Бой длился 42 часа. Восстановленная часть дороги была снова разрушена.

Недели через две заместитель по разведке Сергей Маркевич докладывал командиру бригады:

— До чего додумались фрицы: новую дорогу ведут. Из Лепеля на Крулевщизну…

— А ну–ну, дай карту, посмотрим, — заволновался Федор Фомич. — Зачем это им понадобилось?..

Сергей Васильевич расстегнул планшетку и достал карту. Дубровский ладонью расправил складки и навис над столом.

Через несколько минут он говорил Маркевичу:

— Ты понимаешь, что это будет за дорога? Это же прямой путь из Вильнюса через Молодечно — Крулевщизну — Лепель на Оршу. Несколько часов — и новая дивизия на фронте, хочешь танки — пожалуйста. И вторая у них цель: думают рассечь надвое партизанскую зону… Не выйдет. Объявляй сбор, и срочно гонцов в соседние бригады!..

Замыслы немецкого командования не осуществились. Партизаны отрезали на своем участке фронтовые части от их тылов. Немцам пришлось туго.

Не прекращалась диверсионная работа и на других железных дорогах. На откосах чуть ли не впритык валялись сожженные,

исковерканные паровозы и вагоны. Наученные горьким опытом, фашисты теперь были чрезвычайно осторожны. Скорость воинских эшелонов не превышала десяти километров в час. Партизаны с трудом пробирались сквозь посты на полотно, закладывали мины и ждали. А поезд ползет, как черепаха. Паровоз взорвется и станет. Вагоны и платформы с фашистами и техникой остаются целыми. Немецкие железнодорожники подгонят новый паровоз, исправят путь, и снова эшелон движется на восток.

— Так дело не пойдет, — волновался Федор Фомич. — Нужно усилить подрывные группы. Будем наносить по эшелонам массированные удары…

Железнодорожное полотно круто изгибается и уходит за выступ леса. На фоне густой зелени сначала появляются платформы — одна, вторая, третья. За ними, выпуская густые клубы пара, выползает паровоз. Эшелон движется медленно–медленно, кажется, вот–вот остановится.

На платформах, обтянутые серым брезентом, застыли неуклюжие громадины.

— Правильно донесли разведчики, — шепчет Федору Фомичу Сергей Маркевич. — Танки…

— «Тигры», что ли? — отзывается Дубровский.

— Они.

А эшелон все ближе и ближе. Уже можно различить, что за паровозом и в хвосте поезда идут вагоны с бронированными колпаками. Хоботы орудий нацелены на лес.

— Приготовиться! — передается по цепочке команда. — Орудиям бить по бронированным вагонам!..

Столбом взметнулись из-под колес паровоза осколки шпал и желтый песок. Мина сработала безотказно. И вслед за взрывом гулко ахнули 76–миллиметровки. Заработали партизанские пулеметы.

Мощное «ура» прокатилось по опушке леса. Более тысячи партизан пошли на штурм эшелона.

Через полчаса все было кончено. Горели вместе с платформами «тигры», плавился металл. Прибывший вражеский бронепоезд вслепую бил из орудий по лесу. А партизаны были уже далеко. Знакомой лесной дорогой форсированным маршем они двигались в сторону лагеря.

Вечером Федор Фомич вместе со штабными работниками намечал план следующей операции…

* * *

В четыре часа утра вестовой разбудил Дубровского. Командир бригады лег в два, не выспался и поэтому сердито смотрел на партизана из-под полураскрытых век.

Вестовой доложил:

— Из второго отряда сообщают, что немцы наступают на Пышно.

— Ну и что? Первый раз они наступают на Пышно? Наступают и отступят… А много их там?

— До полка.

Дубровский мгновенно вскочил на ноги.

— Полк?! Такого не было. Да еще в четыре часа. Зови начальника штаба, комиссара и заместителя по разведке.

Вскоре в командирскую землянку прибыли Шарко, Старинский и Маркевич.

— Слышали? — встретил их вопросом Федор Фомич.

— Слышали, — ответил комиссар бригады Старинский. — Учти, товарищ комбриг, наступление не случайное. Из Борисова на Плещеницы и Бегомль прут, а из Молодечно — на Докшицы. Да и на севере зашевелились… Наверно, по одному плану действуют.

— Генерал–лейтенант полиции фон Готтберг из Минска в наши края прибыл, — добавил Маркевич. — Тоже не случайно. Это старый опытный каратель.

— Какой отряд сейчас у нас в Пышно, второй? — спросил Дубровский.

— Второй, — подтвердил Маркевич.

— Быстро добирайся туда. Выясни обстановку и доложи, — распорядился Федор Фомич.

Маркевич вышел из землянки.

Командир бригады встревожился не случайно. Пышно — еще бы: немцам поперек горла стоит партизанский гарнизон в Пышно. Дорога Лепель — Пышно — Березино — Докшицы — единственный прямой путь из Витебска на запад. А дубовцы оседлали эту дорогу, перерезали и закрыли движение. Немцы уже пробовали по воздуху доставлять боеприпасы, горючее, продовольствие. Сейчас, видимо, задумали решительный штурм Пышно.

Зазвонил телефон. Докладывали из отряда Дмитрия Короленко: немцы наступают на деревни Заозерье, Тартак, Весницк и Корчи. Федор Фомич срочно послал туда Шарко. Ему и Маркевичу, который вскоре позвонил из Пышно, Дубровский дал наказ любой ценой раздобыть немецкие документы.

— Организуйте охоту за офицерами, за чинами! — кричал в трубку Федор Фомич. — Если большая операция задумана, у них

будут карты и планы… А как там в Пышно?

Выслушав доклад Маркевича о том, что каратели готовятся к новому штурму поселка, Федор Фомич приказал срочно перебросить для усиления второго отряда Михаила Дыденко роту Бориса Звонова, еще одну 76–миллиметровую пушку, полковой и ротный минометы.

19 мая Дубровский получил донесение:

— Атака отбита. Сожжено два вражеских танка. Немцы бомбят Пышно с воздуха…

20 мая. Между озерами Мурож и Лучила отряд Дыденко вместе с третьим отрядом устроили засаду. Противник бежал… Полк СС окапывается на рубеже Заозерье — Корчи…

— Окапывается! — шагал из угла в угол землянки Дубровский. — То наступал, а теперь окапывается. Не для того, пожалуй, они сюда прибыли, чтобы занимать оборону. Подкрепление ждут, не иначе. Вот и окапываются…

И сразу же принял решение:

— Штурмовать эсэсовцев, не дать окопаться!

Партизаны поднялись в атаку. Эсэсовский полк был отброшен до деревни Юркова Стена.

А в Пышно бои шли непрерывно. Немцы яростно атаковали. Партизаны отбивали атаки и сами контратаковали. Во время одной из контратак убили командира третьего полицейского батальона СС. Помня приказ комбрига, разведчики вместе с оружием забрали у него планшетку. В ней оказалась карта с шифровкой плана карательной экспедиции. Вся операция называлась «Коттбус».

Документы срочно доставили в штаб бригады. Федор Фомич даже вздохнул от облегчения. Имея план наступления, легче организовать оборону, бить по флангам противника. Тут же Дубровский сообщил остальным партизанским бригадам, куда нацелены острия ударов карателей. А их собралось много. По документам, найденным у убитых солдат и офицеров, было видно, что они буквально два–три дня назад прибыли сюда из Минска, Бреста и Варшавы. В большой кулак были собраны два полицейских полка СС, около двадцати охранных, гренадерских и особых батальонов, жандармские части и другие более мелкие подразделения, подкрепленные танками, тяжелыми минометами, артиллерией, самолетами, командами подрывников.

Дубровский изучил обстановку и перемещал командный пункт из одного отряда в другой. Его видели и в Пышно, и около сожженного немецкого танка, и на позициях артиллерийских батарей. Он допрашивал пленных, выслушивал донесения разведчиков и вместе с командирами отрядов разрабатывал

направления контратак.

Мужественно сражались дубовцы. Исключительный героизм проявили защитники Пышно. С 19 мая по 9 июня 1943 года немцы безуспешно атаковали партизанский гарнизон. Перед позициями защитников Пышно стояло несколько подбитых танков и бронетранспортеров, грудой искореженного, обожженного металла лежал сбитый самолет, повсюду валялись трупы гитлеровцев.

Хороший урок получили каратели под Пышно. Убедившись, что с такими силами справиться с партизанами невозможно, немцы перебросили на Витебщину часть фронтовых подразделений. Развернулись бои. Земля горела под ногами оккупантов…

* * *

После войны у поселка Пышно воздвигнут памятник — символ мужества, стойкости, самоотверженности партизан бригады Героя Советского Союза Ф. Ф. Дубровского. Сюда любит приходить молодежь. Раз в год собираются оставшиеся в живых защитники Пышно, в том числе и Федор Фомич Дубровский, чтобы почтить светлую память тех, кто отдал свою жизнь при освобождении родной земли.

Павло Автомонов
НАЧАЛЬНИК «ЛЕСНОЙ АКАДЕМИИ»

1

Транспортные самолеты летели на запад.

Линия фронта уже осталась позади, но в районе Гомеля самолеты были снова встречены заградительным огнем фашистских батарей. Теперь вражеские зенитчики стреляли без прожекторов. Короткая июньская ночь кончалась, и на востоке занялось зарево нового дня.

Да! Это был новый день в жизни старшего лейтенанта Алексея Егорова. Его спутниками были начальник Украинского штаба партизанского движения генерал–майор Тимофей Амвросиевич Строкач, начальник инженерного отдела полковник Илья Григорьевич Стариков, группа работников ЦК КЩб) Украины и Украинского партизанского штаба.

Все они летели в партизанские отряды, чтобы подготовить их к новому боевому заданию, поставленному Ставкой Верховного главнокомандования и разработанному Украинским штабом партизанского движения. Посланцы Большой земли летели не с пустыми руками. Из Москвы надо перебросить сотни ящиков с минами, тонны взрывчатки, медикаменты, автоматы и патроны. Часть боеприпасов уже была на самолетах. Остальные грузы летчики должны поставить в течение двух недель на партизанские аэродромы в район между реками Днепр и Припять, где находились тогда крупные соединения украинских партизан, вышедших на Правобережье, и отдельные отряды.

А пока что вспыхивали зенитные разрывы. Самолет иногда падал вниз. Потом выравнивался, моторы снова гудели спокойно, и мысли старшего лейтенанта Алексея Егорова возвращались к главному, чем он жил в эти дни.

Еще не так давно инженер–экономист Егоров учился в Военной финансовой академии. Но вот к слушателям академии прибыл из Украинского штаба партизанского движения лектор. Это был полковник Старинов, ветеран испанской войны, специалист по минному делу. Старинов говорил горячо, убедительно. Он зажигал своим рассказом слушателей и, казалось, светился сам от любви и преданности своему опасному и необходимому в войне делу.

Слушая Старинова, Егоров стал проникаться убеждением, что

минер–подрывник — самая важная профессия на войне, без которой немыслима победа. Никто на войне не видит, не ощущает так зримо плоды своей борьбы с лютым врагом, как подрывник, у которого на глазах уничтожаются мосты, поезда, питающие гитлеровскую армию. А если диверсантам–партизанам удастся перекрыть движение на участке дороги хотя бы на сутки? На трое суток? На неделю? Ого! Такой удар стоит крупной фронтовой операции!

Когда полковник Старинов закончил лекцию, старший лейтенант Егоров подошел к нему и сказал:

— Возьмите меня, товарищ полковник, в школу, где вы готовите минеров–инструкторов для партизанских отрядов.

— Вы обо всем подумали? — спросил Старинов.

— Да. И о том, что минер ошибается только один раз… — ответил Егоров.

…Шесть месяцев прошло в напряженной учебе, к которой Алексей Егоров относился со всей добросовестностью, с большим желанием постичь и технику и тактику миноподрывного дела. К тому времени группа инженеров во главе с полковником Стариновым разработала очередную конструкцию новой мины для партизан. Это была удивительная мина: она устанавливалась на железной дороге на любой срок, Егоров одним из первых понял, какие огромные возможности открывает эта мина на нынешнем этапе войны в тылу врага. «МЗД-5» — так называлась новая мина.

Высшую школу особого назначения, в которой теперь учился Егоров, посещал начальник Украинского штаба партизанского движения генерал–майор Строкач. Он говорил курсантам: «Минер станет главным лицом в партизанском отряде в период предстоящих боев. Именно по вашей работе будут судить о боевой деятельности того или иного отряда. А с новой техникой вы будете горы ворочать. Поверьте в это и отдавайте свои знания и силы этому делу».

И вот, окончив курс учебы, Алексей Семенович Егоров летит во вражеский тыл к советским партизанам. Летит не просто инструктором–минером. Егорова рекомендуют на должность заместителя командира по диверсионной работе в одно из крупнейших соединений украинских партизан.

Почти все шесть часов полета Егоров думал о своей новой, очень ответственной работе. Командир соединения, у которого Егоров будет заместителем, — прославленный партизанский вожак, секретарь Черниговского подпольного обкома партии, Герой Советского Союза генерал–майор Алексей Федорович Федоров.

Уже в первые часы после приземления полковник Стариков и старший лейтенант Егоров оказались в окружении подрывников. Партизаны рассматривали новые мины, и полковник и старший лейтенант горячо рассказывали о их превосходстве над минами нажимного и мгновенного действия «на шнур», «на шомпол». Старые мины уже не оправдывают себя. Враг изучил партизанскую тактику, усовершенствовал охрану железных дорог. Партизанским группам становилось все труднее и труднее поставить мину–самоделку и, тем более, замаскировать ее. Потери диверсантов увеличились. Старые мины заставляли посылать на железную дорогу многочисленные группы партизан, но им далеко не всегда удается установить мину под носом у идущего поезда…

Между тем обстановка требует усиления ударов по вражеским железным дорогам, не только взрывов отдельных поездов, но и прекращения их движения на целых магистралях. Такую задачу нельзя было решить старыми минами.

— Мы будем воевать на железной дороге по–новому! — сказал партизанам старший лейтенант Егоров.

Строкач и Старинов не ошиблись, посылая Егорова к генерал–майору Федорову. Знакомство состоялось, и командир соединения сразу же нашел общий язык со своим заместителем по диверсионной работе.

— Действуй! — сказал Егорову генерал. — Свою линию отстаивай делом, примером. Тогда поддержат тебя, Алексей Семенович, и командование соединения и подпольный обком партии. Действуй!

Первый шаг сделан.

Старший лейтенант Егоров комплектует учебные диверсионные группы и проводит с ними занятия. За короткий промежуток времени он обучил сто двадцать партизан и принял у них экзамен. Курсы минеров под селом Боровое представители Центрального Комитета партии Украины и Украинского штаба партизанского движения называли «лесной академией». Скоро у Егорова появился актив подрывников — Всеволод Клоков, Владимир Павлов, Иван Дербо, Дмитрий Резуто, Владимир Бондаренко, Борис Калач, Григорий Мыльников, которые проводили занятия в учебных группах подрывников. В результате число слушателей «лесной академии» увеличилось до трехсот человек. Курсам помогал секретарь ЦК КП(б) Украины Д. С. Коротченко, находившийся тогда во вражеском тылу. Он был горячим сторонником новой техники и новой тактики в войне на вражеских железных дорогах.

В июне сорок третьего Черниговo–Волынское соединение

партизанских отрядов под командованием генерала А. Ф. Федорова двинулось в рейд. Путь лежал на запад — к Ковелю, к важнейшему стратегическому узлу, через который к фронту каждый день шло много вражеских войск и боевой техники.

Нарушить работу Ковельского узла, прекратить или хотя бы основательно ослабить движение вражеских эшелонов через него — такова была задача, поставленная перед соединением. Там, на пяти линиях, расходящихся из Ковеля, Егорову и его подрывникам предстояло испытать в боевых условиях новые мины…

7 июля 1943 года. Это был, пожалуй, самый трудный день в жизни Егорова.

— Никогда я так не волновался, как в тот день, — вспоминает Алексей Семенович. — Накануне ночью я выслал на железную дорогу первую диверсионную группу с миной «МЗД-5». Ее должны были установить опытные подрывники Клоков и Павлов, хорошо освоившие новую технику. Прошел день, а группа не возвращалась. Никаких вестей!.. А следующей ночью был намечен массовый выход, во время которого предполагалось установить сразу несколько десятков мин и создать на линии Ковель — Сарны минное поле. «Взорвалась ли мина у Клокова и Павлова?» — этот вопрос ни на минуту не выходил из головы. Вспоминался случай с Малышевым. Во время учебной установки мины у Малышева преждевременно взорвался капсюль и поранил ему руку. Кажется, пустяковый случай, но по соединению пополз слушок: «Новые мины не годятся». Больше того, отдельные командиры отрядов, которым предстояло работать на линиях Ковельского узла, неохотно, лишь под нажимом командира соединения стали брать мины «МЗД-5». А тут еще от Клокова и Павлова нет вестей! Неужто отказ или преждевременный взрыв? Как быть? Отменить операцию? Теперь вы понимаете, какой трудный для меня был день 7 июля 1943 года, — говорил Егоров.

Крепко задумался старший лейтенант, прежде чем принять окончательное решение! Он должен во что бы то ни стало доказать на деле, на действующей железной дороге, какой урон нанесут новые мины врагу.

Наконец, когда солнце начало клониться к горизонту и лесную поляну, на которой расположился отряд имени Щорса (первую диверсию Егоров совершил с этим отрядом), пересекли длинные вечерние тени, вернулся Клоков. Он доложил, что мина поставлена, первые три поезда прошли по ней и не подорвались. Потом подрывников обнаружила охрана, и они вынуждены были отходить. Уже по дороге назад, километрах в шести от железной дороги, услышали глухой взрыв. Павлов и проводник Микола

Слупачек вернулись назад — проверить, взорвался ли поезд, или гитлеровцы просто–напросто сняли мину. А Клоков и остальные бойцы группы вернулись в лагерь.

Егоров окинул Клокова взглядом. Вид у подрывника утомленный. Лицо осунулось и почернело. На пыльных щеках — грязные разводы пота. Еще бы! Не спал двое суток! Надо бы отдохнуть, да нельзя. В предстоящем деле такой опытный подрывник очень пригодится.

— Вот что, Володя! — сказал Егоров. — Часок отдохни — и собирайся. Пойдешь со мной.

Как только начало темнеть, Егоров подал команду к выступлению. Павлову и Миколе Слупачку старший лейтенант оставил распоряжение: если поезд взорвался — отдыхать, если нет — взять мину и догонять его, Егорова.

До линии железной дороги группа добралась благополучно. Оставив людей в лесу, Егоров лично осмотрел местность, засек интервалы между обходами вражеских патрулей и вернулся назад. Затем он еще раз проинструктировал подрывников и охрану, указал места установки мин, помолчал с минуту и шепотом скомандовал:

— Пора, ребята!

Неслышно ступая, люди разошлись по местам, растаяли в темноте. С Егоровым остались лишь двое. Где-то на болоте сухо и монотонно кричала ночная птица. Где-то треснула ветка. Этот треск показался выстрелом, мелькнула мысль: а что, если партизан заметят охранники, засевшие недалеко от семафора? Но группа не даст напасть неожиданно. Да и у диверсантов, поползших с минами, есть автоматы, хлопцам не впервые вести бой на железной дороге. Но бой-то как раз ни к чему! Главное сейчас — поставить мины. Замаскировать их. Испытать в действии в реальных боевых условиях. Впервые испытать.

От волнения Егоров кусал губы. «Все ли мы предусмотрели во время подготовки? Все ли учли?» — мучительно думал старший лейтенант. Ему припомнился разговор с генерал–майором Федоровым. «Делом нужно доказать преимущества новой мины и новой тактики. Народ привык рвать «на шнур» и «на шомпол». А новая мина — высший класс!»

Егоров прислушивался к каждому шороху. Он в темноте не видел подрывников, но знал, чем они заняты в эти минуты. Они рыли ямки меж рельсами и на разостланные плащ–палатки аккуратно складывали землю–балласт…

Алексей Семенович вытер рукой пот с лица…

На востоке начала заниматься заря. Грозно вписываются в подсвеченный край неба земляная стена вокруг сторожевой будки

и сама будка с насупленным козырьком. Егоров знал: вокруг будки доты, готовые вот–вот разразиться уничтожающим огнем. Он посмотрел на восток. Уже время.

И вот появилась одна темная фигура, за ней другая, третья. Это возвращались подрывники. Первым вернулся Клоков, за ним — Кузнецов, Ярыгин, Мерзов, Дербо, Гезуто… Один за другим шепотом они докладывали Егорову:

— Мина установлена.

Егоров подсчитал вернувшихся. Не хватало еще троих. Вдруг грянул выстрел. Еще один. Гаскатилась автоматная очередь. Патрули!

Три минера, не успевшие замаскировать свои мины, бледные и растерянные бежали к старшему лейтенанту.

— Надо во что бы то ни стало снять их! — приказал Егоров. — Это же ТОС (техника особой секретности)!

Минеры бросились выполнять приказание.

— Пустые ямки не засыпать! — крикнул Егоров вдогонку.

Гремел бой. Рвались мины. Из дотов трещали пулеметные и автоматные очереди. Полумрак пронизывали огненные змейки трассирующих пуль.

Все ждали команды отходить… Оставаться у дороги было опасно.

Но Егоров не подавал команды, ждал возвращения минеров, и лишь когда они возвратились, приказал отходить в лес…

За эту ночь Егоров похудел, почернел и выглядел старше на десяток лет.

Первые, кого он увидел, возвратившись в лагерь, были Павлов и Микола Слупачек. Они спали. «Значит, все в порядке, раз спят!» — подумал Егоров. Но все-таки он разбудил Павлова.

— Взорвали?

— Взорвали, товарищ старший лейтенант! — воскликнул Павлов. — Да как еще взорвали!

— Ну вот, товарищи! Будем считать, что наша работа на Ковельском узле началась!

Оставленные незасыпанными ямки ввели в заблуждение охранников дороги. Они подумали, что партизаны сняли и унесли мины. А на другой день на этом месте взорвался эшелон. Через день — еще один… А за пять дней на небольшом участке в районе станции Маневичи взорвалось 23 эшелона! Это был потрясающий результат. Он буквально ошеломил врага.

А партизанские диверсанты с той поры стали называть мины «МЗД-5» ласково — «эмзедушки».

Алексей Семенович Егоров после каждого выхода диверсионных групп на задание проводил рабочие совещания.

Минеры обменивались опытом, обсуждали удачный и неудачный выход, рассказывали о новых хитростях врага. Весь этот ценнейший опыт обобщался и становился достоянием всех отрядов соединения и даже передавался по рации в другие соединения и партизанские отряды.

Вот как оценивает работу минеров соединения Федорова полковник Старинов в своей радиограмме из Украинского штаба партизанского движения:

> «Начальнику спецслужбы партизанского соединения Федорова–Дружинина старшему лейтенанту тов. Егорову. № 0265/х.
>
> Июльские и августовские успехи вашего соединения открыли новую веху в деле воздействия на железнодорожные коммуникации врага.
>
> Впервые за все время мировой истории партизанами были нанесены такие мощные удары по сильно охраняемым и исключительно важным коммуникациям врага. Достаточно привести хотя бы такие факты, что одним вашим соединением в августе пущено под откос поездов больше, чем партизанскими отрядами Украины в течение мая и июня.
>
> В разгроме врага и изгнании его с Левобережья Украины, безусловно, одним из крупных факторов является почти фактическое закрытие таких важнейших магистралей, как Брест — Ровно, Ровно — Пинск и Ковель — Сарны.
>
> Уже теперь из показаний пленных ясно, что для переброски войск из Гамбурга в Харьков приходилось пользоваться румынской дорогой, т. е. удлинить путь еще на тысячу километров.
>
> При создавшемся положении на железнодорожных участках вашего района установка «МЗД» со сроками замедленного действия от 10 до 40 суток будет играть решающую роль, при этом необходимо изобрести новые тактические и стратегические приемы и способы установки. Широко применять мины против патрулей, используя для этого «АС» и «ПМС».
>
> Желаю дальнейших успехов. До скорой встречи!
>
> Стариков
>
> 28 сентября 1943 года».

Удары подрывников соединения Федорова и других соединений и партизанских отрядов по коммуникациям врага летом 1943 года приблизили час победы наших войск под Орлом,

Белгородом, Харьковом, день освобождения Левобережной Украины и выход советских войск на плацдармы правого берега Днепра.

2

Весной 1944 года, после встречи партизан соединения дважды Героя Советского Союза Федорова с частями Красной Армии, Егоров приехал в Киев, где тогда находился Украинский штаб партизанского движения. Здесь, беседуя с ним, начальник штаба генерал Строкач спросил:

— Какие у вас планы на будущее?

— Планы? Какие же у меня могут быть планы, если война продолжается! — ответил Егоров.

— Снова в партизаны?

— Пошел бы, но скоро вся советская земля будет освобождена, — заметил, улыбнувшись, Алексей Семенович. — Разве что за границу… Готов и туда!..

— Это верно. Фашистов надо уничтожать и за рубежами нашей страны, — задумчиво проговорил Строкач. — По секрету скажу вам, Алексей Семенович, ЦК Компартии Чехословакии просит нас помочь. Мы подбираем организаторские группы парашютистов–партизан.

— Если доверяете, прошу зачислить и меня.

— Да. Мы должны послать опытных, смелых и преданных делу коммунизма товарищей на помощь словакам, чехам и полякам в нашей общей борьбе против фашизма. Это наш интернациональный долг, — продолжал Строкач и добавил: —И с этого времени наш Украинский штаб партизанского движения выходит, можно сказать, на международную арену. Это будет его вторая, очень ответственная и почетная миссия перед нашим народом, перед нашими союзниками за рубежом, перед историей.

— Понимаю вас, Тимофей Амвросиевич. Готов выполнить задание Коммунистической партии и свой интернациональный долг! — сказал Егоров.

— Верю. Я уже переговорил со многими людьми, которые добровольно изъявляют желание лететь за границу…

И вот Чехословакия. Татры. Снова Егоров, теперь уже майор, волнуется, как год назад, в ночь, когда ставилась первая мина «МЗД-5». Алексей Семенович ожидал словацкого подпольщика с металлургического завода.

Наконец Смид пришел. Первый его вопрос был:

— Чем докажете, что вы советские партизаны?

— Наш товарищ, Василий Мельниченко, ушибся во время прыжка. У него перелом кости. Не может ходить, — ответил Егоров. — А вот мое удостоверение. — И он подал Смиду «шелковку» — удостоверение, напечатанное на шелковой материи.

Смид порывисто протянул Егорову обе руки.

— Теперь вижу, что свои! Вашего Мельниченко заберут крестьяне. Не беспокойтесь, он будет в надежном месте. Я верил, что это вы…

Так состоялось знакомство парашютистов Егорова с местным антифашистским подпольем. Через неделю в бригаде под командованием Алексея Егорова было уже 850 человек. Бригада пополнялась за счет местных патриотов, вооружалась за счет врага.

В ночь на 12 августа две горно–стрелковые вражеские дивизии окружили бригаду словацких партизан, которой командовал Егоров, плотным кольцом. Соседние партизанские бригады были далеко и не могли помочь. Командир бригады Алексей Егоров, комиссар Григорий Мыльников и начальник штаба Анатолий Гжецкий собрали командиров.

Мнение командиров было единодушным:

— Драться до последнего!

— Пробиваться с боем!

— Это одно и то же, — спокойно произнес Егоров, когда все высказались. — Но наша задача не погибать, а сберечь бригаду для решающего удара по гитлеровским войскам и их пособникам — частям словацкой «Гарды». Вражеское командование того только и ждет, что мы дадим им решительный бой… Тут-то они нас и уничтожат!

— Командир прав, — поддержал Егорова комиссар. — Надо искать другой путь.

Было решено: выходить группами, просочиться сквозь порядки гитлеровской дивизии. Зайти ей в тыл.

Партизаны пробирались мелкими группами. Каждый шорох мог быть последним для кого-либо из бойцов–партизан. Но выдержке, хладнокровию им было у кого учиться. Они брали пример со своего командира.

Бригаде удалось почти без потерь выйти из окружения. Через несколько часов после этого вражеская дивизия начала наступление. Она прочесала место, где только что были партизаны, вдоль и поперек и никого не нашла. Тогда командование дивизии объявило, что русские и словацкие партизаны бригады Егорова уничтожены.

А бригада вскоре выросла до трех тысяч бойцов. Она

принимала участие в Словацком восстании против фашистских захватчиков, героически сражалась за освобождение Чехословакии до полного изгнания и разгрома гитлеровских войск..,

В. Агапитов
ЗРЕЛАЯ ЮНОСТЬ

— Иду–у-ут!

Это сообщение дозорного, который первым заметил возвращавшуюся с задания небольшую группу партизан во главе с Синельниковым, быстро разнеслось по всему отряду. Люди вскакивали с мест и устремлялись навстречу товарищам.

Три дня тому назад они ушли на дело, которое, по предварительным расчетам, требовало не более суток. Все уже начали беспокоиться. Неужели постигла неудача?

Нет, с товарищами было все в порядке. Вот они плотной цепочкой подходят к партизанскому лагерю.

Впереди — Никифор Синельников. Увидев вышедших навстречу партизан, он махнул приветственно рукой и, обернувшись назад, что-то сказал хрупкому на вид сероглазому парнишке.

Остановившись перед секретарем Дедовичского райкома партии Николаем Александровичем Рачковым, сформировавшим и возглавившим партизанский отряд, который получил название «Буденновец», Синельников начал рапортовать ему по–военному. Рачков перебил:

— Потери есть?

— Нет.

— Расскажите обо всем по порядку.

Синельников откашлялся и не спеша начал рассказывать…

К месту засады добрались к вечеру. Внимательно осмотрев все вокруг, отошли от дороги метров на триста в глубь леса и до утра просидели под деревьями, прячась от проливного дождя. Перед рассветом залегли в придорожных кустах. Долго лежали в нетерпеливом ожидании. Наконец утреннюю тишину нарушил гул моторов. На шоссе показалось несколько крытых грузовиков. Их пропустили — решили, что они пустые. Машины остановились у деревни, и сразу из кузовов посыпались немецкие солдаты. Жаль, упустили столько гадов! Но ахать теперь было бесполезно.

Снова ожидание. Через некоторое время на дороге появились танки. Конечно, пулей их не возьмешь. Пришлось опять набираться терпения. И вот из-за поворота выскочили две машины — легковая и грузовая. Грузовая такая же, какие прошли в первой колонне. Этих упустить нельзя.

— Ну и как? — раздался чей-то нетерпеливый голос.

— Не упустили, — сказал Синельников и снова глянул на

хрупкого сероглазого паренька.

— Никифор Иванович, что это вы все на него поглядываете? — не выдержал Рачков.

— Да как же, товарищ командир, — проговорил Синельников. — Вышло все так, как решили, и в этом его Заслуга.

— Володи Егорова?

— Володи. Первые наши выстрелы, должно быть, не все оказались меткими. Грузовая машина сразу нырнула в кювет, а легковая прибавила газу и пыталась скрыться. Ну, думаем, уйдет. Тут Володя выскочил вперед и прошил ее очередью из пулемета.

Рачков шагнул к Егорову:

— А я, признаться, даже не хотел брать тебя в отряд. Думал, куда такому юному партизанить. А ты, оказывается, вон какой! — И, тряхнув Володю за плечо, заключил: — Ну что ж, будем воевать.

Обсуждая действия своих товарищей, партизаны хвалили Егорова за смелость, находчивость, выдержку.

Владимир радовался. И не просто от похвалы. Для юноши не было открытием, что старшие раньше смотрели на него как на мальчишку.

Еще в первый день войны Егоров твердо решил, что он должен быть там, где идет сражение с врагом. Парнишка побежал в военкомат. Там полистали его документы, поудивлялись, что он, в сущности еще подросток, уже успел закончить первый курс института, и сказали: «Не можем ничего поделать, ваш год еще не скоро будет подлежать мобилизации».

Вскоре Владимир узнал, что многие партийные и комсомольские работники, а также простые рабочие и колхозники района собираются уходить в лес для партизанской войны. «Да, там можно бить врага не хуже, чем на фронте. Непременно пойду с ними», — решил он. Как знающего ручной пулемет, Егорова зачислили в отряд. Но по ряду признаков он понял, что больших надежд на него при этом никто не возлагал.

Теперь все это позади.

* * *

Егоров радовался не напрасно. С тех пор ни Рачкова, ни ставшего потом вместо него командиром отряда Синельникова, никого другого уже не смущали молодость и хрупкий вид Володи. И что особенно было по душе пареньку, командиры не делали ему никаких скидок на возраст. Более того, как пулеметчика, они брали его в каждую засаду, в каждый налет на врага. Егоров

дорожил доверием командиров, всегда действовал смело. При этом юный партизан никогда не забывал и о таком важном требовании, как необходимость соблюдать выдержку, дисциплину.

В начале сентября 1941 года отряду «Буденновец», когда он уже влился во 2–ю бригаду ленинградских партизан, было приказано совершить налет на станцию Судома и разгромить находившийся там фашистский гарнизон. Глубокой ночью отряд вышел из леса и стал занимать исходный рубеж.

— Без сигнала огня не открывать! — предупредил Рачков партизан.

Егоров залег на самом важном направлении — напротив вокзала. Покусывая сухую травинку, он мысленно удивлялся тому, какой неузнаваемой стала с приходом фашистов Судома.

В трех километрах отсюда находится его родная деревня Смородовка. Еще босоногим мальчишкой он вместе со своими сверстниками часто прибегал на станцию, чтобы посмотреть на поезда, на новых людей или проведать отца, который работал здесь старшим стрелочником. Всегда тут горели огни, царило оживление. А теперь? Кругом мрак.

Воспоминания Володи прервал Миша Андреев.

— Фашисты! — с тревогой в голосе шепнул он ему на ухо.

Со стороны вокзала и на самом деле донеслась чужая речь. Егоров насторожился. Через минуту от строения отделились три фигуры и направились в сторону притаившихся партизан.

— Стреляй! — толкнул Егорова его помощник.

— Молчи!

Пройдя метров тридцать, фашисты остановились и включили карманный фонарик. Луч света упал немного в стороне от того места, где лежали Егоров и Андреев, и стал медленно приближаться к ним.

— Ну?! — опять прошептал второй номер.

— Подожди, — пересиливая желание полоснуть по врагам из пулемета, тихо произнес Владимир.

Сноп света был совсем уже близко. На лбу Егорова выступил холодный пот. «Ну что же, что же так медлят с сигналом?!» — лихорадочно спрашивал он себя. Наконец на противоположной стороне станции в воздухе вспыхнула ракета. На душе сразу отлегло. В ту же секунду Владимир дал по фашистам длинную очередь. Все трое замертво свалились на землю.

Действовавшие рядом с пулеметчиками партизаны быстро выдвинулись вперед и стали забрасывать вокзал гранатами. Послышались винтовочные выстрелы и взрывы гранат и в других концах станции. Гитлеровцы с криком начали выскакивать из

помещений, но тут же попадали под партизанские пули.

Отряд успешно завершил бой. Было убито двадцать гитлеровцев. Партизанам удалось взорвать склад и испортить железнодорожный путь. В отряде был только один раненый.

После каждой операции Володя Егоров начинает действовать смелее и решительнее. Вскоре пулеметчик отличился при налете на станцию Плотовец, а затем во время разгрома вражеского гарнизона в городе Холм.

Бой с фашистами в этом городе был ожесточенным. Он длился около девяти часов. На одном из участков гитлеровцам удалось незаметно обойти партизан и подготовиться к удару в спину. Если бы не Владимир, трудно сказать, чем бы все это кончилось. Обернувшись назад, он заметил тени врагов и, дав знать об этом товарищам, мигом развернул пулемет на сто восемьдесят градусов. Коварный замысел фашистов был сорван.

— Володька, ты родился в сорочке! — говорили Егорову после боя товарищи.

В их глазах Владимир еще больше вырос после случая, который произошел в начале 1942 года.

Группа партизан, человек тридцать, направлялась в разведку в сторону деревни Ясски. Ночью в нескольких километрах от деревни Железница, на опушке небольшой березовой рощицы партизаны неожиданно столкнулись с фашистами. Не успели выскочить из саней, как гитлеровцы уже застрочили из автоматов. Владимир сразу определил, что враг стреляет наобум. Стараясь целиться как можно тщательнее, пулеметчик стал давать по автоматным вспышкам одну очередь за другой. Стрельба фашистов начала быстро ослабевать. Сменив позицию, Егоров усилил огонь. Гитлеровцы не выдержали. Понеся потери, они отошли.

«С таким товарищем ни в какой обстановке не пропадешь», — появилась вскоре после этого в рукописной «Истории отряда» запись о Егорове, сделанная партизанами Ефимом Журавлевым и Алексеем Вавиловым. Так стали думать и остальные бойцы.

Через несколько дней в отряде состоялось комсомольское собрание. На нем молодые партизаны избрали Владимира Егорова секретарем комсомольской организации отряда.

— Поздравляю, — подошел к Егорову после собрания Василий Иванович Ефремов, комиссар отряда, и пригласил его зайти к нему в землянку.

В землянке комиссара топилась крохотная железная печка. Подержав над ней руки, Ефремов сказал:

— Я вот о чем хотел поговорить с тобой, Володя. По всему видно, что из лесов нам выходить не скоро. Но не каждый

понимает это. Многие считают, что теперь, после удара, нанесенного по фашистам под Москвой, уже близко до окончательной победы.

— А что, разве нет? — вскинул на комиссара посерьезневший взгляд Егоров.

— Вот и ты думаешь так же. А самообольщение только вредит. Надеясь на скорую победу, кое-кто не считает нужным запасаться терпением, выдержкой, совершенствоваться в знании оружия, в способах применения его в бою. К чему, мол, это, и так наша возьмет, была бы только смелость. Смелость, конечно, — хорошо, но одной ее мало… Я бы и хотел, чтобы комсомольская организация помогала командованию воспитывать у бойцов качества, которые нужны для завоевания полной победы. Ты понимаешь меня, Володя?

Егоров ушел от Ефремова в глубоком раздумье. Да, комиссар прав. Враг занял всю Украину, Прибалтику, блокировал Ленинград. И продолжает рваться дальше. Прежде чем добиться окончательной победы над ним, его надо остановить, затем повернуть назад, выгнать с нашей земли и добить в собственном логове. В самом деле, задача наисложнейшая. Надо запасаться терпением, учиться воевать!

…Однажды, возвращаясь из очередной засады, Владимир нашел немецкий «парабеллум». Пистолет был весь в ржавчине, в грязи. Тщательно вычистив, Егоров стал изучать его. Ни пособий по этому пистолету, ни людей, которые бы могли подсказать, как обращаться с ним, в отряде не было. До всего приходилось доходить, что называется, на ощупь.

— Да что ты возишься с этой дрянью, выброси, — советовал кое-кто Владимиру.

— Зачем? Пригодится, — отвечал Егоров и продолжал подбирать к оружию нужные ключики. И ведь подобрал: «парабеллум» стал в его руках таким же послушным, как наган. А наган Владимир знал в совершенстве.

Видя, с какой серьезностью взялся за учебу комсомольский секретарь, по–иному взглянули на нее и другие молодые партизаны.

Василий Иванович Ефремов был доволен Егоровым. Об этом он откровенно сказал командиру отряда.

— Да, орел парень, — отозвался командир. — Я вот думаю, не дать ли ему отделение.

— А что, справится, — согласился комиссар.

Командовал Владимир отделением недолго. Через два месяца его уже назначили командиром взвода, сначала обычного, а потом, в сентябре 1942 года, разведывательного.

* * *

В 5–й Ленинградской партизанской бригаде, которую сформировал и возглавил партизан–чекист Константин Карицкий, Владимир был назначен начальником штаба, а через полтора месяца — командиром отряда № 100.

Этот отряд состоял в основном из моряков, высадившихся в тыл врага десантом с самолетов. Прошедшие кадровую службу на флоте, немало повидавшие и на море и на суше, моряки встретили Егорова с любопытством и даже с некоторым недоверием. «Ого! — как бы говорил их взгляд. — Нами будет командовать безусый юнец. Неужели никого не нашлось поопытнее? »

Но вскоре они изменили свое первое мнение о командире.

…Отряд Егорова, совершая марш, остановился на отдых в деревне Тешково. По соседству расположились еще два отряда — Чебыкина и Шершнева. Об этом узнали гитлеровцы. Подтянув крупные силы, они бросились на партизан в атаку. Как всегда, они вовсю строчили из автоматов.

Треск и шум, видимо, подействовали на некоторых партизан. С их стороны тоже послышались торопливые выстрелы.

— Целиться, целиться лучше! — крикнул Егоров.

Сам он лег за ручной пулемет и первыми же очередями заставил наступающих в центре гитлеровцев повернуть обратно. Затем Владимир перенес огонь на правый фланг наступающих. Враг и здесь не выдержал.

— Знай, подлец, с кем имеешь дело! — торжествующе бросил вслед отступающему противнику бронебойщик Боличенко.

— Правильно, друг! — повернулся в его сторону Егоров. — Только фашисты на этом не успокоятся. Приготовимся к отражению новой атаки!

Гитлеровцы действительно не заставили себя ждать. Вскоре их цепи снова появились перед партизанами.

Фашисты палили из автоматов еще сильнее, чем в первый раз. Но партизаны молчали. Вот враг подошел на двести, сто пятьдесят метров.

— Огонь! — скомандовал Егоров.

Расчет его оправдался. Враг не выдержал внезапного огневого удара. Понеся потери, он откатился на исходные рубежи.

— Ну, сегодня враги больше не сунутся, — заговорили партизаны, когда гитлеровцы скрылись с глаз.

— Могут сунуться и еще раз, — отозвался Владимир. — Напьются и сунутся. Да нам это на руку. Больше побьем их, сволочей.

Связавшись с Чебыкиным и Шершневым, он договорился на случай новой атаки фашистов нанести по ним совместный огневой удар, а потом контратаковать их. Этот план был одобрен командиром бригады К. Д. Карицким и успешно осуществлен. В результате вражескую часть, ставившую целью разгромить партизанские отряды, саму постигла такая участь.

Во главе с Егоровым моряки–десантники совершали налеты на немецкие гарнизоны, устраивали засады, взрывали мосты, железнодорожные рельсы. И после каждой операции ускользали от врага невредимыми.

К лету 1943 года отряды 5–й партизанской бригады приблизились к фронтовой полосе и действовали в Уторгохцском, Струго–Красненском, Плюсском районах. Гитлеровцам это пришлось явно не по вкусу. Чтобы обезопасить свои тылы, они, видимо, решили раз и навсегда расправиться с партизанами. Но этого добиться им не удалось. Наоборот, силы партизан стали еще больше. Их ряды непрерывно пополнялись. Жители Ленинградской области целыми деревнями уходили в партизанские отряды.

Ленинградский штаб партизанского движения преобразовал отряды 5–й бригады в полки. На базе отряда моряков-десантников был сформирован 4–й партизанский полк. Владимир Егоров, которому в то время не было и двадцати лет, стал его командиром.

* * *

Занимался хмурый ноябрьский день. Наскоро выпив кружку чая, Владимир отправился в обход подразделений.

В отряде Мудрова к нему подошел парнишка лет шестнадцати. Лицо его было худое, бледное, а взгляд больших серых глаз строг и серьезен.

— Когда же в бой пойдем, товарищ командир? — поинтересовался он у Егорова.

— Скоро, скоро, — сказал командир полка. — А тебе что, не терпится?

Паренек в ответ только насупил брови.

— Мать у него фашисты увезли, — пояснил за товарища второй партизан. И, помолчав, добавил: —А у меня сестренку забрали… Быстрее надо за все рассчитываться…

— Надо! — ответил Егоров. — Думаю, что через денек-другой начнем действовать.

Вышло же не совсем так, как предполагал Владимир. Часа

через два после разговора Егорова с молодыми партизанами в отряд прибежали две девушки из деревни Сторонье. Они сообщили, что на штаб бригады, располагавшийся в деревне Киевец, каратели направили крупный отряд, усиленный минометами, орудиями, танками.

Полк выступил по тревоге. Недалеко от деревни Киевец каратели выслали засаду. Она дала знать своим главным силам об опасности. Гитлеровцы были уверены, что их ждет легкая и быстрая победа. Вначале фашисты действительно сумели поколебать ряды партизан. Всему причиной — танки. Некоторые партизаны, не встречавшиеся с ними раньше, не выдержали рева моторов и лязга гусениц и побежали назад.

— Стой! — вскочил на ноги Егоров и, сев на лошадь, помчался вдоль цепи.

Остановив бойцов, Владимир лег рядом с наводчиком противотанкового ружья:

— Давай, браток, бей по головному!

Бронебойщик, уловив момент, когда передний танк подставил борт, нажал на спусковой крючок. И — о чудо! — вражеская машина загорелась!

— Ребята, наша берет! — с восторгом закричал кто-то слева.

Через минуту закрутился на месте второй фашистский танк. Враг начал пятиться назад.

— В атаку! Ура–а-а! — вскочив на ноги и устремляясь вперед, закричал Егоров.

Партизаны бросились за своим командиром. Гитлеровцы были смяты.

Вечером в полк прибыл командир бригады Карицкий.

— Молодцы! — приветствовал он вышедших ему навстречу Егорова и комиссара полка Николая Руднева. — Здорово проучили карателей.

Комбриг выступил перед строем полка и всем партизанам объявил благодарность. Затем он побеседовал с командиром и комиссаром и поставил перед полком новую задачу. Она состояла в том, чтобы не давать захватчикам угонять наших людей в Германию, в неволю.

Выполнение новой задачи оказалось далеко не простым делом. Фашисты старались все делать внезапно. Появившись вдруг в каком-либо населенном пункте, они без всяких объяснений выгоняли жителей на улицу, под конвоем уводили на станцию и увозили в Германию.

Как же быть? Егоров посоветовался с комиссаром, с начальником штаба, с командирами отрядов. Было решено усилить связи с местным населением. Во всех окрестных деревнях

и поселках нашлись люди, которые сразу же извещали штаб полка о появлении немецких солдат и офицеров, об их действиях. Этого было вполне достаточно.

Однажды партизанам стало известно о движении на запад железнодорожного состава с жителями Осьминского района. Егоров немедленно выслал группу бойцов для подрыва моста через реку Кчера. Она справилась с этим быстро и точно. Поезд вынужден был остановиться. Партизаны перебили охрану и освободили пленников.

На следующий день отряды 4–го полка действовали уже в другом месте. Счет граждан, избавленных ими от угона в неволю, стал еще больше. Вскоре он достиг свыше двадцати трех тысяч человек.

…Январь 1944 года. Началось наступление советских войск под Ленинградом. Враг стал откатываться на запад. Боевая активность полка Егорова возросла. По своему составу полк уже представлял воинскую часть. В нем было 1200 бойцов, четыре пушки, семь станковых и восемьдесят ручных пулеметов, около 1000 автоматов и винтовок.

Полк Егорова громит фашистов на дорогах, пускает под откосы эшелоны с боеприпасами, оружием. А потом вместе с частями Красной Армии участвует в разгроме противника в районе Луги. Имя Владимира Егорова упоминается в сводках Совинформбюро.

Когда был завершен разгром немецко–фашистских захватчиков под Ленинградом, из штаба партизанского движения в прославленную 5–ю бригаду поступило сообщение: «Трудящиеся Ленинграда хотят видеть вас у себя в городе». Эта телеграмма обрадовала партизан.

И вот 6 марта 1944 года ленинградцы, все, кто мог, высыпали в этот по–весеннему теплый и солнечный день на улицы и проспекты, чтобы приветствовать партизан, проходивших по городу торжественным маршем. Владимир Егоров в волнении едва сдерживал слезы. В белом полушубке, в кубанке, с алой ленточкой, с красным знаменем в руках, которое было вручено трудящимися одного из районов Ленинграда бригаде и передано 4–му полку на хранение, он невольно обращал на себя внимание каждого.

Через несколько дней у Владимира была новая радость: он узнал, что ему присвоено звание Героя Советского Союза.

* * *

В двадцатую годовщину разгрома немецко–фашистских войск под Ленинградом в Ленинградском дворце культуры имени С. М. Кирова состоялся вечер встречи бывших партизан, действовавших на территории Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Когда президиум занимал свои места, в зал вошел, опираясь на палку, коренастый, с живыми серыми глазами на волевом лице капитан второго ранга.

— Здесь никто не сидит? — спросил он у мужчины с седыми висками.

— Нет, садитесь, пожалуйста, — равнодушно ответил тот, а потом внимательно, как бы припоминая что-то, посмотрел на офицера–моряка.

— Егоров! Это ж ты, Володя?!

Капитан второго ранга тоже порывисто повернулся к соседу.

— Сергей Чебыкин! — сдерживая голос, воскликнул он. — Здравствуй, здравствуй, дружище!

Два бывших командира партизанских полков, не видевшиеся почти двадцать лет, едва дождались перерыва.

— Ну, рассказывай, как ты и что, как стал моряком, почему хромаешь? — заторопил Егорова Чебыкин, выходя с ним в коридор.

— Давай сначала ты.

— Ну чего я? Живу, здоров, работаю в совхозе.

— А я вот… Помнишь, одно время мне довелось командовать отрядом моряков–десантников? Я прямо-таки влюбился тогда в них. И решил: обязательно стану моряком. Поступил в Высшее военно–морское училище. Окончил. Да вот плавать довелось не много: заболели ноги. Пришлось ложиться в госпиталь. Оттуда вышел на протезе. Нашел призвание в преподавательской и научно–исследовательской работе. Стал преподавать в том же училище, в котором учился. Ну, конечно, и сам продолжал учиться. Защитил диссертацию, получил ученую степень кандидата технических наук.

— Ну, молодец! Честное слово, молодец! — стиснув Егорову плечи, произнес Чебыкин. — Узнаю партизанскую хватку!

Всеволод Иванов
КОНСТАНТИН ЗАСЛОНОВ

Несомненно, что подлинным героем способен быть только тот, кто смел, мужествен, строг к самому себе.

Смелость, беззаветная преданность Отчизне — вот что рождает подвиг!

Подвиг и любовь народа к этому подвигу — вот что рождает героя!

То имя, которое вечно.

Ибо чем дальше идут годы, тем славнее делается оно.

Таким навсегда останется среди нашего народа имя Константина Заслонова, Героя Советского Союза.

* * *

В начале войны в депо Орша работал инженер–паровозник Константин Сергеевич Заслонов, тридцати трех лет от роду. Роста он маленького, остроглазый, упорный и насмешливый. Депо его считалось лучшим на Западной дороге.

Настал день, когда пришлось Заслонову прощаться с городом, Днепром, садом, где он гулял с семьей. Орша опустела. Семья отправлена на восток, депо эвакуировано.

Враг приближался к городу. Слышны орудийные залпы…

И вот инженер Заслонов в Москве. Некоторые из его подчиненных работают в депо имени Ильича, другие — в депо Вязьма. У него самого есть большая и интересная работа, но тем не менее он тоскует: в его депо, где он был начальником, хозяйничают немцы!

Провожая взглядом поезда, везущие наши войска к фронту, он говорит:

— Против каждой немецкой винтовки надо подвезти и поставить нашу винтовку. Надо — патроны, пушки, снаряды… А что, если не допустить?

— Кого же это ты, Константин Сергеевич, не допустишь?

— Если, говорю, немца не допустить до фронта.

— Каким это способом?

— Способ мы должны найти. Главное не способ. Главное — желание. Желаете вы, чтобы немцы не были допущены к фронту?..

Был конец августа 1941 года, когда после вопрошающих слов

Заслонова возникла мысль об организации партизанского отряда для диверсий в тылу врага.

И вот 4 сентября 1941 года тридцать человек, в большинстве машинисты и помощники, работавшие ранее в депо Орша, составили партизанский отряд. Командиром отряда был назначен К. С. Заслонов.

1 октября отряд переправился через реку Межа и, обходя деревни, занятые немцами, стал углубляться в тыл врага.

* * *

Шли лесом.

Идти было трудно, так как немцы вели наступление и дороги, леса были насыщены немецкими войсками. Несколько раз посланная разведка наталкивалась на немцев. От плохой дороги — по оврагам и лесной чаще — обувь быстро пришла в негодность. Начались морозы. Большинство бойцов обморозило себе ноги, и отряд был вынужден разбиться на две части.

Заслонов выбрал наиболее короткий путь, но и наиболее тяжелый. В его группу входило теперь семь человек, причем четверо из них, в том числе и он, были обморожены.

Они шли.

Они увидели Днепр.

Партизаны спрятали в деревне у знакомых оружие и взрывчатку и вошли в город. Входили по одному, по двое. Остановились у родственников. Родственники сказали, что немцы принимают на службу всех железнодорожников, независимо от того, кто они были раньше.

— Значит, немцам приходится туго, — сказал Заслонов, — раз они берут на работу, не глядя.

И он отправился на станцию. Встречному знакомому он сказал:

— Пришел из Вязьмы, ее немцы забрали, ну, я решил вернуться к прежнему месту работы.

В город партизаны, конечно, пришли без документов. Но случайности войны помогли им. Ввиду большого количества погорельцев городская управа выдавала временные удостоверения. Требовалось два поручителя в том, что бездокументный до войны работал в Орше. Поручители для партизан нашлись.

В середине ноября Заслонов пришел к немецкому шефу (начальнику)депо.

— Я желаю устроиться на работу, — сказал Заслонов.

Шеф долго расспрашивал его, возмущаясь, что при отступлении Красной Армии все ценное оборудование депо было вывезено.

— Это омерзительно! Ведь нам же нужно везти оборудование из Германии.

В конце беседы Заслонову было предложено место старшего рабочего на угольном складе.

— Благодарю вас, но я не согласен, — сказал он.

— Что же вы хотите?

— По крайней мере должность начальника русских паровозных «бригад.

— Мы должны вас прежде всего испытать.

— Что ж меня испытывать? Спросите обо мне. Я высокий специалист, инженер. Да вы мне особенно и не нужны, я всегда найду себе работу.

— Подумайте, — сказал зловеще шеф. — Вы получили предложение.

Заслонов ответил беспечно:

— Я подумаю.

Неделю он сидел дома. Затем его вызвали в гестапо.

— Что ж вы так долго думаете? — сказали ему.

— Это вы долго думаете, а не я.

Из гестапо, сделав соответствующее внушение о необходимости покорности, Заслонова опять отправили к шефу.

— Надумали? — спросил шеф.

— Мне кажется, что это вы надумали, — ответил Заслонов.

— Да. Мы решили вам предложить должность начальника над русскими паровозными бригадами.

— Я согласен.

* * *

Заслонов был беспартийный. В тот день, когда он поступил в депо, он вызвал коммуниста из своего отряда и сказал:

— Хотя я беспартийный, но, как командир отряда, предлагаю принять все меры к тому, чтобы привлечь скрывающихся в городе коммунистов и комсомольцев в депо. Предстоит большая работа. А в особенности после того, как я получу возможность самостоятельно принимать на работу русских.

20 декабря шеф разрешил Заслонову принимать самостоятельно на работу в депо, кого он найдет нужным из русских.

Тогда же Заслонов приказал своим людям поехать в деревню

и в мешках с картофелем привезти в город взрывчатку, гранаты и автоматы. В тех же числах декабря в городе появилась вторая часть отряда Заслонова. Но Заслонов принял на работу не всех. Часть людей он пока поселил возле города в деревне и принимал их осторожно, по одному.

— Но в общем все теперь готово, — сказал он, — пора приступать к делу.

Он уже подсчитал, сколько поездов требуется в день для питания войсками и снарядами немецкого фронта. «Если энный процент не доставить, это может даже и отразиться на ходе боевых операций, — рассуждал он. — Следовательно, мы должны добиться энного процента в нашей деятельности. Во всем нужна система и порядок».

* * *

Приводим список крушений, взрывов, который составил штаб Заслонова. Список, разумеется, неполный. Многие составы вышли из строя вне зоны разведки заслоновцев. Однако и эти неполные сведения, которые перед нами, достаточно убедительно говорят о том, что Заслонов весьма упорно и удачно добивался своего «энного процента». Ему важно было задержать доставку грузов на фронт. И он — задерживал!

Декабрь 1941 года. Взорвано семь паровозов. Минирован путь и взорван поезд. Уничтожено 23 маслопровода в паровозах. Заморожено 32 паровоза, которые не могли быть поданы к поездам. Засыпаны песок и соль в буксы 18 паровозов, которые вышли из строя во время пути. Сброшено 8 паровозов на тракционных путях.

Январь 1942 года. Пущены под откос 2 поезда, шедшие на фронт. Движение прервано на 35 часов. Заложено 124 мины в паровозы. Многие из них взорвались и вышли из строя навсегда.

Февраль. Уничтожено 4 снегоочистителя. Пущены под откос два поезда. Уничтожено при крушении около 1800 немцев. Движение прервано на 31 час. Столкнули два поезда. Убито 13 немцев, 4 ранено. Движение прервано. Поезда сгорели. Взорвано 11 паровозных топок. В бронепаровозы №№ 57 и 3161 вложены мины. Бронепаровозы, шедшие на фронт, взорвались.

* * *

Немцы были очень обеспокоены происходившим. Так как

большинство взрывов получалось от мин, то немцы установили усиленное наблюдение.

Заслонов только посмеивался. Паровозы «задерживались» не в этом городе, а в других местах, в других депо, и мины подкладывались незаметно. Немцы были совершенно растерянны, а в особенности паровозные бригады из немцев.

Заслонов пользовался всем, чем только можно было, чтобы дезорганизовать работу вражеского транспорта. Он не только подкладывал мины. Он устраивал сходы подвижного состава с рельсов. Он замораживал инжекторы, паровоздушные насосы, воздухораспределители, пресс–масленки.

— Как же вы это прежде работали? — в ужасе спрашивали немцы у Заслонова. — Как вы работали?

— И прежде так работали, — отвечал Заслонов.

— Неужели нельзя с этим бороться?

— Мы не знаем. Ведь вы же заявляете, что у нас техника отсталая. Вышлите нам инструкции, как бороться с морозами. А то вот едет на паровозе, сопровождает русскую бригаду вооруженный немецкий машинист, а ничему научить не может.

Резкий и насмешливый тон инженера раньше импонировал немцам, так как казался искренним. Сейчас он уже был им подозрителен. Впрочем, поймать Заслонова никак не удавалось. Он даже познакомился с комендантом города и играл с ним в шахматы. Комендант играл плохо и очень злился, когда инженер его обыгрывал.

Однажды Заслонов пригласил коменданта на партию в шахматы. Партия началась в четыре часа. Комендант торопился и нервничал больше обычного. Он даже намекнул на то, что его несколько смущает обстановка в городе… Между тем Заслонов в этот день играл плохо. Партия затягивалась. Комендант выигрывал. В пять минут седьмого Заслонов украдкой посмотрел на часы. Два, три стремительных хода — и Заслонов обыграл немца. В это же время вбежал адъютант коменданта и сообщил, что в городе произошел взрыв чудовищной силы. Взорвано здание… Много немцев погибло…

— Какая жалость! — воскликнул Заслонов, обращаясь к коменданту. — Командование вас не поблагодарит, что вы в шахматы играете, когда надо наблюдать за городом.

* * *

Советская авиация начинает бомбить узел.

Немцы, боясь бомбежки, убегают за город.

В депо остается несколько дежурных.

Во время одной из таких бомбежек два стоящих около депо паровоза были пущены в ход и свалились в 30–метровый поворотный круг. Выведены из строя и поворотный круг и паровозы!

20 февраля в депо попадает бомба.

— Настало время уходить, — сказал Заслонов. — Как только, ребята, меня заберут немцы, вы — в лес. Обо мне не беспокойтесь. Как-нибудь вывернусь.

И он отдал приказание по линии: всем партизанам, которых он расставил на станциях от Орши до Смоленска, приготовиться к уходу в леса.

К концу дня гестапо арестовало Заслонова. Его обвинили в том, что он сигнализировал фонариками, где находится депо.

Устрашенное бомбежками население покидало город. Партизаны сложили на саночки большую часть оружия и взрывчатки и вышли без труда из города. Через день к ним присоединился Заслонов.

— Как вы освободились, Константин Сергеевич? — спросили его.

— Опровергнуть насквозь лживое обвинение, — сказал, смеясь, инженер, — не представляло большого труда. Я не сигнализировал светом самолетам, а находился в подвале дома, где играл в шахматы с комендантом. И комендант подтвердил это. Меня выпустили с запрещением выхода из города и с обязательной регистрацией каждый день в полевой комендатуре. Я зарегистрировался, а затем ушел к вам…

После ухода Заслонова из города немцы назначили за его голову награду — пять тысяч марок и стали возводить на территории города сильные укрепления. Через несколько дней к пяти тысячам марок за голову Заслонова немцы прибавили еще золотые часы.

* * *

Из письма К. Заслонова:

> «Дела большие. «Бомбуем», «бомбуем» и «бомбуем». Каждый день что-нибудь новое. Иногда рубнем — спасения нет немцам! Иногда, когда не выгодно, уклоняемся от боя.
>
> Очень много летит под откос поездов вместе с фашистами!

Иногда жирно едим, тепло спим. Иногда по пять дней голодаем. Иногда такое мандраже пробирает, что зуб на зуб не попадает. Есть провокаторы, есть шпионы, есть предатели, иногда уходят от кары, но больше всего испытывают они силу партизанского огня.

Мои люди настолько насолили немцам, что те делали облаву и вызвали против меня 3 дивизии, но, набив им морду, мы ушли.

Сейчас моя голова оценена, и цены растут после каждой операции. А операций много, и важных. Сейчас цена моей головы — 50000 марок, железный крест, и, кроме того, кто меня живого или мертвого доставит немецким властям, тому будет обеспечена прекрасная жизнь в самой Германии со всеми его ближайшими родственниками. А если кто из крестьян проделает такую экзекуцию, тому будет предоставлено пожизненно в его личное пользование два крупных немецких имения.

Вот, примерно, как живем мы».

* * *

Июнь *(из дневника штаба Заслонова)*. Сброшен под откос поезд с автомашинами, шедший на фронт. Минирован другой поезд. Уничтожен немецкий гарнизон в Н. Уничтожен хлебный склад. 2000 пудов хлеба частью сожжено, частью роздано крестьянам.

Июль. Взорван мост. Бой с тремя отрядами немцев. Немцы выбиты из села. Отбита атака немцев. Разгромлено четыре волости. Полиция и немцы разбежались.

…Итого с начала операций отряда Заслонова убито и ранено 1463 фашиста.

* * *

В партизанском отряде радость. По радио принято сообщение: К. С. Заслонов (прозвание «Дядя Костя») награжден орденом Ленина.

Лес. Поляна. Землянки. Теплый летний день. Инженер К. С. Заслонов стоит перед своим, теперь очень разросшимся отрядом. Он благодарит партию и правительство за высокую награду. Он обещает бить немцев еще лучше, еще сильнее.

Заслонов держит в руке орден, и слезы текут по его

загорелому, обветренному лицу. Он говорит:

— Прошу принять меня в ленинскую партию.

В лесу собирается партийное собрание партизанского отряда. И Заслонова единодушно принимают в партию.

После собрания отряд выступает на операцию. Заслонов идет в бой коммунистом.

И опять летят под откос поезда, падают немцы, горят паровозы.

Вскоре разведчики принесли экземпляр приказа немецкого командования: «За доставку партизана Заслонова — «Дядя Кости», — живым или мертвым, выплачиваем 80 000 марок или даем крупный завод на территории Германии в собственность».

Это странное сочетание — 80 000 марок или крупный завод — само по себе указывает на смятение, которое чувствовали немцы от действий Заслонова.

* * *

И ходит, ходит по лесам этот инженер маленького роста, в черном пиджаке, с маузером через плечо. У него темные живые глаза и быстрая походка. Он стремится быть везде и помочь каждому!

Когда отряд испытывает недостаток в оружии или патронах, Заслонов обращается к населению. И население приносит ему оружие, боеприпасы. В таких случаях Заслонов говорит :

— Это нам — высшая награда. Крестьяне оружие прячут, а если уж отдают, так отдают тому, кому они верят. Значит, они видят, что мы хорошо бьемся за Родину.

* * *

Немцы бросили большие силы против партизанского отряда. Во время одной из отчаянных схваток с карателями погиб Заслонов.

Народ высоко оценил его заслуги. Константину Сергеевичу Заслонову присвоено звание Героя Советского Союза.

Горячая любовь к своему народу рождает подвиг. Чем дальше идут годы, тем славнее звучит имя героя. И таким останется навсегда имя инженера–железнодорожника Константина Заслонова.

Ф. Модель
СРЕДИ ОЗЕР И БОЛОТ

…Холодный октябрьский дождь, низкие, клочьями, тучи. Грязь. Обычная, но долгая дорога.

День за днем идет по этой дороге крепко сбитый, коренастый человек среднего роста. Внешне он похож на крестьянина, и руки его знакомы с тяжелым трудом. За плечами вещевой мешок. Новенький и туго набитый. Усталое лицо давно не брито. Из-под тяжелых век вдруг пробьется взгляд, который, кажется, говорит: «Не унывай, брат, топай! »

В кармашке на груди у человека лежат документы, все как надо, из которых любой немецкий пост может узнать, что Захаров Иван Кузьмич, 1909 года рождения, отбывал по советским законам наказание в соответствующих местах.

Теми же, что лежат в других карманах, немецкие посты пока не интересовались. И это обстоятельство вполне устраивало бывшего «заключенного». Два пистолета и запасные обоймы с патронами принесены явно не для бесед с патрулями.

Уставший и небритый мужчина шел издалека. В Ржеве, откуда начался его нелегкий путь, он оставил свой партийный билет, служебное удостоверение, в котором сказано было, что Захаров И. К. — директор Чапаевской МТС Освейского района. Там же осталась и семья, которая совершила с ним переход на тракторах. Теперь тракторы сданы кому следует, семья эвакуируется, а он, коммунист Захаров, по заданию Витебского обкома партии идет с новыми «документами» в свой родной район, в тыл врага.

Прорваться через линию фронта нелегко. У Великих Лук это не удалось сделать. Но у Можайска Захаров все-таки проскочил.

Он хорошо знал лесной, озерный край, расположенный на севере Белоруссии, еще по службе в Красной Армии. И Ивана Кузьмича здесь многие знали. Это было хорошо, но и опасно.

Вот и деревня Борисово. На опушке леса, близ селения, Захаров заколебался. Дома ли Степан Семенчуков, бригадир тракторной бригады, к которому он направляется, а если дома, то как встретит?

На стук вышел сам Степан. Взлетели вверх брови, пригляделся. Потом так же молча посторонился, приглашая в дом. В избе за столом сидели его жена и дети. Поздоровались и тут же, повинуясь строгому взгляду, вышли.

— Умойся, поешь, — без особой приветливости предложил

Степан.

— Здравствуй, Семенчуков, — только теперь сказал Захаров. — Видишь, прибыл в родные края. Бреду вот, понимаешь. Да не знаю, как тут…

— Здравствуй, Кузьмич! — улыбнулся хозяин. — Хорошо, что пришел. Но сначала подкрепись, а разговоры потом.

Говорили они долго. Степан рассказал все, что знал, о положении в районе, о людях, которым можно довериться.

— Я думаю, что прежде всего тебе нужно увидеться с Симацким, — посоветовал Степан. — Он со многими связан. Сейчас он в Освее.

Через день Захаров был в Освее. Владимир Симацкий, коммунист, работал почему-то в районной управе. Загадка разъяснилась при встрече. Симацкий был связан с небольшой подпольной группой. Но она еще ни к каким действиям не приступала. Договорившись о дальнейших планах, Захаров ушел из Освеи.

Нигде не задерживаясь более одного–двух дней, Нван Кузьмич ходил от деревни к деревне, договариваясь с верными людьми, подыскивая связных.

На берегу озера Лисно, в старом домишке, жил Яков Зунда, старик, партизанивший еще в годы гражданской войны. Он стал незаменимым связным между Иваном Кузьмичом и Освеей. Он же помог и подыскать базы для будущего партизанского отряда.

Суровы были декабрьские морозы. Ох и намерзся тогда Захаров! К тому же товарищи сообщили, что на след организатора подполья напали фашистские ищейки. Но Иван Кузьмич продолжал работу, собирая силы для будущей борьбы. Пешком он дошел до Витебска и вернулся обратно.

С первыми лучами весеннего солнца в лесу у деревни Лисно собрались основатели отряда. И сразу загромыхали взрывы на немецких коммуникациях. Пока Яков Зунда вместе с местными жителями готовил лесную базу, Захаров с бывшим пограничником Иваном Петриенко решили устроить «экскурсию». Ночуя под открытым небом, на снегу, двигались они по району.

В трех километрах от Освеи работал небольшой льнозавод. Немцы приспособили его для своих нужд. Охраняли.

Выбрав ночь потемнее, отправились к заводу. Медленно и осторожно вдоль забора обошли территорию. На сторожевой вышке вспыхнул огонек папиросы. Как же проникнуть внутрь? У запертых ворот задержались, прислушались.

— Храпит, — радостно сообщил Петриенко о часовом. — Даже с присвистом, музыкальный, видно…

Подлезли под ворота и пошли к главному зданию. Под

навесом наткнулись на сухую кострy. Лучшего и желать не надо было. Чиркнула спичка, весело побежал огонек. Потом вспыхнуло пламя. Партизаны бросились к воротам. «Музыкальный» немец продолжал спать. Вскоре пылающий завод, беспорядочная стрельба остались далеко позади.

В середине следующего дня подошли к деревне Прошки, где была подпольная комсомольская организация, которая частично должна была влиться в партизанский отряд.

К вечеру в направлении к Лисно шагал хорошо вооруженный отряд в 11 человек. По пути прихватили с собой товарищей, которые покинули Освею, спасаясь от расстрела.

На северо–востоке от озера Белого начинались многокилометровые болота. Их коварные трясины были почти непроходимы. Только хорошо знающий местность мог найти безопасную дорогу к небольшому островку в середине этих топей. Именно сюда после длительного марша пришел маленький отряд.

— Вот наш дом, друзья, — сказал Иван Захаров. — Здесь мы и начнем нашу партизанскую жизнь.

Началась эта жизнь тихо и спокойно. Охраняли лагерь, строили жилища, принимали новых людей. Так продолжалось недели две. Затем партизанам стало известно, что из Освеи в Дриссу приезжает группа немцев на трех машинах.

Партизаны отправились на шоссе. Темнело. Ребята были нагружены оружием, противотанковыми минами. Идти по топкой почве было тяжело. Ночью прибыли к месту засады. Минеры расставили на дороге и по обочинам мины. Операцию следовало провести быстро и четко. Любая заминка могла привести к печальным последствиям. В Освее и Дриссе находились крупные гарнизоны, которые могли выслать подкрепление в течение получаса.

С утра по шоссе началось движение, и партизаны стали задерживать всех проходящих, чтобы они не подорвались на минах и не выдали случайно засады. Вскоре послышался рокот мотора. Шла только одна машина. Перед засадой она внезапно затормозила, очевидно, фашистский офицер заметил что-то подозрительное.

— Огонь! — скомандовал командир отряда.

Буквально в несколько секунд все было кончено. В короткой схватке уничтожены 23 фашиста. Партизаны торопливо вытаскивали из горящей машины ящики с патронами и оружие…

После этой операции отряд еще пополнился подпольщиками, пришедшими из Освеи и Прошек. Собралось много коммунистов. На своем партийном собрании они утвердили отряд и его командира И. К. Захарова, создали бюро партийной организации.

Секретарем его избрали также Захарова.

Бывая в населенных пунктах, партизаны слышали жалобы жителей на то, что в районе появились какие-то неизвестные, выдающие себя за партизан. Они конфисковали крестьянское имущество, продукты и… самогон. Нескольких мужчин насильно «мобилизовали» в свой отряд.

Захаровцы пробовали разыскать группу проходимцев, дискредитирующих партизан, но те исчезали бесследно.

И вот внезапно Иван Кузьмич встретился с ними. Недалеко от деревни Никулинки, километрах в 20 от базы отряда, шел он по лесу с одним из партизан.

— Стой, руки вверх! — раздался вдруг грозный окрик.

Из кустов выглядывал ствол ручного пулемета, а чуть позади виднелась голова в военной фуражке со звездой.

— Лукашонок! — громко и быстро скомандовал Захаров. — Отряд к бою, деревню окружить.

— Есть! — рявкнул в ответ партизан и исчез в лесу.

— Стрелять буду! — сказал владелец пулемета.

Но стрелять он не стал, а согласился провести Захарова к командиру своего «отряда».

В избе, куда они пришли, шел пир горой. Захарову предложили выпить. «Сволочи, мародеры», — думал Захаров, решая, что делать дальше, как обезвредить эту банду.

В это время дверь с грохотом растворилась, и в избу влетел запыхавший Лукашонок.

— Приказание выполнено, товарищ командир! Деревня окружена, к бою готовы. До первого выстрела, как приказано…

Много мужества нужно было командиру партизанского отряда, чтобы пьяных и озлобленных мародеров сдержать от кровопролития и привести в отряд. 20 километров вели они вдвоем 12 человек.

Партизанский отряд под командованием Захарова креп и рос численно. Авторитет партизан среди населения усиливался с каждым днем. И не только граната и винтовка были оружием партизан. Они несли в села слово партии, подбадривали народ, сплачивали для дальнейшей борьбы.

На одном из партийных собраний по предложению подпольного обкома партии был избран районный комитет. Секретарем его стал Иван Кузьмич. В одном лице соединились партийный руководитель и боевой командир.

В июне 1942 года партизаны перешли от мелких диверсий к операциям против крупных сил противника. Первым экзаменом мастерству партизан стал бой против гарнизона фашистов в местечке Шкяуне. Здесь находились административное

управление, гестапо, военная пересыльная почта. Чувствовали себя враги в полной безопасности, так как в существование крупных сил партизан они еще не верили.

После тщательной разведки и подготовки, о которой даже не все партизаны знали, отряд был готов к операции. Соотношение сил было явно не в пользу партизан: в атаке на Шкяуне могло участвовать только 50 человек. Немцев же было не менее 150.

Совершив за ночь 50–километровый марш, партизаны скрытно расположились недалеко от местечка и дождались следующей ночи.

Бой длился несколько часов. Задача была выполнена отлично: более 50 фашистов было уничтожено; сожжены административные учреждения и документы; партизаны вывезли большое количество трофеев и не потеряли ни одного человека. 20 тонн сахара, возы немецкой одежды, три подводы кожи для сапог — ради такого подкрепления стоило рискнуть.

По пути в лагерь разведчики сумели выяснить, что за партизанами охотятся регулярные воинские части фашистов численностью до 900 человек. Засады были организованы в самых неожиданных местах.

У деревни Лисно произошло столкновение. Два с половиной часа длился кровопролитный бой. Враги шли в атаку за атакой. Партизан спасло лишь то, что каратели из-за условий местности не смогли развернуть свои силы: двигаться можно было лишь по узкой дороге с пригорка к мосту через реку Свольно.

Во время этого боя Захаров находился в самом пекле — у моста, руководя действиями партизан. Когда кончились боеприпасы, отряд быстро отошел в лес. Звено немецких самолетов, вызванных по радио, начало бомбить позиции партизан, но те уже ушли оттуда. Преследовать их дальше немцы не решились…

Партизаны держали под контролем уже значительную часть населенных пунктов Освейского района. 29 июля 1942 года на базе отряда имени Фрунзе (так назывался отряд Захарова) была создана бригада имени Фрунзе. Четыре отряда ушли на новые стоянки. Штаб бригады остался при отряде имени Фрунзе.

Когда бригада окрепла и увеличилась до 1100 человек, решено было произвести операцию против крупного гарнизона в Кохановичах. Это был важный в стратегическом отношении пункт. Он располагался на перекрестке дорог, которые рассекали район на четыре части… Партизаны готовились к массированным налетам на железные дороги, а Кохановичи стояли на их пути. Надо было ликвидировать расположившийся здесь гарнизон гитлеровцев.

В операции участвовали три отряда, артиллерийский дивизион фрунзенцев и один отряд Дриссенской бригады. Артиллерия использовалась впервые.

Действовать было сложнее, чем в первые месяцы: немцы знали о партизанах, боялись их и были начеку. Они встретили партизан огнем из укрытий, запросили помощи из Дриссы. От Дриссы до Кохановичей только 18 километров; подкрепление, на автомашинах и с артиллерией, вскоре было у Кохановичей. Продолжать бой с противником, обладающим таким огромным преимуществом в силах, не было смысла. Партизаны, с трудом оторвавшись от противника, ушли в леса.

Но и в этой короткой схватке противник потерял свыше 70 человек. Четыре партизана пали смертью храбрых. Через несколько дней, при второй попытке, гарнизон, в Кохановичах был снят. Путь к железной дороге стал свободным. Но фашисты не могли примириться с существованием партизан в районе. Они концентрировали свои силы в крупных населенных пунктах и готовили карательную экспедицию.

Приближалась зима. К ней надо было подготовиться. В лесах и деревнях, охраняемых партизанами, начали работать мастерские, в которых ремонтировалось оружие, изготовлялись мины, лыжи, шились полушубки, сапоги. В лесах создавались продовольственные склады. Широкое озеро Лисно щедро снабжало партизан рыбой. А старый партизан Яков Зунда был главным рыболовом.

Не было дня, чтобы пропагандисты подпольного райкома партии не знакомили население с сообщениями Совинформбюро, не приносили бы книжки и газеты. В бригаде организовали свою типографию, в которой печаталась газета «Путь к коммунизму».

В районе действовало девять подпольных партийных организаций, в которых было свыше 120 коммунистов. Им помогали 80 комсомольцев. Эти организации выполняли задания подпольного райкома партии. Одним словом, хозяевами на советской земле были советские люди. Это чувствовалось во всем. Немцы побаивались показываться на территории партизанской зоны.

Охраняемые партизанами от фашистов, крестьяне занимались сельскохозяйственными работами. Многие просили записать их в армию. В сентябре 1942 года партизаны помогли перейти 411 человекам через линию фронта на соединение с Красной Армией. С этой группой в подарок нашей армии партизаны бригады Захарова прислали 110 лошадей и 18 коров.

2 октября в советский тыл было отправлено 500 человек, а 24 декабря — свыше 1000 человек.

В конце декабря 1942 года фашисты сформировали карательную экспедицию. Против партизан пошли регулярные воинские части, вооруженные артиллерией, танками, бронемашинами, при поддержке авиации. Однако отряды не дрогнули перед грозной силой. За одну только неделю народные мстители уничтожили до 800 вражеских солдат и офицеров.

Особенно сильные бои разгорелись в районе деревни Стрелки. Эта деревня располагалась на пересечении важных дорог. Фашистам очень хотелось овладеть этим пунктом. Обстрел из тяжелых минометов, бомбардировка партизанских позиций с воздуха ничего им не дали. Отряды бригады имени Фрунзе дрались насмерть. В боях у Стрелков они использовали вражеский танк, отремонтированный бывшим механиком МТС Ангудовичем. Несмотря на большой численный перевес, фашисты не смогли взять Стрелки. Тогда они обошли партизан и блокировали их. Оставшись без боеприпасов и продовольствия, отряды были вынуждены с боем выходить из кольца.

По фронту до 40 километров заняли оборону партизанские бригады, прикрывая от фашистов часть партизанской зоны. 15 суток пытались каратели сломить оборону партизан. Фашисты неистовствовали. Врывались в мирные села, зверствовали. Уничтожали население, сжигали деревни дотла. Богатый озерный край был превращен ими в пепелище.

Однако партизан было трудно сломить. Ведя основные бои вдоль реки Свольно, они небольшими отрядами проникали в тылы противника в самых неожиданных местах. Устраивали засады, нападали на оккупантов, отбивая мирных жителей, которых фашисты пытались угнать в Германию.

21 марта 1943 года войска карательной экспедиции внезапно по тревоге были погружены на машины и убрались из партизанской зоны. Жить стало легче.

Освейские партизаны устраивали диверсии на железных дорогах. Вражеские эшелоны один за одним летели под откос. В августе по решению штаба партизанского движения начиналась массовая рельсовая война.

В первой же операции партизаны под руководством Захарова произвели 813 взрывов. А всего за время железнодорожных диверсий партизаны бригады имени Фрунзе взорвали 2285 рельсов, пустили под откос 115 эшелонов.

7 октября 1943 года Красная Армия, развивая наступление, овладела городом Невель. Значительная часть Полоцкого и Россонского районов была освобождена. В конце октября отряды Россонской и Полоцкой бригад соединились с частями Красной Армии. Шли последние дни партизанской борьбы. Радостные и

тяжелые дни. Части немецко–фашистских войск проходили через Освейский район к фронту. Присутствие партизан в прифронтовой зоне не очень устраивало оккупантов. Гитлеровское командование предприняло меры к уничтожению партизан в прифронтовой зоне. Против отрядов были брошены войска, движущиеся на фронт. Численность их определить было невозможно, каждый день в борьбу с партизанами включались новые немецкие части.

Между тем партизаны должны были не только избежать разгрома, но сделать все возможное, чтобы спасти мирное население от угона в Германию и уничтожения.

Бои с врагом были жестокими и упорными. Партизаны делали все, чтобы противостоять фашистам, не дать им овладеть районом. Так, деревня Якубово девять раз переходила из рук в руки.

Фашисты начали сжимать партизан в кольце. Применить обычную тактику, скрытно уйти партизаны не могли: с ними было несколько тысяч мирных жителей. Бои шли уже более двух месяцев. К концу декабря врагу удалось так сжать партизан, что в их распоряжении оставалось не больше десяти километров территории. Были израсходованы в боях с превосходящими силами противника почти все боеприпасы.

В такой крайне трудной обстановке объединенное заседание Освейского и Дриссенского райкомов партии и Совета командиров партизанских бригад решило, что часть отрядов останется на оккупированной территории и будет вести маневренную войну, совершая диверсии. Остальные прорвут линию фронта, выведут в советский тыл население, пополнятся боеприпасами и возвратятся. Командование прорывом было возложено на Захарова.

В ночь с 27 на 28 декабря две колонны двинулись к реке Нище. Шло свыше десяти тысяч человек, было много раненых, больных, стариков, детей.

Подошли к реке Дриссе. Лед на ней был еще очень тонок. Временные переправы не выдерживали огромного количества людей. Пришлось спешно наводить новые переправы, ремонтировать старые. Немцы бросились в погоню за партизанами, но опоздали. Оставалось переправиться небольшой группе, в том числе Захарову, который руководил форсированием Дриссы. И в это время переправа разрушилась. Фашисты наседали. Захаров предложил переплыть реку и первым кинулся в обжигающую холодом воду.

30 декабря партизаны при поддержке наших войск прорвали фронт около озера Страдань и вышли в советский тыл. А через

несколько дней бригада имени Фрунзе возвращалась в тыл к немцам для продолжения борьбы. В эти дни Ивану Кузьмичу Захарову за героизм в борьбе с немецко–фашистскими захватчиками Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза. Награду ему вручали в Москве.

После войны Иван Кузьмич работал секретарем райкома партии, учился в Высшей партийной школе, находился на руководящей профсоюзной работе.

Сейчас персональный пенсионер, Герой Советского Союза, полковник запаса И. К. Захаров ведет большую общественную работу, воспитывает молодежь на славных традициях Советской Армии.

К. Григорьев
МЕЖДУ ДНЕПРОМ И ДЕСНОЙ

Разговор на палубе

Темной майской ночью вниз по Днепру плыл караван судов. Пять ярко освещенных теплоходов. Пять громадных люстр, бережно опущенных на воду. Не так уж часто увидишь с днепровского берега такое ослепительное зрелище.

Пять теплоходов медленно шли друг за другом. Четыре из них несли на бортах имена писателей: «Гоголь», «Максим Горький», «Иван Франко», «Радищев»…

Писатели…

Писатели из Москвы и Ленинграда, из всех союзных республик и многих зарубежных стран плыли из Киева в Канев на торжества по поводу 150–летия со дня рождения великого Тараса Шевченко. Мало кто из пассажиров спал в эту майскую ночь. Стояли на палубе. Молчали. Или разговаривали. О чем могут говорить писатели? Наверное, о книгах…

— Если бы наш теплоход не освещался так ярко, я бы наверняка узнал берег. А теперь глаза совсем отвыкли от темноты… Григоровка, что ли?

— Нет, по–моему, Триполье. Кстати, Гриша, из того оружия, которое мы тебе тогда дали…

«Гоголь» громко прогудел. Ему ответил «Радищев». Конца фразы я так и не расслышал. Хотел было подойти, но потом решил не мешать этим двум полуночникам. Разговаривали украинский прозаик Юрий Збанацкий и белорусский поэт Григорий Нехай. Происходило это весной 1964 года.

А вспоминали они весну 1943 года. Тогда еще не было ни прозаика, ни поэта. Был боец партизанского отряда Григорий Нехай и командир отряда Юрий Збанацкий.

Память детства

Вот какой любопытный случай произошел в жизни пятилетнего Юры. Шла гражданская война. А на Черниговщине она не просто шла, а бурлила, словно водоворот. В неделю иногда по три власти сменялись в селе. Пятнлетний Юрко только и видел: у одного «дядьки» — винтовку, у другого — саблю, того —

на коне, этого — на тачанке. И отец был такой, как все эти «дядьки», но имел красную повязку — воевал за Советы. А однажды в крайней хате, где жили Збанацкие, остановились военные, их тоже называли красными. Командир у них был очень молодой, хотя и носил бородку. Надолго запомнилась холодная кожа его тужурки. И то, что он сначала приподнял его, хлопца, над собой, а потом еще и дал кусок сахара.

Позже, когда гражданская война уже закончилась и отец возвратился домой, он как-то сказал сыну:

— Помнишь командира с бородкой, который брал тебя на руки и сахаром угощал?

— Помню, как же! В кожанке…

— Да, в кожанке. Знаешь, кто это был? Николай Щорс, знаменитый красный командир.

Так и осталась в памяти на всю жизнь эта сценка. А спустя много лет (можно сказать точно, потому что дата эта официальная, — первое декабря 1942 года) группа людей объявила себя в лесу партизанским отрядом. Тогда же состоялось первое, вроде бы учредительное, собрание только что организованного отряда. И командир его, Юрий Збанацкий, предложил назвать отряд именем Николая Щорса. Все, конечно, согласились. Вряд ли кто-нибудь догадался, о чем вспоминал в ту минуту командир. Просто жители Остерского района, составившие ядро отряда, справедливо считали героя гражданской войны своим земляком.

Сельский учитель

Нет, сначала нужно все-таки вспомнить тридцатые годы…

Осенью 1931 года началась педагогическая деятельность Юрия Олиферовича Збанацкого. Правда, самому-то учителю тогда еще 18 лет не было, да и школа в маленьком селе Новый Глыбов на берегу Днепра была неполной. Но как бы то ни было, а Юрий Олиферович стал школьным учителем.

Спустя несколько лет, уже закончив институт, Юрий Збанацкий возглавит в Остре районный отдел народного образования. Но учительствовать не бросит. Просто у него теперь будет значительно больше учеников. Собственно говоря, ему придется иметь дело со всей остерской молодежью…

Сельский учитель — особая должность. Сама жизнь выводит учителя за рамки чисто профессиональной деятельности. Он и наставник, и советчик — учитель жизни не только для детей, но и для их родителей. И за десяток лет работы в одном районе

настоящий сельский учитель воспитывает не отдельных школьников, а целое поколение людей…

Видимо, Юрий Олиферович оказался хорошим учителем. Во всяком случае, главный экзамен его ученики выдержали с честью. Большинство бойцов партизанского отряда имени Щорса — хлопцы и девчата Остерского района, его вчерашние школьники. Они даже вместо обычного: «Есть, товарищ командир!», частенько говорили: «Хорошо, Юрий Олиферович!». Как недавно в школе. По привычке…

Начало

Он был оставлен для подпольной работы.

Это был, наверное, самый трудный период борьбы. Собственно, борьбы, как таковой, еще и не было. Хотелось драться, воевать, а начинать надо было с другого. Связываться с людьми. Готовить подпольные группы. Появляться то в одном, то в другом селе… И, между прочим, опыта тоже еще не было. А ниточки связи оказались ужасно тонкими. Они постоянно рвались и просто терялись. Дважды его чуть не схватили. Обошлось. А когда казалось, что работа наконец налаживается, когда уже действительно были созданы первые подпольные группы, — все вдруг рухнуло.

6 января 1942 года, выданный предателем, Юрий Збанацкий был схвачен. То страшное, о чем когда-то только читал в газетах и книгах, стало вдруг явью. Фашистский застенок. Тюрьма в Остре. Тюрьма в Чернигове. Яцовский концлагерь. Зима. Весна. Лето. Осень. Но все эти перемены только по ту сторону решетки и колючей проволоки. Здесь же по–прежнему: голод, издевательство, каторжный труд. Но не только это. И борьба. Научились бороться в неволе…

Збанацкий попал в число первых 400 заключенных лагеря. Еще в тюрьме возникла подпольная организация. В лагере она развернула свою деятельность. Начались побеги. В сентябре подпольщики помогли бежать Юрию Збанацкому и его другу Юрию Кулиде, тоже бывшему учителю, заведовавшему до войны отделом народного образования в соседнем районе. Збанацкому удалось незаметно возвратиться в Остер.

Спустя несколько дней после побега он привел в лес под Остером ту самую группу людей, которая потом выросла в отряд имени Николая Щорса.

Железный характер

Говоря о партизанах, с годами мы все реже употребляем выражение «народные мстители». Очевидно, это правильно, потому что не месть, конечно, была главной движущей силой этого могучего всенародного движения, а борьба за честь, свободу и независимость своей советской Родины.

У Юрия Збанацкого, кроме всего прочего, были еще и личные счеты с врагом. За первый год войны накопилось столько, что, казалось, не выдержит сердце…

А о нем говорили: железная воля. Удивлялись не только его смелости, но и выдержке, хладнокровию в бою, сдержанности в отношении к пленным. Да, похоже на то, что волю можно закалить, как железо. Но сердце…

Девять тюремных и лагерных месяцев были изнурительно тяжкими. Он еще долго потом вспоминал эти страшные дни. И ночи. Ночи для заключенных были тоже беспокойными. Таков, очевидно, закон фашистского застенка: расстрелять могут в любую минуту. Но самым опасным считалось утро — чаще всего стреляли именно в это время.

Вздыхали посвободнее только тогда, когда у немцев наступал обеденный перерыв. Но потом опять раздавались шаги в тюремном коридоре, снова слышался скрип ключа в двери, и тогда в камере наступала мертвая тишина: за кем на этот раз протянула руку костлявая?..

Но эти дни позади. Побег оказался удачным. Сформирован отряд. И теперь уже он — партизанский командир. Можно драться с врагом…

Но его мать, больная женщина, старая солдатская вдова, не знала, что сыну удалось бежать. Страдала, мучилась. А потом решила пойти на поиски. Она шла навстречу своей смерти. Палачи схватили старую женщину:

— Где сын? Где есть партизан?

Она держалась мужественно. Фашисты зверски убили ее. Убили мать Юрия Збанацкого за то, что он, ее сын, — партизанский командир. А чуть позже убили и 15–летнего брата Васю, еще совсем мальчика. И тогда его сердце наполнилось не только страшной болью, но и жгучей ненавистью…

А воля стала железной.

Партизанский край

Край — это не всегда административно–территориальная единица. Краем можно считать и целую страну, и маленький район, просто местность. Но люди почему-то любят называть

свою местность краем.

Так вот, есть такой край на Черниговщине — междуречье Днепра и его притока Десны. Красоту этих мест описать не берусь. Для этого нужно быть по крайней мере поэтом. Впрочем, и не каждый поэт мог бы это сделать так вдохновенно, как Александр Довженко в своей «Зачарованной Десне».

Но не красота этого края привлекла к нему внимание гитлеровского командования. Здесь, под носом у оккупационных властей, в глубоком, по сути, тылу, целые села оказались под контролем партизан. Еще весной 1943 года, когда линия фронта была еще за сотни километров восточнее Днепра, хозяевами положения в междуречье Днепра и Десны стали партизанские отряды имени Щорса, «Победа», имени Коцюбинского. Под началом у Юрия Збанацкого было уже более 1000 бойцов, они надежно контролировали положение в 55 селах.

Короткие стычки с оккупантами возникали то в одном, то в другом месте. Фашисты и их приспешники не знали покоя не только в дальних хуторах, но и в крупных населенных пунктах. Как только началась столь долгожданная для немцев весенняя навигация (а вообще-то связь из Киева с этим районом не ахти какая), первый же караван вражеских судов и барж возле села Евминка был полностью уничтожен. Потопили их щорсовцы.

Гитлеровцы направили в междуречье Днепр — Десна карательную экспедицию…

Бой в Пирнове

Немецкий гарнизон в Пирнове получил солидное подкрепление. Из Киева на нескольких пароходах прибыл карательный отряд. Передислоцировался сюда и весь гарнизон Борисполя во главе с гебитекомиссаром. Больше тысячи эсэсовцев и полицаев собралось в Пирнове — центре Высшедубечанского района Киевской области. Никогда еще не бывало здесь так многолюдно. И никогда это живописное дачное местечко не имело такого воинственного вида.

Осматривая укрепления, гебитскомиссар между прочим заметил, что, дескать, не мешало бы траншеи строить в три ряда.

На это замечание майор, который прибыл во главе карательного отряда, не без лихости ответил:

— Мы не собираемся вести с мужиками позиционную войну. Наша задача — наступать. Отсюда, из Пирнова. Мы должны найти их в лесу и уничтожить. Для этого у нас хватит сил, храбрости и оружия.

И потом, уже спокойнее, добавил:

— А траншей и дотов здесь предостаточно…

Тем временем в нескольких километрах от Пирнова, в небольшой деревушке Ровжи, шел разговор на ту же тему. И разговор весьма деловой и конкретный. В хате колхозника Романенко лежал на столе большой лист бумаги, на который был нанесен весь Пирнов, до последнего дома, со всеми огневыми точками, со всеми подходами к ним. За этой картой сидели двое: тот, что помоложе — командир партизанского отряда имени Щорса Юрий Збанацкий, а постарше — командир отряда «Победа» Степан Науменко.

Все время приходили разведчики. Докладывали — и тогда на бумаге появлялись новые значки. Несколько раз приезжали гонцы из штаба партизанских отрядов. Они сообщили, что немцы засуетились, подтягивают силы к Остеру, собрали большой гарнизон в Ясногородке, за Днепром. Было ясно, что готовится крупная операция. И что, очевидно, менее всего партизан ждут в Пирнове.

Вечером, когда разработка плана после множества уточнений была, наконец, закончена, в селе Ровжи сосредоточились в полном составе отряд «Победа», две роты щорсовцев и несколько вооруженных дружин из соседних сел. Вскоре партизаны углубились в большой старый лес. Остановились в четырех километрах от Пирнова. В вечерней тишине до них долетел звон церковного колокола: был канун пасхи и в пирновской церкви шла вечерняя служба.

Десна у самого местечка делает крутой поворот, огромной подковой огибая Пирнов. Решено было окружить местечко со всех сторон, оставив немцам один выход — в разлившуюся весеннюю Десну. А на противоположном берегу реки устроить засаду. Совещание быстро закончилось. Партизаны устроились на отдых.

Среди ночи был объявлен подъем. Зашелестели кусты. Команды передавались шепотом. Ни одного резкого звука. Только шорох сотен ног. Передовые дозоры доложили, что в самом Пирнове все спокойно, но в дотах и укреплениях немцы начеку, возможно, что выставлены секреты с ручными и станковыми пулеметами.

Успех должен был решить первый рывок. Если враг успеет прийти в себя и занять оборону, дело может кончиться плохо. У врага сил и оружия больше. Значит, первый выстрел при всех обстоятельствах должен быть началом общей атаки.

В темной непроглядной ночи к Пирнову со всех концов приближались партизаны. Ровно в три тридцать подразделения вышли на намеченные рубежи. В три сорок пять нужно было

сделать осторожный бросок вперед, но так, чтобы не хрустнула ни одна ветка. В четыре ноль ноль — атака.

Все вокруг замерло. Казалось, что даже соловьи замолкли в ожидании сигнала.

И вот мертвую тишину разорвала пулеметная очередь. Одновременно прокатилась команда: «Вперед!».

Партизаны бросились в атаку. Несколько групп сразу же прорвались сквозь огневую завесу и уже действовали на улицах Пирнова. Остальные залегли перед дотами. В гарнизоне началась паника. Гитлеровцы выскакивали из хат в одном белье, босые. Их тут же встречали партизанские пули. Некоторые в отчаянии бежали к берегу Десны, не зная, что попадают в ловушку.

И все-таки, опомнившись, немцы попытались было организовать сопротивление. Тогда партизаны ввели в бой минометы. Один за другим затихали доты. Это была настоящая война. Не молниеносные налеты на заставы, как это было прежде, не диверсии на железной дороге, а продолжительный бой с вооруженным до зубов противником. Никто не заметил, что солнце поднялось уже высоко. Постепенно гасли последние очаги сопротивления. К часу дня все было кончено. От пирновского гарнизона ничего не осталось.

Переправы встречают своих

Об этом эпизоде Збанацкий написал потом очерк и большой рассказ. А тогда в его дневнике появилась короткая запись: «24 апреля 1943 года целиком разгромлен гарнизон местечка Пирнов, Киевской области. Уничтожено свыше 700 гитлеровцев».

Немцы не могли простить этого. Весь май шли тяжелые бои. С двух сторон — с севера и с юга, со стороны Чернигова и Киева — сжимались железные тиски, которыми немцы хотели задавить, уничтожить партизанское движение в междуречье.

Силы были явно неравными. Партизаны отступали в лесные болота. Иногда совершали налеты, порой избегали боев и выходили из окружения небольшими группками. В конце концов немцы объявили, что партизаны уничтожены. В действительности же отряды, несмотря на большие потери, не только не были уничтожены, а даже численно выросли. И лишь на некоторое время затихли: готовились к решающим боям.

Фронт двигался на запад. Приближались важные события: разворачивалось грандиозное наступление советских войск на Украине. Еще в конце 1942 года неожиданно («как с неба свалился») в отряде появился представитель Большой земли

Кузьма Савельевич Гнидаш. Он был заброшен сюда на самолете во главе небольшой разведгруппы.

С помощью партизан Гнидаш осуществлял глубокую разведку в районе Киева, главным образом по Днепру и Десне. Больше всего его интересовали укрепления так называемого Днепровского вала, которым позже немцы будут пытаться приостановить наступление советских войск. (Збанацкий с большой теплотой вспоминает о Кузьме Гнидаше — отважном разведчике и замечательном товарище. Они быстро сдружились, но дружба, к сожалению, была непродолжительной. Последние письма Гнидаша к другу датированы 1944 годом. Тогда же, в Белоруссии, он погиб, и звание Героя Советского Союза ему было присвоено посмертно.)

…В июне 1943 года все отряды междуречья были объединены. Вскоре по указанию Украинского штаба партизанского движения на базе отряда имени Щорса было создано отдельное партизанское соединение во главе с Юрием Збанацким.

В сентябре соединение Збанацкого осуществило боевой рейд, помешав врагу создать на Десне оборону. Партизанам удалось организовать и удержать до прихода частей Советской Армии переправы на Десне от села Смолин до села Летки и на Днепре, в районе Сорокошычи — Днепровское.

А потом наступили самые счастливые минуты в жизни. Пришли первые ребята в пропотевших гимнастерках, со звездочками на пилотках. Бородатые люди обнимали их и плакали. Ласково гладили броню танков. С интересом и пониманием брали в руки новые автоматы. Восхищенно смотрели на «катюши». И вместе с бойцами переправлялись на правый берег Днепра. Вместе завоевывали, держали и расширяли плацдармы.

Накануне Октябрьских праздников они впервые услышали залпы салюта. Была освобождена столица Советской Украины. Войска пошли дальше ка запад. Можно было подвести кое–какие итоги. Выглядели они довольно внушительными: за время боевых действий соединение имени Щорса под командованием Юрия Збанацкого уничтожило свыше 2000 вражеских солдат, пустило под откос 9 эшелонов противника, взорвало 19 мостов, 47 заводов и складов, сожгло 15 пароходов и барж.

Указ Президиума Верховного Совета СССР был датирован 4 января 1944 года. За образцовое выполнение боевых заданий командования в борьбе с немецко–фашистскими захватчиками, за исключительные заслуги в развитии партизанского движения на Украине Юрию Олиферовичу Збанацкому присваивалось звание

Героя Советского Союза.

* * *

— Ну вот, — скажет иной читатель, — что же это за очерк о герое, в котором нет ни последовательности в изложении событий, ни подробного описания того, как же все это происходило, как же сражались и умирали партизаны…

Что ж, он, может быть, и прав, этот читатель. Но автор данного очерка не ставил перед собой иной цели, как лишь набросать отдельные штрихи к портрету своего героя. Потому что обо всем ином, что может заинтересовать читателя, о героике партизанских будней, о том, как жили и боролись советские люди маленького Полесского края, — обо всем этом талантливо написал сам наш герой, Юрий Збанацкий, видный украинский писатель, автор романов, повестей и рассказов.

Почти все его произведения автобиографичны. Скажем, из интересного рассказа «Над Десной» можно подробно узнать, как был разгромлен фашистский гарнизон в Пирнове. А в волнующей повести «Единственная» прочитать историю мытарств советских людей в фашистской тюрьме и концлагере, историю мученической смерти партизанской матери. Тяжелые это были времена. Но, между прочим, юмор никогда не покидал партизан. И кто умеет смеяться, обязательно должен прочитать «Полесские были» — юмористические рассказы Збанацкого, в которых есть немало веселых картин из партизанской жизни. Можно назвать много произведений Збанацкого на партизанскую тему, получивших признание читателей: «Тайна Соколиного бора», «Лесная красавица», сборники рассказов, наконец, фильмы, снятые по его сценариям.

Збанацкий много написал о партизанах. О себе рассказывает скупо.

— Мне повезло, — говорит он. — Помните, как-то поэт Платон Воронько сказал, что ему везло на хороших людей? Мне тоже. Всю жизнь.

…Это, конечно, не просто везение. Для этого самому нужно быть Человеком. Настоящим.

Александр Миронов
НЕ РАДИ СЛАВЫ…

Не легко в двадцать с небольшим лет взваливать на свои плечи огромный груз ответственности за судьбу и за жизнь десятков людей. Не легко, а надо: другого выхода нет…

Эта мысль и это решение все больше и больше крепли у Николая Зебницкого, когда синим июльским вечером он стоял над свежим холмиком рыхлой земли, под которым только что и навсегда скрылось тело командира их группы Павла Кочуевского. Нерушимая, напоенная летними запахами тишина лежала вокруг, и в тишине этой, как ни вслушивайся, ни единый звук не напоминал о недавнем бое и о гитлеровцах, которые опять могут нагрянуть в любую минуту. Показалось на миг, что, если зажмурить глаза, — не земля белорусская, испепеленная и истоптанная врагами, а родные карагандинские степи обнимут и обласкают со всех сторон. Точно так же, как там, в Караганде, в синем небе звенит невидимый жаворонок. Точно так же скрипит–стрекочет где-то рядом, в траве, неугомонный прыгун кузнечик. И только свежий могильный холмик неумолимо напоминает о действительности, о том, что не родное карагандинское село Ново–Сухотино лежит неподалеку, а разграбленное и разрушенное фашистами белорусское село Клянино, где нашел свою смерть истекший кровью Павел Кочуевский.

Сколько видел уже таких сел Николай Зебницкий, сколько черных, закопченных труб на месте сожженных деревень насчитал с тех пор, как два с лишним месяца назад вместе с диверсионно–разведывательной группой и с командиром ее Павлом Кочуевским пробился на территорию Белоруссии, временно оккупированную немецко–фашистскими захватчиками! Что ни день — новое пожарище, что ни переход по вражеским тылам, то новый бой с противником… И не видно конца… Не будет конца до тех пор, пока хоть один фашист ходит–бродит с оружием в руках по нашей священной советской земле!

— Пора, — кто-то тронул Зебницкого за руку. — Надо двигаться. Успеть бы засветло в лагерь…

Оглянулся — рядом приземистый, широкоплечий боец Рябинин с трофейным немецким автоматом на груди. У Рябинина запыленное, очень усталое лицо, а в суровых, с покрасневшими веками, глазах нескрываемая, неугасимая боль тяжелой утраты. «Да, — подумалось, — любили ребята Павла. Не легко будет без него…»

— Что ж, пошли, — вздохнул Николай и поглубже, чтобы ветками не сорвало, натянул фуражку. — Поднимайте людей.

Шли гуськом, в затылок друг другу. Шли, чутко вслушиваясь в тишину ночного леса и все время держа оружие наготове. И хотя никто не произносил ни слова, Зебницкий знал, что все, как и сам он, думают об одном и том же. Николай любил вот так, на переходах, вспоминать о том, что уже пережито, и думать о предстоящем. Эти раздумья помогали еще больше сосредоточиться, еще точнее определить свое собственное место в общем боевом строю, еще строже и беспристрастнее оценить свои промахи и ошибки, чтобы впоследствии не повторять их. А кому из двадцатилетних, лишь перед самой войной вступивших в жизнь, не суждено было ошибаться, хотя бы на самых первых порах гигантской всенародной битвы с кровавой гитлеровской нечистью?

Так и в их группе, и у него самого ошибки бывали. Разве он, Николай Зебницкий, не считал, что война закончится в считанные недели? «Будем бить врага на той территории, откуда он посмеет на нас напасть…» А фашисты докатились до подступов к Москве, захватили всю Белоруссию, всю Украину. Почему? Откуда у них такие несметные силы? Или в самом деле непобедимые, как трубит геббельсовская про: паганда на весь белый свет?

Только после зимнего разгрома немцев под Москвой, только после того, как сам Николай дважды побывал со специальными заданиями во вражеском тылу, начал он понемногу разбираться во всех этих «почему» и «откуда». И его радовало то, что он своими глазами увидел в тылу у гитлеровцев: их растерянную ничтожность перед жгучими русскими морозами… Их панический страх перед внезапными, сокрушительными ударами Красной Армии… Их животный, патологический ужас перед партизанами… А увидев все это, с особой отчетливостью понял, где и, главное, как должен он драться, чтобы быстрее и до конца сломить, уничтожить, развеять в прах ненавистную вражью силу!

Потому и в диверсионно–разведывательную группу добровольцем пошел — комиссаром к Павлу Кочуевскому. Потому и обрадовался, когда в самом конце апреля 1942 года их группу перебросили через линию фронта на временно оккупированную белорусскую землю.

Сколько времени прошло с той темной апрельской ночи? Май, июнь да последние четыре июльских дня… Не так уж и много… А если вспомнить все, что выпало на долю группы за недолгий этот срок, хватило б, пожалуй, на целые годы. Даже самое главное перечислить трудно: день за днем — переходы, разведка, засады, налеты на вражеские гарнизоны, стычки с

полицаями, бои с карателями. Ночь за ночью, нередко без сна, без отдыха — подготовка к новым операциям. В мае — шесть боев, в июне — тринадцать. А в итоге?

И, шагая в затылок идущему впереди проводнику, примкнувшему к группе уже здесь, на Полесье, Зебницкий как бы мысленно перелистал страницы своих донесений, припомнил: за два месяца спущено под откос пять немецких воинских эшелонов, уничтожено более двадцати автомашин и четыреста с лишним немцев, взорвано двадцать два моста.

— Что же дальше? — спросил он себя. — Ведь Павла-то нет…

И с досадой скрипнул зубами:

— Как нелепо, как глупо все получилось!

…Кочуевский не сомневался в успехе налета на большое село Омкиничи. «Не впервой, да и тамошний вражеский гарнизон едва ли сумеет оказать сильное сопротивление». Поначалу все так, как он думал, и получилось. Вдруг на машинах еще нагрянули немцы. Может, лучше было бы отойти, но Павел решил гитлеровцев встретить огнем, а Николай, как всегда в минуты опасности, поддержал командира.

Бой гремел из конца в конец села, и накал его возрастал с каждым новым убитым фашистом. Охватив гитлеровцев железным кольцом, партизаны теснили их к центру Омкиничей, где пылали подожженные немецкие машины. Все слабее становился ответный огонь противника: из семи немецких офицеров и пятнадцати солдат, нагрянувших в село, еще отстреливались два–три последних.

— Может, этих живыми возьмем? — крикнул командир. — Пригодятся…

Комиссар не успел ответить: Кочуевский вскочил, рванулся вперед и тут же упал, подсеченный автоматной очередью. Подобрали его минуту спустя, когда вытянулся на пыльной земле и тоже затих последний немец. Павел был еще жив, но короткие, предсмертные вздохи вместе с кровавой пеной срывались с его быстро синеющих губ. Партизаны чуть не бегом несли его к лагерю, к врачу, а сумели донести только до деревни Клянино, где осталась теперь одинокая могила их командира. А домой, на лесную стоянку, повел группу комиссар Николай Зебницкий.

Когда добрались наконец до лагеря, комиссар приказал поднять по тревоге и построить весь отряд: Николай Васильевич Зебницкий вступал в обязанности командира партизанского отряда особого назначения.

* * *

И опять, как прежде, переходы, разведка, бои, диверсии. Каждый день, каждый час в изматывающем, на пределе боевом напряжении: война. Даже трудно поверить, что так могло быть, что могли эти люди вынести такую нечеловеческую перегрузку, когда вчитываешься сегодня в лаконичные, более чем скупые строки радиодонесений, поступавших из отряда Зебницкого на Большую землю.

Вот лишь некоторые из этих строк:

24 июля: на дороге между селами Полесье и Волособичи уничтожено шесть вражеских автомашин, убито и ранено 69 гитлеровских солдат и офицеров.

14 августа: бой в селе Малаевка. Во время боя убито и ранено 37 немецко–фашистских карателей.

28 августа: в селе Медведи уничтожено волостное управление. На железнодорожной линии пущены под откос эшелон с войсками противника и эшелон с продовольствием.

2 сентября: совместно с другим отрядом бой с гарнизоном противника в селе Акуличи. Уничтожены 13 врагов, захвачены станковый пулемет, миномет, винтовки, мины и патроны.

2 октября: уничтожен немецкий бронепоезд.

С 25 по 28 октября: совместный с другими партизанскими отрядами поход на железнодорожную станцию Белынковичи. Взорвано 75 метров железнодорожных путей, уничтожено 75 фашистов.

12 декабря: взорван железнодорожный мост…

И так — все лето, всю осень, большую половину последовавшей за нею зимы 1943 года. Сначала в Белоруссии: Могилевская область, Гомельская, Полесье. Потом Черниговщина на Украине. А напоследок, в середине января, отряд Зебницкого перекочевал и продолжал сражаться до самого воссоединения с частями Красной Армии в Клетнянских лесах Орловской области, в России.

Он кочевал все время, непрерывно: для этого, в отличие от местных, коренных партизанских сил и создавались диверсионно–разведывательные группы и отряды особого назначения. Но если местным, коренным, приходилось действовать в привычной, давно известной им обстановке, то для кочевников–особистов каждый новый день являлся в полном смысле слова темным пятном. Где им придется быть завтра? Что их там ожидает? С какими силами противника доведется встретиться? Короткие приказы, поступавшие по радио, не могли ответить ни на один из этих вопросов, а приказ надо немедленно выполнять. И люди, зачастую до предела измотанные в предыдущих боях, покидали только-только обжитое место, чтобы завтра, а может быть, и

нынешней ночью опять вступить в бой.

Но покидали не густой лес, не глухую полянку, заросшую диким кустарником, какою была их стоянка всего лишь неделю–две назад. Уходили, оставляя вместо себя боевую партизанскую смену, и эта смена продолжала дальше бить врага. Так было и в Старо–Быховском районе Могилевской области, где группа Николая Зебницкого создала и вооружила местный партизанский отряд Лебедева из шестидесяти двух человек. И в Пропойском районе, на левом берегу реки Сож, где семь бойцов Зебницкого во главе с чекистом Волонцевичем организовали партизанский отряд Ивана Стефаненко, вскоре выросший до шестидесяти семи человек. И в Хотимском районе, где особисты Зубкевич и Бернштейн по заданию Зебницкого сколотили и повели в бой новый отряд из тридцати восьми человек.

Неудержимо росла, набиралась сил и сама группа Николая Васильевича.

Если весной, в конце апреля, при переходе линии фронта в ней было лишь сорок три человека, вооруженных пятью автоматами и винтовками, то к концу года отряд особого назначения уже насчитывал в своих рядах 215 человек, оснащенных трофейными и отечественными автоматами, ручными и станковыми пулеметами, минометами и добрым запасом патронов и мин.

Суровая зима несла с собой новые тяготы и испытания, но Николай Зебницкий сумел заблаговременно подготовиться к ним. Нужны были лыжи для стремительных бросков по глубокому снежному покрову — ив отряде появилась лыжная мастерская. За лето и осень износилась, истрепалась обувь. Начали сами катать удобные, теплые, легкие валенки из отбитой у фашистов овечьей шерсти. Во время налета на вражеский гарнизон захватили склад с льняным полотном, подготовленным к отправке в Германию, — и женщины–партизанки стали шить из него белье для бойцов, маскировочные халаты для лыжников–диверсантов. Не хватало хлеба — сумели и походную пекарню организовать!

Редко, очень редко обращался Зебницкий по радио на Большую землю с просьбами перебросить в отряд на самолетах что-либо наиболее необходимое из снаряжения и медикаментов. Зато сам регулярно сообщал все новые и новые разведывательные данные, имевшие неоценимое значение для Красной Армии, готовившейся к сокрушительным ударам по врагу.

«В Речице, — сообщал он, — на территории гвоздильного завода, на восточной окраине по улице Десятого Октября, справа в бывших складах «Заготзерно» размещены немецкие склады с боеприпасами и обмундированием. Пять складов деревянных,

один каменный. Слева в каменной двухэтажной школе живет офицерский состав, сорок человек. На юг от него, в трехэтажном каменном общежитии, тоже обмундирование и боеприпасы…»

Можно ли требовать более точных ориентиров для бомбовых ударов советских самолетов? И на рассвете вражеские склады, боеприпасы, не чаявшие беды гитлеровские офицеры вместе с общежитием взлетают на воздух!

А отряд уже опять продолжает путь: все дальше и дальше в глубь оккупированной территории, от села к селу, от гарнизона к гарнизону…

В селе Новая Вуда Костюковичского района на Могилевщине особенно свирепствовал вражеский гарнизон. Выслуживаясь перед своими хозяевами, гитлеровские холуи во главе с местным бургомистром свозили в село из окрестных деревень награбленный у населения хлеб, сгоняли для отправки в Германию, на каторжные работы, деревенскую молодежь. Решив покончить с этим паучьим гнездом, Зебницкий сам повел бойцов на разгром гарнизона. Камня на камне не оставили партизаны от волостного управления, уничтожили и бургомистра, а захваченный в складах хлеб роздали тем, у кого он был награблен.

Озлобленные и напуганные размахом партизанского движения, немцы согнали в тюрьму, в село Василевичи, девяносто заложников, решив «в целях устрашения» расстрелять их всех — и женщин, и стариков, и детей. Но дьявольскому этому замыслу не суждено было осуществиться: в ночь перед расстрелом отряд Николая Васильевича разгромил гитлеровский гарнизон и спас от неминуемой смерти всех до единого заложников.

В селе Яновка фашисты организовали «показательное» немецкое хозяйство во главе с бауэром–помещиком. Вчерашних советских колхозников заставляли из-под палки за жалкие крохи трудиться на оккупантов. Партизаны Зебницкого решили внести свою «поправку» в это гитлеровское «нововведение»: семерых тамошних немцев из охраны перебили, тракторы уничтожили, запасы бензина сожгли, а пять тонн награбленного для отправки в Германию хлеба раздали крестьянам окрестных деревень!

…Труден был путь партизанского отряда особого назначения по глубоким гитлеровским тылам. Много бесценных могил оставил он на своем пути. Смертью героя погиб первый его командир Павел Павлович Кочуевский. Пали в жестоких боях с противником командир подразделения Полюшкин, рядовые бойцы Бездетный, Рябинин, Меркачев, юный радист Рядыкин.

Но несгибаемым, полным сил вывел окрепший и выросший, овеянный боевой славой отряд на соединение с частями Красной

Армии новый его командир — бывший комиссар диверсионно–разведывательной группы, Герой Советского Союза Николай Васильевич Зебницкий. Вывел, себя не щадя в сражениях не ради славы, а ради нашей великой победы над ненавистным врагом.

В. Хазанский
ВО ГЛАВЕ ЮНЫХ ПОДПОЛЬЩИКОВ

Всего год проработала Фруза Зенькова на швейной фабрике, и ее в числе лучших работниц дирекция направила учиться в швейно–текстильный техникум.

В день первого экзамена в техникуме на Витебск упали первые бомбы.

После неудачной попытки перейти через линию фронта Фруза вынуждена была вернуться к своим родителям в деревню Ушалы Сиротинского района. Девушку удивила неестественная для тех дней деревенская тишина. В ушах все еще звенели страшные взрывы, крики раненых, плач женщин и детей на дорогах, перед глазами стояли картины жутких разрушений, а тут, в Ушалах, с трех сторон окруженных густым сосновым лесом, было тихо и спокойно. Врагу, который рассчитывал на молниеносную победу и всеми силами рвался на восток, было не до этой маленькой деревни.

Тишина угнетала Фрузу. О чем думают, как собираются жить ее односельчане в фашистской кабале? Почему затаилась, притихла молодежь? Неужели склонила голову перед оккупантами? Тяжелые думы мучили девушку.

Тревожные вести приходили из Оболи, расположенной в пяти–шести километрах от Ушалов. Там, в станционном поселке, разместился фашистский гарнизон. Там оккупанты усиленно вводили свой «новый порядок»: за малейшее неповиновение расстреливали и вешали советских людей.

А вскоре и Ушалы перестали быть тихим островком. Неделю спустя после возвращения домой Фрузы тишину деревни нарушил гул автомашин и мотоциклов. Сюда на добычу приехал из Оболи отряд фашистских солдат. Гитлеровцы врывались в дома, забирали хлеб, овощи, выгоняли из хлевов скот. Потом последовали новые грабительские набеги фашистов.

«Неужели мы будем спокойно смотреть, как безнаказанно хозяйничают враги? — Обида и гнев душили Фрузу. — Нет, так жить нельзя! Нужно бороться и мстить! Но как? Как и с чего начинать борьбу?»

* * *

Просторную комнату освещает небольшая керосиновая

лампа, подвешенная к потолку. Бледные блики падают на лица парней и девушек, которые сидят на скамьях вдоль стен. У порога вспыхивают и гаснут огоньки самокруток.

Играет гармонь. Но никто не танцует. Некоторые о чем-то тихо разговаривают, другие задумчиво молчат. И все-таки молодежь не спешит расходиться. Да и сама хозяйка дома, Фруза Зенькова, старается, чтобы парни и девушки погостили подольше.

Была одна причина, которая заставила Фрузу пригласить молодежь. Брат Николай сказал ей однажды, что на вечеринку придет один человек, который может рассказать много интересных новостей.

Так и произошло. Во время вечеринки Николай пришел домой не один. Фруза, возможно, и не придала бы особого значения приходу нового человека, если бы не предупреждение Николая. Вскоре незнакомец попросил внимания. Все умолкли. Он вышел на середину комнаты и стал рассказывать о разгроме гитлеровцев под Москвой. Парни и девушки слушали, затаив дыхание. Их лица сияли радостью.

В следующее воскресенье он появился вновь. И Фруза познакомилась с ним ближе. По его просьбе она тихо передала самым надежным комсомольцам, чтобы они задержались после вечеринки. И он снова рассказал им о последних событиях на фронте, о героической борьбе Красной Армии, о развертывающейся партизанской войне. Перед уходом он попросил Фрузу выяснить думы и настроения жителей, узнать, кто пошел служить к фашистам.

— Это — поручение подпольного райкома партии, — сказал он, прощаясь.

Поручение райкома! Значит, райком партии существует, работает!

Подпольный Сиротинский райком партии с первых дней оккупации развернул кипучую деятельность. Находясь в Шашанских лесах, невдалеке от Оболи, райком партии через надежных и проверенных людей начал собирать силы на борьбу с врагом, развернул работу по созданию партизанского отряда и подпольных организаций. Одним из таких людей, которые действовали по заданию партии, был и тот, кто захаживал на вечеринки в Ушалы, — бывший ученик и секретарь комсомольской организации обольской средней школы, потом студент института, а затем офицер Красной Армии коммунист Борис Кириллович Маркиянов.

* * *

Зеленым ковром покрылась земля. Яркой листвой оделись деревья. Пришла весна 1942 года. В лес к партизанам ушел брат Фрузы Николай, ушли многие односельчане. Но тот, кто тайно приходил когда-то на вечеринки и от имени подпольного райкома партии давал поручения, приказывал ей пока что сидеть дома. Сам он редко теперь заглядывал в Ушалы. От него приходили посыльные к Фрузе и передавали ей, как и раньше, задания по сбору разных сведений.

Комсомолка аккуратно выполняла эти задания, хотя ей хотелось в отряд, хотелось участвовать в настоящих боевых делах. О своем желании она часто говорила связным.

Но место ее борьбы было уже определено райкомом партии и комиссаром партизанского отряда Маркияновым. Не напрасно он так долго проверял и испытывал на деле комсомолку.

Однажды поздней апрельской ночью Фруза проснулась от тихого настойчивого стука в окно. Это был условный стук связных, и девушка бросилась открывать двери. На этот раз на пороге стоял не связной, а сам Маркиянов.

— Наконец-то! — произнесла с облегчением Фруза. — Теперь я пойду в лес вместе с вами!

Маркиянов прошелся по комнате, немного помолчал, а потом твердо сказал:

— Нет, Фруза, не за тобой я пришел. И вообще в отряд ты не пойдешь. Ты нам нужна здесь.

И комиссар рассказал, что по решению райкома партии в районе Оболи должна быть создана подпольная комсомольская организация. Руководителем подпольщиков назначается она, Фруза Зенькова.

«Руководителем подпольщиков? Почему именно она? Справится ли?»

* * *

Темная августовская ночь. За печью затянул свою однообразную песню сверчок. Фрузе не спится. Одолевают разные думы. О многом приходится теперь думать: она в ответе за всех, за большое общее дело.

Она и раньше замечала, что местные девушки и парни прислушиваются к ее слову, тянутся к ней. Дед Герасим, самый старый человек в деревне, как-то в шутку сказал ей: «Тебе бы, Фрузка, хлопцем родиться. Вот бы верховодила!»

Эх, дедушка Герасим, знаешь ли ты, как это нелегко — верховодить! Тебя вроде и слушаются, каждый твой приказ без

заминки выполняют. А вот в сердцах ребят она чует недовольство. Володя Езовитов, тот прямо вчера высказался:

— Что-то мы вроде гончих. Приглядываемся, принюхиваемся, а бить по зверю будет дядя.

Остальные ребята промолчали, но во взглядах их затаилось сочувствие Володиным словам.

— Выражайся ясней, — не выдержала Фруза, — я знаю, думаешь: девчонка… Разве у нее хватит смелости повести на настоящее дело… Ведь так?

Володя не ответил. Но ни он и никто из ребят так не думал. Слишком свежа в памяти была история, которая произошла две недели назад на шоссе Витебск — Полоцк, история, инициатором которой была Фруза.

Накануне им выдали наганы, как личное оружие. И вот Фруза предложила произвести «пристрелку» наганов. Она выбрала троих, самых смелых — Володю и Илью Езовитовых и Марию Дементьеву, привела их в кустарник возле шоссе и организовала засаду. Огонь открыли по первой же машине, которая шла, набитая гитлеровцами. Вреда врагу не причинили, а сами едва унесли ноги, когда немцы, остановив машину, бросились окружать кустарник.

Крепко тогда досталось от комиссара. Но и она сама поняла, что нельзя напрасно рисковать, растрачивать силы и энергию на мелочи.

И все-таки нетерпение ребят она понимает. У них уже есть тол, мины, оружие. А им все говорят: не спешите, подождите. Когда же им поручат настоящие, боевые дела?

Ее размышления прервал осторожный стук в окно. Фруза насторожилась. Стук повторился. Что случилось? В том, что это пришел связной партизан, Фруза не сомневалась. Но почему домой? В последнее время с целью предосторожности все задания оставлялись под валуном, возле маяка, который комсомольцы прозвали «партизанским дубком». Значит, что-то важное.

Внимательно слушает она короткий и четкий приказ. И с каждым словом связного Фрузу охватывает все большее волнение. Наконец-то! Как долго и как нетерпеливо она и ее товарищи ждали этого дня! И вот приказ: им поручают на шоссе Витебск — Полоцк уничтожить мост.

— Партизанам стало известно, что этими днями по шоссе пройдут колонны автомашин с важным военным грузом, — сообщила Фруза, собрав возле маяка членов комитета. — Мы должны задержать немецкий транспорт. А когда у взорванного и сожженного моста соберется много машин, ударят партизаны. Действовать надо осторожно, чтобы не выдать себя и не

провалить весь план. Это же наше первое боевое задание.

Вечером, когда стемнело, пятеро комсомольцев собрались в кустарнике недалеко от деревни Зуи.

— Пошли. Пробираться будем друг за другом, на небольшом расстоянии, — говорит Фруза.

Первым на знакомую тропу вышел Володя Езовитов. Прошел несколько метров, осмотрелся, прислушался. Вокруг тишина. Наполовину прикрытая тучей, едва серебрила полевую дорогу луна.

За Володей шли Женя и Илья Езовитовы, Федя Слышанков. Замыкала шествие Фруза. Комсомольцы обошли болото, пригнувшись, пошли по топкому лугу. Вот и Ловжанский ров. Еще несколько десятков шагов — и смельчаки у реки. Над головой огромной крышей чернел настил моста. Мост охранялся. Действовать надо было очень осторожно и смело.

Володя и Федя тихо пробрались под мост, облили керосином несколько бревен, заложили мину замедленного действия. Почти одновременно вспыхнули два огонька, которые через мгновение разрослись в багровое пламя.

Комсомольцы бегут через ров, переходят вброд речку и останавливаются только в кустарнике возле Зуев. Здесь они чувствуют себя в безопасности.

— Горит! — любуется огромным пламенем Володя.

Затаив дыхание, все молча следят за пылающим мостом.

И вот взрыв! Мост рухнул. Фруза всматривается в лица друзей, но в темноте они кажутся одинаковыми. Девушке хочется узнать, о чем думают комсомольцы теперь, после своей первой диверсии.

— А все же жаль, — неожиданно, будто рассуждая вслух, говорит Федя. — Красивый был мост! Строили всей деревней…

— Ну и ошалеют же фашисты! — воскликнул Женя.

Фашисты действительно ошалели от неожиданного удара.

По приказу коменданта к месту пожара и взрыва была послана специальная команда. Но спасти мост уже было нельзя. Ничего не дали и поиски диверсантов.

Так начались будни комсомольского подполья, полные борьбы, риска, дерзости.

Как-то Нина Азолина, работавшая в комендатуре, сообщила, что из Витебска приехал какой-то важный чиновник, зондерфюрер Карл Борман, который интересуется действиями партизан.

— Завтра он возвращается назад, — сказала Нина.

— Видимо, готовится карательная экспедиция, — мелькнула догадка у Фрузы.

— Может, он, этот зондер, что-нибудь важное везет. Нельзя ему дать вернуться, — сказал Володя Езовитов.

Он вопросительно посмотрел на Фрузу. А она несколько минут молчала, раздумывая над Володиным предложением, потом, раздельно произнося слова, проговорила:

— Хорошо. Действуй! Только будь осторожен.

Теперь она знала, на что способен этот находчивый парень. Ему можно поручить самое смелое, самое рискованное дело.

Ночью Володя незаметно пробрался через окно в сарай, где стояла автомашина приезжего фашиста, подложил мину замедленного действия под сиденье. И утром, едва только блестящий «оппель–капитан» выехал за Оболь, машина вместе с зондерфюрером и тремя офицерами, которые его сопровождали, была разнесена взрывом мины.

Комсомольцы заметили, что все воинские эшелоны подолгу стояли на станции Оболь. Здесь заправляли паровозы водой. Это было не случайно: на перегоне Полоцк — Витебск партизаны уничтожили все водокачки. Обольская была единственная уцелевшая. Сообщили об этом в партизанский отряд и получили приказ уничтожить водокачку.

В отряде изготовили специальную толовую шашку в виде куска антрацита и переправили ее Фрузе.

Кому же поручить эту операцию? Ведь пробраться к водокачке нелегко. Она охранялась днем и ночью.

Фруза собрала товарищей, чтобы посоветоваться с ними, вместе продумать план диверсии.

— Я возьмусь, — после недолгого размышления сказала Нина Азолина, — мне это удастся сделать легче, чем кому-нибудь другому.

— Правильно, — одобрила Фруза. — Как-никак Нина работает в комендатуре, ее знает охрана.

На следующий день, размахивая кожаной сумочкой, Нина отправилась вместе с помощником коменданта лейтенантом Миллером замерять запасы угля у водокачки и, выбрав удачный момент, бросила толовую шашку в груду угля.

Через два дня водокачка взлетела на воздух. Целую неделю, пока устанавливали временный насос, паровозы заправлялись водой ведрами. Много эшелонов, спешивших к фронту, надолго застряло на станции.

Однажды комиссар отряда предупредил Фрузу о своем приходе и приказал в определенное время собрать комитет. Комсомольцы поняли, что на этот раз их ждет какое-то важное задание. И они не ошиблись.

— Как вы думаете, — начал Маркиянов, — какие

предприятия Оболи работают на врага?

— Льнозавод, кирпичный! — раздались голоса.

— Правильно. На Обольский льнозавод поступает лен не только из Витебщины, но и из Смоленщины. А что такое лен? Это же стратегическое сырье. А знаете, куда идет кирпич? На строительство укреплений! Вы раньше били по военным целям, — говорил комиссар, — а теперь придется ударить и по этим, будто бы мирным, объектам. Уничтожить нужно и электростанцию, которая обеспечивает энергией гарнизон, железнодорожный узел, а также вывести из строя технику торфозавода. По–моему, ударить лучше всего одновременно.

Предложение комиссара зажгло подпольщиков. Тщательно и детально продумали они план каждой операции.

Наступило 3 августа 1943 года. Рано утром, едва только проснулась деревня, Фруза вышла из дому. Прошла метров двадцать проселочной дорогой и оглянулась. У порога стояла мать, провожая ее тревожным взглядом.

Фруза помахала рукой и как-то озорно улыбнулась. Эта улыбка словно говорила: «Ну, что ты, мама, тревожишься? Ведь не в первый раз и, будь уверена, не в последний»…

Да, Марфа Александровна хорошо помнит, как, так же озорно улыбнувшись ей на прощание, шла Фруза обольским большаком, неся в деревенской кошелке буханку хлеба, бутылку молока и два детских платьица. В той буханке был вырезан мякиш и заложена спецмина для взрыва водокачки. И еще несколько раз ее дочь носила в обольский гарнизон мины в хлебе. Вот и на днях — для Ильи Езовитова.

И хотя все обошлось хорошо, материнское сердце не обманешь: на очень большой риск идет Фруза.

Но, волнуясь за дочь, старая колхозница и не подозревала, что беда была почти уже рядом. Это случилось в тот первый раз, когда Фруза несла мину для взрыва водокачки. На большаке она наткнулась тогда на немецкий патруль. Предупредив возможный обыск, девушка поспешила объяснить: «Майн фатер арбайт станция Оболь. Вот я ему и несу обед». Один из немцев ткнул пальцем в кошелку и, наткнувшись на платьица, только заметил: «Кляйне киндер, паненка». «Так, кляйне киндер, пан офицер!» — поддакнула Фруза.

Опасности тогда удалось избежать. Но теперь, когда надо было пронести сразу три мины, Фруза решительно отвергла прежний способ доставки. Она придумала нечто совсем новое и остроумное. Кому это придет в голову, что на дне бидона с молоком лежат завернутые в клеенку мины? И кто это догадается, что в нижнем конце цветного платка, которым покрыта ее голова,

увязаны небольшие капсюли для этих мин? Чтобы к ней привыкли, несколько дней подряд она носила продавать молоко на немецкую кухню, несколько дней прохаживалась с бидонами почти до самых Зуев. Все обходилось благополучно.

Теперь она шла по большаку, деланно улыбаясь проходившим мимо немцам, отвешивая поклоны знакомым полицаям. Без происшествий прошла Мостище. Вот и Зуи. До дома Володи Езовитова остались считанные метры.

И вдруг… Перерезая деревенскую тишину, раздался отчаянный свист. А следом грубый окрик:

— Эй, что несешь? Иди сюда!

Тревожно сжалось сердце девушки, когда она увидела пьяного рыжего полицая Трофимова и его брата, которые прослыли на всю округу как самые бесстыдные мародеры.

Фруза сделала независимый вид и пыталась пройти мимо.

— Сто–о-ой! Стой, говорю. — Полицай бросился ей наперерез.

— Чего тебе, Михась? — с наигранным спокойствием спросила Фруза. — Разве не видишь? Несу молоко.

— Эге! Не вижу… Мне в самый раз горло промочить после похмелья. Ну, давай! — Рыжий лапищей схватился за ручку бидона.

«Неужели попалась? — Фруза оглянулась вокруг, сзади приближался немецкий офицер. — Что делать?»

И вдруг возникла дерзкая мысль, Фруза что есть силы закричала:

— Господин офицер! Спасите, грабят!

Офицер набросился на девушку:

— Чего кричишь, дура!

— Господин офицер. Я несу немецким солдатам гостинец, а они отбирают.

Офицер подошел ближе, приподнял крышку бидончика.

— О–о, мильх немецкий зольдат. Зер гут, — и, повернувшись к полицаям, крикнул: — Пшоль вон!

Не ускоряя шага, Фруза неторопливо пошла по улице, завернула за первый же угол. Переждала, пока ушли полицаи. Затем вернулась назад и прошмыгнула в сени дома Езовитовых.

— Если бы офицер не выручил, я бы этих гадов укокошил. Из окна бы их уложил, — сказал Володя, едва дав Фрузе отдышаться.

— Скажешь… — Видя, как горят от возбуждения глаза парня, Фрузе на этот раз не хотелось распекать его за горячность и несдержанность. «Все-таки он замечательный хлопец», — подумала она с нежностью, а вслух сказала:

— Одну мину спрячь. Пусть будет про запас. Сходи к Нине.

Будешь с ней дежурить возле льнозавода. В случае чего — предупредите. А я малость отдохну.

Из дома она вышла без четверти пять. За пять минут до гудка уже была у ворот завода. Не задерживаясь, свернула на узкую стежку, что вела к покосившейся деревянной уборной. Уборная стояла в конце заводской ограды. Поэтому ею пользовались как заводские, так и посторонние.

Едва Фруза прикрыла за собой дверь, как следом прошмыгнула Зина Лузгина.

— Быстрей давай, рабочие уже расходятся, — торопит она, нетерпеливо поглядывая назад через щелку дверей.

Минута — и две мины замедленного действия, каждая размером с портсигар, спрятаны в одежде работницы.

Фруза, а чуть поодаль Нина Азолина и Володя Езовитов смешались с толпой выходящих через ворота рабочих. Вскоре у проходной показалась и Зина. Она неторопливо вместе с рабочими прошла мимо часового.

Метров через сто с ней поравнялась Фруза.

— Заложила в сушилку, — говорит, чуть волнуясь, Зина.

— Никто не видел?

— Переждала, пока все рабочие вышли. А вот выходя, наскочила в дверях на охранника. Не заметил ли он чего?

Они ускоряют шаг, сворачивают с проселочной дороги на узкую полевую стежку. И вдруг… Взрыв потряс окрестность. В стороне льнозавода вспыхивает огромное пламя. Оно охватывает и электростанцию. Удивленные подруги переглянулись: чека была поставлена на сорок минут, а прошло едва двадцать. Не знали девчата, что температура в сушилке в два раза выше той, на какую была рассчитана мина.

Заметались фашисты, стремясь найти следы диверсантов. Но едва они пришли в себя, как грянул второй взрыв. Это сработала мина, заложенная Ильей Езовитовым в машинном отделении кирпичного завода…

Двадцать одну крупную диверсию совершили юные подпольщики. И каждая из них наполняла сердце Фрузы Зеньковой необыкновенной гордостью. Это ее друзья, небольшая горсточка смелых и мужественных парней и девчат, бросили дерзкий вызов фашистскому гарнизону Оболи. И хотя силы были явно неравными, комсомольцы не раз выходили победителями.

* * *

На квартиру к Ефросинье Савельевне Зеньковой мы пришли

вечером, когда над городом спустились сумерки. В полумраке большой комнаты мягкий оранжевый свет электрической лампы заливал небольшой столик. На нем несколько густо исписанных листков. Рядом авторучка.

Нетрудно было догадаться, что мы оторвали хозяйку от писем. Мы знаем, что у Ефросиньи Савельевны много корреспондентов, что она отвечает каждому, кто обращается к ней с вопросом или шлет добрые пожелания.

Не много осталось в живых бывших подпольщиков Оболи. В Минске на одном из заводов трудится Илья Езовитов. В соседней от Оболи леоновской школе преподавателем трудового обучения работает Аркадий Барбашев. Сама Фруза Зенькова живет в Витебске, работает в горвоенкомате. Но старая, горячая дружба, выросшая и окрепшая в огне борьбы, не утеряна, хотя и встречаются они редко.

За последние годы они встретились дважды, и оба раза не без причины. В первый раз их собрали вместе, чтобы вручить за мужество и героизм, проявленные в борьбе с фашистскими захватчиками, высокие правительственные награды. Грудь бывшего вожака обольских юных подпольщиков украсила «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

Второй раз они встретились на заседании Витебского областного суда по делу предателя Михаила Гречухина, который раскрыл врагу тайну Обольского подполья. Как ни прятался, как ни скрывался этот выродок, его нашли и разоблачили. За свое предательство он понес суровое наказание.

…Наше внимание привлекла большая фотокарточка в рамке.

— Это тоже ваши товарищи — подпольщики? — спрашиваем мы Ефросинью Савельевну.

— Это моя послевоенная семья, — говорит хозяйка.

И это правда. Мария, Рая, Николай — дети дяди, Родиона Зенькова, убитого фашистами, — пришли в дом к Ефросинье Савельевне совсем малышами. А она помогла им окончить школу ФЗО и ремесленное училище. Приобрести профессии.

А рядом с ними — невысокая белокурая девушка. Очень напоминает она Марию Дементьеву. Это и есть ее младшая сестра, Валя. После гибели в партизанском отряде Марии и Нади Дементьевых и их матери Анны Андреевны Фруза взяла на некоторое время маленькую Валю к себе.

У настоящего бойца, который борется за великое и правое дело, не только твердая воля, мужество и отвага, но и большое и доброе сердце. У бесстрашного вожака обольских подпольщиков сердце отзывчивое, доброе и благородное.

Н. Масолов
БОЛЬШЕВИК С ПУТИЛОВСКОГО

Василию Зиновьеву было шестнадцать лет, когда пришла горестная весть: умер Ленин. В лютую январскую стужу провожала страна в последний путь любимого вождя. Труженики города и деревни теснее смыкали ряды вокруг ленинской партии. Люди думали об одном: все силы отдать укреплению созданной Лениным страны Советов.

Тогда комсомолец Зиновьев и решил: он встанет к станку!

Перед тверским пареньком распахнул свои ворота ленинградский завод «Красный путиловец». И они понравились друг другу — старый завод и молодой рабочий. Первый был хорошим учителем, второй — прилежным учеником. Зиновьев стал не просто отменным пилорубом, но одним из тех, кто ведет за собой, кем всегда гордилась старая гвардия путиловцев, — солдатом великой революции.

«Красный путиловец» двадцатых годов… Он уже тогда был олицетворением союза мозолистых рук — союза серпа и молота. Из его цехов пришли в деревню первые тракторы, приехали в донские казачьи хутора, в таежные сибирские села люди, подобные шолоховскому Давыдову.

В начале тридцатых годов путиловцы направили на работу в деревню и коммуниста Василия Зиновьева.

Так в совхозе «Искра» на Псковщине появился новый директор. До Зиновьева на этом посту сменилось несколько человек. Увидев на ферме молодого горожанина во френче и с портупеей через плечо, один из сельских дедков съязвил:

— Ишь ты, шкета какого прислали. Ну, этот и месяца не продержится.

Но «шкет» оказался упорным, прижился быстро и твердой рукой начал наводить порядок. Совхоз пошел в гору. А через два года «Искру» было не узнать… В золотом пшеничном разливе поля. Богатые фермы. Дружные, работающие с перспективой и верой в будущее люди.

В 1940 году трудящиеся Дновского района избрали Василия Ивановича Зиновьева председателем своего райисполкома.

«Только без паники!»

К небольшому лесному озерку Зиновьев добрался, когда в

небе зябко догорали последние звезды. Молочный туман отступал медленно, упорно цепляясь за камыши, окружавшие невысокой стеной тихие плесы.

Василий Иванович с большой охотой приезжал в этот живописный уголок. Он любил, затаившись на лодке у выступа тростника, слушать, как тревожно покрякивают старые утки, напоминая разыгравшимся среди кувшинок и лилий утятам о возможной беде; с замиранием сердца следить, как поблизости от поплавков его удочек дают о себе знать глухими всплесками огромные лещи и язи — хозяева здешних вод.

Однако приезжал сюда Зиновьев редко — не пускали «председательские дела, дороги», как шутливо говорил он друзьям. А их было немало — и дел, и дорог.

Но вчера Василий Иванович решил твердо: в воскресное утро 22 июня — рыбалка. Уходя на работу, он заговорщически шепнул жене:

— Вечером, Тоня, махну на озеро. Ты уж, пожалуйста, приготовь мне чего-нибудь с собой.

В дороге, довольный тем, что наконец отрешился от всех срочных и несрочных дел, Зиновьев вполголоса напевал:

Ревела буря, дождь шумел…

Шофер посмеивался:

— Ох, Василий Иванович, накличете вы дождину. А он ни к чему. На полях благодать-то какая. Воздух точно медом настоянный.

Возвращались с рыбалки во второй половине дня. На полпути на деревенской околице шофер притормозил:

— Василий Иванович, случилось что-то. Смотрите-ка: мужики собрались, как на сходку. Один что-то доказывает, ишь как руками машет.

Зиновьев скинул дрему и вылез из машины. Навстречу из толпы вышел знакомый колхозный бригадир.

— Что тут у вас, Демьяныч, стряслось?

— Василий Иванович, так война же!..

— Вот и разразилась буря, — сказал он не то себе, не то шоферу.

В здании райисполкома первым, кто попался на глаза председателю, была секретарь райсовета Лиза Паклинская. Девушка воскликнула:

— Наконец-то! А я уж не знала, куда еще гонцов посылать.

— Худо получилось, Лиза.

— Ну что вы, Василий Иванович. Кто мог предвидеть такое?

— Все равно худо, — мобилизация в районе началась без председателя райисполкома! Куда это годится! Будь добра, соедини меня с военкомом.

Через полчаса кабинет председателя наполнился людьми…

Опасность, даже самая близкая, оставляет время подумать и что-то предпринять. Дновские коммунисты умело воспользовались этим временем: создали истребительный батальон, организовали работу восстановительного поезда, напряженную деятельность паровозного депо. И ко всему этому приложил руки Зиновьев. Действовал Василий Иванович решительно, энергично, бесстрашно. В первую же бомбежку появился на железнодорожных путях. Растерявшиеся путейцы услышали негромкое, но твердое:

— Только без паники, товарищи!

Через полчаса плотная председательская фигура в полувоенном френче, туго перетянутом командирским ремнем, уже мелькала в районе крушения воинского эшелона. Взрывной волной сбросило с полотна железной дороги несколько вагонов. Два из них горели. Неожиданно пламя перекинулось на эшелон, стоявший рядом.

Кто-то крикнул:

— В вагонах снаряды!

Беженцы и молодые, необстрелянные красноармейцы, давя друг друга, бросились к пристанционной каменной постройке. Зиновьев метнулся наперерез. Схватил бежавшего впереди толпы бойца. У того с трясущихся, шлепающих губ, как горошины, сыпались слова:

— Взрыв… Там… Взрыв…

— Ты что, осовел от страха? — Василий Иванович тряхнул парня и, уже обращаясь к остальным, крикнул: —Размялись — и хватит. Теперь — задний ход, да побыстрее! Никакого взрыва не будет!

Подоспевшие командиры помогли прекратить панику. Дружными усилиями огонь потушили, вагоны со снарядами вручную откатили на главный путь. Вскоре эшелоны тронулись. Комендант одного из них, майор с седыми висками, на прощанье предложил:

— Давайте с нами, Василий Иванович. На фронте такие, как вы, нужны.

Зиновьев отшутился:

— И рад бы в рай, да дела не пускают.

А дел становилось все больше и больше. В первых числах

июля поток беженцев через Дно усилился. Враг занял город Остров, бои велись уже на рубеже реки Великой. Люди теперь шли без конца и края. Много было раненых.

Эту массу людей нужно было рассредоточить, накормить, а главное — отправить дальше, на восток. Пришлось эвакуировать и семью — жену, дочурку Таню и полуторагодовалого Вовку. Собирались наспех, с собой, кроме еды и самого необходимого, ничего не взяли. Когда раздался короткий гудок паровоза и эшелон тронулся, Василию Ивановичу вспомнился вдруг далекий 1923 год…

…Был такой же, как и сегодня, теплый летний вечер. В крайней избе деревни Глебени собрались сельские комсомольцы. Ячейка принимала его в комсомол. Волновался здорово, а тут еще эта красивая и бойкая Тонька Суворова хихикнула: «Девчата, голосуйте за, у парня не глаза, а синь небесная…»

И вот теперь Тоня, давно уже ставшая близким и дорогим человеком, мать его детей, уехала в неизвестность…

9 июля 1941 года фашистские самолеты вновь бомбили Дно. Одна из бомб угодила в магазин. Погибло много женщин и детей.

В этот день Зиновьев отдал приказ об эвакуации документов и банковских ценностей.

В городе уже была слышна отдаленная артиллерийская канонада. В эти тревожные часы в Дно приехал секретарь Ленинградского областного комитета партии Т. Ф. Штыков. Встретились в райкоме. Зиновьев доложил о подготовке к обороне города и начале эвакуации. Штыков похвалил :

— Молодцы. Не опоздали и не поторопились преждевременно. С умом все делаете. Правильно говорится, что терять можно все, кроме головы.

Пошли в депо. Дновс. кий узел имел богатое техническое оснащение. Дновцы гордились своим узлом. Теперь предстояло в короткий срок часть оборудования эвакуировать, остальное вывести из строя.

Зиновьева в депо хорошо знали. По приветливым улыбкам, по тому, как измученные беспрерывными рейсами машинисты разговаривали с председателем чрезвычайной тройки, Штыков понял: Зиновьев здесь не просто свой, но и весьма уважаемый человек. Когда вышли на пути, спросил:

— Кто помогает тебе на узле из райкомовцев?

— Тимохин. Он тут раньше работал заместителем начальника отделения паровозного хозяйства.

— Ну, а сколько, ты думаешь, тебе осталось председательствовать?

— Судя по информации командира дивизии, отступившей от

Порхова, — неделю.

— Считай, меньше. Поторопись с эвакуацией. — Штыков немного замялся. — А после в Ленинграде ждать тебя, так что ли?

Зиновьев вскинул на секретаря обкома глаза. Оба невесело улыбнулись. Помолчав немного, Василий Иванович тихо ответил:

— Терентий Фомич, не сомневайтесь: дновские коммунисты выполнят свой долг до конца.

Взрывы в ночи

Темна и звездна сентябрьская ночь. Но ночной мрак какой-то особенный, бархатистый. Может, поэтому и язычки пламени лижут охапку хвороста неторопливо, с ленцой. У небольшого неяркого костра сидят трое. Молчат. Думают. Каждый о своем. Изредка поднимают головы, прислушиваются: где-то далеко–далеко землю сотрясают взрывы.

Первым нарушает молчание Зиновьев. Он поворачивает лицо, заросшее черной окладистой бородой, в сторону взрывов и говорит Тимохину:

— Чуешь, Матвей?

— Чую. А что?

— По–моему, это — хороший ответ на вопрос ребят: «Где наша армия и что она делает?» Бомбят-то наши. — И уже мягче, успокаивающе продолжает: — Ничего, комиссар, наладится связь. Не тревожься. Не сразу, как говорится, и Москва строилась.

И опять молчат. И опять каждый свое думает.

Зиновьев, Тимохин, Селецкий. Командир. Комиссар. Парторг. Три вожака партизан–дновцев. Это они одними из первых в юго–восточных районах Ленинградской области подняли знамя борьбы против немецко–фашистских оккупантов.

Перед тем как разбить лагерь в зарослях у озера Белого, отряд партизан под командованием Зиновьева совершил большой переход из села Поддорье. Шли заболоченными лесами, болотами. Когда по скользким корягам пробирались через заросшую мхом гать, многие бойцы проваливались до пояса. Не избежал водяной купели и Тимохин — окунулся почти с головой. Зиновьев помог ему выбраться на кочку.

— Вот это по–комиссарски, — пошутил он. — Уж если нырять, так по–настоящему.

Может, и не стоило идти такой глушью. В первые месяцы войны фашисты, проникая в глубь советской территории, держались главным образом шоссейных дорог и лишь поздней осенью 1941 года начали, как клопы, расползаться вширь. Но

опыт к партизанам пришел не сразу. Да и появиться невдалеке от станции Дно Зиновьев хотел, не привлекая к себе внимания: действовать отряд должен был как диверсионный.

Первая диверсия не принесла успеха. Партизаны, отправившиеся на задание, удачно подобрались к железной дороге и заложили под полотно самодельную мину. Когда вражеский эшелон приблизился, командир диверсионной группы дернул за шнур. Хлопнул взрыв, но… поезд остался на путях. Высыпавшие из вагонов гитлеровцы обстреляли кустарник, затем приступили к ремонту. На глазах у затаившихся партизан они исправили повреждения, и эшелон двинулся по назначению.

Нахмурился Зиновьев, когда ему доложили о неудаче, но, увидев опечаленные лица бойцов, ободряюще сказал:

— Ничего. Первый блин всегда комом. Промашку дали: начинять наши «колобашки» нужно, не жалея начинки.

С тех пор в свои мины подрывники стали класть больше тола. И вскоре они записали на боевой счет отряда первый подорванный эшелон врага.

Все чаще и чаще полыхали теперь осенние ночи зарницами от взрывов и к дурманящему запаху прелых листьев примешивался едкий запах гари. Тщетно метались огненные метлы трассирующих пуль по насыпи железной дороги в поисках виновников крушений.

В Ленинградском партийном архиве хранятся документы, рассказывающие о боевых делах отряда «Дружный». Вот хроникальная запись некоторых из них:

«25 сентября 1941 года. Произведен взрыв железнодорожного полотна на участке Морино — Волот. Во время минирования уничтожена автодрезина, убито семь гитлеровцев! Задержавшийся на станции Морино в ожидании ремонта пути фашистский эшелон атакован и разгромлен нашими летчиками».

«2 октября 1941 года. Спущен под откос воинский поезд. На участке Вязье — Бокач на двое суток приостановлено движение».

«4 октября 1941 года. Подрывники отряда минировали шоссе у деревни Вельское. Подорвалось три грузовика, погибло около 30 гитлеровцев».

И так день за днем.

Однажды Василий Иванович собрал коммунистов (каждый третий в отряде был членом партии) и сказал:

— Нам, товарищи, нелегко, а населению еще горше. Не ослабляя боевой работы, мы должны резко усилить свое влияние в деревнях. Пойдемте к народу. Люди еще растеряны, напуганы, и для них даже улыбка послужит утешением.

Темными дождливыми ночами пробирались посланцы

«Дружного» огородами к крестьянским избам. Раздавался осторожный стук в окно. Хозяин встречал партизанских связных и испуганно и радостно. Начинался долгий горячий разговор.

Особенно часто таким гостем бывал в деревнях Селецкий. В прошлом комсомольский работник, знавший хорошо местные условия (Павел Васильевич работал в Дновском районе около десяти лет), секретарь райкома быстро устанавливал контакт с нужными людьми. Селецкий привлек к активней подпольной работе колхозного кузнеца деревни Быково Федора Стаценко, семью колхозника Филиппа Федорова из деревни Ботаног. Вскоре в этой же деревне удалось сколотить небольшую подпольную группу. Во главе ее стала пожилая сельская учительница Евдокия Ивановна Иванова.

А иной раз в деревнях проходили даже митинги. Собирались обычно на околице. Зиновьев влезал на ящик или стоя на крыльце говорил громким голосом:

— Вы знаете меня. Знаете и Тимохина. Мы не покинули свой район и просим вас верить нам по–прежнему, как представителям Советской власти. Фашисты брешут, что бои ведутся на улицах Ленинграда. Не видать им нашего славного города, как своих ушей. Но нельзя допускать, товарищи, чтобы здесь, в нашем районе, оккупанты чувствовали себя хозяевами. Фашисты не понимают и никогда не поймут, как дорога нам земля, где ходили за сохой и бороной прадеды и деды наши, земля, политая отцовской кровью. Не покоряйтесь ни в чем гитлеровцам! Помогайте партизанам!

После таких встреч у людей укреплялась вера в будущее, росла воля к борьбе. В зональных военных комендатурах гитлеровцев осенью 1941 года все больше и больше фиксировалось случаев исчезновения оружия, порчи средств связи, невыполнения срочных поставок сельскохозяйственных продуктов.

Протянулись крепкие нити от партизанских бивуаков и к Дновскому железнодорожному узлу, имевшему важное стратегическое значение. При эвакуации Тимохин и Зиновьев создали в Дно костяк антифашистской подпольной организации, во главе которой стояла железнодорожница Анастасия Александровна Бисениек.

В начале ноября Бисениек передала в «Дружный»: «В Дедовичах на запасных путях вторые сутки стоит под погрузкой эшелон. Охраняется очень строго. Встречайте завтра».

— Вот это кстати, — обрадовался Зиновьев, получив донесение подпольщицы. — А то безделье поднадоело. Да и праздник Великого Октября отметить нужно.

— Ну, на этот раз с группой пойду я, — поторопился «сделать заявку» Тимохин.

Посоветовавшись, решили подрыв эшелона произвести поблизости от полустанка Бокач. Рассуждали примерно так: раз эшелон очень строго охраняется на станции — значит, за ним будет вестись наблюдение и в пути. Гитлеровцы за последнее время усилили охрану лесных участков железной дороги. Прямой резон рвать полотно на открытом месте да поближе к фашистскому гарнизону. Опаснее, но зато вернее.

Ноябрьская ночь вороньим крылом укрыла пятерку отважных. На диверсию пошли Тимохин, Юра Бисениек (сын дновской подпольщицы), Сергеев, Шматов и Войчунас. В полночь были у цели. Бесшумно сняли часовых. Под стык рельсов искусно заложили заряд и, протянув шнур в кусты, залегли. На стылой земле пришлось лежать долго. По дороге прошли две контрольные дрезины, небольшой пассажирский поезд. Неожиданно вблизи засады на проселке показались три подводы с гитлеровцами. Одна из них остановилась. У партизан дух перехватило: неужели солдаты что-либо заметили? Но остановка, видимо, была случайной. Фашисты, громко разговаривая, двинулись дальше.

В конце второго часа ожидания со стороны станции Дедовичи показался большой товарный состав. Шел он на двойной тяге. Замерли подрывники. Было даже слышно, как под ватниками учащенно и гулко колотятся сердца… Когда между паровозами и миной осталось три десятка метров, Тимохин шепнул:

— Юра…

Юра Бисениек резко дернул шнур. Огненный столб взметнулся перед первым паровозом. С разбегу он ткнулся в образовавшуюся воронку. На него верхом наскочил второй. Платформы полезли друг на друга. Под откос полетели, кувыркаясь, танкетки, орудия, автомобили.

С уцелевших платформ ударили пулеметы. Били они короткими очередями, точно перекликаясь друг с другом. Но партизаны уже добрались до спасительного ельника, синевшего в пятистах метрах от места крушения.

Подрывники благополучно вернулись в отряд. Товарищи горячо поздравляли их с успехом. Обычно скупой на похвалу, Зиновьев сказал:

— Молодцы! Достойны большой награды. Теперь нам не грех и Октябрьский праздник отметить.

В ночь на 6 ноября 1941 года отряд расположился на Кряжевском хуторе. После утомительного перехода люди заснули как убитые. Засыпая, не знали, что их уже стережет беда…

Вьюжистым, холодным утром к бивуаку партизан предатель привел карателей. Более ста гитлеровцев полукольцом окружили хутор. Отряд, очевидно, погиб бы — двойной перевес у фашистов и внезапность нападения на спящих решили бы исход боя в пользу врага. Но коварный замысел сорвали бдительные часовые Павел Селецкий и Василий Власов. Заметив подозрительное движение в кустах, они подали сигнал командиру.

— В ружье! — скомандовал Зиновьев и, первым выскочив на пустырь, начал поливать свинцом бежавшие к хутору фигурки.

Каратели, не ожидавшие такого приема, залегли. Тогда Зиновьев приказал:

— Всем отходить к болоту. Со мной остается Дмитрий Федоров.

Некоторое время вели огонь вдвоем, затем Василий Иванович отослал назад и Федорова. Убедившись в том, что отряд достиг болота, Зиновьев решил попытаться спастись и сам, но вдруг с ужасом обнаружил: патронов в диске нет. Вспомнив о запасном диске, метнулся к постройке. Фашисты, заметив партизана, бросились к нему…

«Кажется, погиб… — мелькнуло в голове Зиновьева, — но дешево гадам не дамся…» Он выхватил из-за пояса нож. Неожиданно сзади раздались торопливые выстрелы, и перед бегущими к постройке карателями рванулась граната. Василий Иванович оглянулся: из-за камня стрелял Тимохин.

— Держи, командир, пистолет, а я поработаю карабином, — крикнул Тимохин как-то по–мальчишески звонко и задорно.

Так они, поддерживая друг друга прицельным огнем, и отошли рядом — командир и комиссар.

А праздник Великого Октября партизаны–дновцы все же отметили. 7 ноября 1941 года комиссар отряда поздравил всех с праздником, раздал крестьянам листовки. А потом молодежь танцевала. Хором пели советские песни. Призывно звучали слова:

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе…

«Постоим за родину–мать!»

Отряд «Дружный» входил в состав 2–й бригады. По праву он считался одним из лучших отрядов. Командование высоко ценило организаторский талант и мужество командира партизан–

дновцев. В конце 1941 года комиссар 2–й бригады С. А. Орлов отправил в Смольный письмо–донесение на имя начальника Ленинградского штаба партизанского движения М. Н. Никитина. Рассказывая о боевой деятельности бригады, он писал:

«В нашем коллективе много замечательных людей, имена которых войдут в историю. Вот, к примеру, боевой председатель Дновского райсовета Зиновьев Василий Иванович — замечательный большевик, лучший партизанский командир в нашей округе».

В начале 1942 года командование Северо–Западного фронта решило привлечь партизанские силы к большой наступательной операции. 2–я бригада получила приказ усилить диверсии на коммуникациях, объединенными отрядами напасть на вражеский гарнизон в городе Холме Калининской области, захватить город и удерживать его до подхода частей Красной Армии.

Задача была не из легких. Город расположен на открытой местности. Подходы к нему минированы. Гарнизон сильный. Стояли крепкие морозы, что тоже было не на руку партизанам.

15 января бригада приступила к операции. Двигались тремя колоннами по разным маршрутам. Только первая колонна шла держась дорог, остальные — болотами и лощинами. Совершив в таких условиях 80–километровый марш, партизаны заняли исходные рубежи.

Отряды «Дружный», «Храбрый» и отряд под командованием Горяйнова наступали с юга, вдоль реки Ловати. С большим трудом дновцам удалось перебраться через реку и ползком по глубокому снегу зайти фашистам в тыл. Впереди чернело здание льнозавода.

— Ну, кажется, мы наконец у цели, — удовлетворенно произнес Тимохин.

И вдруг справа, захлебываясь, застучал немецкий пулемет. Вслед за ним застрочили автоматы. Гитлеровский патруль заметил партизан. Медлить было нельзя.

Зиновьев поднялся во весь рост и бросился к городу. Дновцы в едином порыве устремились за командиром.

Начали атаку и другие отряды. Было это 18 января в 4 часа 10 минут.

Поле освещалось ракетами. Фашисты вели шквальный огонь из пулеметов и минометов. Справа и слева, впереди и сзади атакующих звонко лопались мины. Но партизаны, сбив заслон, уже ворвались в Холм. Началось многочасовое сражение на улицах города.

К утру партизаны разгромили комендатуру, истребили до четырехсот фашистов, захватили всю западную часть города и его

центр. Героически дрались Юра Бисениек, Павел Иванов и другие дновцы. Подобравшись к двухэтажному дому, откуда фашисты вели кинжальный пулеметный огонь, они бросили в окна здания противотанковые гранаты. Дом рухнул.

В руках гитлеровцев оставались два крупных узла сопротивления: церковь и тюрьма. Со сторожевых башен и из амбразур тюремной ограды на партизан сыпался град пуль. Советские люди, заключенные в тюрьме, разбили форточки и громко, чтобы их услышали партизаны, запели «Интернационал». И тогда вновь поднялся первым Зиновьев:

— Братцы, там нас ждут! Вперед! Постоим за Родину-мать!

Новая атака. В разгар ее Юра Бисениек заметил, что Зиновьев, бежавший впереди с ручным пулеметом в руках, вдруг остановился. Секунды две он стоял, пошатываясь то вправо, то влево, затем сделал шаг вперед и упал. Партизаны бросились к командиру, но он был уже мертв…

К гитлеровцам подошла подмога из соседних гарнизонов. Партизаны начали отход…

Ни сам Зиновьев, ни его боевые друзья не прикрепляли к его видавшему виды председательскому френчу орден с изображением великого Ленина. Звания Героя Советского Союза путиловский большевик Василий Иванович Зиновьев был удостоен посмертно. Но всю свою недолгую жизнь этот замечательный человек прожил с Лениным в сердце.

БРАТЬЯ С КУБАНИ

У них была короткая, но яркая, как вспышка молнии, жизнь.

Братья Игнатовы росли и воспитывались в годы Советской власти, с молоком матери впитали в себя все лучшее, прекрасное, чем богат великий русский народ. Их отец Петр Карпович Игнатов — старый большевик–подпольщик, активный участник Октябрьской революции в Петрограде. Мать Елена Васильевна — член партии, человек большой сердечной теплоты, верный и надежный спутник мужа–революционера, заботливый воспитатель детей.

Игнатовым пришлось немало поездить по стране. Но где бы они ни бывали, в каких бы трудных условиях ни находились, никто не жаловался на «судьбу»; их семья жила дружно, все работали с твердой верой в светлое будущее любимой Отчизны.

…Старший сын Евгений часто засиживался за учебниками. Мать не вытерпит да и скажет:

— Ты бы, Женя, отдохнул.

А он улыбнется ласковой улыбкой, ответит:

— Ничего, мамочка! Мы, уральцы, народ крепкий!

Услышит это Валентин и уж обязательно вставит слово:

— Ладно тебе хвастать-то — «уральцы»! Мы, ленинградцы, тоже не слабенькие!

Когда подрос меньшой, Гена, тоже начал откликаться:

— Мы, армавирские, не хуже других!

И пойдут у ребят смех, шутки, веселая возня — дым коромыслом! Ни в чем не желают отставать друг от друга…

Евгений называл себя «уральцем» не зря: он родился в старинном уральском городе Невьянске, куда был сослан его отец — слесарь-механик.

Накануне Великого Октября Петр Карпович вернулся в Петроград. Здесь его семья увеличилась: родился второй сын — Валентин. Было это в грозные дни революционной бури. У младшего сына, Гены, детство было более спокойным и радостным. Он ведь родился позже, когда отшумела гражданская война и страна уже мирно трудилась.

Мирно и радостно трудилась и семья Игнатовых. Но вот нагрянула черная туча войны, и Игнатовы так же дружно поднялись на защиту Родины. Евгений и Геннадий совершили бессмертный подвиг, золотыми буквами вписав свои имена в летопись великой партизанской борьбы советского народа. Валентин сражался с фашистами в Крыму. Был тяжело ранен, и от смерти его спасли партизаны, подобрав на поле боя в

бессознательном состоянии.

Ниже публикуются два материала, посвященных братьям–героям, славным советским патриотам Евгению и Геннадию Игнатовым. Автором одного очерка является их отец Петр Карпович, бывший командир партизанского отряда; второй написан известным советским писателем П. А. Павленко.

П. Игнатов,
бывший командир партизанского отряда имени братьев Игнатовых

П. Игнатов
О МОИХ СЫНОВЬЯХ–СОРАТКИКАХ

Перед началом Великой Отечественной войны мой старший сын, коммунист Евгений Игнатов, работал на краснодарском комбинате «Главмаргарин» инженером–конструктором и руководил технико–конструкторским отделом. Младший сын — комсомолец Геннадий — учился в 9–м классе средней школы, которая сейчас носит его имя.

…Нависала угроза оккупации Кубани гитлеровцами. Советские люди отправлялись на восток; туда же эшелонами эвакуировалось оборудование предприятий Краснодара. Евгений в узком кругу руководителей комбината вызвался остаться в тылу у гитлеровцев и, если они займут Кубань, разжигать народную войну против оккупантов. Поддержанный своими товарищами, Евгений пошел в горком партии. В горкоме договорились о создании партизанского отряда из передовых рабочих и интеллигенции города Краснодара.

Восемь месяцев мы тщательно подбирали людей для будущего отряда, обучали их, запасались всем необходимым для борьбы с фашистами. И когда гитлеровцы подходили к Краснодару, наш отряд, окончательно сформированный, ушел в леса.

Остановленные на перевалах у Новороссийска, фашисты стали искать проходы через горы в тыл Красной Армии. У партизан Кубани была задача: помогать воинам армии и морякам, запирать проходы через горы Кавказского хребта к Черноморью, расстраивать движение на вражеских коммуникациях.

Мы нападали на автоколонны гитлеровцев, используя тактику прошлых партизанских войн. Маленькая группа партизан наносила стремительные внезапные огневые удары крупным силам врага, шедшим в автоколонне к фронту.

При отходе из Краснодара армейские саперы взорвали все

мосты на Кубани и на реке Афипс, в водоразделе которой мы, в основном, воевали. Гитлеровцы принимали меры для восстановления мостов, но партизаны и подпольщики не давали им этого сделать.

Гитлеровское командование решило движение к фронту под Новороссийск вести от станицы Георгие–Афипской. Туда были согнаны порожняк, паровозы, из Краснодара стягивали автоколонны.

Нужно было начинать так называемую «большую войну» на железной дороге. Опыта такой войны у нас, партизан Кубани, в отличие от партизан Белоруссии, Украины, еще не было.

Евгений, как инженер–конструктор, вместе с двумя нашими партизанами, окончившими до войны курсы минеров, — Кириченко и Еременко, занялся подготовкой минной операции на железной дороге. Когда подготовка была закончена, я запросил разрешения командования. Разрешение было получено, и группа из 14 человек, в которую входили мои сыновья, соединившись в пути с небольшой группой местных партизан из отряда «Овод», кружными путями вышла к месту операции, между рекой Кубанью и станицей Георгие–Афипской. Там находятся старые Черкесские леса, перемежающиеся с полями. Фашисты, опасаясь партизан, вырубили кустарники в лесу. Это было и плохо и хорошо: плохо, что леса просматривались насквозь; хорошо, что гитлеровцы редко туда заглядывали.

Евгений и Геннадий вели разведку в станице Георгие-Афипской. Когда стало известно, что фашисты начинают большое движение, мы решили ночью выйти на операцию. Гитлеровцы заминировали подступы к своим коммуникациям, оградили их колючей проволокой, включили в эту проволоку сигнализацию. Мы об этом хорошо знали.

Когда наша группа вышла из последнего леса в степь, внезапно над станицей Георгие–Афипской вспыхнули разноцветные огни. Из далекой станицы Северской, через которую шло движение к фронту и где стояла дивизия врага, отвечали такими же огнями. Надо сказать, что мы в первые минуты даже растерялись, не могли разобрать, что говорили фашисты световыми сигналами. Помню, ко мне подбежал взволнованный Евгений и, сбиваясь с официального тона, который у нас был принят в отряде, спрашивает:

— Папа, что-то случилось у гитлеровцев. Что же будем делать?

Мне это было тоже неизвестно, но ничто не должно было срывать задания.

Евгений и Кириченко минировали железнодорожное полотно.

Шоссе, которое шло параллельно железной дороге, минировали Гена и командир первого взвода Янукевич. (Старое шоссе оставалось незаминированным.) Вскоре Евгений доложил, что «волчий фугас», как мы называли наши первые мины, готов. Узнав, что Янукевич укладывает последние две мины в профиле, я приказал снять наши дозоры и вместе с ядром прикрытия отвести дальше в степь. Со мной оставалось несколько минеров. Еще немного — мы кончили бы свою работу и ушли в горы. Но вдруг услыхали шум. Набирая скорость, под уклон шел тяжелый поезд…

Обстановка осложнилась. Поезд мог пройти над миной — целехоньким: ведь шпилька предохранителя не вынута. По старому шоссе пройдут броневики. Но на профиле, где все заминировано, сейчас начнут рваться автомашины с боеприпасами. Поезд остановится, а в нем открывал «шествие» к фронту полк автоматчиков–эсэсовцев (мы это знали из донесения разведки). Остановятся броневики, полетят в воздух световые ракеты, станет светло, нашу группу обнаружат…

Но пугало нас не это. Главное — приказ не будет выполнен.

Евгений и Гена бросились к Янукевичу, который маскировал последние мины на профиле, выхватили мины из земли и кинулись навстречу броневикам. Один заложил мину в правую, другой — в левую колею и стремглав метнулись к месту минирования, куда уже подошел поезд. Сорвав с поясов противотанковые гранаты, партизаны, закладывали в них взрыватели. Сыновья решили правильно: детонацией взрывов больших гранат взорвать мину.

Я бросился к сыновьям. Если они промахнутся, надо было взорвать противотанковую гранату. Но я не добежал. Раздался один взрыв, второй… и, наконец, третий — колоссальный взрыв фугаса. Когда я, сброшенный взрывной волной, поднялся с земли, то первое, что увидел, был взорванный броневик. Около него взлетел на воздух и второй.

Вместе с минерами я кинулся туда, где находился поезд. Паровоз завалился, вагоны, кромсая друг друга, мигом образовали четырехъярусную пирамиду. Все это произошло в секунды. Обломки поезда горели. В автомашинах рвались снаряды.

Удача далась нам дорогой ценой. От взрыва погибли мои сыновья Евгений и Геннадий.

Здесь же, за дорогой, в кустах мы похоронили героев.

Ушли мы, отбиваясь гранатами. Не успели фашисты наладить движение, наш отряд взорвал второй, еще больший состав.

На юге шла большая народная война…

* * *

Высокий гранитный обелиск. По обеим сторонам от него — бронзовые бюсты. Доски с текстом Указа Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Евгению и Геннадию Игнатовым звания Героя Советского Союза и приказа Центрального штаба партизанского движения, посвященного подвигу партизан Кубани. Это могилы моих сыновей.

Имена Героев Советского Союза Евгения и Геннадия Игнатовых присвоены многим пионерским дружинам, школам, улицам. Между Краснодаром и Волгоградом курсирует пассажирский поезд, по Волге ходит пароход, носящие их имя.

П. Павленко
СЕМЬЯ ИГНАТОВЫХ

До войны это была мирная инженерская семья, каких много было в Краснодаре. Глава ее, Петр Карпович Игнатов, механик по профессии и сын механика, своих мальчиков — Евгения, Валентина и Геннадия — тоже направил по этой, как бы уже ставшей наследственной дороге.

Старший вырос в инженера–конструктора, средний сделался теплотехником, а младший, еще сидя на школьной скамье, увлекся автомобилизмом и, получив права шофера-любителя, уже что-то изобрел, как заправский Эдисон.

К дням Отечественной войны Евгений работал инженером; Валентин ушел в армию; Гена, закончив восемь классов, мечтал о бронетанковой школе.

Немец приближался к Ростову, занял его. Это было поздней осенью 1941 года.

Ростов — преддверие Кубани. Война приближалась к дому семьи Игнатовых.

Петр Карпович, большевик с 1913 года и партизан времен гражданской войны, собрал сыновей на совет. Решено было готовиться к партизанской борьбе. И хотя вскоре наши войска вернули обратно Ростов и положение на Кубани улучшилось, Игнатовы продолжали по–настоящему подготовлять себя для будущей партизанской деятельности. Все втроем прошли курсы минеров, вовлекли в изучение минного дела товарищей по работе и, сохраняя замысел в тайне от самых близких людей, постепенно сколотили небольшой, но дружный, прекрасно подготовленный, хорошо знающий кубанские места отряд.

Когда же в 1942 году опасность действительно стала

угрожать непосредственно Кубани, Петр Карпович Игнатов вывел в горы отряд, в котором 80 процентов бойцов имели высшее или среднее образование. Одних инженеров, товарищей Евгения, было 11 человек, да еще шесть директоров заводов, так что отряд смело можно было назвать отрядом советской интеллигенции. С отрядом, в качестве старшей медицинской сестры, пошла и Елена Ивановна Игнатова.

Никто, в том числе и опытнейший командир П. К. Игнатов, не представлял тогда всех трудностей, с которыми придется иметь дело инженерам–партизанам. И уже тем более никто не сказал бы тогда, что городские инженеры в возрасте за 30–35 лет окажутся замечательными бойцами и что по обилию профессий их будет не 55, а по крайней мере 100.

Судите сами, инженер Литвинов оказался прекрасным гуртовщиком и изобретательнейшим, талантливым поваром, помимо того, что был минером. Инженер Мартыненко строил лагерь отряда и укрепления, ходил в разведку, знал минное дело и хорошо владел пулеметом. Директор завода Бибиков оказался дельным сапожником, а Елена Ивановна Игнатова — главным закройщиком и портным.

Инженеры зарылись в горных лесах. Кипели жаркие кровопролитные бои. Беспристрастный историк сражения за судьбы Кавказа, отведя почетнейшие страницы казакам Кириченко, отрядам морской пехоты Гордеева и отрядам новороссийских рабочих–цементников, впишет особую страницу и о кубанских партизанах, а среди них особо выделит отряд Петра Карповича Игнатова.

То обстоятельство, что в отряде преобладали люди точных профессий, сразу сказалось в положительном смысле. Они ценили время и умели им пользоваться как боевым фактором.

8 августа 1942 года отряд вышел из Краснодара, а 20 августа уже была совершена первая операция, в ней убито 10 и ранено 17 немцев без единой потери со своей стороны. Вторая операция 25 августа, третья — спустя пять дней, и в таких темпах вся борьба до февраля 1943 года, когда отряд вернулся в родной Краснодар, неся на знамени имена братьев Игнатовых и славу подвигов, уже ставших легендарными. Пятьдесят пять, а впоследствии пятьдесят партизан (трое погибли, а двое были расстреляны немцами) уложили в кубанскую землю около 2 тысяч фашистов, взорвали четыре поезда, восемь бронемашин, 30 грузовиков, два железнодорожных и шесть шоссейных мостов и ранили не менее 3 тысяч гитлеровских мерзавцев.

Пятьдесят пять, в их числе шесть женщин, тоже городских жительниц, как и мужчины! Всего–навсего пятьдесят! С августа

1942 года по февраль 1943 года игнатовцы потеряли пятерых. Но среди погибших были лучшие, сильнейшие, активнейшие — это оба брата Игнатовы и старший минер отряда талантливый изобретатель Еременко.

Братья погибли в седьмой операции. Произошло это так. Получили задание заминировать железнодорожное полотно в глубоком тылу противника. Инженеры, уже отлично изучившие свой театр войны, хорошо освоились и с партизанской работой. Уходя в разведку по немецким тылам, говорили шутя:

— Ну, я на комбинат!

Такой простой и легкой казалась им теперь трудная и рискованная работа, или, вернее, так тонко и четко они знали теперь свое новое дело, что оно оборачивалось к ним только как бы одной стороной своей, легкой. Но задание взорзать полотно было и очень грудным, и еще более опасным.

Немцы отгородились от гор несколькими линиями дзотов, колючими заграждениями, минными полями, «спотыкачем» в густых зарослях (колючей проволокой, разбросанной петлями в кустарнике). А железнодорожный путь, единственный, которым подбрасывали свои резервы к Новороссийску, охраняли особенно тщательно. По шоссе, параллельно железной дороге, время от времени проходили броневики, а в дорожных будках помещались патрули.

Операция предстояла ответственная. Группу вел сам П. К. Игнатов, взяв с собой обоих сыновей — Евгения, как командира разведки, показавшего себя в шести предыдущих делах осторожным, расчетливым, никогда не теряющимся начальником, а Геннадия просто потому, что тот ни за что не хотел отстать от отца и брата. Да и кого же брать на опасное дело, как не тех, кто ближе, кого лучше знаешь?

Вышли вечером группой в несколько человек. Евгений шел с высокой температурой, но ни за что не хотел возвращаться — взрыв первого поезда он хотел организовать непременно лично, чтобы на месте проверить достоинства и недостатки мины и самому видеть весь ход операции, открывавшей новый этап в деятельности отряда.

За ночь прошли около 45 километров по горным заснеженным тропам и, благополучно миновав передний край немецкой обороны, вышли незамеченными к железнодорожному полотну. И хотя они здорово устали, но решили не отдыхать, а сейчас же приступить к закладке минного поля, используя темноту.

Только начали, пронесся звук подходящего поезда, а на шоссе шум машин. Машины были где-то совсем близко. Судьбу

операции, да и жизнь всей группы, решали считанные секунды. Евгений схватил мину и, на ходу заряжая ее, бросился к шоссе, наперерез машинам. Он сразу понял, что если шоссе оставить незаминированным, то немцы отрежут группу от гор и тогда — смерть. Гена тоже подхватил мину и побежал за братом. Евгений уже закладывал свою мину в глубокую правую колею дороги, Гена заложил в левую, чуть подальше. Потом оба бросились заканчивать снаряжение мин под рельсами. Можно было бы, конечно, отложить взрыв и уйти, пока еще не поздно, но соблазн взорвать большой воинский эшелон и довести до конца операцию, многим казавшуюся неосуществимой, был так велик, что мысли об опасности не существовало. Когда человек и его дело слиты воедино, успех дела сам собой становится судьбой человека и другой судьбы нет и не может быть.

В те 10–12 секунд, что были в распоряжении партизан, каждый отлично понял, что произойдет, но никто не оставил работы, а Петр Карпович Игнатов, видя своих сыновей на самом опасном месте, не крикнул им уходить. Все они были сейчас не десятью людьми с различными характерами и судьбами, а одним человеком, лишь с десятью парами рук, но с единой волей. И воля эта звала на подвиг.

…Игнатов кинулся к тому месту, где только что работали сыновья. Он искал их ощупью, под шум, стрельбу, крики и стоны у разбитого эшелона. Горячая кровь детей омыла его руки. Он нашел куски их еще теплых тел, обрывки снаряжения и заплакал, как ребенок. Горе так закружило его, что он забыл обо всем и только ползал по насыпи, собирал останки детей и плакал, плакал, шепча:

— Детишки мои родные, что же это вы! Мальчики вы мои!..

Оставшиеся в живых немцы между тем уже пришли в себя и начали обследовать участок крушения. Партизан Сухоцкий схватил Игнатова за руки и почти насильно повел за собой. До гор было не менее 18 километров, ночь на исходе, сил мало — следовало спешить. Войдя в густые заросли дикого терна, партизаны похоронили тела братьев Игнатовых и пошли в горы.

Ночь засветилась немецкими ракетами. Вслед за партизанами помчались броневики, но широкий вспаханный клин задержал их — это спасло группу, она успела скрыться.

Утром к месту крушения приблизилась разведка игнатовского отряда. В ней были лучшие следопыты — Янукевич, Панжайло, Худоерко, люди редкого бесстрашия. Этот Худоерко стал особенно знаменит тем, что с одним недоуздком в руках пробрался в немецкий тыл, нашел гурт скота в 180 голов и, убив одного и ранив двух неприятельских погонщиков, один пригнал

стадо в горы. Эти люди ходили в разведку то искать будто пропавшего коня, то с мешком на спине — будто на мельницу, то с лопатой на плече — будто на принудительные работы, и сейчас они тоже вместе с толпой колхозников принялись за расчистку пути.

Немцы всякими способами исследовали участок взрыва. Насмерть напуганные мерзавцы пустили по заминированному шоссе тяжелую машину, нагруженную колхозниками, но по какой-то необъяснимой случайности она не взорвалась, и тогда, решив, что тут все благополучно, немцы пустили пятитонку с боеприпасами. Она взлетела на воздух, разорвав обследователей.

После этого взрыва гитлеровцы совершенно прекратили движение по всему опасному району шоссе, и оно бездействовало, пока не перекопали его метр за метром и не превратили в пашню. В новом своем виде шоссе, хоть и обезвреженное, для эксплуатации не годилось еще с неделю.

Партизаны–разведчики, растаскивая битый эшелон, установили, что немцев было наколочено больше 500 человек, да еще искалечено не менее трехсот. Скоро в отмщение за гибель двух доблестных братьев Игнатозых партизанами был взорван второй, значительно больших размеров эшелон с вражеской боевой техникой и солдатами…

В течение почти всего ноября 1942 года партизанам никак не удавалось проникнуть к железнодорожной линии, но в конце месяца храбрейшие разведчики под командой Мусьяченко все же проникли в тыл немцев и, пробыв там не менее как суток сорок, выяснили всю систему новой охраны дороги. Фашисты теперь пускали поезда со скоростью пяти километров в час, впереди поезда цепляли две или три платформы с балластом, а впереди и позади паровоза — по бронированной платформе с пулеметами. Поезд шел под конвоем мотоциклистов.

За взрыв двух эшелонов немецкое командование расстреляло охрану пути, начальника участка, команду бронепоезда и конвой поезда. Все эти меры возымели свое действие — пробиться к пути было почти невозможно, и все-таки отряд, названный теперь отрядом братьев Игнатовых, не хотел мириться с таким положением.

Мусьяченко и Еременко переконструировали мины и в конце декабря взорвали новый воинский эшелон врага в 64 вагона, разбив 10 танков, 36 орудий, 10 тяжелых автомашин и убив 460 да ранив 950 фашистов.

Двадцать седьмой операцией отряда имени братьев Игнатовых было возвращение его в Краснодар. Здесь мужественные кубанские партизаны во главе со своим

испытанным вожаком вскоре узнали, что обоим братьям Игнатовым присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Слава братьев–партизан Игнатовых никогда не уйдет из жизни на освобожденной кубанской земле!

В. Гоголюк
МИНЫ АЛЕКСЕЯ ИЖУКИНА

…Народ толпился у сельсовета. Молодые женщины с грудными детьми, старики, опирающиеся на палки, стояли молча и изредка бросали настороженные, испуганные взгляды.

— Ну, где же он? — перекладывая ребенка с одной руки на другую, нервно проговорила женщина с большими черными глазами, в которых светилось беспокойство и решимость.

— А ты читай, Ксения, что написано, — пояснил еще крепкий, сухощавый старик Никодим Петрович, указывая суковатой палкой на лист бумаги, приклеенный на двери сельсовета. — Ну-ка, Павлушка, прочитай-ка, чего там написано.

Светловолосый шустрый подросток лет двенадцати, с деревянной саблей в руках вмиг подскочил к двери и начал читать:

«Собрание жителей села Думча состоится 16 июля 1941 года в 12 часов.

Повестка дня: подготовка к уборочной.

Председатель сельсовета А. Ижукин».

— Да, сейчас, поди, еще только половина двенадцатого, так что жди ко времени нашего председателя, — невозмутимо продолжал Никодим Петрович. — Видать, в районный центр, в Навлю, вызвали Алексея Ивановича. Будем ожидать его с новостями.

— А чего его ожидать, — проговорила маленькая, верткая старуха с зелеными злыми глазами. — Тикать надо, пока не поздно. Говорят, немец уже Смоленск захватил, мосты через Днепр наводит, а он «уборочну»… Да в своем ли он уме, наш-то председатель?!

Ижукин прискакал верхом на взмыленном коне. Солнце стояло в зените, окутанное июльским маревом. Жара. И даже в лесу, в сосновом бору, песок стал горячим. Сейчас бы освежиться в речке, но нет времени. В голубом небесном океане слышится зловещий рокот фашистских бомбардировщиков.

Все бросились к председателю, который привязывал к крыльцу усталого коня.

— Алексей Иванович, — взволнованно спросила немолодая женщина, — войска-то наши по лесным дорогам отходят на Москву. А мы какой дорогой пойдем?

Алексей Иванович Ижукин, поднявшись на ступеньку крыльца

сельсовета, оглядел всех и спокойно, но твердо сказал:

— Друзья! Дорога у нас одна: браться за оружие! В лесах мы живем, в лесах и останемся. И все, кто хочет защищать свою Родину, пусть готовится к уборке урожая. Хлеб надо собрать весь — до зернышка. А кто не хочет, пусть идет на все четыре стороны — открыты все дороги…

Поговорили и разошлись молча. Каждый понимал, что многословие тут ни к чему. Нужно решить: что ты намерен делать, когда Родина в опасности?

Подпольные райкомы партии Орловской области призывали население сел и деревень оказывать сопротивление врагу. Начали подготовку к борьбе с захватчиками и жители села Думчи. На лесных дорогах, ведущих к селу, были вырыты окопы и сделаны из деревьев завалы. На подходах к селу поставили наблюдательные посты.

Алексей Иванович Ижукин, вернувшийся из армии незадолго до начала войны, прошел хорошую школу саперноподрывного дела. По решению райкома партии он был оставлен в тылу, возглавил самооборону группы населенных пунктов.

Правда, сельсовет теперь мало чем напоминал довоенный. В первой комнате штабелем стояли деревянные ящички, формой и размерами походившие на ящички для посылок. На полу лежали распиленные стволы винтовок, гильзы от снарядов, гайки, болты, стержни, накладки, метровые куски рельсов, электропровода всех цветов. На столе возвышалась гора слесарного инструмента и красовались крепко привинченные к столу большие тиски. А в углу, прижавшись друг к другу, стояли с «делами» старые шкафы.

Наступила осень. Целыми днями моросил мелкий холодный дождь. Самые темные ночи в году. В лесу они кажутся еще темнее. А в сельсовете не гаснет огонек. Алексей Ижукин заметно похудел. Казалось, что он болен. Но нет. Он бодр, и душа его горит одним желанием — биться с оккупантами. Все последние дни он занят тем, что мастерит свою партизанскую «адскую машину» для подрыва поездов.

— Вот если бы сейчас детонаторную трубку! — сокрушенно произносит Ижукин.

— А что это такое? — спрашивает начальник караула.

Ижукин объясняет и снова берется за работу.

Начальник караула, здоровяк, известный охотник, предлагает :

— А ежели, Алексей Иванович, испробовать обрез из винтовки? Скажем, привязать к обрезу пару толовых шашек, обрез укрепить, к спусковому крючку привязать веревку и дернуть из-за дерева. Не получится ли тогда эта самая, ну как ее, черт побери,

детонация?

— Попробуем. Все испробуем, пока не научимся делать свои, партизанские мины.

И хотя с «конвейера» не сошла еще ни одна партизанская мина, настроение у Ижукина приподнятое: удалось выплавить тол из артиллерийского снаряда. А свой тол — это уже путь к победе!

6 ноября, в канун 24–й годовщины Октября, в Думче состоялось торжественное собрание. Слушали по радио передачу из Москвы.

— Дорогие товарищи! — закрывая собрание, сказал Алексей Иванович. — Разрешите сообщить вам приятную весть. Только что получено поздравление от подпольного Навлинского райкома партии. Райком партии призывает вести неослабную упорную борьбу с фашистскими захватчиками, быть стойкими, не падать духом и быть уверенными, что победа будет за нами!

На другой день громкие раскаты взрывов из глухого оврага недалеко от Думчи возвестили появление на свет опытной партизанской мины!

— Это только начало, — весело говорил партизанский изобретатель, разглядывая куски рельсов и вырванное с корнем дерево, — придумаем еще и не то. А пока что и такой миной немецкие эшелоны можно пускать под откос.

Шли дни. Партизаны Навлинского отряда, действуя на востоке своего района, успешно боролись за освобождение населенных пунктов от мелких гарнизонов оккупантов. Отряд с каждым днем рос. В ноябре райком партии принял решение на базе одного отряда создать два: один во главе с первым секретарем райкома партии оставался действовать на востоке Навлинского района, а второй, под руководством П. А. Понуровского, получил задание выйти на запад, в район Десны, и установить связь с партизанскими отрядами Трубчевского и Выгонического районов. В дальнейшем Навлинский отряд должен был действовать на железнодорожной магистрали Гомель — Брянск.

Марш был тяжелым. С винтовками, пулеметами, боеприпасами, продовольствием предстояло пересечь не только хорошо охраняемые немцами железнодорожные линии Брянск — Льгов, Брянск — хутор Михайловский, но и форсировать студеную реку Навлю. Появление хорошо вооруженного партизанского отряда в Борщеве, Пальце, Думче, Пашеньках, Дрогаче, Боровне и других селах было для советских людей большой радостью.

…День и ночь на магистрали Гомель — Брянск не утихали гудки паровозов. Одна из важнейших для немцев

железнодорожных линий пропускала множество поездов в сутки. Партизаны хотели сорвать эти перевозки, остановить хотя бы на какое-то время движение. Но как? На первых порах партизаны просто разбирали железнодорожные пути, растаскивали рельсы. Но для настоящей борьбы нужны были мины. Многие партизаны выразили желание стать подрывниками.

Вскоре группа подрывников в восемь человек, «неуязвимая восьмерка», как назвал ее Понуровский, вышла на первое боевое задание. Более 25 километров лесными вязкими дорогами надо было преодолеть к раннему утру. Шли молча — серьезные дела совершают без громких слов.

Когда группа подрывников подошла к полотну, начинало сереть. Тихо. Только гудят телеграфные провода.

Ижукин тихонько дает указание. А сам быстрыми, уверенными движениями уложил в небольшой плоский ящичек куски тола и закрыл крышкой. Выдолбив между шпалами небольшую ямку, засунул ящичек под рельс, воткнул в проделанное в ящичке отверстие блестящую трубочку взрывателя и негромко сказал Николаю Грибову:

— Бери шнур и тяни вот туда, в чащу. Как только я за него подергаю, бросай шнур, сиди и жди меня.

Потом возбужденные, радостные подрывники рассказывали, что ждать пришлось недолго.

За темным бором раздался бодрый паровозный свисток; видимо, машинист старался им подбодрить себя. Вместе с шумом приближавшегося поезда к сердцу партизан подкатывал холодок… Вдруг, откуда ни возьмись, на дороге показались патрули.

— Все пропало, — заволновался Алексей Иванович.

И действительно, патрули обнаружили мину, но не знали, что с ней делать. Видимо, солдаты были новичками. Им еще не приходилось обезвреживать партизанские мины. А поезд неудержимо приближался. Присутствие патрулей еще более успокоило машиниста. И вдруг над лесом взметнулась красная ракета. Но… как ни скрипели тормоза, паровоз был над миной.

В это время Ижукин дернул за шнур…

Раздался сильный взрыв. Вагон взгромождался на вагон, а из них вываливались фашистские вояки, мертвые и искалеченные. Рвались вагоны с боеприпасами…

Такой способ подрыва эшелонов партизаны назвали «на удочку». На сей раз «улов» был богатый.

Подрывники возвратились радостные, возбужденные. Самодельная мина не подвела, сработала.

— Вот это здорово! — поздравлял А. И. Ижукина командир

отряда П. А. Понуровский. — Никаких потерь с нашей стороны и какой урон врагу!

* * *

Весенние дни 1942 года пролетели для А. И. Ижукина как бурное половодье, с шумом. Уже заглохли в ноге нестерпимые боли от раны, забыт и партизанский госпиталь. Он снова на марше.

В лесной тишине кажется, что нет и не было войны… В березовой роще появились первая краснобокая земляника и грибки колосовики. В лесу и в поле море цветов: фиалки, одуванчики, колокольчики, красноколосый иван–чай, васильки и ромашки. Лес напоен ароматом свежей зелени и тепла. Чудесная июньская пора!

Убыстряя шаг, Алексей Ижукин торопится туда, где враг, где самый передний край борьбы.

Дни, проведенные в госпитале, не прошли для Алексея Ивановича даром. Там были крепко связаны в один узелок все мысли о новой мине. И как только нога перестала болеть, он снова возился со своими ящичками, закручивал туго тиски, стучал молотом…

В этот ясный летний день Ижукин шел на диверсию с большой группой подрывников из многих отрядов Брянских лесов. Шли не на простой очередной пуск эшелонов под откос известными способами, а на испытание новой партизанской мины.

Взрывать эшелоны старыми минами становилось все труднее и труднее. Гитлеровцы усилили охрану железнодорожных путей, минировали подходы, обстреливали открытые участки, научили собак отыскивать мины замедленного действия. А эшелонов все больше и больше. Фашистская армия вела бои на Дону, рвалась к Волге и Кавказу…

Мина, которую изобрел Ижукин (ее шуточно называли «Н. Н.» —неизвлекаемая–нахальная), резко отличалась от ранее известных.

Занималась заря. На востоке в сером тумане росла и ширилась розовая полоса. Пробуждался лес.

До железной дороги осталось метров пятьдесят. Подрывники залегли в густом ельнике. Отсюда хорошо было видно дорогу, фашистские дозоры. Вот они остановились. Им показалась подозрительной вмятина на песке. Но миноискатель ничего не показывает, и они спокойно продолжают путь. Справа от них

недалеко слышны прерывистые пулеметные очереди. С востока на запад с шумом тянется длинный эшелон с разбитыми танками, пушками, машинами.

— Это не для нас, — говорит Алексей Иванович, провожая спокойным взглядом длинный эшелон с битой техникой. — Нам нужен с новой техникой или хотя бы со старыми солдатами.

Ждать пришлось недолго. Со стороны Гомеля послышался хриплый, словно простуженный, гудок паровоза.

— Вот это наш! — сказал Ижукин. — Теперь наблюдайте.

Для постановки мины нужен всего один человек. Она весьма проста в устройстве: с обеих сторон рельса ставятся ящички с толом, вставляются взрыватели и соединяются электрическим проводом. Как только колесо паровоза перережет переброшенный через рельс проводок, произойдет взрыв. Для постановки мины требуются секунды, и сделать это нужно перед самым поездом, за две–три сотни метров от паровоза. Тогда никакая охрана не успеет извлечь мину, да и машинисту не остановить поезда…

Поезд приближался.

Ижукин встал, одернул гимнастерку и очень просто сказал:

— Ну, ребята, я пошел.

Уже слышались тяжелое дыхание паровоза и четкий перестук колес. Алексей стоял почти у самой насыпи. Сейчас его волновала не мина, уже не раз проверенная. Глядя на движущийся поезд, он еще проверял себя, свою волю.

Он знал, что за каждым его движением следят друзья, боевые товарищи. И это прибавляло силы.

Когда до паровоза оставалось не более двухсот метров, Алексей Иванович сделал рывок к насыпи и бросился на рельсы. Движения четкие, мгновенные.

Скатываясь с насыпи, Алексей услышал взрыв. Высоко к небу поднялось черное облако…

Контузия была легкая. Герой скоро избавился от нее.

Об успехах бесстрашного подрывника Алексея Ивановича Ижукина знали не только в Брянских лесах, но и на Украине, в Белоруссии, на Смоленщине. Его «почерк» хорошо знали и фашисты. Недаром они предлагали за голову Ижукина 25 тысяч марок и 10 десятин земли! К лету 1942 года А. И. Ижукин лично пустил под откос 11 фашистских эшелонов, взорвал четыре моста и два склада с боеприпасами. Только при крушении взорванных им поездов гитлеровцы потеряли свыше 3 тысяч солдат и офицеров! А какой урон причинили фашистам многочисленные ученики Ижукина! Нет, не зря раскошелились фашисты!

Родина высоко оценила подвиги своего сына. В сентябре 1942 года указом Президиума Верховного Совета СССР ему за отвагу и

геройство, проявленные в партизанской борьбе в тылу против немецких захватчиков, было присвоено звание Героя Советского Союза.

— Ведь в этом не только моя заслуга, а всех нас, — ответил Алексей Иванович на горячие поздравления боевых друзей.

Николай Гроднев
ЧТОБ ЦВЕЛИ ЦВЕТЫ…

Почти в каждый праздничный и выходной день примерно в одно и то же время на речном вокзале в Гомеле можно увидеть двух пожилых людей — мужчину и женщину. Они стоят на берегу, когда причаливает пароход «Александр Исаченко». Как и те, что пришли встретить родных или знакомых, они не сводят глаз с парохода. Но они никого не встречают. Они ждут пароход.

Это Лаврентий Афанасьевич и Агафья Григорьевна Исаченки. Уже больше двадцати лет как не стало их Саши. Его имя носит пароход. В Гомельском парке есть кинотеатр имени Исаченко. В деревне Ховхла Будо–Кошелевского района — школа имени Исаченко. А сына нет…

Через некоторое время, когда пароход отплывает от вокзала, Лаврентий Афанасьевич и Агафья Григорьевна помашут ему на прощание платками: счастливого плавания! И, как будто повидавшись с сыном, возвращаются домой…

Ночь с 13 на 14 августа 1941 года гомельчане не забудут никогда.

Как только за пурпурным небосклоном скрылось солнце, над городом тревожно завыли сирены. Через несколько минут, будто черные стервятники, налетели фашистские самолеты. Началась бомбежка. Горело все: заводы, фабрики, театры, учреждения, школы, детские сады, музеи.

В ту ночь коммунисты Илья Федосеенко и Емельян Барыкин были в обкоме партии. ЦК КП(б) Белоруссии оставил их в городе для особого задания: если Гомель займут фашисты, организовать партизанский отряд и вести подрывную, диверсионную работу в тылу врага.

Неприятельские самолеты непрерывно летали над городом. Фашисты разрушали предприятия, жилые кварталы, уничтожая все живое. Гитлеровская армия все ближе и ближе подползала к Гомелю.

Емельян Барыкин срочно собрал всех членов партии, которые остались в городе.

Пришел и Александр Исаченко, секретарь горкома комсомола. Он был самым младшим среди собравшихся — ему исполнилось двадцать два года.

— Что делать дальше, товарищи, подсказывает сама обстановка, — обратился к коммунистам Емельян Барыкин. — Или отходить на восток с частями Красной Армри, или оставаться

в тылу врага и вести диверсионную работу. Какие будут предложения?

Первым взял слово Александр Исаченко.

— Я остаюсь. Из Гомелыцины не уйду.

Коммунисты переглянулись. Александр высказал то, что думали все.

В ту тревожную ночь в стенах обкома был создан гомельский городской партизанский отряд «Большевик». Командиром отряда стал Илья Федосеенко, комиссаром — Емельян Барыкин.

На рассвете, когда фашистская армия приближалась к стенам пылающего города, отряд вместе с регулярными частями Красной Армии ушел из Гомеля.

На шестом километре Черниговского шоссе за Ново–Белицей несколько коммунистов и комсомолка Нина Новикова распрощались с отрядом. Александр Исаченко сказал ей:

— Окончится буря — встретимся.

А потом, немного помолчав, добавил:

— Ну, а если погибну, то нелегко моя смерть достанется врагу…

Эти слова были клятвой Саши.

…Леса приютиди партизан в своих чащобах.

За Ново–Белицей невдалеке от деревни Севруки в густом ольховнике разместился отряд «Большевик». В нем насчитывалось около ста человек. Партизаны были вооружены винтовками. Имелись у них и пулеметы, но недостаточно. Александр Исаченко предложил организовать охоту за минами на поля под Гомелем. И первый возвратился с двумя минами.

Мины сослужили добрую службу. На рассвете на Черниговском шоссе прогремели два взрыва. На минах Александра Исаченко и Филарета Кечко подорвались пять автомашин, уничтожено пятнадцать гитлеровцев.

— Вот так бы каждую ночь! — радовался Исаченко.

Приближалась осень. В отряд прибыло еще несколько коммунистов.

С наступлением холодов надо было думать о зимовке.

Командир приказал переправиться через Добрушский и Светиловский районы в Чечерский. Там большие леса.

В разведку пошли двумя группами: через Ветку и Добруш. Группу из пяти человек, в которой был Исаченко, возглавлял командир отряда Федосеенко.

Разведка прошла удачно. Через некоторое время обе группы возвратились в отряд.

Когда наступила зима и замерзли реки, отряд, разделившись на две группы, двинулся в поход. Нужно было пройти более

двухсот километров. Пробирались от деревни к деревне только ночами. Днем отсиживались на сеновалах или на потолках хозяйственных построек. Питались в основном картошкой. Иногда ее приходилось по пять штук на человека в сутки. Изголодавшиеся, утомленные двигались дальше. Александр Исаченко был проводником группы. Когда партизаны отдыхали, ему приходилось идти в разведку.

До Светиловского района дошли благополучно. Но здесь случилась беда. На рассвете группа прибыла в одну из деревень. Командир дал приказ разместиться. Федосеенко, Исаченко, Климович, Шавдия, Отембах и Лисовский остановились в крайнем дворе. Как всегда, осторожно пробрались на чердак дома; казалось, что никто не заметил, даже хозяин. Но, очевидно, было не так, потому что в полдень двор окружил фашистский карательный отряд.

— Сдавайс, партизан! — кричали каратели.

Но партизаны не думали сдаваться.

Фашисты подожгли дом. Уже пылала крыша. Александр, услышав приказ командира: «Прорываться с боем!» — первым бросился на врага. За ним в пламя кинулись остальные.

Каратели не ожидали этого. Завязался бой. Последнего гитлеровца подбил Александр.

У партизан тоже были потери: погиб Климович, Лисовский был ранен. Федосеенко отделался легкой царапиной.

Вторая группа, которую вел Барыкин, тоже попала в засаду и потеряла трех человек.

На новом месте, в Чечерском районе, партизанский отряд заявил о себе во весь голос. Александр Исаченко провел в деревнях Несимковичи и Рудня собрания. Он рассказал населению о положении на фронте, о том, что фашисты врут, будто они заняли Москву, и призвал советских людей помогать партизанам. Прошли такие собрания и в других селах.

В течение зимы на значительной части территории Чечерского района была восстановлена Советская власть.

Немецкая комендатура в Гомеле, напуганная делами партизан, сообщила начальству, что в Чечерском районе действует несколько тысяч хорошо вооруженных партизан…

По шоссейным и железным дорогам на восток продолжали двигаться машины и поезда с солдатами и оружием. Нужно было затормозить это движение, остановить.

— Мины, мины нужны! — все чаще говорил разведчик Исаченко.

Но мин не было.

— Попробуем добывать взрывчатку сами, — заявил однажды

подрывникам Александр.

В мае отряд «Большевик» возвратился на свою старую стоянку, к Ново–Белице, а оттуда двинулся на встречу с Лоевским партизанским отрядом.

Вместе стало легче. Б отряде появился тол — и увеличилось число взорванных поездов, посланных фашистами на восток.

Боевые друзья Александра Исаченко вспоминают одну из операций. С тяжелыми ранцами за плечами четверо партизан шли к железной дороге на участке Гомель — Жлобин. Шли семь ночей. Наконец впереди зачернела железнодорожная насыпь. Вожак, так звали Александра, осторожно пополз на разведку. Кругом было тихо. Он махнул товарищам шапкой, и они двинулись за ним.

За несколько шагов до насыпи была заросшая высокой травой воронка от бомбы. Залегли в ней. Отсюда хорошо просматривался участок дороги примерно на полкилометра.

Из-под Жлобина доносился перестук колес поезда. И вдруг на холме послышалась ругань на немецком языке.

— Патрули, — предупредил Саша.

Несколько солдат гуськом прошли по шпалам навстречу поезду. Дела плохи. Кто знает, может быть, вслед за первой группой патрулей идет вторая. Фашисты уже научены: караулят каждый километр пути.

Александр приказал Котченко и Миленину осмотреть дорогу с холма, а сам с Тамарой Бляскиной начал минирование. Александр вырыл воронку, заложил мину и шнур к ней, тщательно замаскировал место. Тамара попросила поручить произвести взрыв ей. Тревожно стучало девичье сердце, когда она держала в руках шнур.

Наконец со стороны полустанка на рельсах появился свет. Тамара вздрогнула.

— Спокойно, — предупредил Александр.

Свет медленно приближался; это шел с фонарем путевой обходчик.

Земля между тем дрожала все сильнее: со стороны полустанка вслед за обходчиком медленно, как бы ощупывая каждый рельс, двигался поезд. «Чах, чах, чах…» — слышалось его неторопливое дыхание.

Четверо партизан сидели, не смея пошевелиться. Кто раньше — обходчик или эшелон?! До заминированного места оставалось несколько шагов.

— Снять? — шепотом спросил Котченко.

— Нет. Он не успеет, — ответил Александр.

И действительно, состав догнал обходчика; тот отошел в сторону и остановился.

Вот он, долгожданный поезд. На платформах закрытые брезентом танки, орудия, а в хвосте цистерны.

Александр дал знак, и Тамара дернула шнур…

Вспыхнул ослепительный свет, затем раздался такой силы взрыв, что, казалось, сама земля встала на дыбы.

Эшелон пошел под откос.

Не успели подрывники скрыться в лесу, как вслед им посыпалась пулеметная дробь. Фашисты стреляли вслепую. Партизаны ушли без потерь.

За лесом взошло солнце. Все были рады новому дню: и люди, и птицы. Но кому-то он нес радость, кому-то горе: шла война. Народная, священная…

Наступил октябрь 1942 года. В отряде «Большевик» к этому времени было более 80 подрывников. Все они прошли школу Александра Исаченко и теперь самостоятельно пускали под откос вражеские эшелоны. Действовали они спокойно, продуманно — так, как их учил Александр Исаченко.

А он задумал уже новую операцию. Но для ее осуществления требовался динамит.

И подрывники отправлялись на поиски неразорванных снарядов. Александр вывинчивал из них боеголовки, а снаряд клал в ведро с водой, ставил на костер и грел до тех пор, пока не плавился тол. Потом отливал из него динамитные шашки. Это была ответственная, опасная, но необходимая работа, требующая умения и осторожности.

6 октября 1942 года на урочище Березовая Гряда, которое находилось между Будо–Кошелевом и Салтановкой, пришли Тамара Бляскина, Павел Цынибриченко, Филарет Кечко, Шапотов и Иванов. С ними был и Александр Исаченко.

Березовая Гряда — обыкновенная возвышенность в лесу. Здесь желтели кроны белоногих березок и пламенела одинокая рябина.

Утомленные долгой дорогой, партизаны сели здесь отдохнуть. Посоветовались, как идти дальше. Взрывчатки хватало только на один эшелон. Павел Цынибриченко, Филарет Кечко и Федор Котченко пошли на железную дорогу, а Александр с остальными отправились за динамитом.

Встретиться решено было тут же, на Березовой Гряде, послезавтра утром.

Александр знал, что у деревни Заводь на опушке леса лежат вражеские снаряды. До встречи на Гряде он надеялся пустить под откос еще поезд, а потом всем вместе возвратиться в отряд.

Короткий отдых подходил к концу. Полюбовавшись кистями рябин, ребята встали. Перед отходом на задание Александр не

любил прощаться. Обычно перед расставанием он рассказывал друзьям что-нибудь интересное. Не изменил этому правилу и на сей раз.

— Это было в Гечице, — начал он с милой, застенчивой улыбкой. — Я тогда оканчивал педучилище. Государственные экзамены. Габоты по уши, отдохнуть и выспаться некогда, не то что о девушках думать. Я был комсоргом училища, попробуй сдать экзамены не на «отлично»! Стыдно.

Комната, в которой я жил, была на первом этаже. Спали с открытым окном. Перед экзаменами я лег последним. Вдруг слышу, что-то зашелестело у окна. Поднял голову и вижу: на подоконнике лежит букет черемухи, и чей-то девичий голос прошептал: «Тебе, Саша». Я мгновенно вскочил, посмотрел в окно и увидел удаляющуюся девичью фигуру, услышал стук каблучков… Но кто это был, не узнал. Несколько дней присматривался ко всем знакомым и незнакомым девушкам, но ничего не узнал. Так было и перед последним экзаменом. Опять букет, только не черемухи, а сирени. И опять тот же милый шепот: «Саша, тебе». И опять стук каблучков… Прошло два года. 22 июня, когда началась война, в городе был митинг. Я стоял на трибуне. Вдруг около меня появляется девушка, подает мне букет полевых цветов и шепчет: «Саша, тебе». Я так растерялся, так был удивлен и взволнован, что не мог произнести слова. А она, быстрая, как ветерок, сбежала с трибуны и исчезла среди людей. Я только и успел увидеть русые косы и белую кофточку. Кто она, где теперь?..

— Вот окончится война, Александр, и найдет тебя твоя русокосая незнакомка. Вот увидишь, на вокзале в Гомеле встретит, и непременно с букетом цветов, — заверила Тамара Бляскина.

Александр задумался.

Между тем солнце зашло за тучи, поднялся холодный ветер, зашелестели пожелтевшими листьями березки, закачалась рябина. Начал накрапывать дождь.

Александр взглянул на часы.

— Пора.

И опустела Березовая Гряда. Александр оглянулся, словно хотел сказать на прощание: не шатайтесь, березки, не качай огненной головой, рябина. Кончится зима, и не вечно война будет сеять на земле смерть и горе. Придет радость, счастье и любовь. Тамара правду сказала…

Прошло два дня. Цынибриченко, Кечко и Котченко пустили под откос эшелон с гитлеровцами и снова пришли в Березовую Гряду. Но Тамары, Шапотова, Иванова и Александра Исаченко не

было. Прошло еще двое суток…

На третьи, когда рябина уронила первую гроздь, вернулись только двое: Тамара и Шапотов. Друзья поняли все по их лицам.

— Нашли снаряды, — говорила сквозь слезы Тамара, — вывинтили боеголовки, разожгли костер… Снаряды были фашистские, со вторым взрывателем. Никто этого не знал… Мы с Шапотовым стояли в карауле… Саша в тот момент делал форму для отливки, а Иванов подбрасывал в костер дрова…

Партизаны сняли шапки. Жалобно шумел осенний лес…

В освобожденном Гомеле шел митинг, посвященный памяти тех, кто отдал свою жизнь в борьбе с фашизмом. На трибуне Нина Новикова, секретарь горкома комсомола.

— Земля, на которую мы возвратились победителями, — говорит Нина, — освобождена благодаря мужеству и героизму наших людей. Скольких жизней стоила наша свобода! Сколько героев мечтало дожить до этого дня! В сорок первом, уходя в партизаны, Саша Исаченко сказал: «Окончится буря — встретимся». И вот мы встретились. И хотя Саши нет с нами, он живет в наших сердцах. Мы всегда будем помнить его, как настоящего товарища, комсомольского вожака, отважного подрывника, бесстрашного разведчика, Героя Советского Союза.

С того времени минуло более 20 лет.

И вот почти каждый раз встречают на речном вокзале в Гомеле пароход двое пожилых людей.

«Дорогая Агафья Григорьевна, дорогой Лаврентий Афанасьевич! » — такими словами начинаются письма к ним. Их много, этих писем.

«Своему пионерскому отряду мы присвоили имя Саши Исаченко, — пишут пионеры с Витебщины. — Это наш любимый герой. Мы будем учиться, как учился Саша. Только на «отлично». Мы будем в жизни такими же мужественными и преданными своей Родине, каким был Саша».

…Золотыми лучами искрится солнце в окнах домов Гомеля, в ветровых стеклах троллейбусов. Десятки заводов, фабрик дышат полной грудью. А на лугах дети собирают цветы.

За этот мир на земле, за то, чтобы цвели цветы, росли дети, отдал жизнь самый мирный человек — Александр Исаченко.

С. Красников
КОМБРИГ КАРИЦКИЙ

Партизанское дело такое,
Что во сне не бросаешь ружья,
И себе ни минуты покоя,
И врагу ни минуты житья.

Из партизанских стихов

Подвиг Героя Советского Союза Константина Дионисьевича Карицкого не мгновенная вспышка молнии, не удачное преодоление критической минуты. Героизм Карицкого рождался постепенно, крепчал в упорной длительной борьбе, проверялся терпением и временем, пройдя путь от неудач до успехов, до вершины партизанской славы. Подвиг Карицкого неразрывно связан с 5–й партизанской бригадой, венец ее боевой деятельности.

5–я партизанская бригада формировалась в феврале 1943 года в деревне Ровняк Славковского района Ленинградской области — на зимней базе партизан 3–й бригады, Отдельного полка и местных самостоятельных отрядов, зажатых карателями в кольцо окружения. Новая бригада предназначалась для боевых действий в Струго–Красненском районе — укрепленном опорном пункте захватчиков. Возлагая на эту бригаду большие надежды, Ленинградский штаб партизанского движения (ЛШПД) позаботился укрепить ее сильным командованием.

Комбриг 5–й — дважды орденоносец капитан К. Д. Карицкий. Комиссар бригады — капитан И. И. Сергунин. Начальник штаба — майор Т. А. Новиков.

Удачно были подобраны и другие руководящие работники бригады. Начальник политотдела И. И. Исаков, в прошлом моряк Балтийского флота, секретарь Оредежского РК ВКП(б), командир партизанского отряда, заместитель комбрига по разведке майор А. И. Иванов, начальник санслужбы, военврач III ранга В. А. Белкин, начальник связи бригады сержант Л. Д. Миронов, как и большинство отрядных вожаков, — кадровые военные и люди беззаветной храбрости.

Вначале бригада состояла из двух отрядов. 10 марта 1943 года на лед озера Чернозерье (Новоржевский район) парашютным десантом высадились партизанский отряд младшего лейтенанта С. Н. Чебыкина и сводный отряд моряков, влившиеся в бригаду Карицкого. Маршрут 5–й бригады в заданный район

предполагался недолгий — трех–четырехсуточный бросок на север. Цель — перерезать транспортные артерии неприятеля.

Так предполагали. Но в жизни получилось иначе. На пути бригады, в Славковском и Порховском районах, начала свирепствовать так называемая «мартовская» карательная экспедиция. Деревни — пожарища, дороги — грохот танкеток, орудийных лафетов, топот зеленошинельных иноземцев. Фашисты наседали.

Четырехнедельное отступление, изнурительные неравные бои, отсутствие боеприпасов и медикаментов, заметные потери в людях, удаление от Струго–Красненского района — все это привело к спаду боевого духа в бригаде.

В начале апреля, получив через линию фронта боеприпасы, бригада двинулась из Валдая в заданный район. Численный состав бригады — 700 бойцов. На ее вооружении 399 винтовок, 232 автомата, 29 пулеметов, миномет, гранаты, взрывчатка, рация. Внушительная боевая сила! Но пробиваться на север пришлось три недели, сквозь огневые заслоны захватчиков.

4 мая бригада форсировала разлившуюся реку Череха и остановилась у шоссейной и железной дорог на участке Карамышево — станция Узы. Впереди были войска неприятеля. Пока искали брешь, немцы обрушились на партизан. У деревни Тешково противник настиг бригаду. Бой длился весь день. Разведка донесла, что из Славковичей к месту боя вышла вражеская автоколонна с пехотой. Чтобы не оказаться раздавленной с двух фронтов, бригада, отрываясь от гитлеровцев, совершила за сутки 30–километровый бросок на юг, остановилась у деревни Малая Пустынька Сошихинского района.

16 мая бригада вновь тронулась на север. Пересекла железную дорогу на участке Псков — Карамышево, под самым носом гарнизонов неприятеля. Комбриг вел партизан там, где немцы никак их не ожидали.

Риск оправдался. Позади остались Карамышевский и окраина Новосельского района. 25 мая Карицкий ввел бригаду в заданный район, занял круговую оборону у деревни Вязовка — вблизи шоссе Псков — Луга, в 15 километрах от Варшавской железной дороги. Цель рядом. Посланные в дозор люди слышали гудки паровоза.

Но радоваться не пришлось. В район на отдых прибыла с фронта немецкая дивизия.

Действовать в этих условиях значило погубить людей. Требовалось принять решение, от которого зависела бы дальнейшая судьба бригады.

Доложили в Ленинград. Штаб медлил с ответом. Наконец

пришел приказ: бригаде разрешалось уйти в Уторгошский район, но с одним непременным условием — парализовать Витебскую железную дорогу на участке Батецкая — Сольцы и местные шоссейные дороги.

С осени 1943 года 5–я бригада начала свои наступательные боевые операции против карателей, свирепствовавших в Ленинградской области.

К тому времени бригада располагала внушительным количеством оружия. Она имела 804 винтовки, 556 автоматов, 65 ручных и три станковых пулемета, восемь минометов, столько же ПТР, шесть раций, около сотни пистолетов самых различных систем.

Но 28 октября 1943 года на партизанскую зону и на 5–ю бригаду обрушились танки и пушки, пехота так называемой «крымской» немецкой дивизии. Деревни Уторгошского района Киевец, Видони, Рямешка, Веретье, Красицы, Зачеренье и Вережейка стали ареной двухнедельных сражений. Бои были тяжелыми. Погибли 22 партизана, 54 были тяжело ранены; неизвестна судьба свыше 30 бойцов. В самый разгар неравных боев с карателями — в праздник 7 ноября — в деревню Киевец прибежала лошадь К. Д. Карицкого. И по партизанским рубежам пронеслась тревожная весть: «Убит комбриг!..»

Но Карицкий не погиб; раненым он вылетел из седла и упал в канаву. Осколок и пуля пробуравили толстый ватник и засели в мышцах левого надреберья.

Хирург извлек осколок, а пулю не заметил (Константин Дионисьевич до сих пор носит ее в себе). Из штаба прислали самолет, но комбриг отказался от эвакуации, передав в полки: «Жив. Остаюсь в строю. Майор Карицкий».

С этим же самолетом привезли из Ленинграда Красное знамя и вручили бригаде. Партизаны дали ленинградцам клятву, что опрокинут карателей. На их счету была уже не одна победа. Обезглавлен один из предводителей карательной экспедиции — начальник уторгошской жандармерии. Свыше 200 оккупантов навсегда распластались под холодным дождем. Разворочено два танка. Взлетел на воздух автобус с авиатехниками, направлявшимися по шоссе в Лугу и на Гатчинский аэродром. Два разведчика бригады проникли на аэродром Рельбицы, заминировали и взорвали четыре штабеля бомб, офицерское общежитие, бензовоз. Бои, упорные бои…

К середине ноября каратели, не достигнув цели, выдохлись. Натиск их спал. Инициатива перешла в руки партизан. Инициатива! Кто из военачальников не мечтает о ней! Не раз и не два вспоминал Карицкий о покойном комбриге 3–й Александре

Германе, ничем так не дорожившем, как боевой инициативой. И только теперь, впервые за время долгих тяжких, фактически оборонительных боев, бригада наконец-то перехватила боевую инициативу. Ее полки сразу же почувствовали себя сильнее. Неизмеримо поднялся морально–боевой дух личного состава. В бригаде родилась бодрая маршевая песня:

Путь по тылам всегда суров и труден,
Но сквозь огни прошли наши полки.
В бой нас ведут Карицкий и Сергунин.
В бой нас ведут орлы–большевики.

Бодрость и вера в успех явились лучшим лечебным средством для ран комбрига.

К началу разгрома немцев у стен Ленинграда 5–я бригада действовала на прежнем месте — в партизанской зоне. Южнее по соседству с ней, в Павском районе, находилась 10–я бригада. Бригадам было приказано оседлать железную дорогу от города Луги до Струг Красных, а также на 77–километровом участке шоссе, вывести из строя дорогу, не дать фашистским извергам возможности угонять в свое логово советских людей, увозить награбленное добро.

Получив приказ, Карицкий отдал распоряжение своим полкам — первому и четвертому — выйти в первоначально заданный район. На второй же день перехода наших войск в наступление под Ленинградом, 15 января 1944 года, партизаны Карицкого вышли на шоссе Псков — Луга, парализовали движение автотранспорта противника, двинулись к заветной «железке». Начальник ЛШПД Михаил Никитович Никитин, высоко оценив действия 5–й бригады, передал по радио для всей партизанской армии: «Берите пример с Карицкого». Затем в бригаду прибыл представитель штаба.

Ознакомившись с дислокацией и задачами полков 5–й бригады, он одобрил планы и действия Карицкого. Полк С. Чебыкина, как и прежде, оставался диверсионным, охранным, резервом командования бригады. Полки В. Егорова и В. Пучкова устремились к Варшавской дороге. Но взойти на «железку» не так-то просто — по обе стороны дороги скопление гитлеровских войск, боевой техники. Прорвались лишь разведывательные и диверсионные группы.

Полк А. Тараканова находился у Витебской железной дороги. Его трехмесячные наступательные действия увенчались

освобождением 27 января станции Передольская. Полк удерживал станцию до подхода 7–й гвардейской танковой бригады. Здесь-то и произошла ликующая встреча партизан 5–й бригады с частями Красной Армии.

Танкисты, взломав оборону немцев, ушли на новое задание. В прорыв устремилась 256–я Краснознаменная стрелковая дивизия 59–й армии Волховского фронта. Воспользовавшись тем, что дивизия вырвалась далеко вперед, противник отрезал ее. Тотчас же Карицкий получил из оперативной группы ЛШПД при штабе Волховского фронта приказание выручить армейцев, оказавшихся в окружении. Комбриг снял с Псковского шоссе свой 4–й, самый мощный и подвижный полк и бросил его на помощь полку Тараканова для выручки 256–й дивизии. Вместе с комдивом полковником А. Г. Козиевым они руководили круговой обороной.

Краснознаменная 256–я дивизия и два полка 5–й партизанской бригады выстояли в кровопролитных боях до 12 февраля, до подхода основных сил армии. Жестокие это были бои. Враг непрерывно бомбил расположение наших частей. Для ориентировки фашисты посылали с земли зеленые ракеты. Карицкий, проявив находчивость, приказал партизанам пускать такие же зеленые ракеты в направлении войск противника. Пунктуальные немецкие пилоты по сигналу этих зеленых ракет основательно бомбили свои части.

На ленинградской земле, на поле брани, шла заключительная сцена — самая напряженная и самая драматичная. Карицкий понимал, что в этих условиях, как никогда, требуются особая собранность, точный учет сил, осторожность. Он связался по радио с комиссаром бригады И. И. Сергуниным, руководившим вместе с начальником штаба М. С. Шохиным действиями 1–го и 3–го полков бригады в районе шоссе Псков — Луга. И было решено: сформировать из местных самостоятельных партизанских отрядов 5–й полк, направить его под командованием П. Ф. Скородумова к Варшавской дороге, чтобы тремя полками ворваться на основную магистраль отступающих немцев. 15 февраля, как только 256–я Краснознаменная дивизия вышла из окружения, Карицкий хотел спешно вести к Варшавской железной дороге полки А. Ф. Тараканова и В. В. Егорова. Ему очень хотелось верить, чтобы заключительный аккорд всей бригады прозвучал именно там, где она должна была воевать с первых дней своего рождения.

Но главный «транспорт» партизан, как известно, собственные ноги. Бойцы навьючены — пулеметы и боеприпасы, раненые, да еще и хозяйственно–штабной обоз… Не успеть. Никак не успеть. Да и незачем. 168–я дивизия генерал-майора Егорова при

поддержке 2–й имени И. Г. Васильева партизанской бригады под командованием Н. И. Синельникова уже овладела станцией и поселком Серебрянка. А 18 февраля двинулась 46–я дивизия полковника Борщева и партизанские бригады В. П. Объедкова и И. Г. Светлова разгромили 58–ю немецкую дивизию и приданные ей части и после жестокой схватки освободили станцию и районный центр Плюсса. Варшавская железная дорога на этом участке перестала служить оккупантам. Ленинградский фронт, развивая наступление, пошел вперед, на запад. Район действия 5–й партизанской бригады был освобожден от оккупантов.

Вспоминая эти счастливые минуты, Константин Дионисьевич говорит:

— Как-то даже не верилось вначале. Несколько минут назад мы дрались, как одержимые, лезли в самое пекло огня. И вдруг — тишина, полнейшая безопасность, мирный воздух. Ну, говорю, братцы родные, стройтесь в колонны…

* * *

6 марта 1944 года Международный (ныне Московский) проспект Ленинграда пережил одну из ликующих встреч. Широкие его тротуары и мостовая запружены народом. Пришли сюда и с Выборгской и Петроградской стороны, с Васильевского острова. В город–герой вступала бригада К. Д. Карицкого. Ленинградцы встречали прославленных партизан.

Семитысячная бригада в составе пяти полков шла по родному городу твердой поступью, с чувством исполненного долга. Ей было в чем отчитаться перед ленинградцами. Только с 15 января по 20 февраля 1944 года бригада сбросила под откос 18 вражеских паровозов, 160 вагонов, 2 бронепоезда, разбила 151 автомашину, взорвала или сожгла немало вражеских складов, оборвала 173 километра связи, истребила около 2400 оккупантов, спасла от угона в нацистское рабство свыше 30 тысяч советских граждан.

Аркадий Эвентов
РОБЕРТ КЛЕЙН — СЫН РОССИИ

1

К крыльцу областного автотреста мягко подкатила «Волга». Из нее вышел широкоплечий мужчина лет, вероятно, около пятидесяти. Он заметно прихрамывал. Годы и испытания избороздили его лицо. Но прямой, ясный и цепкий взгляд светлых глаз, волевая складка губ да глубокая ямочка на подбородке сохранились не тронутыми временем, думал я, мысленно возвращаясь к журнальной фотографии, которую только что рассматривал. «Начальник разведки 1–й Украинской партизанской дивизии имени Ковпака Герой Советского Союза Р. А. Клейн. 1944 год» — стояло под этой фотографией.

— Роберт Александрович?

— Так точно, — последовал ответ, — Клейн, управляющий Орловским автотрестом.

Рукопожатие его было энергичным.

Мы поднялись на второй этаж в небольшой, просто обставленный кабинет управляющего. Настенные часы показывали без пяти минут девять. Секретарь в приемной уже держала наготове какие-то срочные бумаги. Вдоль стен на стульях сидели нетерпеливые посети–тели. Сквозь чуть–чуть подрагивающие, как это бывает в поезде, стекла окон доносился рокот автосамосвалов, отправлявшихся в рейс из расположенного по соседству большого гаража. Мне показалось, Клейн на какое-то мгновение прислушался, уловив что-то свое в рабочем гуле моторов. Потом, сняв пальто и шапку, он подошел к письменному столу, повернул рычажок на маленьком телефонном коммутаторе и взял трубку. Начался рабочий день.

Я много читал об этом человеке. О нем, дерзновенном «партизане Роберте», рассказали боевые соратники П. П. Вершигора, Касым Кайсенов, Д. И. Бакрадзе. Теперь мне хотелось услышать рассказ его самого. Однако обстоятельно побеседовать с Клейном удалось лишь поздним вечером, когда, прогуливаясь по шумной, залитой огнями улице, мы вышли к мосту над Окой, которая делила Орел на две части.

— Видите, вон там, на взгорке, дома, мы построили их в сорок шестом и сорок седьмом, а те — еще через год–два. Той улицы десять лет назад и вовсе не было. А здесь мы скоро

возведем…

В его словах, в тоне чувствовался не просто старожил, а человек, отдавший городу частицу своего сердца. Далеко от Орла до города Энгельса, где родился, провел детство и юность Роберт Клейн. Большие расстояния пролегли между истоками Оки и просторами Днепра, еще больше — до Немана, Сана, Вислы, где воевал Роберт Клейн. А вот стал Орел «его» городом.

Почти 20 лет назад приехал Клейн сюда, чтобы организовать и возглавить автотранспортное хозяйство области. Приехал и сердцем прирос к древнему русскому городу, разрушенному фашистами. В юности колхозный тракторист, механик МТС, потом выпускник бронетанкового училища, командир танковой роты, Роберт Клейн отлично знал технику, доверенную ему сейчас, в мирные дни. Его полюбили водители автобусов, самосвалов, легковых и грузовых такси, днем и ночью мчащихся по бетонным лентам дорог Орловщины, механики, диспетчеры.

Русские, украинцы, белорусы, казахи, грузины — люди разных национальностей были они ему, немцу, родными братьями. И тогда, когда командовал разведывательной танковой ротой и когда сражался в партизанских отрядах.

2

— Было это на Днепре, вблизи могилы Шевченко, — вспоминает Роберт Александрович, — в августе сорок первого. Знали ли пятнадцать моих «братьев», что я, их командир, — немец? Конечно, знали. Но им известно было и то, что я — советский человек, коммунист и готов, как и они, если потребуется, жизнь отдать за Родину.

Пятнадцать красноармейцев моей роты, пятнадцать отважных, отправились со мной по тылам врага. Приказ обязывал нас взять «языка», который был бы не первым попавшимся под руку фашистом, пусть даже и офицером. Приказ требовал от нас захватить в плен и доставить в целости и невредимости в штаб армии, в Золотоношу, такого гитлеровца, который бы располагал важными сведениями о планах вероломного и подлого врага.

Двое суток пробирались мы по тылам оккупантов. Двое суток отыскивали их штабы. Не раз, выдавая себя за «их» немца, я обманывал фашистскую охрану, нагоняя страх на полицаев, и таким образом благополучно проводил своих ребят через такие места, где, казалось, не избежать было нам потасовки. Наконец мы облюбовали подходящий объект; с наступлением темноты бесшумно сняли охрану, поставили наших часовых. С

несколькими красноармейцами я быстро вошел в помещение гитлеровского штаба, и через несколько минут мы вынесли оттуда связанного по рукам и ногам офицера. «Язык» был благополучно доставлен в Золотоношу. Командование армии получило от него Еесьма ценные сведения о планах наступления оккупантов. Это, между прочим, позволило вовремя перебросить часть наших сил под Чернигов, где гитлеровцы не рассчитывали встретить сопротивление.

В операции за «языком» мы не понесли никаких потерь. Все пятнадцать моих «братков» получили за нее правительственные награды — орден Красной Звезды, а я был представлен к ордену Ленина.

Но получить эту первую правительственную награду мне не пришлось. Очень скоро, 12 сентября, я был тяжело ранен в бою под Борисполем, и след мой затерялся на земле, захваченной врагом.

3

Как это случилось, рассказал партизанский комбат 6, один из героев книги П. П. Вершигоры «Рейд на Сан и Вислу», нынешний председатель колхоза на Украине Андрей Калинович Цымбал:

— И остался он раненый на огороде, когда фашисты в Борисполь из Киева прорвались. Лежит танкист Клейн пластом, рядом с подсолнечником спелым. Нога перебитая — ни подняться, ни уползти. Он стебель подсолнуха зубами перегрыз, до решета добрался, выгрыз все семечки — и вроде сыт. Тут пить захотелось, а воды нет. Сами понимаете: солнце в полдень добре припекает. Горит весь наш Клейн. Разум стал мутиться. Словом, смерть… День так прошел, ночь миновала, новая заря на востоке занялась. И вдруг вышла на огород дивчина — хозяйская дочка. Увидела раненого. «Солдатику, тикай», — шепчет. — Немец у нас во дворе». А раненый свое: «Пи–ить». Глянула она на его рану страшную, тихо ойкнула… и убежала. Ну, думает Клейн, конец. Небо у него в глазах черным–черно стало: потерял, значит, сознание. А через полчаса приходит в себя и чует — весь воротник мокрый. Это девчонка та самая зубы ему разжала и в рот воды из глека льет… Берет та дивчина серп и начинает кукурузу жать. Жнет и кладет бодылья прямо на раненого. Целую скирду поналожила. Шуршат сухие листья. А затем словно ветерок подул — шепчет она: «Солдатику, ты живой?» «Живой», — отвечает Клейн. «Когда возможность будет, я опять приду и тебя сховаю», — говорит та дивчина и сует под бок тыкву с водой…

Роберт Александрович взволнован нахлынувшими воспоминаниями.

— Никогда в жизни не забуду я свою спасительницу — девушку Катерину, ее мать — пожилую крестьянку, всю их семью, принявшую меня, как родного сына и брата. Пробыл я у них до весны сорок второго. Прятали они меня, где и как только могли, выдавали за родственника, отыскали поблизости какого-то фельдшера, тоже верного, советского человека. Он меня и лечил. Словом, сделали все, что было в их возможностях, не посчитались с тем, что свои жизни ставили под удар.

Долго не был я в состоянии встать. А когда к весне с грехом пополам рана зажила, то оказалось, что левая нога стала у меня короче правой.

Весной настало время расставаться Клейну с его спасителями. Захваченная фашистами украинская земля полнилась слухами о непокоренных людях — партизанах. Воспрянул духом раненый танкист.

— Решил я, — рассказывает мне Роберт Александрович, — теперь для меня самый правильный путь — к партизанам. Но вступить на него нужно с толком и не с пустыми руками. Найду-ка я здесь, в Борисполе, надежных людей, сколочу с ними подпольную группу, и сделаем все, что только сможем, во вред оккупантам, на пользу Красной Армии. А уж потом двинем на Малую землю, в партизанский лес.

Этот план я стал осуществлять. Для начала устроился работать в бывшей МТС, в маленьком городке Переяславе. Затем, осмотревшись, предложил свои услуги гаражу Переяславского гебитскомиссариата. Тем временем искал и находил преданных Родине советских людей, которые в силу разных трагических обстоятельств очутились на территории, захваченной ненавистным врагом.

Постепенно сколачивалась боевая группа, которую мне, командиру Красной Армии, можно было в нужный момент, не колеблясь, привести в действие.

Раздобыл я себе подходящий аусвайс, на русском значит удостоверение. Аусвайс помог мне втереться в доверие к новой власти. Она на оккупированной земле создавала свою администрацию, пыталась налаживать хозяйство и, конечно, обратила внимание на меня, немца, поверила в мою придуманную биографию.

И вот я поставлен на пост начальника гаража гебитскомиссариата в Переяславе.

О том, что произошло дальше, рабсказывает Касым Кайсенов в своей книге «Из когтей смерти».

Казах Касым Кайсенов воевал на Украине. Он был в числе первых организаторов партизанских отрядов в Киевской области. Партизанский отряд под командованием Кайсенова, отряд «Васи» — так любовно называли Касыма его боевые соратники, — прошел по всей Украине от Киевщины до Закарпатья, совершая одну за другой дерзкие, крупные операции.

Вот как впервые встретились они с Робертом Клейном.

В штабе партизанского соединения имени Чапаева шло оперативное совещание с командирами. Вдруг вошел дежурный по соединению.

— Товарищ командир, — доложил он, — к нам прибыл какой-то человек из Переяслава. Говорит, что ему очень нужно повидаться с вами.

— Пусть войдет, — ответил командир, а когда в землянку шагнул незнакомец, спросил его:

— Кто вы? Зачем пожаловали?

— Я из подпольной организации автомобильного гаража переяславского гебитскомиссариата, — последовал ответ. — Меня послал к вам начальник этого гаража.

— Что ты мелешь? — сурово перебил вошедшего командир одного из отрядов. — Начальник гаража в Переяславе — немец. Зачем это ему понадобилось посылать тебя к партизанам?

— Ну и что же, что немец, — возразил командиру отряда комиссар соединения. — Немцы не все одинаковы. Некоторые уже давно разобрались в обстановке и борются с фашизмом. Не мешайте товарищу. Пусть расскажет обо всем, с чем пришел к нам.

— Да, он действительно немец, — ободренный поддержкой, снова заговорил посланец из Переяслава, — но он наш, советский! Правда, фашисты ему доверяют, считают за своего. Но Роберт Клейн знает свое дело. Это он создал в гараже подпольную организацию. У нас теперь работают только свои, проверенные и надежные люди. Клейн считает, что пришло время действовать. Потому и направил меня к вам. Подпольщики готовы угнать все машины в партизанский отряд или уничтожить их вместе с гаражом. Они просят вас принять их в отряд.

Касым Кайсенов, очевидец этой встречи, вспоминает далее, что тогда партизанские командиры, все обсудив, договорились гараж в Переяславе уничтожить, а часть машин вместе с подпольщиками доставить в лес.

Тут в землянку вошел один из бывших руководителей переяславской подпольной организации Илья Артемович

Процько, командир группы украинского партизанского соединения.

— Михеев?! — воскликнул он радостно, как только увидел пришедшего из Переяслава. — Жив, здоров?! Откуда ты?

Они обнялись и расцеловались.

«Намеченная встреча состоялась через несколько дней в районе Хоцких лесов, — читаем мы в книге «Из когтей смерти». — Хотя мы и были уверены, что встречаем настоящих друзей, партизанский опыт требовал от нас принятия всех мер предосторожности. Мы расставили дозоры и секреты и стали ждать подпольщиков.

— Товарищ командир, — доложил партизан Иван Гаман, — вижу машины. Но это, должно быть, не они.

— Почему ты так думаешь?

— Они должны ехать со стороны Переяслава, а эта дорога ведет в Золотоношу, — ответил Гаман.

— Это еще ничего не значит. — Я взял бинокль из рук наблюдателя и увидел над кабиной передней машины красный флаг. И я сказал об этом товарищам:

— Они. Видите? Это условные опознавательные знаки.

— Правда, флаг. Но почему они все же едут со стороны Золотоноши? — удивлялись партизаны.

— Чтобы замести следы, сбить немцев с толку, — сказал Иван Гаман и удовлетворенно добавил:

— Из этих ребят получатся настоящие партизаны».

Потом Кайсенов увидел, как автоколонна миновала крайний наблюдательный пост и остановилась на опушке. Из чащи леса в ту же минуту вышли командир соединения, комиссар, партизаны. Хлопнула дверка передней машины. От нее навстречу партизанам, слегка прихрамывая, побежал белокурый стройный молодой человек. Остановился, по–военному отдал честь и отрапортовал :

— Товарищ командир партизанского соединения! По решению подпольной организации шоферов гараж переяславского гебитскомиссариата уничтожен. Старший лейтенант Клейн прибыл в ваше распоряжение с четырнадцатью подпольщиками.

Пока Клейн докладывал, его люди вышли из машин и построились за ним в шеренгу. Командир соединения, горячо пожав Клейну руку, сказал, обращаясь к его товарищам :

— Поздравляю вас с вступлением в семью партизан! Поздравляю с успешным выполнением первого задания!

— Служим Советскому Союзу! — торжественно и радостно прозвучало в ответ.

«Так состоялась моя первая встреча с Робертом Клейном,

положившая начало нашей крепкой боевой дружбе», — заканчивает описание этого эпизода Касым Кайсенов.

Казах и немец стали братьями по оружию, по судьбе, по цели и смыслу жизни.

5

В ту ночь Роберт Клейн в форме майора немецкой армии с группой партизан отправился на задание. Им было поручено уничтожить фашистскую комендатуру в селе Малый Букрин Переяславского района. Из донесения разведки было известно, что ночью в комендатуре Малого Букрина соберутся немецкие офицеры, а к ним из Золотоноши пожалует целый взвод связистов.

Что ж, тем богаче будет «улов».

Не мешкая, двинулись в село и быстро окружили домик комендатуры. Роберт Клейн, Геннадий Милентенков и Григорий Алексеенко (тоже в немецкой форме) ступили на крыльцо. За ними Касым Кайсенов, одетый полицаем.

Часовой загородил было дверь винтовкой. Но Клейн, не останавливаясь, грозно по–немецки прикрикнул на солдата. Тот, вытянувшись, убрал винтовку и отдал честь. «Майор» прошел мимо него, «обер–лейтенант» и «полицай» не отставали ни на шаг. Тем временем из-за их спин выскочили двое партизан. Они мгновенно обезоружили и увели часового.

В кабинете комендант беседовал с четырьмя офицерами. Несколько солдат тут же дожидались приказаний.

«Майор», выхватив пистолет, направил его на растерянно хлопавшего глазами коменданта. Три других нежданных посетителя держали под дулами своих автоматов весь кабинет.

— Руки вверх! — скомандовал Клейн. — Сопротивляться не советую… Бесполезно.

Остальное было делом считанных минут. Немцев обезоружили и вывели во двор под охрану партизан. Коменданту Клейн приказал оставаться на месте и беспрекословно выполнять все, что от него потребуют.

Клейн и Кайсенов поспешили на улицу. Нужно было кончать операцию. Летняя ночь коротка. А возвращаться в лес, не дождавшись немцев из Золотоноши, означало выполнить задание всего лишь наполовину. Решили, пока позволяет темнота, ждать, чтобы захватить всех. И вот из дозора пришло донесение: в село въезжает машина с гитлеровцами.

«Партизаны быстро укрылись за домами, — вспоминает

Касым Кайсенов, — Роберт Клейн вышел на дорогу. Вскоре в конце улицы послышался рокот мотора и показалась машина. Роберт поднял руку, и машина остановилась. После коротких переговоров немецкий офицер вышел из кабины и пошел вслед за Клейном в комендатуру.

Мы ввели офицера в кабинет коменданта и быстро разоружили. Офицеру было приказано заставить своих солдат сдаться, чтобы не было напрасного кровопролития. Мы надеялись все сделать без шума, но в это время на улице неожиданно раздались выстрелы. Выскочив из комендатуры, мы обнаружили следующую картину: немецкие солдаты залегли у машины и лихорадочно палили во все стороны. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не находчивость Роберта Клейна. Он сбежал с крыльца и закричал:

— Мы окружены партизанами! Сдавайтесь! Сопротивление бесполезно!..

Немецкие солдаты подчинились и сложили оружие».

Утром на партизанской базе захваченных в плен фашистов допросили. Коменданта за его зверское обращение с партизанами и гражданским населением решено было судить. Приговор, зачитанный Клейном, гласил: расстрел.

Фашистский комендант решил разжалобить Клейна, попытался сыграть на его национальных чувствах.

— Почему вы относитесь ко мне так строго? — обратился он к Клейну. — Мне кажется, что вы немец.

Строго и спокойно Клейн ответил:

— Мы караем вас не за то, что вы немец, а за то, что вы фашист, палач и кровавый убийца.

6

«Здравия желаю, Роберт Александрович! Передает вам привет ваш боевой соратник Тканко Александр Васильевич. Сейчас работаю в г. Черкассы директором педагогического института…»

А. В. Тканко и Р. А. Клейн породнились на левобережье Днепра, в тылу оккупантов. До войны учительствовавший на Украине, А. В. Тканко к тому времени, когда они впервые встретились, был уже подполковником, не раз смотрел смерти в глаза. Во главе группы десантников Тканко спустился с парашютом у леса, где находилась база отряда Р. А. Клейна. Десантники соединились с партизанами в один отряд.

— Мне сразу пришелся по душе, — вспоминает Клейн, — этот молодой, энергичный и веселый человек. Я рад был назначению к

такому командиру помощником по разведке. Наше боевое братство крепло день ото дня в операциях. Выполняя задания Украинского штаба партизанского движения, мы с ним исколесили тысячи километров по земле, где зверствовал враг. И всюду нам сопутствовала удача. Да, будущий Герой Советского Союза Александр Васильевич Тканко отличался исключительной находчивостью и отвагой. Его нервы выдерживали любые нагрузки. Так случилось и на днепровской переправе в июле сорок третьего, невдалеке от города, где сейчас живет Тканко.

Да, Роберт Александрович, вы правы: та удача на днепровской переправе многим обязана прекрасным качествам вашего боевого друга. Но не будем замалчивать долю вашего участия в этом опасном деле.

…Рассвет на Черкасском шоссе, что ведет к Днепру. Блестевший лаком «оппель–адмирал», неприметно вынырнувший из леса, приглушенно, но солидно сигналя, догонял и обгонял немецкие автоколонны, танки, артиллерию. 1–й и 2–й Украинские фронты развертывали тогда стремительное наступление к Днепру. Фашисты торопились поскорее перебраться на его правый берег и там организовать оборону. Партизанам поручалось задержать врага на левом берегу, не допустить, чтобы он воспользовался переправой, а потом, отступив, взорвал ее.

И вот в «оппель–адмирале» едет советский капитан, начальник разведки партизанского отряда Клейн, превратившийся в полковника гитлеровского генерального штаба с особыми полномочиями фюрера. Сверкают ордена на кителе, снятом с действительного полковника гитлеровской ставки. Через плечо — добротный планшет, там немецкая карта, и бинокль. На пистолете, спрятанном в кобуре, — дарственная надпись генерала Гудериана.

Рядом с «полковником» чуть склонился над баранкой руля Тканко, одетый вахмейстером.

Поспели вовремя. Переброска немецких танков, самоходок, зенитных батарей и автомашин через реку только началась.

«Полковник генерального штаба» вышел из машины и офицеру вермахта, распоряжавшемуся на переправе, отдал приказ:

— С правого берега всех немедленно вернуть! Оставаться здесь, окапываться!

Начальник переправы, понукаемый окриком «Кто здесь оглох?!», кинулся было исполнять неожиданный приказ ставки, но вдруг опомнился, заподозрив что-то неладное.

Саша Тканко, беспечно насвистывая бравурную немецкую

песенку, не спускал глаз с Клейна и приоткрыл дверцу «оппеля»: там, укрытые брезентом, лежали гранаты, припасенные на самый крайний случай.

Неужели ничего другого уже не остается? Нет, с гранатами повременим, — решает Клейн. Он не подает знака Тканко…

Начальник переправы заколебался? Ему хочется получить письменное подтверждение приказа ставки? Что ж, он сейчас его получит, и так, чтобы все его подчиненные поняли, сколь неограниченны полномочия «полковника».

— Именем фюрера! — крикнул «полковник ставки».

Прогремел выстрел. Из того самого пистолета с дарственной надписью Гудериана на серебряной табличке. Сраженный в упор, начальник переправы рухнул замертво. Чтобы у фашистов рассеялись последние сомнения, «полковник», прежде чем опустить пистолет в кобуру, подержал его на виду так и столько времени, сколько нужно было гитлеровцам получше разглядеть серебро на рукоятке.

— Разойтись! Выполнять приказание! — скомандовал «полковник». Фашисты, сообразив, что тут не до шуток, старались как можно лучше ему угодить.

По сигналу маленькой походной рации, скрытой в камышах вблизи места событий, наша авиация успешно разбомбила скопление вражеской техники на правом берегу у переправы. Когда советские наземные части вплотную подошли к ней, фашисты по команде «полковника для особых поручений фюрера» дружно сложили оружие.

* * *

Так сражался за свою Родину Роберт Клейн. И Родина удостоила своего сына звания Героя Советского Союза. А как только кончилась война, он приехал в Орел.

Встретили его здесь хорошо. И стал Орел для Клейна родным и любимым городом.

Вл. Павлов
РУКА ДРУГА

К вечеру шестого июля мы подошли к селу Галузье, в котором, как доложила разведка, расположился местный партизанский отряд. После утомительного марша я и мои товарищи–подрывники Гриша Мыльников, Саша Машуков и Володя Клоков разлеглись в тени деревьев, в небольшом садике, окружавшем штабную хату. Вечерний ветерок забирался под наше партизанское обмундирование — под гимнастерки, трофейные немецкие кители, под штатские пиджаки и приятно холодил тело. Мы только что основательно поужинали и теперь подумывали о ночлеге. Но спать не пришлось.

В штабной хате послышался шум, и на пороге появилась высокая фигура заместителя командира партизанского соединения по диверсионной работе старшего лейтенанта Егорова.

— А ну-ка идите сюда! — поманил Егоров меня и Клокова.

Мы с Володей встали и приблизились к старшему лейтенанту.

— Вот что, орлы! — вполголоса проговорил Егоров. — Проводников нам дали. Откладывать нечего! Берите эмзеде, взрывчатку — и шагом марш!..

Егоров с минуту помолчал и внушительно добавил:

— Только помните, с какой миной идете! ТОС (техника особой секретности)… Может, вы устали? Может, других назначить?..

Мы с Володей переглянулись. Устать-то мы, конечно, устали… Но какой подрывник откажется установить новую секретную мину и первым испытать ее? А главное, первым открыть счет взорванных немецких эшелонов на линиях Ковельского узла!

Ковель — крупный железнодорожный узел. Пять важных стратегических магистралей расходятся из него на Сарны, Ровно, Брест, Люблин, Новоград–Волынский…

Перед нашим партизанским соединением генерал–майора А. Ф. Федорова стояла задача блокировать эти линии, прервать или хотя бы сократить движение гитлеровских поездов. Это было тем более важно, что именно через Ковель шел подвоз военных грузов к Курску, под которым в то время фашистское командование только что начало операцию «Цитадель» (наступление на Курской дуге в начале июля 1943 года).

И вот на одной из важнейших линий Ковельского железнодорожного узла — Ковель — Сарны нам с Володей Клоковым предстояло установить и испытать первую новую секретную мину замедленного действия, которую партизанские подрывники впоследствии ласково назвали «эмзедушкой»…

Как бы мы ни устали, от такой чести отказываться у нас было не принято.

Через полчаса мы выступили. Наша группа состояла из взвода охранения, трех проводников и двух минеров — Володи Клокова и меня.

Мы пересекли шлях, соединявший станцию и село Манивичи, и углубились в лес, примыкавший к железной дороге. Шли просекой. Под ногами чуть слышно шелестела трава, посеребренная поблескивающими в тусклом свете месяца капельками росы. В сапоги проникала сырость. Никто не произносил ни слова: у дороги не то что говорить — запрещается чихать, кашлять и даже дышать громко.

Наконец лес слева от просеки кончился, и совсем неподалеку показались огоньки станции. Донеслось сонное покрикивание маневрового паровоза, лязг буферов, ленивый перебрех собак. Прямо перед нами блестели рельсы. Мы остановились, сгрудились тесной группой.

По неписаному партизанскому закону вся власть у линии железной дороги переходила к подрывникам.

Володя Клоков шепотом проинструктировал:

— Два человека с нами. Остальные — в охранение на фланги. Подойдет патруль — подпускай поближе и бей! И не отходить, пока не кончим!..

Командир взвода охранения шепотом перечислил фамилии — кому влево, кому вправо, и люди неслышно растаяли в темноте.

Мы тщательно отряхнули себя руками: не дай бог пристанет травинка или веточка, бумажка какая-нибудь. Останется на «железке» — пропало все: немцы сразу обнаружат мину.

Володе Клокову пришлось немало повозиться, прежде чем он выкопал яму. Сначала он ощупью собрал и отложил в сторону камешки, оказавшиеся наверху. За ними последовал осторожно срезанный слой верхнего балласта. И только после этого он начал копать. Слежавшийся песок поддавался туго. Лопата скребла, как о железо. Володя сквозь зубы шипел проклятия, поминал всех «святых».

А я тем временем монтировал мину. Обмотал изоляцией оголенные провода в местах соединений, установил получасовое замедление, воткнул детонатор в запальную шашку и закрепил

его спичкой, чтоб не выскочил.

Наконец яма готова. Мы запихали в нее заряд и сверху установили смонтированную мину. Я положил на кнопку неизвлекаемости, которую мы приделали сами, чтобы враг не мог снять мины, грузик и, придерживая его рукой, взялся за предохранитель.

— Засыпай! — шепнул я.

Володя руками стал сгребать с плащ–палатки землю, утрамбовывая ее кулаками. Скоро я почувствовал, что мои руки, удерживающие грузик на кнопке неизвлекаемости, засыпаны. Наступил ответственный момент — снятие предохранителя. Это самая ответственная часть установки мины. Неверное шевеление, малейшая дрожь в пальцах — взрыв. Конечно, и я и Володя на тренировках, когда вместо взрывателя в мину включалась электрическая лампочка, не раз снимали предохранители. На тренировках получалось все гладко. Но здесь в темноте на железной дороге, по которой вот–вот пройдет вражеский патруль, с настоящей боевой миной, начиненной десятью килограммами взрывчатки, — здесь все выглядело иначе…

— Давай под насыпь! — шепнул я Володе. — Снимаю.

В ответ Володя пробурчал что-то невразумительное и еще ближе пригнул голову к яме.

— Уходи! — настаивал я. — Не ровен час — рванет.

— Пошел ты к черту! — зло прошептал в ответ Володя. — Снимай, тебе говорят!

Осторожно, чуть шевеля пальцами, я потащил предохранитель. Чуть потянул — выдержка… Еще чуть — и опять выдержка… Еще… Есть!

Палочка предохранителя освободилась. Я осторожно вынул руки из ямки, сунул предохранитель в карман и облегченно вздохнул:

— Готово!

Володя разогнулся. Мы быстро засыпали яму, осторожно уложили верхний слой, камешки, щепки, гайки — все как было. Я был обут в немецкие сапоги и для маскировки несколько раз прошелся по мине. Потом мы подхватили плащ-палатку с оставшейся землей и потащили в лес высыпать…

Оставалось ждать. Если и пойдет вражеский патруль и кто-нибудь из солдат наступит на мину, она не взорвется: взрыв может вызвать только поезд.

— Почему ты не ушел? — спросил я у Володи, когда вся наша группа собралась в лесу.

— Ты что ж думаешь, я мог вернуться один? Оставить тебя? Ты за кого меня считаешь?..

— А ну как взрыв?

— Погибать так вместе! — отрезал Володя. — И больше говорить об этом не будем!..

Днем на нашей мине взорвался вражеский эшелон…

Случай этот (я говорю о самом процессе установки мины) самый рядовой, обыденный. И Володе Клокову, и всем другим подрывникам–диверсантам не один десяток раз приходилось ставить эмзедушки на вражеских железных дорогах, эмзедушки, которые очень скоро сделались для нас простыми и привычными…

И я рассказал об этом случае лишь ради замечательной черты Володиного характера — никогда, ни при каких обстоятельствах не покидать товарища в минуту опасности…

Представьте себе светловолосого человека в желтой гимнастерке, сшитой из парашютного мешка. На одной ноге он носил сапог, на другой — лапоть из ссохшейся невыделанной кожи.

Так выглядел Володя Клоков. Собственно, настоящее его имя вовсе не Владимир, а Всеволод. Но в отряде он назвался Володей. Вот и присохла к нему навсегда эта кличка–имя.

По твердому выговору, по усеченным словечкам, по букве «о», произносимой чуть более округло, — по всем этим особенностям, сохранившимся и по сей день, когда Володя, Всеволод Иванович Клоков, стал ученым, доктором наук, можно догадаться, что он сибиряк. Так оно и есть: родом Володя из Усть–Катава, окончил институт в Томске и, наверное, остался бы там в аспирантуре, если бы не война…

Что касается кожаного лаптя — «чуня», как у нас называли такого рода обувку, то Володя носил его не от хорошей жизни. В марте сорок второго Клоков и наш главный сибиряк Вася Кузнецов, по прозвищу Чалдон, впервые отправились на диверсию к железной дороге. В ожидании момента, когда можно будет поставить мину, новоиспеченным диверсантам пришлось без малого сутки пролежать на мокром снегу. Взорвать гитлеровский эшелон не удалось — первый блин получился комом. Зато Володя обморозил ногу, и на пальце у него образовалась долго не заживающая язва. Ради «палчика» и пришлось на одной ноге носить чуню!

Если Вася — Чалдон, золотоискатель из-под Иркутска, прирожденный таежник, как будто специально созданный для партизанской войны, считался у нас «главным» сибиряком, то Володя был главным хранителем неписаных законов партизанской чести.

Каждый новичок, попадавший к нам в подрывной взвод,

проходил Володину школу. Если хлопец оказывался стоящим, Володя брал его под свое покровительство. Но не дай бог новичку обнаружить собственнические замашки, струсить или отказать в помощи товарищу! Володя немедленно зачислял его в разряд «штрафников», которые если и ходили на диверсии, то лишь за тем, чтобы на марше нести заряд, ухаживали за лошадьми, чистили картошку, кололи дрова и вообще были на подхвате.

Однажды кто-то из новеньких притащил с задания кисет табаку. Курево у нас в то время ценилось на вес золота. Курили сушеный лист, крошеную солому и даже конский навоз, почему-то прозванный табаком «Скачки». Ходили такие выражения: «оставь сорок», «дай на губу», «не бросай — я брошу»…

Командир соединения Алексей Федорович Федоров из своего заветного запаса выдавал на закрутку особо отличнв–шимся в боях, в разведке и на диверсиях. Да и эту закрутку, которую каждый из нас до сих пор вспоминает как дорогую награду, мы лишь прикуривали и делали из нее одну, самое большее две затяжки. Остальное бережно тащили во взвод, и там цигарка шла по кругу.

Не знаю, хотел ли новичок за что-нибудь отблагодарить Клокова или завоевать его расположение. Что бы там ни было — он отозвал Володю в сторону, вынул из-за пазухи кисет и, заговорщически оглядываясь, сказал:

— Давай закурим!

Володя молча взял кисет, взвесил его на ладони, развязал шнурок, понюхал.

— Н–да! — задумчиво проговорил он. — Хорош табачок!

— Змей! — подхватил хлопец, не замечая иронии в Володином голосе. — Как хватишь — до самых кишок достает! Отсыпь себе половину!

— Знаешь что, дружок? — негромко сказал Володя, возвращая кисет. — Мы-то с тобой, конечно, закурим. Только не сейчас, а со всеми вместе. Пока же прими свой кисет да бегом–сдай его старшине! Все, до крошки! Понял?.. А за то, что тайком хотел, да еще и меня втягивал, получи три наряда вне очереди!

Некоторое время Володя пристально смотрел на новичка, совершенно опешившего и растерявшегося. Потом добавил:

— Вообще-то у нас за такие дела морду бьют… Так что ты еще дешево отделался! Вот оно как, мил ты мой человек! В подрывном деле иначе нельзя!

Прошло время, и этот хлопец, который так неудачно пытался угостить Володю табаком, стал лихим диверсантом и прекрасным товарищем. Наука подействовала!.. Словом, Володя Клоков был, фигурально выражаясь, совестью нашего подрывного взвода.

В декабре сорок второго из Клетнянского леса, в котором в то время расположилось зимним лагерем наше партизанское соединение, выступила в дальний рейд, к железной дороге Гомель — Брянск, диверсионная группа. Политруком этой группы был назначен Володя Клоков. Был в ней и я. В район Добруша, где мы собирались минировать эту важную магистраль, можно было идти двумя путями. Один из них — более безопасный, но и более длинный — пролегал через густые леса, тянувшиеся лентой вдоль правого берега реки Сол«, мимо Чечерска, Ветки и Светилович. Другой — короче километров на сто — шел полями мимо крупных сел, занятых фашистскими гарнизонами.

Быть может, мы и выбрали бы более безопасный путь, если бы в тот момент, когда мы вышли на опушку, в поле не бушевала метель. Сквозь мутную снежную пелену не виделось ни зги. Стоило отойти на десять шагов — наши маскхалаты сливались с белой мглой, растворялись в ней.

— А что, если двинуть полем? — вдруг сказал Володя Клоков. — Смотри, какая заметь!

— Полем? А ну как метель прекратится?

— Дотемна не прекратится. А там — коней достанем!

В предложении Володи было много заманчивого. Обычно партизаны держались леса, в котором найти их трудно. А если и случалось выскакивать в поле, то лишь с таким расчетом, чтобы на рассвете вернуться назад под своды леса. Впрочем, мелкие диверсионные группы и разведчики задерживались в поле на более или менее долгий срок. Однако случалось это летом, да к тому же и группы эти были легкими, без всякого обоза. А тут стояла зима, у нас был с собой груз — взрывчатка и боеприпасы. Да и людей насчитывалось немало — около двадцати человек. Целый отряд!..

Тем не менее Володино предложение приняли: в поле враг нас наверняка не ждет. Мы можем обрушиться как снег на голову, разогнать гарнизоны, захватить трофеи. А когда он спохватится и начнет преследование, будет уже поздно — мы доберемся до опушки Добрушского леса!

За вьюгой и ночной тьмой, как за занавесом, мы углубились в поле и расположились на день (по партизанскому обычаю мы двигались ночью, а отдыхали днем) в небольшом, по самые крыши занесенном снегом селе. Работники местной комендатуры и староста ахнуть не успели, как уже были арестованы. Заодно мы захватили заготовителя районной комендатуры, который собирал продукты для гитлеровского гарнизона, расположенного в райцентре Гордеевка. Заготовитель имел неосторожность расположиться в доме старосты. Первые же трофеи показали, что

Володины надежды оправдываются. Я не говорю об оружии. В наши руки попало всего три винтовки. Среди них — одна старая французская, невесть как занесенная в эти места, к которой оказалось всего три патрона. И еще побелевший от старости наган.

Зато в санях у заготовителя оказалось немало продовольствия — сала, муки, спирта и даже меду. А наш, по выражению Володи, «тяговый парк» пополнился четырьмя парами великолепных кованых лошадей… Теперь, в снежном океане, по которому не проплыть никаким немецким «бюссингам», погоня нам не страшна!

Нам с Володей достался красивый серый конь, с шеей, выгнутой по–лебединому, и с чуть более темной полосой вдоль хребта. Мы его так и назвали по цвету — Серый. Володя по–хозяйски оборудовал сани: приделал к задку спинку–скорогон, подвесил гранаты, чтобы они были всегда под рукой, настелил на дно свежего сена, поверх которого бросил распоротый парашютный мешок вместо полости. Позади спинки Володя привязал бочонок с медом, к передку — два мешка с овсом для нашего Серого, а под сиденье уложил большую торбу со всякой снедью. Словом, мы были снаряжены хорошо.

Мы двигались всю ночь и весь день: наша дневка в селе, разумеется, не могла остаться незамеченной. Во всех окрестных немецких гарнизонах враги знали о нашем продвижении, и надо было спешить. Погода нам благоприятствовала. Правда, к утру метель прекратилась. Зато пал густой, как молоко, туман — завеса получше, чем метель. В одном месте нам встретился большак. Он мало чем отличался от проселочной дороги, разве что столбами, по которым ниже старых, довоенных проводов была натянута блестящая проволока немецкой связи.

До самой опушки к вечеру нам добраться не удалось. Но от маленького сельца, в котором мы остановились, тянулись кустики; по утверждению местных жителей, километров через пять, на юге, они смыкались с большим лесом.

Вообще-то говоря, может быть, и не стоило оставаться в этом сельце — вдоль него проходила торная дорога из Новозыбкова на Добруш; на ее укатанном снегу мы заметили свежие следы машин. Лучше и безопаснее было бы добраться до какого-нибудь хуторка в лесу. Но кони наши еле переставляли ноги, мы проголодались, продрогли, смертельно хотели спать: как-никак уже трое суток не смыкали веки… И один вид жилья — приветливо дымивших трубами русских бревенчатых изб — взял верх над осторожностью. Мы выставили караулы с пулеметами и разошлись по избам отдыхать.

Как и всегда, я и Володя остановились вместе. Кроме нас в избе расположился и командир диверсионной группы. Наскоро похлебав горячего борща, мы улеглись спать. Первая половина дня прошла благополучно, без всяких происшествий. Но когда солнце начало клониться к лиловой полоске леса, полукругом охватывавшего село на горизонте, в нашу избу вошел запыхавшийся часовой.

— Какие-то хлопцы на заставу пришли! — сказал он, с трудом переводя дух. — Командира просят.

— Веди! — распорядился командир.

В избу вошло десять невооруженных, худо одетых, совсем еще юных хлопцев. По их выговору мы догадались, что они белорусы — в этом не было ничего удивительного; о том месте, в которое мы пришли, местные жители говорят, что тут всякий петух поет на три республики: Украину, Белоруссию и РСФСР. И верно, все эти три республики граничат здесь друг с другом.

Хлопцы столпились у входа смущенной кучкой и молча переминались с ноги на ногу.

Командир группы, большой, усатый человек, очень любивший «производить впечатление», некоторое время молча рассматривал их, ковыряя длинным, специально для этого отрощенным ногтем в зубе.

— Ну? — спросил наконец он. — С чем пришли?

На середину горницы вышел хлопец, одетый в рваную стеганку, подпоясанную веревкой. Он хотел было что-то сказать, но вдруг смутился, покраснел и уставился в пол.

— Говори, не бойся! — поддержал его Володя.

— Мы… — с трудом выдавил хлопец. — Мы решили в партизаны!..

Командир нашей группы был сыт, хорошо отоспался, близость вечера создавала у него впечатление относительной безопасности. Он был не прочь позабавиться.

— Ах вот оно что! — протянул он, приподнимая в улыбке свои закрученные кверху усы и черную полукруглую бровь. — В партизаны? Н–да… А кто вы такие будете? Из какой части?

— Мы не из части… Мы из деревни.

— Из деревни? Ага… Это интересно!

— Из деревни! — несколько осмелев, повторил парень, который, видно, был за старшего у этих десяти. — Когда война началась, нам по пятнадцать было. Только что в комсомол приняли… Просились на фронт — не взяли. А теперь у всех призывной возраст!.. Возьмите, пожалуйста!..

— Так уж и всех чохом взять?

— Уж всех… Мы ж с одного класса… Восьмой «Б»!

— Потянуло, значит, восьмой «Б» в партизаны? Та–ак! А вы знаете, что оно такое — партизаны?

— Ну ясно, знаем!

— А что самое опасное в партизанской войне?

— Как что?.. Немец… Что ж еще?

— Ну вот видишь, не знаешь, а в партизаны собрался! Самое опасное в нашем деле — по лесу ночью бегать. Глаз можно выколоть!.. От мамки-то у вас письменное разрешение имеется?

Тут только хлопцы поняли, что над ними смеются. Было что-то унизительное в этом допросе. По Володиному лицу я видел, как он медленно начинает закипать. Я знал: его вот–вот прорвет.

— Вот оно как обернулось… — сказал хлопец, вскинув голову. — Мы за еэми следом вторые сутки идем. Не думали, что так встретите!..

— А ты ждал, что тут вам каждому погремушку выдадут? Не берем мы всяких… У нас не детский сад!

— Подожди, командир! — сдерживаясь, сказал Володя. — Поговорил? А теперь я говорить буду! Пошли, ребята!

Минут через двадцать Володя вернулся.

— Ну что? — спросил его командир. — Выпроводил?

Не отвечая, Володя скрутил цигарку, прикурил от трофейной зажигалки, сплюнул в помойное ведро, стоявшее в углу.

— Сейчас они едят, — сдержанно сказал наконец Володя. — Голодны, как черти…

— Поедят — и пусть двигают ко всем чертям! — недовольно проговорил командир.

Володя зло двинул желваками на скулах.

— Нет, они пойдут с нами! — отрезал он.

— С нами? Ты хочешь взять в группу этих сосунков? А кто за них поручится?

— Я!

Неизвестно, чем бы кончился этот разговор, если бы в избу скова не влетел часовой.

— Немцы!

Мы выскочили на улицу. По дороге, лежащей по ту сторону лощины, на краю которой раскинулось село, двигалась колонна. Впереди, развернувшись змейкой, шли пешие дозоры с военными повозками. Сзади темными пятнами виднелись машины. Порывистый ветер время от времени доносил их нарастающий гул.

— В ружье! — закричал командир. — Скорей! К лесу!

Но и без его команды люди торопливо выводили из дворов лошадей (по партизанскому обычаю их не распрягали), кидали в сани пожитки и, нахлестывая кнутами, мчали к кустам.

Видимо, гитлеровцы заметили движение в селе. Часть их залегла. Другие, пригибаясь, кинулись вправо и влево, обходя лощину с двух сторон.

— Стой! — крикнул Володя. — Стой! Я сейчас!..

— Ты куда?! — замахал руками из саней командир.

— Ребята!

— Да черт с ними, с твоими ребятами!..

Но Володя не слушал. Его фигура уже мелькала между избами, пока не скрылась в каких-то воротах.

Наши сани сгрудились в конце села, там, где начинались кусты. Я посмотрел на командира. Он был бледен, видно, колебался — отдать команду двигаться или подождать. Не дожидаясь его приказа, мы соскочили с саней и, развернувшись в цепь, залегли. Со стороны гитлеровцев прогремели первые очереди. Им ответили наши трофейные «универсалы». Затрещали автоматы. Стог сена справа от нас вспыхнул и зачадил, прикрывая нас дымовой завесой.

Наконец на улице появился Володя. Следом за ним, взволнованные и серьезные, бежали десять парней.

Мы рассадили их по саням и под аккомпанемент пулеметных и автоматных очередей двинулись прочь от села, к лесу…

Можно было бы еще немало рассказать о Володе, подробнее поведать о его боевой, полной тягот и опасностей партизанской жизни. О том, как он руководил массовой установкой мин на железной дороге Ковель — Сарны, мотаясь вдвоем с ездовым на огромном пространстве от Чарторыйска до Повурска, отбиваясь от вражеских засад. О том, как взрывал поезда под Брестом и Кобрином. О том, как высадился в братской Чехословакии и стал комиссаром повстанческой партизанской бригады имени Суворова в славные и трудные дни Словацкого восстания в тылу немецких войск.

Но, мне думается, и без этого понятно, каков он, мой друг, — воин, ученый, партизан, Герой Советского Союза — Всеволод Иванович Клоков.

А. Захарова, бывший комиссар партизанской бригады
ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Летом 1942 года через линию фронта, в тыл врага, осторожно продвигалась группа в девять человек. Позади сотни километров трудного пути, а впереди родные села и деревни, занятые лютым врагом.

Вот железная дорога. Она тщательно охраняется немцами: подходы заминированы, вырублены придорожные полосы леса, шныряют патрули, вдоль дорог бункера, дзоты с подземными ходами.

— Туго приходится завоевателям, если им нужно так охраняться, — сказал кто-то. — Видно, здесь уже поработали партизаны.

Только подрывники взошли на полотно, из-за насыпи выскочила большая группа немецких солдат. Завязался бой. Из ближнего бункера застрочил пулемет.

В коротком, но жарком бою, первом бою в тылу врага, группа проявила выдержку, умение быстро ориентироваться е обстановке. Особенно отличились три бойца, три друга — Владимир Короткий, Филипп Ковалев и Иван Шитиков.

Все трое — в прошлом бойцы Красной Армии. С первых дней войны участвовали в тяжелых боях, познали горечь отступления. Филипп Ковалев в сентябре 1941 года в боях за Ленинград был тяжело ранен. Лечился в госпитале, ка Урале. А когда стали выписывать, объявили, что в строй ему уже не вернуться.

— Как не вернуться? — удивленно переспросил Ковалев. — Враг топчет нашу землю, а я буду смотреть на это со стороны? Нет! Не могу!

Настойчиво просил он, чтобы его признали годным к службе в армии. Отказали.

Тогда он написал в штаб партизанского движения, и уже не просил, а убедительно требовал направить его в тыл врага, в Белоруссию.

Его желание удовлетворили. На курсах подрывников он встретился с Шитиковым и Коротким. С тех пор и стали они неразлучными друзьями.

На живописных берегах реки Друть в Рогачевском районе раскинулись Озерянские леса. Красивые места. То на десятки километров тянется сосновый бор — чистый, звенящий. Сосны, вытянутые в струнку, отливая медью, вершинами подпирают

облака. То дубовые рощи, с могучими столетними великанами дубами. А то смешанный лес — веселая береза вперемежку с сосной и елью, осина, липа и… птичий гомон. Настоящая симфония птичьих голосов!

К Озерянским лесам примыкают леса Кировского, Быховского, Клического районов.

Сюда и шла группа партизан во главе с Филиппом Ковалевым. В лесах Рогачевщины с августа 1941 года действовал Рогачевский подпольный райком партии. Рогачевские большевики подняли народ и организовали его на великую борьбу с фашистскими ордами. К осени 1942 года здесь действовал 255–й партизанский отряд, насчитывавший к тому времени сотни бойцов. Позднее отряд вырос в 8–ю Рогачевскую бригаду.

В отряде было немало опытных бойцов: Константин Гордиевский, Аркадий Добкин, Григорий Клятецкий, Василий Яркин и другие. Все они имели богатый опыт подрывников. Сами умели изготовлять мины, на счету у каждого были подорванные эшелоны. Группу Ковалева встретили радостно. Делились новостями, опытом. Ковалевцы сразу же включились в дело.

Особое внимание партизаны уделяли участку железной дороги Могилев — Рогачев в районе Старого Села. Здесь на партизанских минах систематически подрывались вражеские эшелоны.

Гитлеровцы создали на подходе к этому участку железной дороги сильно укрепленный гарнизон. Со всех сторон обнесли его колючей проволокой, по углам расставили пулеметные гнезда. В помощь часовым дали здоровенных овчарок. Этот гарнизон надо было ликвидировать.

— Разобьем, хлопцы, обязательно разобьем, — обещал Ковалев. — Не силой, так хитростью возьмем. — Он и предложил план.

Разведка установила, что кроме немцев в гарнизоне есть власовцы. Через жителя Старого Села Андрея Колачева выяснили, что двое из них — Амвросий Товсторог и Григорий Лавриненко — бывшие военнопленные, давно ищут связи с партизанами. Решили воспользоваться их помощью. Операцию намечали на ту ночь, когда часовым будет Товсторог.

Партизаны, разбившись на группы, без шума должны окружить гарнизон. Лавриненко поручили изолировать овчарок. Ровно в полночь Товсторог должен был дать сигнал. От того, как они выполнят задание, зависело, быть им в партизанском отряде или не быть.

И вот наступила эта ночь. Ковалев, Короткий и Шитиков залегли совсем рядом с входом в гарнизон. Остальные группы —

подальше. Побежали минуты. Уже за двенадцать, а сигнала все нет.

Какие только мысли не лезут в голову: не разоблачен ли Товсторог, не струсил ли? Может, немцам уже известно о плане партизан? В таком случае, вместо легкой победы, придется вести тяжелый бой. А партизан небольшая группа, оружия всего один пулемет, с одним заряженным диском, два автомата и несколько карабинов. И все-таки партизаны от намеченного не отступают.

Но вот и сигнал. Ковалев, Короткий, Шитиков и Радчиков вбежали в помещение. Дежуривший у телефона немец растерялся, но, когда Короткий взял из сейфа документы, а Ковалев и Шитиков бросились в соседнюю комнату, он закричал. Всполошился весь гарнизон. Начался бой. В короткой схватке гарнизон был разгромлен. Здание сожжено. У партизан потерь не было.

Немцы так и не восстановили здесь гарнизона. Подходы к железной дороге стали свободны.

Еще не остыв от горячего боя, партизаны пошли подрывать эшелон. Здесь поработали уже разведчики: изучены подходы, патрулирование, выбрано место для подрыва.

Залегли совсем близко к полотну. Ждут поезда. Заранее мину ставить нельзя—ее обнаружат миноискатели, патрули. Лежат часа два, а поезда нет. Несколько раз прошли патрули. Ясно слышна чужая речь. Партизаны молчат. Выждать можно, лишь бы у патрулей не было собак.

Наконец послышался шум идущего поезда.

— Приготовиться! — раздалась негромкая команда Ковалева.

Стремительный бросок — и диверсанты у рельс. Тол, мина — все приведено в готовность и заложено.

Вдруг Ковалев выругался:

— Слышите, хлопцы, идет-то порожняк!

— Спасай мину, убирай тол! — приказал Ковалев и добавил: — Не унывай, ребята, дождемся тяжеловеса.

И верно, через небольшой промежуток Бремени шел долгожданный тяжеловес.

— Ну, этот наш, — обрадовался Филипп и направился закладывать мину. С противоположной стороны показались патрули.

— Дать огня! — приказал Ковалев.

Немцы не успели опомниться, как были сметены партизанским огнем.

Эшелон все ближе. Партизан с полотна как вихрем сдуло. Раздался оглушительный взрыв, к небу взметнулся столб огня. Грохот, треск.

— Вот это картина! — восхищенно произносит Филипп, — хватит теперь фашистам работы.

Довольные возвращались в лагерь диверсанты. Их обступили партизаны и подрывники других групп, только что вернувшихся с задания. Начались расспросы, рассказы. Новички с восхищением смотрели на диверсантов, на Филиппа.

Он говорил меньше всех. Лишь улыбался своей открытой, подкупающей улыбкой. «Мягкий человек», — говорили про Филиппа Ковалева друзья. Да, мягкий, чуткий, заботливый к своим товарищам, к нашим советским людям. Но гневен, суров и непримирим к врагу.

После удачной операции особенно приятен отдых. Вечером у костра партизаны поют. Поет и Ковалев. Он любит петь. Голос у него чистый, задушевный. И его заслушивались все.

Зная мою любовь к песне, Ковалев нередко в свободное время заходил ко мне в землянку и, смущаясь (его смугловатое лицо заливалось при этом краской), просил:

— Товарищ комиссар, пойдемте к костру, споем.

Я шла, и мы пели с ним в два голоса наши любимые: «В чистом поле под ракитой», «Золотые вы песочки», «Там за лугом зелененьким». Мы пели, а к костру все подходили и подходили слушатели…

Наступала зима 1943 года. Холода сильные. Одежда у партизан ветхая. Но случаев невыполнения задания не было.

В один из таких холодных дней ушел со своей группой и Филипп. Шли к железной дороге Рогачев — Быхов, на участок недалеко от станции Тощица.

Разведка по своей цепочке связи донесла, что ожидается воинский эшелон с живой силой врага.

Зимой подходить к полотну железной дороги труднее, чем по черной тропе. Могут подвести следы. Группа идет след в след, а последний заметает их.

Идут днем, в маскировочных халатах — теперь немцы редко пускают эшелоны ночью. При малейшей тревоге раздается команда: «Ложись!» Иногда приходится лежать часами.

До слуха доносится гул приближающегося поезда.

— Закладывай взрывчатку, быстро! Протягивай шнур, — командует Ковалев.

Но как тут сделаешь быстро, когда руки закоченели, пальцы не гнутся, шнур запутался. Филипп помогает, поправляет и ободряет товарищей.

Все сделано вовремя. Рывок! Взрыв! Паровоз подскочил, потом накренился набок. Вагоны полезли один на другой. Крики, стоны, стрельба…

И в стужу и метель, в проливной дождь и в мороз — всегда Ковалев спешил со своей группой на железную дорогу. По пути подбивали автомашины врага, взрывали и поджигали мосты, разбивали небольшие гарнизоны. Бывало, скажешь:

— Отдохни, Филипп! Дай своим хлопцам передохнуть.

— Нет, товарищ комиссар, дельце предстоит горячее, а хлопцы сами рвутся на дела.

И всегда подтянутый, бодрый, с горящими искрами в карих глазах, он шел сам и вел за собой людей.

Еще когда Филипп подорвал первый эшелон, он сделал на скобе своего автомата зарубку. С тех пор зарубок прибавилось.

Как-то, сидя у костра, друг Филиппа Иван Шитиков, ставший начальником штаба одного из отрядов, говорит:

— Ну-ка, Филипп, покажи твой боевой счет.

Ковалев протянул ему автомат. Сегдь зарубок. Семь подорванных эшелонов.

— Отлично, — оценил Шитиков.

— Нет, — отвечал Филипп, — вот когда на моем автомате будет двадцать зарубок, тогда я скажу: «Хорошо, Филипп, работаешь, а пока это только начало».

Свой боевой опыт Ковалев передавал молодым партизанам.

Бывало, сидят где-нибудь на полянке, и Филипп обучает их своему мастерству. А потом ведет их на участок дороги Осиповичи — Могилев, которую партизаны держали в своих руках, и немцы ею не могли пользоваться. Тут и начиналась настоящая работа: разведка подходов, засады, закладывание мин, отход.

Филипп строг и требователен. «Минер ошибается один раз в жизни», — напоминал он новичкам, требуя от них знания дела, точной и чистой работы, осторожности и быстроты в действиях.

И молодежь тянулась к своему учителю…

Тихая ясная ночь. Из глубины леса долетают какие-то шорохи. В кустах часовые. Лагерь спит. Только в одном шалаше слышен тихий разговор. Это новички–диверсанты. Все семеро — комсомольцы, и с ними Филипп Ковалев. На рассвете они пойдут на задание. Не спится. И самый младший из них, шестнадцатилетний Шура Литвиновский, мечтательно говорит:

— Филя, скажи, ведь не стыдно мечтать, когда идет война и вокруг люди умирают?

— А о чем ты мечтаешь? — спрашивает Ковалев.

— Вот как кончится война и прогоним фашистов, я обязательно пойду учиться. Я мечтаю об институте народного хозяйства, — ответил Шура.

— Это хорошая мечта, Шура, и она сбудется, — говорит

Ковалев и добавляет: — А я тоже мечтаю. Вернусь после победы в свою деревню, обниму березки у дома, если они уцелели, а нет — так новые посажу. Сяду на трактор и проложу первую мирную борозду.

Все притихли, а он добавил:

— Люблю свою Родину, ее землю, ее небо, ее людей. И верю, что все мы будем счастливы. Ну, хлопцы, а теперь спать…

Ковалев подготовил тринадцать диверсионных групп. Враг не знал покоя от их ударов.

Часто не хватало взрывчатки. Ее добывали сами, выплавляя тол из неразорвавшихся снарядов и бомб. Собирали снаряды все партизаны. Помогало в этом и население, особенно мальчишки. Они-то уж знали, где можно искать неразорвавшийся снаряд или бомбу. Выплавка тола разрешалась только наиболее опытным диверсантам.

Так в борьбе проходили дни и ночи. Были и радости и горькие минуты.

Героической смертью в одном бою погибли лучший друг Филиппа Иван Шитиков и Ваня Мельников, семнадцатилетний паренек, замечательный пулеметчик, весельчак. Вышел из строя боевой товарищ Ковалева Владимир Короткий. В одном из боев он был тяжело ранен и отправлен в советский тыл.

Филипп тяжело переживал эти потери, но головы не вешал. Почти без передышек, обрастая все новыми и новыми диверсантами, выходил на новые диверсии, совершал новые подвиги. На автомате Филиппа Ковалева было уже 19 зарубок, 19 подорванных эшелонов противника с живой силой и техникой! Он подбил 30 автомашин, подрывал мосты, уничтожал склады боеприпасов. Да всего не перечтешь! За эти заслуги в феврале 1944 года подпольный райком партии и командование бригады представили Филиппа Ивановича Ковалева к награде и присвоению звания Героя Советского Союза. А через месяц он погиб. Не дожил юный герой до победы, не обнял березки у родного дома.

Вот как проходил этот последний бой.

Уже пригревало весеннее солнце, уже доносились из-за Днепра громовые раскаты орудий Красной Армии, уже был освобожден наш город Рогачев. Партизаны, стремясь приблизить освобождение родной Белоруссии, все сильнее и сильнее наносили удары по врагу.

17 марта 1944 года партизаны вышли на разгром воинской части противника, двигавшейся к фронту по шоссе Могилев — Бобруйск.

Операция была тщательно разработана и подготовлена.

Каждый отряд, батальон полка знал свою задачу. Внезапность и неожиданность нападения партизан обеспечили полный успех. В первые же минуты боя вся техника и орудия были выведены из строя. Отходить фашистам было некуда, и они почти все были перебиты.

В этом бою Ф. И. Ковалев командовал ротой. Бой уже затихал. Слышались последние выстрелы. В это время Филипп Иванович, поднявшись во весь рост, окинул взглядом своих бойцов и громко произнес: «С победой вас, товарищи партизаны!» И вдруг медленно стал опускаться на колени. Когда к нему подбежали партизаны, сердце его уже не билось. Оказалось, что на противоположной стороне дороги притаился гитлеровец. Он без цели дал последнюю очередь из автомата. И одна из шальных пуль сразила нашего любимца, попав прямо в сердце.

Тяжело терять боевых друзей, с которыми бок о бок пройдены военные пути–дороги. Но еще более горька такая неожиданная смерть — смерть после боя.

Хоронили Филиппа в деревне Борки. Вся бригада застыла в скорбном молчании вокруг свежевырытой могилы.

Я, комиссар, произношу прощальные слова. Партизаны и партизанки не могут сдержать рыданий. По бородам пожилых партизан катятся слезы.

— Прощай, Филипп. Клянемся мстить врагу за твою смерть, за муки нашего народа.

— Клянемся! — гулким эхом понеслась грозная партизанская клятва.

Звучит троекратный салют. Командиры отрядов, групп строят в ряды партизан, прямо от могилы славного героя идут громить коварного врага.

П. Вершигора, Серой Советского Союза НАРОДНЫЙ ГЕРОЙ

В самом начале Великой Отечественной войны Коммунистическая партия Советского Союза поставила перед партийными организациями районов, которым угрожала оккупация, задачу организовать народное партизанское движение.

Партийная организация Путивльского района Сумской области УССР, выполняя решение Центрального Комитета, организовала три партизанских отряда. Во главе первого стал председатель Путивльского горсовета С. А. Ковпак, во главе второго — полковой комиссар запаса С. В. Руднев, во главе третьего — председатель Воргольского колхоза Кириленко.

Ковпака и Руднева судьба свела еще в годы мирной жизни. Оба — участники гражданской войны. Ковпак в те годы партизанил в Котелевском районе Полтавщины, воевал у Чапаева, гонялся за бандами Махно по степям Украины. Руднев еще юношей участвовал в штурме Зимнего дворца и воевал в годы гражданской войны.

Мирные годы они провели по–разному. Руднев служил в армии, был на политработе, а Ковпак до 1926 года был военкомом в Большом Токмаке, Геническе, Кривом Роге и Павлограде, позже работал в хозяйственных, советских и партийных органах. Война застала его председателем Путивльского городского Совета. А до этого он был начальником дорожного строительства. И вот уже в партизанские времена, в особенно удачные месяцы, когда, бывало, начштаба Базима приносил месячную сводку и Ковпак доходил до графы, где указывалось (в погонных метрах), сколько взорвано и сожжено железнодорожных и шоссейных мостов, в штабе воцарялась комическая пауза, и Руднев провозглашал:

— Внимание! Товарищ директор Дорстроя подводит баланс ремонтных работ. Ну как, Сидор, промфинплан выполнил?

— Выполныв, чорты його батькови в печинку, — говорил Ковпак в ответ и, нагибаясь над отчетом, ставил свою подпись.

В первых числах сентября 1941 года враг оккупировал Путивльский район. Отряды вышли в леса.

Вначале отряды Ковпака, Руднева и Кириленко действовали каждый самостоятельно и связи между собой не имели. Ковпак первым бросил вызов врагу. Его отряд стал активно действовать на дорогах, по которым разъезжали автомашины и танки врага.

Руднев и Кириленко по первым диверсиям Ковпака напали на его след.

Крепко обрадовались они друг другу. Разные по возрасту и характеру, люди эти в одном были совершенно одинаковы: в преданности своему партийному долгу, в непреклонной решимости выполнить порученное им дело — организовать партизанское движение.

Командиры обсудили положение, поделились опытом первых дней борьбы и решили слить свои отряды в один. Руднев, исполняя обязанности комиссара, энергично начал помогать Ковпаку сколачивать отряды, внедрять дисциплину. Командир и комиссар считали обязательным для себя образцовое выполнение воинского долга и требовали того же от подчиненных.

По опыту старого солдата империалистической войны и командира партизанского отряда гражданской войны Ковпак понимал, что нужно обязательно выиграть первый бой, пусть маленький, нанести хотя бы незначительный урон врагу. Это было необходимо для сплочения отряда.

Первые бои объединенного партизанского отряда с танками 19 октября и с более крупной группировкой фашистов 20 октября 1941 года принесли успех, несмотря на то что отряд не имел и ста бойцов.

1 декабря 1941 года стало переломным моментом в жизни партизанского отряда. Боевая обстановка вынудила партизан искать выход из трудного положения. Лес, в котором базировался и действовал Путивльский объединенный отряд, был невелик и легко мог быть окружен тремя–четырьмя батальонами пехоты. Враг, имея в своем тылу активный отряд, нарушавший пути подвоза к фронту на тактически важных направлениях, решил уничтожить партизан Спадщанского леса. Утром 1 декабря противник силой до 3 тысяч штыков повел наступление. Спадщанский лес был окружен со всех сторон. Главный удар наносился со стороны села Новая Шарповка. Первая засада партизан у дома лесника, что в одном километре западнее Новой Шарповки, была оттеснена. Не распыляя своих малочисленных сил, отряд занял круговую оборону в лесу, вокруг своих баз–землянок.

Центром обороны был немецкий танк, ранее захваченный партизанами в бою. Гуководил обороной командир отряда Ковпак.

Немцы продолжали теснить заставы партизан, и пехота противника вклинилась глубоко в лес. Но благодаря неожиданному огню партизанского танка и стойкости бойцов–партизан первая атака противника была отбита. Потеряв надежду

с ходу разгромить отряд, противник подтянул резервы и предпринял еще ряд атак. Партизаны, воодушевленные стойкостью и отвагой командира и комиссара, которые сражались вместе с бойцами, ни на шаг не отступили от занятой ими обороны, отбили все атаки. Противник потерял до 200 человек убитыми и ранеными. Потери партизан были: трое убитых, один раненый. Трофеи — пять пулеметов, 20 винтовок. На заградительной мине в лесу подорвалась пятитонная машина с 75–миллиметровой пушкой и с расчетом. Все остальные трофеи подобраны отрядом не были, так как бой закончился ночью, и в ту же ночь отряд вышел в рейд.

Именно в этих первых боях сказались бесстрашие, боевой опыт командира отряда Ковпака, его личная храбрость, сочетавшаяся с трезвым расчетом, хладнокровием в бою и глубоким пониманием природы партизанской тактики. Ковпаковцы провели впоследствии сотни боев, прошли тысячи километров по тылам врага, нанесли противнику огромный ущерб, но основа, фундамент будущей славы и грозной силы были заложены именно в этих боях горсткой храбрецов, которые бесстрашно приняли бой с врагом, имевшим более чем тридцатикратное численное превосходство и к тому же вооруженным танками, артиллерией и самолетами.

С этого дня Ковпак и Руднев резко изменили тактику: отряд стал рейдовым, подвижным.

В декабре 1941 года и январе 1942 года Путивльский отряд совершил боевой рейд в Брянские леса. Там он быстро ЕЫрос до 500 человек, пополнился оружием — отечественным и трофейным, боеприпасами. Это был первый рейд ковпаковцев.

Во время этого рейда отряд Ковпака и Руднева оказал организационную помощь Советскому партизанскому отряду, Ямпольскому отряду Гнибеды, отряду под командованием Гудзенко. Ковпаковцы помогли перейти к активным боевым действиям отрядам Глуховского, Конотопского, Шалыгинского и Кролевецкого районов, которые потом слились с Путивльским отрядом в одно боевое соединение партизанских отрядов Сумской области. Ряд совместных операций был проведен с отрядом Червонного района, отрядом Покровского, а позже с соединением Сабурова по разгрому гарнизонов противника и карательных экспедиций оккупантов.

Второй рейд на родную Сумщину начался 15 мая и продолжался до 24 июля 1942 года.

Потери гитлеровцев за два летних месяца только в боях против ковпаковцев составили до полутора тысяч человек. Но противник не прекращал яростных атак. С 11 по 29 июля силами

трех дивизий, оснащенных танками и авиацией, враг пытался ликвидировать партизанские соединения. Соединение С. А. Ковпака отошло в южную часть Брянских лесов.

…Мне пришлось встретиться с соединением ковпаковцев, когда они вернулись из второго рейда по Сумской области снова на Брянщину, где я выполнял задание штаба Брянского фронта.

Узнав Ковпака ближе, я решил для себя, что буду воевать с ним вместе.

Уезжая на несколько дней на наш партизанский аэродром, который к тому времени уже организовали, я был недоволен только одним: я не видел ни танков, ни самолетов Ковпака, о которых шла партизанская молва. Вернее, я видел, что их нет и не было, и все же таилась надежда, что командир соединения, в то время уже Герой Советского Союза и легендарный вожак народных масс в тылу врага, о котором шла стоустая молва как о мудром и хитром человеке, припрятывает их и вообще страшно скрытничает.

В это время многих командиров украинских, белорусских и орловских партизанских отрядов вызвали в Москву, где их приняли руководители Советского правительства. На этой встрече обсуждались вопросы дальнейшего развития партизанского движения. Перед партизанами была поставлена задача создать в каждом городе, в каждом населенном пункте новые резервы партизанского движения, направить главные силы партизан и подпольщиков на разрушение вражеских коммуникаций.

Центральный Комитет партии и Советское правительство приняли ряд практических мер по оказанию помощи советским патриотам, борющимся во вражеском тылу.

Пламя партизанского движения разгоралось с новой силой. Враг скоро узнал мощную силу ударов по самому чувствительному нерву своего тыла — по коммуникациям. Вся деятельность украинских партизанских отрядов и соединений проходила под непосредственным руководством ЦК партии. Украины. Приказы Центрального и Украинского штабов партизанского движения требовали усиления боевой деятельности партизан и еще большей координации действий партизанских отрядов Украины с Советской Армией.

5 августа 1842 года ЦК партии Украины предложил всем украинским партизанским отрядам усилить удары по железнодорожным коммуникациям врага.

Вместе с тем большое внимание уделялось организации далеких рейдов в тылы врага.

В отряде Ковпака вскоре началась подготовка к новому рейду.

Такого рейда еще не бывало в истории. Более сотни лет назад испанский полковник Риего, руководитель герильясов — испанских партизан совершил два рейда по Южной Испании. Они продолжались каждый по нескольку дней и были протяженностью в 200–300 километров. Рейд по тылам наполеоновской армии славного партизана Отечественной войны 1812 года Дениса Давыдова был больше — до 800 километров. Он проходил по лесной местности от Смоленщины до Гродно.

По заданию главкома партизанскими силами Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова соединению нужно было пройти из-под Орла к границам Западной Украины, форсировать Десну, Днепр, Припять и перейти бесчисленное количество мелких рек, железных и шоссейных дорог, затем от северо–восточной границы Украины пройти до западной ее границы.

Стояли замечательные дни осени 1942 года. Лес засыпал палатки партизан багрово–красными и ярко–желтыми листьями. Прошли первые осенние дожди, вечера были теплые, а по утрам подмораживало. Долгие часы мы просиживали у огня. Ковпак и Руднев каждый вечер обходили костры, беседуя с бойцами и командирами. Здесь, у костров, без пафоса, без речей, иногда вскользь брошенным шутливым словом проводилась настоящая подготовительная работа. Конкретных целей маршрута они не могли раскрывать из соображений конспирации. Но коммунисты знали, что соединение идет выполнять особое задание Центрального Комитета партии.

В партизанском отряде авторитет командира приобретает особенно большое значение. Ковпак пользовался огромным авторитетом и направлял его на то, чтобы возвысить роль коммунистов как в своих отрядах, так и среди населения оккупированных областей, через которые мы проходили. Партийные организации наших партизанских отрядов являлись костяком, вокруг которого группировались все, кому дорога честь и свобода Родины.

Осенний лагерь партизан гудел, как пчелиный улей: ковали лошадей, чинили повозки, подгоняли сбрую, грузили боеприпасы и продукты питания, прилаживая ящичек к ящичку, подкладки под каждую гайку, обматывали колеса. Дед Ковпак ходил между повозок, постукивал палкой по колесам, иногда похлопывал по плечу ездового:

— Щоб було по–партизанскому, щоб ничого не стукнуло, не грюкнуло, а тильки щоб шелест пишов по Украини!

По приказу главкома одновременно двинулись к Днепру соединения Ковпака и Сабурова. Вслед за ними пошли на запад партизаны Наумова, а позже — Федорова, Мельника.

Центральный Комитет нашей партии еще за пять месяцев до победы на Волге поставил перед этими отрядами боевую задачу — к моменту выхода Советской Армии на рубеж Днепра развернуть на Правобережье массовое партизанское движение против немецко–фашистских захватчиков. Обстановка, создавшаяся в районе, куда предстояло совершить рейд соединениям Ковпака, Сабурова, Наумова, Федорова и Мельника, была правильно определена в приказе главнокомандующего партизанскими силами.

В октябре — ноябре 1942 года партизаны с честью выполнили поставленную перед ними задачу: прошли за 25— 30 ходовых дней более тысячи километров, пересекли несколько областей Украины и Белоруссии, нанесли врагу большие потери, продвинули на запад очаги партизанского движения.

Закончив успешно рейд за Днепр, соединение Ковпака и Руднева разгромило лельчицкий фашистский гарнизон, разбило флотилию врага на Припяти, провело Сарнскую операцию. Соединение Сабурова — Богатыря успешно провело крупную Словеченскую операцию. Обосновавшись в Украинском Полесье, Ковпак провел операцию «Сарнский крест» — одновременный взрыв пяти железнодорожных мостов на реках Случь и Горынь. Крупный железнодорожный узел Сарны был надолго выведен из строя.

Ковпак и Руднев проявили в этом рейде зрелое воинское мастерство. Им первым из партизанских командиров партия и правительство присвоили воинское звание генерала, а Ковпак был награжден орденами Суворова и Богдана Хмельницкого I степени.

Рейд продемонстрировал силу партизанского движения Украины, он показал народу, что не следует бояться фашистов, что можно и на них нагнать страху, наносить им серьезные удары. Во всех рейдах по Украине отряды пополнялись лучшими патриотами из местных жителей. Продвижение отрядов заставило в то же время прислужников и предателей, поступивших на немецкую службу, задуматься над своей судьбой. В каждом районе народные мстители беспощадно расправлялись с изменниками.

Рейды показали неспособность гитлеровцев справиться с возрастающей силой партизанского движения. Они укрепили в народе веру в недолговечность вражеского нашествия на нашу землю, подняли многие десятки партизанских отрядов и подпольных групп на открытую вооруженную борьбу с захватчиками, воодушевили их своей смелостью. Рейд нанес сильный удар по немецкой тотальной мобилизации. Партизаны всюду призывали население уклоняться от принудительной

вербовки в Германию, а в ряде случаев, когда это позволяла обстановка, сами проводили мобилизацию, первичное обучение бойцов и отправку через линию фронта призванных в действующие части Советской Армии.

Выход крупных украинских соединений на правобережье Днепра способствовал укреплению и некоторых белорусских отрядов. Так, например, в декабре 1942 года соединение С. А. Ковпака помогло отряду гомельских партизан под командованием Беленчика наладить связь с советским тылом.

В свою очередь белорусские партизаны помогали украинским соединениям устанавливать связь с населением, избегать невыгодных боев с превосходящими силами противника. Когда под натиском крупных сил врага соединение С. А. Ковпака было вынуждено отойти в район Червонного озера, в зону действий белорусских партизанских бригад Куликовского, Кравченко, Болотина и Капусты, между ними установилось тесное взаимодействие, не дававшее противнику возможности ликвидировать освобожденный район.

Весь январь, находясь в районе белорусского Князь-озера, где действовали отряды полковника Г. М. Линькова (Бати), Ковпак организовал на льду озера аэродром, на который принимал самолеты. Они снабдили соединение боеприпасами и вывезли раненых ковпаковцев и белорусских партизан. Сюда же прибыл депутат Верховного Совета В. А. Бегма — будущий командир Ровенского партизанского края.

В последних числах января фашистская авиация разбомбила лед.

2 февраля соединение Ковпака двинулось на юг. Форсировав Припять недалеко от Пинска, оно совершило в феврале — апреле рейд по Ровенской, Житомирской и Киевской областям Украины, завершив его севернее города Чернобыла на Припяти, где разгромило флотилию противника.

Летом 1943 года Центральный Комитет Компартии Украины поставил соединению генерала Ковпака задачу выхода на Карпаты.

Для разработки практических мер, направленных на выполнение этой задачи, в мае 1943 года на севере Житомирской области, в расположении партизанского соединения А. Н. Сабурова, состоялось заседание нелегального ЦК партии Украины совместно с командирами и комиссарами семи соединений партизанских отрядов Украины. На заседании присутствовали члены нелегального ЦК Компартии Украины: секретарь ЦК Д. С. Коротченко, С. А. Ковпак, А. Ф. Федоров, В. А. Бегма, С. В. Руднев, А. Н. Сабуров, командиры и комиссары соединений партизанских

отрядов, работники ЦК Компартии Украины и Украинского штаба партизанского движения. Были подведены итоги боевой и политической деятельности во вражеском тылу, детально обсужден оперативный план боевых действий партизан Украины на ближайший период. Главное внимание при этом было обращено на необходимость активизации боевой и разведывательно–диверсионной деятельности партизан в целях оказания максимальной помощи наступающей Советской Армии.

По территории всей Западной Украины прошли партизаны Ковпака до Венгрии, Румынии и Чехословакии. Слава об их боевых подвигах перешагнула государственные границы и способствовала усилению патриотического движения в Словакии, Польше.

Гитлер и Гиммлер яростно требовали от своих генералов полного разгрома «банды Кольпак». Специально с этой целью в Карпатах была создана большая группировка войск СС — свыше 30 тысяч. За голову Ковпака была назначена крупная награда золотом. Но ничего не вышло у фашистских карателей. Резко изменив оперативно–тактические приемы, ковпаковцы вышли из-под удара, хотя и понесли в боях тяжелые потери. Смертью героя погиб комиссар Руднев.

С. А. Ковпак был ранен. Погибли многие ветераны–ковпаковцы: комиссар Шульга, командиры рот Карпенко и Горланов, бравые разведчики и бойцы: Галя Борисенко, Дудка, Соловьев, Деркач, Черемушкин, Чусовитин, Семенистый и другие. Пришлось взорвать пушки, оставить обоз и тяжелое вооружение. Но жива была партийная и комсомольская организации соединения, живы были бойцы–ковпаковцы и ученики Ковпака — командиры, прошедшие на практике академию народной, партизанской тактики и стратегии. Соединение вышло шестью группами и вновь собралось в Житомирской области.

Пройдя по тылам врага более двух тысяч километров, ковпаковцы отвлекли на себя до трех вражеских дивизий, вывели из строя около четырех тысяч фашистских солдат и офицеров, пустили под откос 19 железнодорожных эшелонов врага, взорвали много десятков шоссейных и железнодорожных мостов, громили вражеские склады, узлы связи и промышленные объекты, нанесли удар по нефтяным промыслам Биткува и Яблунова. Рейд на Карпаты — пятый рейд соединения Ковпака. За этот рейд С. А. Ковпак был награжден второй «Золотой Звездой» Героя Советского Союза.

В связи с ранением он отбыл в Киев — уже освобожденную столицу Советской Украины.

Переформированное в 1–ю Украинскую партизанскую

дивизию имени Ковпака партизанское соединение совершило еще два рейда — уже за пределы нашей страны, чем приумножило славу советских партизан и своего любимого командира.

Шестой рейд начался 5 января 3 944 года из района Олевска. В январе — апреле 1944 года дивизия прошла по территории Ровенской, Волынской и Львовской областей и Жешувского, Люблинского, Варшавского воеводств Польши, Пинской, Брестской, Барановичской областей Белоруссии.

Седьмой — Неманский — рейд дивизия имени Ковпака совершила в июне — августе 1944 года по территории Пинской, Барановичской, Гродненской, Брестской областей. В районе Гродно по приказу командования она вышла в тыл Красной Армии.

Дивизия имени С. А. Ковпака была награждена правительством Украины Красным знаменем Верховного Совета УССР, а комсомольская организация — знаменем ЦК ВЛКСМ.

Восемь учеников и соратников Ковпака удостоены высокого звания Героев Советского Союза. Друг легендарного Ковпака комиссар соединения генерал–майор С. В. Руднев удостоен звания Героя Советского Союза посмертно. Около тысячи ковпаковцев награждены орденами и медалями СССР.

Партизаны–ковпаковцы совершили семь крупных рейдов, действуя на территории Украины, РСФСР, Белоруссии и Польши, и прошли по тылам врага 18 тысяч километров.

Михась Лыньков
ВЫСОКОЕ СЛУЖЕНИЕ

Обычная, как сотни и тысячи других, белорусская деревушка Заградье, в Приднепровье, по соседству с крупным железнодорожным узлом Жлобин.

Это родина Василия Ивановича Козлова. Родился он в 1903 году. В Заградье провел свои детские и юношеские годы. Отец Василия Ивановича имел меньше трех гектаров земли в 47 местах чересполосного пользования. В бедняцкой семье было до десятка ртов. Прокормить их было делом доеольно трудным. Выручал топор и другие несложные инструменты. Отец строил мосты, рубил новые дома, возводил каменные железнодорожные здания. Был он человеком работящим, энергичным, настойчивым, чудесным мастером–самоучкой. За эти качества и особенно за честность, правдивость, общительность крестьяне избрали его в первые годы Советской власти в местный Совет, затем председателем комитета бедноты. Умер он в 1920, тяжелом голодном году, спустя некоторое время после зверских пыток, которым был подвергнут наступавшими на Жлобин белопольскими легионерами.

Мать, Мария Ивановна, — простая женщина, крестьянка, немного знавшая грамоту. Длительное время она была активной делегаткой. Скромный, требовательный и душевный человек, она приучала детей с самого раннего возраста к труду, настойчиво, терпеливо воспитывала их, готовила к нелегким условиям самостоятельной жизни[2].

Дед Василия Ивановича — Трофим был завзятым плотогоном. Как только сгоняли весенние ветры льды на реке, уходил дед Трофим с плотами в дальнюю дорогу, до Киева и дальше, с весны до поздней осени, до самого ледостава. Увлекали не только заработки — не сказать, чтобы они были большими. Влекли днепровская ширь, простор, новизна речных мест, встречи с бывалыми людьми, разнообразие впечатлений, неизменные на большой реке приключения. Одним словом, там было куда веселее, интереснее, чем в самом Заградье, где приходилось шашку ломать перед каждым стражником и урядником, не говоря уже о более высоком начальстве.

В атмосфере этой трудовой семьи рос и воспитывался Вася, будущий Василий Иванович.

Трудовую деятельность начал он с 14 лет. Работал ремонтным рабочим, а затем слесарем Жлобинского

железнодорожного депо. Тут в 1923 году вступил в комсомол. Демобилизовавшись из армии, где он стал коммунистом, в 1927 году, снова продолжал работать на железной дороге, а потом инструктором райисполкома и секретарем партячейки в родном селе. После окончания комвуза в 1933 году Василий Иванович работал парторгом колхоза, директором МТС, первым секретарем одного, а затем другого райкома партии в Минской области, заместителем председателя Совнаркома Белоруссии.

В 1941 году Василий Иванович был одним из секретарей Минского областного комитета партии. В предвоенные годы развертывалось большое строительство. Столица республики начала генеральную реконструкцию. Воздвигались новые предприятия. Большая работа проводилась на селе. Началось осушение Полесской низменности. Народ был занят мирным созидательным трудом. В. И. Козлов являлся активным участником и организатором всех этих дел, направленных на изменение экономического и культурного облика Минской области и республики.

Война опрокинула планы мирного труда. Перед людьми встала главная задача — мобилизовать все силы, все средства на оборону страны от лютого и беспощадного врага. Коммунисты сразу же стали на самые ответственные участки этой обороны. Вся деятельность обкома партии в первые дни войны была направлена на оказание помощи Краской Армии, на эвакуацию в тыл фабрик и заводов, населения, мобилизацию военнообязанных, на обеспечение бесперебойной работы железнодорожного транспорта, сооружение оборонных укреплений, на борьбу с фашистскими диверсантами, парашютистами и лазутчиками. Проводя эту большую и напряженную работу, коммунисты Минщины, как и всей Белоруссии, не забывали и о второй ответственной задаче: быть готовыми в случае оккупации страны врагом к переходу на подпольные формы борьбы с фашистами, к организации массового партизанского движения. Подбирали надежных людей, которые могли бы возглавить это движение. Готовили материальную базу, оружие, намечали сеть связных, подпольные центры, места явок и т. д. Делалось все, чтобы каждый район, город, крупный населенный пункт готовился к активной борьбе с врагом.

Наступил июль. Уже были захвачены врагом столица республики — Минск и многие другие города. Василий Иванович получил разрешение ЦК КПБ отправиться с отобранной им группой людей на оккупированную гитлеровцами территорию для организации партийного подполья и партизанской борьбы.

Сборы были недолгими. В группе Василия Ивановича были секретари обкома А. Ф. Брагин, И. А. Вельский, И. Д. Варвашеня, прокурор области А. Г. Бондарь, секретарь Плещеницкого райкома партии Р. Н. Мачульский, секретарь Слуцкого райкома партии А. И. Степанова и другие. На В. И. Козлова возлагались обязанности первого секретаря подпольного обкома партии. Он был также командиром соединения партизан области и уполномоченным ЦК КП Белоруссии по развертыванию партизанского движения на оккупированной территории Белоруссии.

* * *

Так с первых дней войны начало зарождаться и действовать партийное подполье и партизанское движение на Минщине.

Во всех районах области и столице республики советские люди активно выступали против фашистских захватчиков: сжигали склады, еще не имея подрывных мин, пускали под откос вражеские эшелоны. Одна из старобинских партизанских групп в первые дни войны обстреляла моторизованную фашистскую дивизию, умело организованными засадами на несколько дней задержала ее продвижение к фронту. И это сделали несколько десятков человек во главе с подпольщиками, прекрасно знавшими местность и умело использовавшими ее для незаметного передвижения и неожиданных обстрелов растянувшейся на болотной гати дивизии.

Партизаны были недосягаемы для врага. Пользуясь только им известными болотными тропками, они делали внезапные вылазки и так же внезапно исчезали, избегая лобовой атаки. Трое партизан удачно захватили немецкую автомашину и, нарядившись в немецкую форму, поехали в местечко Погост, где стоял большой гарнизон оккупантов. На глазах у немцев они похитили бургомистра со всей его канцелярией и важными документами. Это был гнусный предатель, выдававший врагам советских патриотов. Он получил по заслугам.

В суровых условиях вражеского тыла зарождались и начали активно действовать подпольные партийные группы, вооруженные боевые отряды, диверсионные группы.

Партизанское движение росло с каждым днем. Появлялись новые отряды, новые группы. Они пополнялись местным населением, оставшимися для подпольной работы партийными и советскими работниками, бежавшими из фашистских лагерей военнопленными, а также ранеными в боях воинами Красной

Армии, невольно попавшими в окружение, подобранными населением и заботливо выхоженными им, невзирая на лютые репрессии, которыми грозили фашисты каждому, кто давал убежище советскому воину.

Первые месяцы борьбы подпольщики и партизаны не имели, конечно, необходимого им ни боевого опыта, ни разработанной тактики. Все это приходило в ходе борьбы с врагом: постепенно накапливался опыт, вырабатывалась соответствующая тактика. «Был взят курс на то, — пишет Василий Иванович в своей книге «Люди особого склада», — чтобы с первых шагов своей деятельности партизанские группы становились партизанскими отрядами, привыкали вести широкие боевые действия, маневрировать, оказывать сопротивление. А будут у партизан успехи в борьбе с врагами — будет нм обеспечена и поддержка народа. Люди и у себя дома не подведут, и в лес дорогу найдут».

Вначале Минский подпольный обком партии обосновался в Любанском районе. Здесь и было проведено первое заседание подпольного обкома с участием первых руководителей отрядов партизан, а затем и первое собрание коммунистов этого района. Но в конце августа 1941 года обком перебазировался к Червонному озеру, наиболее удобно связанному с другими районами. Кругом леса, непролазные для фашистов, гиблые болота. В годы первых пятилеток на болотах в этих местах были проведены мелиоративные работы, появились десятки осушительных каналов. Ими пользовались жители местных деревень и как удобными путями сообщения. Василий Иванович, некогда работавший секретарем Старобинекого райкома партии, хорошо знал окрестности. Лучшего места для временной базы подпольного обкома и создаваемого партизанского соединения нельзя было и желать. Оно и стало удобным центром руководства на первое время боевыми действиями партизанских отрядов Минщины и Полесья. Отсюда шли более безопасные и удобные пути для связи с другими соседними районами. Озеро находилось на стыке нескольких заболоченных и лесных районов.

В этих местах активно начали свои боевые действия партизанские группы, многие жители готовились к активным выступлениям против фашистов и вливались в партизанские группы и отряды. В прилегающих к Полесью районах собралась значительная группа окруженцев, в большинстве из бывших раненых. Они приступили к организации Долговского партизанского отряда. Невдалеке удачно громил гитлеровцев партизанский отряд, возглавляемый председателем Старобинекого райисполкома Василием Тимофеевичем Меркулем. Пришла к Червонному озеру партизанская группа

Якова Бердниковича. Здесь подпольный обком неустанно работал с коммунистами и населением, накапливал силы, создавал новые отряды, проводил обширную работу в окружающих селах и районах, руководя одновременно боевыми операциями и подпольщиками. Члены бюро обкома Роман Мачульский, Алексей Бондарь и Иосиф Вельский провели большую организаторскую работу в Краснослободском, Копыльском, Гресском, Слуцком районах. Кроме того, Роман Мачульский с Иваном Варвашеней готовились проникнуть в Минск, Борисов и Плещеницы.

Василий Иванович занялся организацией подполья и отрядов в других полесских районах, налаживал связи с действовавшими там группами. Обком партии особенно беспокоило положение в Житковичском и Копаткевичском районах, где не было широкого партийного подполья и партизанского движения. Туда были посланы энергичные коммунисты, имевшие надежные связи с местными патриотами. В результате и в этих местах появилось подполье и начались боевые действия партизан.

Партизанский отряд, возглавляемый секретарем Краснослободского райкома партии Максимом Ивановичем Жуковским, совершил смелый и удачный налет на крупный фашистский гарнизон в городе Слуцк. Отряд захватил почту, телеграф, продовольственный склад, разгромил охрану специального лагеря и освободил из фашистского плена наших воинов.

Создавались районные подпольные центры. Народ не падал духом, а все смелее брался за оружие, все больше сплачивался вокруг подпольных организаций.

О первых результатах партизанской борьбы Минский подпольный обком, возглавляемый Василием Ивановичем, решил информировать Центральный Комитет Компартии Белоруссии и штаб партизанского движения в Москве. Надо было передать и важные военные документы, взятые у фашистов во время боев. Радиосвязи в то время еще не было. Единственным средством сообщения были специальные связные. Дорога дальняя и опасная — по глубоким гитлеровским тылам, через линию фронта. Выбрали двух энергичных партизан для этого ответственного задания. Долго ждали результатов. И только позднее, по сообщениям Совинформбюро о работе минских партизан, убедился обком, что его посланцы благополучно завершили свой длинный и опасный путь и с честью выполнили порученное дело.

Движение народных мстителей росло вширь и вглубь. Обком партии, коммунисты и партизаны укрепляли связи с народом. С каждым днем возрастал ущерб, наносимый партизанами оккупантам.

Были и потери. Осенью подпольный обком партии понес невозвратимую утрату: трагически погиб один из секретарей подпольного обкома партии — товарищ Брагин. Его выдал провокатор эсэсовскому отряду, переодетому в штатскую — под партизан — одежду.

Фашистам удалось при содействии одного предателя узнать местонахождение Минского подпольного обкома и центра, координирующего боевую работу партизан. Гитлеровскими отрядами были заняты окружающие деревни, блокированы дороги. Специального отряда по охране подпольного партийного и боевого центра в то время еще не было, при обкоме находилась лишь небольшая группа вооруженных людей. К тому же многие товарищи отсутствовали: были на боевых заданиях, на связях с районами, отрядами и партизанскими группами. Положение становилось критическим. Кольцо блокады сжималось. Одна из эсэсовских групп подобралась к самому лагерю. Ночью бойцы Василия Ивановича смелым налетом уничтожили эту группу. На другой день на дальнюю разведку пошел Алексей Бондарь с тремя бойцами. В стычке с большой эсэсовской группой он был тяжело ранен в ногу. Наступившая ночь и болотные дебри помогли ему спастись.

Необходимо было прорываться через блокаду, искать другое место. Решили пробиваться через деревню, где эсэсовцев было сравнительно мало. На окраине этой деревни был мелиоративный канал — обычная канава с водой. Она проходила и у лагеря, а за деревней — у самого леса. Ночью, погрузившись на лодки (в одной из них был раненый товарищ Бондарь), поплыли мимо деревни к лесу. Роман Мачульский с небольшой группой бойцов подошел к деревне, где были эсэсовцы, и завязал с ними бой. Те в панике разбежались. Лодки проплыли мимо деревни и благополучно достигли леса.

Еще находясь вблизи озера, во вражеском окружении, Василий Иванович направил связного в отряд Меркуля за помощью. Но связной, товарищ Петренко, не добрался до отряда: героически погиб в неравном бою с эсэсовцами.

Перед началом новых крупных операций осенью 1941 года обком перебазировался поближе к железной и шоссейной дорогам, в лесной Любанский район на остров Зыслов, глухое место среди лесов и болот. Тут же находилась база одного из партизанских отрядов. На этом острове встретили и 24–ю годовщину Октябрьской революции, коллективно слушали радиопередачу о торжественном собрании в Москве.

Впервые люди встречали такой знаменательный день вдали от родных и близких, в суровой обстановке партизанских будней.

Прослушав радиопередачу, многие товарищи сразу лее ушли на боевые операции. Во всех районах партизаны ознаменовали славную годовщину боевыми делами: разгромили крупный гитлеровский гарнизон в районном центре Любань, взорвали нефтебазы, нанесли сокрушительные удары по гитлеровским гарнизонам в таких крупных населенных пунктах, как Погост, Смиловичи, Копыль, Слуцк, и многих других. В Минске подпольщики организовали крупные диверсии на железнодорожном узле, разрушили водокачку, что осложнило водоснабжение вражеского транспорта. На многих крупнейших станциях и перегонах были взорваны и пущены под откос гитлеровские эшелоны с живой силой и боевой техникой, уничтожено много паровозов.

В эти октябрьские дни еще выше поднялась уверенность населения в силах партизан и подпольных центров. Ряды партизан пополнились новыми тысячами бойцов.

Подпольный обком возглавил всю боевую работу партизанских отрядов, создал соединение партизан области. Обязанности между членами обкома были распределены так: Василий Иванович Козлов возглавлял руководство партийной организации и боевыми действиями соединения области; Р. Н. Мачульский был его помощником по боевым операциям и организации новых отрядов; А. Г. Бондарь возглавил разведку и контрразведку, И. Д. Варвашеня — агитационную и пропагандистскую работу, И. А. Вельский — организационно–партийную работу в первичных организациях и боевых отрядах.

Многие вопросы приходилось решать подпольному обкому и его руководителю Василию Ивановичу. В первые месяцы организации подполья и партизанской борьбы встречались так называемые дикие отряды, не признававшие никакого руководства и дисциплины. Некоторые из них кочевали с места на место и часто занимались мародерством и попойками. Иногда появлялись и такие люди, которые, прикрывшись почетным званием партизана, не прочь были подальше обойти суровые тяготы войны, пореже встречаться с врагом, жить по принципу «Хоть день, да мой!». Встречались и просто растерявшиеся в суровой обстановке люди, утратившие волю к борьбе. Тут кроме недостаточной сознательности иногда сказывалось и разлагающее влияние вражеской агентуры, в отдельных случаях проникавшей в партизанскую среду.

Обком партии и лично Василий Иванович помимо воспитательной работы вынуждены были вести и беспощадную борьбу с мародерами, предателями, вражескими лазутчиками.

Приближалась зима 1941/42 года, несшая с собой новые

трудности в работе и борьбе с врагом. Исчезали под снегом партизанские черные тропы. Раздавались отдельные голоса, что следовало бы забраться поглубже в леса, подальше от врага да и переждать там до теплых дней. Не дремали в это время и фашисты. Они усилили свою подрывную пропаганду. Разбрасывали специальные листовки, внешне оформленные под советские, иногда даже с лозунгом «Смерть немецким оккупантам!», а содержанием сбивавшие партизан с толку, сеявшие сомнения. В листовках предлагалось не организовываться в крупные соединения, а уходить мелкими группами в леса.

Члены обкома, советуясь с районными партийными центрами и руководителями отрядов, предвидели трудности зимы. В это время чувствовался еще большой недостаток оружия, неблагополучно было у многих бойцов с теплой одеждой. Уйти в глубокие леса — значило подвергнуть партизанские отряды большому риску.

В таких условиях было решено действовать активно, находиться в движении, бить врага там, где только можно, Василий Иванович и остальные члены обкома решили провести зимний рейд партизан во многих районах. В своей книге «Люди особого склада» В. И. Козлов писал: «Идти смело и решительно в наступление на врага — значит расти, крепнуть, закаляться в боях, расширять связи с населением, воспитывать в народе веру в великую жизненную силу Советской власти, в победу Советской Армии».

Но, как известно, пешком по глубоким снегам особенно не разгонишься. Обком решил широко использовать для передвижения санный транспорт. Население помогло лошадьми, необходимым снаряжением. Зима была снежной и лютой. Фашистские машины застревали в глубоких сугробах, а партизаны на своих санях двигались в любом направлении, имели возможность добираться до любого места. Выработана была и специальная тактика для зимнего рейда. Двигались двумя параллельными колоннами. На санях, кроме вооруженных винтовками и автоматами партизан, были установлены станковые пулеметы. Сформировали один конный отряд, специально для связи и разведки. Штаб соединения с подпольным обкомом передвигался между двумя колоннами.

В рейд направили наиболее сильные отряды. Часть отрядов оставалась на местах, чтобы сдерживать и все время беспокоить местные гитлеровские гарнизоны.

Рейд превратился в смелое, решительное наступление на фашистов. Партизаны в стремительном продвижении громили,

уничтожали гитлеровские гарнизоны, фашистские базы, склады, нефтехранилища. Иные гитлеровские коменданты, зондерфюреры, разные гитлеровские прохвосты убегали без оглядки, только заслышав о приближении отрядов. По районам шли слухи, что крупное соединение советских войск перешло линию фронта и громит немецкие тылы. Другие поговаривали, что с самолетов высадились советские десантные войска. Слухи ширились и в общем работали на пользу партизан.

Зимний рейд партизаны завершили к апрелю 1942 года, пройдя по тылам врага в Минской и Полесской областях, а также в отдельных районах Пинской, Барановичской и Могилевской областей. Ряды партизан за это время выросли вдвое и прошли хорошую школу борьбы, намного вырос их авторитет и признание народа, как грозной силы в борьбе с оккупантами.

«В результате рейда, — говорит Василий Иванович, — мы фактически стали хозяевами в районах Минской и смежных областей, так как почти все деревни были очищены от гитлеровцев…»

В дни рейда был проведен сбор средств в фонд обороны страны. Все собранное было переправлено через линию фронта в Москву на строительство самолетов и танков.

В мае 1942 года была осуществлена прямая и постоянная радиосвязь обкома и штаба партизанского соединения с Москвой — Центральным партизанским штабом и ЦК КП Белоруссии, с соседними соединениями. Это сделало координацию партизанского движения более гибкой, конкретной. А с августа того же года на партизанский аэродром из советского тыла регулярно приходили самолеты. Так было до конца войны.

В конце сентября 1942 года Василий Иванович был вызван в Москву, в Центральный Комитет партии. Здесь он подробно рассказал о боевых делах белорусских партизан, о жизни народа, его настроениях, нуждах. Доклад был выслушан внимательно. Руководители партии и правительства одобрили боевую деятельность народных мстителей, дали указания и советы на будущее, оказали помощь партизанам вооружением, боеприпасами, взрывчаткой, различными техническими средствами.

Как ни хотелось Василию Ивановичу поскорее вернуться к «лесным братьям», но ему пришлось встретиться с рабочими заводов Москвы и других городов страны, рассказать труженикам тыла о борьбе советских людей на временно оккупированной территории, о всенародной партизанской борьбе с врагом.

В Белоруссию он возвращался с боевым грузом; кроме того, вез ордена и медали отличившимся бойцам партизанской армии.

Самому Василию Ивановичу еще в начале сентября 1942 года за боевые дела было присвоено звание Героя Советского Союза, а в 1943 году — воинское звание генерал–майора.

Высокая оценка деятельности партизан вдохновляла их на новые подвиги. Во второй половине 1943 года было организовано 5 новых партизанских бригад, 28 отрядов. Менее чем за полгода партизанская армия Минщины увеличилась почти на 10 тысяч бойцов. Готовились большие партизанские резервы. В некоторых районах несколько тысяч человек из партизанского резерва готовились к пополнению боевых рядов Красной Армии. С ними проводилась усиленная боевая и политическая подготовка. Всего в области насчитывалось более 80 тысяч партизан; кроме того, почти столько же находилось на учете в отрядах и бригадах. Это были партизанские резервы.

В партийных организациях области в тылу врага работали и с оружием в руках боролись до 2 тысяч коммунистов и свыше 3 тысяч комсомольцев. Выходили подпольные и районные газеты, а также две республиканские газеты: «Звязда» и «Чырвоная змена».

А самое главное — партизаны наращивали удары по врагу, крушили его коммуникации, громили гарнизоны, спасали население от истребления или угона на фашистскую каторгу. Создавались и действовали сотни диверсионных групп. Тысячи и тысячи партизан обучались подрывному делу. Велась также значительная работа по разложению вражеских гарнизонов, в которых были и насильно мобилизованные гитлеровцами чехи, словаки, поляки и люди из других стран Европы. Немало их перешло на сторону белорусских партизан.

Летом 1943 года партизаны широко развернули знаменитую «рельсовую войну», наводившую ужас на оккупантов. Иногда за один день партизаны при массовых выходах на «железку» подрывали до 20 тысяч рельсов. За первые 12 дней «рельсовой войны» было взорвано до 100 тысяч рельсов, а всего за август — ноябрь — 200 тысяч. Это вносило дезорганизацию в работу железнодорожного транспорта противника. Чтобы восстановить пути, гитлеровцы были вынуждены привозить рельсы из Западной Европы, а двухколейные пути превращать в одноколейные. Ио это мало помогало. Партизаны устраивали новые выходы на «железку», или, как они говорили, «проводили новые концерты», и рельсы вновь взлетали в воздух, задерживая продвижение живой силы и техники фашистов на фронт.

Близился долгожданный час освобождения Белоруссии от фашистского ига. Героической Красной Армией были уже освобождены некоторые районы республики, города Гомель и Речица. Новые задачи вставали перед обкомом, перед

партизанами. Гитлеровцы стремились превратить оставляемую территорию в мертвую зону. Надо было спасать народное достояние от окончательного разграбления, уберегать от уничтожения врагом мосты и переправы, так необходимые теперь для успешно наступающих советских войск.

Во время так называемой оперативной паузы гитлеровцы предпринимали отчаянные попытки уничтожить партизанские силы, чтобы обеспечить себе спокойные тылы. Они проводили жестокие карательные экспедиции, крупными силами регулярных войск обрушивались на партизанские соединения, организовывали блокады. Все эти попытки потерпели провал. Во время летнего наступления 1944 года партизаны, отвлекшие ка себя значительные силы гитлеровцев, оказали значительную помощь советским войскам.

3 июля был освобожден от фашистской нечисти Минск.

В. И. Козлов сразу же возглавил Минский обком и горком партии. Многие партизаны влились в Красную Армию и в ее рядах продолжали громить вражеские силы, дошли до Берлина. Остальные бывшие подпольщики взялись сразу же за ликвидацию последствий вражеской оккупации в городах и селах, возглавили партийные, советские и хозяйственные органы в районах и областях республики.

Началась огромная восстановительная работа. Вскоре в? я белорусская земля была освобождена от фашистских изуверов и мракобесов.

Давно отгремели залпы орудий на нашей земле. Героическим трудом народ восстановил разрушенные врагом города и села. В этом созидательном труде народа активное участие принимал и принимает Василий Иванович Козлов. После окончания войны он трудится на посту первого секретаря Минского обкома партии, а с 1948 года — на посту Председателя Президиума Верховного Совета Белоруссии. Почетны и ответственны обязанности президента республики, широка и многогранна его деятельность. Она проходит на виду у народа, в тесном контакте с ним. Он часто бывает в городах и селах, в гуще рабочих, колхозников и интеллигенции, ведет большую общественную и политическую работу.

Василий Иванович уже немолод. Время посеребрило голову. Но в его глазах, во всей его кряжистой подвижной фигуре еще много молодой бодрости и, я сказал бы, комсомольского задора. Недаром он говорит:

«В широкую жизнь в юности меня послал комсомол. Комсомол в те двадцатые годы как бы раздвинул горизонты, а затем Коммунистическая партия научила государственно

мыслить, по–государственному относиться к любому делу. Какими только делами не занимались мы в то славное и суровое время, когда со всех сторон наседали враги, когда мучили нас и голод, и холод, и разруха! Мы поднимали паровозы, налаживали сельское хозяйство, строили новые дороги. Но когда Родина оказалась в смертельной опасности, мы, не жалея сил и жизни, беспощадно громили врага и очищали родную землю от фашистской нечисти».

Служению великому делу партии и народа посвятил сбою жизнь, свою деятельность выходец из бедной крестьянской семьи, внук плотогона, бывший слесарь, рядовой рабочий, бывший вожак партизан, а ныне президент республики — Василий Иванович Козлов.

Г. Фролов
«ДЕВИЧИЙ ФЛАНГ»

Среди документов военного архива есть материалы, на основании которых Леле Колесовой было присвоено звание Героя Советского Союза. В одном из документов, по–военному суховатом и лаконичном, рассказывается:

«Елена Федоровна Колесова родилась в деревне Колесозо Курбского района Ярославской области в июле 1920 года. Отец умер в 1922 году. До семи лет жила с матерью в деревне. В 1928 году сестра матери Наталья Михайловна Савушкина взяла девочку к себе в Москву. Здесь она пошла учиться в школу № 52 Фрунзенского района. В 1936 году окончила семь классов и поступила во Второе педагогическое училище, которое успешно закончила в 1939 году, и была направлена учителем в третий класс школы № 47 Фрунзенского района.

В 1940/41 учебном году работала старшей пионервожатой школы…»

Можно было, конечно, подробнее написать о том, как Леля росла и мужала вместе со всей страной. Они были почти ровесниками — Родина наша и эта порывистая жизнерадостная девушка, мечтавшая посвятить свою жизнь воспитанию детей, мирной и благородной профессии учителя. Но ей не удалось осуществить свою мечту — летом 1941 года, как и миллионы советских людей, пришлось взять в руки оружие.

Вот как об этом она рассказывала сама в ЦК ВЛКСМ, после возвращения с очередного задания в марте 1942 года:

«…В середине июня с восьмиклассниками я уехала в десятидневный поход, и как раз в тот же день, когда началась война, мы вернулись из похода. Приехали в Москву и тут же, на вокзале, услыхали, что качалась война. Тут же говорю ребятам: «Поехали в райком!» Многих из нас сразу же отправили на трудовой фронт, меня не отпустили.

— Хорошо, — говорю, — не отпускайте на трудовой, пойду на настоящий фронт.

Поступила на курсы сандружинниц. Окончила. Говорили, что на днях будут брать в армию, ко так и не взяли. Стала каждый день ходить в райком, ЦК комсомола. Запишут и велят ждать повестки. Все ждешь и ждешь… Как утром встанешь, так сразу и смотришь почту. Как звонок, так бежишь открывать — не повестка ли?

Однажды вызывает меня секретарь райкома Миша Коболев.

— Хочешь на фронт?

— Спрашиваешь!

— А украинский знаешь?

— Раньше знала, а теперь многое забыла, — слукавила я.

— Понимаешь, Леля, срочно нужны люди на Украину, для партизанского отряда. Приходи завтра. Напиши автобиографию, только по–украински.

Я домой, разыскала управдома.

— Кто у нас из жильцов знает украинский?

Дал адрес. Нашла. Вместе с товарищем написала автобиографию — вначале по–русски, а он перевел на украинский. За ночь выучила.

Утром прихожу в райком.

— Ну, рассказывай. Только по–украински.

Выслушал и говорит:

— Ничего, получается. Только произношение хромает.

— Так я же давно с Украины…

Послал меня в ЦК, дали там пропуск к т. Андреенко. Вижу, фамилия украинская. Ну, думаю, попалась. А может, он не настоящий украинец? Зашла к дежурному, спросила.

Тот говорит, что Андреенко прекрасно говорит по–украински. Ну, я, конечно, к нему не пошла… В общем, крах получился. Но тут вскоре был набор к Спрогису — нужно было три человека. Меня приняли…»

* * *

Есть под Москвой небольшая железнодорожная станция. Со всех сторон ее окружает лес. И только несколько проселочных дорог ведут к небольшим дачным поселкам, затерявшимся в лесной чаще.

Сейчас мало кто знает, что здесь, в одном из дачных поселков, размещалась воинская часть специального назначения майора Спрогиса. Когда гитлеровцы приближались к Москве, нужно было особенно широко развернуть диверсионную работу на коммуникациях немецко–фашистских войск, чтобы ослабить силу их последнего удара по столице. Для этого в тыл врага нужно было послать как можно больше групп, гораздо больше, чем было их у Спрогиса. И тогда на помощь пришли комсомольцы Москвы, Ярославля, Рязани, Тулы и других городов, изъявившие желание добровольно пойти на это трудное дело. В ЦК ВЛКСМ работала специальная комиссия. Она рассматривала тысячи заявлений, отбирая лучших из лучших.

А потом несколько дней боевой подготовки на станции — и комсомольцы–добровольцы небольшими группами уходили за линию фронта…

На подготовку Леля Колесова приехала в конце октября. Здесь уже было много юношей и девушек, прибывших на базу несколько раньше. Жили все в большом деревянном доме, где до войны находился детский сад одного из московских заводов. Здесь все еще напоминало о довоенном времени, о безмятежной жизни детворы. И вот сюда, в этот залитый осенним солнцем мир, ворвалась война, вернее, то, что поминутно напоминало о ней. Выкрашенные белой краской детские кроватки — и сколоченные наспех из неотесанных досок двухъярусные нары… Груды пестрых игрушек — и ящики с гранатами, подсумки, противогазы, автоматные диски и коробки с лентами для станкового пулемета.

Занятия начались на следующий день с восьми утра. До позднего вечера, с небольшими перерывами на обед и ужин, комсомольцы изучали оружие, учились хорошо стрелять, минировать мосты и переправы, пользоваться компасом, бесшумно двигаться в темноте — словом, всему, что требовала нелегкая служба разведчика.

Времени для подготовки к выполнению боевого задания было в обрез. Приходилось спешить: враг был совсем близко. Поэтому занятия начинались на рассвете и заканчивались поздно вечером. Кроме того, майор Спрогис еще в ЦК ВЛКСМ отбирал в часть прежде всего спортсменов, значкистов ГТО и отличных стрелков. Это в значительной степени облегчало дело.

Многими занятиями руководил сам Спрогис. Он уже не раз встречался в бою с немецкими фашистами и хорошо знал их волчьи повадки. Теперь он неутомимо передавал свой боевой опыт комсомольцам, воспитывал у них находчивость, инициативу, умение быстро принять решение и найти выход из любого, казалось бы, уж совсем безвыходного положения.

— Тяжело в ученье — легко в бою, — часто повторял майор слова Суворова. — А у нас, у разведчиков, и в бою не всегда бывает легко. Так что, товарищи, готовьтесь к трудным делам.

Вечерами по установившейся традиции юноши и девушки собирались у костра во дворе базы. Здесь они, затаив дыхание, слушали рассказы разведчиков, уже побывавших «там», по ту сторону фронта. А потом пели свои любимые песни, чаще всего это были песни гражданской войны.

К костру всегда подсаживался бригадный комиссар Никита Дорофеевич Дронов. За глаза разведчики называли его «батей». Участник революции, питерский рабочий, а позднее профессиональный военный, комиссар прошел большую школу

революционной борьбы. Незаметно комиссар включался в разговор, и вот уже юноши и девушки внимательно слушают его рассказ о годах революционного подполья, о боях Красной Армии против Деникина, Колчака, Врангеля, о событиях недавних лет у озера Хасан, на Халхин–Голе, в Финляндии. Трепетное пламя костра освещает молодые лица разведчиков, которым, быть может, завтра придется идти на свое первое в жизни боевое задание. И для некоторых оно, возможно, будет последним…

…Тревожным, тихим сном спит лагерь разведчиков. Лишь командир и комиссар бодрствуют. Склонившись над картой, освещенной неярким светом керосиновой лампы, они еще раз уточняют маршруты, боевые задания групп.

Нелегкое это дело — провожать в самое пекло войны совсем еще юных, необстрелянных бойцов. Смогут ли они выполнить задание? Удастся ли им благополучно перейти линию фронта и вернуться к своим?

* * *

…С тех пор прошло много лет. Листая пожелтевшие от времени архивные документы, я пытаюсь представить, как все это было тогда, осенью 1941 года.

Я уже говорил, что работники ЦК ВЛКСМ в марте 1942 года записали беседу с Лелей Колесовой о боевых делах групп девушек–разведчиц. Вот что она рассказывала тогда о самом первом боевом задании:

«Впервые в тыл врага мы ушли 28 октября. Было нас четыре девушки и четыре парня. Группу возглавлял Борис Удалов, до этого ни разу не бывавший за линией фронта. И все мы, конечно, плохо представляли себе, как все это будет.

В вещевые мешки положили патроны, мины и тол вперемешку с сухарями. От этого сухари потом стали горькими…

Среди девушек были две студентки института физкультуры — Зина Морозова, по кличке «толстенич», и Нина Шинкаренко, звали мы ее все «большой». Скажешь ей что-либо, сделаешь замечание, а она в ответ: «Ну что вы ко мне прицепились? Ведь я же большой». Самой старшей в группе была Тоня Лапина. Обычно звали мы ее «комиссаром» — за серьезность и деловитость. За мной же утвердилась кличка «Алешка–атаман». Так меня звали еще в детстве.

Ребят мы знали мало до задания. Среди них Борис Удалов— командир, Леша Ефимов, «африкан» — так звали третьего — и, наконец, Миша. Фамилий «африкана» и Миши я не помню, да и

ни к чему было нам тогда. Ребята все молодые, в задание еще не ходили.

Нам дали задание минировать дороги, уничтожать связь и вести разведку в районе станций Тучково, Дорохово и деревни Старая Руза.

К линии фронта нас провожал старший лейтенант Клейменов. Вначале ехали на машине, потом шли пешком. И вот наконец мы в тылу врага. Попрощавшись, Клейменов ушел назад, а мы остались одни в глухом и незнакомом лесу…»

И вот наступила первая ночь в тылу врага, холодная и тревожная. Стал моросить дождь. Разведчики укрылись под густой елью, легли на голую землю, положив под голову вещевые мешки, тесно прижавшись друг к другу. Часовые менялись каждый час, но все равно никто не спал — было холодно, да и тревожно в эту их самую первую ночь за линией фронта.

Наконец рассвело. Встали все мокрые, ноги в сапогах замерзли. А тут еще нерешительность Бориса Удалова и остальных ребят… Эти, в сущности, неплохие парни как-то сразу растерялись в незнакомой обстановке, не смогли найти в себе сил побороть неуверенность. Им нужна была сильная встряска и время, чтобы привыкнуть, а его-то и не было у разведчиков…

А девушки как-то сразу объединились вокруг Лели — волевой, энергичной, находчивой. Посоветовавшись, решили разделиться на две группы, расстаться с ребятами по–хорошему. Пусть действуют самостоятельно или же возвращаются на базу.

И вот теперь к Старой Рузе шли вчетвером. Надо было выяснить, какие части стоят в деревне, восстановлен ли мост через реку, взорванный при отходе наших частей. Остановились на опушке леса и решили, что в разведку, оставив оружие, вещевые мешки, пойдут Леля Колесова и Нина Шинкаренко. Тоня Лапина и Зина Морозова должны были ждать их возвращения и в случае какой-либо неожиданности действовать по обстановке.

«Когда мы уже вошли в деревню, — вспоминает Нина Иосифовна Шинкаренко (по мужу она сейчас Флягина и работает в Союзе спортивных обществ и организаций. — Г. Ф.), — я взглянула на Лелю и ужаснулась: на лице ее было столько ненависти к фашистам, мимо которых мы проходили.

— Ты что, Леля, — шепчу ей, — хочешь, чтобы нас забрали? — И стала рассказывать ей первый пришедший в голову анекдот из нашей студенческой жизни. Смотрю, Леля заулыбалась, стала держаться проще, естественнее. У меня отлегло от сердца».

Непринужденно болтая, девушки прошли почти всю улицу, оставалось перейти через мост, который немцы почти полностью восстановили. По дороге старались запомнить все, что увидели,

— знаки различия солдат, офицеров, количество машин, танков, орудий, где расположены зенитки. И вот наконец мост. Хотели пройти, но гитлеровцы задержали девушек.

— Вы куда идете? — спросил их высокий рыжеватый офицер, руководивший работой по восстановлению моста. — Солдат? Партизан?

— Мы идем домой, в Смоленск, — стараясь говорить как можно убедительнее, ответили девушки. — Работали здесь, рыли окопы, а теперь пробираемся домой.

— Нет, вы партизан, — упорствовал офицер. — Почему в сапогах и лыжных брюках?

И, не слушая объяснения девушек, отправил их под конвоем в штаб. Пусть, мол, там разберутся.

В штабе их допросили и, втолкнув в колонну военнопленных, погнали на запад, к Новой Рузе.

…Можно было много рассказывать о том, как девушки шли вместе с пленными по размытой осенними дождями дороге, увязая в грязи, как они хотели бежать при первой же возможности, но она, к сожалению, не представилась…

И вот они в Новой Рузе, в штабе крупного гитлеровского соединения. Наверное, не такими представляли себе партизан немецкие офицеры, допрашивавшие в Новой Рузе Лелю н Нину. А может быть, очи слишком торопились в Москву и не стали терять время на проверку всего, что рассказали им девушки о своих родных и близких в Смоленске. Во всяком случае, в конце концов их отпустили, и вскоре девушки уже были снова в лесу.

Несколько дней, обходя деревни и большие дороги, они шли на восток. Наконец им удалось благополучно перейти линию фронта и вернуться на базу. Здесь уже считали, что они погибли, — Тоня Лапина и Зина Морозова, не дождавшись подруг, ночью пробрались к деревне и здесь узнали о том, что гитлеровцы схватили двух партизанок и угнали их куда-то. С этой невеселой вестью они вернулись к своим. И сколько радости было, когда они снова встретились с Лелей и Ниной!..

Так состоялось первое боевое крещение разведчиц. Несмотря на неудачи, они собрали немало интересных сведений о расположении гитлеровцев в Новой и Старой Рузе, об их боевой технике, составе воинских частей, шедших к фронту, и даже об особенностях штабной жизни гитлеровцев — ведь как-никак Леля и Нина почти двое суток пробыли в плену, их несколько раз допрашивали, и они многое запомнили. Во всяком случае, майор Спрогис был доволен…

* * *

Несколько дней разведчики отдыхали. Леле Колесовой и Нине Шинкаренко даже разрешили съездить в Москву, повидаться с родными и близкими. А потом опять начались дни боевой учебы, подготовки к новым заданиям.

— Мы, — рассказывает Нина Иосифовна Шинкаренко, — обратились к майору Спрогису с просьбой создать группу девушек для самостоятельных действий в тылу врага. Ведь нам, девушкам, доказывали мы, гораздо легче переходить линию фронта, вести разведку в населенных пунктах, чем мужчинам.

Майор долго колебался, но наконец дал согласие. Командиром группы была назначена Леля Колесова, ее заместителем — Тоня Лапина…

В военном архиве я нашел список группы и приказ. Вот что говорилось в приказе:

«Группе в составе 9 человек под командованием тов. Колесовой Е. Ф. надлежит перейти линию фронта и выйти в тыл противнику в район Акулово — Крабузино с задачей разведать силы гитлеровцев в деревнях Акулово, Крабузино, Бутаково, Вишенки, Алферово, Шахалево, Мокроселово, Свинухово, Солодово, Шульгино, Токарево, Глазово, заминировать дороги, ведущие к этим населенным пунктам.

После выполнения задания перейти линию фронта и попасть к нашим частям. Коротко доложить в штабе воинской части, куда вы попадете, все, что знаете о противнике…»

А вот и список группы:

Колесова Елена Федоровна, 1920 года рождения, член ВЛКСМ; Лапина Антонина Ивановна, 1920 года рождения, член ВЛКСМ; Лаврентьева Мария Ивановна, 1922 года рождения, член ВЛКСМ; Маханько Тамара Ивановна, 1924 года рождения, член ВЛКСМ; Суворова Нина Павловна, 1916 года рождения, член ВЛКСМ; Суворова Зоя Павловна, 1923 года рождения, член ВЛКСМ; Белова Надежда Алексеевна, 1917 года рождения, член ВЛКСМ; Морозова Зинаида Дмитриевна, 1921 года рождения, член ВЛКСМ; Шинкаренко Нина Иосифовна, 1920 года рождения, член ВЛКСМ.

В основном это москвички, студентки вузов и техникумов. Они знали, что идут на нелегкое, опасное дело, требующее мужества и готовности все сделать для нашей победы над врагом…

Неудачи первого похода научили их многому. А главное, пришла уверенность в «ом, что они, девушки, могут наносить врагу ощутимые удары и тем самым помогают Москве, нашей армии выстоять в нелегком единоборстве и опрокинуть врага.

Восемнадцать суток девушки провели в немецком тылу. Не

раз их подстерегала опасность, были короткие ожесточенные стычки с врагом, и всегда им сопутствовала радость успеха, завоеванного нелегким ратным трудом.

В последние пять дней кончились почти все запасы. Полуголодные, измученные девушки шли упорно на восток. Их окрыляло сознание, что свой долг они выполнили. Уже в прифронтовой полосе группа попала под минометный обстрел, но все обошлось благополучно — никто не пострадал.

Рано утром они подошли к нашим передовым постам.

— И тут, — вспоминает Нина Иосифовна Шинкаренко, — мы услышали такое долгожданное русское «Кто идет?». На мгновение усомнились: а может, это не наши? И тут снова команда часового: «Один ко мне, остальные на месте!» Эта команда у нас не вызывала ни малейшего сомнения, и мы все бросились к часовому с радостными криками…

Вскоре мы уже были в штабе, рассказали там много интересного о расположении немецких войск на этом участке. Нас хорошо накормили, отвели землянку, чтобы мы отоспались. А наутро, 6 декабря, наши войска перешли в наступление. И мы были счастливы, что наши данные о противнике, собранные за восемнадцать дней и ночей, безусловно, пригодились советскому командованию и в какой-то мере способствовали разгрому гитлеровских полчищ под Москвой…

* * *

Это было в конце января 1942 года. Наши войска вели наступательные бои, гитлеровцы ожесточенно оборонялись. Немецкий гарнизон города Сухиничи был со всех сторон окружен нашими войсками, и, чтобы деблокировать его, гитлеровское командование выбросило большой парашютный десант у деревень Попково, Ракитное, Казары, который с боем, при поддержке авиации стал продвигаться к городу.

Чтобы преградить путь десанту, ему навстречу был срочно отправлен сводный отряд № 1 разведотдела штаба Западного фронта. Возглавляли его капитан Радцев и комиссар Багринцев. Во взводе младшего политрука Русакова было отделение девушек, командовала им Леля Колесова. Я хочу назвать фамилии всех бойцов этого отделения, которые после ночного броска к фронту сразу же вступили в бой с превосходящими силами противника. Им нужно было во что бы то ни стало задержать продвижение десанта до подхода частей 10–й армии. Двое суток вели бой Леля Колесова, Тоня Лапина, Нина Шинкаренко, Зина Морозова, Нина

и Зоя Суворовы, Тамара Маханько, Надя Белова, Вера Ромащенко, Таня Ващук и Ариадна Фанталова. Они были на правом фланге взвода, оборонявшего деревню Казары.

— Ну как, девичий фланг, держитесь? — спрашивал их младший политрук Русаков, подползая к разведчицам.

— Вы бы лучше за парнями поглядели, — задорно отвечала Леля, выпуская по наседавшим гитлеровцам очередь из своего автомата.

Бой был нелегким. Во взводе уже было много убитых и раненых. Погибла Нина Суворова, тяжело была ранена ее сестра Зоя. Настал момент, когда взвод получил приказ отойти. Леля Колесова на плащ–палатке тащила раненую Зою. Вот как она сама рассказывала об этом:

«…Я все ее тащила. Трудно было, снег по колено, да и Зое больно, когда тащишь ее. Тогда я взвалила ее на спину и поползла. Так было легче. Только я решила передохнуть, но тут появились на пригорке гитлеровские автоматчики и открыли по нас огонь. Зоя была снова ранена… Когда я ее тащила, она кричала что-то, но я не могла разобрать ее слов в этом грохоте боя…»

Зоя Суворова умерла от ран. В бою погибли капитан Радцев, комиссар Багринцев и многие другие. Но сводный отряд № 1 свою задачу выполнил — он задержал гитлеровский десант до подхода частей 10–й армии… Выполнили свою задачу и разведчицы — «девичий фланг» не подвел, выдержал в нелегкой схватке с врагом, закалился для новых сражений.

За успешное выполнение боевых заданий девушки были награждены орденами и медалями. Леле Колесовой, командиру группы разведчиц, Михаил Иванович Калинин вручил в Кремле орден Красного Знамени. Тогда же она и побывала в ЦК ВЛКСМ, рассказала о себе и своих боевых подругах. И вот сейчас, спустя 22 года, я читаю страницы стенографической записи, пытаюсь представить, как все это было тогда, в первые месяцы войны…

* * *

А потом была Белоруссия.

Глубокой ночью в канун 1 мая 1942 года над Борисовским районом пролетел самолет, развернулся и снова ушел на восток… А утром среди жителей окрестных деревень разнеслась весть — возле Миговщины выброшен большой парашютный десант Красной Армии.

Гитлеровцы и их приспешники встревожились. Подтянули

войска и стали прочесывать окрестности. Нашли тела трех девушек–парашютисток: они разбились при выброске. Видно, слишком поздно раскрылись их парашюты. Кто они, откуда, никто не узнал : — документов при них не оказалось. Местные жители похоронили их здесь же, у деревни Миговщина.

А вскоре по деревням и селам Минской области стала шириться молва о партизанском отряде, которым командует девушка. Отряд был неуловим, и гитлеровцы объявили повсюду, что за голову командира они готовы заплатить 30 тысяч рейхсмарок и дать еще в придачу корову и два литра «шнапса»… Долго висели эти объявления возле волостных управлений, на домах старост. Читая их, люди усмехались: попробуйте найдите нашу партизанку!

А ее далеко искать не надо было, почти каждую ночь она напоминала о себе — под откос летели эшелоны, шедшие к фронту, взлетали в воздух мосты и переправы, на дорогах таинственно исчезали гитлеровские солдаты и офицеры.

Людская молва разносила повсюду весть о героических делах десантников, радуя советских людей и наводя ужас на фашистских захватчиков и местных предателей. И никто не знал о том, что в отряде, которым командовала девушка, было вначале всего лишь несколько человек.

Их было двенадцать в самолете: Леля Колесова, Тоня Лапина, Зина Морозова, Нина Шинкаренко, Надя Белова, Тамара Маханько, Вера Ромащенко, Таня Ващук, Аня Минаева, Ара Фанталова, Саша Лисицына, Тася Алексеева. В первую же ночь трагически погибли Таня Ващук, Тамара Маханько и Тася Алексеева: их парашюты вовремя не раскрылись. Зина Морозова при неудачном приземлении сломала позвоночник. Она прожила еще больше месяца и погибла во время блокировки гитлеровцами леса, где находился партизанский отряд. И еще одна тяжелая неудача постигла группу Лели Колесовой — 5 мая в деревне Выдрица были задержаны полицией Тоня Лапина и Саша Лисицына. Их отправили в Борисов, в гестапо. И только после войны, пройдя все ужасы гитлеровских тюрем и концлагерей, Антонина Ивановна Лапина вернулась на родину. Сейчас она живет и работает в городе Гусь–Хрустальный Владимирской области. А о судьбе Александры Лисицыной и до сих пор ничего не известно…

Так неудачно началось выполнение четвертого боевого задания. Горе о погибших крепко сдавило девичьи сердца. И нужна была железная воля командира, большое самообладание, чтобы не растеряться в сложившихся обстоятельствах, побороть холод сомнения и неуверенности.

А для этого надо было действовать!

В группе осталось шесть девушек, причем две из них, Нина Шинкаренко и Надя Белова, несколько дней после приземления бродили по окрестным лесам и только с помощью партизан Сергея Жунина смогли найти своих, а Зина Морозова, конечно, не могла идти на задание…

Леля Колесова связалась с местными жителями, и вскорэ в ее группе появилось пополнение — десять комсомольцев из окрестных деревень вступили в отряд.

Для начала решили устроить засаду на шоссе. На партизанской мине подорвалась машина с гитлеровцами. 11 фашистов было убито, но их оружие подобрать ие удалось: к месту боя подходили еще несколько машин. Пришлось уйти в лес. Первый успех окрылил девушек.

…Среди документов архива есть воспоминания командира диверсионно–разведывательной группы капитана Вацлазского, действовавшего в том же районе, где и группа Лели Колесовой. Перечисляя боевые дела группы, он писал:

«В июне 1942 года группа сожгла мост на шляху, около Винятич. Немцы выехали на восстановление моста. Узнав об этом, Колесова с пятью бойцами устроила засаду. Подпустив машину вплотную, группа уничтожила всех ехавших в ней гитлеровцев…»

Я боюсь, что меня упрекнут в пристрастии к цитированию, но мне очень хочется познакомить читателей с документами военного архива, где без особых литературных ухищрений рассказывается все, что было. А для меня как для читателя это важнее всего. И я думаю, что со мной согласятся многие. Поэтому я продолжу начатое, буду приводить отрывки из воспоминаний боевых товарищей Лели.

«Несколько раз, — рассказывает Нина Иосифовна Шинкаренко, — наши небольшие диверсионные группы ходили на железную дорогу, но все безуспешно: гитлеровцы усилили охрану и к железнодорожному полотну было трудно подобраться.

Однажды, после очередной неудачи, Леля взяла десять килограммов толу, взрыватели и ушла в деревню. В доме у наших связных она взяла детскую шапочку, одеяло, переоделась сама, и вот по дороге идет молодая женщина с ребенком на руках. Подошла к железной дороге, видит: на луговине у кустов старуха и девочка собирают щавель, а поодаль на солнышке дремлет часовой, охранявший здесь участок дороги.

Леля посоветовала старухе с девочкой поскорее уйти отсюда, а сама быстро взобралась на насыпь, развернула «ребенка», заминировала полотно, подбежала к часовому и крикнула: «Беги,

а то взорвешься!» Зачем она это сделала, сейчас трудно сказать.

А поезд уже подходил к мине. Леля бросилась в лес, и вскоре за ее спиной раздался взрыв. Она оглянулась. Увидела, как вздыбился паровоз и вагоны один за другим с треском и грохотом покатились под откос… «Началось! — подумала Леля. — Теперь дело пойдет!»

И действительно, с этого дня удача стала сопутствовать партизанской группе Колесовой. Меньше чем за месяц под откос было пущено четыре эшелона, разгромлено шесть полицейских участков, устроено несколько засад на дороге Борисов — Минск, стоивших гитлеровцам более 30 солдат и офицеров…»

Можно продолжить перечень боевых дел группы Лели Колесовой, насчитывавшей уже свыше пятидесяти человек. Ну хотя бы то, что помимо диверсий она вела разведку в городе Борисове, где дважды побывала Вера Ромащенко и установила связь с местными подпольщиками.

С большой теплотой и любовью пишут о Леле ее боевые товарищи, с горечью рассказывают о том, как она погибла.

Мне бы не хотелось писать об этом, потому что рассказывать о гибели человека всегда тяжело. Тем более о девушке, которой бы еще жить да жить, воспитывать своих учеников и, быть может, каждый год 9 мая, «в шесть часов вечера после войны», приходить на встречу со своими боевыми товарищами…

Но вернемся к прошлому.

«…30 августа, — вспоминает Нина Иосифовна Шинкаренко, — под Борисов прилетел подполковник Спрогис с группой. Решено было объединенными силами нескольких партизанских отрядов разгромить вражеский гарнизон в Выдрице. Операция была назначена на 10 сентября. В этот день Колесова дежурила по лагерю и не должна была идти на задание. Но она не хотела оставаться, рвалась в бой. «У нас, — говорила Леля, — личные счеты с этим гарнизоном. Там схватили наших девушек — Тоню и Сашу». Спрогис разрешил Леле идти на задание, и она, радостная, вбежала в палатку: «Иду, девушки! Будем мстить за подруг!»

— А как же мы, Леля?

— Девчата, ведь у вас же винтовки, а у меня автомат. Постараюсь там за себя и за вас.

Рассказывали, что Леля шла на задание радостная, весело шутила. Когда начался бой, она была впереди атакующих партизан. Умело перебегая от дома к дому, она вела огонь из автомата. Когда диск кончился, она приподнялась немного, чтобы достать второй, и тут же упала. Рядом с ней был командир одного из отрядов, Свистунов. Бросился к ней: «Что с тобой, Леля?» Под

огнем ее отнесли за дом, сделали перевязку, но было уже поздно. Пуля попала в грудь. Силы оставляли ее. Леля тихо сказала окружившим ее разведчикам: «Оставьте меня. Идите бить немцев. Я здесь полежу одна». На мгновение сна потеряла сознание, а потом, придя в себя, проговорила: «Как тяжело помирать, зная, что так мало сделано. Берегите моих девушек и похороните меня в Миговщине, там, где наши лежат. Прощайте…»

Весть о гибели Лели Колесовой мгновенно разнеслась по атакующей цепи партизан. С криком «ура!» они поднялись в последнюю, страшную и беспощадную атаку. Гарнизон был уничтожен».

Лелю, как она и просила, похоронили в деревне Миговщина, рядом с Тамарой Маханько, Таней Ващук, Тасей Алексеевой и Зиной Морозовой. Прощальный салют у этой могилы долго еще отзывался эхом повсюду на белорусской земле, где побывали спрогиеовцы. Летели под откос поезда, взлетали на воздух мосты, водокачки, железнодорожные стрелки, и сотни гитлеровцев находили себе бесславный конец там, где они встречались с друзьями Колесовой.

Павло Автомонов
ДО ПОСЛЕДНЕГО ДЫХАНИЯ

1

Свой первый боевой подвиг Иван Иосифович Копенкин совершил за несколько часов до начала войны.

В ночь на 22 июня 1641 года наряд милиционеров во главе с Иваном Копенкиным вышел в дозор. Недалеко от железнодорожной станции им повстречался отряд пограничников старшего сержанта Юдина.

— Иван Иосифович, — обратился старший сержант Саша Юдин, с которым Копенкин был знаком. — Трое перешли границу. Двоих задержали и доставили на заставу. Третий убежал в сторону города. Сбились с ног, а найти не можем. А он, чертяка, где-то рядом. Помогите нам. Вы же хорошо знаете местность, — попросил пограничник.

И наряд милиции остался с красноармейцами.

Копенкин, действительно, знавший в окрестности все стежки–дорожки, повел бойцов и милиционеров к небольшой высотке. Оттуда хорошо видны станция и полотно железной дороги. Вокруг высотки небольшие заросли. Лучшего места вражескому наблюдателю на первое время и не придумать.

— Стой! Стрелять буду! — вдруг раздался голос Юдина.

Ответа не было. Кусты зашевелились. Пограничники и милиционеры залегли. Копенкин с одним из бойцов осторожно поползли через кустарник. В нескольких шагах от вершины торчал, как клок волос на бритой голове, куст. Копенкин был уверен, что здесь и нужно искать нарушителя.

— Стой! Руки вверх! — крикнул он.

Ждать пришлось недолго. Из кустов поднялась фигура вражеского лазутчика. При обыске у него обнаружили электрический фонарик, ракетницу и ракеты. Это был немецкий сигнальщик–наводчик, засланный фашистской разведкой на пограничную станцию.

Нарушитель вел себя неспокойно. Он все время поворачивался на запад, откуда пришел сюда, посматривал на часы и что-то бормотал.

— Что ты там колдуешь? — спросил Копенкин. — Придешь на место, там все и расскажешь.

Приближался рассвет. И вдруг среди предутренней тишины

раздался грохот. На западе взметнулось пламя. Все озарилось. Это рвались немецко–фашистские снаряды на советской земле. Началась война…

2

Работники милиции вместе с группой пограничников с боями отходили на восток. Иван Копенкин написал в ЦК партии Украины письмо с просьбой послать его в тыл противника.

Ответ он просил прислать в Харьков.

Только в конце августа группа пограничников и милиционеров добралась до своего наркомата. Копенкин с товарищами был принят начальником управления.

Им было сказано, что просьбу их удовлетворили, и поручили заняться подбором людей, подготовкой оружия.

Времени на все было в обрез. У будущих партизан начались дни напряженной учебы. Будущий разведчик Николай Подкорытов изучал карту районов. Машинист паровоза Ткаченко не разлучался с «Максимом». Ивану Иосифовичу Копенкину предстояло возглавить отряд. Комиссаром его стал Дмитрий Иванович Колокольцев.

И вот последняя ночь перед уходом в тыл врага. Не спится.

— Написал домой, — говорит Копенкнн Подкорытову. — Слушай:

«Дорогая мама!

Крепко тебя целую и шлю свой сыновний привет. Живу я по–старому, по–прежнему. Все на колесах. Работа не плохая. Хлопот много. Сейчас мы готовимся в дорогу. Там работы хватит нам до окончания войны. Ты за меня не беспокойся. Все будет в порядке. Если к тебе приедет Стеша с детьми, расцелуй их за меня. Они эвакуировались, но, куда их занесла судьба, я еще не знаю.

Видишь, мамочка, война — дел много. И ты знаешь, какой я. Не хочется от добрых людей отставать. Постараюсь тебя не обидеть и быть достойным сыном. Если долго не будет писем, то знай, что я выехал в длительную командировку. Следите за газетами. Возможно, о нас будут писать. Тогда вы будете знать, где и чем я занимаюсь.

Крепко целую, дорогая мама.

Твой сын Иван Копенкин».

— Я и Саша Юдин тоже написали вчера домой в Свердловскую область, — задумчиво сказал Николай Подкорытов. — А Середе, Терещенко, Панченко, Опанасенко писать некуда. Их родные места заняты фашистскими войсками…

— Вся советская земля наша родная. Вот мы и пойдем ее очищать от фашистов, — ответил Иван. — Ну, а теперь спать. Время позднее, а завтра в поход!

3

Линию фронта партизанский отряд имени Буденного под командованием Ивана Копенкина перешел с помощью армейских разведчиков.

Среди перелесков и фруктовых садов Харьковщины партизаны пробирались на запад, в тыл немецко–фашистских войск. Все тише и тише раздавались за спиной пулеметные очереди. Затем умолкли совсем.

Партизанский отряд Ивана Копенкина не имел постоянной базы. Он все время был в рейде, нанося удары по коммуникациям противника, по складам, по отдельным гарнизонам в селах и райцентрах. В первые же дни партизаны устраивали засады на шоссейных дорогах, по которым противник подбрасывал войска к фронту, помогали большим и малым группам советских бойцов и офицеров выйти из окружения. Некоторые из них оставались в партизанском отряде.

Со 2 октября по 1 ноября отряд Копенкина вместе с партизанскими отрядами Миргородского, Камышнянекого и Зеньковского районов вывели из окружения три тысячи бойцов и командиров.

Фашисты начали охотиться за отрядом Копенкина.

Однажды разведчики донесли, что каратели приблизились вплотную к отряду.

— Одним словом, фашисты у нас на носу! — закончил свой доклад Митя Денисенко.

Копенкин в ответ неожиданно засмеялся. Увидев недоумение товарищей, сказал:

— В 1812 году один партизан явился к князю Багратиону и говорит: «Главнокомандующий приказал доложить вашему сиятельству, что неприятель у нас на носу, и просил вас немедленно отступить». Багратион, у которого был длинный нос,

ответил: «На чьем носу неприятель? Если на твоем, тогда он близко. Если на моем, то мы еще успеем отобедать». Вот так и у нас, Митя, если карателя на комиссаровом носу, то мы еще успеем поесть перед боем каши.

Шутка подняла настроение. Копенкин вызвал Терещенко и Жабецкого и отдад распоряжение группам занять оборону.

Карателя с наступлением не задержались. Но они встретили такой дружный огонь, такую организованность, что Еынуждены были отступить, оставив много убитых.

Авторитет партизан отряда Копенкина после этого боя еще более вырос. К нему потянулись новые силы.

В декабре 1941 года на совещании секретарей подпольных районных комитетов партии, командиров и комиссаров партизанских отрядов было принято решение о создании объединенного отряда. Командиром отряда полтавских партизан был единогласно избран Иван Иосифович Копенкин. Комиссаром назначили секретаря Миргородского райкома партии Иващенко.

За один только месяц объединенный отряд провел десять крупных операций против немецко–фашистских войск на территории Миргородского, Камышнянекого, Гадячского и Зеньковского районов. Обозленные фашисты начали принимать все меры для уничтожения народных мстителей.

Из донесения разведчика Сергея Хуринова Копенкину стало известно, что враги начинают большую карательную экспедицию с села Малая Обуховка. Копенкин решил не уходить от карателей, а из засады навязать им бой и спутать карты немецким офицерам, возглавлявшим этот поход. Командир тщательно расставил силы, проинструктировал всех командиров и пулеметчиков. Пулеметчики Ткаченко и Терещенко расположились на высотках под ветряными мельницами. С восточной стороны стояла группа под командованием комиссара Иващенко. Здесь были пулеметчики Петренко, Вовк, Андреев. Сам Копенкин оставался в центре.

Утром по дороге к Малой Обуховке показалась огромная колонна фашистов. Партизаны пропустили вражеский разведывательный взвод. За разведчиками пошли стрелковые взводы. Когда дорога была запружена фашистами, заговорили пулеметы партизан. Фашистские карателя попали в перекрестный огонь. Партизаны стреляли из всех видов оружия: пулеметов, винтовок, автоматов. Оставшиеся в живых фашисты бросали лошадей, оружие и бежали, забыв, за чем пришли.

Партизаны ловили напуганных стрельбой лошадей. Собирали трофейные карабины, патроны.

Вскоре разведчики доложили командиру, что за первой

колонной карателей на расстоянии двух километров появилась новая группа фашистов. Разгорелся упорный бой. Однако вражескому полку не удалось сломить сопротивление партизан. Об этой боевой операции в те дни «Правда» писала :

«Партизанский отряд под командованием К. провел крупную операцию на Полтавщине под селом Малая Обуховка».

Думали ли мать Ивана Иосифовича, его жена Стеша, читая газету, что бесстрашный партизанский командир К. и есть их сын, муж и отец маленького Саши!

После боя под Малой Обуховкой фашисты стали жестоко расправляться с жителями. Изверги сожгли более трехсот семей Малой Обуховки, Соколовки, Опанасовки,

4

Партизанский отряд Копенкина долгое время размещался в Миргородском районе, в лесном массиве вблизи села Соколовка. Фашисты из кожи лезли вон, чтобы разгромить партизан. Превосходство противника в силах было большое. У партизан кончались боеприпасы. Зима 1942 года на Украине была снежной, с лютыми морозами. Положение усугублялось еще и тем, что здесь не было больших лесных массивов, партизаны воевали в лесостепных, а порой и в степных районах. Фронт был не так уж далеко, и эти районы фактически превратились в ближайшие тыловые базы противника с концентрацией войск второго эшелона.

Все это, вместе взятое, заставило командование объединенного отряда принять решение покинуть лагерь под Соколовкой и продолжать борьбу, применяя тактику маневрирования.

Отряд Копенкина вышел снова в рейд. Шли ночами. А днем отсиживались в роще, в кустарниках. Перед уходом от села Опанасовка, где стоял гарнизон немцев, Копенкин приказал командиру минометчиков Макогону накрыть последними минами вражеских солдат. Партизаны–минометчики выполнили задание.

Отряд Копенкина вышел на территорию степных районов Харьковщины. Поля были покрыты глубоким снегом. В мирное время хлеборобы, которых немало было в отряде, такому снегу только радовались бы. Но сейчас снег — враг партизан. На нем остаются следы, по которым идут каратели. Схватки с ними были на Вепринских хуторах Богодуховского района, возле Шаровки и станции Ковяги, возле райцентра Водолаги, под Староверовкой, на хуторе Михайловка Змеевского района.

Особенно горячей была схватка у хутора Михайловка. Взвесив обстановку, Копенкин дал команду сниматься и в бой не вступать. Фашисты отрезали партизанам здесь путь. Тогда Копенкин приказал командирам взводов занять оборону.

Патронов было мало, а карателей очень много. Они ползли, словно муравьи, по белому снегу. Пулеметчики Ткаченко и Кравченко, автоматчик Ибрагимов устроились поудобней и старались бить только по цели.

Врагам удалось выйти на поляну, но меткий огонь заставил отойти назад их поредевшие ряды. На самый трудный в этом бою участок Копенкин послал Терещенко.

— Помни, Терещенко! Ни шагу назад! Иначе отряд погиб.

— Я понимаю.

— Иди! — обнял Копенкин товарища.

Группа Терещенко сдержала бешеный натиск фашистов, выстояла.

К вечеру бой прекратился, и противник отошел к Михайловне. Партизаны, похоронив своих друзей и забрав раненых, пошли дальше…

5

В конце зимы 1942 года отряд имени Буденного пересек линию фронта и вышел в расположение советских воинских частей. Наступил короткий отдых.

Пока отдыхали и готовились к новому выходу в тыл фашистских захватчиков, Указом Президиума Верховного Совета СССР командиру отряда Ивану Иосифовичу Копенкину было присвоено звание Героя Советского Союза. Были награждены и лучшие бойцы и командиры отряда — Дмитрий Колокольцев, Василий Коминяр, Иван Скрипка, Дмитрий Денисенко, Николай Подкорытов, Яков Макогон. Отряд переформировался. Комиссаром теперь был Петр Петренко, а начальником штаба Николай Подкорытов. И снова учеба, анализ боев, подготовка к боям и операциям в тылу фашистов.

В мае отряд имени Буденного второй раз перешел линию фронта на запад. Теперь у Копенкина была радиостанция. К тому же штаб отряда имел связь с некоторыми подпольщиками и партизанскими группами, действовавшими в районах Харьковской области.

Весной партизанам стало легче. Веселее было и на душе у каждого бойца; части Красной Армии вели по Донцу активные действия. Но в конце мая продвижение советских войск было

приостановлено. Немцы перешли в крупное контрнаступление. В районе Изюма и Барвенково фашисты начали создавать лагеря военнопленных. На охрану одного из таких лагерей напал отряд партизан Героя Советского Союза Копенкина. Все военнопленные были освобождены. После этой операции враги бросили против партизан крупные части и начали преследовать отряд.

Ранним июльским утром в Синицыном Яру Копенкин собрал партизанский совет.

— Боя нам не избежать, — говорил он. — Помощи ожидать неоткуда. Я возьму направление строго на запад. Комиссар Петренко будет руководить обороной в центре. Владимир Иванович Бурхач с Сашей Юдиным — на левом фланге. Если выдержим бой, то ночью немного оторвемся от противника.

Против партизан выступила пехота под прикрытием броневиков. Один броневик был сразу же подбит из ПТР. Остановлена и вторая машина. На участке Петра Петренко фашисты подтянули артиллерийскую батарею и начали бить по партизанам прямой наводкой. В самую критическую минуту Копенкин поднялся и крикнул:

— В атаку! Вперед!

Удар был стремительный. Фашистские артиллеристы дрогнули и побежали прочь от орудий.

— Пушки развернуть на 180 градусов! — скомандовал Копенкин. — По немцам — шрапнелью!

И батарея, и пулеметы с двух захваченных броневиков начали бить по цепям вражеских солдат. По врагам из их же пушек! Бой закончился победой. Но вскоре на партизан была брошена новая сила.

В одном из боев Копенкин был ранен в руку. Партизаны потеряли 30 товарищей. Убит радист. Было много раненых. Боеприпасы кончались.

И снова собрался совет. Обстановка была очень сложной. Связи с Большой землей нет. Пробиться из окружения всем отрядом невозможно. Решили выходить мелкими группами. Старшими назначили Копенкина, Петренко, Подкорытова, Бурхача…

6

Судьба группы Ивана Иосифовича Копенкина сложилась трагически. Недалеко от Изюма измученные и израненные партизаны остановились немного отдохнуть. Они расположились в саду на окраине хутора Рогалики.

Вскоре к ним подошли люди в красноармейской одежде. Переговорить с ними вышли помначштаба Михаил Кузь и Дмитрий Денисенко.

— Вы кто такие? — спросил Денисенко.

— Партизаны.

— Из какого отряда?

Те ответили.

— Что-то не слыхали, чтобы здесь действовал такой отряд.

Подошла еще группа «красноармейцев».

— А вы? — спросил Кузь.

— Ищем партизан, — послышался ответ. — Отстали от своих и хотели бы к вам.

Но это были не партизаны и не красноармейцы, а разведчики крупного карательного отряда. Они окружили плотным кольцом хутор. Вспыхнул неравный бой. Патронов у партизан не было. Раненый Копенкин с товарищами попал в плен.

В Барвенковском лагере военнопленных Копенкина и его товарищей держали под особым наблюдением. Попытка бежать не удалась.

По одному их начали вызывать на допрос. Пыткам не было конца.

Когда к гестаповцам привели Сергея Хуринова, он увидел на полу, в луже крови, Копенкина.

Гестаповец спросил у Хуринова:

— Это Копенкин? Герой Союза?«Он убил нашего командира под хутором Новый Миргород. А что он сделал в Малой Обуховке? Нам все известно!

Сергей Хуринов молчал.

Так погиб партизанский командир Иван Копенкин. А через несколько дней палачи Барвенковского лагеря военнопленных казнили Сергея Хуринова, Михаила Кузя, Дмитрия Денисенко и других товарищей–партизан…

Группа бойцов–партизан и командиров отряда имени Буденного вышла из вражеского окружения, соединилась с частями нашей армии, с Украинским штабом партизанского движения.

И где бы ни были боевые побратимы одного из первых и талантливых партизанских командиров Великой Отечественной войны Ивана Иосифовича Копенкина, всюду и везде он был для них символом мужества, стойкости и беспредельной верности Родине.

П. Лидов
ТАНЯ

В первых числах декабря 1941 года в Петрищеве, близ города Вереи, немцы казнили восемнадцатилетнюю комсомолку–москвичку, назвавшую себя Татьяной.

То было в дни наибольшей опасности для Москвы. Дачные места за Голицыном и Сходней стали местами боев. Москва отбирала добровольцев–смельчаков и посылала их через фронт для помощи партизанским отрядам в их борьбе с противником в тылу.

Вот тогда в Петрищеве кто-то перерезал все провода германского полевого телефона, а вскоре была уничтожена конюшня немецкой воинской части и в ней семнадцать лошадей. На следующий вечер партизан был пойман.

Из рассказов солдат петрищевские колхозники узнали обстоятельства поимки партизана. Он пробрался к важному военному объекту. На нем была шапка, меховая куртка, стеганые ватные штаны, валенки, а через плечо — сумка. Подойдя к объекту, человек сунул за пазуху наган, который держал в руке, достал из сумки бутылку с бензином, полил из нее и потом нагнулся, чтобы чиркнуть спичкой.

В этот момент часовой подкрался к нему и обхватил сзади руками. Партизану удалось оттолкнуть немца и выхватить револьвер, но выстрелить он не успел. Солдат выбил у него из рук оружие и поднял тревогу.

Партизан был отведен в избу, где жили офицеры, и тут только разглядели, что это девушка, совсем юная, высокая, стройная, с большими темными глазами и темными стрижеными, зачесанными наверх волосами.

Хозяевам дома было приказано выйти в кухню, но все-таки они слышали, как офицер задавал Татьяне вопросы, и как та быстро, без запинки отвечала: «нет», «не знаю», «не скажу», «нет», и как потом в воздухе засвистели ремни, и как стегали они по телу. Через несколько минут молоденький офицерик выскочил оттуда в кухню, уткнул голову в ладони и просидел так до конца допроса, зажмурив глаза и заткнув уши.

Хозяева насчитали двести ударов, но Татьяна не издала ни одного звука. А после опять отвечала: «нет», «нескажу», только голос ее звучал глуше, чем прежде.

После допроса Татьяну повели в избу Василия Александровича Кулика. На ней уже не было ни валенок, ни

шапки, ни теплой одежды. Она шла под конвоем в одной сорочке, в трусиках, ступая по снегу босыми ногами.

Когда ее ввели в дом, хозяева при свете лампы увидели на лбу у нее большое иссиня–черное пятно и ссадины на ногах и руках. Руки девушки были связаны сзади веревкой. Губы ее были искусаны в кровь и вздулись. Наверно, она кусала их, когда побоями от нее хотели добиться признания.

Она села на лавку. Немецкий часовой стоял у двери. С ним был еще один солдат. Василий и Прасковья Кулик, лежа на печи, наблюдали за арестованной. Она сидела спокойно и неподвижно, потом попросила пить. Василий Кулик спустился с печи, подошел было к кадушке с водой, но часовой оттолкнул его.

— Тоже хочешь палок? — злобно спросил он.

Солдаты, жившие в избе, окружили девушку и громко потешались над ней. Одни шпыняли ее кулаками, другие подносили к подбородку зажженные спички, а кто-то провел по ее спине пилой.

Натешившись, солдаты ушли спать. Часовой вскинул винтовку на изготовку и велел Татьяне подняться и выйти из дому. Он шел позади нее вдоль по улице, почти вплотную приставив штык к ее спине. Потом он крикнул: «Цурюк!» — и повел девушку в обратную сторону. Босая, в одном белье, ходила она по снегу до тех пор, пока ее мучитель сам не продрог и не решил, что пора вернуться под теплый кров.

Этот часовой караулил Татьяну с десяти вечера до двух часов ночи и через каждые полчаса — час выводил ее на улицу на пятнадцать — двадцать минут. Наконец изверг сменился. На пост встал новый часовой. Несчастной разрешили прилечь на лавку.

Улучив минуту, Прасковья Кулик заговорила с Татьяной.

— Ты чья будешь? — спросила она.

— А вам зачем это?

— Сама-то откуда?

— Я из Москвы.

— Родители есть?

Девушка не ответила. Она пролежала до утра без движения, ничего не сказав более и даже не застонав, хотя ноги ее были отморожены и не могли не причинять боли.

Никто не знает, спала она в эту ночь или нет и о чем думала она, окруженная злыми врагами.

Поутру солдаты начали строить посреди деревни виселицу.

Прасковья снова заговорила с девушкой:

— Позавчера это ты была?

— Я… Немцы сгорели?

— Нет.

-— Жаль. А что сгорело?

— Кони ихние сгорели. Сказывают, оружие сгорело…

В десять часов утра пришли офицеры. Старший из них по–русски спросил Татьяну:

— Скажите, кто вы?

Татьяна не ответила…

Продолжения допроса хозяева уже не слышали: им велели выйти из комнаты и впустили обратно, когда допрос был уже окончен.

Из комендатуры принесли часть Татьяниных вещей: жакет, брюки, чулки. Шапка, меховая куртка и валяные сапоги исчезли: их успели уже Поделить между собой унтер-офицеры. Тут же лежала ее походная сумка, и в ней — бутылки с бензином, спички, патроны к нагану, сахар и соль.

Татьяну одели, и хозяева помогали ей натягивать чулки на почерневшие ноги. На грудь Татьяне повесили отобранные у нее бутылки с бензином и доску с надписью: «Партизан». Так ее вывели на площадь, где стояла виселица.

Место казни окружало десятеро конных с саблями наголо. Вокруг стояло больше сотни немецких солдат и несколько офицеров. Местным жителям было приказано собраться и присутствовать при казни, но их пришло немного, а некоторые, придя и постояв, потихоньку разошлись по домам, чтобы не быть свидетелями страшного зрелища.

Под спущенной с перекладины петлей были поставлены один на другой два ящика из-под макарон. Татьяну приподняли, поставили на ящик и накинули на шею петлю. Один из офицеров стал наводить на виселицу объектив своего «кодака»: немцы — любители фотографировать казни и экзекуции. Комендант сделал солдатам, выполнявшим обязанность палачей, знак обождать.

Татьяна воспользовалась этим и, обращаясь к колхозницам и колхозникам, крикнула громким и чистым голосом :

— Эй, товарищи! Чего смотрите невесело? Будьте смелее, боритесь, бейте немцев, жгите, травите!

Стоявший рядом немец замахнулся и хотел то ли ударить ее, то ли зажать ей рот, но она оттолкнула его руцу и продолжала.

— Мне не страшно умирать, товарищи. Это — счастье умереть за свой народ…

Фотограф снял виселицу издали и вблизи и теперь пристраивался, чтобы сфотографировать ее сбоку. Палачи беспокойно поглядывали на коменданта, и тот крикнул фотографу :

— Скорее же!

Тогда Татьяна повернулась в сторону коменданта и,

обращаясь к нему и к немецким солдатам, продолжала:

— Вы меня сейчас повесите, но я не одна. Нас двести миллионов, всех не перевешаете. Вам отомстят за меня. Солдаты! Пока не поздно, сдавайтесь в плен, все равно победа будет за нами! Вам отомстят за меня…

Русские люди, стоявшие на площади, плакали. Иные отвернулись и стояли спиной, чтобы не видеть того, что должно было сейчас произойти.

Палач подтянул веревку, и петля сдавила Танино горло. Но она обеими руками раздвинула петлю, приподнялась на носках и крикнула, напрягая все силы:

— Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь!..

Палач уперся кованым башмаком в ящик, и ящик заскрипел по скользкому, утоптанному снегу. Верхний ящик свалился вниз и гулко стукнулся оземь. Толпа отшатнулась. Раздался и замер чей-то вопль, и эхо повторило его на опушке леса…

Она умерла во вражьем плену, на фашистской дыбе, ни единым звуком не выдав своих страданий, не выдав своих товарищей. Она приняла мученическую смерть, как героиня, как дочь великого народа, которого никому и никогда не сломить! Память о ней да живет вечно!

…В ночь под новый год перепившиеся фашисты окружили виселицу, стащили с повешенной одежду и гнусно надругались над ее телом. Оно висело посреди деревни еще день, исколотое и изрезанное кинжалами, а вечером 1 января фашисты распорядились спилить виселицу. Староста кликнул людей, и они выдолбили в мерзлой земле яму в стороне от деревни.

Таню похоронили без почестей, за деревней, под плакучей березой, и вьюга завеяла могильный холмик.

А вскоре пришли те, для кого Таня в темные декабрьские ночи грудью пробивала дорогу на запад.

Остановившись для привала, бойцы придут сюда, чтобы до земли поклониться ее праху и сказать ей душевное русское «спасибо», и отцу с матерью, породившим на свет и вырастившим героиню, и учителям, воспитавшим ее, и товарищам, закалившим ее дух.

И немеркнущая слава разнесется о ней по всей советской земле, и миллионы людей будут с любовью думать о далекой заснеженной могилке…

Кто была Таня

Указом Президиума Верховного Совета СССР комсомолке-

партизанке Зое Космодемьянской посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

О ее подвиге было рассказано в очерке «Таня», напечатанном в «Правде» 27 января 1942 года. Тогда еще не было известно, кто она. Ни на допросе, ни в разговоре с петрищевской крестьянкой Прасковьей Кулик девушка не назвала своего имени и лишь при встрече в лесу с одним из верейских партизан сказала, что ее зовут Таня. Но и здесь из предосторожности она скрыла свое настоящее имя.

Московский комитет комсомола установил, кто была эта девушка.

Это — Зоя Анатольевна Космодемьянская, ученица десятого класса школы № 201 Октябрьского района города Москвы.

Ей было восемнадцать лет. Она рано лишилась отца и жила с матерью Любовью Тимофеевной и братом Шуриком близ Тимирязевского парка, в доме № 7 по Александровскому проезду.

Высокая, стройная, плечистая, с живыми темными глазами и черными, коротко остриженными волосами — таким рисуют друзья ее внешний облик. Зоя была задумчива, впечатлительна, и часто вдруг густой румянец заливал ее смуглое лицо.

Слушаешь рассказы ее школьных товарищей и учителей, читаешь ее дневник, сочинения, записи, и одно поражает в ней всюду и неизменно — необычайное трудолюбие, настойчивость, упорство в достижении намеченной цели. Перед уроками литературы она прочитывала множество книг и выписывала понравившиеся места. Ей хуже давалась математика, и после уроков она подолгу засиживалась над учебником алгебры, терпеливо разбирая каждую формулу до тех пор, пока не усваивала ее окончательно.

Зою избрали комсомольским групповым организатором в классе. Она предложила комсомольцам заняться обучением малограмотных домохозяек и с удивительным упорством добивалась, чтобы это начинание было доведено до конца. Ребята вначале охотно принялись за дело, но ходить нужно было далеко, и многие быстро остыли. Зоя болезненно переживала неудачу. Она не могла понять, как можно отступить перед препятствием, изменить своему слову, долгу…

Русскую литературу и русскую историю Зоя любила горячо и проникновенно. Она была простой и доброй советской школьницей, хорошим товарищем и деятельной комсомолкой, но кроме мира сверстников у нее был и другой мир — мир любимых героев отечественной литературы и отечественной истории.

Порой друзья упрекали Зою в некоторой замкнутости; это бывало тогда, когда ее целиком поглощала только что

прочитанная книга. Тогда Зоя становилась рассеянной и нелюдимой, как бы уходя в круг образов, плениших ее своей внутренней красой.

Великое и героическое прошлое народа, запечатленное в книгах Пушкина, Гоголя, Толстого, Белинского, Тургенева, Чернышевского, Герцена, Некрасова, было постоянно перед мысленным взором Зои. Это прошлое питало ее, формировало ее характер. Оно определило ее чаяния, порывы, оно с неудержимой силой влекло ее на подвиг за счастье своего народа.

Зоя переписывала в свою тетрадь целые страницы из «Войны и мира». Ее классные работы об Илье Муромце и о Кутузове написаны с большим чувством и глубиной и удостаиваются самой высокой оценки. Ее воображение пленяет трагический и жертвенный путь Чернышевского и Шевченко; она мечтает, подобно им, послужить святому народному делу.

Перед нами записная книжка, которую Зоя Космодемьянская оставила в Москве, отправляясь в поход. Сюда она заносила то, что вычитала в книгах и что было созвучно ее душе. Приведем несколько выписок, они помогут нам понять Зою.

«…В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли (*Чехов*).

Быть коммунистом — значит дерзать, думать, хотеть, сметь (*Маяковский*).

Умри, но не давай поцелуя без любви (*Чернышевский*).

За десять французов я ни одного русского не дам (*Кутузов*).

Ах, если бы латы и шлем мне достать,
Я стала б отчизну свою защищать…
Уж враг отступает пред нашим полком.
Какое блаженство быть храбрым бойцом!
(*Гете*)».

«Какая любвеобильность и гуманность в «Детях солнца» Горького!» — записывает она карандашиком в свою памятную книжку. И далее: «В «Отелло» — борьба человека за высокие идеалы правды, моральной чистоты, тема «Отелло» — победа настоящего, большого, человеческого чувства!»

С какой-то особенной, подкупающей, детской искренностью и теплотой пишет Зоя о том, в ком воплощено горделивое вчера, бурливое сегодня и светлое завтра нашего народа, — об Ильиче.

В этих записях она вся — чистая помыслами и всегда стремящаяся куда-то ввысь, к достижению лучших человеческих

идеалов.

Июнь 1941 года. Последние экзамены. Зоя переходит в десятый класс, а через несколько дней начинается война. Зоя хочет стать бойцом, она уходит добровольцем в истребительный отряд.

Она прощается с матерью и говорит ей:

— Не плачь, родная. Вернусь героем или умру героем.

И вот Зоя в казарме, в большой и показавшейся ей суровой комнате, перед большим столом, за которым сидит командир отряда. Командир долго и испытующе вглядывается в ее лицо.

— Не боитесь?

— Нет, не боюсь.

— В лесу, ночью, одной ведь страшно?

— Нет, ничего.

— А если к немцам попадетесь, если пытать будут?

— Выдержу…

Ее уверенность подкупила командира, и он принял Зою в отряд. Вот они, латы и шлем бойца, которые грезились Зое!

17 ноября она послала матери последнее письмо: «Дорогая мама! Как ты сейчас живешь, как себя чувствуешь, не больна ли? Мама, если есть возможность, напиши хоть несколько строчек. Вернусь с задания, так приеду погостить домой. Твоя Зоя». А в свою книжечку занесла строку из «Гамлета» : «Прощай, прощай! И помни обо мне».

На другой день у деревни Обухово, близ Наро–Фоминска, с группой комсомольцев–партизан Зоя перешла через линию фронта на занятую противником территорию.

Две недели они жили в лесах, ночью выполняли свое боевое задание, а днем грелись в лесу у костра и спали, сидя на снегу и прислонившись к стволу сосны. Иных утомили трудности похода, но Зоя ни разу не пожаловалась на лишения. Она переносила их стойко и гордо.

Пищи было запасено на пять дней. Ее растянули на пятнадцать, и последние сухари уже подходили к концу. Пора было возвращаться, но Зое казалось, что она сделала мало.

Она решила остаться, проникнуть в Петрищево. Она сказала товарищам:

— Пусть я там погибну, зато десяток немцев уничтожу.

С Зоей пошли еще двое, но случилось так, что вскоре она осталась одна. Это не остановило ее. Одна провела она две ночи в лесу, одна пробралась в деревню к важному вражескому объекту и одна мужественно боролась против целой своры терзавших ее с безумной жестокостью фашистов. И в эти последние часы ее, наверно, не покидали и окрыляли любимые образы героев и

мучеников русского народа!

Как-то Зоя написала в своей школьной тетради об Илье Муромце: «Когда его одолевает злой нахвалыщик, то сама земля русская вливает в него силы». В те роковые минуты словно сама родная, советская земля дала Зое могучую, недевичью силу. Эту дивную силу с изумлением вынужден признать даже враг.

В наши руки попал унтер–офицер Карл Бейерлейн, присутствовавший при пытках, которым подверг Зою Космодемьянскую командир 332–го пехотного полка 197–й немецкой дивизии подполковник Рюдерер. В своих показаниях гитлеровский унтер, стиснув зубы, написал:

«Маленькая героиня вашего народа осталась тверда. Она не знала, что такое предательство… Она посинела от мороза, раны ее кровоточили, но она не сказала ничего».

Зоя умерла на виселице с мыслью о Родине. В смертный час она славила грядущую победу.

Тотчас после казни площадь опустела, и в этот день никто из жителей не выходил на улицу без крайней необходимости. Целый месяц висело тело Зои, раскачиваемое ветром и осыпаемое снегом. Прекрасное лицо ее и после смерти сохранило свою свежесть и чистоту, и печать глубокого покоя лежала на нем. Те, кому нужно было пройти мимо, низко опускали голову и убыстряли шаг. Когда же через деревню проходили немецкие части, тупые фрицы окружали виселицу и долго развлекались, тыкая в тело палками и раскатисто гогоча. Потом они шли дальше, и в нескольких километрах их ждало новое развлечение: возле участковой больницы висели трупы двух повешенных немцами мальчиков.

Так шли по оккупированной земле, утыканной виселицами, залитой кровью и вопиющей о мщении.

Немцы отступали поспешно и впопыхах не успели сжечь Петрищево. Оно одно уцелело из всех окрестных сел. Живы свидетели кошмарного преступления гитлеровцев, сохранились места, связанные с подвигом Зои, сохранилась и могила, где покоится ее прах.

И холм славы уже вырастает над этой едва приметной могилкой. Молва о храброй девушке–бойце передается из уст в уста в освобожденных от фашистов деревнях. Бойцы на фронте посвящают ей свои стихи и свои залпы по врагу. Память о ней вселяет в людей новые силы. «Нам, советским людям, — писал в редакцию «Правды» студент–историк, — много еще предстоит пережить. И если трудно придется, я прочту снова этот печальный рассказ и погляжу на прекрасное, мужественное лицо партизанки».

Лучезарный образ Зои Космодемьянской светил далеко вокруг. Своим подвигом она показала себя достойной тех, о ком читала, у кого училась жить.

М. Сбойчаков
ДОБЛЕСТЬ ПИОНЕРА

Воскресным июньским днем по одной из улиц Шепетовки лихо гонял на велосипеде мальчик в пионерском галстуке. Это был Валя Котик. Он с похвальной грамотой окончил пятый класс, и родители купили ему велосипед. Вале казалось, что счастливей его нет во всем городе. Хорошо мчаться по улице с ветерком!

Но не долго продолжалось это счастье. Началась война. Встревожились люди. Эшелон увез отца на фронт. Возвращаясь со станции, Валя с братом Виктором поддерживали под руки заплаканную маму.

Прибежали одноклассники–друзья — пионеры Коля Трухан, Степа Кищук, Наташа Горбатюк. Стали взволнованно обсуждать, что им делать. Взрослые идут на фронт, пионеры тоже не могут сидеть сложа руки.

Уже в первые дни Валя со Степой незаметно для себя совершили подвиг. Собирая ягоды в лесу, они увидели четырех подозрительных милиционеров. Ребята без промедления побежали к военному начальнику. «Милиционеры» были окружены и обезоружены. Оказалось, что это были переодетые фашистские парашютисты. Военный начальник горячо благодарил пионеров за бдительность.

Фашисты захватили Шепетовку. Но и после этого, приглядевшись к обстановке, пионеры нашли свое место в борьбе с врагом. Наташа принесла новость: в лесах действуют партизаны, которые нуждаются в оружии и боеприпасах. У ребят тут же созрел план: устроить на кладбище тайник оружия. Сделать это можно незаметно. На кладбище Валя обычно пас корову.

Вырыли и замаскировали яму. Во дворах и окрестностях города находили винтовки, наганы, патроны и укладывали в «могилу».

Не менее важным делом ребята считали расклейку листовок, сброшенных с самолетов или тайно кем-то напечатанных в типографии. На отдельных листовках кто-то стал подрисовывать карикатуры на Гитлера, Геббельса и других фашистских главарей. Однажды такая листовка появилась даже на дверях городской управы. Наташа, прибежавшая к Вале, подпрыгивала от радости, рассказывая, как шепетовцы смеялись и издевались над оккупантами, которым на самый нос повесили листовку.

— Валя, скажи, это ты рисуешь? — спросила Наташа, зная Валю хорошим рисовальщиком в школе.

Валя не признался. «Ишь ты какая прыткая. Сама небось не сказала, откуда про партизан узнала, а ей скажи». Нет, у него тоже есть секреты.

Между тем в городе Вале многое было непонятно. Например, как это Ковалевский, Радчук (хозяин второй половины дома, в котором жила семья Котик) и другие сделались слугами фашистов?

Это ж мерзко!

Еще более злил его дядя Остап, отец Наташи. Был коммунистом, а теперь стал помощником директора лесозавода. «Так надо, Анна Никитична», — объяснил он Валиной маме. Валя негодовал. «Так надо»… Предатель. Хочет оправдаться, стыдно перед знакомыми. Сманил к себе на завод Виктора и Трухана. Если бы не дружба с Наташей, которую Валя считал хорошей пионеркой, он ни за что бы не стал ходить к Горбатюкам.

Гитлеровцы устроили в городе лагерь военнопленных. Но вот Валя стал замечать, что некоторых пленных стали освобождать из лагеря. По специальным справкам. Может быть, и среди них находились предатели? Ведь днем пленных водили на лесозавод, где ими руководил Остап Горбатюк. Он мог склонить их.

Но скоро жизнь научила его по–иному смотреть на людей, на их дела. Началось с мамы. Как-то она застала его за секретной работой. Валя растерялся, не успев спрятать листовку со своей карикатурой на Гитлера. Мысли его бегали вокруг того, что станет говорить он в ответ на мамины упреки. Начать врать или открыться?

Ни того, ни другого не потребовалось. Мать поглядела на листовку, довольно улыбнулась (так улыбалась она когда-то, глядя на его хорошие школьные работы) и сказала:

— Дай-ка, сынок, ее мне.

— Зачем, мама? — настороженно спросил Валя.

— Я понесу белье в комендатуру и прилеплю им «на память».

Валя встрепенулся и ничего не нашел сказать другого, как предупредить:

— Мама, только ты осторожно.

Она опять улыбнулась, на этот раз грустно.

— Кто же, сынок, такие дела неосторожно делает…

Какой любовью к маме наполнилось Валино сердце!

Не менее удивил Валю и квартирант Диденко, который казался предателем, потому что целыми днями бродил по городу с тросточкой, а на самом деле был подпольщиком. Диденко сделал Валю связным.

Или вот еще пример. Как-то Валя с Колей искали в лесу оружие и вдруг увидели там Степу Кищука вместе с немецким

солдатом. Друзья заподозрили Степу в измене и решили разделаться с ним. Но в последнюю минуту выяснилось, что немецкий солдат Станислав Шваленберг передавал Степе оружие. Через него получали свободу и пленные из лагеря по справкам, изготовленным подпольщиками.

Вскоре Валя со Степой получили важное задание — разведать, когда проедет по лесу из Шепетовки в Славуту чиновник полевой жандармерии, которого подпольщики решили убить при возвращении.

Но при виде автомашины ребята не удержались, бросили в нее противотанковые гранаты. Их не испугал и бронетранспортер с солдатами, сопровождавший жандарма. Палач был убит. Немецкое сообщение о его гибели рассмешило ребят: в нем говорилось о том, будто нападение совершили крупные партизанские силы.

Прошли месяцы, прежде чем Валя узнал, что Наташин отец Остап Горбаткж является главным руководителем шепетовских подпольщиков. Фашисты схватили его и пытали до смерти. В городе начались аресты. Многие подпольщики вынуждены были уйти в партизанский отряд. Ушла в лес и семья Котик. 15 августа 1943 года Анна Никитична с сыновьями пришла в отряд.

Валя торжествовал. Едва он ступил на лагерную территорию, как к нему бросились Коля Трухан, его сестра Зина, Степа Кищук, Наташа Горбатюк. Радости, казалось, не было границ. Валя долго не выпускал руку Наташи. В ее улыбке заметно проступала печаль. «Узнала об отце», — думал он. Надо что-то сказать ей теплое, успокаивающее, но он не находил нужных слов. Извиниться перед ней, что ли? За то, что дурно отзывался о дяде Остапе. Но это не сейчас, потом.

Здесь Валя увидел своего квартиранта Диденко и подбежал к нему обрадованный.

— Дядя Степа! — воскликнул Валя, привыкший называть его так.

Тот по–дружески обнял юного подпольщика.

— Забудь то имя, Валя. Подпольная кличка это была. Настоящая моя фамилия Музалев Иван Алексеевич.

Перед Валей открылась удивительная история партизанского отряда. Оказывается, вею подпольную деятельность в Славуте и Шепетовке возглавлял Ф. М. Михайлов — военврач, вышедший из немецкого окружения. Дядя Остап был его помощником. Михайлов создал подпольные группы, из которых образовался партизанский отряд. Михайлова фашисты повесили, а силы, поднятые им, действуют.

Комиссар отряда Игнат Васильевич Кузовков — из советских

военнопленных, томившихся в Славутском лагере. Это он организовал побег 40 пленных. Обстоятельства этого побега и ехал расследовать чиновник, которого Валя со Степой уничтожили в лесу.

С каждым из друзей было о чем говорить, вот только времени не хватало. Бурная партизанская жизнь захватила новичков.

Группа Алексея Григорьевича Иванова отправлялась на диверсионную работу. В ее задачу входило заминировать железнодорожное полотно, чтобы фашистский эшелон слетел под откос. Вале было приказано быть в дозоре. Спрятаться в кустах и наблюдать. В случае угрозы — сигнализировать.

И вот он поглядывает на проселочную дорогу, проходящую по опушке леса. Ничего, тихо кругом. Томительная ночь прошла. По расчетам, скоро уж должна бы возвратиться группа. Так и есть. Валя заметил, как партизаны осторожно, по одному пробирались в ольшаник, где намечен отдых. Значит, все благополучно. Немного погодя и он присоединится к ним.

Но что это? На дороге показалась фигура немецкого солдата. Он шел вразвалку, изредка косясь на лес. Валя вспомнил, как горячо командир поздравлял разведчиков за то, что они захватили «языка». А как бы мне взять этого? Валя напряженно думал — немец приближался.

«Заманить», — решил наконец он. Вышел на дорожку и, нагнувшись, сделал вид, что чего-то ищет. Немец заметил его и принял меры предосторожности. Автомат у него наготове. Но Валя не боится, навидался он в Шепетовке немецких солдат, знает их повадки. Метрах в пяти солдат окликнул Валю. Мальчик выпрямился, сделал испуганное лицо. Солдат подошел, увидел беспомощного мальчика, что-то потерявшего. Лицо его просияло: как раз мальчик-то и может помочь ему. Вынув пачки сигарет, солдат стал объяснять, что их надо поменять на молоко и яйки.

— Гут, гут, — заулыбался Валя. — Там моя мама, — указал он на лес. — Можно поменять.

Солдату понравился мальчик, знающий немецкий язык, и он пошел вслед за ним. Подозрительного ничего нет, мальчик стал кричать: «Мама! Мама!» Сейчас выйдет женщина — и у него будут яйки.

А Валя волновался: поймут ли его партизаны? Вдруг отзываться начнут, тогда солдат пристрелит его и убежит, но они поняли. Выросли, как из-под земли:

— Хенде хох!

Обескураженный немец дрожал, то и дело бормоча:

— Боже мой, что со мной будет? Боже мой, мальчик — партизан…

Через несколько дней недалеко от того места, где подрывали вражеский эшелон (это восточнее станции Кривин), группа пустила под откос еще один эшелон с войсками и техникой противника. После крушения долго рвались боеприпасы, словно салютовали партизанам, возвращавшимся с победой. Затем минировали дорогу Славута — Кривин у села Баранье Улашановка. Тоже удачно: горели цистерны с бензином. Высоко над лесом поднялся язык пламени. «Вот вам костер пионеров–партизан, любуйтесь», — мысленно обращался Валя к немцам.

Он уже научился укладывать мины под рельсы и маскировать их, чтобы и намеков никаких не оставалось на местах заложений. Такой же сухой песок между шпалами, как везде.

Через несколько дней группа партизан во главе с Иваном Музалевым совершила дерзкий налет на немецкий продсклад в Шепетовке. Партизаны, среди которых был и Валя, подожгли склад, а часть продуктов увезли на автомашине.

Потом Валя один на подводе отправился в Шепетовку. Торговал там для отвода глаз вениками, а на самом деле получал на явочной квартире подпольщиков нужные партизанам сведения. Улучив минуту, побывал дома. Подкрался, как воришка, к сараю, откопал ящик из-под отцовского инструмента, куда Валя, Коля, Степа и Наташа спрятали свои пионерские галстуки вместе с портретом Ленина и книгой Островского «Как закалялась сталь», и привез в отряд.

Ребята перечитывали книгу, а тем временем командиры, получив через Валю сведения от подпольщиков, спешно разрабатывали новую операцию. На станции Шепетовка скопилось большое количество цистерн с бензином — горючее для танков, автомашин и самолетов. Надо уничтожить немедля, иначе фашисты развезут горючее по своим частям.

Операцию опять возглавлял Музалев, и в ней участвовал Валя. Никогда Шепетовка не видала такого пожара.

Не раз Вале поручалось самое почетное задание — охрана отряда. Тогда он садился на коня и чувствовал, что теперь похож на Павку Корчагина. Однажды он вовремя обнаружил разведку карателей из семи человек и сумел предупредить комиссара. Отряд подняли на ноги, и очень хорошо: вскоре показались главные силы карателей.

Запомнился Вале и день, когда в отряд приезжал секретарь Каменец–Подольского подпольного обкома партии С. А. Олексенко. Командир требовал особой бдительности от часовых. Понятно, руководителей нужно беречь вдвойне. Секретарь как раз проводил реорганизацию партизанских отрядов. Образовалось целое партизанское соединение, во главе которого поставили

Одуху и Кузовкова, а Шепетовским отрядом стали командовать Лагутенко и Перепелицын.

Олексенко, обходя посты, увидел Валю и побеседовал с ним. Спросил, не хочет ли он учиться. Как не хотеть! Все время Валя мечтает о том дне, когда станет снова учиться. Знает секретарь, что спросить. Узнав желание Вали, секретарь сказал, что может переправить его через фронт, где ребята учатся. Валя замахал руками. Нет, нет. Он так не хочет, он пойдет в свою школу, когда Шепетовка станет советской, а фашисты будут разбиты. Секретарь обнял мальчика с винтовкой и бодро сказал, что время, о котором мечтает Валя, не за горами.

Как-то Валя был пешим дозорным. Уже много часов ничто не нарушало тишины. Вдруг он услышал хруст сухих ветвей. Он настораживается, слышит немецкий разговор. Гитлеровские разведчики уже близко, бежать поздно. Что же делать? Но раздумывать некогда, и Валя решает пожертвовать собой, как это делают бойцы Красной Армии, во имя общего дела. Он дает сигнал, пусть ценою своей жизни. Думая так, он правой рукой снял с пояса гранату и выдернул кольцо. Немцы подошли уже почти вплотную. Один миг — и граната рвется у его ног. Гул покатился по лесу и отозвался эхом. Ощутив это, Валя понял, что он остался жив. Приподняв голову, увидел сраженных около себя немцев. Надо подняться и скорей бежать, но он отчего-то не может. Как огнем жжет ноги, боль подкатывается к самому сердцу.

Кругом открылась стрельба. Выстрелы то приближаются, то удаляются. Превозмогая боль, Валя радуется. «Услыхали, значит, услыхали». Он начинает ползти, но резкая боль в ногах сковала все его силы.

Партизаны подобрали его, когда он был без сознания и потерял много крови. Валя лежал на койке в избе. Среди людей в белых халатах он заметил Наташу. Их взгляды встретились, она улыбнулась, и Валя догадался: этой улыбкой Наташа сказала ему, что рана его не опасна. Он повеселел и вдруг спросил:

— Наташа, скажи, ты знала, что батька твой подпольщик?

Девочка заметила Валино волнение, стала успокаивать: ему сейчас ни о чем не нужно думать. Но взгляд его был таким умоляющим, что она отступила от советов врачей, сказала :

— Знала, Валя. Он не говорил, а я знала…

У Вали опять выступили слезы на глазах.

— Ты самая настоящая пионерка, Наташа, — тихо проговорил он.

…Вернувшись из госпиталя, Валя с радостью пошел в разведку с Колей Труханом. Их острый взгляд и на обратном пути

останавливался на всем подозрительном. Недалеко от станции Цветохи Валя что-то замешкался, начал копать землю руками. «Что такое?» — спросил подошедший Коля. «Видишь? — указал Валя на обвалившийся край. — Не канава ли тут какая проходит?»

Они принялись рыть оба и добрались до толстого прорезиненного провода. Важная связь, не иначе. Ишь как замаскировали! Вынув нож, Валя перерезал им провод. Теперь надо хорошо засыпать. Это они умеют. Мины вон как маскируют. Убедившись, что место аварии скрыто так, что комар носу не подточит, ребята тронулись в путь.

Комиссар Перепелицын похвалил пионеров за находчивость. Через несколько дней ребята узнали от него, что этой диверсией они не дали поговорить не кому-либо, а самому Гитлеру с Розенбергом. Долго немецкие связисты искали пункт повреждения. Розенберг, проболтавшись несколько дней в Шепетовке, уехал ни с чем.

Но вскоре Валя получил второе ранение. Так неожиданно это вышло. Сменил он с поста Степу Кищука. Вроде все было тихо, ничего похожего на опасность. Вдруг из кустов вынырнул немецкий офицер с несколькими солдатами. Валя сразу же дал очередь, и офицер свалился. Солдаты бросились на Валю, хотели захватить его живым.

Не на такого напали. Валя дал еще очередь, сразив двух солдат, но и в него успели выстрелить. Партизаны услышали стрельбу, поднятую Валей, и пришли ему на выручку.

Молодой организм поборол раны, и Валя вернулся в отряд, поочередно побывал в объятиях то мамы, то Музалева, то других партизан. И с места в карьер оказался в бою. В таком бою не только Валя — весь отряд еще не бывал. Партизаны соединения Одухи штурмовали Славуту. Целый город! Вот какими они стали. Раньше только на диверсии отваживались.

Это произошло в январе 1944 года. Был крепкий мороз, но Валя, кажется, не чувствовал его. Так много шло тепла изнутри от радости. Щеки горели, как алая ленточка на шапке–ушанке.

Партизаны освободили Славуту.

Настроение у всех приподнятое. Не видать больше фашистам города Славуты, в котором родился их отряд. Валя ходил по улицам, охваченный добрыми мыслями.

Красная Армия не заставила себя долго ждать. Пришла, и вся Славута дрожала от бури восторгов. Правда, ненадолго. Горячо поблагодарив партизан за освобождение и удержание города, военное командование поставило перед ними боевую задачу — пройти в тыл врага и нанести ему удар в районе Изяслава. Туда

фашисты стараются вывести эшелоны из Шепетовки.

Почетное задание. Отряды партизанского соединения по знакомым тропам исхоженных лесов двинулись в путь, чтобы штурмом взять еще один город. Шли быстро и организованно. До Изяслава было совсем близко. Здесь остановка. Радист принял радостную весть: советские войска освободили Шепетовку. Партизанам хотелось кричать «ура», но им нельзя было себя обнаруживать. Вместе с другими радовался и Валя.

Иван Алексеевич Музалев огласил приказ командира соединения. Партизаны отправлялись на штурм Изяслава. Валя провожал их. Ему поручено было охранять захваченный склад. От радости он не мог стоять на месте. Быстро протоптал дорожку. Из головы не выходил родной город. «Здравствуй, дорогая моя Шепетовка!» — мысленно обращался он. Перед его взором вырастала школа. О, как он соскучился по ней! Когда войдут в город, Валя первым делом забежит в школу. Убедится, цела ли, пригодны ли классы к занятиям.

Идет третий год, как ребята оторвались от парт. Осенью Валя пошел бы в девятый класс, а сядет только в шестой.

Вале стало представляться, каким будет первый день в школе. Сначала он, Коля, Степа, Наташа достанут свои пионерские галстуки. Наденут их, а на груди ордена, как у взрослых. Музалев сказал, что Валю представили к ордену Ленина! А до этого послали представление к награде орденом Отечественной войны.

А вечером обязательно устроим костер. Не в лесу, прямо перед школой. Много сухих веток натащим. Пионерским костром победы над фашизмом назовем его.

И пойдут речи о больших делах, о горьких и радостных днях. Наверно, и ему дадут слово. Притихнут ребята. Только голос рассказчика будет слышаться да треск костра…

Улыбнувшись, Валя пошел вокруг склада, посматривая по сторонам. Он не забывал о своих партизанских обязанностях. Гул моторов прервал его счастливые мечты о школе. Что это? Не иначе танки, от них такой мощный гул бывает. Неужели наши спешат на Изяслав? А гул ближе и ближе, земля вздрагивает под ногами. Потом вспыхнул бой, совсем рядом били орудия, пулеметы. На опушку выскочили танки. На них фашистская свастика. Все стало ясно. Еще в Славуте красноармейский начальник предупреждал: будьте бдительны! Гитлеровцы попадают из одного котла в другой, иногда им удается вырваться. Бросаются разъяренными волками.

Должно быть, эти из котла. Вон как мечутся, изрыгая огонь во все стороны. Но и им дают здорово. Загорелся один, другой, третий танк с лязгом остановился.

Танки, оказывается, не одни: с ними пехота, которая устремилась к складу. Валя упал на снег и ударил из автомата. Тут справа раздалось «ура». Он увидел партизан, бросившихся в контратаку. Его потянуло туда. Склад никуда не денется. Валя бросился бежать, стреляя на ходу, и его звонкий голос слился с мощным криком атакующих.

Гитлеровцы дрогнули, шарахнулись влево. Их танки били из пушек и пулеметов, но тоже пятились в сторону. «Не уйдете, мы догоним вас, гады!» — подумал Валя и упал от страшной боли в животе, потеряв сознание.

Очнулся на повозке, двигавшейся по полю. Открыл глаза — рядом шел печальный дядя Степа — Иван Алексеевич Музалев. Он сам вез юного героя в госпиталь. Торопился, но сердце Вали не выдержало: километрах в трех от госпиталя он умер.

2 марта 1945 года Валя Котик посмертно награжден орденом Отечественной войны 2–й степени, а 12 лет спустя о подвигах юного пионера шла речь на заседании Хмельницкого обкома партии. По докладу секретаря обкома, одного из бывших руководителей партизанского движения на Украине В. А. Бегмы, было возбуждено ходатайство о присвоении Вале звания Героя Советского Союза.

27 июня 1958 года издан Указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором говорилось:

«За проявленные мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками во время Великой Отечественной войны присвоить пионеру–партизану Котику Валентину Александровичу звание Героя Советского Союза».

В Москве на Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства его бюст стоит рядом с бюстом Героя Советского Союза Леонида Голикова.

Вл. Павлов
ЗАПОМНИ ЭТО, СЫНОК!

Я познакомился с Федей Кравченко в ноябре сорок второго, на опушке Клетнянского леса.

Осень доживала последние деньки. Стояли долгие ночи, ясные и холодные. Остылая земля ждала снега — его все не было. Зато наш партизанский аэродром на окаменевшем от мороза поле был в отличном состоянии.

В ту ночь ожидался самолет с Большой земли. Не с выброской — с посадкой. Встречать его предстояло нашему подрывному взводу.

Связной штаба, который принес эту радостную весть к нам в землянку, прибавил от себя еще одну новость.

— Чулы, хлопцы? — спросил он, почему-то понижая голос. — Группа Балицкого вернулась. Кажуть, трофеев принесли богато!.. А стоят в Николаевке. Так что по пути вам…

Я чуть не подпрыгнул от радости. С группой Балицкого ходил мой закадычный друг — тоже подрывник — Гриша Мыльников. Три месяца — для вражеского тыла это прямо-таки гигантский срок — мы не виделись и ничего не знали друг о друге. И вот теперь Гриша в каком-нибудь десятке километров от лагеря! «Сегодня же и повидаю», — решил я…

К Николаевке мы подошли в темноте.

Как только меж деревьев показались тусклые огоньки, я бегом обогнал тяжело громыхающие в колеях повозки с нарезанными и наколотыми из столбов немецкой связи дровами для сигнальных костров и побежал вперед.

Посреди села я наугад остановился, оглядел ближайшие хаты, подошел к той, которая показалась мне самой подходящей, и постучал. Изнутри что-то неразборчиво ответили. Я нажал на щеколду и открыл дверь.

За столом прямо передо мной сидели два человека в полной немецкой форме и преспокойно ужинали. Красноватое пламя самодельного светильника отражалось на вороненых боковинах немецких «козлов» —автоматов, висевших на стене. Тускло поблескивали серебром погоны, петлицы, распростертые крылья гербовых орлов на пилотках.

Сама по себе немецкая форма меня не удивила: носить форму, снятую с убитого врага, наравне с трофейными пистолетами и кортиками, считалось особым партизанским шиком и служило лишним свидетельством, что новый ее

владелец бьет гитлеровцев исправно. У меня самого под полушубком был офицерский китель, добытый в бою.

Но в облике этих двух было что-то такое — может быть, знаки различия, которые партизаны обычно спарывали, может, слишком уж «уставной», подтянутый вид, что заставило меня насторожиться.

— Не знаете, где остановилась группа Балицкого? — спросил я, на всякий случай не отпуская ручки двери.

— Ми группе Тедди–Алекс, — прргворил один из сидящих на ломаном языке. — Ми…

Внутри у меня все оборвалось: «Настоящие!»

Я не дослушал, рванул дверь, выскочил на улицу.

И в тот же момент на мое плечо легонько опустилась чья-то рука. Я оглянулся. Передо мной стоял невысокий человек. Лохматая шапка с красной партизанской лычкой, короткая шкиперская бородка, распахнутый армейский белой дубки полушубок, автомат за спиной дулом книзу — вот все, что я успел заметить с первого взгляда в тусклом свете, падавшем из окна хаты.

— Ну? Что собрался делать, дружок? — негромко спросил человек. — Э?..

— Там немцы!

— Ай–яй–яй! Как раз и ошибся! — все так же тихо и невозмутимо проговорил он. — Ну сам сообрази — в селе полно партизан… Да немца тут мигом бы чирик — и нету… Стал бы он тут ужинать! Так?

Глуховатый голос незнакомца звучал по–товарищески просто и дружелюбно, но я чувствовал: ему нужно повиноваться. И — как только я не увидел раньше! — из-под левой полы полушубка поблескивали два ордена — Красного Знамени и Красной Звезды! Неслыханное по тем временам дело во вражеском тылу!..

Я смутился и пробурчал:

— Так…

— Расчирикал, значит? Кого ищешь?

— Откуда вы знаете, что ищу?

— Чудак! Я ж видел, как ты стоял да раздумывал… Да говори, не бойся. Я — Кравченко!

* * *

Группа «Феди–Алеши», состоявшая из пяти человек: двух перебежчиков — немецких солдат, которым, из конспиративных соображений дали клички «Максим» и «Тарас», радиста Гриши,

командира группы Алексея Коробицина и его заместителя и друга по войне в Испании Федора Кравченко, — высадилась во вражеский тыл в начале мая сорок второго в Чечерских лесах, недалеко от Гомеля.

Во время высадки и в первые дни группу преследовали неудачи.

Парашют мешка с запасным питанием к рации не раскрылся, и батареи «БАС-80» и «БАС-60» превратились в лепешку.

А тут еще командование местного чечерского партизанского отряда, увидев двух «форменных» немцев, заподозрило неладное, обезоружило десантников и потребовало доказательств.

— Какие же вам требуются доказательства? — спросил Коробицин, когда его и Федю привели в штаб отряда.

— Передадите сводку на Большую землю: «Партизаны Гомельской области восстановили Советскую власть в 103 населенных пунктах. Разгромили карательный отряд»… А потом все это слово в слово пусть передадут открытым радио, в сводке Совинформбюро… Слово в слово. А не передадут — значит, вы немецкие шпионы…

Побежали дни сидения в баке, которая в отряде заменяла гауптвахту.

Каждый из «заключенных» по–своему переживал случившееся. Максим, ко всему равнодушный, сидел на корточках в углу, безмятежно покуривал и на все вопросы односложно отвечал:

— Я командир верить. Я знать — уладить.

Тарас — человек уже пожилой (ему было за пятьдесят) и хозяйственный, все время чем-нибудь занимался: то подбивал к сапогам новую подметку, то мастерил тренчик-петельку к ремню, то стругал палочку перочинным ножиком.

Федя молча мерил баню из угла в угол шагами. Алексей думал…

На третий день Коробицин попросил, чтоб привели радиста (он теперь вместе с рацией располагался отдельно, под охраной и день и ночь, не жалея батарей, жадно слушал Москву).

— Ты, Гриша, передал, что нас ждет, если не будет сводки? — спросил Коробицин.

— Передал. Два раза повторил.

— Может, еще разок?

— Нет, командир, — грустно улыбнулся радист, — питание окончательно село. На прием — и то еле тянем. А о передаче — говорить нечего!..

На восьмой день Коробицин и Кравченко написали записку, в которой поведали печальную судьбу группы и передали ее

одному из часовых: Феде удалось заговорить с ним и выяснить, что у них есть общий знакомый на Большой земле — полковник Середа.

— Придут наши — отошли в разведуправление, — сказал Федя. — Смотри не забудь!

— Да вы сами это сделаете! — запротестовал часовой. — Да я сейчас к командиру!.. Что же это получается? Сидите, я сейчас!..

Часовой ушел, и десантники больше его не видели. Вместо него к бане были приставлены два часовых, не спускавших с арестованных глаз.

На десятый день командир и комиссар отряда с утра отправились в соседнее село (там был какой-то праздник). Перед отъездом командир остановился возле бани и, не слезая с седла, крикнул:

— Эй, смотрите! До обеда — время вам льготное! Не то…

И он выразительно похлопал себя по кобуре револьвера.

Тарас растерянно посмотрел ему вслед выцветшими добрыми глазами.

— А, доннер–веттер! — вырвалось у него, — это ошен обидно, — свой свой убивать!..

Федя посмотрел на часы: было десять. «Доживем ли до вечера?», — подумал он. — «Эх, Тарас, Тарас!.. И впрямь — того и гляди, свой своего чирикнет!»

Слово «чирикнуть» Федя употреблял во всех случаях жизни, в самых разнообразных значениях…

А еще через час запыхавшийся партизан, специально приставленный слушать радио, прибежал в землянку и закричал :

— Есть! Сводка есть! Слово в слово…

У десантников вырвался вздох облегчения…

Скоро группа рассталась с баней и весело зашагала по лесной тропинке.

К ней присоединилась часть местных партизан — те, кому хотелось быть поближе к железной дороге, к врагу…

На место своего нового расположения, недалеко от станции Добруш, группа подошла целым партизанским отрядом. Через несколько дней тайным голосованием Федя Кравченко был избран командиром этого отряда. Комиссаром стал Коробицин.

* * *

«Проверка», которую устроили десантникам местные партизаны, обошлась дорого: питание к рации кончилось, новых батарей взять было неоткуда. А автомобильные аккумуляторы (их

бы еще можно добыть) для «Северка» не годились. Без рации заниматься разведкой стало бессмысленным делом. Пришлось переходить на партизанские действия.

Прежде всего требовалось нащупать связи с местным подпольем…

Не просто это — найти небольшие группы глубоко законспирированных советских людей, за голову каждого из которых гестапо сулило немалые премии. И все-таки Феде удалось отыскать ниточки, ведущие к подполью…

Первая ниточка обнаружилась в Подсочке — так называлась избушка, затерянная среди леса, в котором расположился отряд Кравченко. В Подсочке жили два брата — Иван и Петро.

Сначала Федя и Алексей присматривались к братьям, установили за Подсочкой наблюдение, нет–нет заглядывали в избушку попросить воды или перекусить, а на деле поговорить да послушать. Видно, и братья присматривались к партизанам: не сразу удалось выудить даже самые невинные подробности их биографий. Лишь постепенно выяснилось, что Иван и Петро уроженцы и жители Добруша — города и станции на железной дороге Гомель — Брянск, в районе которой располагался теперь отряд Кравченко, что худосочный чахоточный Иван не попал в армию по болезни, а широкоплечий белокурый красавец Петро понюхал на фронте пороха, был ранен, попал в плен, бежал и теперь, возвратившись к брату, горел желанием продолжать борьбу.

Есть у Феди удивительное качество — умение привлекать, притягивать к себе людей. Не фамильярным похлопыванием по плечу, не шутками–прибаутками рубахи–парня… Нет. Федя сдержан и немногословен.

Но в каждом редком слове, которое он произносил, сквозила ясная правда и непреклонная убежденность. За каждым поступком ощущалась твердая воля и решимость.

На войне, когда тяжело, счастье встретить такого человека. И нет ничего удивительного, что вскоре братья решились сказать Феде, что оба они — комсомольцы и, наконец, — вот оно, долгожданное! — предложили свести Федю с одним верным человеком по фамилии Кулик.

Иван сам вызвался отнести Кулику записку, в которой Федя назначал ему свидание…

Встреча с Куликом, рабочим добрушских железнодорожных мастерских, состоялась июльским вечером около Подсочки, на бревенчатом пешеходном мостике через лесной ручей. Следуя партизанским законам, Федя на всякий случай принял все меры предосторожности: чуть не от самого Добруша ничего не

подозревавший Кулик находился под наблюдением партизан.

— А «хвостов» нет? — на всякий случай спросил Федя у командира разведчиков Верховского, который принес донесение. — Никто следом не чирикает?

Верховский — он был на коне — слегка привстал на веревочных стременах и оперся на рогульку, заменявшую у самодельного седла луку.

— Никого нет, командир! Все спокойно!..

Наконец показался и сам Кулик. Это был немолодой уже, но крепкий, кряжистый человек в брезентовом с капюшоном плаще, какие носят путевые обходчики. Он неторопливо, неслышно, слегка покачиваясь на цепких кривоватых ногах, ступал по тропинке. Вместе с ним шел Иван.

— Вот, — сказал Иван, подходя к Феде. — Это и есть дядысо Кулик.

— Так вот вы какой, товарищ Левченко! (Федин партизанский псевдоним) — сказал Кулик, оглядывая Федю. — А мы о вашем приходе знали. Вы пришли…

Тут, к удивлению Феди, Кулик назвал точную дату появления отряда в Добрушских лесах.

— Наши подпольщики за вами давно уж наблюдают… — усмехнулся Кулик. — Что у вас в отряде есть два немца, например, мы тоже знаем!..

В это время из кустов, что густо росли по берегам ручья, вышел Тарас и протянул Кулику широкую ладонь.

— Я нет фашист. Я есть рабочий. Против Гитлера. Немец рабочий!

Внутренне Федя усмехнулся. Чем-то очень походили один на другого эти два невысоких пожилых человека, несмотря на то что один из них был в военной форме гитлеровского солдата, а другой в засаленной кепчонке мастерового.

Может быть, как раз в это время ему вспомнился далекий Уругвай, в котором прошли его детство и юность, разноязыкие демонстрации и митинги рабочих фригорификос — мясохладобоен, на которых работало много иностранцев, в том числе и его отец, русский эмигрант и уругвайский коммунист Иосиф Кравченко…

— Ладно! — улыбнулся Кулик и хлопнул Тараса по спине. — Это нам и без тебя известно! То добре, что ты против Гитлера. Давай-ка, брат, закурим по такому случаю!

И он достал объемистый кисет.

Кулик, Федя и Алексей Коробицин договорились о последующих встречах, условились, что на связь к Феде в экстренных случаях будет приходить сын Кулика — мальчонка

лет четырнадцати, а от Феди к Кулику Иван — он имел немецкие документы и мог ходить в Добруш, не вызывая подозрений. Кроме этого, для регулярной связи Федя назначил «дубки» — секретные места, в которых подпольщик должен был оставлять разведывательную информацию. Потом Кулик хлопнул Тараса еще раз по плечу, пожал руки Феде и Алексею и исчез за поворотом тропинки.

Вскоре после этой встречи с помощью Кулика у Феди появились свои люди во многих окрестных селах, в местечке Ветка, на станции Тереховка и даже в самом Гомеле…

Но не только Кулик помогал Феде налаживать специальную связь.

С Мишей по прозвищу Телеграфист, например, Федю познакомил бывший оперативный уполномоченный злынковской милиции Шкаруба, который пришел в отряд через несколько дней после знакомства с Куликом. До этого Шкаруба, вооруженный милицейским наганом, к которому было всего семь патронов, партизанил в одиночку.

По роду мирной своей профессии оперуполномоченный знал многих людей, и, когда Федя попросил его перечислить фамилии тех, которые подходят для подпольной и партизанской работы, он первым назвал телеграфиста с разъезда Закопытье.

— Мишка для нас нужнейший человек, товарищ командир! Десятилетку кончил, по–немецки понимает, комсомолец. Все, что немцы по телефону и телеграфу передают, ему известно. Он хотел работу кинуть, в лес ко мне уйти, да я удержал. Сиди, говорю, куда посажен. Ты нам на этом месте понадобишься.

— Кто у него есть дома? — спросил Федя.

— Вдвоем они с сестрой. Сестра постарше, тоже комсомолка, муж ее в армии, — без запинки отрапортовал Шкаруба.

— Ну что ж… Придется к телеграфисту чирикнуть!..

В поселок, примыкавший к разъезду Закопытье, Федя и Алексей Коробицин отправились следующей ночью в сопровождении Шкарубы и двух партизанских разведчиков — Верховского и Коли Зайцева. Не доходя до околицы, свернули на огороды, перелезли через плетень, пересекли улочку…

— Иди след в след! — тихо, одними губами скомандовал Федя. — Мы-то уйдем, а человек головой рискует!

Шкаруба вел партизан вдоль забора утоптанной тропинкой, змеившейся меж грядами картошки. Слева чуть приметно темнела полоска леса.

Справа громоздились черные кубы домов. В полутора километрах впереди, на другом конце поселка, горели огни разъезда, слышался неясный шум, из которого выделялся

перестук буферов, гудки стрелочника и пыхтение маневрового паровоза. Там, на разъезде, — немцы.

Наконец Шкаруба остановился.

— Здесь! — шепнул он.

Федя, Шкаруба и Алексей пошли к хате телеграфиста. Верховский и Зайцев, по неписанным партизанским законам, остались на всякий случай снаружи, залегли на огороде, взяли на прицел улицу…

Шкаруба постучал условным стуком — три раза, потом еще два.

За дверью послышались тихие шаги. Донесся тихий женский голос:

— Кто?

— Милиция! — назвал оперуполномоченный пароль.

— Телеграфист! — отозвались из-за двери.

Это был отзыв. Послышалось звяканье щеколды, чуть слышно скрипнули петли. На пороге появилась белая женская фигура.

— Заходьте! — прошептала она. — А мы уже ждем, ждем!..

В хате с плотно занавешенными окнами мерцал тусклый огонек фитилька, плавающего в глиняной плошке с жиром. Крепко пахло кислой капустой. Из-за стола навстречу Феде встал тонкий, светловолосый хлопчик.

— Здравствуйте! — смущенно проговорил хлопчик ломающимся мальчишеским дискантом; и даже при тусклом свете коптилки можно было заметить, как он покраснел.

— Сядем! — сказал Федя, пожимая ему руку. — Ты и есть Миша?

— Да.

— Знаешь, кто мы?

— Знаю.

— Хочешь помочь бить фашистов?

— Да.

Федя помолчал, испытующе разглядывая нового знакомого, набил и раскурил трубку. Побарабанил по столу пальцами.

— Знаешь, парень, — медленно проговорил он, не отрывая темных, острых глаз от Мишиного лица. — Знаешь, что сказал мне отец, когда меня приняли в комсомол? «В комсомол и в партию вступают раз в жизни и уходят только со смертью. От них ничего не берут. А отдают им все без остатка… Все, что есть, а если надо — и жизнь!» Вот и ты запомни это, сынок!

— А где вы вступали в комсомол, товарищ командир? — спросил Шкаруба.

— Далеко отсюда, в Южной Америке, — усмехнулся Федя. — В Уругвае. Вся наша семья эмигрировала еще до революции. Меня

увезли семимесячным. Вырос — пошел работать… Тогда же и в комсомол вступил… Так-то, хлопче. Так ты расчирикал, на что идешь? Понял?

— Понял, товарищ командир.

— Может, вы покушаете? У меня и бутылка есть… — вмешалась Мишина сестра. — Я мигом!..

— Нет, — сказал Федя. — Времени нет. Да мне и нельзя: язва желудка.

Как и Кулику, Федя назначил Мише «дубки» и встречи, установил пароль, и партизаны, никем не замеченные, благополучно вернулись в лес…

Шкаруба познакомил Федю с еще двумя замечательными советскими людьми — лесником Ивановым и с его шестнадцатилетним сыном Виктором. Оба они тоже с радостью дали согласие добывать необходимые сведения для отряда Кравченко.

Федя редко теперь бывал в лагере. Широко расставленные разведчики и связные требовали постоянных встреч на специальных квартирах, обхода «дубков», и Федя все время был «в ходу».

Издали Федю принимали за мальчика: невысокий, очень худой от постоянного недоедания из-за язвы желудка (ему приходилось питаться почти исключительно одним молоком), гимнастерка заправлена в штаны на испанский манер, голенища кирзовых сапог не по ноге широки, и тощие Федины икры болтались в них, как пест в ступе… Стоило Феде накинуть армяк, с внутренней стороны которого он нашил карман для пистолета, а через плечо перебросить длинный кнут — ни дать ни взять подпасок.

Феде только это и нужно было: к связным и на «дубки» ходить надо скрытно, не привлекая внимания. И никто чужой, встречавший Федю на лесных проселках, не подозревал, что этот небольшой человек в армяке — командир отряда партизан.

Однажды Иванов доложил Феде, что в селе Пчелки у одного старика есть «якись железны штучки», которые он хранит на печке.

Проверили. «Штучки» оказались взрывателями и капсюлями в деревянных пеналах. Теперь оставалось добыть тол — и можно будет взрывать немецкие поезда на железной дороге.

Тот же Иванов, знавший в окрестностях каждую пядь земли не хуже собственной хаты, указал место на реке Беседи, в котором отступавшие части Красной Армии утопили «якись зелененьки ящички».

Ныряние не пропало даром — ящики оказались

противотанковыми минами, начиненными толом. На все эти операции ходили сами Федя и Коробицин, а с ними еще три партизана из «новеньких» — Верховский, Бондаренко, Зайцев, Иванюта.

Как только мины были доставлены в лагерь, Федя образовал подрывную группу. В нее вошли самые смелые: Верховский, Бондаренко, Иванюта, Зайцев и уж конечно Коробицин и сам Федя.

Первая диверсия, совершенная этой группой, не очень-то удалась.

Две противотанковые мины, которые Федя и Алексей закопали одну над другой, рванули не под бегунками паровоза (только в этом случае бывает «хорошее» крушение), а посреди состава, груженного автомашинами. Две платформы, груженные автомашинами, свалились под откос. Один вагон сошел с рельсов… Да еще осколками ранило одного немецкого солдата (об этом спустя день донесли связные). Вот и весь результат.

Позже Феде не раз удавалось взрывать немецкие эшелоны куда более основательно. И все-таки эта первая диверсия не пропала даром: новоиспеченные «боги партизанской войны» — диверсанты уверовали в свои силы и убедились в том, что тол в противотанковых минах, несмотря на длительное пребывание под водой, вполне работоспособен…

* * *

Вскоре после того, как на железке раздались первые взрывы, Кулик принес тревожную весть: немцы готовятся к прочесыванию леса. На всех станциях усилены гарнизоны. В Гомеле высадился полк, предназначенный для действий против партизан.

В гомельском гестапо появились «специалисты» по партизанским делам…

По улицам в Добруше и в Закопытье ходили патрули. Кругом была выставлена усиленная охрана, и Кулик с трудом вырвался, чтобы положить записку в «дубок». Братья Иван и Петро, которые к этому времени оказались на подозрении у полиции, бросили хату на Подсочке и перебрались в отряд…

Связь теперь можно было поддерживать только с Ивановым, который жил в лесничестве, расположенном на опушке леса. В ту же ночь отряд Кравченко сменил место своего расположения. А на рассвете до нового лагеря донеслись выстрелы и шум боя по ту сторону железки.

Прежде всего требовалось выяснить, с кем ведут бой немцы.

Федя сразу же послал к Иванову разведчиков, выяснить обстановку. Но условные сигналы — горшки и корчаги на плетне у дома лесника — предупреждали: в доме враг…

Повидаться с Ивановым разведчикам не удалось…

Около двенадцати несколько автоматных очередей раздались совсем неподалеку. Федя послал двух партизан под командой Верховского узнать, кто стрелял.

И часа не прошло, как разведчики вернулись.

— Немцы! — прошептал Верховский, склонившись над Фединым ухом. — Человек тридцать! Их ведет сын лесника Иванова!..

— Что–о?!

— Точно! Виктор, сын Иванова. Я и сам сначала глазам не поверил!

Лицо Феди потемнело, будто от боли.

— За мной! — негромко скомандовал он.

В том месте, где лесной проселок выходил на полянку, Федя остановил отряд, расположил людей по обе стороны дороги и приказал:

— Не стрелять, пока не скажу! Замаскироваться и лежать тихо!

Прошло несколько минут, и на дороге показались люди. Верховский сказал правду — впереди шел сын лесника. Он шагал так спокойно, что Федя, с губ которого уже готова была сорваться команда «огонь», вдруг остановился. Вот он — этот юноша с чистым добрым детским толстогубым лицом. Вот он перед Федей покачивается в прорези автоматного прицела. Нажим на спуск и — жизнь его оборвется. Так и надо предателю. Но неужели он предатель?! Быть не может!..

И Федя медлил. Не раз он виделся с этим парнем, говорил с ним. Знал, о чем он думает, что хочет делать после войны, знал, как зовут его любимую, видел ее фотографию…

Федя знал: парень чист. Такие не могут предать!..

— Стой! — крикнул Федя. — Ни шагу вперед! Кто такие?!

— Не стреляйте! Не стреляйте, товарищ командир! — закричал Иванов. — Это наши! Федоровцы!..

Это была разведка нашего партизанского соединения. Разведчики, пока соединение вело бой, перебрались через железку, чтобы установить связь с отрядом Кравченко, о которой сообщил Иванов… Скрытный лесник, строго соблюдавший законы конспирации, ни слова не сказал Феде об этой связи.

А наши разведчики ходили в немецкой форме!..

Наше соединение не могло задерживаться в узкой полосе леса, зажатой между железной дорогой Гомель — Брянск и рекой

Ипуть. Нужно было торопиться на север, к Чечерску, в «партизанский район», о котором мы узнали из сводки Совинформбюро, переданной для «проверки».

И в то же время наше командование не хотело оставлять без партизанского «обслуживания» такую важную для немцев магистраль, как Гомель — Брянск…

Наш командир Алексей Федорович Федоров решил оставить под Добрушем группу под командованием лучшего диверсионного командира Григория Васильевича Балицкого.

— Хотите действовать вместе с нашими хлопцами? — спросил генерал у Феди.

— Да.

* * *

Группа Балицкого пустила под откос одиннадцать эшелонов. Почти все — при участии Феди и его отряда. Но дело было не столько в участии в диверсиях, сколько в великолепной Фединой осведомленности обо всем, что касалось движения вражеских эшелонов и войск от самого Гомеля до Новозыбкова…

Расскажу о самом «громком» взрыве — о взрыве «Голубой стрелы», эхо которого докатилось до нас еще до того, как я повстречал Федю Кравченко на опушке Клетнянского леса.

Поезд, который партизаны прозвали «Голубой стрелой», состоял целиком из классных вагонов (редкость для железных дорог во вражеском тылу) и предназначался для гитлеровских офицеров–отпускников, едущих с фронта и на фронт. Ходил этот поезд, разумеется, не по расписанию, его движение сохранялось в строжайшей тайне. Но незадолго до его прихода — иногда за день, иногда за два — по всей линии от Брянска до Гомеля летел приказ: проверить состояние железной дороги, поддерживать особую бдительность…

Первым связь между приказом об особой бдительности и проходом «Голубой стрелы» заметил Миша — телеграфист с разъезда Закопытье…

— Ну, как, Гриша? — спросил Федя у Балицкого после очередного посещения «дубка». — Взорвем «Голубую»?

— А неужели ж пропустим?!

С этого дня наблюдение за «Голубой стрелой» стало главной Фединой заботой.

«Дубок» Мишки–телеграфиста перенесли поближе к разъезду, на самую опушку леса. За ним было установлено постоянное наблюдение. Все иные боевые операции отменили. Обе группы —

Балицкого и Феди — находились в полной боевой готовности для выхода на железку в любой момент.

Несколько раз диверсия срывалась: то приказ был, но поезд в последний момент отменяли, и тревога оказывалась ложной, то Миша не успевал сообщить, то экспресс проходил днем…

Но вот однажды вечером Миша сам прибежал на «дубок».

— Сегодня! —с трудом переводя дух, сказал он Верховскому, который дежурил в тот день. — Сегодня пройдет обязательно! Часа через четыре ждите!

…Балицкий расположил объединенную диверсионную группу вдоль железной дороги почти под самым Добрушем. Чтоб по ошибке не взорвать другой поезд, в каждую сторону выставил по наблюдателю с электрическими фонариками. Если идет экспресс, наблюдатель должен был трижды мигнуть зеленым глазком.

Лежали неподвижно: Балицкий запретил шевелиться и разговаривать. Мимо то и дело с грохотом пролетали поезда. Подрывник Гриша Мыльников, осторожно перебирая пальцами, то выбирал слабину, готовясь резким рывком вырвать чеку взрывателя, то снова ослаблял шнур… А желанного сигнала все не было…

Но вот снова раздался стук колес и пыхтение паровоза.

— Кажется, четырехосные перестукиваются, — прошептал кто-то рядом с Федей. — Уж не «Стрела» ли?

— Тихо!..

И вдруг Федя явственно увидел — справа вспыхнула чуть заметная зеленая звездочка — раз, другой, третий. Есть!

— Приготовиться! — шепотом скомандовал Балицкий. — Ну смотрите не подведите, подрывники!..

А поезд вот он — рядом уже. В незатемненных зеркальных окнах сверкал свет, светлые квадраты, как в довоенные времена, весело бежали рядом с колесами по насыпи.

Теперь уже не оставалось никаких сомнений — «Голубая стрела»!

— Ну! — сдавленно крикнул Балицкий. — Давай!

Огромное, как африканский баобаб, багровое дерево взрыва (Гриша Мыльников не пожалел тола) встало под паровозом. Раздался дикий скрежет — вагоны лезли один на другой, падали, раскалываясь, как орехи…

— Пулеметы! Почему молчат пулеметы! — не своим голосом закричал Балицкий.

Резанули пулеметные и автоматные очереди. Ударили взрывы гранат. Вспышки освещали уцелевших немцев, с воплями на карачках уползавших прочь, за насыпь, подальше от смерти…

К Балицкому подбежал наблюдатель:

— По дороге от Добруша идут машины! — крикнул он. — Фары видны!

— Отход! — крикнул Балицкий и дал в воздух зеленую ракету!

Но отходить было поздно. Машины остановились точно против взорванного эшелона. Приехавшие на них немцы развернулись и, поливая автоматными очередями узенький коридорчик леса, в котором между линией и дорогой были зажаты партизаны, двинулись в наступление…

— Будем прорываться! — крикнул Балицкий.

— Стой, Гриша! —остановил его Кравченко. — Не горячись! Отводи людей вдоль дороги. А я задержу…

— Как же ты?! —начал было Балицкий.

— Ничего–ничего! Иди! А мы их сейчас стравим — как начнут друг друга чирикать, так о нас забудут!

Балицкий начал отводить группу.

Федя подозвал к себе Максима и Тараса.

— А ну чирикните им, чтоб стреляли выше, — сказал Федя австрийцам. — Орите что есть силы, партизаны, мол, на насыпи!..

Тарас и Максим что есть силы закричали по–немецки.

Федя одну за другой дал в сторону насыпи две белых ракеты.

«Добрушские» немцы сразу перенесли огонь выше, начали стрелять по насыпи.

Им яростно отвечали отпускники, успевшие к этому времени оправиться и занять оборону… Федя отослал Тараса и Максима догонять группу, дал несколько очередей по разбитому эшелону, закурил, прикрыв голову плащ–палаткой и, пряча цыгарку в рукав, не торопясь двинулся вслед за остальными…

Через два дня в лагерь к Феде и к Балицкому пришел Кулик, возвратившийся из Гомеля, и доложил:

— Двести тридцать семь убитых и раненых офицеров и один генерал.

Взрыв «Голубой стрелы» громовым эхом пронесся по всей линии от Гомеля до Брянска.

«Специалисты по партизанским делам» из гомельского гестапо арестовали коменданта станции Добруш — толстого немецкого обер–лейтенанта с черными щеточкой усами «а ля Гитлер». Кулик, пряча усмешку, наблюдал, как «обера» на открытой машине везли (небывалый случай!) под конвоем через весь город, а потом не спеша отправился на «дубок» — сообщить о виденном.

Шло время, неудержимо катилось оно к зиме, к холодам. Кончилась взрывчатка. Почти не осталось боеприпасов.

Кравченко и Балицкий решили возвращаться, точнее,

догонять соединение.

И вот, в ноябре в селе Николаевке, что на опушке Клетнянского леса, я встретился с Федей Кравченко…

Павло Автомонов
В РОДНЫХ КРАЯХ

Пролетая над Днепром, штурман самолета–разведчика Александр Кривец заметил понтонный мост, по которому двигалась фашистская пехота. Кривец сообщил об этом на свой аэродром и тут же решил обстрелять вражеских солдат из пулемета.

— Снижайся, Миша! — сказал он летчику. — Ударим по понтону.

На бреющем полете самолет пролетел над головами фашистов, расстреливая последние патроны. Не успели вынырнуть над высоким правым берегом, как ударили зенитки. Пилот вывел машину из зоны огня. Но угроза не миновала. На самолет–разведчик с бешеной скоростью набросились три «Мессершмитта». Они и подожгли машину.

Выброситься с парашютом не было возможности: до земли было всего несколько десятков метров. Волоча хвост дыма, самолет пролетел над шоссе, по которому шли грузовики, пехота. Летчик старался посадить машину на скошенное поле. Вот удар о землю — и охваченный пламенем самолет помчался по полю. Штурман и пилот вылезли из машины и начали тушить самих себя. А к ним от шоссе уже бежали немецкие солдаты.

— К лесу! — крикнул Александр товарищу. Пули визжали над головой. Вот уже первые кустарники, деревья… В лесу летчики скрылись от погони.

Ночь была дождливая, темная. Они пытались выйти из расположения немецких частей, но везде натыкались на фашистских солдат, стоявших лагерем. На просеке Кривца вдруг остановил голос:

— Хальт!

Кривец мгновенно выстрелил из пистолета. Солдат упал. В это же время раздалась стрельба там, где переходил просеку Михаил. Потом все стихло. Кривец пополз, тихо стуча о ствол дерева. Это был их сигнал, но товарищ не откликался.

— Миша! Миша! — не выдержал Александр.

Ответа не было. На просеке Кривец нашел Михаила Козловского убитым. Рядом с летчиком лежал и фашистский солдат.

Кривец остался один. Он полз между деревьями и палатками, в которых спали солдаты, сворачивал в сторону, но и там палатки, машины, шаги часовых и храп спящих.

Скоро рассвет. До утра ему не выбраться из леса. И он решил отыскать высокое и ветвистое дерево.

День, проведенный на дубе, показался Александру Кривцу вечностью. Спина и плечи болели от ожогов. Несколько раз под деревом останавливались немецкие солдаты. И всякий раз Кривцу казалось, что они говорят о нем, что его заметили. «Пусть. Живым не дамся. Патроны еще есть!» —думал летчик. Ему, секретарю комсомольской организации авиаполка, было очень обидно умереть вот так, без боя.

К вечеру воинская часть снялась и покинула лес. Кривец слез с дерева. С благодарностью посмотрел на дуб, как на своего друга, защитника.

Шли дни, мрачные от непрерывных дождей, страшные от пожаров, жуткие своей неизвестностью. Где сейчас линия фронта, куда идти голодному, в обгоревшем комбинезоне штурману Александру Кривцу? Ему удалось выяснить, что фронт за Харьковом. Надо преодолеть 400 километров! Пройти через немецкие гарнизоны, полицейские станы, мимо тысяч фашистских солдат. И он шел… Тело болело от ожогов. Изнурял голод. Но Кривец шел на восток.

В один из голодных дней Кривца осенила мысль: зачем идти через линию фронта, когда фашистов везде полно и их можно бить всюду?

Темной осенней ночью Александр Кривец постучал в окно отцовского дома. Старый отец открыл дверь.

— Ты? — удивился отец.

— Меня сбили. К своим пробираюсь…

Они обнялись. Через несколько дней Александр проведал нескольких друзей и собрал их в своей хате.

— Будем драться с фашистами здесь, в родном районе. Будем партизанами, — поклялись товарищи.

Зима 1941/42 года ушла на то, чтобы собрать оружие, сколотить ядро будущего отряда. Когда группа Кривца уже была готова выйти в лес, его внезапно арестовали, отвели в амбар и заперли до распоряжения гестаповцев из райцентра.

Кривец сидел на ящике, обхватив руками тяжелую, как и его думы, голову. Вдруг он увидел шевелящийся в щели под дверью листик бумаги. И услышал:

— Это я, Наташа. Прочти. Часовой пошел в контору погреться. Я ждала несколько часов этой минуты. Ты слышишь меня, Саша? Тебя выручат.

Кривец развернул бумажку. «Будь готов к побегу. Мы нападем на конвой». Кривец узнал почерк. Писал его товарищ Иван Головко. Александр прижал записку к груди и почувствовал, что

на сердце стало теплее.

Утром Кривца повели в райцентр. Его окружили семь всадников. Дорога тяжелая, скользкая, и конвоирам для удобства дали лошадей.

Провожать его вышло все село. В толпе Кривец увидел отца, четырнадцатилетнего братишку Андрейку, Наташу Сидоренко. Девушка пристально смотрела на него, потом подняла руку.

Толпу разгоняли плетками. Село осталось позади. Кривец посматривает на придорожный кустарник. Отсюда можно было бы ударить по конвоирам. Мысленно он уже прикидывает, с каким из них ему надо справиться, чтобы добыть карабин. Но выстрелов не слышно. Засады нет.

Они приближались к стогу соломы, возвышавшемуся у дороги. «Если их не будет и здесь, значит, Наташа ошиблась…»

И вдруг раздалась пулеметная очередь. Конвоиры попадали с лошадей, поползли прочь, бросив винтовки. В испуге кони пустились галопом к селу. Кривец успел взять две винтовки и стал стрелять по убегавшим врагам.

Друзья обнимались, поздравляли друг друга. Александра Кривца выручили односельчане: коммунист Иван Головко и сверстники Александра — Андрей Бойко и Павел Евенко. Это была первая победа молодых партизан.

Через две недели с ними было 20 человек. Так возникла в Новобасанском районе Черниговской области партизанская группа.

Как-то в один из майских дней партизаны узнали, что в хозяйство Дедово приезжает черниговский комендант. Александр Кривец и Павел Евенко, отличавшийся бесстрашием и сметкой, решили встретить коменданта. В форме полицейских они вышли на дорогу и расправились с машиной, в которой сидели подполковник, майор, лейтенант и шофер в штатской одежде.

После этой операции Кривец, Евенко и трое партизан, переодетые в форму немецких офицеров, в легковой машине поехали в Дедово, куда направлялся комендант с офицерами.

Евенко развалился на заднем сиденье и корчил из себя коменданта. Друзья смеялись.

— А ты, Саша, чего задумался? Недоволен операцией? Добыли такую машину! Сбросили свою обносившуюся одежду и заменили ее трофейной.

— И я об этом думаю, — ответил Кривец. — Думаю над тем, почему нам так легко удалось провернуть это дело.

— И почему же? — спросил Евенко.

— Мы знали, что будет ехать комендант. Вот в чем залог успеха. Разведка. Наш разведчик хорошо сработал.

В деревне партизаны обезоружили офицеров, ожидавших приезда коменданта, и забрали еще одну машину, на которую сложили трофейное оружие.

После удачной операции партизаны оформили создание своей группы. Командиром избрали Кривца, комиссаром — Ивана Головко, а командиром разведки — Павла Евенко. На этом же собрании разработали план дальнейших действий.

— Леса у нас не такие, как на севере Черниговщины или на Брянщине, — говорил Кривец. — Здесь в лесу много дорог. Наши леса возле шоссейных дорог Киев — Чернигов и Киев — Харьков. Посадим партизан на трофейные машины и будем действовать как моторизованный отряд!

— Неплохо, — согласился комиссар. — Вот только скрываться от врагов нам будет трудновато.

— Об этом я думаю все время, — ответил Кривец. — Мы можем наносить удары по врагу только в том случае, если у нас будет высоко поставленная разведка. Мы должны ежедневно знать намерение врага…

Фашистские танки и машины не раз проходили по дорогам вблизи дислокации партизанского отряда Александра Кривца. Но однажды они развернулись и двинулись на лагерь.

Кривец метнул гранату под гусеницу, и одна машина остановилась.

— Ребята! Главное, не бояться! — говорил командир. — Ведь они не знают, сколько нас, да и танком в лесу как следует не развернешься. Бей их!

Бой то разгорался, то утихал. Партизаны продержались до вечера.

Вечером каратели стали уходить. Партизаны знали, что утром здесь будут большие силы фашистов. Это их уже не пугало: ночью отряд уйдет на Калюпин остров. Остров находился в урочище Лутавы, среди непроходимого болота. Только одна тропа вела к нему. И знали ее лишь партизаны.

За короткое время машинный парк партизан пополнился еще и двумя броневиками. Они были отремонтированы умелыми руками механизаторов. Укрепили разведку. Петр Рябуха устроился шофером к коменданту города Бобровицы, к полковнику Бибраху. Николай Рябуха, политрук роты в отряде, поддерживал с братом постоянную связь.

Полковник Бибрах давно интересовал партизан. Кривец решил послать к нему еще одного разведчика, Николая Печенкина. Печенкин стал парикмахером на станции Бобровицы. «Должность» эта была очень удобна и выгодна: у Печенкина брились десятки офицеров, ехавших на фронт и с фронта, и

партизанский парикмахер «выбривал» у них нужные сведения…

Во время одной из встреч с Николаем Печенкиным Кривец сказал:

— Из кожи лезь, а заслужи доверие у Бибраха. Сообщи ему некоторые «сведения» о партизанах, которые будто бы слыхал от кого-то. Бибрах не останется в долгу.

Он не пропускает в Киеве ни одного совещания, на которых разрабатываются планы операций против партизанских отрядов. И непременно проболтается о них.

— Постараюсь, — обещал Николай.

Вскоре Печенкин стал переводчиком. И повсюду сопровождал полковника Бибраха. Они вместе ездили в Киев, в Чернигов на совещания. Так Николай Печенкин и Петр Рябуха стали надежными «глазами и ушами» партизан.

Они предупредили их о карательных операциях, готовившихся против отряда Кривца. Партизаны успевали вовремя исчезнуть, а потом снова обрушивали свои удары на врага. Партизанский отряд из 30–40 автомашин, 30 мотоциклов и двух броневиков наводил ужас на фашистов в райцентрах и на дорогах Черниговской, Киевской и Полтавской областей. Удары партизан Кривца были настолько неожиданны, ошеломляющи, что немцы даже днем боялись ездить по дорогам.

Энергичный, рассудительный и бесстрашный Александр Кривец старался разнообразить тактику партизанских ударов. По сигналу связных Кривец привел сто партизан на конный завод, созданный немецким комендантом, любителем лошадей. Операция была проведена молниеносно, и партизаны оседлали рысаков. Теперь в отряде был и мощный кавалерийский эскадрон.

В одиночку и группами в отряд шли люди из Песков, из других сел.

Отряд вырос до тысячи человек. А люди шли и шли. Это снижало маневренность и боеспособность отряда. Вооружив пополнение, Кривец направлял людей в соседнее соединение, в другие отряды. Делился Кривец с другими отрядами и оружием, отбитым у фашистов.

Рост отряда заставил командира еще более усилить и усовершенствовать свою разведку. Большую услугу оказал партизанам Иван Потенко. В Ново–Басане он работал на радиоузле. Когда был испорчен партизанский приемник «Родина», Кривец обратился за помощью к Ивану. И тот отдал партизанам во временное пользование приемник начальника полиции. По совету Кривца Потенко объяснил фашистам, что приемник у него отобрали партизаны. А для убедительности Потенко передал фашистам кое–какие «сведения» об отряде

Кривца. Версия удалась. Гитлеровцы предложили радисту и впредь выуживать «данные» об отряде. Вскоре Потенко стал для врагов настолько «своим», что они решили послать его в Чернигов, в школу лазутчиков в партизанские отряды.

Иван пришел на встречу с командиром недовольный.

— Ты должен, Ваня, пойти в эту школу, — убеждал его Кривец.

— А что же обо мне люди скажут? Что я продажная тварь. Не пойду! Берите меня в отряд. Я буду воевать, как все партизаны!

С большим трудом Ивана удалось уговорить.

Через четыре месяца он был послан гестаповцами в отряд Кривца и принес ценные сведения о фашистской школе лазутчиков. С помощью Ивана удалось обезвредить в разных партизанских отрядах 12 шпионов, засланных гестапо.

Это была большая победа партизанской разведки отряда. Гестаповцы потеряли лучшие свои кадры.

Свой человек был у партизан Кривца и среди полицейского начальства в райцентре Згуровка Полтавской области. Разведчики, работавшие легально в учреждениях, комендатуре, очень много сделали для своего и других партизанских отрядов. Они помогали отряду быть неуловимым и действовать под самым Киевом.

Фашисты бесновались. Никакие награды, обещанные ими за голову Кривца, не помогли. Они жестоко расправились с семьей Кривца. Родные и родственники были казнены в Чернигове в июле 1942 года. А в декабре этого года каратели налетели на село Пески и другие селения, прилегающие к лесу, и сожгли их.

Декабрьской ночью Кривец с Наташей и группой бойцов появились в Песках. Среди обгорелых развалин жалобно стонал ветер.

Наташа молча плакала.

— Не плачь, Наталка, — сжал ей руку Александр, — мы отомстим за наше село, за наших людей.

Вскоре в райцентре Згуровка Полтавской области партизаны Кривца обезоружили и уничтожили полутысячный гарнизон противника, взяли автомашины и мотоциклы.

Население Згуровки радостно встретило партизан. Стихийно возник митинг. Но партизанам задерживаться нельзя. Немецкое командование уже знало об их налете и бросило на Згуровку несколько батальонов. Ушли партизаны так же внезапно, как и появились.

Настало лето 1943 года. Каждый день партизаны отряда во главе с Кривцом внезапными ударами по врагу в треугольнике железных дорог Киев — Нежин и Киев — Полтава помогали

Красной Армии в боях за освобождение Украины. Александр Кривец выслал на железные и шоссейные дороги 18 диверсионных групп, среди них — группы Ивана Сидоренко, Николая Герасименко, Николая Матузова, Василия Стригуна и Ивана Соловкова.

— Сейчас важен каждый эшелон. Немцы пытаются подбросить к Харькову технику, солдат. Задержка движения на железной дороге важнее, чем уничтоженный гарнизон, — говорил Кривец своим подрывникам и командирам рот.

Подрывники отряда Александра Кривца уничтожили 28 вражеских эшелонов. В это число не входят крушения поездов в первый период борьбы на железных дорогах, когда приходилось работать ключами и «рачками». За время боев отряд уничтожил около 2 тысяч гитлеровцев. В конце сентября 1943 года отряд имени Щорса под командованием Кривца соединился с частями Красной Армии под Киевом.

* * *

Герой Советского Союза Александр Елисеевич Кривец и Наталия Клементьевна Сидоренко–Кривец живут сейчас в Киеве. Бывшие партизаны — частые их гости.

Вместо «здравствуйте» называют пароль. Их тепло встречают в этом доме. Друзьям есть что вспомнить даже через двадцать лет.

А. Лукин, бывший заместитель командира партизанского отряда по разведке
БУДНИ РАЗВЕДЧИКА

Николай Иванович Кузнецов (Пауль Зиберт), Герой Советского Союза, легендарный разведчик Великой Отечественной войны. Родился 27 декабря 1911 года в деревне Зырянка Талицкого района Свердловской области в семье крестьянина. Учился в Тюменском сельскохозяйственном техникуме и Талицком лесном техникуме, работал лесоустроителем. В 1934 году переехал в Свердловск, стал работать на Уралмашзаводе. Заочно окончил индустриальный институт. Еще в юношеские годы в совершенстве овладел немецким языком.

Летом 1942 года в составе отряда особого назначения Николай Кузнецов был сброшен с парашютом в глубокий тыл врага. Работал в городе Ровно в немецкой военной форме под именем офицера вермахта Пауля Вильгельма Зиберта. Доставил советскому командованию много исключительно важных разведывательных сведений, в том числе о подготовке гитлеровским командованием наступления на Курской дуге. Уничтожил таких крупных гитлеровских чиновников, как имперский советник генерал Гель и его адъютант майор Винтер, заместитель рейхскомиссара Украины верховный судья генерал СС Альфред Функ, вице–губернатор Галиции Оттон Бауэр, президиалшеф Генрих Шнайдер, командующий «особыми войсками» генерал Ильген. Погиб в жестокой схватке с отрядом бандеровцев в марте 1944 года.

Ниже приводятся два эпизода из боевой жизни прославленного советского разведчика.

1

К осени 1943 года дни фашистской оккупации на Украине были сочтены. Активная партизанская и диверсионная работа в тылу врага (теперь не таком уж и глубоком) в условиях решительного наступления Красной Армии приобретала особое значение. Поэтому на совещании в штабе отряда, которым командовал полковник Д. Н. Медведев, было принято решение: не ослабляя основную чекистскую работу по добыче разведывательных данных о фашистской армии, осуществить ряд

актов возмездия над особо ненавистными народу фашистскими сатрапами в Ровно.

Разумеется, первым (как и раньше) в этом списке палачей стояло имя Эриха Коха, рейхскомиссара Украины и гауляйтера Восточной Пруссии. Кроме него после всестороннего и детального обсуждения было названо еще несколько имен, в том числе генерал фон Ильген.

Среди наиболее высокопоставленных гитлеровцев в Ровно генерал фон Ильген играл роль весьма заметную. Он командовал всеми так называемыми «остентруппен» — особыми войсками. Эти части состояли в основном из самых отпетых подонков, которых могли собрать гитлеровцы на оккупированной территории. Это были предатели Советской Родины, изменившие военной присяге, и уголовники.

Осуществление плана операции, тщательно разработанного и утвержденного в штабе нашего отряда, и было поручено группе наших разведчиков из шести человек во главе с Николаем Ивановичем Кузнецовым.

Задачу похищения фон Ильгена облегчало одно немало важное обстоятельство: в самом его логове — одноэтажном особняке на Млынарской улице, 5, — был наш человек.

…В ресторане «Дойчегофф», куда вход был открыт только для немецких генералов, офицеров и чиновников, самой популярной официанткой слыла Лидия Лисовская, стройная сероглазая красавица с волосами цвета спелой ржи, лет двадцати пяти. Была она обаятельна, умна, всегда весела. При взгляде на нее вряд ли кто-нибудь сказал бы, что Лидия, кумир завсегдатаев «Дойчегоффа», перенесла тяжелую утрату — ее муж, капитан польской армии, погиб в фашистском концлагере.

По роду работы Лидия и ее двоюродная сестра Мария (Майя) Микота постоянно вращались среди немецких офицеров, как правило, в разной степени подвыпивших, следовательно, разговорчивых. Это привлекло к ним внимание шефов ровненского гестапо. Им предложили сотрудничать в этом мрачном учреждении. В обязанность вменили: регулярно доносить о настроениях и разговорах между собой армейских офицеров. Лисовская и Микота приняли это предложение гестапо, но… с ведома командования нашего отряда, так как уже давно были советскими разведчицами, опытными, бесстрашными, изобретательными. Именно квартира Лисовской на улице Легионов, 15, была основной базой Николая Кузнецова — Пауля Зиберта, «произведенного» нами к этому времени в обер–лейтенанты.

Я недаром так много говорю об этих замечательных и

бесстрашных женщинах. В плане операции, которую готовил Николай Кузнецов, Лидия Лисовская играла видную роль. Дело в том, что с некоторых пор число поклонников Лисовской пополнилось еще одним. Да не каким-нибудь лейтенантом, а генералом! Самим генералом фон Ильгеном! Нет, генерал не был легкомысленным человеком. Но внешность Лидии — привлекательная и строгая одновременно, ее «высокое» происхождение (многие в Ровно почему-то считали Лисовскую графиней) и превосходные манеры невольно вызывали интерес. В результате последовало весьма заманчивое предложение: сменить должность официантки в «Дойчегофф» на почетное и чрезвычайно респектабельное положение экономки командующего особыми войсками.

Неожиданно оказалось, что прихоть генерала обрадовала не только Николая Кузнецова, но пришлась по душе и господам из ровненского гестапо, которые не хотели упустить возможности приставить к Ильгену «своего человека». Так, на всякий случай…

Уникальное совпадение: едва ли за всю войну был еще случай, когда гитлеровский генерал, гестапо и советская разведка желали одного и того же!

И вот, в конце сентября Лидия приступила к своим новым обязанностям: необременительным — кастелянши и опасным, требующим огромного нервного напряжения — советской разведчицы.

Окончательный план похищения фон Ильгена был утвержден (а затем и приведен в действие) после того, как Лидия Лисовская представила нам подробное описание образа жизни генерала, распорядка его дня, привычки и т. д. Из привычек наше внимание особо привлекла следующая: Ильген обедал только дома — вскоре после полудня и, как правило, один. Опаздывал он к обеду только в самых исключительных случаях.

В это время в доме кроме генерала находились Лидия, кто-либо из двух адъютантов и денщик. Наружную охрану у выездных ворот нес один часовой до шести часов вечера. После шести выставлялся усиленный пост из трех солдат. Следовательно, всю операцию нужно было провести не позднее шести, а лучше всего — примерно в час дня.

На руку оказалось еще одно обстоятельство: оба адъютанта–немца 10 ноября отбыли на неделю в Германию, чтобы отвезти несколько чемоданов с награбленными вещами семье генерала. В особняке на эти дни оставался лишь денщик из так называемых «казаков».

Подготовительная часть операции возлагалась на Лиду и Майю. Исполнительная — на боевую группу Кузнецова, под

командой которого были Николай Струтинский, Ян Каминский и Мечислав Стефаньский. Струтинский был разведчиком нашего отряда. В форме немецкого солдата он не раз сопровождал Кузнецова в поездках в Ровно, играл роль шофера при «обер–лейтенанте» Пауле Зиберте. Ян Каминский и Мечислав Стефаньский были нашими разведчиками из местных подпольщиков.

Итак, 15 ноября 1943 года утром вся боевая группа собралась на квартире Яна Каминского. Шли последние приготовления к операции. Кузнецов придирчиво проверял каждую мелочь. Прежде всего форма. Внимательно осмотрел самого себя в зеркало. В памяти еще жило воспоминание о том, как при первом выходе в Ровно он привлекал внимание (хотя и не подозрение) всех встречных военных тем, что был в пилотке. Оказывается, пилотку принято было носить на фронте, в тылу же полагалась фуражка, знаменитая немецкая фуражка с высоко заломленным верхом.

Сейчас все в порядке. Мундир не с иголочки, но и не потрепан, хорошо подогнан. На плечах погоны обер–лейтенанта. На груди слева, ниже кармана, — «железный крест» 1–го класса. В петлю пуговицы продернута ленточка «железного креста» 2–го класса (при получении высшей награды низшая уже не носилась — только ленточка). Медаль «За зимний поход на восток» (Николай Иванович ухмыльнулся, вспомнив, что сами немецкие солдаты метко называли ее «мороженое мясо»). Справа — знак за тяжелое ранение. Разумеется, все — и награды, и «очередное» звание, и ранения — аккуратно вписано в офицерскую книжку.

Так же тщательно Кузнецов осмотрел товарищей. Николай Струтинский уже давно привык к немецкой солдатской форме. Ян Каминский и Мечислав Стефаньский, по–видимому, отлично чувствовали себя в форме офицеров рейхскомиссариата Украины (РКУ), хотя и облачились в нее лишь полчаса назад.

— Как машина? — спросил Кузнецов Струтинского.

— Отлично выглядит, Николай Иванович.

Вопрос не праздный. Автомобиль — великолепный, мощный «Адлер», наши разведчики «одолжили» (без обещания вернуть) у самого ровненского гебитскомиссара Веера. Разумеется, ее пришлось перекрасить в серый цвет. Сделал это с большим мастерством и знанием дела наш разведчик Василий Бурим.

В 12 часов дня Кузнецов встал: «Пора»…

…Разбрасывая колесами ноябрьскую грязь, серый «Адлер» вылетел на центральные улицы города. Несколько минут езды, и машина уже на Млынарской улице. Мелькают мимо уютные одноэтажные домики. Прохожих почти не видно — местные

жители стараются обходить район, где живут многие видные немцы, стороной. Вот и особняк Ильгена, окруженный палисадником. Перед окнами уныло отмеривает шаги часовой с винтовкой за плечом. При виде машины с офицерами он вытягивается в струнку.

Не повернув головы, Кузнецов краем глаза напряженно всматривается в окна. В угловом окне занавеска приспущена до половины… Так уже было и вчера, и позавчера. Это условный знак. Лидия сообщает, что операция откладывается.

Сквозь зубы Кузнецов бросает Струтинекому: «Прямо…» Машина летит дальше.

Остановка возле маленького ресторанчика. Здесь, по договоренности, свидание с Лидией в случае неудачи. Кузнецов выходит из машины, остальные остаются.

Через полчаса появляется Лисовская. Впархивает оживленная, веселая.

В их сторону никто даже не смотрит, обычное дело: офицер встречается со «знакомой девушкой».

Придвинувшись ближе, Лидия быстро шепчет:

— Генерал звонил, — задерживается в штабе. Приедет обедать в четыре. У нас все готово. Ждем.

Кузнецов облегченно вздохнул. Откладывается, но все же не отменяется, как вчера и позавчера, когда Ильген вообще не приезжал домой.

— Ну, мне пора!

Допив свой кофе, Лидия встает, на ходу целует «капитана» и бежит к выходу, бойко постукивая каблучками модных туфель.

Расплатившись, покидает кафе и Кузнецов.

В машине происходит короткое совещание.

— В городе оставаться незачем, — говорит Николай Иванович, — считать минуты — лучшее средство взвинтить себя до предела, а нервы нам еще потребуются. И крепкие. Едем-ка, друзья, за город!

Мало кто знает, что перед тем, как совершить этот знаменитый подвиг, герои–разведчики мирно гуляли по осенному лесу, словно набираясь сил и мужества в общении с родной природой.

2

…В шестнадцать ноль–ноль серый «Адлер» резко затормозил у дома № 5 по Млынарской улице, занавеска на угловом окне была поднята до самого верха!

Разведчикам повезло: двумя минутами ранее из соседнего особняка вышли генералы Кернер и бывший петлюровец, а ныне гитлеровец — Омельянович–Павленко, ближайшие помощники Ильгена. Встреча с ними могла бы сорвать операцию.

Кузнецов вылез из машины, спросил у вытянувшегося «казака»:

— Генерал дома?

«Казак» (его фамилия была Луковский) виновато пробормотал :

— Я не понимаю по–немецки, господин обер–лейтенант…

Брезгливо отмахнувшись, обер–лейтенант вошел в особняк. Следом за ним — остальные.

В гостиной навстречу Кузнецову поспешил денщик:

— Господин обер–лейтенант, генерала нет дома, изволите подождать или передать что… — и замер, увидев внимательный, устремленный ему в живот зрачок «парабеллума».

— Не шуметь! — повелительно сказал Кузнецов по–русски. — Я советский офицер, партизан, понятно?

Мясников (такую фамилию носил денщик) все понял и, охнув, опустился на стул. Его мгновенно обыскали.

Из дальних комнат уже спешили Лида и Майя.

— Все готово! Личные вещи генерала упакованы в два чемодана.

Убедившись, что денщик не способен ни к какому сопротивлению, Кузнецов вышел на крыльцо.

— Эй, ты! — крикнул он часовому на ломаном русском языке. — Иди сюда!

— Ие имею права с поста, — нерешительно пробормотал тот.

— Быстро–быстро! — уже с угрозой в голосе приказал обер–лейтенант.

Забыв про устав, «казак» поспешил подчиниться. В прихожей раньше, чем он успел что-либо понять, его обезоружили, втолкнули в комнату и усадили рядом с Мясниковым.

Начался обыск квартиры. Карты, фотографии, служебные бумаги, личная переписка исчезали в недрах объемистого портфеля. Николай Струтинский быстро облачился в каску и амуницию разоруженного Луковского и занял его место перед крыльцом.

Тем временем Майя вела идеологическую обработку «казаков».

— Эх вы, были грицами, а стали фрицами, — безжалостно и гневно бросала она им в лицо, — в немецкие холуи записались. А что дальше будет? Вы знаете, что Киев освобожден?

Мясников невнятно оправдывался:

— Мы мобилизованные насильно. По своей охоте разве пошли бы? Возьмите нас в лес, к партизанам! Не пожалеете… Если, конечно, поверите.

Луковский был, видно, решительнее. Трудно сказать, что пережил за 10–15 минут этот человек, совершивший в жизни страшную ошибку, исправить которую дано не каждому… Он неожиданно встал и обратился к Николаю Ивановичу :

— Генерал меня знает в лицо, нехорошо выйдет, да и разводящий подойти может. Дозвольте снова на пост встать…

И Кузнецов согласился. Согласился, хотя шел на немалый риск. Потому что чутьем разведчика понял: довериться можно.

Струтинский вернулся в дом, на его место снова встал Луковский. Правда, патроны из магазина его винтовки были на всякий случай вынуты.

В начале шестого где-то вдалеке послышался звук мотора, Лида чуть отодвинула занавеску и увидела, как из-за угла вырвался длинный черный «Мерседес». «Едет!»

Все быстро разошлись по заранее условленным местам.

Через несколько минут, не удостоив вставшего во фронт часового даже кивка, в дом вошел Ильген. Лидия, выбежавшая в переднюю, помогла ему снять шинель.

Генерал был в хорошем настроении. Отпустил грубоватую казарменную шутку, вымыл руки, весело осведомился: «Что сегодня на обед, фрейлен Леля?» — и… в недоумении уставился на вставшего в двери солдата (Струтинского).

— Спокойно, генерал!

Ильген стремительно обернулся на незнакомый голос. Он увидел неизвестного ему подтянутого обер–лейтенанта с пистолетом в руке. В первую секунду Ильген ничего не понял. Но с объяснением обер–лейтенант не замедлил…

— Предатель! — взревел Ильген (он не верил, что Кузнецов не германский офицер) и всем своим огромным, мускулистым телом стремительно ринулся на Кузнецова.

Завязалась отчаянная борьба. Ильген был очень силен, в молодые годы он всерьез занимался борьбой и боксом. Ярость удвоила его силы.

В бешеной свалке переплелись пять тел. В ход пошли и кулаки, и каблуки. Струтинскому, пытавшемуся загнать в генеральский рот кляп, Ильген до кости прокусил руку. Не утерпев, в драку ввязался и Мясников — на стороне партизан. С большим трудом генерал был скручен.

Отдышавшись, Кузнецов прочитал ему лекцию о хорошем поведении.

— Спокойнее, Ильген, — мягко выговаривал он. — Будьте же

благоразумны. На первый раз, учитывая неожиданность, мы вас прощаем. Но впредь советую вести себя пристойнее.

В конце концов Ильген как будто притих.

Первыми из особняка вышли Каминский и Стефаньский с портфелем. Затем Струтинский и Мясников вынесли генеральские чемоданы. Чтобы ввести немцев в заблуждение, денщик оставил по приказанию Кузнецова на столе записку:

«Спасибо за кашу. Ухожу к партизанам и забираю с собой генерала. Смерть немецким оккупантам! Казак Мясников».

Затем на крыльце показался Кузнецов, заботливо придерживая Ильгена за локоть. Руки генерала были связаны за его спиной. Мясников и Стефаньский уже сидели в машине. Струтинский стоял, поджидая, возле открытой дверцы.

— Скорее! — услышал Николай Иванович взволнованный голос Луковского, — смена идет!

Действительно, в конце улицы уже маячили фигуры трех солдат.

И тут Ильген вдруг вырвался из рук Кузнецова, вышиб языком изо рта кляп и заорал во всю силу легких:

— На помощь! На помощь!

Кузнецов, Струтинский, Каминский успели поймать Ильгена за плечи, заткнули рот. Извернувшись, Ильген умудрился ударить Каминского сапогом в живот. И тут же на ноги ему навалился, отбросив винтовку, Луковский.

В мгновение ока генерала втащили в машину. Мотор взревел, и…

— Что здесь происходит?

Кузнецов резко обернулся. К машине на крик спешили трое немецких офицеров. Руки у всех — на кобурах пистолетов.

Это был решающий момент операции. На карте стояло все: и успех дела, и жизнь разведчиков.

К счастью, Кузнецов, как никто другой, обладал драгоценным для разведки даром: не теряться ни в какой ситуации. Хладнокровие не изменило ему и на сей раз.

Спокойно, с самым независимым видом Пауль Зиберт подошел к гитлеровцам. Козырнул:

— Мы выследили и арестовали советского террориста, одетого в нашу военную форму. Прошу удостовериться в моих полномочиях.

В руке отважного разведчика тускло блеснула овальная металлическая пластинка — жетон сотрудника гестапо.

Этого было достаточно.

Роль нужно было доиграть до конца. В распоряжении Кузнецова было еще 2–3 минуты:

— Прошу предъявить ваши документы.

Офицеры послушно протянули свои удостоверения. Обер–лейтенант Зиберт внимательно просмотрел их и вернул владельцам, кроме одного, привлекшего его особое внимание.

— А вас, господин Гранау, — обратился он к коренастому военному в коричневом кожаном пальто, — прошу следовать за мной в гестапо в качестве свидетеля. Вы можете быть свободны, господа.

Пожав плечами, человек в кожаном пальто спокойно уселся в машину. Он, Пауль Гранау, личный шофер гауляйтера Эриха Коха, чувствовал себя совершенно спокойно.

Это была удача, хотя и совершенно случайная, но заработанная выдержкой и находчивостью: кроме Ильгена прихватить еще и коховского шофера!

Офицеры поспешили удалиться подальше от греха. Кузнецов вернулся к «Адлеру» и сел рядом с Николаем Струтинским. Машина была уже набита до предела: семь человек! — а еще предстояло как-то усадить Каминского.

Выход нашел Струтинский:

— В багажник, живо!

Едва Каминский кое-как втиснулся в тесную коробку, «Адлер» рванул в темноту. На огромной скорости, петляя по пустым улицам, автомобиль промчал за городскую черту и через час достиг наконец надежного убежища на хуторе Валентина Тайхмана, вблизи сел Новый Двор и Чешское Квасилово.

…Тайхман был бедным польским крестьянином, которого судьба наделила огромной семьей — девятью детьми. Старшему было лет семнадцать. До 1939 года семья жила в невыразимой нищете и встала на ноги лишь при Советской власти. Естественно, что и Тайхман, и жена его, и дети ненавидели оккупантов.

Хозяин хутора был замечательным садоводом и устроил вокруг своего дома небольшой питомник фруктовых деревьев.

Со стороны дороги дом летом был почти неразличим — тонул за листвой молодых вишен и яблонь.

По многим причинам хутор оказался очень удобной явочной квартирой. В частности, именно здесь регулярно меняли облик автомобили, которыми пользовался Николай Кузнецов.

В это укромное место и были доставлены Ильген и Гранау. Кузнецов рассудил правильно, что в этот день не стоит и пытаться доставить генерала в отряд, коль скоро похищение не осталось незамеченным. Действительно, новый караул, не застав на месте Луковского и обнаружив у палисадника утерянную Ильгеном в борьбе фуражку, забил тревогу. Немедленно были

подняты на ноги и гестапо, и СД, и жандармерия.

Все дороги были перекрыты. Начались поиски, которые продолжались много недель. В частности, советская войсковая разведка перехватила по радио такое сообщение:

«Надо учесть, что похищенный 15. XI. 1943 г. партизанами в Ровно шеф особых частей генерал–майор Ильген увезен ими дальше на какой-то повозке, вероятно, какой-то автомашине.

Во всем армейском округе тотчас должен быть установлен контроль за автомашинами. Во всем районе дислокации армии немедленно должен быть установлен контроль за автомашинами. Местным комендантам следует указать, что они должны проводить этот контроль в своих районах при помощи местной стражи. Оперотделение».

На хуторе Валентина Тайхмана Николай Кузнецов допрашивал всю ночь генерала Ильгена и шофера Коха и получил от них важные сведения. Так как вывезти их в отряд оказалось невозможно, здесь же, на хуторе, оба фашиста нашли свою могилу…

3

Следующим после похищения Ильгена пунктом плана, разработанного в штабе отряда, была ликвидация главного немецкого судьи Украины — оберфюрера СС Адольфа Функа.

Функ, как и сам Кох, был одним из любимцев Гитлера, осыпавшего его пышными чинами и званиями. В одно и то же время оберфюрер СС Функ являлся президентом немецкого верховного суда на Украине, сенатс–президентом верховного суда в Кенигсберге, чрезвычайным комиссаром по Мемельской области, главным судьей СА группы «Остланд», председателем «национал–социалистического союза старшин» и прочее и прочее.

Звания и должность разные, но обязанность у него была в сущности одна: уничтожать советских людей. По приказам-«приговорам» Функа ежедневно расстреливали и вешали по всей Украине сотни патриотов.

Верховный суд занимал унылое трехэталшое здание, выходящее одной стороной на Немецкую улицу, другой (с угла) — на Парадную площадь. Третья сторона здания выходила на тихую и малолюдную Школьную улицу.

Быть может, убить Функа было легче где-нибудь в другом месте и в другое время, но командование решило это сделать именно в здании суда и сразу же вслед за похищением Ильгена.

Николаю Ивановичу Кузнецову было известно, что Функ,

человек аккуратный и педантичный, каждый день брился в парикмахерской на Немецкой улице, почти напротив суда. Без нескольких минут девять он пересекал улицу и входил в здание.

Брил Функа один и тот же мастер — Ян Анчак, бывший польский офицер, тесно связанный с нашими разведчиками. В Ровно у него была семья — жена и две маленькие дочки-близнецы. Худой, с глубоко посаженными черными глазами, услужливый и подобострастный с клиентами–немцами, Анчак выглядел человеком, никогда не державшим в руках никакого иного оружия, кроме бритвы. У гитлеровцев он не вызывал ни малейшего подозрения.

…В восемь часов тридцать минут утра 16 ноября на Школьной улице, не доехав до суда метров пятьдесят, остановился «Адлер» (с новым номером), из него вышли два офицера в форме РКУ (из-за расшитых фуражек их прозвали «золотыми фазанами») — Кузнецов и Каминский.

Солдат–шофер — Николай Струтинский остался в машине и, казалось, задремал за рулем. Офицеры перешли площадь и разошлись в разные стороны. Кузнецов стал медленно прогуливаться по тротуару. Каминский занял позицию, откуда было удобно наблюдать за окном парикмахерской Анчака.

Потянулись минуты напряженного ожидания. Несмотря на ранний час, на улице было многолюдно, Кузнецов и Каминский то и дело отвечали на приветствия офицеров.

В восемь сорок к главному входу суда подъехал грузовик с двумя десятками эсэсовцев.

Струтинский нащупал под сиденьем автомат и насторожился, полагая, что это неожиданное осложнение сорвет операцию. Но Кузнецов и Каминский продолжали как ни в чем не бывало спокойно прохаживаться на своих постах.

В восемь сорок пять на мгновение откинулась занавеска в окне парикмахерской — Анчак подал знак, что через несколько минут он закончит бритье. И сразу же Каминский сдвинул фуражку на затылок — это был сигнал Кузнецову.

В восемь пятьдесят занавеска откинулась совсем. Каминский приподнял фуражку. Кузнецов взглянул на часы и неторопливо направился к дверям суда. Струтинский завел мотор…

Из дверей парикмахерской вышел Функ и… пошел навстречу возмездию. Николай Иванович отлично изучил расположение всех коридоров и комнат в здании суда. Знал все ходы и выходы, в том числе и малоприметный на Школьную улицу. Сейчас ему требовалось единственное — войти в дверь одному, не столкнувшись ни с кем из сотрудников. Иначе чем объяснить, что, оказавшись внутри здания, он не пойдет ни на лестницу, ни в

боковые коридоры, а быстро станет прямо за дверью? Но и это было учтено. Кузнецов знал психологию гитлеровских чиновников. Ясно, что сотрудники суда займут свои рабочие места раньше (хотя бы на несколько минут), чем прошествует в свой кабинет на втором этаже главный судья.

Кузнецов стоял, вплотную прижавшись к стене, затаив дыхание, не шелохнувшись. Справа послышались шаги — кто-то шел по коридору к двери. Шаги приблизились, потом удалились, по лестнице.

Николай Иванович не успел даже перевести дыхания, как хлопнула входная дверь… Все остальное произошло за какую-нибудь долю секунды. Николай Кузнецов вскинул «Вальтер» и почти в упор трижды выстрелил в Функа. По том быстро, но без суеты он сбросил плащ и фуражку офицера РКУ, надел спрятанную под плащом обычную общевойсковую фуражку, прошел по правому коридору и вышел на Школьную улицу.

Эсэсовцы у главного подъезда видели, как из здания суда вышел пехотный офицер и уехал на «Адлере», но не обратили на него никакого внимания. Выстрела они не слышали.

О том, что произошло дальше, рассказал Ян Каминский, некоторое время еще остававшийся на своем посту возле парикмахерской.

Труп Функа обнаружили только через две–три минуты. На втором этаже здания суда настежь распахнулось окно, и площадь огласил чей-то истерический крик:

— Президент убит! Президент убит!

Поднялась тревога. Эсэсовцы у подъезда, видимо, считали, что Функа мог убить уехавший на автомобиле офицер и устремились в погоню. В двух–трех кварталах от площади они действительно настигли «Адлер», в котором сидел какой-то майор. Его выволокли из машины, избили до полусмерти и отправили в гестапо.

Это удачное совпадение дало Николаю Кузнецову те самые драгоценные минуты, которые позволили ему и Струтинскому исчезнуть… Благополучно удалился с площади и Ян Каминский.

После похищения Ильгена и невероятного по дерзости убийства Функа гитлеровцы в Ровно совсем потеряли голову. Среди перепуганных немцев ходили самые невероятные слухи о «большевистских террористах», якобы наводнивших город и беспощадно уничтожающих высокопоставленных лиц. По всему городу начались повальные облавы, документы проверяли не только у местных жителей, но и у солдат и офицеров. Подозрительных лиц арестовывали. Для населения ввели новые паспорта. «Террористы» мерещились повсюду : жителям

запрещали выходить из домов позже шести часов вечера, ходить группами больше двух человек, носить чемоданы, свертки, сумки и даже держать руки в карманах.

Целыми днями по улицам разъезжали автомобили с громкоговорящими установками: жителей убеждали помогать властям в поимке «террористов».

Немецкая газета опубликовала некролог за подписью самого Эриха Коха под заголовком: «Судебный президент страны убит». Дальше следовали угрозы…

Несмотря ни на что, никто из наших разведчиков не был задержан. Правда, военная контрразведка после похищения Ильгена задержала Лидию Лисовскую и подвергла допросу. Но Лисовская сразу же после похищения пошла на свидание к знакомому гестаповцу, который и подтвердил потом, что провел с ней чуть ли не весь день и вечер.

После вмешательства шефа СД Лидия была освобождена. Доказала свою непричастность к этому делу и Майя.

Так двадцать лет тому назад в «столице» оккупированной гитлеровцами Украины — Ровно замечательным советским человеком, разведчиком, Героем Советского Союза Николаем Ивановичем Кузнецовым и его товарищами был осуществлен дерзкий план чекистов.

План, в результате которого понесли заслуженное наказание два матерых гитлеровских палача. План, который потряс и привел в трепет всех оккупантов от рядового солдата до генералов и гауляйтеров…

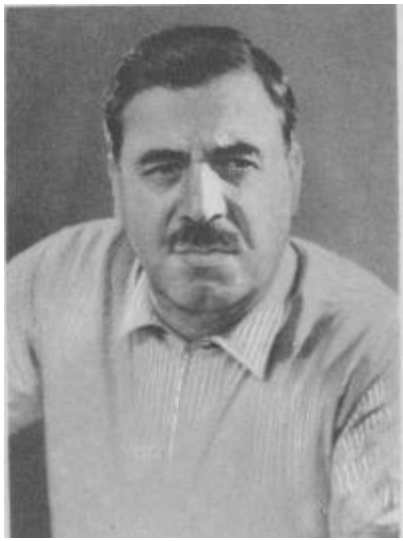
Фотографии

Азончик А. С.

Арефьев К. А.

Апивала С. П.

Артозеев Г. С.



Бакрадзе Д. И.

Банов И. Н.

Балицкий Г. в. (в центре) и его товарищи по партизанской борьбе Семянников В. Г. (слева) и Юдович С. М.

Бондаренко А. Д.

Бондаренко В. И.

Бориса Г. И.

Брайко П. Е.

Бумажков Т. П.

Бринский А. П.

Павловский Ф. И.

Партизаны в Клетнянском лесу (1942 год).

Буйко П. М.

Вершигора П. П. (1942 год).

Винокуров А. А. со своими сыновьями.

Войцехович В. А.

Галушкин Б. Л.

Григорьев Г. П.

Старорусские партизаны во главе с секретарем райкома партии С. М. Глебовым за разработкой боевой операции. Март 1942 года.

Герман А. В. (справа) и Гордин В. П. за разработкой операций.

Группа партизан. Впереди Грабчак А. М.

Герой «Молодой гвардии» Олег Кошевой

Герой «Молодой гвардии» Сергей Тюленин

Героиня «Молодой гвардии» Ульяна Громова

Героиня «Молодой гвардии» Любовь Шевцова

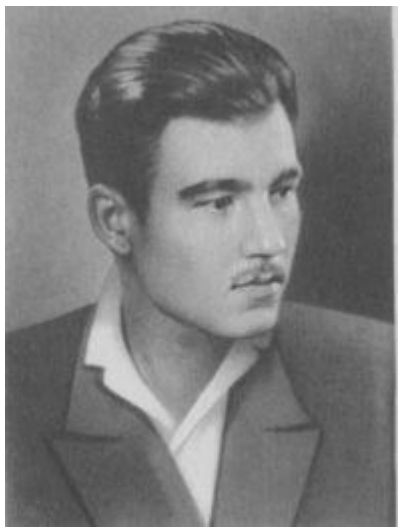
Героиня «Молодой гвардии» Иван Земнухов.

Гришин С. В. и его отец Владимир Николаевич.

Гуляев Д. Т.

Гурьянов М. А.

Командир группы подрывников Артозеев Г. С. беседует с молодыми партизанами (1943 год).



Гусейн–заде Мехти Ганифа оглы.

Данукалов Л. Ф

Дружинин В. Н.

Егоров А. С.

Егоров В. В.

Дубровский Ф. Ф.

Захаров К. К.

Заслонов К. С.

Збанацкий Г. О.

Заседание подпольного Волынского обкома КПУ. Слева направо: А. Федоров, Г. Балицкий, А. Михайлов, Я. Милейко, Н. Кудинов, Н. Николенко, А. Лысенко, Ф. Кравченко, В. Дружинин.

Зебницкий Н. В.

Зенькова Е. С.

Игнатов Г. П.

Зиновьев В. И.

Ижукин А. И.

Игнатов Е. П.

Исаченко А. Л.

Карицкий К. Д.

Клейн Р. А.

Клоков В. И.

Ковалев Ф. И.

Ковпак С. А. и Федоров А. Ф.

Группа девушек–партизанок, сражавшихся под командой Колесовой Е. Ф. (в центре). Верхний ряд (слева направо): Тамара Маханько, Маша Лаврентьева. Нина Суворова, Нина Шинкаренко; второй ряд: Зоя Суворова, Леля Колесова, Таня Лапина; внизу: Надя Белова и Зина Морозова.

Козлов В. И.

Копенкин И. О.

Васильев Н. Г.

Космодемьянская З. А.

Дмитриев Б. М.

Слева направо: Дружинин В. Н., Кравченко Ф. И. и Рванов Д. И.

Кузнецов Н. И.

Кривец А. Е.

Котик В. А.

Похороны партизана.

Партизаны 2–й Клетнянской бригады слушают приказ о выступлении на боевую операцию.

Партизаны отряда имени Суворова Минского соединения принимают присягу.

Партизаны отряда имени Черпака Брестского соединения слушают Москву.

Прием в партию на заседании Бегомльского подпольного райкома КП(б)Б.

Участники первой комсомольской конференции партизанской бригады Пинского соединения.

notes

Примечания

1

Отдельная мотострелковая бригада специального назначения; многие из омсбоновцев героически сражались в рядах партизан.

2

Мария Ивановна погибла в 1943 году в гитлеровском лагере смерти. В годы войны также погибли два брата Василия Ивановича: один в боях с врагом на фронте, второго фашисты расстреляли в родных местах.